

05
Б95

ВЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Библиотека Орловского Дома Красной Армии
№ 11. 1906
4446

39200
БИБЛИОТЕКА
Орловского Дома
Красной Армии

ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 11 НОЯБРЬ 1906

1906

ПРОВЕРЕНО
1933 г.

ПРОВЕРЕНО
1956

ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
1. „Группа народовольцевъ“ (1891—1894 гг.) М. С. Александрова	1
2. Движеніе семидесятихъ годовъ по Большому процессу. (Продолженіе). Старика	30
3. Революція 1848 года и Москва	73
4. Первое мая въ Россіи. (Продолженіе). В. П. Акимова-Махновца	78
5. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Е. С. Семяновскій —одинъ изъ первыхъ карийцевъ. С. Б. Богданова	100
6. Обвинительный актъ по процессу Е. С. Семяновскаго	119
7. Предсмертное письмо Е. С. Семяновскаго къ отцу	126
8. Продѣлки и поддѣлки властей	128
9. Въ Шлиссельбургской крѣпости (продолженіе). М. В. Новорусскаго	131
10. Семья декабристовъ. (Окончаніе). М. О. Гершензона	162
11. Между бывшимъ и настоящимъ	190
12. „Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“ (продолженіе). М. Н. Лемке	194
13. Процессъ 17 лицъ въ 1883 году (отрывокъ изъ воспоминаній) А. В. Прибылева	221
14. Изъ „обзора“ за 1882 годъ, составленнаго департаментомъ полиціи	244
15. Крестьянское движеніе въ Кутанеской губерніи (окончаніе) В. А. Старосельскаго	262
16. Карийская пѣсня, приписываемая Минакову. Н. А. Виташевскаго	279
17. М. Р. Гоць (памяти дорогаго друга). Л. Э. Шишко	283

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія „Энергія“, Загородный 17.

1906.

18. Афанасій Афанасьевич Спандони. (Некролог) **Н. Л. Геннера** 293
19. Историческая библиография: 1. *Г. Этель и В. Горохова*. Изъ исторіи студенческаго движѣнія.—2. Матеріалы по исторіи студенческаго движѣнія—**Сергія С. З. М. Лядова**. Исторія російской с.-д. рабочей партіи. **В. В. Португалова**. 4. **А. Цитронъ**. 72 дня перваго русскаго парламента. **В. Русина**. 5. *Н. Ростовская*. Потемкинскіе дни въ Одессѣ. 6. Рабочій ежегодникъ. **М. Ольминскаго**. 7. *Доболорій-Мокривичъ*. Воспоминанія **Д. П. Сильчешскаго** 307
20. Письма въ редакцію 330
21. Современная дѣтшесъ 331
22. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. (Дѣло о неправомерномъ поступкѣ Пушкина—28. Ученый Комитетъ и Вѣднскій. **Анатолія Кремлева**—159. Къ дѣлу **В. П. Засулчъ**—278. Къ биографіи **А. А. Бестужева-Марлинскаго**. **Б. Л. Модзалевскаго**—306). 346
23. Объявленія 346

Къ этой книгѣ приложены портреты: **П. Н. Войнаральскаго**, **Д. М. Рогачова**, **Е. С. Семяновскаго**, **М. О. Орлова** и (въ текстѣ) **А. А. Спандони**.

Редакція проситъ исправить опечатку, вкравшуюся въ передачу факсимиле подъ портретомъ **М. А. Бакунина** съ женой въ июльской книгѣ. Надпись подъ этимъ портретомъ нужно читать: „Съ нею увидитесь (а не увидяюсь) скоро—но со мною Богъ знаетъ гдѣ и когда—сердцемъ же будемъ всегда вмѣстѣ“. Портретъ съ такой надписью Бакунина дайте своимъ родственникамъ.

стр.

На 1907 годъ

открыта подписка на историческій журналъ „БЫЛОЕ“.

Журналъ—инъпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движѣнія—издается подъ редакціей **В. Я. Яковлева-Богучарскаго** и **П. Е. Щеголева** при ближайшемъ участіи **В. Л. Бурцева** по слѣдующей программѣ.

Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движѣнія въ Россіи.

Биографіи дѣятелей движѣнія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч. Документы и другіе матеріалы, касающіеся движѣнія.

Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движѣнія. Историческая библиографія.

Въ журналѣ помѣщаются—на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ—портреты дѣятелей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движѣнія.

Въ 10 книжкахъ „Былое“ за 1906 годъ были помѣщены, между прочимъ, слѣд. статьи: **В. П. Анимовъ-Махновецъ**—1-е мая въ Россіи. **М. А. Антоновичъ**—Арестъ Чернышевскаго. **М. Ю. Ашенбреннеръ**—Двадцать дѣтъ въ Шанс. тюрьмѣ и Военная организація пар. Нар. Воли. **В. Я. Богучарскій**—1-е марта—3 апрѣля 1881 года и Событіе 1 марта и **Н. К. Михайловскій**. **В. Л. Бурцевъ**—Сѣверно-русскій рабочий Союзъ. **И. П. Бѣлановскій**—Изъ воспоминаній о **А. И. Желябовѣ**. **А. И. Блановскій**—Изъ прошлаго. **П. И. Вейнбергъ**—4 апрѣля 1866 года. **Н. А. Виташевскій**—Первое вооруженное сопротивленіе, первый военный судъ и Централка. **И. И. Воловъ**—Народовъ пропалагандя среди москв. рабочихъ въ 1881 году. **М. О. Гершензонъ**—Къ характеристикѣ Чаадаева и Семья декабристовъ. **Герасимовъ**—Питомецъ воспитательнаго дома. **Дж. Гильовъ**—**М. А. Бакунина**. **М. Р. Гоцъ**—**С. В. Зубатовъ**. **Н. Л. Гейкеръ**—Политич. каторга на Карѣ. **Х. Г. Гринбергъ-Копъ**—Къ процессу Ковальскаго. **А. Я. Гуревичъ**—Народ. движ. въ Петербургѣ 9 января 1905 года. **И. С. Дмабадари**—Въ неволѣ. **М. П. Драгомановъ**—Автобиографія. Д—чъ—Арестъ Нецасва. **В. С. Ильичъ-Ситничъ**—Мое знакомство съ Ковальскимъ. **С. А. Ивановъ**—Изъ воспоминаній о 1881 г. и Возникновеніе и паденіе Дурноселовки. **С. А. Иванова-Борейша**—Воспоминанія о Перовской и Первая типографія Народной Воли. **М. В. Корольковъ**—Поручикъ Кречетовъ—шлсс. узникъ XVIII вѣка. **Ф. Я. Копъ**—У подножія вѣстлици. **М. Н. Ломовъ**—Дѣла бр. Критскихъ, Михайлова, Писарева, Чернышевскаго. **Серно-Соловьевича** и др. **О. С. Люботомичъ**—Далеко и Недалеко. **Н. А. Морозовъ**—Изъ Шанс. мотивовъ (стих.). **И. А. Манучаровъ**—Мой процессъ и Эпизодъ изъ

жизни въ Шлис. крѣп. **Маллцова-Дегаева**—Судейкинъ и Дегаевъ. **О. С. Минор**—Якутская драма 1889 г. **Н. Я. Николаде**—Освобождение Чернышевскаго. **М. В. Нооруевскій**—Въ Шлиссельб. крѣпости. **Надинъ**—Стрѣльцовскій процессъ. **Г. Ф. Осмоловскій**—Карийская трагедія. **М. Р. Поповъ**—Къ биографіи И. Н. Мышкина и Земля и Воля накануне Воронеж. съѣзда. **В. С. Парматовъ**—Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1881—1884 гг. **А. П. Прибылова-Норба**. **С. П. Дегаевъ**—По поводу письма Исп. К-та къ Александру III и Къ портрету Желябова. **Павоцій**—Польская партія „Пролетаріатъ“ и „Пролетаріатъ“ передъ судомъ. **З. Рала**—**С. Г. Нецаевъ**. **С. Ф. Руцова**—Мартынъ Лангастъ. **Н. Р.**—Событіе 1 марта и **Н. В. Шелгуновъ**. **В. И. Семеновскій**—Вопросъ о преобразованіи государства въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. **Н. Скаланскій**—Пестель предъ Верх. Угол. судомъ. **Д. В. Ставовъ**—Каракозовскій процессъ. **А. А. Спандон**—Страница изъ воспоминаній. **Л. С.**—Изъ воспоминаній студента-солдата. **С. А. Савинкова**—Годы скорби. **С. С. Сингуръ**—Воспоминанія чкаловца. **В. А. Старосельскій**—Крестническое движеніе въ Кутаисской губерніи. **Станицъ**—Движеніе 70-хъ годовъ по Большому процессу (193-хъ). **М. Н. Тригорна**—Моя арестъ въ 1881 году и Послѣ Шлиссельбурга. **Е. В. Тарле**—Самодержавіе Николая I-го и франц. обществ. мнѣніе. **Н. А. Тавъ**—Коронація въ Колымскѣ. **А. В. Тирновъ**—Къ событію 1 марта 1881 года. **М. Ф. Фроленко**—Милость и Побѣга Алеші Поповича. **В. Н. Фигнеръ**—Шлиссельб. узница **Л. А. Волкенштейнъ**. **А. Р. Хирьяковъ**—Событіе 1 марта и **Л. Н. Толстой**. **М. Н. Чернышевскій**—Къ дѣлу **Н. Г. Чернышевскаго**. **П. Е. Щеголевъ**—**П. Г. Каховскій**, **Сем. Олейничукъ**, Событіе 1 марта и **В. С. Соловьевъ**. Эпизодъ изъ жизни **Бѣлинскаго**. **В. Е. Якушанинъ**—Изъ бумажекъ декабриста Якушина.

Кромѣ того были помѣщены незаданныя произведенія Герцена, Шевченко, Лермонтова, Никитина, Огарева, Подиванова, Саблина и др. Письма Чернышевскаго, Тургенева, Салтыкова, Бакунина, Петрашевскаго, Желябова, Зотова, Гаусмана, Коганъ-Бернштейна и мн. др.; Матеріалы (между прочимъ отчеты о процессахъ 20-ти и 17 народовольцевъ), рѣдчайшія революціонныя изданія и др. документа, характеризующіе освободительное движеніе.

Въ 1907 году многія многими другими статьи будутъ напечатаны: **М. Ю. Ашенбренеръ**—Воспоминанія (60-ые и 70-ые годы); **А. Бакъ**—Воспоминанія народовольца; **В. Я. Богучарскій**—Декабристъ **М. С. Луинскій**; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **И. П. Бѣлоноскій**—Земское движеніе до образованія „Союза Освобожденія“; **В. А. Вейнштокъ**—Ахатурской рудникъ; **М. О. Гершензонъ**—Западные друзья Герцена; **В. А. Дамьяновъ**—Изъ воспоминаній; **С. А. Жебунинъ**—Изъ воспоминаній; **А. И. Иванчинъ-Писаревъ**—Побѣга князя Бропоткина; **Н. И. Юрданскій**—Миссія **П. С. Ванновскаго**; **Кафиро**—Воспоминанія; **Новленко**—11 дней на „Потемкинѣ“; **Платовъ Лебедевъ**—Красные дни въ Нижнемъ Новгородѣ; **М. И. Лемке**—Процессы **Митрофана Муравскаго**, **Сунгурова**, **Блюмера**, **Головина**, **кн. Долгорукова** и др. (по незаданнымъ архивнымъ даннымъ); **Е. Е. Лазаревъ**—Гавайскій сенаторъ; **А. О. Лушачевскій**—Въ роддѣ; **І. Д. Лушачевскій**—Дѣло 1 марта 1887 года; **И. А. Манузаровъ**—Изъ Шлиссельбурга на Сахалинѣ; **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній; **П. Н. Перевертѣвъ**—Экспедиція генерала **Ревенкампа**; **М. Р. Поповъ**—Изъ моего революціоннаго прошлаго; **А. С. Пругавинъ**—Декабристъ въ монаст. тюрьмѣ **Л. Ф. Пантилевъ**—Дѣла давно миновавшихъ дней (арестъ, ссылка и пр.); **З. Рала**—Изъ воспоминаній о Драгомановѣ и Бакунинѣ; **И. А. Рубановскій**—Дѣло Гоца въ Италіи и Савицкаго во Франціи; **С. А. Савинкова**—Изъ воспоминаній; **С. Г. Сватковскій**—Очерки по исторіи студенческаго движенія; **В. И. Семеновскій**—Безпорядки въ л-тв. Семеновскомъ

подку въ 1820 году; **Е. П. Семеновъ**. Народовольческіе кружки въ Одессѣ; **З. А. Сербриновъ**—Революционеры во флотѣ; **Н. П. Стародворскій**—Дегаевъ и Судейкинъ. Изъ воспоминаній; **Е. В. Тарле**—Каннингъ и Николай Тургеневъ и Герценъ и газета „Прудонъ“; **Н. А. Тавъ**—Послѣдній періодъ „Народной Воли“; **М. Ф. Фроленко**—Воспоминанія о Воронежскомъ и Липецкомъ съѣздахъ; **Л. Ш.** Страница изъ исторіи идейныхъ теченій въ „Народной Воли“; **П. Е. Щеголевъ**—Агітаціонная литература декабристовъ и Конецъ императора Павла (историческое разсѣлованіе); **Ф. Л. Ястрембскій**—Записки петрашевца; **Записки императора Николая I** 14 декабря, незаданныя произведенія **А. И. Герцена** и др.

Будутъ напечатаны также: „Сводъ указаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о госуд. преступленіяхъ“ (полностью); Докладъ (официальный) о дѣлѣ **В. И. Засулича**; Разгромъ тверскаго земства (извлеченіе изъ доклада г-на Штюрмера); Къ исторіи русской „конституціи“ (официальные матеріалы и документа); Обзоръ по дѣламъ политическимъ за разные годы (изъ изданій д-та полиціи); Отчеты о процессахъ, не бывшіе въ печати (дѣло 1 марта 1887 г., военныхъ кружковъ 1887 и др.); рѣдчайшія революціонныя изданія, письма разныхъ общественныхъ дѣятелей, документа и очерки по исторіи освободительнаго движенія послѣднихъ двухъ лѣтъ, и т. д.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—8 руб.; на 1/2 года (съ 1 янв. по 1 июля)—4 руб.; на 1/4 года (съ 1 янв. по 1 апр.)—2 руб. Переѣма адреса—30 коп. (При переѣмѣ адреса контора проситъ подписчиковъ сообщать старій адресъ, внесенную сумму и срокъ подписки). Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—1 руб., для покупающихъ въ конторѣ—85 коп., для выписывающихъ изъ конторы—1 р. 10 коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльныя книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—(ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—**С. Петербургъ**, Лиговская ул., 44 и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“—въ **Москвѣ** (Срѣтенка, Ашеуловъ переулокъ, 13), **Кіевѣ** (Крещатикъ, 27), **Ростовѣ** на Д. (Казанская, 42) и **Одессѣ** (Колодезній пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интереса заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое“ проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способъ подписки годовою экз. журн. будетъ, стоить только 8 р. 50 к. вмѣсто тепереш. 10 р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., причемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакция помѣщается въ **С. Петербургѣ** на Знаменской ул. д. 19. Личныя объясненія съ редакторами—по понед., вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы | **В. Я. Богучарскій**,
| **П. Е. Щеголевъ**.

Издатель **Н. Е. Парановъ**.

ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“
Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул. д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7. Въ нихъ помѣщены:

- 1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). **ТОМЪ ПЕРВЫЙ**. 1825—1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- 2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Цѣна 75 к.
- 3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакцію и съ примѣчаніями В. Л. Бурцева. Цѣна 60 к.
- 4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціей В. Л. Бурцева. Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ предисловіемъ В. Я. Богучарскаго. Цѣна 50 к.
- 5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакцію В. Л. Бурцева. Выпускъ 2-й. Цѣна 50 к.
- 6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ**. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). (1877 г. Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.). Цѣна 1 р.
- 7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сборникъ подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). **ТОМЪ ТРЕТІЙ**. (1877 г. Процессъ 193-хъ и др.). Цѣна 1 руб.

Печатаются:

- 8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“. **ВТОРОЕ** приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).
 - 9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“, подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Выпускъ первый.
 - 10) Тоже самое. Выпускъ второй.
 - 11) Убіеніе императора Павла. (Разсказы современниковъ).
 - 12) Пестель, его жизнь и дѣятельность. Биографическій очеркъ.
- Н. П. Сильванскаго.**
- 13) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ В. Я. Богучарскаго.
 - 14) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для биографіи. Съ предисловіемъ В. Л. Бурцева.
 - 15) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская (матеріалы для биографіи). Съ предисловіемъ В. Л. Бурцева.
- Лица, подписавшіяся на „Государственныя преступленія въ Россіи“ на условіяхъ, объявленныхъ въ декабрь 1905 года, получать за внесенную ими плату **первый, второй и третій** тома „Государств. преступленій“ и три тома приложенийъ къ нимъ. („Матер. для исторіи револ. движенія въ 60-хъ годахъ“, „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ и „Литература партіи Народной Воли“). Всего шесть томовъ.

Всѣ остальные изданія „Русской исторической Библиотекы“ приобрѣ-

Дмитрій Михайлович
РОГАЧЕВЪ.

„Группа народovolъцевъ“.

(1891—1894 г.г.).

1.

Общее положеніе.

Нынѣшняя молодежь врядъ ли знаетъ, сколько презрительнаго смысла вкладывалось лѣтъ десять тому назадъ въ слово «восьмидесятникъ»,—то есть человѣкъ восьмидесятыхъ годовъ. Заслуженное презрѣніе! Конецъ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго вѣка—одинъ изъ самыхъ мрачныхъ, самыхъ, казалось, безнадежныхъ и безотраднѣхъ периодовъ новѣйшей русской исторіи. И всетаки находились люди, довольные своей эпохой, довольные самими собою, возглашавшіе съ гордостью: «шире дорогу, восьмидесятникъ идетъ!»

Восьмидесятникъ пришелъ не сразу. На почвѣ разложенія народническаго міросозерцанія и паденія народovolъческой революціонной организаціи возникали разнаго рода убогія и одностороннія теченія. Въ революціонномъ лагерѣ на мѣсто цѣльной, хотя и ошибочной, народovolъческой программы стали пользоваться признаніемъ въ разныхъ кружкахъ исключительно отдѣльные кусочки программы: появились чистые террористы; создались группы, признававшія только военные заговоры или только роль либеральнаго «общества» (Протопоповъ восклицалъ: «все для народа, ничто по средству въ народа!»). Явились даже проповѣдники исключительно возстанія съ самозванцемъ (въ родѣ Пугачева) во главѣ.

Революціонныя задачи мельчали, типъ революціонера вырождался. Помню прямо удручающее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ чтенія прокламаціи «общества десятикопѣечниковъ», образовавшагося въ Петербургѣ. Они завели собственную тайную типографію. Съ огромнымъ рискомъ для себя, въ моментъ сильнѣйшихъ цензур-

ныхъ гоненій, основатели общества выпускаютъ листокъ, въ которомъ объясняютъ торжество реакціи отсутствіемъ денегъ у революціонеровъ и приглашаютъ создать широкую организацию для взноса по 10 копѣекъ въ мѣсяцъ съ каждаго члена! (Зима 1884—1885 г.г.).

Чистые террористы сгруппировались вокругъ Александра Ильича Ульянова. Судя по личнымъ воспоминаніямъ, могу сказать, что террористическое настроеніе этихъ лѣтъ не можетъ быть названо иначе, какъ настроеніемъ отчаянія. Идея террора носилась въ воздухѣ, смыслъ его резюмировался словами: «лучше погибнуть на эшафотѣ, чѣмъ влечить нынѣшнее существованіе. Авошь хоть наша смерть встряхнетъ общество». Кружокъ Ульянова окончилъ существованіе въ мартѣ 1887 года. Говорили—и судя по многимъ признакамъ, говорили справедливо,—что полиція была съ самаго начала прекрасно освѣдомлена о дѣлахъ кружка; тѣмъ не менѣе она допустила, чтобы трое студентовъ вышли 1 марта на Невскій проспектъ съ разрывными снарядами. Здѣсь ихъ арестовали. Въ результатѣ пятеро (Ульяновъ, Шевыревъ, Осипановъ, Андреюшкинъ и Генераловъ) были повѣшены, многие осуждены на каторгу,—въ томъ числѣ Новорусскій и Лукашевичъ, вышедшіе изъ Шанселебургъ въ октябрѣ 1905 года.

Возникшее на развалинахъ народовольчества единственно жизнненное социаль-демократическое теченіе не пользовалось большимъ успѣхомъ. Гораздо болѣе широкимъ потокомъ разлилось по всей Россіи толстовство, «боевымъ» лозунгомъ котораго было непротивленіе злу насиліемъ. Рядомъ съ этимъ пріобрѣтаетъ все болѣшій успѣхъ, если можно такъ выразиться, государственное народничество: надежда на осуществленіе народническихъ пожеланій переносится съ интеллигенціи на самодержавное правительство. Приклонскій, популярный одно время писатель, горячо доказывалъ, что министры быстрѣе и лучше, чѣмъ кто бы то ни было, способны проводить реформы на благо народа (крестьянскій банкъ, фабричная инспекція и т. под.).

Само собой разумѣется, что все это разложеніе и измельчаніе не могло не отразиться на печати того времени. Много говорить о ней я не стану, укажу только одинъ-два факта.

Въ «литературно-политическомъ» ежемѣсячномъ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» появилась статья профессора Фортунатова подъ заглавіемъ: «Къ вопросу объ откармливаніи скота зимой въ нечерноземныхъ губерніяхъ». Въ высшей степени характерная для того времени статья! Забудьте: рѣчь идетъ не о скотоводствѣ вообще, даже не объ откармливаніи скота вообще, а только объ откармливаніи его въ нечерноземныхъ губерніяхъ, только зимой! Но и такой вопросъ въ цѣломъ показался профессору слишкомъ большимъ,—онъ пишетъ только «къ вопросу» и имѣетъ смѣлость посылать статью въ литературно-политическій ежемѣсячникъ, а редакция журнала проявила достаточно безаботности, чтобы преподнести такую статью своимъ читателямъ. Кажется, трудно ити

дальше по пути разложенія и измельчанія въ области «литературно-политическихъ» вопросовъ.

А вотъ образецъ изъ области этической.

Въ 1889 году въ Карійской каторжной тюрьмѣ политическая заключенная Надежда Константиновна Сигида дала пощечину смотрителю. Личныхъ мотивовъ у нея не было,—она хотѣла своею смертию добыть облегченіе для товарищей по заключенію. Русскіе чиновники дѣйствительно предали смерти героическую женщину,—но смерти совсѣтъ особаго рода. Генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ отдалъ приказъ съѣчь Надежду Константиновну. Палачи исполнили приказаніе человека-звѣря, и въ тотъ же день Сигида скончалась,—по увѣренію врачей отъ разрыва сердца.

Случай этотъ своей чудовищною жестокостію выдѣлялся даже на фонѣ того жестокаго времени; онъ надѣлалъ порядочнаго шума заграницей. Вскорѣ вышелъ законъ, отнявшій тѣлесное наказаніе для женщинъ, осужденныхъ на каторгу.

Теперь слушайте дальше.

Сотрудникъ «Русскаго Богатства» Южаковъ поѣхалъ на постройку Южно-Уссурийской желѣзной дороги. Вскорѣ онъ выпустилъ книжку путевыхъ впечатлѣній: «Доброволецъ. Петербургъ. Дважды вокругъ Азіи». Въ ней мы встрѣчаемъ горячую апологію строителя уссурийской желѣзной дороги инженера Урсати, будто бы пострадавшаго за правду. А какой хорошей человекъ былъ Урсати и какъ высоко цѣнилъ его начальство,—Южаковъ иллюстрируетъ тѣмъ фактомъ, что баронъ Корфъ при встрѣчѣ подѣловалъ Урсати. Южаковъ, когда писалъ свою книгу, не могъ не знать о случаѣ съ Сигидой...

И вотъ на фонѣ общаго разложенія и измельчанія, явились люди, провозгласившіе себя идеологами своей эпохи, гордо называвшіе себя восьмидесятниками! Это—проводники малыхъ дѣлъ, старательно отмѣчавшіе «свѣтлыя явленія» русской жизни: тамъ то открылась новая народная школа, такой то купецъ завѣщалъ столько то на богадѣльню, и тому подобное.

Справедливость требуетъ сказать, что и культъ малыхъ дѣлъ, и проповѣдь непротавленія злу встрѣчались довольно энергичной отпоръ со стороны элигоновъ умирающей эпохи: Шелгунова и Михайловскаго. Въ кругахъ сколько-нибудь осмысленной интеллигенціи слово «восьмидесятникъ» почти тотчасъ стало ругательнымъ словомъ, а споры съ послѣдователями Льва Толстого какъ то сразу прекратились къ зимѣ 1890—91 года, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ. Бѣда была всетаки въ томъ, что кругъ людей, которыхъ можно хоть съ натяжкой назвать интеллигентными, сократился до невѣроятно узкихъ предѣловъ; да и въ этихъ кругахъ преобладало такъ называемое культурническое теченіе. Лозунгъ культурниковъ можно резюмировать кратко: исполняй честно свои профессиональныя обязанности, не выходи изъ рамокъ закона, но отъ благотворительной дѣятельности съ дозволенія начальства (школы, столовой) не отказывайся. Само собой разумѣется, что

вы тщетно стали бы искать у культурников политического смысла, а темъ меньше—политической программы. Честно decir, не веро- вать при постройкѣ мостовъ,—даже проповѣдь такой «программы» свидѣтельствовала объ интеллигентности выше средней.

Для характеристики общаго уровня учащейся молодежи раз- скажу эпизодъ, близко мнѣ извѣстный. Случилось это въ Петер- бургѣ зимой 1891—2 учебного года.

Студентъ-технологъ Ник. собрался на Рождество въ Воронежъ; одинъ изъ членовъ воронежскаго землячества передалъ ему письмо, въ которомъ дѣлился съ воронежскимъ товарищемъ петербургскими новостями. По возвращеніи изъ Воронежа Ник. обратился къ сво- имъ товарищамъ-студентамъ съ заявленіемъ слѣдующаго содержанія.

— Получивъ для передачи письмо, я вскрылъ конвертъ и уви- дѣлъ, что письмо носитъ политически-компрометирующий харак- теръ. Я отправился съ нимъ къ судебному слѣдователю, потому къ знакомому мировому судѣю, но они посоветовали мнѣ сжечь письмо, что я и сдѣлалъ. Теперь я поднимаю вопросъ: терпѣть ли въ землячествахъ человѣкъ, который могъ послать такое письмо?

Нашлось во всемъ землячествѣ 4—5 человѣкъ, которые въ отвѣтъ поставили вопросъ: терпѣть ли въ землячествахъ человѣкъ, распечатывающій чужія письма? Землячество отвѣтило, что не счита- етъ себя въ правѣ входить въ оцѣнку нравственнаго поведения членовъ. О гнусности попытки доноса даже рѣчи не могло подни- таться, — поставить такъ вопросъ значило бы заранѣе оправдать доносчика.

На студенческихъ вечеринкахъ самой популярной пѣсней была безсмысленная «У пола была собака». Повню уручающее впечат- лѣніе, которое произвела на меня «незаконная» вечеринка подъ новый 1891 годъ. Какой-то студентъ произнесъ рѣчь, въ которой горячо развивалъ тезисъ: «Если ты врачъ, то будь прежде всего врачомъ, если инженеръ—то прежде всего будь хорошимъ инженеромъ!» Оратору горячо аплодировали. Высшіе женскіе курсы были преобразованы, получили въ директора нѣкоего Кулина и были прозваны кулинарными. Курсистки устраивали вечера, закрытые для мужчинъ, и проводили эти вечера въ танцахъ. Ходило много разсказовъ о новомъ поколѣніи студентовъ, будъ ихъ колоссально- новое нѣвѣжество. Забѣлалось новое явленіе: студенты проходили университетскій курсъ съ «репетиторами».

Какъ я уже упоминалъ, литература измѣнилась до невозмож- ности. Кажется, въ ту эпоху не выдвинулось вообще ни одной новой литературной силы. Въ частности среди социаль-демократовъ дѣло обстояло не лучше. Мартовъ, Ленинъ, Старовъ, Вл. И.—нѣ (Владимиръ Павловичъ Иванъшинъ) и другіе были еще юношамъ- студентами. Горькій, Андреевъ выдвинулись позже. И теперь всѣмъ, знающимъ социаль-демократическую среду, можетъ замѣтны рѣзкій возрастной скачекъ отъ бывшихъ членовъ Группы Освобожденія Труда къ прочимъ соредакторамъ старой Искры, редакторамъ Ра- бочаго Дѣла, Борьбы и т. под.

Почва для политической агитации отсутствовала. Обрушившись съ гонимымъ на политическихъ враговъ и противниковъ, прави- тельство предприняло рядъ «либеральныхъ» мѣръ: отмену соль- ного налога и подушной подати, учрежденіе фабричной инспекціи и крестьянскаго банка и т. под. Налоги, правда, росли, но бюджеты быль приведены въ равновѣсѣ, даже съ избыткомъ прихода надъ расходами. Во внѣшней политикѣ успѣхъ слѣдовала за успѣхомъ, и дѣло завершилось франко-русскимъ союзомъ.

Публицистика отсутствовала. Суррогатомъ ея пытались сдѣлать статистику. Вычисленіе вольно-экономическаго общества, правда, показало чудовищный фактъ, что сборъ хлѣба въ Россіи идетъ въ среднемъ 1,6 фунта въ день на человѣка. Но на однихъ статисти- ческихъ вычисленіяхъ не далеко уйдешь въ дѣлѣ агитации. При такихъ условіяхъ всякая попытка осуществить планы широкой политической организации была обречена на неудачу. Это и пока- заль опытъ такъ называемой Сабунаевской организации.

Бѣжавшій изъ Восточной Сибири народолюбецъ Сабунаевъ съ вернувшимся изъ Сибири наборщикомъ Трофимовымъ¹⁾, Вас. Сем. Гу- севымъ и нѣкоторыми другими устроилъ съѣздъ на Волгѣ. Рѣшили воз- становить партію Народной Воли. Въ организацию вошли: 1) Мо- сковскій кружокъ: Аносовъ, Яблочковъ, Каратыгинъ (умеръ въ Крестахъ) и другіе; 2) Ярославскій кружокъ (Левъ Граціановичъ Осинскій умеръ въ Крестахъ); 3) Костромскій кружокъ, главнымъ образомъ семинаристовъ; 4) въ Казани кружокъ Трофимова; 5) въ Саратовѣ Анатолій Владимировичъ Сазоновъ, только что верну- шійся изъ Березова; 6) въ Воронежѣ кружокъ Петра Павловича Мануйлова, товарища Сазонова по съѣздъ²⁾. Были, кажется еще кружки или связи въ Нижнемъ Новгородѣ, Самарѣ, Астрахани, Казани и нѣк. другихъ городахъ.

Не успѣла еще ничѣмъ проявить себя новая организациа, какъ въ ней начался разладъ. Поводъ далъ Гусевъ. На поволжскомъ съѣздѣ онъ былъ проѣздомъ изъ Сибири. Проходное свидѣтельство имѣлъ въ Петрозаводскѣ. Проѣзжая черезъ Петербургъ, онъ про- сился здѣсь по этому свидѣтельству. Полиція потребовала не- медленного выѣзда. Но онъ успѣлъ войти въ сношенія съ круж- комъ петербургскихъ народолюбцевъ (Истоминъ, Фойницкій, Бѣ- лыевъ, Кочаровскій и др.). Вдругъ полиція замѣняетъ требованіе о выѣздѣ Гусева подпиской о немѣздѣ изъ Петербурга. Гусевъ былъ въ восторгѣ. Сабунаевъ, напротивъ, рѣшилъ, что перемѣна пове-

¹⁾ Былъ арестованъ по дѣлу типографіи на Рискасъ просекѣ въ Петербургѣ. Послѣ ссылки былъ въ Казани, затѣмъ перешелъ на невольничье положеніе. Вновь арестованъ въ Паркѣ, умеръ отъ тифа въ Иркутской тюрьмѣ, по пути въ новую ссылку.

²⁾ Перебывалъ съ 70-хъ годовъ въ нѣсколькихъ университетахъ, всюду былъ рѣшительнъ политическимъ приверженцемъ. Въ Березовѣ попалъ въ Норвежскому дѣлу. Въ 1890 г. арестованъ, отбылъ около двухъ лѣтъ въ кресты въ въ Крестахъ. Въ 1894 вновь арестованъ въ связи съ дѣломъ «Народнаго Права». Умеръ въ Тамбовѣ.

дения полиции объясняется тем, что Гусев попал в провокаторская дани; он потребовал, в интересах безопасности организации, чтобы Гусев немедленно покинул Петербург и разошелся с террористами. Гусев отказался, — и этим было положено начало распаденю организации.

Повидимому, предположение Сабунаева о наличии провокации в петербургском кружке террористов было справедливо. Весной 1890 г. кружок провалился, а попутно были арестованы Мануйлов в Воронежѣ, Сазонов в Саратовѣ и нѣк. другія лица, уже нѣсколько мѣсяцевъ раньше порвашия связи съ Гусевымъ и вовсе не вступающія въ сношения съ петербуржцами.

Въ течение 1890 г. шли аресты, закончившіеся (кажется въ декабрь) арестомъ Сабунаева въ Костромѣ. Организация безслѣдно исчезла. Кажется, это была послѣдняя, сколько-нибудь крупная народофильская организация. Безслѣдность ея исчезновения объясняется отсутствіемъ въ то время почвы для политической агитации.

Характерно, между прочимъ, что въ памяти у меня не осталось ни одного случая принципиальнаго обсуждения вопросовъ въ этой организации. Программа и тактика казались вполне ясными и законченными, — продолжать дѣло Народной Воли. Молчаливо предполагалось, что никакого пересмотра принциповъ не требуется.

Между прочимъ, стоитъ отмѣтить, что въ рукахъ Воронежскаго кружка была легальная типографія въ одномъ уѣздномъ городѣ. Съ вѣдомъ хозяина наборщиковъ въ нее поступилъ нелегальный Профимовъ. Онъ успѣлъ отпечатать только программу Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли, безъ всякихъ изменений. Типографія эта никогда не была обнаружена полиціей, но перестала печатать нелегальныя изданія за распаденіемъ организации.

II.

Среди рабочихъ.

Еще до своего перваго ареста въ декабрь 1885 года я имѣлъ два кружка петербургскихъ рабочихъ: кружокъ наборщиковъ, полученный отъ только что образовавшейся социалъ-демократической группы (т. наз. Благоевской), и кружокъ на заводѣ Берда (Франко-русскій), полученный отъ «Союза молодежи партіи Народной Воли».

Въ 1890 году мнѣ удалось, по возвращеніи въ Петербургъ, очень скоро отыскать представителей обоихъ кружковъ.

Наборщикъ, съ которымъ я возобновилъ знакомство, растерялъ къ этому времени всѣ свои связи. Онъ не былъ ни разу въ рукахъ полиціи, хотя сохранилъ отъ 70-хъ годовъ ¹⁾ революціонныя

¹⁾ Онъ былъ распространявшимъ Жариковымъ, который впоследствии сталъ предателемъ и былъ убитъ за выданіе типографіи Чернаго Паридіа въ Петербургѣ.

убѣжденія и продолжалъ группировать вокругъ себя рабочую молодежь. Въ то же время онъ оказывалъ существенныя услуги въ дѣлѣ постановки типографіи Группы Народолюбцевъ. Назвать его имя я пока не считаю удобнымъ, хотя по своимъ услугамъ революціонному дѣлу и по своей вѣрности убѣжденіямъ онъ вполне заслуживаетъ быть упомянутымъ въ исторіи петербургскаго рабочаго движенія. Замѣчу еще, что онъ не сталъ социалъдемократомъ, хотя и былъ организаторомъ того кружка, который занимался подъ руководствомъ Благоевской группы.

Изъ числа членовъ бывшаго народофильскаго кружка на заводѣ Берда я возобновилъ знакомство съ Гаврииломъ Александровичемъ Мефодіевымъ. Въ это время (осень 1890) онъ работалъ въ мастерскихъ Варшавской желѣзной дороги и былъ членомъ социалъ-демократической рабочей организации. Изъ того же кружка былъ въ той же организации старикъ Крутовъ, но съ нимъ мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось возобновить знакомства.

Возвращусь на минуту къ Благоевской группѣ. Съ самаго своего появленія она обособилась отъ народофильскихъ кружковъ принципиально и организационно. Но фактическое обособленіе въ работѣ было еще не проведено. Только этимъ, да разлѣкъ еще недостаткомъ интеллигентскихъ силъ, и можно объяснить передачу кружка наборщиковъ мнѣ, не скрывавшему своего тяготѣнія къ народофильству. Были и другіе подобныя случаи, — напримеръ, съ Семеновъ Орловымъ (застрѣлился въ Орлѣ). Мнѣ только однажды случилось быть на официальномъ собраніи лицъ, которые под руководствомъ группы вели занятія съ рабочими. Изъ этого собранія помню только, что поднимался вопросъ объ объединеніи всѣхъ рабочихъ черезъ рабочихъ же представителей кружковъ, то есть объ образованіи центрального, практическаго рабочаго кружка. Вопросъ, помнится, былъ рѣшенъ отрицательно по характерной для того времени причинѣ: рабочіе сами отказались, изъ консервативныхъ соображеній, отъ непосредственнаго общенія между кружками разныхъ заводовъ.

Какъ шло въ дальнейшемъ рѣшеніе этого вопроса, — не знаю. Но фактъ тотъ, что въ 1890 центральный кружокъ уже существовалъ. Городъ былъ разбитъ на районы. Отъ каждаго района въ центрѣ былъ одинъ представитель. Онъ не избирался райономъ, а назначался самимъ центральнымъ кружкомъ изъ числа рабочихъ даннаго района и затѣмъ, выражая нынѣшнимъ жаргономъ, кооптировался.

Изъ рабочихъ, игравшихъ видную роль въ это время, кромѣ Мефодіева, могу назвать слѣдующихъ лицъ.

Николай Богдановъ и Александръ Филимоновъ — Неслара. Они были вскорѣ арестованы на картонной фабрикѣ за Невскою заставою. Потомъ жили въ Воронежѣ. Богдановъ былъ послѣ того еще разъ арестованъ, — послѣдній разъ кажется въ январѣ 1906 года въ Воронежѣ. Также не разъ подвергался арестамъ Петръ Морозовъ (умеръ въ Екатеринбургской тюрьмѣ). Дальше — князь Федоръ Афа-

насьев, убитый черносотенцами в «дни свободы» в Ивановь-Вознесенск. Наконец, видимым членом центра был кузнец из Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг Егорь Афанасьевич Афанасьев, он же Климанов. Он был арестован, если не ошибаюсь, в 1891 году по делу Бруснева, отбыл ссылку, сильно бдствовал послѣ ссылки (в Ревель, Одессѣ), наконец пристроился в Керчи. В дни «свободы» онъ постоянно выступал ораторомъ на митингахъ, за что и сосланъ въ Вологодскую губернию: скоро по прибытіи въ ссылку скрылся.

Вообще рабочая среда богата идейными борцами, которые в течение десятковъ лѣтъ, «отъ колыбели до могилы», не теряютъ энергіи. Священная обязанность партіи рабочего класса — хранить въ памяти имена этихъ неутомимыхъ борцовъ и публиковать при первой возможности свѣдѣнія объ ихъ благородной дѣятельности.

Возвращаясь къ организации петербургскаго рабочего центра. Кромѣ представителей районовъ въ кружокъ входилъ одинъ (ни въ какомъ случаѣ не болѣе) представитель интеллигенціи. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, такимъ представителемъ былъ кончающій технологъ Михаилъ Ивановичъ Брусневъ, социаль-демократъ. Вообще, вся организация работала подл руководствомъ социаль-демократической интеллигенціи. Въ 1891 году Брусневъ окончилъ курсъ и уѣзжая изъ Петербурга, — странное дѣло! — ввелъ въ центральный кружокъ меня, народовольца, какъ представителя отъ интеллигенціи. До сихъ поръ не знаю, чѣмъ объяснить это: то ли «всѣхъ господа раздѣхали на дачу», — то ли онъ замѣтилъ то, чего я самъ не замѣчалъ еще, — мою принципиальную близость къ социаль-демократіи. Я «представительствовалъ» нѣсколько мѣсяцевъ, оставаясь въ сторонѣ отъ социаль-демократической интеллигенціи и вообще не будучи членомъ какой бы то ни было организации. Затѣмъ сблизился съ технологомъ социаль-демократомъ N, членомъ интеллигентской организации, очень энергичнымъ и толковымъ работникомъ. Увидавъ, что этотъ человекъ отдастъ всѣ свои силы рабочему дѣлу, я предложилъ ему замѣнить меня въ центральномъ кружкѣ. Я считалъ, что онъ болѣе меня имѣетъ право быть тамъ представителемъ интеллигенціи.

При мнѣ и по моей рекомендаціи была приглашена въ центральный кружокъ, въ качествѣ представительницы Выборгскаго района, швея Наталья Александровна Григорьева, выделявшаяся своею энергіей. Въ 1894 году она была арестована и сослана въ Восточную Сибирь. Въ 1905 году я встрѣтилъ ея имя въ спискѣ сидѣвшихъ въ Одесской тюрьмѣ. Интересно было бы знать ея дальнѣйшую судьбу.

Касса центрального кружка пополнялась главнымъ образомъ взносами самихъ рабочихъ. Въ то время числилось въ ней нѣсколько сотъ рублей, но изъ этой суммы около 600 р. были изыты въ заѣмъ интеллигентами на издание (не доведенное до конца) типографскимъ способомъ Протоколовъ Парижскаго Конгресса. Деньги эти, кажется, такъ и не были возвращены рабочимъ.

Въ литературѣ, подходящей для пропаганды, ощущался сильнѣйшій недостатокъ. По старой памяти брошюровались въ синюю обложку статьи изъ журналовъ, — это велось съ начала 80-хъ годовъ. Говорили, что рабочие изъ массы не охотно берутъ эти брошюры, объявляя ихъ на основаніи знакомой обложки «пашковскими». (Пашковцы — секта, основанная полковникомъ Пашковымъ и служившая темой многихъ разговоровъ въ рабочихъ слухахъ Петербурга). Былъ въ Петербургѣ кажется единственный экземпляръ изданной на югъ нелегальной брошюры «Борьба общественныхъ силъ». Авторомъ этой брошюры былъ Богоразъ (извѣстный мнѣ писатель Танъ). По ироніи судьбы или по отсутствію болѣе подходящей литературы, петербургскіе социаль-демократы брали эту брошюру за основу занятій въ наиболее сознательныхъ рабочихъ кружкахъ, сдѣлавши лишь предварительныя замѣтки и кое-что выбросивъ изъ брошюры. Уже позже были получены брошюры Группы Освобожденія Труда и очень плохо изданная (по слухамъ въ Казани) брошюра Дикштейна «Кто чѣмъ живетъ» (кажется съ передѣлками).

Я уже упоминалъ, до какой степени наденія дошла въ то время интеллигенція. Лишь, даже изъ студенчества, готовыхъ сколько-нибудь служить рабочему дѣлу, нужно было считать единицами. Въ то время какъ въ началѣ 80-хъ годовъ, по общему правилу, не хватало рабочихъ кружковъ, чтобы занять всѣхъ интеллигентовъ, теперь наблюдалось какъ разъ обратное явленіе. Точно передъ глухой стѣной стояли люди, которые пытались увеличить притокъ интеллигентскихъ силъ. Поэтому мнѣ довольно страннымъ показались рассказы Акимова ¹⁾ о томъ, какъ онъ или его товарищи искали связей съ рабочими.

Въ это время на немногочисленныхъ петербургскихъ социаль-демократовъ произвела сильнѣйшее впечатлѣніе статья Вѣры Засудичъ въ журналѣ или сборникѣ Социаль-Демократъ о революціонерахъ изъ буржуазной среды. Въ статьѣ доказывалось на основаніи опыта западно-европейской исторіи, что молодежь изъ буржуазной среды революционна только до сверженія абсолютизма, до удовлетворенія политическихъ требованій буржуазіи. Хотя въ Россіи абсолютизмъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ, статья В. Засудичъ была принята, какъ теоретическое объясненіе упадка русской интеллигенціи. Было рѣшено (рассказываю все это на основаніи частныхъ бесѣдъ), что и впредъ интеллигенція не будетъ поставлять идеологовъ рабочего класса, что данные студенты — социаль-

¹⁾ Въ его извѣстной брошюрѣ «Черныя развѣты с.-д. въ Россіи». Акимовъ вѣроятно пріѣхалъ въ Петербургъ, кажется, въ 1893 г. и поступилъ въ Технологическій Институтъ, студенты котораго никогда не прерывали связей съ рабочими.

Понутю отбылъ, что Акимовъ въ своей книгѣ вспоминаетъ о смерти отъ чумы члена Благоевской группы Харитопова, который благополучно изправился въ тюрьму.

демократы—последние могоканы (из интеллигенции) социаль-демократизма в России, что поэтому они должны все силы употребить на создание Бебелей из рабочей среды, должны дать хоть самой небольшой кучкѣ рабочих самое полное, глубокое и всестороннее социаль-демократическое образование. Приемательно къ этому была составлена программа занятий, начинавшаяся съ астрономіи и физики, идущая через исторію культуры и такъ далѣе—до социализма. Такимъ образомъ политическая задача дѣятельности среди рабочихъ сводилась къ педагогикѣ. Конечно, въ этомъ не была виновата статья Вѣры Засуличъ,—къ даннымъ выводамъ толкала людей вся политическая ситуация того времени,—полная невозможность политической агитации по отсутствію матеріаловъ для нея въ самой жизни.

А кто же долженъ былъ завоевывать въ Россіи политическую свободу? Предполагалось, что это сдѣлаетъ наша буржуазія. Рано или поздно она неизбежно вступитъ въ конфликтъ съ абсолютизмомъ на почвѣ вопроса о государственныхъ доходахъ и расхочахъ (этотъ выводъ изъ общихъ положеній марксизма былъ вскорѣ подтвержденъ Плехановымъ въ брошюрѣ «Всероссійское Раззореніе»). Что касается до рабочаго класса, то предполагалось, что не его дѣло завоевывать политическую свободу, онъ долженъ лишь подготовиться къ тому, чтобы воспользоваться въ свое время свободой, завоеванной буржуазіей. Вопросъ о роли пролетаріата въ завоеваніи политической свободы былъ однимъ изъ пунктовъ нашего тогдашняго разногласія съ социаль-демократами. На практикѣ то или иное рѣшеніе его претворялось въ диаметрально-противоположное отношеніе къ вопросу о политической агитации среди рабочихъ.

Стоитъ отбѣтить еще одинъ выводъ, который дѣлали изъ вышеуказанныхъ положеній тогдашніе, впрочемъ, немногіе молодые петербургскіе марксисты.—«Если роль завоевателя политической свободы принадлежитъ буржуазіи,—говорили они,—то мы должны все силы употребить на организацію буржуазіи и агитацию въ ней, такъ какъ завоеваніе политической свободы—самый насущный и неотложный интересъ пролетаріата». Если не ошибаюсь, Плеханову пришлось печатно бороться противъ этого вывода, не нашедшаго, насколько мнѣ извѣстно, своего непосредственнаго выраженія въ печати.

Что касается народофильской интеллигенціи въ ея отношеніи къ рабочему классу, то здѣсь все для нихъ казалось яснымъ,—стояло только слѣдовать старой программѣ. Дебаты вънутри народофильской организаціи по этому вопросу не поднимались. Между тѣмъ споры наши съ марксистами производили на насъ свое вліяніе: молчаливо дѣлалась уступка за уступкой, и въ результатѣ въ головахъ получался порядочный сумбуръ.

Возвращаясь къ положенію дѣла среди рабочихъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ публичномъ выступленіи,—первомъ выступленіи, имѣвшемъ политическій оттѣнокъ. Я

имѣю въ виду ихъ участіе въ демонстраціи на похоронахъ Шелгунова весной 1891 года.

Неизвѣстно, какъ и когда возникла среди рабочей организаціи мысль поднести адресъ умирающему Шелгунову. Въ депутаціи участвовали упомянутый уже мною Газар. Ал. Мефодіевъ. Посѣщеніе Шелгунова и разговоръ съ нимъ произвели на Мефодіева потрясающее впечатлѣніе. Привѣтливый, чуткій къ запросамъ читательской души, ветеранъ освободительнаго движенія, на вершинѣ своей славы умирающій въ убогой квартирѣ гдѣ то на второмъ дворѣ, очаровалъ посѣтителей, которые слишкомъ хорошо знали, что такое нужда. Когда Мефодіевъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, сильно волнуясь, рассказалъ подробности разговора съ Шелгуновымъ, у меня,—каюсь въ этомъ,—хватило безтактности замѣтить:

— Вѣроятно Шелгуновъ скоро умретъ. Нужно будетъ рабочимъ демонстративно участвовать въ его похоронахъ.

— Ахъ, не говорите теперь объ этомъ,—со слезами въ голосѣ воскликнулъ Мефодіевъ.

Къ сожалѣнію, «говорить» пришлось очень скоро...

Вѣсть о смерти Шелгунова разнеслась въ пятницу поздно вечеромъ, на литературномъ вечерѣ въ залѣ городской думы. Въ субботу вечеромъ я сообщилъ объ этомъ Мефодіеву. Онъ вскипѣлъ негодованіемъ:

— Почему вы не сообщили въ обѣдъ? Всѣхъ можно было бы оповѣстить на работѣ. А теперь... я не знаю адресовъ. Какъ быть?

Тѣмъ не менѣе въ воскресенье утромъ въ квартирѣ и на узкой дѣлнщѣ дома, гдѣ жилъ Шелгуновъ, можно было замѣтить въ толпѣ интеллигенціи до десятка рабочихъ. Мефодіевъ и еще кое-кто попали на фотографической снимокъ. Тутъ же на дѣлнщѣ была рѣшена надпись на лентахъ къ вѣнку: «Указателю пути къ свободѣ и братству—отъ Петербургскихъ рабочихъ». Тотчасъ всѣ вмѣстѣ отправились покупать вѣнокъ,—сначала на Садовую, потомъ на Канзскую. Остановили выборъ на вѣнкѣ съ темно-зелеными дубовыми листьями. Нашлись пути отпечатать надпись на лентѣ, минуя полицейскую цензуру.

Хоронили Шелгунова въ понедѣльникъ,—рабочій день. Тѣмъ не менѣе къ выносу явились и рабочіе. Публика хотѣла нести гробъ на рукахъ,—полиція стала грубо отрывать руки отъ ручекъ гроба. Былъ моментъ, когда гробъ чуть не выпалъ на мостовую. Пришлось подчиниться требованію полиціи. Но тутъ моментально были разобраны вѣнки (до 50), уже сложенные было на катафалкѣ. Положеніе, съ полицейской точки зрѣнія, еще ухудшилось: не задолго передъ тѣмъ вышло прямое запрещеніе носить вѣнки на рукахъ, о гробѣ же ничего не было сказано. Полиція стала волноваться больше прежняго, настроеніе публики росло, отношенія обострились. Н. К. Михайловскій уговаривалъ молодежь подчиниться требованію властей. Какой то молодой господинъ громко произнесъ:

— Публика не хочетъ демонстраціи!

— Переодътные сыщики не хотят,—послышалось въ отвѣтъ изъ толпы.—Господиъ возмутился и произнесъ внушительно:

— Знаете ли вы, кто я? Я—сынъ Шелгунова!

Тѣмъ же мѣнѣ, молодежь настояла на своемъ, и вѣйки поднялись надъ головами, вытянувшись длинной лентой.

— Рабочихъ впередъ!—послышался возгласъ, и суровый вѣнокъ съ дубовыми листьями открылъ шествіе. Вокругъ него сгруппировалась десятка полтора рабочихъ.

Путь съ Воскресенскаго проспекта на Волково лежалъ по Литвиенской, Но процессія дала большой крюкъ, прошедши по Литвиенской, Невскому и Николаевской, У Обводнаго канала примкнула новая группа рабочихъ. Для петербургской интеллигенціи,—даже для многихъ изъ числа наиболее революціонно настроенныхъ людей,—участіе рабочихъ въ похоронахъ было полной неожиданностью. Вообще, мало кто подозрѣвалъ, что съмена революціонной пропаганды 70-хъ и 80-хъ годовъ принесла уже обильные плоды, что среди петербургскихъ рабочихъ не прекращалась ростъ сознательности и организованности даже въ самые мрачные годы чуждъ не pogodовнаго отсутствія интеллигенціи.

За участіе въ похоронахъ Шелгунова были высланы изъ Петербурга Г. А. Мефодіевъ (уликой послужилъ фотографическій снимокъ), его братъ (имени не помню), старикъ Крутовъ, работавшій въ это время на Балтійскомъ заводѣ, и десятка три учащихся.

Въ маѣ того же года состоялось первое въ Петербургѣ, тайное собраніе рабочихъ, посвященное празднованію перваго мая. Устроено оно было центральнымъ кружкомъ, въ которомъ представителямъ отъ интеллигенціи состоялъ еще Брусневъ. Фактъ собранія хранился въ глубокой тайнѣ. Только осенью одинъ изъ рабочихъ рѣшился дать текстъ рѣчей знакомой учительницѣ воскресной школы за Невской заставой. Отъ учительницы рѣчи попали въ руки только что образовавшагося народовольческаго кружка (будущей «Группы») и тотчасъ изданы на гектографѣ, къ большому неудовольствію социаль-демократической петербургской интеллигенціи. Затѣмъ рѣчи были перепечатаны заграницей Группой Освобожденія Труда.

Съ выступленіемъ народовольческой организаціи (январь 1892 г.) отношенія между интеллигентскими кружками обоихъ теченій обострились. Въ рабочей средѣ единство организаціи сохранялось. Хотя въ центральномъ кружкѣ представляли социаль-демократы, но приглашенія, исходящія отъ него, занимались въ отдѣльныхъ кружкахъ, обращались постоянно и къ народовольцамъ, вѣроятно за недостаткомъ интеллигентныхъ силъ среди социаль-демократовъ. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло вплоть до большихъ арестовъ въ апрѣлѣ 1894 года.

Въ 1893 году Группой Народовольцевъ была печатно издана написанная рабочимъ К. съ завода Сименса и Гальске брошюра «Братья-товарищи!» Она имѣла успѣхъ среди рабочихъ. Интеллигенція упорно не хотѣла вѣрять, чтобы рабочіе могъ написать та-

кую вещь. На самомъ же дѣлѣ текстъ не былъ измѣненъ ни на йоту, не было сдѣлано никакихъ поправокъ. Даже явная ошибка (отожествленіе парламента съ російскимъ сенатомъ) была пропущена ради сохраненія принципа неприкосновенности литературы, исходящей отъ рабочихъ.

Въ 1894 году отношенія между интеллигенціей еще болѣе обострились изъ-за вопроса о рабочей газетѣ. Какъ разъ къ этому времени соц-демократическая интеллигенція потеряла своихъ, каже- тся лучшихъ, товарищей. Оставшіеся упорно стояли на старой, педагогической точки зрѣнія. Газеты они считали не своевременной, въ виду неизбежныхъ арестовъ изъ-за нея, Рабочіе же чувствовали потребность въ органѣ и потому довольно охотно откликнулись на призывъ доставлять хронику съ фабрикъ и заводовъ. Народовольческая рабочая подгруппа рѣшила, для перваго опыта, издать гектографированный Рабочій Сборникъ, имѣя въ виду перейти затѣмъ къ изданію печатной газеты Голосъ Рабочихъ. Мнѣ было поручено написать вступительную статью для сборника.

Въ это время шли у рабочей подгруппы (а м. б. и у группы—точно не помню) переговоры съ медицинскимъ кружкомъ о совмѣстномъ издательствѣ. Мой проектъ вступительной статьи встрѣтилъ рѣзкій протестъ со стороны медиковъ. Отрицательный отзывъ былъ формулированъ двумя словами:

— Это—плевановщина!

Чтобы не потерять медиковъ, пришлось всюду, гдѣ говорилось объ интересахъ рабочихъ и ихъ задачахъ, вставить слова «и крестьянъ», кое-что было сглажено, и медики удовлетворились.

Когда вышелъ Рабочій Сборникъ съ некрологомъ Энгельса и съ моею искаженной «плевановщиной», интеллигентные социаль-демократы увидѣли въ немъ демокagogическую попытку поддѣлаться подъ социаль-демократовъ; они не поняли того, чего мы и сами еще не понимали,—что мы уже далеко эволюционировали отъ народничества въ сторону марксизма.

Здѣсь можетъ быть не будетъ неумѣстно, для иллюстраціи только что сказаннаго мною объ эволюціи, упомянуть о дальной- шей судьбѣ пяти членовъ первоначальнаго состава центрального кружка Группы Народовольцевъ. Изъ ихъ числа трое стали социаль-демократами, одинъ—социалистомъ-революціонеромъ. Пятый (А. А. Федулловъ) работалъ въ Группѣ во второй періодъ ея дѣятельности (послѣ 1894 года), когда Группа сдѣлала рѣзкій поворотъ въ сторону социаль-демократіи.

III.

Образованіе Группы Народовольцевъ. Ея издательская дѣятельность.

Неурожайный 1891 годъ наглядно передъ всѣми обнаружилъ то, что раньше замѣчали только профессиональные ученые, статистики

и экономисты: они показали, что крестьянство разорено, что блестящий государственный бюджет покоится на зыбкой почве. Неурожай вызвал голодовку в 20 губерниях. Правительственная ссуда на продовольствие и обменение достигла 150 миллионов рублей. Министр финансов Вышнеградский, пользовавшийся репутацией беззащитного биржевика, — и тот вынужден был заявить, что дальнейшее повышение налогов невозможно. На место Вышнеградского был поставлен еще более беззащитный С. Ю. Витте.

Массовая известия о широко развившемся голоде и несколько всколыхнула спавшую интеллигенцию. Началось филантропическое движение в пользу устройства столовых. Добросердечная учащаяся молодежь, еще чуждая определенным политическим взглядам, откликнулась на призывы о помощи голодающим. Начался сбор денег, подготовка къ отъезду въ деревню. Въ 1892 г. многие вернулись изъ деревни съ определенными революционными настроениями.

Той же осенью 1891 года в Петербургъ, среди молодежи старших курсовъ, стала зарождаться мысль объ организации въ политическое общество. Въ октябрь было искомое небольшое собрание на Пушкинской улицѣ. Определѣлась тенденція образовывать «общество», которое займется между прочимъ и агитационной издательской дѣятельностью. Издания должны выходить съ девизомъ «памяти Герцена». Однако въ самомъ обществѣ нашлись лица, душѣ которыхъ такой девизъ говорилъ слишкомъ мало... На первыхъ же шагахъ обнаружилась и крайняя неконспиративность «общества». Тогда члены его, болѣе социалистически и революционно настроенные, рѣшили принять мѣры. Они подняли агитацию по поводу одного факта крайней неконспиративности, убѣдили «общество» прекратить свое существованіе, а сами рѣшили создать болѣе тайную и болѣе революционную организацию, — какую именно, нѣкоторые еще сами не знали.

Вопросъ: кто же мы? — поднялся только послѣ разрушенія «общества». Отвѣтъ «народовольцы» — не всѣми были приняты съ одинаковымъ удовольствіемъ, но недовольные подчинились общему рѣшенію. Такъ, безъ особо тщательнаго спора по вопросу о принципахъ, образовалась «Группа Народовольцевъ».

Чуть ли не на первомъ же собраніи определѣлось, что Группа, во первыхъ, имѣть связь съ рабочими, а во вторыхъ — можетъ получить въ свое распоряженіе шрифты. Наличностью этихъ двухъ обстоятельствъ определѣлось направленіе дѣятельности Группы. Среди ея членовъ не было ни литераторовъ, ни лицъ, сколько-нибудь знающихъ типографское дѣло. Тѣмъ не менѣе, главное вниманіе съ первыхъ дней было обращено на постановку типографии. Это въ тѣ времена казалось очень крупнымъ дѣломъ, — публика совсѣмъ отвыкла отъ свободнаго печатнаго слова. Техническая трудность не пугала, разъ было рѣшено, что типография нужна. Въ отношеніи литературныхъ силъ всѣ надежды покоились

на доставкѣ рукописей со стороны, главнымъ образомъ, отъ профессиональныхъ литераторовъ.

Ради курьеза можно было бы разсказать кучу анекдотовъ о первыхъ шагахъ Группы на попрѣхъ типографской дѣятельности, — о томъ, какъ изобрѣтлся типъ портативнаго станка, какъ учли набирать люди, въ первый разъ въ жизни увидавшіе шрифты и т. п. Чтобы разомъ покончить съ техническими вопросами, отмѣчу только два обстоятельства. Во первыхъ, до самаго ареста типографщики обходились безъ верстаковъ. Во вторыхъ, ощущался постоянный недостатокъ въ буквахъ заглавныхъ и рѣдкихъ (ц, ю, я, ф); въ силу недостатка шрифта въ редакціи входило подогнать статью подъ имѣющуюся въ наличности шрифты: изъ-за недостатка, напримѣръ, буквы э приходилось вытравлять слова: этотъ, поэтому, — и соответственно измѣнять все построеніе фразъ. Единственная въ своемъ родѣ редакторская работа!

Что касается надежды на профессиональныхъ литераторовъ, то тутъ насъ ждало много разочарованій. По своей наивности мы думали, что при невѣроятныхъ цензурныхъ условіяхъ достаточно возможности печататься безъ цензуры, чтобы перья литераторовъ заискрились во всю. Оказалось же, что даже среди видныхъ содружниковъ прогрессивнѣйшихъ по тому времени изданій создалось «принципальное» отрицаніе свободной печати, мотивируемое тѣмъ, что такая печать ведетъ къ «напраснымъ» жертвамъ! Рядомъ съ этимъ обнаружилось и принципальное расхожденіе, дотолѣ незамѣтное для насъ въ ту пору повсемѣстнаго мрака, когда всѣ кошки сѣры. Пришлось браться за перо самимъ членамъ Группы.

Какъ бы то ни было, въ концѣ декабря 1891 года удалось оборудовать станокъ со всѣми принадлежностями, добыть шрифты, даже набрать двѣ прокламаціи; 1 января 1892 года все это было принесено въ частную квартиру, изъ которой на этотъ только день, подъ предлогомъ праздника, была удалена прислуга. Работали весь день, ночь и часть слѣдующаго дня непрерывно. Сначала дѣло долго не шло на ладъ. Работающіе не знали даже, что бумагу передъ печатаніемъ нужно мочить, и дошли до этого своимъ умомъ. Когда печатаніе кончилось (1000 + 625 листовъ), часть станка, менѣе цѣнная и оказавшаяся не вполне приспособленной, была сожжена, все прочее точчасъ разнесено съ квартиры.

Изъ двухъ прокламаций первая была составлена Н. К. Михайловскимъ. Вотъ она полностью:

Свободное Слово.

Милліоны голодныхъ простираютъ сытыми руки за помощью; мы кладемъ въ эти протертыя руки гроши. Правительство принимаетъ разнообразныя, энергическія мѣры для предотвращенія бѣдствій; выдаютъ ссуды и вспомошествованія на продовольствіе, на обменіе полей, на прокопченіе скота; устанавливаются льгот-

ные тарифы на провоз голодающих и движение хлебных грузов; запрещается вывоз хлеба за границу; предпринимается общественная работа; открывается прием жертвователей, учреждается особый комитет под председательством наследника. Но отношение общества к голоду остается вялым...

Правительство учреждает наконец государственную лотерею, чтобы привлечь частные средства на помощь голодающим, заинтересовать общество шансами выигрыша, возбудить в нем тягучность. Так низко пали «потомки Минина и Пожарского», еще недавно не жалвашие ни денег, ни своей крови на чужое дело освобождения «славянских братьев»! Или не братья наши стонут от горя, духнут от болзньи, умирают от голода? Или у нас вместо сердец карманы, из которых можно вынуть пять-рублей только в обмен на надежду во сто тысяч?

Мы не вбрым в эту низость русского общества. Билеты государственной лотереи будут раскуплены, но учреждение ее останется оскорблением, незаслужено нанесенным обществу рукою правительства. Не пять миллионов, которые получатся разрашающимся средством государственной лотереи, дало бы общество, если бы было предоставлено простор его лучшим, великодушным чувствам. Чистое дело требует чистых рук, а правительство боится развязать чистия руки. Принимаемая им чрезвычайная мбры показывают, что оно сознает чрезвычайность бдствия. Не может быть ничего тревожнше запрещения вывоза хлеба или учреждения особого комитета. Но в то же время из опасения тревоги печать не смывает свободно говорить о разбрых бдствия, и в Петербурге запрещается публичное чтение о голоде корреспондента «Новостей» Михневича. Саратовскому губернатору, генералу Косичу, достаточно было заслужить доверие общества, чтобы получить другое назначение. Благотворительная деятельность семьи гр. Толстого отражается только именем знаменитого романиста. Открыто предлагаемая помощь отвергается, если предлагающие требуют гарантш, что помощь дойдет по назначению. Люди, желающие подавать милостыню, должны просить разрешения и не всегда получают его. Люди, желающие кормить голодающих, должны почти тайком пробираться в деревню...

Правительство, вооруженное всеми средствами усиленной охраны, наполнившее Сибирь и тюрьмы подозрительными людьми, боится революционной пропаганды. Правительство, отнявшее у нас все реформы Александра II, лишившее общество участия в государственной жизни, довело Россию до голода. Такое правительство не может ршшить предстоящую задачу своими силами. Бдствие еще только начинается. Только съ всеми обнаружатся его настоящие размеры потрясемь всшь основу экономической жизни. Чьмь оно кончится, если правительство не изменит своих отношений к обществу, — государственным банкротством, новым террором, политическим обезличением и раздроблением России, народным бунтом, потопленным в народной крови, — предвидеть нельзя.

Но еще есть время...

Мы вбрым в русскую землю. Мы вбрым, что она хранит в себе достаточный запас силы. Спасение русской земли в ней самой, а не в министрах, генераль-губернаторах и губернаторах...

Генераль-губернаторы, министры и губернаторы привели Россию к самому краю пропасти. Пора призвать других людей. Только состав выборных представителей земли и свободное обсуждение настоящего положения разбьет вялость и недоверие общества, сблжает ненужными разрашающим лотереи, вызовут энтузиазм самоотвержения, который всегда спасал Россию.

Январь, 1880

Текст второй прокламации был написан А. С. Суедловым, затем подвергся передблкам и поправкам на общем собрании Группы. Вот эта прокламация:

Отъ Группы Народовольцевъ.

Десять дбтъ прошло съ тбх поръ, какъ правительство и революционеры, ставши лицомъ къ лицу, помбрыли силами въ смертельной схваткѣ одинъ на одинъ. Общество смотрѣло на нее издали, лишь робко заявляя свое сочувствіе борцамъ за его же свободу, а народъ безмолствовалъ... Революционеры, утренняя, что страна дбствительно жаждетъ свободъ, сблжали тогда все, что было въ ихъ силахъ, чтобы только вывести свою родину на прямую дорогу. Для этого надо было устранить первую помбху на пути развитія, — и съ невиданною энергіей они пошли прямо къ цблш — къ устраненію самодержавія, — и устранили самодержца. Нбсколько свободныхъ рбчей въ печати, нбсколько петщій отъ земствъ, да пожалуй общее втихомотко, про себя, сочувствіе революционерамъ, и... общество малодушно смолкло.

Тогда съ сердечной болью за родину, со страхомъ за ее будущее, съ глубокой тоской по павшимъ товарищамъ, уцблвавшие революционеры принуждены были отступить на шагъ и дать дорогу правительству.

Теперь ему ничто не мбшало бы обнаружить свое стремленіе поднять хоть нбсколько, — хотя бы постепенными реформами, — культурный уровень страны и тбмъ на дблб проявить свою способность управлять ею. Вместо этого правительство очерта голову пятию назадъ и народъ и интеллигенцію. Бросивъ на произволъ судьбы народное благосостояніе и не допуская интеллигенціи къ народу, не давая ей возможности хоть сколько-нибудь послбдовательно содбствовать росту культурности даже въ своей собственной срблб, правительство только и предпринимало, не стбсьнясь никакими расходами, всевозможная мбры къ обузданию.

Держась только благодаря безкультурности народа, малкуль-

БИБЛИОТЕКА
 ГОЛОВКОСКОГО
 ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО
 ЗАПОВЕДНИКА
 30000

турности общества и малодушію интеллигенці въ ея цѣломъ, опираясь на штыки и полицію, самодержавіе, этотъ анахронизмъ и историческая недѣлица, производило надъ страной долгія, мучительный экспериментъ. Результаты его на лицо: народъ доведенъ до голода. Правительство, которому грозить финансовый крахъ, безылино помочь ему даже временно. Общество, запуганное и отвлечшее интересоваться общественными вопросами, пока близилась молчать...

Но чувство смятенія начинаетъ охватывать понемногу всѣхъ, недовольство грозитъ стать общимъ... Пора же положить конецъ произволу, пора прекратить дикое самоуправство правительства. Оно само себѣ подписываетъ смертный приговоръ, революционеры силою вещей вынуждены опять на историческую сцену: приходитъ, наконецъ, время, когда сами обстоятельства требуютъ отъ нихъ непосредственнаго вмѣшательства въ историческую жизнь страны. Надо быть имъ наготовѣ, насторожѣ...

Немедля поэтому, — въ провинціи и въ столицахъ, — всездѣ, гдѣ только есть люди революціонно настроенные, они должны сплотиться, сьорганизоваться сначала въ мѣстные группы, потомъ уже и въ одну общую, — должны теперь же озаботиться подготовленіемъ всѣхъ средствъ, какія только нужны для революціонной деятельности. Старые революционеры, не измѣнившие конечно революціонному дѣлу, могутъ сыграть въ этомъ, покаместъ организационномъ, движеніи большую роль: они должны взять на себя инициативу дѣла. Рука объ руку съ ними будутъ дѣйствовать и всѣ тѣ, которые только и ждутъ того, чтобы вступить въ ряды революционероѵ (реакція многихъ успѣла привести къ этому).

Настаетъ благоприятный моментъ для начала революціонной борьбы, и сьорганизованная партія рѣшитъ тогда вступить въ открытую борьбу съ самодержавіемъ, руководимая мыслью о благи народномъ, волнующая памятью о павшихъ революціонерахъ, завѣщавшихъ намъ бороться съ правительствомъ, битися до конца.

Январь, 1892 г.

Трудно, почти невозможно, выяснитъ теперь сколько-нибудь детально, какое впечатлѣніе произвело на публику содержаніе этихъ прокламацій. Но самый фактъ ихъ появленія заставилъ говорить о себѣ. Больше всего порадовала насъ замѣтка въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», куда листки были посланы съ надписью «для отзыва», въ замѣткѣ сообщилось о полученіи «меркаго листка», свидѣтельствующаго о томъ, что «гигра революціи поднимаетъ голову». Эти возраженія вошли тотчасъ въ нашъ разговорный обиходъ. Въ февральскомъ номерѣ «Вѣстника Европы» появилось стихотвореніе Жемчужникова, которое можно было истолковать, какъ привѣтствіе издателю листковъ. Заграницей, въ изданіи «Кружка старыхъ народоупольцевъ» листки были перепечатаны (по поводу недавнихъ прокламацій. 6 марта 1892 года. Женева. Вольная русская типографія) съ прибавленіемъ статьи Ивана Сер-

гѣевского. — «Снова какъ будто проносится дыханіе революціи, и Россія пробуждается отъ сна. Жадно ловишь первые звуки протеста», — писалъ Сергѣевскій.

Далѣе, по поводу листка, написаннаго Н. К. Михайловскимъ, Сергѣевскій говоритъ: «Уже то обстоятельство, что русскіе либералы обращаются къ вольному станку въ странѣ произвола, заставляетъ насъ предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ людьми серьезными и убѣжденными. Но какъ мало, что содержаніе ихъ прокламацій остается позади революціоннаго факта напечатанія ея безъ разрѣшенія цензора».

По поводу второго листка Сергѣевскій говоритъ: «Наши товарищи не даромъ, конечно, назвали себя народоупольцами, Народная Воля вошла въ русскую исторію не только партией революціонной, но и социалистической... Только властью политической борьбѣ въ современной Россіи мы и можемъ объяснить, что группа нашихъ товарищей подчеркиваетъ именно борьбу съ самодержавіемъ... и оставлять въ тѣни борьбу съ современнымъ экономическимъ строемъ во имя социализма».

Отношенія между Группой и Н. К. Михайловскимъ скоро прекратились. По поводу первого листка Михайловскій выразилъ двойное неудовольствіе: во первыхъ, была по олошности пропущена одна малозначущая фраза; во вторыхъ, одновременно, тѣмъ же техническими средствами, изданъ листокъ отъ имени народоупольцевъ, чѣмъ устанавливается компрометирующая автороѵ Свободнаго Слова политическая связь. Однако, Михайловскій доставилъ въ маѣ еще второй листокъ, начинающійся словами: «Высочайшимъ указомъ, даннымъ на имя Правительствующаго Сената, голодъ считается прекратившимся». Членамъ Группы показалось зорнымъ набирать своими руками такую казенную фразу, они предложили вариантъ: «По царскому повелѣнію голодъ считается прекратившимся». Михайловскій не согласился ни на какія измѣненія, и прекратилъ сношенія. Возможно, что на него повліяли въ этомъ рѣшеніи и общіяя членоѵ болѣе умѣренной, возникшей тогда, такъ называемой «партіи Народнаго Права».

Одной изъ первыхъ заботъ Группы было разсѣять глубоко укorenившіяся въ публикѣ взгляды на народоупольчество, какъ на теченіе исключительно террористическое. Съ этою цѣлью была переиздана на изобрѣтенной студентами «черномъ гектографѣ» брошюра «Подготовительная работа партіи». Стали подумывать и о переизданіи «Программы Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли».

Въ это же время (въ февралѣ 1892 г.) получено было отъ извѣстнаго литератора и статистика Николая Михайловича Астырева предложеніе издать рядъ писемъ къ крестьянамъ по поводу голода. Предложеніе было принято, проектъ первого письма одобренъ съ небольшими сокращеніями.

Въ концѣ февраля была налажена квартира для печатанія прилизительно въ теченіе мѣсяца. На самомъ дѣлѣ работали около

трех недель. Маленький технический опыт уже имелся, и потому дело пошло на лад, насколько оно могло ладиться в неумелых руках, при первобытных технических средствах. Были отпечатаны:

1) «Народовольческая Программа» (около 1000 экз.), Программу предославо несколько слов от издателей. Объяснено, что под этим заглавием Группа Народовольцев издаст принятую ею Программу Исполнительного Комитета партии Народной Воли с некоторыми изменениями, «обусловленными временем», но «не изменяя основных принципов народовольчества». «Выполнить эту программу в *цѣломъ*,—говорится далее,—пользуясь *естественными* средствами революционной борьбы—дело, конечно, *партии*, а не группы... До сих пор еще смѣшивают народовольчество с терроризмомъ. Между темъ, какъ можно видѣть изъ программы, надо отличать народовольчество вообще, какъ оно опредѣляется *принципиально*, отъ тѣхъ формъ, въ которыя оно можетъ вылиться при извѣстныхъ обстоятельствахъ». На самомъ дѣлѣ программа претерпѣла измененія именно въ своей принципиальной части. Въ первой же фразѣ: «по основнымъ своимъ убѣждениямъ мы социалисты и народники»—были выкинуты слова «и народники». Не имѣя въ рукахъ подлинниковъ обѣихъ программъ, я не могу последовательно выяснитъ всѣ измененія, которыя, по мнѣнію Группы, были «обусловлены временемъ». Но общій характеръ измененій,—ослабленіе специфически-народническаго духа программы,—виденъ уже изъ приведеннаго мною прилѣжа передѣлки первой фразы.

2) «Первое письмо къ голодающимъ крестьянамъ»,—составленное Астыревымъ (около 1800 экз.). Письмо довольно длинное, разяснительнаго характера, написанное очень простымъ, популярнымъ языкомъ: подписано: «Мужицкіе доброты». Это первое письмо было и послѣднимъ, такъ какъ въ апрѣлѣ Астыревъ былъ арестованъ. Его продержали въ тюрьмѣ около 4 лѣтъ и освободили только послѣ удостовѣренія врачей о безнадежномъ состояніи здоровья. Черезъ мѣсяць-два по освобожденіи Николай Михайловичъ скончался въ Москвѣ отъ гипертрофіи сердца.

3) «Письмо къ молодежи» (500 экз.), составленное А. А. Федуловымъ. Это—горячо написанный призывъ организовать подъ знаменемъ Народной Воли.

Эта вторая серія была первоначально распространена въ Ростовѣ на Дону, Харьковѣ и Москвѣ, а потомъ уже въ Петербургѣ. Довольно значительный транспортъ былъ захваченъ въ Москвѣ при арестѣ Астырева.

Группа стала готовиться къ лѣтней «типографской кампаніи». Но время шло, а литературныхъ матеріаловъ не поступало. Не было и хроники для задуманной газеты. Пришлось брать за перо кому-нибудь изъ членовъ самой Группы. Всѣ надежды были возложены на А. А. Федулова, уже испробовавшаго свои силы на двухъ прокламацияхъ. Онъ поневолѣ взялся за перо. Лѣтомъ былъ отпечатанъ «Летучій Листокъ Группы Народовольцевъ». Онъ за-

ключать въ себя всего три статьи; но по размѣрамъ каждая статья могла бы быть изданной въ видѣ отдѣльной брошюры. Первая и третья статьи были написаны А. А. Федуловымъ, вторая—доставлена со стороны. Авторъ ея—статистикъ П—ъ. Она была написана въ умѣренно-либеральномъ тонѣ, съ преклоненіемъ передъ Лорисъ-Меликовимъ, съ отрицательнымъ отношеніемъ къ «крайнимъ партиямъ», какъ выразался авторъ, но главнымъ ея содержаниемъ была критика правительственной политики, и Группа нашла возможнымъ напечатать ее, вытравивши по возможности политически-умѣренный духъ. Въ публикѣ имѣла успѣхъ какъ разъ только именно эта статья. Листокъ въ цѣломъ былъ принятъ довольно холодно. Что касается П—а, то, какъ курьезъ, можно отмѣтить, что онъ, по его выраженію, «не замѣтилъ» особенно большой передѣлки своей статьи.

Осень и зиму 1892—3 гг. типографія бездѣйствовала за отсутствіемъ матеріала, силъ и средствъ для печатанія. Только въ апрѣлѣ было приступлено къ печатанію № 2 «Летучаго Листка». Онъ былъ помѣченъ днемъ пролетарскаго праздника 1 мая; предполагалось выпустить номеръ именно къ этому дню. Но полицейская тревога,—случайный арестъ одного лица,—вынудила оборвать печатаніе на среднѣй номера. Возобновитъ работу удалось только въ июлѣ, а отпечатанный номеръ былъ распространенъ въ июлѣ (первоначально въ Москвѣ, Рязани, Киевѣ и Одессѣ). Лѣтомъ же отпечатаны двѣ брошюры: «Александръ III (къ десятилѣтію коронаціи)» и «Братцы-товарищи». Обѣ брошюры, хотя и напечатаны лѣтомъ, но помѣчены октябремъ,—и только въ этомъ мѣсяцѣ были распространены (первоначально въ Н. Новгородѣ, Орлѣ, Киевѣ и Воронежѣ). Брошюра объ Александрѣ III написана литераторомъ, опубликованіе имени котораго пока несвоевременно. «Братцы-товарищи» составилъ рабочій К—ъ, впоследствии попавшій въ ссылку. Обѣ брошюры были встрѣчены публикой сочувственно.

Это были послѣднія изданія, вышедшія изъ типографіи Группы пераго періода (до большихъ арестовъ въ апрѣлѣ 1894 года). Самая типографія въ 1894 году арестована не была. Группа обновленнаго состава завела новую технику, а старая хранилась про запасъ до 1896 года, когда и та и другая попала въ руки полиціи.

VI

Мѣры предосторожности. Арестъ. Приговоръ.

Я уже упоминалъ, что постановка нелегальной типографіи въ Россіи была для того времени дѣломъ исключительной важности,—можно даже сказать, дѣломъ новымъ. Публика успѣла совсѣмъ отвыкнуть отъ свободнаго печатнаго слова. Постановка типографіи считалась дѣломъ безнадежнымъ при данныхъ полицейскихъ усло-

вяхъ. Тѣмъ сильнѣе должно было быть впечатлѣніе отъ первыхъ листковъ и на публику, и на полицію. Слѣдовало ожидать, что Департаментъ Полиціи сосредоточитъ главное свое вниманіе на поискахъ типографіи. Найти ее казалось не труднымъ, такъ какъ въ рукахъ Департамента имѣлся огромный сыскной аппаратъ, сохранившійся отъ временъ Народной Воли, а количество революціонной публики было теперь ничтожно до смѣшного, каждый революціонеръ былъ на виду. Были на виду у полиціи и всѣ члены Группы. Всѣ они были еще ранѣе политически скомпрометированы, привлекались по тому или иному дѣлу. Переходъ на нелегальное положеніе былъ для нихъ невозможенъ по недостатку средствъ и связей и по отсутствію паспортовъ. Приходилось, такимъ образомъ, работать подъ самымъ носомъ полиціи. Съ другой стороны, было важно продержаться какъ можно дальше, чтобы разсѣять прочно укоренившееся представленіе о полицейскомъ всевѣдѣніи и всемогуществѣ. Не стану подробно описывать всѣ мѣры предосторожности, принимавшіяся Группой. Отмѣчу два основныхъ принципа, проводившихся въ интересахъ безопасности.

Во-первыхъ, было положено то правило, что чѣмъ опаснѣе работа (независимо отъ ея важности) тѣмъ обязательнѣе, чтобы ее исполняли сами члены центральной Группы. Изъ этого вытекало второе правило: «имѣть какъ можно меньше пособниковъ, исполнителей и т. п.» Добываніе шрифта, краски, бумаги, перевозка и переноска типографскихъ принадлежностей, печатаніе,—все это исполнялось по возможности самими членами Группы.

Во-вторыхъ, было обращено особенное вниманіе на такъ называемыхъ «революціонныхъ слетниковъ». Это—типъ людей, которые сами дѣла не дѣлаютъ, но интересъ жизни которыхъ—собираніе и распространеніе интересныхъ новостей изъ подпольнаго міра. Бывшій префектъ полиціи въ Парижѣ Андриэ разсказываетъ, что наибольшія услуги дѣлу сыска оказываютъ не агенты, состоящіе на жалованьи, а безсознательные агенты, разносящіе новости изъ безкорыстнаго любопытства. Полиціи, имѣющей связи съ безсознательными агентами (а добыть такіа связи легче всего), остается только выслушивать отвѣты на вопросъ «что новаго?» и жать, гдѣ не съяла. Группа старалась выяснить себѣ наличныхъ «революціонныхъ слетниковъ» и принимала противъ нихъ самыя строгія мѣры предосторожности.

И эти мѣры были не напрасны. Нужно было видѣть петербургскую интеллигенцію въ январѣ—февралѣ 1892 года, чтобы понять глубокую вѣрность замѣчаній Андриэ о безсознательныхъ смикахъ! Точно муравьи изъ потревоженаго муравейника, забѣгала публика изъ дома въ домъ, учиняя самый тщательный сыскъ, собирая удивки, то нападая на слѣды, то теряя его. Было въ высшей степени забавно слушать, когда не подозрѣвающей правды «революціонный слетникъ» передавалъ члену Группы «самую последнюю», «самую достоверную» новость, о мѣстонахожденіи типографіи и

о составѣ Группы¹⁾. Но комичность, въ данномъ случаѣ, положенія слетниковъ не должна замѣять ихъ дѣйствительной роли въ революціонномъ движеніи.

Когда прошелъ первый угаръ добровольческаго сыска, не давши никакихъ результатовъ, стали обнаруживаться попытки раскрыть составъ Группы посредствомъ специальныхъ приемовъ: предложеній, спора, слуховъ. Укажу на примѣрахъ сущность этихъ приемовъ.

Предложенія. Предлагалась обыкновенно какая-нибудь специальная услуга,—шрифтомъ, деньгами и т. под. Предлагающій ищетъ человѣка, который могъ бы «передать». Лицамъ, имѣвшимъ дѣло съ Группой, было поручено никогда не принимать такихъ предложеній, не снесшись предварительно съ членами организаци. Разскажу одинъ случай. Студентъ Т., пользовавшійся репутаціей милого, честнаго, но немного легкомысленнаго товарища, дѣлая предложенія на право и на лѣво, между прочимъ наталкивается и на членовъ организаци:

— У меня есть источникъ для добыванія шрифта,—говоритъ онъ,—не имѣете ли связей съ Группой? У нея очевидно мало шрифта.

— Къ сожалѣнію, не имѣю,—отвѣчаетъ членъ организаци.

Черезъ недѣлю кромѣ шрифта предлагается уже и американскій станокъ, а еще черезъ недѣлю, уже другому члену организаци, Т. сообщаетъ, что образовался кружокъ для изданія нелегальной литературы, что у кружка уже есть 500 р., которые они хотѣли бы передать Группѣ.

По обстоятельству оказалось возможнымъ сдѣлать провѣрку. Съ общаго согласія Группы студенту Т. одинъ изъ его знакомыхъ отвѣтилъ, что онъ имѣетъ возможность передать деньги. Тогда Т. ударилъ отбой; встрѣтились затрудненія, понадобилась отсрочка, деньги оказались возможнымъ дать только въ долтъ и т. д. Вскорѣ выяснилось, что близкій родственникъ Т. служить въ охранѣ.

Спросъ. Агентъ полиціи черезъ своего безсознательнаго пособника предьявляетъ систематическій и значительный спросъ на литературу. Предполагается, «что слѣдя за передатчикомъ и его знакомыми, можно дойти до центрального склада. Если принято оплачивать литературу, то агентъ старается взять ее въ долтъ. При нѣкоторомъ вниманіи возможно бываетъ открытъ, дѣйствительно ли литература, идущая черезъ данное лицо, распространяется въ публикѣ, или же она поступаетъ непосредственно въ полицейскій архивъ. Усиленный спросъ практиковалъ, между прочимъ, провокаторъ Кузкинъ, но въ силу особыхъ условій склада не могъ выяснитъ его мѣстонахожденія.

¹⁾ Въ наши дни (1906 г.) роль революціонныхъ слетниковъ и безсознательныхъ агентовъ, по словамъ, довольно успешно выполняемыхъ гажетными хроникерами. Говорятъ, что вслѣдствіи организационнаго восторженія приходится бороться съ этими родами политическаго сыска.

Слухи. Сенсационные ложные слухи пускаются одним из агентов; другим агентам поручается «ловить» эти слухи. По быстроте передачи и источнику пойманного слуха можно устанавливать связи. Например, полиция не могла установить интеллигентов, с которыми имела связь Н. А. Григорьева, обидянного провокатором Штр—ном. Григорьеву ночью арестуют, приводят в участок. Пристав оставляет комнату, «забывши» на стол телеграмму: «из-за границы имеют прибыть революционеры Иванъ Чугуновъ и Елена Корнѣва; обыскать и арестовать.» Завтра Григорьеву отпускают. Она должна конечно сообщить о телеграмме интеллигентам, те будут всехъ предупреждать о грозящемъ арестѣ. Шпіоны среди интеллигенціи поймаютъ слухъ и установятъ, съ кѣмъ знакома Григорьева. Группѣ былъ извѣстенъ этотъ приемъ, и продѣлка полициі не дала въ данномъ случаѣ результатовъ.

Благодаря принятымъ предосторожностямъ Группа оставалась открытой въ течение двухъ лѣтъ, хотя и вела интенсивную работу среди рабочихъ, привлекая все новыя интеллигентныя силы. Около Рождества 1893 года черезъ центральный рабочій кружокъ былъ полученъ кружокъ саморазвитія, во главѣ котораго сталъ провокаторъ, впоследствии распуликованный, маляръ изъ Новаго Адмиралтейства Вас. Кузмичъ Кузкинъ. Онъ объявилъ себя старшимъ народоупольцемъ, познакомился съ другимъ пожимымъ рабочимъ, бывшимъ сильнымъ, провокаторомъ Боб-имъ (за Невской Заставой). Оба они довольно быстро вошли въ довѣріе молодежи; пришлось и мнѣ стллкиваться съ ними. Такимъ образомъ интеллигентскій кружокъ (если прибавить вышеупомянутаго шпіона Штр—на, съ Выборгской стороны) оказался окруженъ довольно тѣснымъ кольцомъ провокаторовъ. Началась усиленная слѣжка въ течение трехъ мѣсяцевъ, 21 апрѣля произведены массовые аресты, но наиболѣе близкій къ Кузкину студентъ Борисъ Львовичъ Зотовъ началъ «возстановлять связи.» Въ маѣ произведены дополнительные аресты, въ томъ числѣ и Зотова.

Ни типографія, ни складъ не были найдены.

На дознаніи вопросъ о Группѣ Народоупольцевъ вовсе не фигурировалъ. Арестованные обвинялись только въ пропагандѣ среди рабочихъ и въ изданіи гектографированнаго Рабочаго Сборника. Приговоры по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ не находились ни въ какомъ соотвѣтствіи съ ихъ ролью въ организациі, хотя городскіе слѣдственники сидно помогали полициі, всюду распространяя слухи, что арестована именно Группа. Въ связи, очевидно, съ этими слѣдственными или на основаніи ихъ въ заграничныхъ изданіяхъ дважды фигурировала моя фамилія, оба раза съ сообщеніемъ ложныхъ фактовъ.

Въ брошюрѣ Бахарева «Какъ держать себя на допросахъ» мнѣ, «главн» народоупольцевъ, приписывается черезуръ снисходительное отношеніе къ дачѣ молодежи компрометирующихъ показаній на допросахъ. Это облыжное обвиненіе тѣмъ менѣ основа-

тельно, что какъ разъ воспоминаніе о поведеніи молодежи въ нѣшемъ дѣлѣ являлось для меня постояннымъ предметомъ гордости и утѣшенія въ долгіе дни одиночки. *Вся внутренняя жизнь организациі осталась нераскрытой.* Если и были случаи излишнихъ показаній, то только со стороны лицъ, хотя и работавшихъ, но еще не введенныхъ ни въ Группу, ни въ кружокъ для занятій съ рабочими. Одинъ студентъ—первокурсникъ, очень хорошій, но очень молодой и неопытный человекъ, далъ правда лишнія показанія обо мнѣ, но потому по собственной инициативѣ изъять эти показанія обратно. По переводѣ моемъ изъ крѣпости въ Д. П. З. онъ точно написалъ мнѣ объ этомъ, страшно мучимый упреками совѣсти и опасеніями,—не повредилъ ли онъ мнѣ. Мнѣ онъ дѣйствительно не могъ повредить, а самостоятельное взятіе показаній обратно достаточно характеризовало его нравственную личность. Мнѣ только и оставалось, что всячески успокоить измученнаго одиночкой и угрызненіями совѣсти товарища. Обобщая этотъ фактъ, выводить заключеніе о снисходительномъ вообще отношеніи къ дачѣ показаній нѣтъ оснований.

Другой разъ, въ брошюрѣ Акимова «Очерки изъ исторіи социаль-демократіи въ Россіи», мнѣ приписывается руководящая роль въ Группѣ. По совѣсти не могу принять на себя этого комплимента. Играть руководящую роль въ глазахъ полициі—вообще не значить играть такую въ дѣйствительности.

Черезъ 21 мѣсяць по арестѣ, 24 января 1896 года послѣдовалъ въ административномъ порядкѣ приговоръ по нашему дѣлу. Изъ массы арестованныхъ я могу припомнить только слѣдующихъ лицъ.

1) Зотовъ Борисъ Львовичъ, братъ казеннаго въ Якутскѣ, студентъ университета IV курса, сотрудникъ «Русскаго Богатства» (въ библиографическомъ отдѣлѣ). Умеръ до приговора отъ чахотки.

2) Ивановъ Константинъ Николаевичъ, студентъ—технологъ. Сосланъ въ Вилюйскъ на 8 лѣтъ. Къ организациі не принадлежалъ: не задолго до арестовъ первый разъ пошелъ познакомиться съ рабочими.—Изъ Вилюйского округа бѣжалъ (первый въ исторіи удачный побѣгъ изъ тѣхъ мѣстъ); примкнулъ къ социаль-революціонерамъ; случайно арестованъ въ Харьковѣ, возвращенъ въ 1902 году въ Вилюйскъ. Отличался физической силой и выносливостью, и умеръ въ Якутскѣ отъ случайнаго болѣзни.

3) Окольскій Викторъ, студентъ—технологъ. Къ организациі не принадлежалъ, съ рабочими не занимался. Не знаю, въ чемъ онъ обвинялся; я въ первый разъ увидѣлъ его только въ ссылкѣ, въ Якутскѣ, куда онъ былъ отправленъ на 8 лѣтъ.

4) Бѣлецкій Николай Георгиевичъ, студентъ—медикъ, членъ «рабочаго» кружка, благополучно отбылъ свои 8 лѣтъ ссылки въ Якутскую область. (Вилюйскъ).

5) Сушинскій Михаилъ Гавриловичъ, членъ «рабочаго» кружка, студентъ—медикъ, сосланъ на 8 лѣтъ въ Киренскъ; бѣжалъ, арест-

становя на границѣ, не открыл своего имени, возвращенъ въ Сибирь, какъ уголовный; вновь бѣжалъ съ дороги изъ-подъ стражи, жилъ въ Женевѣ и Парижѣ.

6) Браудо Василій Исанчъ,—окончившій университетъ, арестованъ черезъ годъ послѣ нашего ареста. Получилъ 8 лѣтъ Восточной Сибири. Съ пути (изъ Иркутска) возвращенъ въ Петербургъ въ виду новыхъ обвиненій (Гр. Нар. второго періода, иначе—дѣло Лахтинской типографіи). Его продержали еще два года въ тюрьмѣ, затѣмъ повторили приговоръ—8 лѣтъ. Отбывалъ ссылку въ Олекминскѣ, частью въ Киренскѣ и въ Енис. губ. Въ началѣ 1906 года вновь арестованъ въ редакціи газеты Новая Жизнь, въ юлѣ выпущенъ на поруки.

7) Федудовъ Александръ Александровичъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Группы, освобожденъ за отсутствіемъ уликъ въ декабрѣ 1895 г., работалъ въ Группѣ второго періода, эмигрировалъ передъ арестомъ Лахтинской типографіи весной 1896 года. Бывшій студентъ.

8) Келлеръ Максимъ, студ. ун., занимался съ рабочими, ссылка въ Арх. губ. на 5 лѣтъ.

9) Галескій—студентъ-медикъ, ссылка въ Арх. губ. на 5 лѣтъ. Въ организации не работалъ, былъ знакомъ только съ товарищами по академіи Сушинскимъ и Бѣлецкимъ, жилъ съ ними у одной квартирной хозяйки. Въ чемъ могли его обвинить—не понимаю.

10) Крамеръ—о немъ приходится повторить все то же, что сказано о Галескомъ.

11) Никитинскіе, братья, Александръ и Андрей Ив., студенты университета. Пять лѣтъ ссылки въ Арх. губ. Въ чемъ обвинялись, не знаю.

12) Скабичевскій Александръ Александровичъ, сынъ писателя, студентъ университета, пять лѣтъ Енисейской губерніи.

13) Чермакъ Левъ Карловичъ, завѣдующій статистикой Петербургскаго Губ. Земства; ссылка на три года въ Степной край. Вновь арестованъ въ Омскѣ въ 1903 году по приказанію ген.-губ. Сухотина; дѣло кончилось ничѣмъ.

14) Александровъ Мих. Степ., земскій статистикъ; обвинялся въ пропагандѣ среди рабочихъ и въ привлеченіи молодежи къ этому дѣлу. Приговоръ: три года тюрьмы и 5 лѣтъ Восточной Сибири (Олекминскѣ).

15) Александрова Екат. Мих. Приговоръ: 5 лѣтъ Вологод. губ. (Сольвычегодскѣ).

16) Фаддѣевъ Александръ Ив., крестьянинъ; 5 лѣтъ Архангельской губерніи.

17) Григорьева Наталья Александровна, швея; 5 лѣтъ Енисейской губ. (село Казачинское).

Всего по нашему дѣлу было арестовано сотни дѣв людей, привлечено, какъ говорили, 64 человѣка. Изъ этихъ 64 приблизительно дѣв трети не имѣли никакого отношенія къ организаци; множе-

ство фамилій я услышалъ въ первый разъ на допросахъ. Что касается провинціальныхъ связей, то ни одна изъ нихъ не была открыта, ни одинъ человѣкъ не былъ арестованъ.

Изъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ Группѣ, но не арестованныхъ по нашему дѣлу, могу назвать теперь только троихъ.

1) Фредрихъ Ник. Ник., присяжный повѣренный изъ Нижняго Новгорода, членъ Группы. Вслѣдствіи арестованъ по другому дѣлу, отбылъ 5 лѣтъ Восточной Сибири. Умеръ въ 1905 году въ Крыму.

2) Фейтъ Андрей Юльевичъ, врачъ. Арестованъ по дѣлу Группы Народолюбцевъ (периодъ Лахтинской типографіи) въ 1896 году, получилъ 2 года тюрьмы и 8 лѣтъ Восточной Сибири (Киренскѣ, Забайкальѣ). Въ декабрѣ 1905 вновь арестованъ въ Петербургѣ, въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ. Лѣтомъ 1906 г. освобожденъ, въ августѣ опять арестованъ.

3) Ергинъ Алекс. Александровичъ, окончилъ СПб. Ун.; арестованъ въ декабрѣ 1895 г. (соцдемократы, такъ называемые «декабристы»). Затѣмъ привлеченъ къ дѣлу Лахтинской типографіи. Приговоръ: 2 года тюрьмы (съ зачетомъ части предварительнаго заключенія) и 8 лѣтъ Восточной Сибири.

Вотъ все, что я считаю возможнымъ въ настоящее время сказать о лицахъ, работавшихъ въ Группѣ или обвиненныхъ въ принадлежности къ организаци. О прочемъ лучше помолчать, памятуя, что российская амністія, какъ и российская конституція, носятъ самобытный характеръ.

М. С. Александровъ.

„Дѣло о замѣчаніи, сдѣланномъ коллежскому секретарю Александру Пушкину въ неприличномъ поступкѣ въ Каменномъ театрѣ“.

1818—1819 гг.

На 3^{ей} листѣ.

Приводимъ со всевозможной точностью неизданное до сихъ поръ «дѣло» о Пушкинѣ, заглавіе котораго выписано выше. «Дѣло» состоитъ всего изъ двухъ бумагъ. Первая адресована с.петербургскимъ полицеймейстеромъ Горголи къ управлявшему въ то время Иностранной Коллегіей совѣтнику коллегии П. Я. Убри, непосредственному начальнику по службѣ Пушкина. Вторая бумага представляетъ отвѣтъ Убри полицеймейстеру. Первое отношеніе находится въ «дѣлѣ» въ подлинникѣ, второе—въ такъ называемомъ «отпускѣ» или черновикѣ.

П. Щ.

I.

Милостивый государь мой

Петръ Яковлевичъ!

20-го числа сего мѣсяца служащій въ Иностранной Коллегіи Переводникомъ Пушкинъ бывъ въ каменномъ театре въ Большомъ Бенуарѣ во-время Антракту пришелъ изъ онаго въ креслы и проходя между рядовъ кресель остановился противъ сидѣвшаго Коллежскаго Советника Перевощикова съ женою, почему Г. Перевощиковъ просилъ его проходить далѣе, но Пушкинъ принявъ сіе за обиду наделалъ ему грубости и выбранилъ его неприличными словами.

О поступке его уведомляя Ваше превосходительство,—съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

Вашего Превосходительства
покорный слуга

Иванъ Горголи.

№ 15001
23 Декабря 1818 г.
Его Пре—ву П. Я.
Убри.

Вверху, карандашомъ, рукою Убри написано:
„J'ai parlé à M. Pouschkin et je l'ai pressé de se moderer à l'avenir ce qu' il a promis“.

II.

Горголи.

Отъ П. Я. Убри.

М. Г. мой Иванъ Савичъ!

Въ слѣдствіе отношенія Вашего Превосходительства отъ 23-го минувшаго декабря подъ № 15001, Я не оставилъ сдѣлать строгое замѣчаніе служащему въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскому Секретарю Пушкину на счетъ неприличнаго поступка его съ Коллежскимъ Совѣтникомъ Перевощиковымъ, съ тѣмъ, чтобы онъ воздержался впредь отъ подобныхъ поступковъ; въ чемъ и далъ онъ мнѣ обѣщаніе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою

Петръ Убри.

№ 64.
Генваря 9 дня
1818 г.

Движение семидесятых годовъ по Большому процессу (193-хъ).

(Продолженіе ¹)

VII.

Кружки московскіе и провинціальныя.

Изъ кружковъ, возникшихъ или преобразовавшихся подъ влияніемъ движенія въ Москвѣ и провинціи скажу нѣсколько словъ о пяти слѣдующихъ: Московскомъ, Кіевскомъ, Одесскомъ, Самарскомъ и Харьковскомъ.

Въ Москвѣ съ давнихъ поръ существовали радикалы, которые до известной степени подготовили въ студенчествѣ почву для революціонной пропаганды. Александръ Васильевичъ Долгушинъ старался и въ известной мѣрѣ успѣлъ утилизировать Московскій радикализмъ для новаго рода дѣятельности—революціонной пропаганды въ народъ. Изъ Петербурга онъ перенесъ свою штабъ-квартиру въ Москву, имѣлъ близкія отношенія съ тамошними радикалами и привлекъ одного изъ нихъ—Гамова—въ свою среду.

Кстати замѣчу здѣсь, что въ настоящемъ очеркѣ я не имѣю намѣренія описывать дѣятельность Долгушинцевъ, которые въ своей революціонной дѣятельности практиковали почти такіе-же приемы, какъ и участники большого процесса. Долгушинцы не дожили до начала широкаго движенія молодежи (сидѣли въ тюрьмѣ) и потому не могли принять въ немъ участія. Они года на два на три опередили движеніе и были какъ-бы пионерами новаго рода революціонной дѣятельности, но не только не всколыхнули молодежи, но ушли на работу почти не замѣченные ею. На одной почвѣ, питаеься одними и тѣми-же соками, произрастаетъ много отаѣльных стебельковъ: одни изъ нихъ, вслѣдствіе разныхъ случайныхъ причинъ, созрѣваютъ раньше, но этимъ не оказываютъ никакого влияния на остальные растенія, приносяща плоды въ предначинанное имъ время. Такъ и Долгушинцы были первыми колосками на нивѣ народнической интеллигенціи, которая продолжала созрѣвать совершенно самостоятельно.

Къ концу 1873 года мы застаемъ московскую молодежь, враждующую главнымъ образомъ около двухъ центровъ—университета и Петровской земледѣльческой академіи. Первая изъ этихъ группъ состояла не изъ однихъ студентовъ университета и раньше стала принимать определенную физиономію, соответствующую духу времени. Это была довольно обширная группа, въ которой можно было прослѣдить вліяніе прежняго радикализма. Въ ней перебивало нѣсколько видныхъ дѣятелей изъ Чайковцевъ, болѣе всего Клеменсъ и Кравчинскій; Войнаральскій былъ въ довольно близкіяхъ съ ней отношеніяхъ. Нѣкоторые изъ Петровцевъ также принимали въ ней участіе, напр. Аносовъ и Фроленко, известный впоследствии народоовецъ. Изъ этой группы, съ участіемъ нѣсколькихъ постороннихъ ей лицъ, образовался революціонный кружокъ для пропаганды въ народъ. Въ кружкѣ между прочими были: братья Аркадскіе, Николай Алексѣевичъ Саблинъ, застрѣлившійся въ мартѣ 1881 года, Николай Александровичъ Морозовъ, въ то время талантливый юноша, только что окончившій гимназію, впоследствии известный шлессбургецъ, и Олимпіада Григорьевна Алексѣева. Подъ вліяніемъ пропаганды Чайковцевъ кружокъ набытилъ себѣ первоначальную, довольно умѣренную программу, признавая главною цѣлью движенія въ народъ ознакомленіе со средою и подготовку себя къ дальнѣйшей дѣятельности. Попытки анархистовъ толкнуть кружокъ къ болѣе активной дѣятельности потерпѣли полное фиаско.

Изъ членовъ кружка Саблинъ, Морозовъ и Алексѣева проживали одно время въ Ярославской губерніи въ мастерской, устроенной въ деревнѣ Иванчининъ-Писаревымъ. Здѣсь они вмѣстѣ съ докторомъ Добровольскимъ и Потоцкою занимались и революціонною пропагандою среди крестьянъ.

Петровская земледѣльческая академія уже въ семидесятыхъ годахъ имѣла репутацію самаго оппозиціоннаго изъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ ней сохранялась память о Нечаевѣ и революціонерахъ, вышедшихъ изъ ея среды. Студенты пользовались относительной свободой; общежитіе при академіи укрѣпляло связи между студентами, будучи мѣстомъ, въ которомъ они могли свободно собираться. Въ немъ при случаѣ могли находить убожище и пріѣзжие агитаторы. При этихъ условіяхъ начавшееся революціонное движеніе не могло не затронуть сравнительно большого числа студентовъ. Оно между прочимъ коснулось и студента Богусскаго, единственнаго подлая ¹⁾, принимавшаго нѣкоторое участіе въ движеніи. Агитаторы задумывались о привлеченіи въ революціонную среду студентовъ-подковъ, обучавшихся въ русскихъ университетахъ, но вслѣдствіе отчужденности польскихъ кружковъ не могли получить къ нимъ доступа. Изъ обвинительнаго акта видно, что упомянутый выше Богусскій уславливался съ Коваликомъ о

¹⁾ Если не считать Студинскаго, не принадлежавшаго къ польскимъ кружкамъ и выступившаго нѣсколько позднее.

напечатания прокламации къ полякамъ, очевидно съ цѣлю привлеченія ихъ къ революціонному движению.

Петровскую академію посѣщали агитаторы изъ болѣе видныхъ петербургскихъ кружковъ. Анархисты имѣли здѣсь болѣе успѣха, чѣмъ въ описанной выше группѣ. Изъ мѣстныхъ дѣятелей наиболѣе видными были Фроленко и Аносовъ. Послѣ ряда собраній, происходившихъ въ общекити, сталъ формироваться кружокъ, въ которомъ между прочимъ приняли участіе кромѣ упомянутого Николая Михайловича Аносова, студенты: Алексѣй Егоровичъ Знаменскій, Александръ Андреевичъ Малиновскій, Михаилъ Гавриловичъ Соловцовскій и умершіе вскорѣ Цвѣтковъ и Дружининъ.

Михаилъ Федоровичъ Фроленко проявлялъ уже тогда большую активность и кажется одинъ изъ всѣхъ москвичей не замыкался въ тѣсныя рамки мѣстнаго кружка, а принималъ участіе въ организаціи движенія и въ другихъ городахъ. Такъ онъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ кіевскимъ кружкомъ Мокривенча, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Остальные члены кружка ушли въ народъ для пропаганды и были арестованы на мѣстахъ своей дѣятельности.

Оба московскіе кружка имѣли близкія отношенія съ Войнаральскимъ, работали въ мастерской, устроенной имъ и нѣкоторые въ типографіи Мышкина.

Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ, начавшій свою революціонную дѣятельность въ Москвѣ, открылъ первоначально вмѣстѣ съ нѣкимъ Вильдъ, а потомъ, весною 1874 года отдѣльно, при помощи Войнаральскаго, типографію, въ которой печатались въ большомъ числѣ революціонныя изданія и разныя запрещенныя книги. Въ типографіи работали студенты и преимущественно интеллигентныя женщины, принимавшіе участіе въ революціонномъ движеніи. Поэтому типографія являлась какъ-бы третьимъ центромъ въ Москвѣ. О Мышкинѣ подробнѣе будетъ сказано ниже. Изъ работавшихъ въ типографіи назову: Соловцовскаго, Малиновскаго (петровцы), Сулинскую, Прушакевичъ, Фетисову, Ермолаеву. Они работали въ особой комнатѣ, куда не допускались непосвященные въ дѣло рабочіе. Отпечатанные листы тотчасъ-же уносились изъ типографіи.

Въ семидесятыхъ годахъ Кіевъ имѣлъ уже репутацію одного изъ наиболѣе революціонныхъ городовъ въ Россіи. Настроение мѣстной молодежи вполнѣ оправдывало эту репутацію. Какъ революціонный центръ, Кіевъ имѣлъ въ описываемое время болѣе значеніе, чѣмъ первопрестольная Москва. Революціонное движеніе протекало въ немъ самостоятельно, почти безъ всякаго вліянія со стороны петербургскихъ кружковъ, но, само собою разумѣется, проходило всѣ тѣ формы, хотя бы и можеть и въ болѣе рѣзкомъ видѣ, которыми характеризовалось движеніе въ Петербургѣ.

Къ началу движенія въ Кіевѣ существовалъ кружокъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ чайковцамъ и получавшій отъ нихъ для распространенія легальныя книги. Кружокъ былъ организованъ на подобіе радикальскихъ кружковъ Петербурга и по

немногу занимался съ рабочими. Въ кружкѣ участвовали Эмме, Иванъ Федоровичъ Рашевскій, г-жа Ширмеръ, имѣвшая ранѣе въ городѣ публичную бібліотеку, Аксельродъ, братья Левенталь и др. Кружокъ не проявлялъ большой активности, но охватывалъ своимъ вліяніемъ сравнительно большой кругъ молодежи. Когда въ Россіи начали обрисовываться два революціонныхъ направленія, лавровское и анархистское, дѣятели обоимъ пытались придать кружку направленіе, къ которому они сами принадлежали. Для пропаганды лавровскихъ идей пріѣзжалъ въ Кіевъ докторъ Воронцовъ, съ стороны же анархистовъ дѣйствовали Дебагорио-Мокривенчъ. — Пропаганда лавризма не могла привлечь къ себѣ страстныхъ кіевлянъ. Изъ кружка только Эмме и отчасти Рашевскій принимали въ болѣе или меньшей степени ученіе Лаврова, болѣе же молодой элементъ сочувствовалъ анархизму. Кружокъ распался и скоро пересталъ играть роль въ движеніи. Мокривенчъ сблизился съ Аксельродомъ и братьями Левенталь и обучалъ ихъ сапожному мастерству. Лурье также тяготѣлъ къ Мокривенчу и къ анархизму. Въ это-же время (зимой 1873 г.) Мокривенчъ сблизился съ Стефановичемъ. Мало-по-малу около него сталъ сформировываться новый кружокъ чисто анархистскаго направленія. Къ кружку принадлежали: Аксельродъ, Стефановичъ, Дейчъ, Ходько и Огелка Донецкая (перешедше оба изъ американскаго кружка), Лурье, Марья Александровна Колякина (впослѣдствіи осужденная по другому дѣлу и вышедшая замужъ за сына смотрителя Петропавловской крѣпости Богородскаго, также сосланнаго по политическому дѣлу въ Сибирь), Малинка, Дробязкинъ, Чубаровъ (всѣ трое потомъ были казнены) Студинскій (впослѣдствіи осужденный до дѣлу Ковальскаго), извѣстная Вѣра Ивановна Засуличъ, Викторъ Костюринъ, перешедшій изъ одесскаго кружка, Анна Макаревичъ (жена члена одесскаго кружка Волховскаго, Макаревичъ, урожденная Розенштейнъ, вышла впослѣдствіи замужъ за извѣстнаго итальянскаго социалиста), Гориновичъ, облитый потомъ за предательство сѣрной кислотой, Николай Бухъ, бывшій членъ самарскаго кружка и осужденный впослѣдствіи на каторгу, Марья Ковалевская, урожденная Воронцова (сестра извѣстнаго Воронцова, осужденная потомъ на каторгу и отравившаяся послѣ истязанія въ карійской тюрьмѣ Сигиди). Въ кружокъ попалъ какиъ-то образцовъ и извѣстный предатель Курицинъ. Послѣ покушенія на жизнь Гориновича явились нѣкоторые разногласія въ кружкѣ, усилившіяся еще болѣе, когда Стефановичъ вѣдѣлъ съ Дейчемъ (впослѣдствіи къ нимъ присоединился и Бохановскій), задумали своеобразное чигиринское дѣло. Кружокъ раздѣлился еще до начала этого дѣла, и вмѣстѣ съ Стефановичемъ ушли кромѣ Дейча, Колякина и Засуличъ. Оба кружка пережили арестный погромъ 1874 года и дотянули свое существованіе до начала террора.

Когда революціонное движеніе въ Россіи приняло опредѣленную фizioномію, и молодежь готовилась уже или даже и начала свое путешествіе въ народъ, въ Кіевѣ стали собираться какъ члены уже сорганизовавшихся кружковъ, такъ и одиночки, по-

чему либо тяготивше къ югу. Между прочимъ въ Киевъ переселился почти весь кружокъ Каблицъ. Изъ одиночекъ появилась Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, урожденная Вериги, уже тогда начинавшая играть видную роль въ средѣ молодежи. Предрасположенная по условіямъ воспитанія къ идеализму, она съ юныхъ лѣтъ увлекалась передовыми идеями и старалась быть полезной народу. Между прочимъ въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ она принимала участіе въ земскихъ дѣлахъ Мглинскаго уѣзда Черниговской губерніи и по ея инициативѣ демократическое земство, уже начавшее подвергаться разгрому, избрало въ мировые судьи Ковалика. Земское дѣло не могло всецѣло поглотить Брешковскую и потому она, особенно послѣ окончательнаго разгрома Мглинскаго земства, продолжала искать дѣла, чтобы отдать ему всѣ свои силы и способности. Начавшееся революціонное движеніе открыло для нея широкое поле дѣятельности, и она посвятила революціи всю свою дальнѣйшую жизнь. Съ начала 1874 года она перѣехала въ Киевъ, гдѣ особенно сошлась съ Стефановичемъ и Фишеромъ. Съ первымъ она ходила вмѣстѣ въ народъ для пропаганды. Въ кружкахъ молодежи Стефановичъ былъ извѣстенъ подъ кличкою «сына», данною вслѣдствіе того, что въ народѣ его принимали за сына Брешковской, которой въ то время было уже лѣтъ 30.

Значительно ранѣе, еще въ то время, когда движеніе едва надышалось, прѣехала въ Киевъ сестра Брешковской Ольга Константиновна, по мужу Иванова. Она не имѣла опредѣленнаго міросозерцанія, но была женщина въ высшей степени добрая и чуткая. Въ квартирѣ ея поселилось нѣсколько студентовъ, и всѣ жильцы составили одну семью, жившую на началахъ, напоминавшихъ коммуны. Число жильцовъ въ этой коммунѣ то увеличивалось, то уменьшалось, коммуна переимѣнила нѣсколько квартиръ и продолжала свое существованіе и послѣ смерти Ивановой. Всякій интеллигентъ, имѣвшій знакомыхъ въ числѣ жителей коммуны, могъ свободно въ ней остановиться на такое время, какое ему нужно. Тѣмъ болѣе имѣли доступъ въ коммуны прѣзжавшіе революціонеры, которые легко могли получить рекомендацію къ одному изъ членовъ коммуны, также болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ революціонному движенію. Члены кievскаго кружка Мокрѣевича также постоянно посѣщали коммуны, а иногда и жили въ ней. Скоро коммуна сдѣлалась штабъ-квартирой революціонеровъ. Кружокъ Каблицъ почти цѣлкомъ переселился въ Киевъ и большинство его членовъ, само собою разумѣется, поселилось въ коммуны. Здѣсь же временно проживали члены другихъ кружковъ. Всѣ они безъ всякаго принужденія подчинялись порядку, который самъ собою установился въ коммунахъ. Собственно говоря коммуна была только общей квартирой, въ которой каждый временный жилецъ получалъ яство для сна, хотя бы и на полу, и простой обѣды. Коммуна не имѣла никакихъ собственныхъ средствъ и существовала только благодаря взаимной товарищеской поддержкѣ.

Вслѣдствіе отсутствія всякой организаціи въ коммуны могли попадать люди, не отличающіеся высотою нравственнаго типа. Такъ крошкѣ Горинювача—первой жертвы расправы съ предателями—въ коммуны вошелъ нѣкій Ларіоновъ, Петръ Федоровичъ, который своимъ мнимымъ или дѣйствительнымъ экстазомъ и преданностью революціи и народу вызвалъ интересъ къ себѣ со стороны революціонеровъ. Онъ, едва посвященный самъ въ дѣло, вскорѣ послалъ уже такіе письма къ начинающимъ революціонерамъ: «Мнѣ одному изъ смертныхъ пришлось дѣйствительно обрести микроскопической уголки этого рая, это полное «дѣянаго огня», правды и честности дѣло... Я не могу самъ теперь ничего написать про извѣстное, въ настоящую минуту слившееся съ моимъ существованіемъ «дѣло», для этого нужно перечесть тебѣ все послѣнное представленіями русской заграничной прессы... Въ будущемъ я не откажусь помазать тебѣ муромъ посвященія. Конечно, если получу убѣжденіе, что ты съ теплою вѣрою послушаешь моего глагола и не какъ Іуда или разбойникъ, а какъ другъ, братъ, а главное человекъ».

Какъ было не повѣрить человеку, выражающему подобными образами, особенно въ то, полное энтузіазма время? Ларіоновъ поселился въ коммуны и былъ принятъ въ кружокъ Мокрѣевича. Послѣ небольшого промежутка святой, апостольской жизни, Ларіоновъ сталъ обнаруживать свояго поведеніемъ «ветхаго» человека. Особенно это проявилось въ его любовной интрижкѣ, въ которую, по словамъ прокурора-обвинителя, вмѣшались члены коммуны и уговорили жертву Ларіонова, заставлявшая знакомыхъ переселиться о немъ. Это переселеніе превратилось потомъ въ родъ нелѣпыхъ слуховъ, которые свѣдѣнныя власти подбирали вездѣ, гдѣ могли, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Дальнѣйшіе упреки, посылаемые обвинителемъ коммуны за яко-бы безнравственное ея поведеніе, настолько нелѣпы по своей формѣ, что заставляють читателя скорѣе утѣрять въ злой умиселъ прокуратуры, чѣмъ въ безнравственное поведеніе коммуны. Такъ обвинитель добылъ показанія отъ яко-бы свидѣтелей, которые слышали: одинъ—что въ коммуны спали по двѣ-три пары мужчинъ и женщинъ, другой, что такихъ паръ было пять-шесть, а третій, что мужчины и женщины спали въ пережку, мужчина, потомъ женщина, затѣмъ опять мужчина и т. д. Слѣдуетъ удивляться строгому порядку, соблюдаемому въ коммунахъ—ни одного лишняго мужчины и непременно въ пережку.

Само собою понятно, что все это сплошная инсинуація, къ которой уже съ давнихъ поръ любятъ прибѣгать агенты правительства, чтобы очернить всѣхъ тѣхъ, кто по нравственному уровню своему стоитъ значительно выше ихъ.

Вздорность утверждений обвинительного акта между прочим хорошо видна из одного, приведенного в нем приёма, а-кбы доказывающего, что коммунисты далеко не были мирно настроены по отношению друг к другу. По словам прокурора Каблиць и Фишер «дрались между собою на vilках»?!

Один из членов так называемой Киевской коммуны, Василий Александрович Бенедик, хотя и участвовал в соглашениях большинства товарищей по большому процессу протестовать против суда и отказаться от защиты, тем не менее, в виду исключительности положения киевлян, выставленным прокуратурою какими-то нравственными уродами, пригласил в защитники Евгения Утина, поручив ему защищать коммуну, а не личность клиента. Утин, в блестящей речи, сказанной перед особым присутствием Сената, легко распутал грубо сотканную паутину, в которую прокуратура думала затянуть свои жертвы и доказал, что члены коммуны были не исчадием ада, а порядочными и нравственными людьми. После речи Утина и других талантливых адвокатов всё стало понятно, что та грязь, которую удалось удолить составителю обвинительного акта (товарищи обер-прокурора сената Желеховскому), процветавшая чистое движение 70 годов чрез следовательские сита, происходила не от самого движения, а от сит, не отличавшихся, как оно, чистотой. После сказанного можно оставить без всякого опровержения утверждение прокурора, что деятели коммуны Брешковская, Фишер и Тетельмань влезли в Мглинской уезд, чтобы добыть от одной помещицы доверенность на продажу её имения и воспользоваться деньгами, которая могут быть выручены при самой продаже. Я, конечно, не стану отрицать возможности совершения безнравственных поступков со стороны отдельных лиц, примкнувших к революционному движению не только в Киев, но и во всех других городах— в семье, как говорится, не без урда,— но не подлежить сомнению, что идейная группа, готовая во всякую минуту на самоожертвование, не представляют сколько нибудь благоприятной почвы для развития разврата и составления планов уголовных преступлений.

Чтобы покончить с Ларионовым, скажу, что кроме чисто-политического преступления, он обвинялся еще в краже лошади, на которой объездил из Вологодской губернии, и в получении в свою пользу денег из керченского казначейства по доверию крестьян. Оба эти преступления, если они и носили действительно, как утверждает обвинитель, уголовный характер, тем не менее были совершены до вступления Ларионова в революционный кружок.

Как бы то ни было, значительное большинство революционеров, избравших своею штаб-квартирою Киевскую коммуну, отличались не дожинною энергиею, проявившую большую работоспособность и во всяком случае не ослабили репутации Киева, как одного из крупнейших революционных центров.

В Одессе, с самого начала движения, было принято иной оборот, чьмь в остальных городах России. Несмотря на

жюжный темперамент одесситов, все движение протекало у них с наименьшею, чьмь где-бы то ни было, страстностью.

Брожение охватило во Одессе широкие круги молодежи, но не носило специально революционного характера—по крайней мере в начал — и приняло своеобразную форму: наряду с проповедью революции в том виде, как это происходило во всех крупных центрах, в Одессе имела некоторый успех пропаганда вегетарианства, которую вел один француз—доктор. Он думал обновить мир переменою всего образа жизни человечества и приглашал своих последователей переселиться в теплые страны, где можно было бы ходить без одежды и питаться фруктами, и там основать на социалистических началах новое человеческое общество. Француз был сильно обижён Бакуним, отъившимся ему на проповедь вегетарианства короткой репликой, что в наш век сабдуеть питаться буржуазным мясом, и думал своею мирною пропагандою, главным образом среди студенчества, взять верх над имевшею по его мнению кровавый характер пропагандою анархии. У доктора был десятко другой последователей, которых обыкновенно высмывали студенты, когда они в студенческой столовой требовали себь фасолы и т. п. растительной пищи. Кроме непосредственных последователей учения были еще в сравнительно небольшом количестве и сочувствующие или просто интересовавшиеся личностью доктора.

Другой небольшой кружок или ячейка собиралась около Ковальскаго, казеннаго впоследствии за первое в России вооруженное сопротивление обыску¹⁾ Ковальский совершенно отрицал революционные пути деятельности и единственно спасительным считал сектанство. Он хорошо изучил предмет и с каждым готовь был подлить своими знаниями, но не имела популярности—нькоторые даже считали его маньяком. Вследствии он переиначил свои взгляды и стал убежденным революционером.

Как ни малы были круги, увлекавшиеся вегетарианством и сектами, но тем не менее самая наличность их свидетельствовала о нькотором разброде мысли, невозможном в среде сь сильно повышенным настроением. Это настроение явилось послб, но в начал движения зимою 1873 года его еще не было.

Одесский революционный кружок также имела физиономию

отличную от других таких же кружков. Это объясняется по всей вероятности выше упомянутыми условиями среды, в которой ему приходилось действовать, а может быть и нькоторыми личными особенностями лидера кружка Волховского и его ближайших сотрудников. Кружок мало интересовался анархическим учением и продолжал свое существование и деятельность почти в таком-же виде, как это было в радикальскй период, предшествовавший движению, замтно усилив только деятельность

¹⁾ Это не сказать точно: первое вооруженное сопротивление опавалъ осужденный по процессу 50-ти вл. Цивилков. *Тед.*

среди рабочих. Для этих последних были устроены небольшие школы, в которых члены кружка, со всею возможною в то время конспиративною, постепенною развивали рабочих, подготавливая их къ революціи. Пропагандой среди интеллигенціи кружокъ мало занимался, но умѣлъ улавливать выдающихся людей, которыхъ и вводилъ въ свою среду. Такъ онъ принялъ въ свои члены въ концѣ 1873 г. Желябова, впоследствии одного изъ самыхъ видныхъ народолюбцевъ. Интересно было видѣть съ какою скромностію и благоговѣніемъ слушалъ Желябовъ рѣчи Волховского и другихъ старшихъ по времени вступленія въ кружокъ членовъ его. Огонекъ, потухавшій въ Желябовѣ въ то время, когда онъ находился въ составѣ кружка, тотчасъ же вспыхивалъ за пределами. Хотя Желябовъ и былъ исключенъ изъ университета, но онъ продолжалъ принимать участіе въ студенческихъ дѣлахъ и на происходившихъ по поводу ихъ собраніяхъ рѣзко обривалъ признанныя студенчествомъ авторитетовъ, если не разделялъ ихъ взглядовъ.

Скромнымъ и тихимъ человѣкомъ Желябовъ оставался и на большомъ процессѣ, представляя руководитѣ товарищами другимъ лицамъ, съ которыми онъ никогда не вступалъ въ состязаніе. Такъ-же скромно онъ около двухъ лѣтъ просидѣлъ въ деревнѣ и только, почуввъ въ себѣ силу, онъ вскорѣ послѣ окончанія процесса, занялъ подобающее ему мѣсто въ партіи.

Въ кружкѣ Волховскаго, кромѣ Желябова, принимали участіе слѣдующія лица: Жолтановскій, Ольга Разумовская, по мужу Романовская ¹⁾, Вильгельмъ Лангансъ, впоследствии занявшій видное мѣсто въ партіи «Народная Воля», Франкози, Леонидъ Аполлоновичъ Дическуло, Петръ Маркеловичъ Макаренчъ, Викторъ Федоровичъ Костюринъ, перешедшій потомъ въ Кіевскій кружокъ, и Леонидъ Ивановичъ Голиковъ.

Феликсъ Вадимовичъ Волховской принималъ участіе въ Нечаевскомъ процессѣ и имѣлъ, до начала движенія 70-хъ годовъ, нѣкоторую извѣстность въ радикальныхъ кругахъ. Обладая большою эрудиціею, онъ въ то же время не былъ лишенъ и организаторскихъ способностей и владѣлъ слогомъ. Во время большого процесса онъ составлялъ для нелегальныхъ листовъ бюллетени обо всемъ, происходившемъ на судѣ. Отравленный по суду на житье въ Томскую губернію, онъ принималъ участіе въ издававшейся въ Томскѣ «Сибирской Газетѣ», былъ высладеиъ на Востокъ и, совершивъ удачный побѣгъ, поселился въ концѣ концовъ въ Лондонѣ.

¹⁾ Романовскій, учитель Каменицкаго-Подольской гимназіи, вѣнскій въ 1871 году изъ состава кружка, имѣвшато мѣсто основатѣ Америкѣ настоящую дознану, и въ качествѣ шопера имѣлъ съ извѣстными потомъ испелителемъ Григоріемъ Александровичемъ Милетомъ и впоследствии докторомъ Рѣчицкимъ-Логвиновымъ уѣхалъ въ Америку, чтобы выбрать мѣсто поселенія. Пробывъ свой револьверъ въ рукахъ енталъ по Чикаго въ Америкѣ, Рѣчицкій нечаянно убилъ Романовскаго. Американскій судья оставивши въ извѣстѣ товарищій стужей Ливна, но торжественно оправдалъ ихъ. Рѣчицкій скоро возвратился въ Россію и, будучи арестованъ въ Николаевскѣ Самарской губерніи, лишился себя жизни.

Здѣсь онъ принималъ участіе въ Листкѣ Фонда Вольной Русской прессы¹⁾ и занимался другими литературными работами. Взгляды его дѣлались со временемъ болѣе умѣренными и онъ сталъ склоняться къ конституціонализму.

Костюринъ былъ еще очень молодъ, когда сблизился съ Волховскимъ. Изъ всѣхъ членовъ кружка только у Костюрина замѣтна была какъ бы нѣкоторая внутренняя неудовлетворенность и исканіе болѣе крайнихъ направлений. Это сквило въ его рѣчахъ, когда онъ защищаль общую программу кружка. Вскорѣ онъ дѣйствительно перешелъ къ самымъ крайнимъ взглядамъ и поступилъ въ самый дѣвый изъ существовавшихъ кружковъ — Кіевскій. Здѣсь онъ замѣшанъ былъ въ покушеніи на жизнь Горинича и осужденъ на каторгу (по особому процессу). Впоследствии онъ принялъ участіе въ Сибирской прессѣ и отдался литературѣ. Въ Тобольскѣ онъ издавалъ (фактически) газету «Сибирскій листокъ», которая потомъ перешла въ собственность его жены; газета, конечно, была все время прогрессивная. Въ Тобольскѣ онъ принялъ участіе въ нѣмнѣшнемъ освободительномъ движеніи и высланъ на сѣверъ.

По составу своему кружокъ Волховскаго былъ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ кружковъ. Члены въ него подбирались съ большою осторожностію и послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго испытанія. Въ этомъ кружкѣ можно было наблюдать проявленія партійной дисциплины, столь рѣдкою въ описываемое время.

Необыкновенная конспиративность, съ которою велись всѣ дѣла кружка, казалось, на долго гарантировала его существованіе. Но волна движенія, охватившаго вмѣстѣ съ другими городами и Одессу, подымалась настолько высоко, что никакія искусственыя сооруженія, никакія плотны не могли устоять. Конспиративности кружка тоже кое гдѣ порвалась, и свѣданія о его дѣятельности проникли за стѣну, которую онъ себѣ окружилъ. Между прочимъ о кружкѣ кое-что извѣстно было нѣкому Георгію Трудниக்கு. Онъ выдалъ правительству все, что зналъ о революціонерахъ, не пощадивъ и кружокъ Волховскаго. Трудницкій скоро раскаялся въ своемъ поступкѣ и въ порывъ отчаянія лишилъ себя жизни.

Кружокъ имѣлъ болѣе или менѣе близкія отношенія къ такъ называемымъ Сенъ-Жебунистамъ—группѣ, состоявшей изъ трехъ братьевъ Жебуневыхъ—сплотившихся еще въ Цюрихѣ. Сенъ-Жебунисты долго отказывались слиться съ общимъ движеніемъ и вступили на чисто революціонный путь, но въ концѣ концовъ условили общую программу того времени. Эта-то группа и приняла въ свою среду названнаго выше Трудницкаго, который и выдалъ ее. Сергіи и Владиміръ Жебуневы были арестованы, а Николай Скорый.

Самарскій кружокъ образовался изъ кружка самообразованія, въ которомъ принимали участіе гимназисты. Кружокъ изучалъ литературу и науки, начиная отъ химіи и кончая соціологіей. Особенно занимали его вопросы объ ассоціаціяхъ и улучшеніи быта рабочихъ. Духъ отрицанія все болѣе и болѣе крѣпъ въ кружкѣ и, когда

до Самары стали доходить отклики начинающегося революционного движения, члены кружка быстро усвоили себе обычную в то время программу революционеров. Самый состав кружка увеличился вследствие принятия новых членов. Дѣятельность кружка особенно усилилась съ прїѣздомъ Городецкого съ товарищами, которые были своими людьми въ кружкѣ. Вскорѣ въ Самару начали прїѣзжать анархисты. Войнаральскіе, практическая программа котораго вполнѣ отвѣчала анархическому учению, также посѣждая Самару, ходилъ вмѣстѣ съ Осташкиними къ пыльщикамъ и вмѣстѣ съ Селивановымъ путешествовалъ по губерніи для пропаганды въ селахъ. Семинаристы тоже заинтересовались прїѣзжающими революционерами и зашевелились. Нѣкоторые изъ нихъ вступили потои въ кружокъ. Вообще все молодое и живое поднялось въ Самарѣ на ноги—образовалась настоящая революціонный муравейникъ. Самара 1874 года во всякомъ случаѣ не могла разочаровать революціонеровъ въ той вѣрѣ ихъ въ Поволжье, которая заставила многихъ изъ нихъ избирать аренной своей агитаторской дѣятельности расположенныя по Волгѣ губерніи. Самарцамъ удалось привлечь къ своему дѣлу и нѣсколькихъ обывателей, въ числѣ которыхъ былъ Боминскій, дававшій пріютъ въ своемъ постояломъ дворѣ прїѣзжимъ революционерамъ.

Изъ членовъ кружка назову слѣдующихъ лицъ: Егора Егоронича Лазарева, эмигрировавшаго послѣ суда и нынѣ проживающаго въ Швейцаріи, Виктора Александровича Осташкина, Василя Васильевича Фидельцова, Владимира Осипова, Ивана Ивановича Бѣлкова, Никифора Ивановича Емельянова. Въ кружкѣ были: крестьяне, такъ называемый нынѣ третій элементъ (служащіе въ земствѣ), учителя и даже одинъ лакей (Павелъ Александровъ).

Кружокъ пробовалъ свои силы въ народѣ. Однимъ изъ наиболее дѣятельныхъ пропагандистовъ былъ Н. И. Емельяновъ, крестьянинъ. У него отчасти у самого, отчасти черезъ Александра было много связей въ средѣ крестьянства, чѣмъ онъ и пользовался въ цѣляхъ пропаганды. Не получивъ сколько нибудь широкаго образования, Емельяновъ развилъ себя чтеніемъ, особенно запрещенныхъ книгъ, и былъ убѣжденнымъ народникомъ-революционеромъ. Анархія, какъ ученіе, его мало занимала, но онъ съ наивною простотою души глубоко вѣрилъ въ успѣхъ пропаганды. Скептиковъ онъ пытался разбивать такими аргументами: я оставлю послѣ себя (если арестуютъ) самое меньшее двухъ сознательныхъ, способныхъ къ дальнѣйшей пропагандѣ крестьянъ, каждый изъ нихъ сдѣлаетъ тоже и такимъ образомъ чрезъ небольшое число лѣтъ даже въ глухой деревнѣ будутъ сознательные революціонеры, при помощи которыхъ легко будетъ произвести социальный переворотъ.

Самарскій кружокъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ выдающихся кружковъ, работавшихъ въ глухой провинціи, вдали отъ университетскихъ центровъ.

Въ противоположность Самарскому, Харьковскій кружокъ не представлялъ собою ничего замѣчательнаго ни по своей дѣятель-

ности, ни по личностямъ, входившимъ въ его составъ; тѣмъ не менѣе исторія его образования въ высшей степени интересна въ томъ отношеніи, что наглядно показываетъ силу революціоннаго вихря, роковымъ образомъ захватывающаго въ свой круговоротъ даже самыхъ среднихъ, но лишь бы молодыхъ и честныхъ людей.

Кружокъ, какъ упомянуто выше, образовался по инициативѣ лица, прїѣхавшаго въ Харьковъ лишь на нѣсколько дней (Ковалика). Вѣсть о прїѣздѣ агитатора съ быстротою молнии облетѣла уцающихся, и кружокъ закончилъ свою организацію въ бытность Ковалика.

До 1874 года Харьковъ былъ однимъ изъ самыхъ глухихъ въ революціонномъ отношеніи городовъ, а студенчество—однимъ изъ самыхъ мирныхъ и отсталыхъ въ Россіи, могущимъ сравниться только съ Казанскимъ. До прїѣзда Ковалика въ Харьковѣ уже былъ прочитанъ № 1 журнала «Впередъ», но прозвѣдшій почему-то особаго впечатлѣнія на молодежь. По крайней мѣрѣ чтеніе не вызвало не только сходакъ, но даже коллективнаго обсуждения прочитаннаго въ небольшихъ группахъ. Самый кругъ лицъ, прочитавшихъ «Впередъ», былъ весьма ограниченъ. Трудно допустить, что Харьковская молодежь была не подготовлена къ воспріятію ученія Ларрова, поэтому остается предположить, что въ Харьковѣ случайно не нашлось челоѣка, обладающаго агитаторскими способностями и умѣющаго перевести на практическую почву идеи, развивавшіяся въ журналѣ. Въ прїѣздѣ Ковалика дѣло обстояло иначе и результаты получились другіе.

Юрій Николаевичъ Говоруха-Отрокъ, узнавши отъ Ковалика, что революціонное движеніе быстро развивается въ Россіи, отдался новому для него дѣлу со всею энергіей, на которую былъ способенъ, и на первое время сталъ руководителемъ кружка. Кружокъ имѣлъ цѣльный рядъ сходакъ. На первой изъ нихъ, по свидѣтельству обвинительнаго акта, Говоруха доказывалъ ненормальность существующаго политическаго и экономическаго строя. Этотъ строй долженъ быть поэтому уничтоженъ революціей. Въ то же время ораторъ утверждалъ, что физическій трудъ есть единственно честный трудъ и звалъ слушателей въ народъ для революціонной дѣятельности, имѣющей конечною своею цѣлью возстаніе. На другой сходкѣ Говоруха развивалъ уже мысль о необходимости устрашенія правительства и привилегированныхъ классовъ и на вопросъ одного изъ семинаристовъ, какъ это сдѣлать, будто-бы отвѣтилъ: «да я самъ сейчасъ зарѣжу прокурора». Видимая абсурдность этого отвѣта показывается еще разъ, насколько ненадежныя показаніями руководствовался прокуроръ при составленіи обвинительнаго акта. Между тѣмъ къ услугамъ его былъ обильный матеріалъ, собранный дознаніемъ. Большинство членовъ кружка и вообще лицъ, бывавшихъ на сходакахъ, и во главѣ ихъ самъ Говоруха, давали подробныя показанія обо всемъ, что имъ было извѣстно. Кружокъ въ полномъ составѣ не приступилъ къ практической дѣятельности и потому не могло существовать такихъ дѣлъ, которая требовали строгой тайны, болтовня-же о сходакахъ почему-то не казалась

харьковцам предрасудительную. Одно показание, данное съ полною откровенностью жандармам, вызвало ряд других подобныхже показаний. Какъ-бы то ни было, но данная, приведенная въ обвинительномъ актѣ, послужила однимъ изъ главныхъ матеріаловъ при составленіи этого очерка Харьковскаго кружка.

Говоруха представлялъ собою типъ разочарованнаго лишняго человека. Подъ влияніемъ новыхъ идей онъ на время воспринялъ духомъ, но оживленіе и подъемъ энергіи продолжались у него не долго. Скоро онъ сталъ устраниваться отъ руководства кружкомъ и даже отъ всякой дѣятельности. Говоруха между прочимъ имѣлъ склонность къ литературѣ. Изъ тюрьмы онъ посылалъ Н. К. Михайловскому какой-то написанный имъ рассказъ и получилъ благословеніе знаменитаго критика на дальнѣйшую литературную дѣятельность. По выходѣ изъ тюрьмы Говоруха пристроился однако не къ передовымъ органамъ печати, а къ реакціонной газетѣ «Южный Край», издававшейся въ Харьковѣ и за свою постоянную травлю въ ней студенчества получилъ пощечину отъ одного изъ студентовъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ революціонеромъ, Говоруха умеръ реакціонеромъ или по меньшей мѣрѣ участникомъ въ реакціонной литературѣ.

По устраненіи Говорухи главная роль въ кружкѣ перешла къ Николаю Михайловичу Баркову, студенту Харьковскаго университета. Онъ продолжалъ развивать въ кружкѣ программу революціонной дѣятельности въ анархическомъ духѣ. Онъ вмѣстѣ съ другими агитировалъ въ средѣ ветеринаровъ, по словамъ обвинительнаго акта онъ также доказывалъ необходимость уничтоженія правительства, считая его, а не личность царя, виновнымъ во всѣхъ несовершенствахъ общественаго строя. «Члены Царствующаго дома, по его словамъ, должны быть устранены, т. е. должны, потерявъ влияніе, поступить въ разрядъ всѣхъ другихъ гражданъ». Барковъ вмѣстѣ съ семинаристомъ Спѣснцевымъ и ветеринаромъ Емельяновымъ ходилъ въ сосѣднее село для пропаганды рабочимъ революціонныхъ идей, но рабочіе будто-бы отказались отъ предложенныхъ имъ нелегальныхъ книгъ. Во время главенства Баркова окончательнаго завершилась организація кассы, получившей начало еще при Коваликѣ. Въ кассу поступили деньги отъ розыгрыша въ лотерею разныхъ книгъ и отъ продажи революціонныхъ изданій. Весь фондъ кассы состоялъ изъ 170 рублей.

Барковъ тоже недолго игралъ руководящую роль, которая постепенно переходила къ ветеринарамъ. Среди нихъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ былъ Калюжний.

Анархисты издали слѣдили за развитіемъ кружковъ въ Харьковѣ. Въ апрѣлѣ 1874 г. въ Харьковъ прѣѣхалъ, по порученію Ковалика, Рабиновичъ, съ книжками и деньгами. Въ это же приблизительно время Харьковскій кружокъ былъ введенъ въ зачаточную революціонную организацію (общую кассу), о которой будетъ сказано ниже. Прѣѣздъ Рабиновича вызвалъ оживленіе, сходки участіе и самый кругъ лицъ, причастныхъ къ движенію, расширился.

На сходкахъ сталъ играть замѣтную роль ветеринаръ Лебедевъ подъ именемъ Долинскаго, застрѣлившій во время производства дознанія. Въ одномъ изъ перекаченныхъ писемъ ветеринара Михаила Михайловича Серебрякова, сдѣланнаго по процессу 193, между прочимъ читаемъ: «Въ Харьковѣ духъ нашей братіи и вообще *всѣхъ* изменился къ лучшему; всѣ интересуются крайне поподною литературою. Дѣло Долгушина не сходить съ языка, всѣ трактуютъ, возмущаются, приходятъ въ пререпальства и просто зачитываются Цюрихскими изданіями. Но все это пахнетъ чѣмъ-то навѣяннымъ извнѣ, временною экзальтаціею, а не продуманными убѣжденіями».

На дѣто члены Харьковскихъ кружковъ, какъ первоначальнаго, такъ и ветеринарнаго разѣѣхались, нѣкоторые поселились въ деревняхъ и пробовали свои силы въ народѣ. Семинаристъ Михаилъ Феоктистовичъ Спѣснцевъ переехалъ въ Пензу, гдѣ вступилъ въ сношенія съ Войнарскимъ и принималъ участіе въ мѣстномъ кружкѣ, затѣмъ онъ появляется въ Самарской губерніи. Барковъ уѣхалъ въ Екатеринославскую губернію, ходилъ тамъ по деревнямъ и начиналъ уже разочаровываться.

По отношенію ко многимъ дѣятелямъ харьковскихъ кружковъ Серебряковъ былъ правъ, утверждая, что они были временно экзальтированы. Весь семинарскій кружокъ не выдерживалъ строгой критики, если съотрѣчь на него съ точки зрѣнія способности его членовъ къ продолжительной революціонной работѣ. Главы этого кружка также росписались въ полной неумѣлости вести дѣло. Но характерность всей исторіи возникновенія и дальнѣйшаго существованія кружка заключается именно въ томъ, что при крайней его неустойчивости и слабости входящихъ въ него силъ, онъ сыгралъ крупную роль въ дѣлѣ революціонизированія Харьковской молодежи. Только со времени появленія на сцену кружка Харьковъ измѣняетъ установившуюся за нимъ репутацію: изъ тихаго города онъ становится однимъ изъ революціонныхъ центровъ, въ которомъ правительство сочло даже нужнымъ посадить послѣ Турецкой войны особаго генералъ-губернатора.

Нѣкоторую, впрочемъ довольно слабую связь съ Харьковскими кружками имѣлъ Викторъ Александровичъ Даниловъ. Обвинительный актъ констатируетъ, что онъ уѣхалъ изъ Харькова на Кавказъ на средства кружка.

Имѣя около 20 лѣтъ отъ роду, Даниловъ отправился въ Цюрихъ и поступилъ въ Политехникумъ, гдѣ занимался науками и принималъ слабое участіе въ жизни русской колоніи. Онъ всегда отличался оригинальностью, которая не позволяла ему слѣдовать по пути общему для людей его круга. Въ то время, когда въ русской колоніи кипѣла бурная жизнь и обитатели ея дѣлились на двѣ враждующія партіи, Даниловъ не пристраилъ ни къ одной и со всею страстностью, на которую былъ способенъ, отдался изученію русскаго сектанства, долженствующаго, по его мнѣнію, сыграть крупную революціонную роль въ Россіи. Когда колонія разѣѣхалась,

онъ остался въ Цюрихѣ, но потомъ и самъ бросилъ науки и возвратился въ Россію, чтобы осуществить свою заветную идею—вести народъ къ революціи черезъ сектанство. Проживъ нѣкоторое время въ Харьковѣ, онъ отправился на Кавказъ къ молочанамъ. Онъ довольно долго оставался въ средѣ сектантовъ, сошелся съ ними и пользовался у нихъ уваженіемъ.

Мирная дѣятельность среди сектантовъ не могла удовлетворить активной натуры Данилова, и онъ сталъ искать революціонныхъ путей дѣятельности. Возвратившись въ Харьковъ, онъ во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ собралъ небольшой кружокъ революціоннаго характера, въ которомъ наиболее виднымъ членомъ былъ юный Александръ Осиповичъ Сычино, сынъ харьковскаго профессора, кончившій свою жизнь въ 90 годахъ самоубійствомъ въ Воронежской тюрьмѣ. Кружокъ былъ арестованъ и преданъ суду, приговорившему Данилова къ каторжнымъ работамъ на 4 года. Отбывъ этотъ срокъ, онъ вышелъ на поселеніе. Съ этого времени начинается его скитаніе. Онъ бѣгалъ, былъ снова водворяемъ въ ссылку и становился чѣмъ-то въ родѣ революціоннаго бродяги. Въ это время ему пришлось совершить нѣсколько путешествій вмѣстѣ съ партіями политическихъ арестантовъ. Такимъ образомъ онъ составилъ себѣ большое знакомство съ революціонными дѣятелями разныхъ эпохъ и приобрѣлъ себѣ много поклонниковъ среди молодыхъ революціонеровъ. Собственно съ этого времени и начинается его слава. Самъ онъ еще болѣе революціонизировался. Революція стала его единственною профессіей и въ бумагахъ, подаваемыхъ начальству, онъ подписывался не иначе, какъ «плѣнный социалистъ».

Въ отношеніи своихъ личныхъ потребностей онъ былъ строгимъ ригористомъ и не позволялъ себѣ не только никакихъ излишествъ, но считалъ даже роскошью обыкновенную пищу политическихъ арестантовъ. Стараясь приготовить для нихъ, насколько позволяли средства, вкусный и азоровый обѣдъ, онъ самъ питался обѣдками или же варилъ себѣ какую-то похлебку изъ травъ. Въ своемъ собственномъ питаніи онъ придерживался вегетарианства, но не обыкновеннаго, а своеобразнаго, какъ и все, что онъ дѣлалъ. Во время своего содержанія на Карѣ, онъ, какъ и всѣ товарищи, имѣлъ право на расходование 75 копѣекъ въ мѣсяцъ на чай, сахаръ, табакъ и пр., но не тратилъ на себя ни копѣйки и время отъ времени задавалъ угощеніе своимъ сокамерникамъ по камерѣ въ видѣ пироговъ и т. п. Это показываетъ, что у него, какъ и у всѣхъ высоко-нравственныхъ людей, наряду со строгими принципиальными требованіями къ себѣ была самая широкая снисходительность къ мелкимъ человѣческимъ слабостямъ.

По природѣ своей Даниловъ долженъ бы былъ явиться въ міръ въ качествѣ нравственнаго учителя, а между тѣмъ судьба сдѣлала его революціонеромъ по профессіи. Въ этомъ противорѣчьи заключается причина какъ его силы, такъ и слабости. Молодежь увлекалась имъ какъ героемъ, не имѣвшимъ обычныхъ человѣческихъ

недостатковъ, люди-жъ выдавшіе всякіе виды отношеній къ нему съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, какъ къ человѣку, который не въ состояніи осуществить на практикѣ тѣ великія революціонныя задачи, которыя онъ себѣ ставилъ. Въ своей революціонной дѣятельности онъ всегда являлся болѣе проповѣдникомъ, чѣмъ организаторомъ. Отсюда понятно, что на Карѣ, гдѣ собрано много выдающихся людей, Даниловъ не имѣлъ той популярности, которой онъ пользовался въ арестантскихъ партіяхъ, состоявшихъ болѣею частью изъ молодежи.

Послѣ долгихъ странствованій, Даниловъ былъ водворенъ въ Колымскіе краѣ. Здѣсь онъ наконецъ почувствовалъ, что организаторъ, начинавшій изнашивать, не въ состояніи далѣе выносить тѣхъ лишеній, которымъ онъ себя подвергалъ добровольно. Онъ долженъ былъ разрѣшить себѣ вино и елей, т. е. питаться, какъ всѣ обыкновенные смертные. Но и здѣсь онъ сохранилъ свою своеобразность, поселившись одинъ далеко отъ остальныхъ товарищей въ Верхне-Колымскѣ. Сначала онъ все получаемое казенное пособіе затрачивалъ на выписку книгъ философскаго содержанія, которыми и зачитывался въ уединеніи, но потомъ онъ сталъ вести обыкновенную жизнь якута—скотовода, помогая бѣднымъ якутамъ советами и матеріальными средствами. Этотъ періодъ его жизни описанъ Таномъ въ разсказѣ, подъ заглавіемъ «Ожить!». Авторъ описываетъ возрожденіе Данилова къ новой жизни. Собственно говоря, съ точки зрѣнія прежнего Данилова, разсказъ правильнѣе было бы назвать «Умереть».

VIII.

Выдающиеся одиночки: Войнаральскій, Рогачевъ, Мишкинъ и Малковъ.

Въ предъидущихъ главахъ данъ очеркъ наличныхъ силъ революціоннаго движенія въ лицѣ организованныхъ кружковъ. Очеркъ былъ бы не полонъ, если бы я упомянулъ о наиболее выдающихся одиночкахъ, принимавшихъ болѣе или менѣе видное участіе въ движеніи.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся людей того времени былъ Порфирій Ивановичъ Войнаральскій, незаконный сынъ княгини Кугушевой, принявшій фамилію своего отца, прочтенную наоборотъ, отъ конца къ началу, съ прибавленіемъ «скій». (Войнаральскій, потомъ переименованный для благозвучія на Войнаральскій).

За участіе въ студенческомъ движеніи 1861 года онъ былъ высланъ изъ московскаго университета на сѣверъ, въ возрастѣ около 17 лѣтъ. Будучи студентомъ, онъ стоялъ ближе всего къ группѣ, известной потомъ подъ именемъ Каракозовцевъ. Въ этой группѣ были земляки Войнаральскаго, съ которыми онъ поддерживалъ нѣкоторыя отношенія почти до своей смерти. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ возвратился изъ ссылки на родину въ Городищенскій

уѣздъ, Пензенской губерніи, гдѣ былъ избранъ мировымъ судьей, но протерпѣлъ недолго, не будучи утвержденъ, какъ и Коваликъ, въ этой должности Сенатомъ¹⁾.

Войнаралскій не принадлежалъ ни къ какому опредѣленному кружку. Предшшихъ всюду революціонному дѣлу, онъ съ первыхъ же шаговъ встрѣтился на избранномъ имъ пути со многими кружками и не слыхалъ окончательно ни съ однимъ. О близости его къ московскимъ кружкамъ, а черезъ нихъ и къ Чайковцамъ, уже было упомянуто. Онъ былъ также своимъ человекомъ въ кружкахъ: Саратовскомъ, Самарскомъ, Пензенскомъ и Тамбовскомъ, участвуя вмѣстѣ съ Рогачевымъ въ организаціи двухъ послѣднихъ.

Войнаралскій не умѣлъ отдаваться захватившему его дѣлу на половину. Разъ онъ ступилъ на революціонный путь, онъ отдавалъ революціи всѣ свои силы и матеріальныя средства. Его личное состояніе, доходившее до 40 тысячъ рублей, было достояніемъ революціи. Правда не всѣ его деньги были употреблены на дѣло, которому онъ служилъ—часть пристала къ рукамъ распорядителей, которыхъ онъ долженъ былъ назначить, когда былъ вмѣстѣ со своею женою арестованъ. Въ обвинительномъ актѣ сохранилась характерная черта для Войнаралскаго и всѣхъ вообще дѣателей движенія 70-хъ годовъ. Въ мастерской, устроенной на его средства въ Москвѣ, онъ повѣсилъ на стѣнкѣ сумку съ деньгами (400—500 руб.) и всякій изъ постоянныхъ посѣтителей мастерской могъ свободно опустить руку въ сумку и брать столько денегъ, сколько ему было нужно.

По природѣ своего ума Войнаралскій не былъ теоретикомъ. Обладая яснымъ умомъ, онъ быстро усваивалъ сущность всякой новой идеи или новаго ученія, но его больше всего интересовала практическая сторона дѣла—способы ихъ осуществленія. Даже въ самый разгаръ своей дѣятельности, онъ никогда не объявлялъ себя послѣдовательнымъ анархистомъ, а между тѣмъ по образу своихъ дѣйствій онъ былъ несомнѣнно таковымъ. Войнаралскій былъ по преимуществу практикъ, интересовавшійся больше всего матеріальными слѣдами своей работы. Въ средѣ интеллигенціи онъ устраивалъ мастерскія, типографіи, агентуры, въ народѣ—лавочки, постоялые дворы и разные притоны для пропагандистовъ. Събыто такихъ, связанныхъ между собою пунктовъ, онъ мечталъ покрыть весь районъ Поволжья, куда онъ перенесъ главную свою дѣятельность.

Независимо отъ этой дѣятельности чисто организаціоннаго характера, Войнаралскій стремился испытать свои силы на пропагандѣ революціонныхъ идей въ народѣ. Получивъ отъ Самарскихъ пыльщиковъ адреса крестьянъ, способныхъ сочувственно отнестись

къ проповѣдуемымъ имъ идеямъ, Войнаралскій въ сопутствіи Седанова обошелъ два уѣзда Сызранскій и Корсунскій. Затѣмъ въ сообществѣ Надежды Юргенсонъ ходилъ въ Ставропольскій уѣздъ, гдѣ былъ временно арестованъ сельскими властями (объ этомъ будетъ упомянуто ниже). Войнаралскій остался очень доволенъ результатами своихъ путешествій. Ему между прочимъ удалось устроить нѣсколько новыхъ пунктовъ для преподаваемой сѣти.

Войнаралскій былъ окончательно арестованъ въ Самарѣ въ концѣ іюля 1874 г. и въскорѣ былъ увезенъ въ Москву, а затѣмъ и въ Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость. Ко времени начала слѣдствія, во главѣ котораго стоялъ сенаторъ, Войнаралскій и другіе заключенные были переведены въ Домъ предварительнаго заключенія. Здѣсь онъ и Коваликъ составили планъ побѣга и въ одну, уже довольно свѣтлую, петербургскую ночь пытались осуществить его. Съ воли устройству побѣга помогали Григорій Александровичъ Мачтетъ и Орестъ Мартыновичъ Габель¹⁾. Когда бѣглецы спустились на простыняхъ по стѣнамъ тюремъ, ихъ увидѣлъ инженеръ Чечудинъ, возвращавшійся навеселѣ изъ клуба, нѣкогда самъ сидѣвшій по политическому дѣлу въ крѣпости. Онъ поднялъ тревогу, и бѣглецы, уже садившіеся на извозчика, были пойманы и препровождены вмѣстѣ съ Чечудиннымъ въ участокъ. Этотъ послѣдній расказывалъ въ своемъ поступкѣ и убиралъ, что онъ принялъ спускавшіяся по стѣнѣ фигуры за уголовныхъ преступниковъ.

Судъ приговорилъ Войнаралскаго, наравнѣ съ другими «зачинщиками» Коваликомъ, Рогачевымъ и Мышкинымъ къ 10 лѣтней каторгѣ, но ходатайствовалъ о замѣнѣ наказанія ссылкой на поселеніе. Только Мышкинъ былъ исключенъ изъ ходатайства, какъ совершившій «уголовное» преступленіе, отстраниваясь въ Вилойскѣ отъ ловившихъ его казаковъ. Въ это время была оправдана присяжными засѣдателями Вѣра Засуличъ, стрѣлявшая въ Трепова—отца. Это обстоятельство настроило «Звѣздную Палату» того времени на воинственный ладъ, и подъ его давленіемъ Министръ Юстиціи Паленъ сдѣлалъ соответствующій докладъ Государю. Ходатайство суда не было уважено и только время предварительнаго заключенія—для Рогачева два года, а для остальныхъ четыре—было зачтено въ срокъ каторги²⁾.

Въ концѣ 1878 года Войнаралскій, Коваликъ, Рогачевъ и Муравскій по Высочайшему повелѣнію были заключены въ Петропавловскую крѣпость въ кандалы и подъ усиленнымъ конвоемъ отправлены въ Харьковъ, а оттуда по одиночкѣ въ Ново-Борисоглѣбскую или Андреевскую централку, отстоящую отъ Харькова въ 50 верстахъ. Зная приблизительно время отправки каторжанъ въ централку, революционеры рѣшили отбить одного изъ нихъ во время слѣдованія въ Андреевку. Нападеніе было произведено въ то

¹⁾ Габель по крайней мѣрѣ былъ арестованъ по дѣлу о побѣгѣ.

²⁾ Черезъ нѣкоторое время это же было предано съ Сажинимъ, составившимъ также въ Андреевскую централку.

время, когда везли Войнаральскаго. Нападавшие ранили одного из сопровождавших арестанта жандармовъ, другой же въ это время всею тяжестью своею налегъ на ноги Войнаральскаго и тройкѣ удалось ускакать.

Войнаральскій съ товарищами просидѣлъ въ централкѣ, въ одиночномъ заключеніи, около двухъ лѣтъ. Только въ самое последнее время ихъ заключенія разбѣлены были прогулки по двое. Въ либеральный періодъ Лорисъ-Меликова, арестанты изъ обѣихъ централокъ—Андреевской и Печенѣжской—были переведены въ Миценскую пересыльную тюрьму, а оттуда, за исключеніемъ Сажина, отправленнаго изъ Иркутска прямо на поселеніе, въ Карійскую каторжную тюрьму¹⁾. На Карѣ болѣе чѣмъ вѣроподобная администрація продолжала произвольно держать Войнаральскаго (равно Рогачева и Ковалика) въ кандалахъ, полагая, что она слишкомъ ничтожна, чтобы имѣть право толковать Высочайшее повелѣніе, данное только на время слѣдованія въ Харьковъ.

Товарищи Войнаральскаго, какъ по путешествію на Кару, такъ и на самой Карѣ, быстро оцѣнили практическія его способности и обыкновенно избирали его въ старосты, какъ для веденія артельного хозяйства, такъ и для сношеній съ начальствомъ.

По отбытіи срока каторги, сокращеннаго на основаніи существовавшихъ положеній, Войнаральскій въ 1883 году былъ отправленъ на поселеніе въ Верхоянскій округъ Якутской области, расположенный близъ сѣвернаго полярнаго круга. Въ первое время онъ жилъ въ якутскихъ стойбищахъ, въ собственномъ юртѣ, занимаясь по-немногу адвокатурой и мыловареніемъ. Приготовить самое простое мыло оказалось дѣломъ въ высшей степени труднымъ. Зола, получавшаяся въ мѣстѣ жительства Войнаральскаго, какъ содержащая мало щелочи, была непригодна для мыловаренія и пришлось нарочито выжигать золу изъ тополя, растущаго въ разстояніи 300 верстъ. Войнаральскій жилъ какъ простой якутъ, питался молочными продуктами и мясомъ. Онъ дѣлалъ опыты посѣва ячменя, но не получилъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. И здѣсь судьба свела его съ Коваликомъ, высланнымъ въ тотъ же Верхоянскій округъ и занимавшимся въ городѣ печными работами и плотничествомъ. Впослѣдствіи Войнаральскій тоже переѣхалъ въ Верхоянскъ и сосредоточилъ въ своихъ рукахъ торговлю, которую ранѣе занимались немногочисленные тамъ политическіе.

Вскорѣ ему удалось переѣхать въ г. Якутскъ, гдѣ онъ получилъ возможность пріобрѣтать въ болѣе широкомъ размѣрѣ въ кредитъ необходимые товары, отправлявшіеся въ Верхоянскъ на лошадахъ вьюкомъ. Но политическіе были плохими торговцами, и Войнаральскій скоро прогорѣлъ, превратившись изъ купца въ обыкновеннаго ссыльнаго, живущаго на жалкое денежное пособіе отъ

¹⁾ Не попали на Кару четыре человака, страдавшие психическимъ разстройствомъ: Боголюбовъ, который подвергся истязанію по приказанію Трелова (за что Засуличъ и явилась истязательницею), Донецкій, Платиновъ и Соголовскій.

Порфирій Ивановичъ
ВОЙНАРАЛЬСКІЙ.

...желю, что въ это время
...четверыхъ дѣтей.
...ылку и осталась
...тюремной

время, когда везли В...
сопровождавших
всю тяжесть
уда...

казни. Положение его было тѣмъ болѣе тяжело, что въ это время онъ былъ уже семейнымъ человѣкомъ и имѣлъ четверыхъ дѣтей.

Первая его жена не послѣдовала за нимъ въ ссылку и осталась въ Россіи съ единственной дочерью, родившеюся въ тюремной камерѣ въ Самарѣ. Между мужемъ и женою произошло охлажденіе еще до судебного приговора, послѣ же него никакія свиданія не допускались въ централкѣ, такъ что, даже и въ случаѣ желанія, жена не могла въ началѣ слѣдовать за Войнаральскимъ. Съ теченіемъ времени Войнаральскій сталъ совершенно равнодушнѣе къ женѣ, но дочь, взятую на воспитаніе близкимъ ему человѣкомъ, онъ продолжалъ любить и часто вспоминать.

Такимъ образомъ въ Верхоянскѣ Войнаральскій явился и по закону и въ дѣйствительности на правахъ холостого человѣка. Онъ сошелся съ якуткой, бывшей у него въ услуженіи, и, когда явились дѣти, женился на ней. Она была совершенно простая, неграмотная якутка, никогда не владѣвшая вполнѣ русскимъ языкомъ. Превращеніе изъ купчихи снова въ бѣдную якутку для нея было вѣроятно чувствительнѣе, чѣмъ для самого Войнаральскаго, но она безропотно несла свой крестъ. Положение семьи было тѣмъ труднѣе, что Войнаральскій не чуждъ былъ склонности къ выпивкѣ и злоупотребленіемъ спиртными напитками во время своего купеческаго благосостоянія нѣсколько подорвалъ свое слабое вообще здоровье.

Ликвидировавъ торговлю, Войнаральскій съ семьей поселился въ сѣверной части Якутскаго Округа на Алданѣ, гдѣ земледѣліе было очень слабо развито. Здѣсь онъ между прочимъ занялся кропотливымъ изслѣдованіемъ роста хлѣба въ этомъ холодномъ краѣ и помѣстивъ большую статью въ журналѣ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство», издаваемомъ на средства Министерства Земледѣлія.

Когда, по инициативѣ Клеменса, бывшаго консерваторомъ музея въ Иркутскѣ, сооружена была на средства Сибирякова научная экспедиція изъ ссыльныхъ для изученія Якутскаго края и вліянія золотопромышленности на бытъ якутовъ, Войнаральскій отнесся отрицательно къ постановкѣ ея работъ. Онъ предложилъ свой планъ организаціи экспедиціи, невстрѣтившій сочувствія, и на отрѣзъ отказался отъ всякаго участія въ ней. Изъ ближайшихъ товарищей Войнаральскаго участіе въ экспедиціи принялъ Коваликъ, жившій уже въ то время въ Иркутской губерніи, въ самои-же Якутскомъ округѣ работали на жалкія средства, ассигнованныя на ихъ долю, многіе ссыльные изъ мѣстныхъ, а изслѣдованіе отдаленнаго Колымскаго края приняли на себя Танъ (Богоразъ) и Юхельсонъ.

Въ 1897 году Войнаральскій получилъ право вернуться въ Европейскую Россію. Сохранивъ бодрость духа во всѣхъ перипетіяхъ своей ссыльной жизни, онъ оживлялся еще болѣе при мысли, что скоро увидитъ родину, гдѣ можетъ снова всѣ свои силы посвятить служенію тому дѣлу, отъ котораго былъ насильственно оторванъ

более 20 лет назад. Он между прочим мечтал и о совместной работе с любимой дочерью, теперь взрослою девушкой.

Последующий короткий период жизни Войнаральского был полон трагизма. Уезжая из Якутска по недостатку средств один, он уселился с женою относительно последующего выезда ее с детьми и о встрече с ними в известном месте; сам же он тем временем должен был добыть для нее денег и для сокращения расходов совершить путь волоком с Лены на Ангару, минуя Иркутск. Не получив ответа от жены на посланную телеграмму, он некоторое время поджидал ее на волоке и, так как навигация скоро должна была прекратиться, отправился один водою в Красноярск. Только здесь он узнал о смерти жены и о том, что добрые люди везут двух его детей—остальных двух (младших) он, еще будучи в Якутске, отдал якутян на воспитание.—Не падая духом, Войнаральский продолжал свое путешествие с прежней силой. В России он совершил революционное турне по главным городам, собирав молодежь, старался революцию в нее начинавшую осудждать по его мнению вверу в революцию и надеялся связать ее более крепкую организацию разрозненные революционные кружки. Молодежь вообще хорошо принимала старика, сохранившего пыл юности, но он встретил противодействие своим планам со стороны социаль-демократов, этой новой силы, которую он еще мало знал. Он вверил, что ему удастся преодолеть это противодействие и удваивал усилия...

Дни его однако уже были сочтены. Организм его, надорванный в ссылки, не мог долго выдерживать того страшного напряжения духовных сил, в котором он находился все время своего путешествия по России. Сильное нервное возбуждение лишило его сна и добило его слабое здоровье. Не успев окончить своего объезда, он скоропостижно скончался в г. Купянск Харьковской губернии на руках своей старой знакомой по ссылкам Марии Ипполитовны Легкой, урожденной Тихохой.

Двое детей Войнаральского, сын и дочь, привезены были в Россию уже после смерти Войнаральского и помещены на воспитание в известную интеллигентную колонию на Кавказе.

Дочь свою от первой жены Войнаральскому не удалось увидеть. Семья, которая ее воспитала, принадлежала к другому лагерю и встретила Войнаральского очень холодно.

Дочь также не проявила никакого интереса видеть своего отца. Он затаял эту жестокою обиду во своем сердце и еще с большим одушевлением принялся за начатое дело.

Дмитрий Михайлович Рогачев—Митяка, как его часто называли—получил военное образование; окончив артиллерийское училище, он был произведен в офицеры и служил в артиллерии, как и младший его брат, повзвешенный в 84-м году. В 1873 году он был уже в отставке. Будучи уроженцем Орловской губернии, он некоторое время после выхода своего

в отставку, вращался между орловскою молодежью и познакомился между прочим с молодою никелисткою Врою Павловною Карповою, подчинившеюся его умственному влиянию. Чтобы освободить ее от власти родителей, он, как упомянуто выше, вступил с нею в фиктивный брак, после чего каждый из супругов пошел своею дорогою.

Рогачев получил революционную закваску еще в училище, вместе с Кравчинским, Шишко и др. Ко времени начала движения 70 годов он уже выработал свое мироусозерцание и был убежденным революционером—народником. Через Кравчинского он был в близких отношениях с чайковцами, но в кружок их не был принят.

Рогачев не имел крупного организаторского таланта, но был выдающимся работником. Влия на окружающую его молодежь, он всегда оставался первым между равными, не претендуя на какую-нибудь исключительную роль. Агитатором, в строгом смысле слова, он не был, но имел талант проповедника и популяризатора. Никто лучше его не мог доказать учащейся и стремящейся к самообразованию молодежи полную непригодность официальной науки для настоящего, не игрушечного только дела. Подбором доказательств, расположенных в известной системе, в течение нескольких вечеров приводил своих собеседников к признанию, что никакая легальная деятельность невозможна в России при существующих условиях, тем же, кого не убедила живая речь, он предлагал продолжать свое самообразование чтением книг в порядке составленного им систематического каталога.

Революционная деятельность Рогачева имела перемещающийся характер. Потолкавшись в интеллигентных кружках, он отправлялся для пропаганды в народ и после более или менее продолжительных путешествий снова возвращался в города. Здесь он как-бы отдыхал и набирался сил для дальнейшей работы в народ.

Рогачев появлялся во многих кружках в Петербурге, посещал вместе с Кравчинским московския собрания молодежи, принимал деятельное участие вместе с Войнаральским в Пензенском, Тамбовском и Саратовском кружках. В Саратов он чуть не был захвачен врасплох во время сна в квартире учителя, но во то время, когда жандармы входили для обыска в дверь, он успел высочинить в окно (вместе с Коваликом и Фарсовым) без шапки и сапог. В таком виде он мог найти себя лишь только во доме терпимости, однаково открытым и для враноподданных и для революционеров.

Еще более, чем в среде интеллигенции, Рогачев работал в народ. Обладая хорошим здоровьем и крупной силой, он не только не отказывался, но искал физической работы. Вместе с Кравчинским он работал в ноябре 1873 года в Тульской губернии в качестве пильщика. Здесь оба они были арестованы,

но им удалось бѣжать. Послѣ этого Рогачевъ бурчалъ по Волгѣ. Въ теченіе почти двухъ лѣтъ онъ успѣлъ перебывать во многихъ мѣстностяхъ и анализъ народъ въ совершенствѣ. Открытое симпатичное лицо и сердечность, съ которой онъ относился къ каждому встрѣтившемуся на его пути человѣку, привлекали къ нему слушателей. Они не подозревали, что видятъ передъ собою чловѣка другого класса—дворянина и интеллигента—и относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ, Рогачевъ никогда не жаловался на неудачи въ народѣ.

Во время своихъ странствованій Рогачевъ былъ нѣсколько разъ арестованъ сельскою полиціею, но успѣвалъ благополучно убѣгать. О побѣгахъ его создались настоящія легенды, и имя его было однимъ изъ самыхъ популярныхъ среди интеллигентной молодежи. Правительству наконецъ удалось арестовать его въ 1876 г. и прочно засадить въ тюрьму.

Жизнь его въ заключеніи протекала такъ-же, какъ и всѣхъ другихъ арестованныхъ. Въ централкѣ онъ амбстѣ съ Муравскимъ, жизнь котораго описана раньше, поддавался религиозному настроенію. Подъ влияніемъ ли этого настроенія, или издѣвствіе нѣкотораго расстройства нервовъ, въ немъ замѣчался небольшая, впрочемъ, физическая вялость, которая быстро прошла съ переводомъ въ Мценскъ. Здѣсь онъ исцѣлился отъ всѣхъ своихъ недуговъ. Онъ былъ первымъ силачемъ въ тюрьмѣ и уступалъ только своему брату, пріѣзжавшему къ нему для свиданій.

На Кару онъ явился бойдръ физически и нравственно. Какъ краткосрочный, онъ не думалъ о побѣгѣ, но въ качествѣ добровольца принималъ участіе въ подземныхъ работахъ, начатыхъ задолго до его пріѣзда съ цѣлью подготовить массовый побѣгъ. По своей выдающейся силѣ онъ неизбѣжно долженъ былъ принять участіе въ перенесеніи изъ тюрьмы въ мастерскую кровати, въ нишкѣ которой спрятанъ былъ Мышкинъ, совершившій первый побѣгъ изъ политической Кары.

Послѣ того, какъ администрація открыла исчезновеніе Мышкина и товарищей, въ тюрьму проникли слухи, что начальство готовитъ погромъ, должнствующій уничтожить всѣ завоеванія послѣ продолжительной борьбы права полусвободной карійской республики. Ожиданіе погрома вызвало необыкновенное оживленіе среди каторжанъ. Рѣшено было сопротивляться до послѣдней крайности. Рогачевъ былъ избранъ главнокомандующимъ. Онъ организовалъ своего рода боевую дружину, безъ оружія только, которая должна была забаррикадировать всѣ входы и не впускать неприятеля. Начальство однако перехитрило каторжанъ. Не появившись въ теченіи нѣсколькихъ дней въ тюрьмѣ, оно успокоило или вѣрнѣе усыпило ея обитателей, и затѣмъ ночью, когда все спало крѣпкимъ сномъ, нагрянуло съ массою вооруженныхъ солдатъ. Каторжане безъ сопротивленія сдались въ плѣнъ и были разведены по разнымъ тюрьмамъ-клоповникамъ, гдѣ всячески издѣвались надъ заключенными. Режимъ, установившійся въ этихъ клоповникахъ,

продолжался и въ общей тюрьмѣ, по переселеніи туда арестантовъ. Тюремъ была вынуждена объявить голодовку¹⁾, которая продолжалась 13 дней и не достигла серьезныхъ результатовъ.

При распредѣленіи домашнихъ работъ между заключенными Рогачевъ обыкновенно выбиралъ самую тяжелую изъ нихъ. Однажды, послѣ мытья половъ, онъ протрудился, получивъ воспаленіе легкихъ и умеръ въ цѣбѣ силъ. Это было во второй половинѣ 80-хъ годовъ.

По натурѣ своей Рогачевъ былъ идеалистъ. Онъ даже во время наибольшаго увлеченія революціонной дѣятельностью не могъ оторвать своей мысли отъ вопросовъ этики и въ часы досуга продолжалъ мечтать о нравственномъ самосовершенствованіи. Въ этихъ мечтахъ онъ забывалъ лишенія, которыя испытывалъ въ своихъ не всегда легкихъ странствованіяхъ въ народѣ. Идеалистомъ онъ остался до конца жизни и сошелъ въ могилу окруженный любовью товарищей.

Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ уже извѣстенъ читателямъ русскихъ журналовъ по нѣсколькимъ очеркамъ, посвященнымъ ему, поэтому я не имѣю намѣренія сообщить о немъ полныя біографическія свѣдѣнія и коснусь главнымъ образомъ тѣхъ обстоятельствъ его жизни, которыя извѣстны мало или совсѣмъ неизвѣстны. Поэтому же я обоуду молчаніемъ и его знаменитую попытку къ похищенію Чернышевскаго изъ вилюйской тюрьмы.

Мышкинъ прошелъ суровую школу кантонистовъ и собственнымъ трудомъ продолжилъ себѣ дорогу къ жизни. Развитіемъ своимъ онъ также обязанъ исключительно самому себѣ; ремесло его—онъ былъ правительственнымъ стенографомъ при окружномъ судѣ,—только въ нѣкоторой степени могло облегчить процессъ его развитія.

Во время своей революціонной дѣятельности Мышкинъ былъ извѣстенъ только немногимъ, соприкасавшимся съ нимъ по дѣлу лицамъ. Кипучая энергія, съ которой онъ брался за всякое дѣло, еще не успѣла создать ему широкой популярности. Онъ никогда не былъ главаремъ движенія и не могъ имъ быть по своему характеру. Ораторскія способности его до суда не имѣли случая проявиться, и никто изъ самыхъ близкихъ къ нему людей не подозревалъ, какой крупный талантъ таится въ немъ. Собственно говоря, онъ только два раза въ своей жизни выступалъ передъ публикою въ качествѣ оратора: первый разъ на судѣ, когда онъ, несмотря на постоянные перерывы предсѣдателя, не только сумѣлъ высказать все то, что хотѣлъ, но и успѣлъ мастерски охарактеризовать въ нѣсколькихъ словахъ революціонное движеніе 70-хъ годовъ. Собственно съ этой рѣчи и начинается популярность Мышкина. Судъ по своему засвидѣтельствовавъ ему свое уваженіе, отнесъ его къ числу самыхъ главныхъ организаторовъ движенія. Второй разъ

¹⁾ Воинаральскій не считалъ ее дѣлсообразною и жисті съ неимѣнствомъ не участвовалъ въ ней.

онъ сказалъ прочувствованное слово въ Иркутской тюремной церкви при отпѣваніи Дмоковаго, товарища Долгушина. Объ этой рѣчи рассказалъ М. Р. Поповъ въ «Выломѣ». Ораторъ не можетъ существовать безъ толпы. Мышкина могла вдохновить только толпа, въ частныхъ же разговорахъ онъ былъ довольно вялымъ собесѣдникомъ, подыскивающимъ надлежащія слова и чутчуть не заикающимся. Мышкинъ-собесѣдникъ и Мышкинъ-ораторъ, казалось, были двумя противуположными.

Точно также, но въ другомъ отношеніи, Мышкинъ преобрѣтился подъ вліяніемъ охватившей его идеи. Самая обыкновенная «идея», которая не даетъ покоя арестанту,—это побѣгъ. Въ обыкновенное время, когда умъ Мышкина не былъ занятъ вышешнимъ въ уединеніи планомъ побѣга, онъ представлялся нерыночнымъ человѣкомъ, способнымъ по ничтожному поводу совершить самый рискованный для него шагъ. Въ это время онъ казался начальству самымъ опаснымъ и вреднымъ агитаторомъ и неблагодежнымъ человѣкомъ. Но какъ только въ головѣ его слагался планъ, онъ становился неузнаваемъ. Спокойствіе его, казалось, нельзя было ничѣмъ нарушить, общественно-тюремная дѣла переставали его занимать и въ случаяхъ конфликтовъ съ администраціей онъ старался держаться примирительной политики, а до конфликтовъ пытался предупредить ихъ. Въ это время между арестантами трудно было найти другого такого благонадежнаго человѣка, какъ Мышкинъ; друзья Мышкина сразу догадывались, что это за благонадежность.

Такъ какъ Мышкинъ не принадлежалъ къ привилегированнымъ сословіямъ, то приговоръ о немъ суда подлежалъ немедленно исполненію, и онъ вскорѣ дѣйствительно былъ увезенъ въ Печенѣжскую централку ¹⁾, гдѣ ужъ сидѣло болѣе 20 человѣкъ. При отсутствіи всякихъ сношеній съ волей, арестантъ, одѣтый въ казенную куртку, съ бритой головой и кандалами на ногахъ и не имѣющій при себѣ никакихъ инструментовъ, казалось, не могъ даже помышлять о побѣгѣ. Но Мышкинъ, ориентировавшись въ централкѣ, сдѣлался «благонадежнымъ», слѣдовательно онъ нашелъ планъ. Ему удалось гдѣ-то раздобыть гвоздь, онъ имѣлъ въ распоряженіи своемъ половую шетку и въ перелетной мастерской, гдѣ короткане подъ надзоромъ стражника могли работать по одиночкѣ, скрвалъ кусокъ коленкору. Гвоздемъ онъ вскрылъ половицу и пользовался имъ-же для подкopa, изъ шетки сдѣлалъ себѣ парикъ, а изъ коленкору шилъ костюмъ, хотя и не франтовской, но не похожій на арестантскій. Долго онъ работалъ, пока довѣлъ подкopa до наружной стѣны своей одиночной камеры. Ему оставалось пройти еще одинъ или два аршина и онъ могъ выскочить на тюремный дворъ, войти незамѣченнымъ въ тюремную церковь, а оттуда безъ дальнѣйшихъ приключеній выйти за тюремную ограду.

¹⁾ Объ этой централкѣ см. статью Дабабарн въ «Выломѣ». Ранѣе жизнь въ Печенѣжкѣ была описана въ брошюрѣ «Заключенные».

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Мышкину. Но планъ его рухнулъ, не доведенный до конца. Надзиратель, заглянувъ въ вольчскъ (стекляшко въ двери), замѣтилъ отсутствіе Мышкина въ камерѣ и, войдя, нашелъ его на мѣстѣ преступленія—онъ оканчивалъ подкopa.

По пути въ Сибирь Мышкинъ составилъ планъ побѣга съ этапа, но самъ не пожелалъ имъ воспользоваться и выпустилъ товарища по путешествію, «Ваничку» Мартыновскаго, для себя-же выжидалъ другого благопріятнаго случая, который представился ему однако только на Карѣ. Здѣсь, посовѣтовавшись съ болѣе близкими ему товарищами, онъ рѣшилъ бѣжать, не считаясь съ тѣмъ, что въ тюрьмѣ въ двухъ камерахъ велись общественные подкopa, чрезъ которые предполагалось въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ совершить массовой выходъ изъ тюрьмы. Зачѣмъ, вполнѣ справедливо разсуждалъ Мышкинъ, ожидать неизвестно сколько времени выполнения соинициального плана побѣга, когда можно было навѣрняка бѣжать сейчасъ? Кромѣ того вслѣдъ за нимъ и другіе могли воспользоваться, какъ это потомъ и случилось, его планомъ. Мышкинъ былъ вынесенъ въ мастерскую, находившуюся за оградой тюрьмы, въ кровати, требующей яко-бы починки, Рогачевымъ и Коваликомъ, и остался тамъ незамѣченнымъ конвоємъ. Спутникъ его Хрушовъ просто запулатъ счетъ, который вели конвойные по числу приходящихъ въ мастерскую и тоже остался въ ней. Ночью оба скрылись и были арестованы, спустя мѣсяць, во Владивостокѣ.

Дальнѣйшая судьба Мышкина извѣстна: онъ, какъ и многіе другіе, нашелъ преждевременную могилу въ Шлиссельбургѣ.

Выше было упомянуто о нервности Мышкина. Подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условий она доходила иногда до такой степени, что его можно было признать психически разстроеннымъ. Когда онъ далъ пощечину смотрителю Печенѣжской тюрьмы, само начальство признало его дѣйствовавшимъ въ невѣжественномъ состояніи и, не совершая надъ нимъ никакой расправы, ограничилось тѣмъ, что перевело его въ Андреевскую тюрьму, гдѣ онъ попалъ въ лучшія условія и скоро оправился. Здѣсь онъ пользовался обществомъ Рогачева, Ковалика, Войнаральскаго и Сажина, съ которыми имѣлъ общія прогулки и аскортъ вмѣстѣ со всѣми отправленъ былъ во Мценскъ, гдѣ окончательно поправилъ свое здоровье.

Насколько Мышкинъ былъ близокъ къ психическому разстройству, это въ настоящее время трудно сказать. Съ одной стороны существуютъ уровновѣшенные люди, которые считаютъ ненормальнымъ всякаго, кто во имя идеи отказывается отъ доступныхъ ему благъ жизни и идетъ на вѣрную смерть. Съ этой точки зрѣнія Мышкинъ былъ самымъ ненормальнымъ. Съ другой стороны во время продолжительной своей жизни въ средѣ товарищей во Мценскѣ и на Карѣ онъ ни разу не обнаружилъ такой нервности, которая сколько нибудь напоминала-бы психическое разстройство. Не будучи психіатромъ, я на основаніи своихъ наблюденій пришелъ къ заключенію, что самый надежный признакъ, по которому

можно узнать психически разстроенного человека, это когда онъ, безъ вполне достаточныхъ оснований, притворяется сумасшедшимъ. Мишкинъ однажды въ своей тюремной жизни симулировалъ сумасшедшаго, но я не знаю степени основательности причинъ, по которымъ онъ дѣлалъ это. Изъ его разсказовъ мнѣ показалось, что вполне достаточныхъ причинъ для симуляции не было. Но такъ это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ многие могутъ засвидѣтельствовать, что послѣ выхода своего изъ централки Мишкинъ былъ вполне здоровъ, какъ тѣломъ, такъ и духомъ.

Въ семидесятыхъ годахъ въ кругахъ молодежи пользовался сравнительно большою, хотя и не всегда положительной (въ смыслѣ одобренія его міросозерцанія) популярностью человекъ уже не первой молодости—Маликовъ. Онъ безъ всякаго сомнѣнія принадлежалъ къ прогрессивному направлению, былъ въ такой же степени, какъ и все передовое общество, народникомъ, но тѣмъ не менѣе не только не пошелъ нога въ ногу съ начинающимся движениемъ, но пытался повернуть его на другой путь.

Всякое движение можно уподобить замкнутому току съ болѣе или менѣе сильнымъ электрическимъ напряжениемъ, оказывающимъ свое влияние на большія массы народа или общества. Главный токъ по соседству съ собою вызываетъ индукционные токи или боковыя теченія, по характеру своему рѣзко отличающіяся отъ основнаго движенія. Если это послѣднее явилось результатомъ назрѣвшихъ въ широкихъ слояхъ потребностей высшаго порядка, то оно захватываетъ въ кругъ своего влияния всѣхъ идейныхъ людей. Боковыя теченія поэтому не могутъ имѣть въ основаніи своемъ какой бы то ни было идеи. Эти, явившіяся вслѣдствіе индукции, теченія такъ же могутъ поднимать энергію, какъ и главныя, но не въ состояніи избѣгнуть мысли, выработанныхъ при другихъ условіяхъ жизни. Такимъ образомъ боковыя теченія въ предполагаемомъ случаѣ должны имѣть въ болѣе или менѣе степени черносотенный характеръ, что мы и наблюдаемъ въ настоящее время. Если же идейное движеніе распространяется только на известную часть общества, какъ это было въ 70-хъ годахъ, то боковыя теченія зарождаются также на идейной почвѣ. Мыслители боковыхъ теченій пытаются разбѣжать влекущее общество вопросы иначе, чѣмъ дѣтели главнаго теченія, и чаще опираясь на нравственное ученіе съ болѣе или менѣе полнымъ отрицаніемъ вѣдшихъ формъ общественной жизни. Пока господствуетъ главное движеніе, боковыя теченія не могутъ имѣть широкаго распространенія, но потомъ съ наступленіемъ затишья или расцвѣтанія, если оно сколько-нибудь жизнени, какъ толстовство въ 80 годахъ, или умираютъ, какъ Маликовское.

Въ 1873 году Маликовъ получилъ откровеніе, что истинная религія есть бого-человѣческая. Каждый человекъ есть богъ, поэтому въ ближнихъ мы должны любить и почитать божеское достоинство. Боги должны оставить старыя грѣховныя пути и вести человечество впередъ только словомъ убѣжденія, при полномъ непро-

тивленія злу. Съ такимъ ученіемъ Маликовъ выступилъ въ самый разгаръ революціоннаго движенія.

Всѣ условія, кромѣ главнаго, а именно революціоннаго настроенія молодежи, казалось благоприятствовали распространенію ученія Маликова. Оно затронуло самую возвышенную струну человѣческаго сердца и имѣло своимъ апостоломъ такого даровитаго оратора и известнаго человека, какъ Маликовъ. Онъ раньше пострадалъ за убѣжденія и въ описываемое время проживалъ въ Орлѣ. Въ томъ же городѣ жилъ яковинцевъ Зайчневскій, отбывшій каторгу въ 60 годахъ. Органичивъ свою задачу только нѣкоторымъ революціонизированіемъ молодежи, онъ подробно не развѣтывалъ своего яковинскаго міросозерцанія и лишь вносилъ свои поправки въ рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ того времени. Русская молодежь никогда не могла понять яковинизма, поэтому Зайчневскій былъ для Маликова мало опаснымъ конкурентомъ. Молодежь толпилась около Маликова, такого-же какъ и она, народника, съ которымъ у нея были общія симпатіи и антипатіи. Къ нему прѣзжали интеллигенты, не только посторонние движенію, но и пристроившіеся уже къ революціи — словомъ всѣ тѣ, въ средѣ которыхъ копошился еще червь сомнѣній. Около Маликова стали собираться кружокъ послѣдователей, среди которыхъ наиболѣе замѣтны были члены кружка артиллеристовъ Теплово и Антово, сестра литератора Пругавина и др. Вслѣдъ за ними въ новую религію увлеклись известныи революціонный дѣятель Чайковскій. Дѣло, казалось, начинало принимать серьезный оборотъ. Кромѣ настоящихъ послѣдователей Маликова можно было встрѣтить въ разныхъ кружкахъ лицъ, болѣе или менѣе ему сочувствовавшихъ. Когда все это становилось известнымъ въ широкихъ кругахъ молодежи, революционеры пришли въ нѣкоторые безпокойство и поняли, что необходимо оказать какое нибудь сопротивленіе нарождающемуся ученію. Большая часть ограничивалась впрочемъ полемикою съ сочувствующими Маликову, а нѣкоторые, и въ числѣ ихъ Клеменскій, ѣздили въ Орель, чтобы на мѣстѣ оцѣнить опасность, и тамъ естественно устраивались въ присутствіи вѣрующихъ и молодежи вообще диспуты съ Маликовимъ. Диспуты въ большинствѣ случаевъ оставались безрезультатны; по мнѣнію присутствовавшихъ логика была на сторонѣ революціонеровъ, но сочувствіе большинства на сторонѣ Маликова.

Безпокойство революціонеровъ въ сущности не имѣло твердой почвы. Не было никакихъ основаній опасаться, что боковое теченіе пересилитъ главное. Напротивъ, при внимательномъ отношеніи къ вопросу нельзя было не видѣть, что все новое ученіе держится только талантомъ Маликова. Въ самомъ дѣлѣ, если Маликовъ и приобрѣталъ много прозелитовъ, то его послѣдователи не приобрѣли ни одного. Надо было признать одно изъ двухъ: если движеніе 70 годовъ жизнени, то должно потерѣть полное фiasco бокового теченія, если же оно восторжествуетъ, то революціонное движеніе должно признать себя несостоятельнымъ. У революціонеровъ не

могло быть двух ответов на вопрос и потому они в конце концов махнули рукою на учение Маликова и предоставили ему умереть естественною смертью.

Переход Маликова с оппозиционного пути на почу неприятия злу не избавил его от преследований со стороны жандармов. Онъ былъ арестованъ и пристегнутъ къ дознанию по политическому дѣлу, закончившемуся процессомъ 193-хъ. Обаяние личности Маликова и его широкая известность привлекли на допросъ его много жандармовъ и прокуроровъ. Тутъ же присутствовалъ и самъ генералъ Слезкинъ, въ рукахъ котораго было сосредоточено все дознание.

Спрошенный о виновности, Маликовъ сначала отвѣчалъ вяло, но мало-по-малу влохновился и въ блестящей рѣчи развилъ основы своего учения. Въ серединѣ рѣчи генералъ махнулъ рукою и сказалъ своимъ подчиненнымъ, что Маликова можно выпустить. Такъ практикъ сысского дѣла оценилъ значение новой религіи, проповѣданной послѣдователями ея думали обновить міръ.

Черезъ нѣкоторое время послѣ своего освобождения Маликовъ вмѣстѣ съ Чайковскимъ отправившись въ Америку и основали тамъ общину, которая просуществовала недолго. Оба апостола возвратились Маликовъ въ Россію, а Чайковскій въ Западную Европу. Дальнѣйшія подробности о Маликовѣ можно найти въ посвященной его памяти статьѣ Фаресова.

Кромѣ очерченныхъ выше лицъ движеніе 70 годовъ выдвинуло много другихъ, оставившихъ свой слѣдъ въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. Къ этой категоріи принадлежатъ Натансонъ, Кравчинскій, Сажинъ, Клеменсъ, Брешковская, Коваликъ и много другихъ; изъ нихъ Кравчинскій уже извѣстенъ русской публикѣ, а остальные находятся еще въ живыхъ и производятъ оцѣнку ихъ я считаю преждевременнымъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые могутъ принимать участіе въ современномъ освободительномъ движеніи.

Въ заключеніе замѣчу, что какъ-бы ни была велика роль всѣхъ лицъ, упомянутыхъ выше, они не могутъ быть признаны творцами, или, какъ подлагалъ судъ, зачинщиками движенія. Только люди старой исторической школы и чиновники воспитанные бюрократіей, всегда неподготовленной къ пониманію новыхъ явленій жизни, могутъ считать крупныя стихійныя движенія результатомъ замысла и агитации нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ.

IX.

Дальнѣйшая характеристика движенія.—Народничество.

Познакомивши читателя съ наличными силами движенія, предложимъ его характеристику, уже данную въ общихъ чертахъ въ IV главѣ.

Подготовительный періодъ движенія продолжался съ осени 1873 до весны 1874 года. Въ этотъ короткий промежутокъ времени—подлога съ небольшимъ—движеніе постоянно измѣняло свою форму, поэтому для болѣе яснаго его пониманія необходимо подраздѣлить подготовительный періодъ на три части: 1) чисто народническое движеніе; 2) постоянное революционизированіе движенія и выработка программъ и 3) окончательная организація движенія и переходъ на путь практической дѣятельности.

Само собою разумѣется, что въ дѣйствительности не могло быть такого рѣзкаго разграниченія промежуточныхъ ступеней движенія, какое дано въ предлагаемой схемѣ. Въ теченіе всего подготовительнаго періода можно было одновременно наблюдать и народничество, и выработку программъ, и организацію, но въ каждое данное время преобладали тѣ или другія характерныя черты, оправдывающія предлагаемое подраздѣленіе.

Выше было показано, что передовая часть общества семидесяти годовъ была склонна къ народничеству. Молодежь, идущая всегда въ самыхъ переднихъ рядахъ общества, должна была тѣмъ болѣе воспринять народническое міросозерцаніе. Сильно возбужденный интересъ къ народу убивалъ и безъ того слабый въ то время интересъ къ политикѣ. Къ чему конституція и разная политическая свобода, если народъ голодаетъ? При существовавшихъ условіяхъ жизни, молодежь не могла воспитать въ себѣ политическихъ интересовъ. Цензура не давала прессѣ останавливаться на фактахъ, вызывавшихъ стремленіе къ политической борябѣ. Газеты были распространены весьма слабо, отличались сухостью и наводили скуку, поэтому мало читались молодежью. Она не хотѣла знать того, что въ жизни Европы политическій вопросъ ставился ранѣе или одновременно съ социальнымъ, и мечтала только о разрѣшеніи послѣдняго. Она съ большимъ интересомъ изучала теоріи Оуэна, Сенъ-Симона, Фурье и др. и вообще склонялась къ утопическому социализму, полагая, что онъ восторжествуетъ, какъ только люди поймутъ его. Особенную цѣну въ глазахъ молодежи пріобрѣли частныя социалистическія идеи, безъ примѣса политики, во время заштыя между Нечаевскимъ дѣломъ и движеніемъ семидесяти годовъ. Хорошей иллюстраціей въ этомъ отношеніи можетъ служить образовавшійся въ 1871 году довольно большой американскій кружокъ, который предпочелъ социализмъ даже народничеству. Кружокъ понималъ, что при существовавшихъ политическихъ условіяхъ, онъ не можетъ работать для своего народа и потому рѣшилъ начать обновленіе человѣчества устройствомъ коммуны въ свободной Америкѣ. Какъ только началось движеніе, открывшее перспективы дѣятельности въ средѣ русскаго народа, всѣ до одного члены кружка присоединились къ движенію и въ Америку не поѣхали. Въ описываемое время были въ большомъ ходу коммуны—общекитія и артели, болѣе или менѣе социалистическаго характера... Призвонъ могутъ служить студенческія коммуны и Петербургская сапожная артель, устроенная передовою женщиною Смит-

тень, из этой артели взять был Войнаральским членъ ея Пелько-ненъ для завѣдыванія мастерской въ Саратовѣ. Молодежь находила въ социализмѣ единственное утѣшеніе въ той пустотѣ жизни и мысли, которая была дѣломъ государственной мудрости нашихъ правителей.

Съ началомъ движенія прежде всего оживились народническія тенденціи молодежи. Въ ея міросозерцаніи народничество стало занимать центральное мѣсто. Молодежь уже начинала смутно сознавать, что все старое міросозерцаніе должно быть перестроено, но пока ограничивалась тѣмъ, что подчеркивала свое народничество. Сильная вѣра требуетъ дѣла, безъ которыхъ она рискуетъ остаться мертвой. Народническія тенденціи, достигнувъ извѣстной интенсивности, также требовали поступковъ, перехода отъ слова къ дѣлу. Слово—объ уплатѣ долга народу—было уже давно произнесено учителемъ молодежи П. Л. Лавровымъ и глубоко запало въ ея душу, но оставалось неясно, какое же именно нужно дѣло. Не имѣя готовыхъ политическихъ идеаловъ, которые могли бы послужить критеріемъ при рѣшеніи этого вопроса, молодежь могла обратиться за помощью только къ этикѣ, къ идеалу нравственному. Прежде всего человѣкъ долженъ быть честенъ, сказала она себѣ; нельзя пользоваться тѣмъ, что не составляетъ достоинства всѣхъ людей. Поэтому долой всякое привилегированное положеніе! Требованіе это обсуждалось съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ душѣ каждаго молодого человѣка въ той или другой формѣ возникалъ вопросъ, имѣть-ли онъ, какъ нравственное существо, право, и въ какой степени, пользоваться унаследованными отъ предковъ преимуществами богатства, культуры и образованія. Природное настроеніе подсказывало самую радикальную рѣшенія. Каблицъ, какъ было упомянуто выше, накопленіе знаній считалъ столь же безнравственнымъ, какъ и накопленіе въ частныхъ рукахъ капиталовъ. Вопросы о знаніяхъ и культурѣ не всѣми разрѣшались такъ радикально, но въ отношеніи материальныхъ благъ не было двухъ мнѣній. Никто не имѣетъ права пользоваться этими благами въ большей степени, чѣмъ народъ или представитель его, рабочій—вотъ единогласное мнѣніе передовой молодежи того времени. Но такое общее рѣшеніе не удовлетворяло многихъ. Имъ казалось, что необходимо установить точную норму потребностей интеллигента-народника, и по этому вопросу созвѣдался рядъ собраний. Выступавшіе ораторы подвергали подробно разсмотрѣнію каждую человѣческую потребность и искали той законной мѣры, въ какой она могла быть удовлетворяема. Возникли даже вопросы, честно-ли ѣсть мясо, когда народъ питается вообще растительною пищею. Послѣ самаго детального обсужденія всѣхъ мелочей, большинство склонялось къ признанію, что интеллигентъ имѣетъ право на удовлетвореніе своихъ потребностей въ той мѣрѣ, въ какой ихъ удовлетворяетъ простой чернорабочій или вообще получающій наименьшую заработную плату. Что требовалось отъ интеллигента, то почему-то не было обязательно для рабочаго, получающаго болѣе высокое вознагражденіе за свой квалифицированный трудъ и питаю-

щагося нѣрѣдко лучше, чѣмъ бѣдный студентъ. Такой рабочей оставался честнымъ, тогда какъ интеллигентъ, имѣющій равная съ нимъ потребности, заслуживалъ упрековъ. Очевидно нравственное ученіе само по себѣ не въ состояніи рѣшить тѣхъ вопросовъ жизни, которые связаны съ данными формами общественного строя.—Тамъ, гдѣ этика оказывалась безсильной, молодежь прибѣгала къ помощи народническихъ идеаловъ. Народъ она знала въ большинствѣ случаевъ только по книжкамъ и потому страшно его идеализировала. Крайніе народники были даже увѣрены, что народъ самъ указать интеллигенту, желающему слиться съ нимъ, что онъ долженъ дѣлать и куда направить свои силы. Менѣе крайніе чувствовали, что у нихъ должна быть кое какаяс программа для работы среди народа, но не могли удачно сформировать ее. Для этого имъ нужна была помощь болѣе опытныхъ людей, знавшихъ действительныя нужды народа и возможные способы дѣятельности въ его средѣ. Такіе люди и явились въ лицѣ отдѣльныхъ радикаловъ-революционеровъ и членовъ радикальныхъ кружковъ, уже усвоившихъ, или по меньшей мѣрѣ начинавшихъ усваивать революціонныя ученія Лаврова и Бакунина. Подъ ихъ влияніемъ сходились оживились и стали чуть-ли не ежедневнымъ явленіемъ. Несмотря на самый мирный повидимому характеръ сходокъ, на нихъ велась борьба двухъ направленій, одного чисто народническаго и другого революціоннаго, но еще недостаточно опредѣлившася. Борьба эта во многихъ отношеніяхъ напоминала борьбу западниковъ и славянофиловъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Народническая молодежь въ сущности не имѣла ничего общаго съ отживавшими славянофилами, но у нея была одна черта, свойственная также и славянофиламъ: она обожала свой народъ и отъ него и только отъ него ожидала новаго откровенія. Подобно славянофиламъ, она также не знала, что именно она должна дѣлать въ народѣ. При самомъ поверхностномъ обсужденіи этого вопроса, мысль невольно наталкивалась на препятствія; которая ставитъ правительство всякой просвѣтительной работѣ въ народѣ. Естественно возникалъ вопросъ, возможна-ли какая-нибудь правильная дѣятельность въ полицейской потчнѣ, именованной Россійскимъ Государствомъ. Народники, не будучи въ состояніи справиться съ этимъ вопросомъ, закрывали на него глаза и надѣялись, что вѣра ихъ въ народъ подскажетъ имъ, что именно слѣдуетъ дѣлать. Революционеры явились въ среду народнической молодежи съ самой широкой формулой отрицанія. Весь существующій строй, какъ экономическій, такъ и политическій, говорили они, нигуда не годенъ, и потому единственно возможная дѣятельность въ народѣ и вмѣстѣ съ народомъ это окончательное, вплоть до самаго основанія, разрушеніе этого отжившаго строя. Революционеры въ своихъ проповѣдяхъ являлись до нѣкоторой степени тѣмъ-же, чѣмъ были западники въ 60 годахъ—ученіе свое они получили съ запада и должны были вести борьбу съ самобытностью народниковъ—этихъ новыхъ славянофиловъ.

При всем различии основных точек зрения у борющихся сторон, их сближала безграничная любовь к народу, подкашивавшая им иногда одинаковая, или почти одинаковая мнѣния. Нѣкоторые, а можетъ быть, и большинство революционеров, какъ Лавровскаго, такъ и Бакунинскаго направленій, вѣрило, что русскій народъ, сохранившій одинъ, несмотря на всѣ историческія превратности своей судьбы, общину и не испытавшій вредныхъ послѣдствій капитализма, увидитъ первый осуществленіе на землѣ социализма. Завѣсь слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что Лавровцы и тѣмъ болѣе Бакунисты не считали общину панaceей, защищающей народъ отъ всѣхъ бѣдъ, и только полагали, что черезъ общину легче осуществить социалистическій строй, чѣмъ безъ нея. Эти упованія революционеров на русскій народъ настолько сближали ихъ съ народниками, что казалось, шла не борьба, а взаимное согласованіе направленій чисто-народническаго и революціоннаго.

Побѣда, между тѣмъ, все болѣе и болѣе склонялась на сторону революционеров и была въ концѣ концовъ не менѣе рѣшительна, чѣмъ западниковъ надъ славянофилами. Но между этими двумя побѣдами существуетъ и крупная разница. Побѣжденные новыми западниками народники вошли полноправными членами въ кружки побѣдителей и окончательно съ ними слились, славянофилы-же 60-хъ годовъ, выбитые изъ своихъ позицій, чаще всего становились реакціонерами и продолжали борьбу съ переломными западниками уже на другомъ фронтѣ.

Во многихъ случаяхъ можно наблюдать, что чѣмъ дальше мы отъ ходячихъ мнѣній, тѣмъ ближе къ истинѣ. Ходячее мнѣніе по отношенію къ движенію 70-хъ годовъ, хотя и недостаточно опредѣлилось, но склоняется къ тому, что это было скорѣе мирное, чѣмъ революціонное движеніе чисто-народническаго характера. Ошибочность этого мнѣнія происходитъ отъ смѣшанія двухъ моментовъ. Движеніе, революціонное по существу, имѣло чисто-народническую форму. Студенты и гимназисты бросали европейскіе костюмы, одѣвались въ поддевы и шли въ народъ; отсюда ходячее мнѣніе заключало, что и существо движенія народническое. Нѣкоторые пошли далѣе и утверждали, что революционеры 70-хъ годовъ боролись не только за интересы народа, но и за его мнѣнія. Въ данномъ случаѣ смѣшиваются двѣ фазы движенія. Какимъ образомъ анархисты, напр., могъ подчиниться мнѣніямъ народа, если онъ, прежде всякаго знакомства съ народомъ, усвоилъ, какъ не-предельный догматъ, космополитическое ученіе объ анархизмѣ, какъ о самомъ совершенномъ строѣ общества, и шелъ въ народъ съ программой, выработанною секціей Юрскаго федерациі, русскою только по имени? Паленъ въ своей секретной запискѣ о революціонной пропагандѣ, распространенной въ тридцати слишкомъ губерніяхъ, былъ ближе къ истинѣ, признавая за движеніемъ революціонный характеръ.

X.

Революціонизированіе движенія и выработка программъ.

Побѣда революціоннаго направленія, о которомъ сказано выше, еще не была завершена вплоть къ концу народническаго періода движенія. Часть молодежи еще не была вполне убѣждена въ правдивости точки зрения революционеровъ. Провѣдвъ непрерываемой борьбы съ государственною властью на первый разъ ошеломила эту часть молодежи, и ей нужно было время, чтобы переварить слышанное. Это время она и получила въ самомъ началѣ разсматриваемомъ въ настоящей главѣ періода, когда продолжалась начатая еще въ предыдущемъ періодѣ разсужденія объ устройствѣ мастерскихъ. Разсужденія эти не вызвали рѣзкаго столкновенія мнѣній. Всѣ въ принципѣ были согласны въ томъ, что прежде чѣмъ идти въ народъ, необходимо изучить какое нибудь ремесло и привыкнуть къ физическому труду. Нѣкоторыя разногласія встрѣчались впрочемъ и при разговорѣхъ на эту тему. Не вплоть еще отставшіе отъ чистаго народничества молодые люди смотрѣли на дѣло съ этической точки зрѣнія: только при знаніи ремесла можно жить совершенно самостоятельно, не дожась въ конечномъ подчетѣхъ на шею народа. Революционеры-же видѣли въ знаніи ремесла главнымъ образомъ средство сойтись съ народомъ, не вызывая въ немъ подозрѣній въ какомъ-либо зломъ умыслѣ.

Выше была отмѣчена тенденція народническаго молодежи рѣшать простые вопросы слишкомъ по кабинетному, какъ это было, напримеръ, при установленіи меню интеллигента, уплачивающаго свой долгъ народу. При обсужденіи вопроса о ремеслѣ случилось нѣчто подобное. Признаніе ремесла обязательнымъ для каждаго интеллигента безъ исключенія, независимо ни отъ его индивидуальныхъ качествъ, ни отъ степени его здоровья, вызвало толки о томъ, какое ремесло менѣе всего вредитъ здоровью и потому наиболѣе пригодно для интеллигентовъ. Этому вопросу посвящена была почти цѣлая сценка. Одни высказывались за кузнечество, другіе за сапожное мастерство и т. д., пока одинъ агитаторъ не сорвалъ вопроса, замѣтивъ, что самое вредное ремесло революціонное, потому что влечетъ за собою каторгу и висѣлицу.

Послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ разсужденій, кружки приступили къ устройству мастерскихъ или обученію ремесламъ на дому. Въ Петербургѣ была устроена слесарная мастерская артиллеристами при участіи Чайковцевъ. Москва не отстала отъ Петербурга. Дебаржіо-Мокриевичъ обучал товарищей сапожному дѣлу на частной квартирѣ и т. д.

Мастерскія усердно посѣщались интеллигентами, не только своего, но и чужихъ кружковъ. Молодежь хотѣла, какъ можно скорѣе, завоевать себѣ право на физическій трудъ, которое она, казалось, приобрѣтала изученіемъ ремесла. Впрочемъ, мастерскія

имѣли обыкновенно и другое значеніе: онѣ служили центромъ для пропаганды и агитации. Въ мастерской артиллеристовъ перебивала масса народа и несомнѣнно часть его получала въ ней свое революціонное воспитаніе.

Устройствомъ мастерскихъ, задуманныхъ еще народниками, была выполнена послѣдняя, ясная для всѣхъ, часть ихъ программы, Интеллигентъ, изучившій ремесло, могъ уже считать себя рабочимъ, имѣющимъ доступъ во всякую народную среду. Далѣе самъ собою возникалъ вопросъ, что дѣлать въ народѣ, вопросъ, на который народники не имѣли отвѣта. Поэтому выработка программъ стала дѣломъ рукъ исключительно революціонеровъ; чистое народническое направленіе въ это время окончательно сходитъ со сцены. Если еще и оставались непреклонные народники, то они перестали появляться на сходкахъ. Почти одновременно съ чистыми народниками стали сходить со сцены Лавровцы¹⁾; теперь на сходкахъ можно было встрѣчать лишь отдѣльных представителей этого направленія. Такимъ образомъ поле сраженія осталось за революціонерами, признавшими себя анархистами.

Не слѣдуетъ забывать, что какъ революціонныя идеи, такъ и временные лозунги движенія выработывались въ борьбѣ направленій или, по меньшей мѣрѣ, мнѣній. Побѣдившее мнѣніе имѣло тѣмъ большее значеніе для широкихъ круговъ молодежи, чѣмъ сильнѣе была предшествовавшая ему борьба. Теперь, когда на очередь выступила разработка программъ, борьба должна была происходить, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ одного направленія — анархическаго.

Анархизмъ не дѣлился на толки, такъ какъ всѣ были согласны въ пониманіи основныхъ его положеній. Но, по аналогіи съ французскими республиканцами, анархистовъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: коренныхъ и своего рода *gallies*, т. е. присоединившихся. Подъ первыми нужно понимать отдѣльных дѣятелей и кружки, сѣорганизовавшіеся во имя анархій и бросившіеся въ движеніе съ цѣлью пропаганды этого ученія. Сюда, главнымъ образомъ, относятся три петербургскихъ и одинъ кіевскій кружокъ (Мокривенча). Въ категорію вторыхъ слѣдуетъ отнести всѣ тѣ кружки, которые усвоили анархію уже въ то время, когда они имѣли свою радикальную или даже революціонную программу и во имя ее работали. Сюда относятся, прежде всего, Чайковцы, а также и большинство старыхъ кружковъ (напр., Одесскій Волховского) или новыхъ, состоявшихъ подъ ихъ влияніемъ (напр. артиллеристы). Между этими двумя видами анархизма и началась борьба при выработкѣ новой и общей для всѣхъ программъ революціонной дѣятельности.

Борьба, какъ и прежде, велась не съ глазу на глазъ, а передъ

¹⁾ Объ этомъ рассказано въ VI главѣ. Между Лавровцами и народниками было некоторое сходство, такъ что Лавровцы часто бывали въ то же время и народниками. Въ предыдущемъ изложеніи я старался не скрывать ихъ между собою, такъ какъ я имѣлъ цѣлью охарактеризовать направленія, а не лица.

лицомъ всего народа, т. е. на сходкахъ при участіи всѣхъ желающихъ. Дѣло происходило обыкновенно такимъ образомъ: агитаторы изъ Бакунистовъ (коренныхъ) и Чайковцевъ или другихъ старыхъ кружковъ приходили на собраніе въ какой-нибудь молодой кружокъ, который уже приобщился къ движенію, но не сталъ еще твердо на революціонную почву. Ставились какой-нибудь частный вопросъ программнаго характера и начинались горячіе дебаты. Тутъ происходило, можно сказать, публичный турниръ, имѣвшій цѣлью привлеченіе каждымъ изъ борющихся на свою сторону слушателей. Послѣдніе тоже участвовали въ спорахъ, поддерживая то одну, то другую сторону.

Споры о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: о степени подготовленности интеллигенціи для дѣятельности въ народѣ, о формѣ этой дѣятельности, о значеніи агитации и пропаганды, о преимуществѣ летучей пропаганды, о степени революціонности народа, о значеніи мелкихъ бунтовъ, о роли въ народѣ женщинъ-пропагандистокъ и т. д., наконецъ даже о способѣ организаціи революціонеровъ.

Послѣдній вопросъ былъ возбужденъ Рабиновичемъ, доказывавшимъ, что организація должна имѣть характеръ строго-централистскій¹⁾, но онъ по молчаливому согласію борющихся сторонъ скоро былъ снятъ съ очереди. Молодежь, не имѣвшая никакой политической опытности и знавшая только отрицательныя стороны генеральства, склонна была видѣть въ проповѣди централизиціи и дисциплины замаскированное желаніе лишить ее свободы самоопредѣленія—этого права, которое, казалось, должно принадлежать каждому развитому человѣку—и подчинить ее новымъ генераламъ. Что-же касается другихъ, перечисленныхъ выше, вопросовъ, то они были предметомъ самаго внимательнаго обсужденія и трактовались на многихъ сходкахъ.

При обсужденіи вышеупомянутыхъ вопросовъ коренные анархисты стояли за такой способъ ихъ разрѣшенія, который не представлялъ-бы осуществленія немедленной и самой активной дѣятельности въ народѣ. Они поэтому признавали, что молодежь, усвоившая анархическое ученіе, вполнѣ готова для практической дѣятельности, что народъ не только созрѣлъ для пониманія пропагандируемыхъ ему идей, но имѣетъ въ своей средѣ достаточное количество лицъ, способныхъ стать активными революціонерами, что агитация поэтому имѣетъ большее значеніе, чѣмъ пропаганда, что мелкіе бунты, естественно вспыхивающіе въ крестьянствѣ, воспитываютъ революціонныя чувства въ народѣ и готовятъ

¹⁾ Впрочемъ тотъ, что принято думать объ анархистахъ, здѣсь неслѣдуетъ забывать, что Бакунистъ и его послѣдователи признавали строгую централизацію текущей формѣ организаціи, которая только и могла быть противуположеніемъ сильной и тоже централизованной организаціи современнаго государства. На первое время анархисты считали полезнымъ, чтобы централизиціи не объявила открыто о своемъ существованіи и составляла изъ самыхъ влиятельныхъ членовъ анархистскихъ кружковъ.

его къ общему возстанію, что летучая пропаганда захватываетъ большой кругъ лицъ и потому, въ цѣляхъ только пропаганды въ народъ, нѣтъ надобности осядѣть крѣпко и на долго въ определенныхъ мѣстахъ, и т. д. «Присоединившіеся» придерживались вообще болѣе умѣренныхъ взглядовъ и соблюдали большую осторожность въ рѣшеніи практическихъ вопросовъ. Въ доказательство правильности своей точки зрѣнія они ссылались на свой опытъ, коренные-же анархисты по ихъ мнѣнію мало знаютъ народъ, разсуждаютъ болѣе по книжкамъ и прежде какихъ-нибудь рѣшительныхъ дѣйствій должны потолкаться въ народъ и хорошенько его изучить.

Присоединившимся, особенно изъ среды Чайковцевъ, нельзя указать ни въ эрудиціи, ни даже въ талантахъ, но у нихъ чувствовалась часто нѣкоторая двусмысленность. У нихъ было свое достаточно разработанное міросозерцаніе, въ которое анархическое ученіе насильственно вторглось и заставило себя признать. Точно также у нихъ были намѣчены и практические способы дѣятельности, которые теперь требовалось пересмотрѣть, чтобы согласовать съ новымъ ученіемъ. Вслѣдствіе этого у нихъ замѣчались нѣкоторыя колебанія—оружіе свое въ борьбѣ они какъ-бы держали не твердыми руками. Наоборотъ коренные анархисты, считая себя апостолами новаго ученія, свободно, безъ всякихъ оглядокъ назадъ, развивали его до послѣднихъ, хотя бы и самыхъ крайнихъ, выводовъ. Въ движеніи они все время играли роль крайней лѣвой.

Молодежь, особенно во времена движеній, не любитъ останавливаться на полдорогѣ и слѣдуетъ за тѣмъ, кто доводитъ свою идею до логическаго конца. Она всегда рукоплещетъ рѣшительному отрицанію стараго и широкимъ обобщеніямъ, служащимъ основаніемъ новому. Ее нельзя смутить сомнѣніями въ осуществимости идеи въ данное время—на эти сомнѣнія она отвѣчаетъ: принадлежимъ крѣпче и цѣль будетъ достигнута. Отсюда понятна побѣда революціонеровъ надъ лавровцами и народниками. Этимъ же въ значительной степени объясняется перевѣсъ сравнительно малочисленныхъ коренныхъ анархистовъ надъ присоединившимися. Перевѣсъ этотъ сталъ сказываться довольно рано. Бывало, что молодежь, во время обсужденія какого-нибудь вопроса, соглашается съ ораторами изъ присоединившихся, но потомъ на слѣдующую сходку приходитъ со взглядами коренныхъ анархистовъ. Въ большинствѣ случаевъ побѣда не склонялась ни на чью сторону, но тѣмъ не менѣе коренные анархисты усиливались. На нѣсколькихъ сходахъ они терпѣли даже видимое поражение—это случалось тогда, когда по вопросу, касающемуся выясненія условий крестьянской жизни, отъ присоединившихся выступалъ ораторъ, бывавшій въ народѣ и умѣвшій противъ теоретическихъ положеній своихъ противниковъ умело приводить конкретные факты. Но и эти случаи поражений не на долго задерживали распространеніе крайнихъ анархическихъ идей.

Само собою понятно, что дѣленіе анархистовъ на коренныхъ и галлѣ только приблизительно и даже схематическое. Въ старшихъ кружкахъ были также убѣжденные анархисты, смѣло идущіе въ своихъ выводахъ до логическаго конца. Первое мѣсто между такими анархистами занимаетъ Кропоткинъ. Онъ безъ сомнѣнія былъ тоже «коренной», но въ періодъ обсужденія программныхъ вопросовъ, будучи занятъ пропагандою среди рабочихъ, мало появлялся на сходахъ. Другимъ убѣжденнымъ анархистомъ былъ Чарушинъ, также какъ и Кропоткинъ, принадлежавшій къ кружку Чайковцевъ. Оба они въ практическихъ вопросахъ занимали болѣею частью срединную позицію между крайними и болѣе осторожными анархистами. Въ рѣшеніяхъ вопросовъ они конечно не могли далеко отходить отъ своего кружка, но особенно Кропоткинъ велъ анархическую пропаганду среди членовъ этого послѣдняго. Еще ранѣе Кропоткинъ составилъ записку подъ заглавіемъ «Должны-ли мы заниматься разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя». Эта записка имѣетъ анархическій характеръ и въ ней уже до извѣстной степени виденъ будущій послѣдовательный анархизмъ. Вотъ содержаніе ея въ томъ видѣ, какъ она изложена въ обвинительномъ актѣ:

Доказавъ цѣлымъ рядомъ доводовъ непригодность всѣхъ существующихъ формъ государственной жизни, авторъ представляетъ народу разрѣшеніе вопроса объ идеалѣ будущаго строя. «Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какимъ образомъ народъ можетъ осуществить свой идеалъ, авторъ записки находитъ, что единственнымъ для сего путемъ представляется насильственный социальный переворотъ, который не ограничился бы только ниспроверженіемъ государственности, но и уничтожилъ бы весь существующій социальный и экономическій строй народной жизни; всѣ мирные пути прогресса отвергаются въ запискѣ и признаются даже вредными. Для подготовленія социальной революціи въ Россіи необходимо организовать революціонную организацію, оснoвными положеніями которой должны служить: полнѣйшее равенство всѣхъ ея членовъ, отсутствіе всякаго подчиненія всѣхъ одному или нѣсколькимъ лицамъ, отрицаніе обмана и насилія въ взаимныхъ отношеніяхъ и въ то же время признаніе обмана и насилія ¹⁾ вполне разумными и необходимыми средствами въ отношеніяхъ членовъ организаціи къ правительственной власти и представителямъ капитала. Подготовительная дѣятельность революціонной организаціи должна быть направлена главнымъ образомъ на увеличеніе числа ея единомышленниковъ въ средѣ крестьянства и городскихъ рабочихъ посредствомъ дѣятельной пропаганды своихъ воззрѣній и усиленія недовѣрства противъ правительства. Участіе въ революціонной организаціи учащейся молодежи отвергается запиской. Въ организацію должны быть принимаемы только тѣ представители упомянутой

¹⁾ Здѣсь составитель обвинительнаго акта, пощадямоу, не сослался точно налагающему записку.

молодежи, которые, бросив науку, отправятся в народ для пропаганды, отрешившись от всей своей предыдущей жизни не только в принцип, но и во внешней форм, оставив все свои привычки и поставив себя вполне в положение рабочего. Люди из народа признаются автором записки наиболее надежными и полезными революционерами. Для подготовки таких деятелей агитаторы должны поселиться между крестьянами и вести ослбду пропаганду посредством сближения с народом¹⁾. Для приведения в известность результатов пропаганды и выработки дальнейших мѣръ, въ запискѣ рекомендуется устройство периодическихъ съѣздовъ агитаторовъ, а затѣмъ авторъ записки обращаетъ особенное вниманіе на подготовку революціонныхъ дѣятелей изъ городскихъ рабочихъ, которые, возвращаясь на родину, могут распространять между крестьянами социальныя идеи, усвоенныя отъ агитаторовъ. Кромѣ устной пропаганды, признанной наиболее дѣлесообразною, авторъ допускаетъ и пропаганду литературную, въ видахъ которой организація должна озантовиться изготовленіемъ и распространеніемъ въ народѣ книгъ, въ родѣ разсказовъ о сильныхъ и выдающихся личностяхъ изъ народа, картинъ безвыходности современнаго социального строя и т. п. Стачки рабочихъ и устройство артелей не одобряются авторомъ, такъ какъ означенныя мѣры въ свою очередь служатъ средствомъ къ скопленію капиталовъ и въ результатѣ оказываютъ вредное вліяніе на народѣ. Мѣстныя волненія между рабочими (и крестьянами) и сопротивленіе властямъ признаются имѣющими для народа «воспитательное» значеніе въ смыслѣ революціонномъ, почему, не совѣтуя агитаторамъ возбуждать (искусственно?) подобныя явленія, дабы не отвлекать ими народа отъ стремленія къ достиженію главной цѣли— всеобщаго возстанія во имя кореннаго переворота— авторъ находитъ тѣмъ не менѣе полезнымъ не препятствовать ихъ развитію, если только они вызываются естественнымъ путемъ. Въ заключеніе авторъ опредѣляетъ отношенія русской революціонной организаціи къ международной ассоціаціи рабочихъ и къ русскимъ эмигрантамъ, причемъ, заявляя полное сочувствіе къ дѣятельности секцій федералистовъ и преимущественно ея русскихъ представителей, вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ *полной* ²⁾ (курсивъ обвинителя) солидарности со всѣми партіями эмигрантовъ, признавая, что русская народная революціонная партія должна самобытно развиваться среди Русскаго Народа».

Записка предназначалась для Чайковцевъ, которыми и были

¹⁾ Это не совсѣмъ ясно. Повидимому рѣчь идетъ о томъ, что для привлеченія отдающихся лишь изъ народа въ революціонную организацію, нельзя ограничиваться легкой пропагандой, и необходимо ослѣсть въ народѣ и обладать съ этимъ знаніемъ.

²⁾ Въ програмѣ дѣршекой секціи содержится отрицаніе рѣшенія— атака. Но Кропоткинъ, ни русская молодежь не считали дѣлесообразнымъ затрывать революціоннаго чувства народа. Уже во этоку не могло быть и рѣчи о полномъ согласіи съ федерацией, а не со всѣми партіями эмигрантовъ, какъ формулируетъ обвинитель. Со всѣми партіями никто не можетъ согласиться.

приняты главнѣйшія ея положенія. Пространныя объясненія автора по отношенію къ организаціи— полное равенство, отсутствіе обмана и насилья— очевидно вызваны боязнью, чтобы не повторились ошибки нечестивой организаціи. Казалось-бы вмѣсто всѣхъ этихъ азбучныхъ истинъ достаточно было сказать, что организація должна составляться изъ людей, строго подобранныхъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Отсутствие упоминанія о дисциплинѣ также характерно для описываемаго времени. Всѣ вопросы, затронутые запиской въ томъ или другомъ видѣ, обсуждались на сходкахъ. Окончательная программа, къ которой на нихъ приходили, по существу мало отличалась отъ предлагаемой въ запискѣ. Соавтъ Кропоткина не занимался разсмотрѣніемъ будущаго идеальнаго строя слѣдуетъ понимать не въ народническомъ смыслѣ, требующемъ подчиненія тому идеалу, который хранитъ народъ, а въ смыслѣ безцѣльности обсуждения деталей. Самъ Кропоткинъ былъ убѣжденный анархистъ и не отказался бы отъ своего убѣжденія, если бы его не раздѣлялъ народъ, напротивъ, онъ старался бы привести народъ къ признанію анархій идеаломъ будущаго строя. На сходкахъ молодежь пробовала выяснять себѣ разныя детали анархическаго строя общества. Между прочимъ было потрачено много времени на выясненіе вопроса, что дѣлать съ общиной, если она, пользуясь своею полною самостоятельностью, откажется присоединиться къ какому нибудь общему предпріятію всѣхъ союзныхъ общинъ, напримеръ проведенію черезъ ея территорию желѣзной дороги, и тѣмъ слѣдуетъ невозможнымъ самое предпріятіе. Вопросы этого рода выдвигались лицами, не принявшими еще окончательно анархическаго ученія. Анархисты по мѣрѣ возможности старались отвѣтить на нихъ, но отвѣты ихъ въ сущности сводились къ тому, что если отдѣльныя общины не идутъ ни на какія соглашенія съ союзомъ остальныхъ общинъ, то, слѣдовательно, общество еще не дозрѣло до полного осуществленія анархій. Споры эти именно и показали на практикѣ безплодность разсмотрѣнія подробностей будущаго анархическаго строя. Въ концѣ концовъ молодежь приняла программу русской секціи юрской федераціи, выбросивъ изъ нея пунктъ объ атеизмѣ. Программа была предложена къ книгѣ «Государственность и анархія». Программа была краткая и не входила совершенно въ неразрѣшимаго теоріи подробности.

Выше изображено, какъ разрѣшились разныя практическія вопросы въ Петербургѣ и притомъ въ главномъ русскѣ анархическаго теченія. Отдѣльныя лица и даже кружки болѣе или менѣе уклонялись отъ наиболее типичнаго способа ихъ рѣшенія. Одни, какъ, напр., Каблицъ, уклонялись влево, доходя до апогеоза мелкнхъ крестьянскихъ бунтовъ, другіе, напротивъ, останавливались на болѣе умѣренныхъ рѣшеніяхъ, чѣмъ даже большинство присоединившихся. Приведу изъ обвинительнаго акта одинъ изъ такихъ болѣе правыхъ взглядовъ по собственному показанію представителя ихъ, Льва Городецкаго.

Члены его кружка (Самарцев) «были того мнѣнія, что революція въ Россіи должна произойти сама собою, въ силу историческаго хода вещей, вслѣдствіе чего считали своею задачею—содѣйствовать посредствомъ устной и книжной пропаганды (объ агитации ни слова!) сознанию народа идеала своего будущаго устройства (конечно анархія). Для осуществленія такой задачи члены кружка рѣшили идти въ народъ подъ видомъ простыхъ рабочихъ, разсказывать недовольныхъ настоящимъ положеніемъ вещей и дѣйствовать на нихъ слѣдующимъ образомъ: развѣивая и выясняя, устно или чтеніемъ, существующее уже недовольство, указывать на возможность выхода изъ настоящаго тяжелаго положенія лишь при условіи единодушнаго образа дѣйствій со стороны народа, въ доказательство чего ссылались на бунты Стеньки Разина и Пугачева; затѣмъ изясняли, что дѣйствуя совокупными силами всего народа, слѣдуетъ добиваться общиннаго земледѣнія, свободнаго перехода изъ одной общины въ другую и самоуправленія¹⁾, а потому и уничтоженія правительства и администраціи, вопросъ о существованіи Верховной Власти предполагали не затрагивать, такъ какъ само собою подразумевалось, что такая власть будетъ уничтожена въ виду ея несомнѣннаго сопротивленія требованіямъ народа. Каковую идею предполагалась устная пропаганда, таковою-же должна была быть и книжная; самою пригодною для послѣдней книгой признавалась «Исторія одного французскаго крестьянина», а также считалось полезнымъ распространять въ народѣ разсказы въ родѣ «Митохондъ», «Дюбушки Егора» и пр., какъ указывающіе на вредное вліяніе эксплуатаціи на народъ; книги-же «Стенька Разинъ» и «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» были признаны годными исключительно для лицъ болѣе или менѣе развитыхъ, какъ-то: народныхъ учителей, семинаристовъ и гимназистовъ²⁾.

При всякомъ рѣшеніи практическихъ вопросовъ, если и не указывалось, то подразумевалось, что дѣятельность въ народѣ возможна только для лицъ, вполне ставшихъ въ положеніе рабочаго или крестьянина. Это была аксіома, не вызвавшая никакихъ споровъ, признанная также и въ запискѣ Кропоткина. Революционеры, проповѣдавшіе народникамъ необходимость кореннаго разрушенія существующаго строя и неотомимую революціонную борьбу, силою вещей должны были принять отъ народниковъ эту аксіому. Только при условіи выполненія ея требованій, революционеры могли объединить всю передовую молодежь и оставить замѣтный слѣдъ въ исторіи. Молодежь въ первый разъ выступила широкимъ строемъ на подмошку исторіи и только рядомъ подвиговъ и актовъ самопожертвованія могла запечатлѣть въ памяти слѣдующихъ поколѣній факты и событія изъ своей жизни и дѣятельности. Подвигъ

же былъ дѣйствительно великъ: молодежь, чуть не поголовно, отказывалась отъ всѣхъ выгодъ своего привилегированнаго положенія, бросала семью и школу и шла на безконечнаго лишенія, которыя она, полуголодная и плохо одѣтая, должна была претерпѣвать въ народѣ. Кто въ состояніи измѣрить величину только одной жертвы—отказа отъ дальнѣйшаго образованія со стороны интеллигентнаго человѣка, готоваго считать знанія превыше самой жизни? Оставляя въ сторонѣ дѣйствительные успѣхи, достигнутые вслѣдствіе превращенія въ рабочаго или крестьянина, нельзя не констатировать полной цѣлесобразности совершенія этого подвига.

Сжиганіе кораблей, т. е. добровольное оставленіе университетовъ и всякихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, соединенное съ рѣшимостью отказаться и отъ другихъ выгодъ своего положенія, началось чуть-ли ни съ первыхъ дней движенія. Въ описываемый-же періодъ каждый день приносилъ извѣстіе, что такіе-то молодые люди сожгли свои корабли. Рядомъ съ этимъ все болѣе и болѣе усиливало отрицательное отношеніе молодежи къ интеллигенціи. Кропоткинъ признавалъ учащихся и вообще интеллигентовъ, не превратившихся въ рабочихъ, непригодными для организаціи, молодежь-же шла дальше и считала ихъ вообще нигде негодными. Ругательства по адресу интеллигенціи раздавались такъ-же часто, какъ во время расцвѣта марксизма. Само собою понятно, что порицанія исходили отъ любви, а не изъ враждебнаго къ интеллигенціи чувства. Порицающая молодежь быт можетъ сильнѣе любила интеллигенцію, чѣмъ славословящая ее часть, подобно тому, какъ болѣе всего любятъ свое отечество самыя рѣзкіе обличители его недостатковъ, а не славашный патріотъ.

Не столько разумъ, сколько какой-то инстинктъ общественно-группового (или партійнаго) самосохраненія велъ молодежь къ подвигамъ и самоотрицанію. Этотъ же инстинктъ заставлялъ и высказываться при выборѣ профессій за самыя низкія изъ нихъ. Лавровскіи считали наиболѣе удобными для пропагандиста изъ интеллигенціи профессіи врача, фельдшера, учителя, и т. п. Часть анархистовъ также признавала эти профессіи весьма удобными для пропагаторской и вообще революціонной дѣятельности въ народѣ, но большинство считало самой почетной ролью чернорабочаго или въ крайнемъ случаѣ мастераго. Профессіи, не соединенныя съ жертвами, мало привлекали молодежь.

При обсужденіи способовъ дѣятельности въ народѣ, молодежь неизбежно приходила къ опредѣленію своего отношенія къ правительству. Она не могла не понимать, что всякая пропаганда или агитация непременно вызоветъ со стороны правительства противодѣйствіе и репресіи, и потому естественно приходила къ выводу о необходимости уничтоженія правительства, а до того о непрестанной борьбѣ съ нимъ. Формы этой борьбы подробно не намѣчались, но неизбежность ея уже никакъ не отрицалась. Одно изъ популярнѣйшихъ потомъ средствъ борьбы—терроръ—не признавалось исключительно по соображеніямъ тактическаго характера.

¹⁾ Это—неужелое влѣяніе прокурора или самого Городецкаго ученика анархія о возможности своей воляхъ общій силу въяръ.

²⁾ Вліяніе здѣсь мнѣнія о значеніи пѣвоторыхъ полегальныхъ книгъ признадежитъ исключительно кружку Городецкаго.

Отсюда очевидно, что идея политической борьбы не была чужда движению семидесятых годов. Чрезвычайно распространено мнение, что анархисты отрицают политику вообще, но это далеко не верно. Анархисты действительно относятся отрицательно к участию в легальной политической деятельности напр. в парламентах, но могут ли они, стремясь к уничтожению государственных властей, не понимать значения политической борьбы? В неподлежащем опубликованию уставе ¹⁾ европейских анархических организаций, главою которых был Бакунин, содержался между прочим пункт, позволяющий участие в политических выборах и парламентах, но не иначе, как с разрешения организации.

Многими цитатами из обвинительного акта можно было бы доказать, что вопрос о политической борьбе (незаконной) возник в отдельных кружках довольно рано. Даже мирный Говоруха по словам обвинителя собирался зарезать прокурора. Такого образом движение семидесятых годов, начавшееся с отрицания политики, весьма скоро приходит к своеобразному признанию ее. Собственно говоря о политике вообще не было речи, но политическая борьба признавалась одним из способов деятельности. Анархисты, допуская свое участие в мелких бунтах, производимых крестьянами, без всякого сомнения смотрели на это участие, как на один из видов политической борьбы.

Движение, начавшееся в семидесятых годах, продолжалось почти 10 лет. Программы несколько раз изменялись, но политика, или вообще политическая борьба все больше и больше выдвигалась вперед. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить требовавшиеся программами: «Земли и Воли» дезорганизацию правительства и «Народной Воли» террор. Поэтому одной из заслуг движения 70-х годов следует признать воскрешение начавшей было замирать «политики» вообще и целесообразности политической борьбы в частности.

Страниц.

(Описание следует).

¹⁾ Устав этот, выданный, по словам Бакунина, тремя русскими анархистами, не принадлежавшими к организации, был в извещении напечатан ими в одной прокламации, заглавие которой я не помню, вышедшей в русской молдавии в 1873 году.

Революция 1848 года и Москва.

После февральской революции русское правительство весьма обеспокоилось, как бы это событие не произвело губительного влияния на русских людей. Отсюда, от всех агентов были затребованы рапорты о состоянии умов и о движении в народ. Из Москвы были получены ценный ряд донесений, не столько интересных для характеристики действительного положения вещей, сколько любопытных по стилю, по истинно специфическому, и по личности доносителя, необыкновенно рельефно выступающей из-за этих строк. Многие подробности как будто выхвачены из произведений М. Е. Салтыкова. Берем на удачу три из них:

I.

Скверно.

Здесь, думаю, как и всюду, все разговоры превратились в толки о Франции; но здесь в Благословенной Царской Москве, дай Бог что и всюду так было, говорить с презрением о Парижских происшествиях. Как сладостно верно доложить о вбрыках русских чувств, слышать один сердечный голос и не слышать ни одного отголоска, увлекающегося безумием Французов. По крайней мере, с радостью даже побожусь, что мне не случилось ни самому, ни чрез других, ничего иного слышать. Ведь много бывало в Париже адвизных, а не замѣтно сочувствій къ тамошнему. Вот какие толки по выслушаньи отъ кого либо изъ разсказывающихъ что читалъ о событіяхъ въ Франціи: «Чего тамъ и ждать, гдѣ итъ Вѣры».

О Людовикъ-Филиппъ выражаются не какъ о Монархѣ, а какъ о чело-вѣкѣ, надъ коимъ совершилось слово Божіе: «въ южѣ мѣру мѣрите, возмѣрится и Вамъ». Что какъ онъ изгналъ законную династію Бурбоновъ, такъ и самъ изгнакъ. Бранить Ламартина, котораго ближние Meditation читали съ наслажденіемъ, вспомнили когда онъ какъ поклонникъ Святаго Гроба привезъ воды изъ Іордана для купели тогда Новорожденнаго Герцога Бордоскаго, а теперь, въ числѣ распорядителей въ ненужныхъ безпорядкахъ губительнаго безначалія.

Добрая Москва, твердо основаніе ее въ Святой Вѣрѣ къ Богу, въ дѣтской приверженности къ Помзанинну, Царю Великому Законному, любви

къ Коему, слита въ душахъ съ Закономъ Православной Вѣры. Кто не согласится, что и въ Москвѣ люди, а въ людяхъ и грѣхи и страсти, но основаніе твердо. Посмотрите теперь во время поста, какъ умиленно видѣть толпы, но куда идущіе! Въ Церковь, на молитву, на исповѣдь, къ Святому Божественному причащенію. Молятся, исповѣдая чистую Вѣру; а кто вѣрнѣе, тотъ вѣрнѣе.

Москва. 6-го Марта 1848 года.

II.

Секретно.

Впечатлѣніе, произведенное Манифестомъ, возвысившимъ о смутахъ на западѣ Европы, были слезы восторженныхъ русскихъ чувствъ. Я приклякъ въ Дворянскій клубъ въ ту минуту, когда шелъ въпросъ, каждаго тутъ бывшаго, къ прѣзжающему знакомому: „Читали ли?“ и у насъ есть Манифестъ (ибо слышали предварительно о немъ). Да чтожь вы попользали, вотъ одинъ изъ членовъ прекрасно придумалъ какъ стилились въ газетной, что прочиталъ вслухъ*. Слыша это, сильно билось во мнѣ приверженное сердце. Я спеливъ въ радости, а совладѣвъ съ моими глазами, чтобы съ осторожною зоркостью видѣть глаза другихъ и у многихъ видѣлъ ихъ влажными. Свидѣтельствуюсь Богомъ всемогущимъ, что лезть никогда не управляя ни языкомъ, ни перомъ моимъ; покойный отецъ мой удалил отъ души моей это зло; продолжалъ писать какъ истинно видѣлъ, какъ слышалъ; я слышалъ и весьма замѣтно было что голосъ дребезжалъ въ отъѣздѣ о Франціи, Австріи и Пруссіи, но когда рѣчь возвращалась къ Манифесту, рѣчи становились тверды; твердость какъ бы почерпалась изъ самаго Манифеста, онъ такъ всѣмъ былъ по сердцу, какъ будто каждый участвовалъ въ написаніи его. Тутъ услышалъ отъ кого то въпросъ: „кто бы писалъ его?“ Этотъ вопросъ изданъ существуетъ при сильныхъ впечатлѣніяхъ отъ того, что изложеніемъ получили извѣстность въ 1812 году Шинковъ и прочіе. Я былъ на этотъ разъ превращенъ въ молчаніе, въ слухъ, сердце мое ждало одного отвѣта и услышалъ железный отвѣтъ: „кому писать это? безъ сомнѣнія Самъ писалъ“. Таково было видѣніе мною впечатлѣніе, гдѣ, выражусь просто, каждой ростъ душою, чувствовалъ что онъ русский, что онъ сынъ Возвзавшаго къ сердцамъ русскихъ — и видно было, что для русскаго сердца не бывать иныхъ воззваній, кромѣ Того, чье сердце помазавшаго Его. Истинно этотъ Манифестъ былъ утверждающимъ, освящающимъ помазаніемъ сердца.

Такъ истинно, такъ я видѣлъ, и слышалъ.

Не могу притомъ скрыть переливая въ сердце мое каждое слово Вашего драгоценнаго довѣрія и „чтобы я писалъ со всею откровенностію“ чтобы недозовѣтъ что послѣ послышался при въпросѣхъ кто бы писалъ? одного какого то отвѣтъ: „чай Киселевъ писалъ“. — Тонъ этого отвѣта кажется заключалъ въ себѣ ясную иронию на этого сановника. Безъ сомнѣнія до Васъ доходило, что дворянство не любитъ его, потомъ слышны было тѣ же отвѣты объ Манифестѣ уже не въ клубѣ и слѣдующія слова о Государствѣ: „да прикладскій онъ Дворянство такъ ЕР Богу все дается куда только прикажетъ“.

Въ среднемъ сословіи и черни поняли такъ: но лучше употреблю и выраженіе ихъ: „вотъ союзникъ Державы отъ насъ отказались и Французъ идетъ на насъ войною“ и по этому нѣкоторые изъ Дворянъ, желая оумиачать (но все съ благонамѣренными сердцами) поумиачали въ сужденіяхъ, что Манифестъ прекрасный, но что будто на что было писать его, на что употребить было слово что дерзость угрожаетъ и Россіи, вотъ это слово *угрожаетъ* немногимъ неоправдано, но и это самое умиачество о выраженіи, не выражаетъ ли только пустое умиачество, а однакожь показываетъ русское сердце если не по уму, то въ чувствахъ.

Я считаю что лучшіе агенты для чиновника — это добрыя дѣла, коишь онъ былъ исполнителемъ отъ Благодѣтельнаго Начальства. — благодарность рѣдка, но неподкупна, когда самъ исполнитель неподкупенъ вотъ изъ такихъ ходитъ комизъ одинъ старикъ хлѣбникъ (но не мой) Сидоръ, который и къ Вамъ хаживалъ; у него большая семья, большая артель; истинно случилось же такъ, что когда я ему объяснилъ въ чемъ дѣло, и онъ мнѣ сказалъ: ну Баринъ, спасибо, вѣдь я почти во все трактиры ставлю хлѣба, такъ если будутъ врать, что все на насъ войной идетъ, я вѣдь не назову тебѣ, а скажу что они по пусту тревожатся и войны никакой у насъ нѣтъ; случилось же такъ, что на другой же день вышла газета съ статьею изъ С. Петербурга объясняющею точно такъ толки и этою статьею для народа, вообще довольны.

Ни о державѣ, ни о ролотныхъ сужденіяхъ здѣсь нѣтъ слуховъ: выражаютъ въ гостинныхъ выраженіи: не было бы чего? но слава Богу невидю никакого основанія къ опасеніямъ; утѣшительно то, что не къ русскимъ клонятся предположенія возможности, а все къ Полякамъ. Дай Богъ, чтобы ничего и небыло основательнаго для опасеній, но какіе слухи даже изъ вздорныхъ будутъ позначительнѣе непременно съ неограниченною искренностію доложитъ.

Здѣсь много говорили и въ гостинныхъ, что Графъ Алексій Федоровичъ посланъ въ Вѣну и такъ утвердительно говорила, что по тамошнимъ смутамъ сердце боялось, пусть хотя и теперь утверждаютъ это, но Ваше милостивое письмо, изъ котораго видно, что Графъ въ С. Петербургѣ, втайнѣ мною хранимое, успокоило приверженнаго.

26 Марта 1848 г. № 8. Москва.

Его Превосходительству Леонтію Васильевичу Дубельту.

III.

Секретно.

При призываніи Вашемъ отъ 23-го Марта дозволилъ мнѣ писать неофициальнымъ письмомъ. Вы какъ будто милостиво угадали: что у меня около глаза сильный ревматизмъ, такой, что сегодня мнѣ поставили шанскую мушку къ затылку и что я долженъ даже докладывать Вамъ, диктуя моему писарю, въ вѣрности и глубокой скромности коего не имѣю причинъ сомнѣваться.

*) Орловъ, шефъ жандармовъ и начальникъ III отдѣленія.
Ред.

И пишу къ Вамъ съ неограниченною искренностю какъ къ отцу родному, прося Васъ насколько не думать о моей простудѣ и неостанавливаться удоставить меня Вашими приказаніями. И съ большимъ глазомъ, Господь не лишаетъ меня свѣта душевнаго, и въ ревматизмѣ, я пламенно усерднѣю въ вѣроуподобанческой службѣ и убѣждаю Васъ при поставленной мнѣ испанской мушкѣ на затылкѣ, ни какъ небрить мнѣ затылка отъ Вашего драгоценнаго мнѣ довѣрія.—Третьяго дня принесли мнѣ повѣстку о секретномъ пакетѣ, это было воскресенье и по правиламъ почти получить нельзя было—получилъ вчера а сегодня доношу Вамъ въ отвѣтъ—кажется нельзя поспѣшше.

Коротенькое, но заключающее въ себѣ важность, приказаніе Ваше, я прочиталъ не разъ и затаню отъ исѣхъ въ душѣ моей тайну вопроса, хотя и былъ тотчасъ готовъ отвѣтствовать Вамъ; что касательно политическимъ въ Европѣ обстоятельствамъ, здѣсь благодареніе Господу въ народномъ духѣ ничего дурного не видно и не слышно; но желалъ бы провѣрить изыскаваемая мною основательнымъ свѣденіемъ и поглядѣть какъ будто пить чай къ здѣшнему Головъ, богачу и владѣтелю огромной фабрики Лепешкину. Я небалуно купцовъ частыми посѣщеніями за ихъ визиты и особенно Лепешкинъ тѣмъ болѣе радъ мною прѣздомъ, и когда нѣтъ никого, бѣседуетъ со мною довольно искренно.—

Извлеченіе изъ разговора съ нимъ Вамъ исгнѣ покажетъ незамѣтную для хозяина дома провѣрку моихъ свѣденій о духѣ народа. Начало всякаго разговора теперь, чужіе края—такъ и началось, котому онъ за велико сталъ говорить о непомирной слабости Шербатова къ Лужину ¹⁾ о затрудненіяхъ головы Градскаго, мнѣ угождать, а потомъ что прошедшій вторникъ Шербатовъ ²⁾ прислалъ за нимъ и просилъ его, что какъ до него дошли свѣденія, что будто нѣкоторые фабриканты хотѣли ссыпать фабричныхъ, то чтобы убѣждать ихъ оставить и чтобы они не притѣсняли ихъ въ расчѣтахъ. Голова въ свѣдѣніе этаго созвалъ (кажется онъ называлъ) старость, которые имѣютъ влияние на фабрику, и они доставили черезъ нѣсколько дней свѣденія что никто недумаетъ ссыпать фабричскимъ и расчѣтовъ притѣснительныхъ нигдѣ нѣтъ. Такъ и доложилъ Лепешкинъ Шербатову *предложилъ ему* что никто изъ купцовъ нессылаетъ рабочихъ а къ Пасхѣ они сами въ свои селенія отходятъ и послѣ Святой недѣли, недѣли черезъ двѣ судя по раннимъ рѣвѣ, они опять возвращаются. Лепешкинъ самъ предполагаетъ съ чего Шербатовъ это звалъ, а мнѣ это дало прямой случай войти съ Головой въ разговоръ о фабричскихъ. Фабричные говорятъ Лепешкинъ думали что будетъ война, но боялись не Французамъ и не войнѣ, а большаго рекрутскаго набора; а теперь, благодарятъ Бога, что нѣтъ набора, а какъ слышали о французамъ то право законили русскимъ духомъ такъ поговаривали: «вѣдь ужъ было, что у нихъ захручнлса голова на руси—такъ видно опять захотѣлось отвѣдать кановъ русскіе,» и вообще Лепешкинъ говорить «что такъ тѣли, такъ ведутъ себя что лучше истребить ихъ», прибавляю еще что и въ иностранныхъ, магазинщикахъ и ре-

месленникахъ, замѣтно не только сожалѣніе но даже омерзеніе къ переработкѣ случившимся за границей.

Дай Богъ чтобы я и впередъ Вамъ могъ докладывать таковыя свѣденія о русскомъ духѣ. Ей Богу теперь все тихо, и *русскія въ души Божіи и Царя* отъ этаго тверже и верте что *то яхъ возу основаніе*. Простите мнѣ мою неограниченную искренность Ватюшка Леоній Васильевичъ, всѣ единогласно отдаютъ цѣну Москвѣ, что при безтолковости Шербатова и неспособности Лужина быть оберъ-полцимейстеромъ, все держится внутреннею привязанностю къ Царю и личною привязанностю къ ВЕЛИКОМУ Духу ГОСУДАРЯ.—Ватюшка, уладите чтобы Лужина хоть Егермейстеромъ сдѣлали, но дайте на это мѣсто человека достойнаго, вѣдь Лужина просто презираютъ просто говорятъ: чего и ждать, отъ него когда его баба была по рождѣ, офицеры говорили ему грубости, и даже купецъ поставщикъ полиціи дровъ Иванъ Васильевъ Волковъ ему въ домѣ Шербатова и при Шербатовѣ въ глаза дерзко правду высказалъ, выразился именно: «ошибаеши молодой Генераль.» И Лепешкинъ также рассказывалъ это, если Вы объ этомъ другнхъ спросите то помиривайте, если спросите Лепешкина, скажете какъ купецъ что онъ и мнѣ неговаривалъ; а напишите ко мнѣ: чтобы и отъ него попросилъ искреннаго свѣденія о состояніи здѣшнихъ управления въ отношеніи къ Думѣ онъ бы отъ меня не отбѣдился чтобы не написать къ Вамъ, когда бы въ письмѣ ко мнѣ исполнили сказать: что это останется въ глубокой тайнѣ, которую и онъ хранитъ обязанъ—что бы Вы не узнали, особенно еслибъ, молвили объ его умѣ ибо онъ очень самолюбивъ.—Но ни въ какомъ случаѣ не дѣлайте на мѣсто Лужина, здѣшнихъ Полцимейстеромъ, ей Богу, ни одинъ неспособенъ, да попробуйте переимѣнить Вашего С-Пetersбургскаго въ Москву, а здѣшняго къ Вамъ, тогда блже рассмотримъ.

Повторю мое асекоррибѣшее извѣщеніе что самъ не пишу, ибо наклонился не могу и лѣвой глазъ опухъ, и въчера испѣлъ опухоль, но вѣроятно это бросилось къ глазу при возвращеніи вечеромъ отъ Лепешкина. отъ сырости, когда фхалъ по мосту черезъ Москву рѣку, которой, ледъ уже прошель.

30 го Марта 1848 года Москва.

¹⁾ Московскій оберъ-полцимейстеръ того времени.

²⁾ Московскій генераль-губернаторъ.

Первое мая в России.

(Продолжение ¹⁾.)

Мы обозрели уже десятокъ лѣтъ празднованія въ Россіи Перваго Мая. Не одна тысяча людей отдала свою свободу для торжества этого праздника свободы. Многие и совѣтъ погубили въ этой борьбѣ, не дождавшись зарі; но тѣ, кто остался, можетъ быть истомленнымъ, усталымъ, но живымъ тѣломъ и духомъ, тотъ видитъ теперь, что жертвы не были напрасными.

Уже въ 1900 году безвѣстный поэтъ могъ воскликнуть:

Праздникъ свѣтлый и свободный,
Славясь первая майскія дни!
Нашъ союзъ международный
Нашимъ благословъ ты здѣсь!
Надъ Ураломъ и Кавказомъ,
Надъ Невой и надъ Лыбромъ!
Пусть нашъ голосъ граней разломъ
Какъ весенній першилъ громъ!

Да, въ день Перваго Мая теперь уже раздавался по всѣмъ концамъ Россіи смѣлый голосъ рабочаго класса среди гнетущей тишины порабощенной страны. Дальше я уже не могу останавливаться на тайныхъ собраніяхъ въ этотъ день и на всѣхъ прокламаціяхъ, едва ли удастся мнѣ даже указать на всѣ ихъ, такъ ихъ стало много. Но годъ за годомъ, то въ томъ, то въ другомъ городѣ, маянка оканчивалась яркою всшпиковою, которая черезъ все огромное пространство нашей родины подавала знакъ жизни освободительнаго движенія всѣмъ чающимъ свободы. Не только неволей, но кровью своею платили борцы за этотъ знакъ своимъ братьямъ. Объ этихъ искрахъ, теперь разгорѣвшихся въ пожаръ, я долженъ здѣсь говорить.

Какъ мы уже видѣли, первые вступили въ Россію на путь открытыя демонстраціи польскіе рабочіе, за ними еврейскіе, потомъ латышскіе. Въ 1900 году ихъ дѣло продолжали рус-

скіе рабочіе, харьковцы. Мы знаемъ, что на двухъ маянкахъ до этого наши харьковскіе товарищи говорили въ прокламаціяхъ и на тайныхъ собраніяхъ о значеніи Перваго Мая. Въ этомъ году брошюры, разъясняющія значеніе майскаго праздника, появились въ середнѣ апрѣля. За недѣлю до Перваго Мая вынужденъ были прокламаціи, призывавшія не работать въ этотъ день. Въ лѣткахъ были выставлены слѣдующія требованія: свободы печати, слова, стачекъ, союзовъ, пониженія платы, восьмичасоваго дня и „участія народа въ управленіи“.

Полиція и жандармы принимали свои обычныя мѣры, и въ ночь на Первое Мая были арестованы 7 рабочихъ паровозостроительнаго завода.

Утромъ желѣзнодорожныя рабочіе предъявили свои требованія; тотчасъ явились казаки: но рабочіе все-же вышли толпой изъ мастерскихъ, подняли красное знамя и двинулись процессіей, направляясь въ другой конецъ города для встрѣчи съ паровозостроительными рабочими. У мостика, ведущаго въ городъ, полиція загородила имъ дорогу; шествіе двинулось въ обходъ; при этомъ были остановлены работы на голяромъ заводѣ Бернгейма; появились казаки и послѣ нѣсколькихъ стачекъ выхватили изъ толпы и арестовали около 400 человекъ.

Между тѣмъ на Паровозостроительномъ заводѣ забастовало механическое отдѣленіе; узнавъ о движеніи желѣзнодорожниковъ, забастовщики вошли въ сборную мастерскую и тамъ остановили работу; къ нимъ присоединились рабочіе кузнечнаго и литейнаго цеха, а также и модельной мастерской; толпа вышла на улицу и направилась къ Вельгійскому заводу и заводу земледѣльческихъ машинъ Гельфериха Саде. Изъ красныхъ рубахъ сдѣлала знамена и зашли революціонныя пѣсни. Въ узкомъ переулкѣ на демонстрантовъ напали казаки и увели въ казармы около 200 человекъ, разогнали толпу. Всего до 10.000 рабочихъ приняли участіе въ этой демонстраціи.

Петербургъ еще и въ этомъ году не выступалъ открыто. Мы видимъ, что петербургскія прокламаціи начинали принимать все выраженный политическій характеръ; въ 1900 году въ этомъ направленіи были сдѣланы рѣшительный шагъ; были вынуждены дѣйствовать прокламаціи каждая въ 5.000 экземпляровъ, одна 18 апрѣля, другая 1-го мая. Въ первой изъ нихъ ²⁾ говорилось: „что ни дѣлать . . . и жандармы, министры и шпоны, ваше дѣло идетъ впередъ; тихо, неслышно растетъ могучая сила и настанетъ день нашего Перваго Мая. Мы развѣрнемъ наши знамена, на которыхъ будутъ блестѣть при весеннемъ солнцѣ наши требованія: долгой самодержавіи! да здравствуетъ свобода! право составлять союзы и собранія!

¹⁾ Полнее на этой прокламаціи нѣтъ; въ заключеніи поставлено очень красивое призывное: „Рабочіе Знамя“, Шрифты Лондонской типографіи Рабочаго Знамени.

²⁾ См. „Визол“, октябр.

право думать и верить как хочешь! Восемь часов работы! Да здравствует победа правды и рабочего класса!

Второй листок разчитан очевидно на менее сознательные круги; в нем не формулированы требования, но листок ссылается на первую прокламацию: «наши zahraniчные товарищи празднуют Первое Мая, бросая работу, устраивая уличные демонстрации и собрания, как мы это указали в первом листке». О правительстве и здесь говорится вкратце определенно, как о враге народа: «докажем же и мы, товарищи, фабрикантам и их подлому правительству, что и мы — сила». «Первое Мая — выражение единения и силы рабочих»; «ничего так не боится буржуазия и ее правительство, как этого праздника».

И так — вот момент, где сплелись два последовательных стадии в развитии петербургского рабочего движения, поскольку вообще можно говорить о границах периодов в одной сплошной эволюции, с той точностью, с какою реальное движение отразилось в нашей очень чуткой прокламационной литературе. Этим моментом было Первое Мая 1900 года: по ту сторону — борьба за гражданские права, за «частичная политическая права», «экономику»; по эту сторону — борьба за участие во власти, за право устанавливать права.

Вот краткая хроника событий Майского праздника 1900 года. О Харькове и Петербурге я уже говорил. В Москве также была выпущена прокламация. В Киев готовились к демонстрации, но ее не удалось организовать; прокламация была напечатана на красной бумаге в собственной типографии; на собрании было больше 100 человек. В Ростов прокламация распространена Донской Комитет; в них выставлены требования законодательной охраны труда и 8-ми часового дня, а также «свободы совести, стачек, собраний, слова, печати, неприкосновенности личности и участия в издании законов». Таким образом о конституции говорится, но упоминания этого слова; но и то, что, по словам корреспондента из Ростова, было высказано в прокламациях, «впервые вызвало в большинстве сочувственные отзывы»¹⁾. В Екатеринослав предмайский прокламация была выпущена 13 апреля и привела к провалу типографии и аресту 80 лиц; вывешены были красные знамена, приготовления для демонстрации; демонстрация поэтому не удалась, но 18 апреля были расклеены по городу 340 красных плакатов и 200 белых листов. В Одессе были распространены прокламация «Южного Рабочего», 16-го и 17-го апреля были массовые обыски, а после Первого Мая было арестовано около 120 человек; однако майское собрание прошло благополучно, на нем присутствовало больше 100 человек.

Улицы Варшавы Первого Мая были заполнены войсками,

казаками, жандармами и полицией. Несмотря на это по призыву Польской Социалистической Партии и Бунда двадцатитысячная толпа рабочих собралась в Уладовских Аллеях и двинулась к памятнику Мицкевича. Три работницы, завязав за руки, шли впереди шествия; манифестанты шли «Красное Знамя» и «Варшавку» и несли знамя; белый ряд стачек провозгласил с казаками, борьба народа с войсками длилась до 10 часов вечера. Впоследствии князь Имеретинский выразил свою сердечную благодарность командовавшему полком генералу Комарову за «умирие и беспорядочность!» при действиях против манифестантов. Жалкие люди! Они взяли на этот день в шествие 2.000 рабочих и работниц и думали, что победят! Но грандиозная демонстрация достигла всех улиц, куда только могли себя ставить демонстранты.

В Домброве полиция произвела обыски даже в подвальных угонных копях; сами ибра земли теперь уже так опасность господствующим! Несмотря на все, ко дню Первого Мая во всем округе были расклеены прокламации; многотысячная толпа устроила демонстрацию и беспрепятственно прошла по улицам, хотя войска шли за толпою. Оратор в течение четверти часа говорил свое речье.

Тогда вдохнула в этот день после стольких лет коммюна кровавой бои 1883 года. Уличную демонстрацию не рршились устроить, но на фабриках день прошел с бошшим оживлением, а улицы города были украшены красными флагами с белыми надписями. В лбу состоялся собрание 300 еврейских рабочих и работниц.

Бунд издал к этому дню майский номер «Рабочего Голоса» и прокламацию Центрального Комитета; кроме того вышла воззвания от Лодзинского, Варшавского, Виленского, Мясского и Вилостокского комитетов Бунда. В прокламации Центрального Комитета выставляются требования Конституции; мы увидим позже, что Бунд и все партия не осталась на требования конституции и пошла дальше в своих политических погнухах.

В Вильне произошла демонстрация, в которой приняли участие тысяча рабочих; отмечено присутствие христианских рабочих среди демонстрантов. В Креславках демонстрацию устроили 300 рабочих. В Двинске было собрание в 150 человек. В Витебске произошла всеобщая забастовка. Союз шестидесятью собрать из разных местечек до 600 своих членов и отпраздновать Первое Мая. В Минске демонстранты, идя по улицам, кричали: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!» В Гродне было собрание 130 рабочих с красными знаменами.

В Тифлисе, развернули красное знамя с портретами Маркса, Энгельса и Лассаля и говорили речье. Мы возвращались в город уверенные в нашем будущем, возбужденные каждою

¹⁾ Листок Рабочего Двля № 1, июль 1900 года.

того дня, когда мы открыто выступим и по всеуслышанию потребуем политическую свободу и займем свою солидарность с пролетариатом всех стран и национальностей; года три подряд мы, тифлиские рабочие, праздновали Первое Мая за городом в ущельях; признаться, нам надоло праздновать, прятаясь!..»¹⁾

Мы сейчас увидим, что тифлиские товарищи не долго ждали дня, о котором здесь так горячо говорится.

* * *

В 1901 году на двухъ полюсахъ Россіи, въ Тифлисѣ и Петербургѣ, вспыхнуло Первое Мая. Другія повяли эти сигналы, но не враги. Они не понимаютъ и теперь, что совершилось и что совершается. А между тѣмъ, вотъ какія краснорѣчивыя событія произошли еще тогда.

Въ Тифлисѣ демонстрація была назначена на первое воскресенье послѣ заграничнаго 1-го Мая, на 23-ое апрѣля. За недѣлю передъ тѣмъ вышла прокламація, объяснявшая значеніе маявки, и затѣмъ ихъ выпустили еще нѣсколько. Рабочіе уже настолько были подготовлены къ мысли о демонстраціи предыдущими маявками, что брали прокламаціи на расхватъ и распространили ихъ очень широко.

Правительство авало о томъ, что готовится. Полкамъ были розданы боевые патроны; съ 15-го апрѣля драгуны, казаки и даже артиллерія демонстрировали по городу; на площадяхъ солдаты расползались бивуаками, собирая даже изъ трехъ человѣкъ разгонялись полиціей. Можно-ли было лучше популяризовать предстоящее событіе? И можно-ли было лучше обнаруживать бессилие правительства, когда демонстрація все же удалась? Или, можетъ быть, правительство и тутъ считало себя побѣдителемъ?

Толпа рабочихъ, говорить уже цитированная брошюра о Тифлисскомъ рабочемъ движеніи, три тысячи человѣкъ, смѣшанныхъ съ солдатами, полицейскими, жандармами и съ мирными покупателями и продавцами, возбужденно ждали сигнала, красного знамени. Ведлчественно и грозно поднялось оно надъ головами толпы, четко и ясно провозглашая политическую свободу, восьмичасовой рабочей день и призывъ: рабочіе всехъ странъ—соединяйтесь! Какая торжественная минута! Всѣ рабочіе, снявъ шапки, отдали земной поклонъ знамени и затѣмъ раздался дружный возгласъ: Да здравствуетъ политическая свобода! Впервые кавказскія вершины за сто лѣтъ услышали требованіе свободы, и сѣдой Казбекъ повторилъ: «Свобода!»

Далѣе все пошло обычнымъ путемъ: вазетли казаки, стали бить, рубить, забирать въ плѣтъ. Горетка храбрецовъ отчаянно

защипала знамя. Сорокъ человѣкъ было арестовано, въ томъ числѣ 17 рабочихъ и три курейстки; раненыя саблями было 24, большинство въ голову и знаменосецъ въ томъ числѣ.

Другая «побѣда» была одержана въ этомъ году правительствомъ въ связи съ маявкой въ Петербургѣ¹⁾. Обуховцы уже въ предыдущемъ году пытались организовать празднованіе Перваго Мая. Въ этомъ году это изъ отчасти удалось: 15% всѣхъ работавшихъ на заводѣ не вышли въ этотъ день на работу. Это еще небольшой успѣхъ, но развѣкъ изъ искры пламя взлетѣло на себя администрація и правительство. Небольшая часть рабочихъ завода, бастовавшихъ въ этотъ день, составила однако не малое число сознательныхъ людей—1500 рабочихъ. Ихъ поступокъ, требовавшій риска и пожертвованія непосредственными интересами ради простого заявленія своей солидарности съ международнымъ рабочимъ движеніемъ, несомнѣнно имѣлъ бы большое значеніе въ жизни всего Обуховскаго завода; но правительство придало ему своимъ репрессіями всероссійское значеніе. Я не отрицаю, оно не могло поступить иначе, оставаясь правительствомъ деспотіи, но въ этой роковой для него необходимости—признать историческую силу развитія рабочего движенія.

Начальникъ завода, подполковникъ Ивановъ уволить за празднованіе Перваго Мая 26 рабочихъ, казавшихся ему самыми неблагонадежными. Сначала онъ хотѣлъ расчитать всѣхъ появившихся на работу Перваго Мая, но ихъ оказалось слишкомъ много. Обуховцы не выдали своихъ товарищей, пострадавшихъ за общее дѣло; они всѣ бросили работу и предъявили начальству свои требованія: восьмичасовой дня и пріема обратно уволенныхъ товарищей. Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ вышла на Шлиссельбургскій трактъ, но была остановлена полиціей и конными жандармами. По словамъ обвинительнаго акта «толпа вела себя крайне вызывающимъ образомъ и осыпала бранью и насмѣшками чиновъ полиціи, по адресу же патрульныхъ раздавала площадная ругань и крики, что ни полиція, ни солдаты ничего не значать. Скопленіемъ народа окончательно было прекращено всякое уличное движеніе и остановленъ провъдъ конныхъ патрулей, которымъ толпа опускала на головы брусъ шлагбаума; подошедшій же вагонъ конной жѣзной дороги съ чинами полиціи былъ засыпанъ градомъ заранѣе заточенныхъ камней. Запереть и забаррикадировать нанутри ворота карточной фабрики, толпа стала бросать камни и кирпичи; жандармы и конная стража принуждены были отступить. Захвативъ плѣнныхъ городовыхъ, полицеймейстеръ Полибинъ три-

¹⁾ «Обуховымъ Маявкія волненія на Обуховскомъ заводѣ», съ предисловіемъ Кривецкаго. Изд. Союза Рус. Соц.-дем. Женна 1901 г.—«Процессъ Обуховскихъ Рабочихъ». Изд. Сиб. Комитета Рус. Соц.-дем. Раб. Партіи. Женна 1901 г. Тиз. Союза Рус. Соц.-дем.

¹⁾ «Изъ Тифлискаго Рабочаго Движенія», «Разсказъ рабочего. Тиз. «Искри». Женна, февраль, 1902 г.

здесь тиснет пытался подойти к воротам с целью их выломать: большинство сопровождавших его горожанок получили ушибы, а сам он был сбит с ног ударами камней. Вытребован эскадрон жандармов, две роты пехоты и отряд горожанок. Полиция выстроила прибывшую на место морскую команду и открыла огонь вдоль проспекта!...

К суду были привлечены 37 лиц; из них только 8 оправдано. Правительство хотело боряться. Катора изъ за то, что они осмелились требовать и добиваться лучшей жизни! Катора изъ, тюрьма, арестантскія роты, за то что дерзнули они открыто грубою своею встретить пули и шашки солдат! — говорит Петербургскій Комитетъ въ прокламаціи своей въ октябрѣ послѣ суда.

„Было пять часовъ утра — слышать присужденный къ 6 годамъ каторги Анатолий Гавриловъ, когда читали приговоръ, отъ котораго подлился плачь и надолго, а можетъ быть навѣчно несласимая печаль!... Идемъ въ міръ отъ людей отверженных! даже нашихъ побѣдоносныхъ дѣвицъ и тѣхъ не миловала эта горькая участь!..“

Двѣ дѣвушки-работницы, обѣ 18-ти лѣтъ, были приговорены судомъ къ тюрьмѣ — Лидія Бурчевская на 1½ года и Марфа Яковлева на три... Впрочемъ правительство считало себя удовлетвореннымъ. „Пусть же ва каторгѣ суровой и холодной и въ душной тюрьмѣ вамъ сбитыгъ и грѣбтъ васъ надежда, что цѣною своихъ страданій вы приблизили день освобожденія всего рабочаго класса“. Этими словами напутствовала прокламація Петербургскаго Комитета вырвавшихся изъ нашихъ рядовъ врагами товарищей.

Возлго до Перваго Мая комитеты Петербурга, Кіева, Харькова, Ростова, Тифлиса, Симферополя, Центральнй Комитетъ Бунда, Заграничный Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ, группа „Искры“ и группа „Южнаго Рабочаго“ рѣшили выпустить общую майскую прокламацію съ требованіями 8-ми часового дня, политическихъ избирательныхъ правъ, политическй свободы, съ призывомъ къ забастовкамъ и демонстраціямъ. 40 тысячъ этихъ прокламацій взаимно напечатать въ Россіи типографія Искры и Южнаго Рабочаго. Союзу поручено было составить и напечатать въ 10 тысячахъ экземплярахъ брошюру, разъясняющую подробно эти требованія. Кроме этого Союзъ доставилъ до 18-го апрѣля въ Петербургъ, Москву, Кіевъ, Харьковъ, Ивано-Вознесенскъ, Ростовъ, Тифлисъ и Саратовъ 10 тыс. своихъ прокламацій, 2½ тысячъ № 6-го „Листка Рабочаго Дѣла“ съ иллюстраціей февральскихъ и мартовскихъ событій 1901 года и 3 тыс. отдѣльнаго отгнана передовой статьи этого листка, „Историческій Поворотъ“ Критическаго, 22 человекъ отправились въ апрѣлѣ въ Россію изъ-за границы и перевезли всю эту литературу, вмѣстѣ до 30 фунтовъ каждый. Трое издегальныхъ,

похвавшихся съ этою цѣлью, руководили этимъ дѣломъ, увѣщавшими полнымъ усѣбкомъ.

Между тѣмъ полиція напирала все силы, чтобы помѣшать вашей работѣ. Хотя уже тюрьмы были переполнены въ мартовскіе дни, аресты возобновились къ срединѣ апрѣля. Въ теченіе вѣсколькихъ дней въ Россіи было проведено не менѣе 800 арестовъ помимо огромнаго количества обысковъ.

Общепартійная прокламація признала „заявить протестъ противъ современнаго общественнаго и государственнаго порядка“. Прокламація носитъ ясно выраженный социалистическій характеръ и рѣзко враждебно говоритъ о самодержавіи. „Товарищи, говорить она, если мы дѣйствительно хотимъ отдохнуть когда-нибудь отъ нашихъ страданій, мы должны начать рѣшительную борьбу за наше освобожденіе отъ самодержавія. До сихъ поръ вы боролись подъ знаменемъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи противъ ховйскаго гнета на фабрикахъ. Теперь Рабочая Партія зоветъ васъ въ день Перваго Мая, на-ряду съ требованіемъ 8-ми часового рабочаго дня, провозгласить требованіе политическй свободы, созыва выборовъ отъ народа для управленія государствомъ и контроля надъ министрами“.

Легко видѣть огромное превосходство этой прокламаціи надъ общепартійной прокламаціей 1898 года. Въ политическомъ отношеніи она не такъ ярка, точнѣе, не такъ рѣзка, но въ ней чувствуется близость къ жизни и пролетарскій духъ; теперь только ядятся указанныя въ общепартійной прокламаціи 1898 года стали соответствовать стадіи развитія рабочаго движенія и они могли быть выражены въ формѣ не радикальной. Русское рабочее движеніе теперь находилось на той стадіи, на которой еврейское было въ 1898 году, и бросается въ глаза удивительное сходство между прокламаціей Центрального Комитета Бунда въ 1898 году и общепартійною 1901 года: онѣ были обѣ созданы однимъ и тою же стадіей развитія рабочаго движенія.

А Бундъ? Бундъ шель уже дальше. Русскія прокламаціи призывали рабочихъ къ борьбѣ; еврейскія заявляли, что „ваша теперешняя жизнь — одна непрерывная борьба, борьба, которая перешиваетъ и одушевляетъ, улучшаетъ наше положеніе, дѣлаетъ насъ смѣлыми и безстрашными“. „Съ гордой надеждой, съ чувствомъ радости, съ ликовавіемъ мы можемъ встрѣтить нашъ святой праздникъ!“. Прокламація выставляла тѣ же требованія, что и русская, но называла вещи своими именами: „Долой самодержавіе! Долой враговъ демократіи и социализма! Мы требуемъ конституціи и всехъ гражданскихъ правъ! Да здравствуетъ Первое Мая! Да здравствуетъ международная социалдемократія! Еврейское рабочее движеніе стояло на той позиціи, на которую становилось русское.“

Польскія социалдемократическія прокламаціи оканчивались возгласомъ: „Да здравствуютъ борющіеся русскіе рабочіе! Да

здравствует политическое братство русских и польских рабочих! Долой Самодержавие! Да здравствует конституция! В Варшаве 15 тыс. рабочих участвовали в демонстрации. В Лодзи социалистическая организация не решилась призывать к демонстрации и организовала мирную сходку. Но на эту сходку вышло 30 тыс. рабочих!

Нить возможности описать здесь все проявления майских событий за этот год. «В 1901 году не было почти ни одного фабричного центра, говорить одна брошюра о первом мае¹⁾, где не повывались бы в этом году майские прокламации, где не стояло бы наготове войско, где не были бы проведены жантрами десятки арестов для предотвращения мятежи. Пролетарский праздник стал уже в России громадным днем для всех врагов рабочего класса, днем надежды для всех угнетенных, для всех завистливых свобод и света!»

В «Искре», в № 8 Листка Рабочего Дѣла и в Последних Известиях Бунда имеются описания событий Первого Мая за 1901 год в Петербурге, Харькове, Кіевѣ, Ростове, Тифлисе, Варшавѣ, Вильнѣ, Лодзи, Кошице, Сморгони, Витебскѣ, Даніекѣ, Вѣлостоцкѣ, Ригѣ, Либавѣ, Митавѣ, Одессѣ, Керчи, Симферополѣ.

В мартѣ 1902 года в Вѣлостоцкѣ состоялась конференция представителей комитетов и организаций Российской Социал-демократической Рабочей Партии, принявшая рѣшение создать Организационный Комитет для созыва 2-го съезда Партии и выпустить общую для всей Россіи Майскую прокламацию. Только двое изъ участников этой конференции уцѣлѣли; остальные были арестованы прежде, чѣм успѣли убраться изъ Вѣлостока и были послѣ долгаго тюремнаго заключенія отправлены в Сибирь. Но рѣшения ихъ были исполнены нашою Партіею.

Прокламация вышла в нѣсколькихъ изданіяхъ и была распространена по всей Россіи. «Да здравствуетъ Россійская Социал-демократія! Да здравствуетъ восьмичасовая рабочая день! Да здравствуетъ политическая свобода! Долой самодержавіе!» Такъ начиналась прокламация. «Чтобы открыто и съ успѣхомъ добиться улучшеній в своей жизни — говорила она — мы должны добиваться политической свободы; безконтрольное самодержавное управление должно уступить мѣсто демократіи, т. е. управленію страны собраніемъ выборныхъ отъ всего народа». Здѣсь не употреблено слово конституція, можетъ быть случайно, а можетъ быть даже потому, что оно еще казалось рѣзкимъ даже тогда, когда его содержаніе — ограниченіе само-

державіе — было уже провозглашено. Но можетъ быть авторъ сознательно отъ него уклонился по другой причинѣ? Во всякомъ случаѣ это умолчаніе какъ бы ставило на очередь внесеніе въ прокламацию по вопросу о формѣ государственнаго управления формулы социал-демократической программы минимумъ, требующей большаго, чѣмъ ограниченіе самодержавія.

Какъ а уже нѣсколько разъ отмѣчать, в первомайскихъ прокламацияхъ высказывались два существенно различныхъ взгляда на характеръ этого праздника. Одинъ видѣлъ в немъ актъ борьбы, которая, усилываясь изъ году въ годъ, въ одно прекрасное первое мая, «когда наступитъ наше Первое Мая», прервется въ генеральную битву съ защитниками существующаго строя. Другіе считали этотъ день днемъ «судьбына», днемъ обновленія, когда всѣ стороны великаго международнаго движенія, остановивъ обычное теченіе жизни, отдаются общему порыву нашихъ желаній, подводятъ итоги прошлаго, размышляютъ о задачахъ будущаго, провозглашаютъ свои идеалы. Въ этой мирной, но могучей демонстраціи признаютъ сторонники этого взгляда всю силу и значеніе нашего праздника.

Какъ же смотреть на это прокламация, о которой идетъ рѣчь? Она выражается неясно и неопредѣленно.

«Товарищи, говорить она, годъ отъ году въ майскомъ праздникѣ въ Россіи участвуетъ все болѣе и болѣе рабочихъ. Постарайтесь, чтобы празднованіе этого года было шире и громче, чѣмъ когда либо. Пусть всѣмъ рабочимъ не работать въ день Перваго Мая (18 апрѣля), а въ день назначеннаго комитетомъ путь каждый явится на демонстрацію». «Вставемъ дружно и сплоченно въ день Перваго Мая и займемъ протестъ рабочего класса противъ безправія». Здѣсь, какъ будто, рѣчь идетъ о мирной демонстраціи.

Но далѣе говорится: «Покажемъ же всѣмъ желающимъ свободу, что мы готовы добывать ее въ бою, что мы намерены бороться за нее до послѣдней капли крови». Помните, что отъ числа участниковъ зависитъ успѣхъ демонстраціи. Сотни лишь разогнать полицію, съ тысячами справится вооруженная сила, во противъ десятковъ тысячъ будетъ бесцельно и шарское вознство». «Самодержавіе идетъ навстрѣчу своей гибели. Вблизи чашъ расплаты за всѣ его вѣковые грѣхи противъ народа, противъ Россіи». Этимиъ день Перваго Мая какъ бы назначается для бою, который приведетъ къ успѣху, когда въ немъ примутъ участіе «десятки тысячъ».

Эта неопредѣленность и двойственность, какъ мы увидимъ далѣе, постепенно исчезала въ послѣдующіе годы и уступала мѣсто боевому тону майскихъ прокламаций до тѣхъ поръ, пока, въ 1906 году, не обнаружилась полная несостоятельность этого взгляда на нашъ праздникъ.

¹⁾ «Пролетарскій праздникъ» изд. Искри, апрѣль 1908.

Хроника событий и в этом году и в последующих издавать не приходится, в 1-х потому, что она становится в начале девятисотых годов слишком сложной, во 2-х потому, что интересующиеся деталями этого дела без особых затруднений смогут найти подробные сведения в газетах: Искра, Революционная Россия и Последняя Надежда Будда. За 1902 год в этих газетах имеются описания первомайских событий в Баку, Ватуми, Бердяеве, Варшаве, Вильни, Витебске, Гомеле, Двинске, Екатеринослав, Иркутске, Канске, Киеве, Кисиневе, Ковне, Краснополье, Кременчуге, Лодзи, Минске, Могилеве, Москве, Нижнем-Новгороде, Новозыбкове, Одессе, Перми, Петербурге, Прилуках, Риге, Ростове, Саратове, Сормови, Тифлисе, Томске, Харькове, Чуге, Ягоне, Ягте... Движение таким образом стало поистине всероссийским. Но требуются специального упоминания события в Саратове, Сормови, Нижнем, Вильни.

В Саратове небольшая группа лиц, большею частью уже состоявших под надзором полиции, собралась в ближайшем после Первого Мая воскресенье на базаре; человек 30, собравшись, зашла революционная пьеса, подили знамени, три красных с революционными лозунгами и одно черное с надписью: „Валашовъ называет, вечная память герою“. Скоро их нимь принудило еще человек 50, которые и составили ядро демонстрации; вокруг них двигалась многочисленная толпа.

„Зрелище было весьма эффектное—пишеть корреспондент Революционной России,—я наблюдаю его вблизи из видного места. Падали вся толпа представляла одно импозантное целое, густую массу народа, надь головами которого плавно колыхались черное и красны знамена“. „Толпой по городу—масса, добавляет он, и эта цела всякой подобной демонстраций может считаться достигнутой“.

Искри писали по этому поводу: „демонстрацию нельзя назвать неудачной; демонстрантам удалось пройти с развернутыми знаменами довольно значительное пространство, и знамена развивались по крайней мере в течение 20 минут“.

Полиция проявила особую тактику: она в форме вела себя сдержанно и корректно, но полицейские в шаткомь и слышки „занимались наблюдением“. „Впечатление получалось такое, будто происходит драка среди публики. Но всё потрясавшее оть нацидившихся демонстрантовъ оказалось переодетыми жандармами и городовыми“ (Искра).

Саратовские товарищи вела себя чрезвычайно мужественно и, будучи уже арестованными, обращались кь солдатамъ сь речами и пели революционныя пьесы. Они были отданы на судъ Судебной Палаты и приговорены кь ссылке на поселение.

„Караите демонстрантовъ, которые мирно выступили сь требованиями рабочего класса“—писалъ вь прокламации Саратовский комитетъ по поводу суда надь демонстрантами. Этими

мы научите рабочихъ прибегать не кь мирнымъ демонстрациямъ, а выходить на открытый бой сь вами, на бой сь оружиемъ вь рукахъ на улицахъ, на баррикадахъ. Чемъ строже вы будете раздвигаться сь мирными демонстрантами, темъ скорее наступитъ решительный бой!“

Здсь эта демонстрация-мелка характеризуется какь мирное явление желаний. Само правительство противъ нашего желания превращаетъ ее вь „бой“. Какъ ни парадоксально будетъ это звучать, но надо сказать, что мы побддили правительство, аставляя его совершать насилие надь нами! Оно боялось этого, оно не ршшалось насъ судить открыто; желая запугать насъ карамъ, оно однако скрывало отъ народа свои жестокооти. Но мы аставили его опять маску: то, чьмъ оно думало запугать—оно скрывало, а мы разгадали! Мы стали открыто проповьять естественныя права челоика и гражданина: свободу слова, печати, собраний, организаций—несмотря на то, что юридически у насъ не было этихъ правъ. Правительство, чтобы подавить естественное, имло лишь одно средство—насилие: вступитъ на путь открытаго насилия и вызвать сь нашей стороны отбить насилиемъ, вызвать насъ на битву—такое единственныя выходъ для правительства. Но для насъ битва не только не является единственнымъ способомъ борьбы, но, наоборот, она для насъ самое рискованное дело; какъ грубая физическая сила, правительство было и есть сильнее насъ и не самъ побддитъ его наше движение.

То самое, что произошло вь Саратове, произошло также вь Нижнемъ и вь Сормови. Даже по словамъ обвинительнаго акта демонстрация вь Нижнемъ была устроена единственно „сь целью дерзостнаго порицания самодержавной власти и установлезнаго закономъ образа правлений“. Эту цела демонстранты преслдовали мирными средствами, они „учинили шествие по городскому бульвару сь пьесми революционныхъ пьесми, выкинувъ красное знамя сь надписью: „долгой самодержавие“ и дозволивъ себь неоднократно кричать: да здравствуетъ политическая свобода, долгой самодержавие!“ И противъ этой горстки людей, которая, по выражению обвинительнаго акта, „скоро составила толпу вь 30 приблизительно человекъ“, правительство великой державы было беснильно. Оно, конечно, могло бы раздвинуть всю эту „толпу“, но оно знало, что этимъ оно вступитъ хотя и на единственныя оставшейся для него, но опасный путь, и оно скрывало свои действия, переодичало своихъ агентовъ, такъ что, какъ гласитъ обвинительный актъ, „наблюдавшие за происходившимъ изъ квартиры инженера Майдановича на Семинской площади енидети Александръ Майдановичъ и инженеръ Николай Антоновичъ удостовериваютъ, что во время борьбы нападавшими несомненно являлись демонстранты, при чьмъ полиция вела себя осторожно и спокойно“.

Въ Сормовѣ демонстрація была гораздо болѣе многолюдной и была устроена рабочими: „Огромная толпа демонстрантовъ, пишуть Последнія Извѣстія, направилась по большой дорогѣ отъ Сормовскаго завода и шла все время съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсней; когда же она на своемъ пути поравнялась съ войсками, то пройдя мимо всего строя оторопившихъ солдатъ, стройно и тихо повернула и пошла обратно, а затѣмъ, дойдя до завода, разошлась по домамъ. Только одинъ рабочій-знаменосецъ не захотѣлъ уходить домой и остался до тѣхъ поръ, пока его не окружили и не арестовали“.

Здѣсь не было „битвъ“, но демонстрація, по словамъ Последнихъ Извѣстій, производила впечатлѣніе какого-то грандіознаго торжества. „Всѣ только и говорятъ о томъ, что произошло въ Сормовѣ Перваго Мая“, заявляютъ прокламаціи Нижегородскаго комитета; она сообщаетъ также о томъ, какъ устроилась демонстрація: толпа рабочихъ начала было громить заводскую контору и канцелярію пристава. „Но скоро на мѣсто пронестья явилась толпа сознательныхъ рабочихъ. Что вы дѣлаете, говорили они: разгромъ заводской конторы мы не добьемся ничего. Мы должны другими путями добиваться уничтоженія теперешняго несправедливаго порядка“. И они предложили устроить демонстрацію. „Народъ стоялъ по обѣ стороны улицы сплошною толпой; видъ демонстраціи такъ дѣйствовалъ на нее, что нѣкоторые, слыша стройное пѣніе, не могли удержаться отъ слезъ“.

Такъ прошло Первое Мая въ Поволожьи, въ коренныхъ русскихъ городахъ. Это были проявленія новыхъ методовъ борьбы, и мы должны были здѣсь хотя бы вкратцѣ описать ихъ. Но это самое въ западномъ край было уже обычнымъ явленіемъ; тамъ правительство уже отбросило свою осторожность и прибѣгло къ новымъ опытамъ „предупрежденія и пресѣченія“.

Вильна уже задолго до Перваго Мая казалась была на военномъ положеніи. „Патрули разъѣзжаютъ по улицамъ, вызвана еще сотня казаковъ“,—пишуть Последнія Извѣстія. „Пороховые и оружейные склады охраняются двойными нарядами; пѣхотный батальонъ готовъ къ выступленію по первому требованію; офицера почуютъ въ казармахъ“.

Въ день Перваго Мая,—пишеть Искра, съ утра всѣ дворники дежурили у воротъ съ дубинами въ рукахъ; въ оживленныхъ центрахъ на каждомъ перекресткѣ кромѣ городовыхъ стояли околоточные надзиратели; весь городъ принялъ особый видъ, всеній ходилъ, какъ бы озвѣрпавъ по сторонамъ. Въ 5½ часовъ вечера Валь, впереди полусотни казаковъ, выѣхалъ осматривать „позиціи“. Въ 7 часовъ стало собираться много народу; на Большой тротуары положительно загроулены; на Пыльцкой улицѣ всѣ окна домовъ были раскрыты, балконы черны отъ стоявшей на нихъ публики; около Малаго театра выстроились казаки, а за ними пѣхота“.

„Три смѣльчакъ выскочили изъ Еврейской улицы. Одинъ изъ нихъ съ краснымъ фонаремъ крикнулъ: долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода! Въ ту же минуту онъ былъ схваченъ съ ногъ и буквально истерзанъ. Изъ толпы стали выходить лица съ красными фонарями; они были схвачены и избиты, а одного изъ нихъ убили“.

„Въ то же время въ Городскомъ театрѣ поемались въ публичку прокламаціи и разбрасывались бумажки съ надписью: Поздравляемъ народъ съ праздникомъ Перваго Мая. Валь былъ также въ театрѣ и къ нему въ доку тоже попалъ нѣсколько такихъ штучекъ. Раякъ былъ оцѣпенъ и 35 человекъ арестовано“.

Вотъ и все, что сдѣлали наши виленскіе товарищи въ этотъ день. И однако, „Искра“ совершенно справедливо замѣчаетъ, что демонстрацію можно считать удавшейся. Что оставалось дѣлать фонъ-Валь? Онъ принялъ чудовищныя мѣры предосторожности, онъ былъ грозною силою, могущею все сокрушить, и однако демонстрація удалась, онъ былъ ея безусловнымъ артефактомъ; болѣе того, онъ и его штабъ своимъ присутствіемъ, своими дѣйствіями только усугубляли значеніе событій“. Въ безусловной злобѣ онъ глумился надъ своими пѣхотными политическими врагами.

„На другой день послѣ манифестаціи, пишетъ корреспондентъ Последнихъ Извѣстій, арестованныхъ вывели изъ кутузки на дворъ. Фонъ Валь осматривалъ ихъ площадною руганью, а затѣмъ прокуроръ произнесъ официальную рѣчь: „Пусть не думаютъ эти мальчишки, что ихъ кто-нибудь боится: ихъ всѣхъ сейчасъ такъ выпорютъ, что другой разъ они не придутъ демонстрировать“. По окончаніи этой рѣчи привели доску, специально приспособленную для этой экзекуціи: одна дочечка подбирала подбородокъ, другая вкладывалась въ ротъ, чтобы вѣрнѣе было кричать. По-очередно брали всѣхъ и разбивали; одинъ казакъ садился на голову, другой на ноги, а два казака стояли съ обѣихъ сторонъ и сѣкали; давали по 25 ударовъ, а нѣкоторымъ 50. При экзекуціи присутствовали: фонъ-Валь, прокуроръ, полицеймейстеръ Назимовъ, врачъ Михайловъ, пристава Снитко и Кончевскій, околоточный Мартыновъ“. „Мы выставляемъ къ позорному столбу этихъ лицъ“ заявила прокламація, выпущенная за общую подписью Виленскаго Комитета Вунда, Виленскаго Комитета Соціалдемократіи Царства Польскаго и Литвы, Литовской Соціалдемократической Партіи“.

Въ этой прокламаціи, прекрасною выписанной, есть нѣсколько строкъ, характеризующихъ взглядъ виленскихъ товарищей на демонстрацію. Вотъ эти строки.

„Въ западно-европейскихъ странахъ голосъ рабочихъ раздается въ парламентахъ, народъ можетъ свободно высказываться о своихъ нуждахъ на собраніяхъ, въ газетахъ и въ книгахъ. Мы всего этого лишены! Намъ остается только одно: вынести

свой протест на улицу, открыто передь всемъ міромъ провозгласить наши требованія”.

„Напрасно гнусное правительство распространять через своихъ прислужниковъ слухи, что въ день Перваго Мая—въ мирный международный праздникъ пролетаріата—рабочіе будутъ лезть, грабить и убивать капиталистовъ, устраивать погромы. Оно клеветаетъ въ надеждѣ вызвать къ намъ вражду“. „Во время демонстрацій даже слѣбные прозываютъ и общество называютъ намъ сочувствовать; на демонстраціяхъ правительство выступаетъ во всей своей отвратительной наготѣ и вымываетъ къ себѣ ненависть и презрѣніе; вотъ почему правительство расширяется такъ жестоко съ демонстрантами“. „Мы боремся мирными средствами, въ ваши задачи не входитъ проліть челоуіческой крови; но... терпѣніе имѣетъ свои границы!“

Границы были перейдены. Рабочій еврей Гиршъ Декертъ явился выразителемъ дикившаго настроенія, онъ сблзалъ нѣсколько выстрѣловъ въ фортъ-Вали; генералъ былъ раненъ въ руку и въ ногу. Декертъ былъ повѣшенъ.

Сценіе розгами въ маѣ этого года повторилось въ Минскѣ, Екатеринбургѣ и на Волгинскихъ заводахъ въ Вятской губерніи. Это было очевидно системой, новымъ первомайскимъ опытомъ реакціи. „Режимъ массового аримѣенія розга, шесала по этому поводу Пескра, одновременно проявился на западѣ, на востокѣ и на югѣ Россіи, среди великорусскаго, малорусскаго и еврейскаго населенія“...

• • •

На праздники Перваго Мая 1903 года лежатъ мрачная тѣнь Кишиневскихъ событий. Опытъ Сидягина въ Николаевѣ 18-го апрѣля 1900 года Плене повторилъ въ этомъ году въ Кишиневѣ. Документы, опубликованные въ „Освобожденіи“, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ужасный погромъ былъ совершенно сознательно и планомерно подготовленъ полиціей; впрочеиъ безполезно это доказывать теперь, когда передъ глазами всѣхъ раскрывается кровавая исторія Бѣлостокскаго погрома.

Кишиневскій погромъ начался въ воскресенье 6-го апрѣля т. е. всего за 12 дней до заграничнаго Перваго Мая. По всей Россіи полиція заявила, что Кишиневскій погромъ есть актъ ненависти и риподданнаго христіанскаго населенія къ еврейско-революционерамъ. Въ „Вессараблѣ“, органѣ Крушевскаго, въ этомъ, такъ сказать, официальномъ органѣ погромщиковъ, было прямо заявлено, что „Кишиневскій погромъ является отигомъ христіанскаго населенія на еврейско-революціонное движеніе“ Еврейскій пролетаріатъ дѣйствительно шель все время въ авангардъ всенароднаго, всероссійскаго освободительнаго движенія, этого не могли ему простить власти; этого никогда не

должны забывать мы, русскіе люди, послѣ того какъ наше отечество будетъ освобождено отъ деспотизма.

Послужу въ другихъ городахъ полиційскія власти предупреджали, что отигомъ на демонстрацію Перваго Мая будетъ погромъ. Соціалисты были поэтому поставлены передъ тяжеломъ нравственнымъ отиствительностью, призывая и въ этомъ году пролетаріатъ всѣхъ наций Россіи демонстрировать Перваго Мая. Передъ лицомъ этой отиствительности во многихъ городахъ демонстраціи были отименены. Вотъ нѣсколько аримѣровъ.

Въ Киевѣ въ демонстрацію готовились за долго до 18-го апрѣля. Но „Еврейскій комитетъ самообороны“ выпустилъ гектографированное воззваніе ко всѣмъ революціоннымъ организациямъ, прося не устраивать Перваго Мая демонстраціи.

„Это заставило насъ—лишить корреспондента Революціонной Россіи—еще разъ обсудить дѣло. Мы нашли, что опасеніи погрома неосновательны, что настроеніе рабочихъ—лучшій залогъ для того, что демонстраціи будутъ носить рѣзко выраженный антиправительственный характеръ, тѣмъ болѣе, что большинство рвущихся на борьбу, это—фабрично-заводскіе рабочіе, русскіе. Еще въ четвергъ 17-го апрѣля вечеромъ Комитетъ Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ имѣлъ официальные переговоры съ Комитетомъ Россійской Соп.-дем. Рабочей Партіи, во время которыхъ было условлено о мѣстѣ и часѣ демонстраціи“. Но въ пятницу вечеромъ социалдемократическій комитетъ выпустилъ прокламацію отизывающую назначенію на воскресенье демонстрацію, „мотивировка—возможность погрома!“

Изъ Одессы въ Последнія Извѣстія сообщено: „Одна изъ главныхъ причинъ, помѣшавшихъ празднованію Перваго Мая, это—Кишиневскія событія. Администрация грозила прекратить демонстрацію въ погромъ, если она гдѣ либо произойдетъ. Отиошеніе несознательной массы къ организованнымъ рабочимъ крайне враждебно“.

Изъ Житомира туда же сообщалось: „Кишиневская бойня всѣхъ ошеломила. Полиція усиленно распространяетъ слухи о томъ, что, если будетъ демонстрація, то произойдутъ погромы“.

Кромѣ „черныхъ сотенъ“ войска и полиція повсемѣстно готовились во всеружіи встрѣтить врага. Объ этомъ единодушно сообщаютъ корреспонденты всѣхъ газетъ со всѣхъ концовъ Россіи. Это было официальнымъ призывомъ всероссійскаго значенія Перваго Мая. Однако же крупная, блестящая демонстраціи произошли въ этомъ году на Кавказѣ, въ одинъ и тотъ же день, въ воскресенье 27 апрѣля, по рѣшенію Кавказскаго Союза Комитетовъ въ Тифлисѣ, Баку, Ватумѣ и Кутаисѣ; произошли онѣ также въ Варшавѣ и Томскѣ.

Но демонстраціи лишь одно изъ проявленій первомайскаго движенія. Если это проявленіе было во многихъ случаяхъ не допущено, то ли то отказъ отъ работъ въ этотъ день, тайная

собрания, распространение прокламаций—приняли колоссальные размеры. В русских заграничных газетах и нашелъ сообщенія о событіяхъ, связанныхъ съ праздникомъ Перваго Мая, изъ слѣдующихъ шестидесяти трехъ мѣстъ: Астрахань, Баку, Багумъ, Бердичевъ, Бѣлостокъ, Варшава, Венденъ, Вильна, Видава, Витебскъ, Вольмаръ, Вологда, Вятка, Гомель, Двинскъ, Донецкій Бассейнъ, Добрая, Екатеринбургъ, Екатеринбургъ, Житомиръ, Иркутскъ, Кайдаки, Киевъ, Кинешень, Ковно, Кострома, Креславль, Кутаисъ, Либава, Лодзь, Ладна, Минскъ, Митава, Могилевъ, Москва, Николаевъ, Нижній, Одесса, Орша, Паричи, Пермь, Петербургъ, Пинскъ, Поневѣжъ, Ресель, Рига, Ростовъ, Рѣзница, Самара, Саратовъ, Смоленскъ, Сормово, Сновскъ, Сувалки, Сѣдлецъ, Тверь, Тифлисъ, Томскъ, Тукумъ, Тула, Харьковъ, Шавли, Шаты, Юрьевъ...

Если читателю показалось скучнымъ чтение этого длиннаго перечня городовъ, то пусть онъ вспомнитъ, что все это аванпосты, которые мы укрѣпили и закрепили на глазахъ у одного изъ сильнѣйшихъ въ мірѣ правительствъ, что за каждымъ изъ этихъ названій оказывается долгая, упорная, кропотливая, опасная работа. Каждый экземпляръ прокламаций, какъ дитя, требовалъ за собою сложнаго ухода, а ихъ было распространено по Россіи къ одному только этому дню *более миллиона*. Сколько было предварительныхъ собраний и сходокъ, и сколько силъ требуется каждая? Сколько было поднято красныхъ знаменъ и сколько геройства видѣло каждое?

Однѣ только Организационный Комитетъ вынудилъ триста тысячъ майскихъ прокламаций. Та его прокламация, которая очевидно предназначалась быть прочитанной въ самый день Перваго Мая, является совершенно выдающимся произведеніемъ этого рода литературы.

„Какъ? и сегодня также, товарищи?“ такъ начиналась эта замѣчательная прокламация. „Сегодня, въ день Перваго Мая, также стоите вы у станковъ, вы, живые слуги мертвыхъ слугъ хозяина, машинъ? И въ этотъ день пришли вы, замуженные люди, еще не отдохнувшіе послѣ вчерашняго трудового дня, послѣ многихъ тяжелыхъ рабочихъ дней! Пришли закалывать сталь для ружей, изъ которыхъ въ васъ станутъ стрѣлы, отдѣлывать колеса машинъ, которымъ станутъ служить ваши дѣти; пришли, чтобы и сегодня, какъ и во многие дни вашей жизни, работать для тѣхъ, кто гнететъ и порабощаетъ васъ!“

„И вотъ вы стоите за работою, блѣдные, вялые отъ полуголодной жизни, истомленные отъ непосильной работы. На улицу! На улицу возьмемъ мы васъ, товарищи! Остановите вертящиеся колеса! Тушите огни въ печахъ! Давайте тревожный сигнальный гудокъ!“

„Но вы сурово склоняете свои лица надъ станками и уходите мыслями въ работу и наполните весенній воздухъ шумомъ хлопотливаго труда. „Уйдите, уйдите!“ говорятъ мы вамъ...

„мы работаемъ, мы работаемъ! оставьте насъ, мы добьемся своей хлѣбъ. Уйдите! Оставьте насъ!“

Нѣтъ! мы не уйдемъ безъ васъ, товарищи!“

И далѣе прокламация вспоминаетъ, какъ много разъ уже рабочіе во всѣхъ концахъ Россіи вступали въ борьбу за свободу свою, за свободу всего народа; указываетъ, что въ этотъ день пролетариатъ всего міра выстукаетъ пѣредъ врагомъ, какъ единая армія.

И равнѣ вы не чувствуете, какъ крѣпнутъ ваши силы отъ того, что гдѣ то за сотни и тысячи верстъ борются невѣдомые вамъ братья? Они родились подъ чужимъ небомъ, они говорятъ чужимъ вамъ языкомъ, они живутъ по своимъ непохожимъ на ваши обычаямъ. Но они—рабочіе. Они чувствуютъ, какъ и вы, тяготу своей жизни. И вотъ исчезаютъ эти сотни и тысячи верстъ, какъ будто падаютъ перегородки разныхъ странъ, и вы, рабочіе всѣхъ странъ, мыслите одинъ мысля, живете однимъ чувствомъ, однимъ могучимъ крикомъ требуете лучшей жизни!“

„Сегодня вашъ рабочий праздникъ, праздникъ борьбы. Кто не выходитъ сегодня бороться, тотъ измѣнитъ дѣлу борьбы“. „Каждая страна на переключѣ выступаетъ впередъ и говоритъ: я здесь! И развѣ, когда назовутъ сегодня имя Россіи, она откликнется молчаніемъ?“ Такъ станемъ же въ ряды! Потребуемъ вмѣстѣ съ другими 8-ми часового рабочего дня для рабочихъ всѣхъ странъ. Потребуемъ политической свободы для насъ. Долой самодержавіе! Да здравствуетъ самодержавіе народа! Да здравствуютъ рабочіе депутаты будущаго русскаго парламента! Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочий день! Да здравствуетъ майскій праздникъ! На улицу, товарищи!“

Въ смыслѣхъ донужено, или, какъ у насъ принято говорить, требованій эта прокламация еще не заключила эволюціи майскихъ листовъ, за которой мы слѣдили въ этой статьѣ: здѣсь политическіе донуженія были первѣны и не оставили мѣста социалстическимъ; кромѣ того и въ области политики не поставлено точки, не произнесено имени демократической республики. Въ прокламации Центрального Комитета Бунда этихъ проблемъ уже нѣтъ.

Указавъ на „радостную и яркую картину“, которую представляютъ праздникъ „соціализма, священнаго идеала настоящей свободы, равенства и братства“, прокламация говоритъ, что требованіе 8-ми часового дня, выставляемое рабочими въ этотъ день, вытекаетъ изъ сознанія, что „человѣкъ не для того живетъ, чтобы работать, но работаетъ для того, чтобы жить“. Такимъ образомъ прокламация входитъ въ кругъ бытовыхъ вопросовъ сознательнаго рабочего и лишь затѣмъ касается „русской тирании и деспотическаго государственна“, которое „виситъ еще какъ грозная черная туча на широкомъ и глубокомъ небѣ нашего социалстическаго праздника“. „Вотъ почему, за-

ключает прокламация, для нас Первое Мая имеет особое значение; кроме общих социалдемократических требований, мы выставляем еще наши специальные требования—демократической республики, в которой каждый человек без различия нации и религии мог бы—насколько это вообще доступно в буржуазном обществе—свободно развивать свои физические и нравственные силы».

Далее прокламация переходит к практическим указаниям—идея прокламация есть идея агитации, она должна быть призывом и определенным действием. „Праздником, днем борьбы должно быть для нас Первое Мая“, говорит она. „Всеобщей забастовкой должны мы праздновать Первое Мая“. „В этот день мы должны открыто выносить нашу борьбу на улицу, чтобы показать еще раз и нашу революционную энергию, смелость и готовность умереть за наши требования и социальный идеал. Где только возможно, мы обязаны с красными знаменами, с революционными лозунгами пройти по улицам и возвестить всему миру, что мы скоро разрушим нашу революционной войной желанную струю деспотизма“.

Заканчивается прокламация так: „Да здравствует международная пролетарская солидарность и социализм! Долгой самодержавие, да здравствует демократическая республика!“

Эта прокламация, не будучи выдающимся литературным произведением, с точки зрения лозунгов и своего построения является совершенно развитым законченным типом социалдемократических майских воззваний; мы увидим, что на следующий год общепартийная прокламация достигла того же уровня.

Напротив, с точки зрения своих философских тенденций, она остается еще очень неопределенной. Вожаки Бунда все время находились под двойственным влиянием высокоорганизованного еврейского рабочего движения и более сильной, чем у них теоретической мысли русских социалдемократов. Бундовская интеллигенция русифицирована, отсюда ее неспособность двигаться теоретически и выразителем глубоко оригинального еврейского пролетарского движения, отсюда отсутствие у нее собственной социалдемократической программы и преклонение перед отсталой русскою программой.

Прокламация совершенно правильно—на мой взгляд правильно, но неудачно по мнению фракционных противников—товарищей по партии—характеризует, хотя и в самой краткой, общей форме, причины, задачи и цели нашего движения. „Миллионы рабочих всех наций всего мира—говорит прокламация—объединенные общими мыслями, надеждами и стремлениями выступают как один человек против капиталистического мира насилия, гнета и эксплуатаций“. „Пролетариат вдунет новый дух в общественный организм“, стремаясь к тому, чтобы каждый человек мог свободно раз-

вивать свои физические и нравственные силы“, чтобы добиться настоящей свободы, равенства и братства“. Однако авторы не смогли проникнуться сами этим „новым духом“ и указать путь, по которому должен идти пролетариат. Этот путь назван „борьбою“, тем неопределенным термином, который еще объединяет собой оба течения в нашей богатой первомайской прокламационной литературе. Нашей революционной волей мы разрушила желанную струю деспотизма—это такая же безодержательная формула, как и слово „борьба“. Но эта неопределенность была следствием с одной стороны расхождения взглядов массы и вожаков на задачи Первого Мая и с другой—тесной связи вожаков Бунда с рабочим движением, связи, которая не позволила бундовским майским прокламациям, точно выражая взгляды вожаков, оторваться от жизни пролетариата, как это случилось—мы это увидим—с русскими майскими прокламациями последующих лет.

Петербургский Комитет также уже говорит о республике в своем воззвании ко всем петербургским рабочим и работницам. Оно начинается эпиграфом: „вставай, поднимайся рабочий народ, вставай на врага братьев голодных!“ и заканчивается так: „Русские рабочие! в день Первого Мая бросайте работу все сразу и покажите и его правительству, что то время уже не за горами, когда вы отомстите за все, и за убитых рабочих Ростова и Златоуста, и за разоренных по приказу голодных крестьян, за многих тысячи убитых. Во имя наших погибших товарищей дайте себя в день Первого Мая клятву не успокоиться до тех пор, пока не сотрете с лица земли их убийц, пока не уничтожите проклятой нашей родины, самодержавия! Да здравствует народная республика! Да здравствует 8-ми часовой рабочий день! Да здравствует социализм!“

На майском празднике этого года победным шествием представило развитие рабочего движения в России. Все мэры правительства, от розгов до погромов, оказались тучными, и ему оставалось только позаниматься у своего врага методы агитации. Уже в преддверии году, подвиги безумно жестокими средствами демонстрации еврейских рабочих, агенты правительства сами организовали злополучный начальством майский праздник в Минск, при небрежливом содействии еврейских националистов, сионистов. В настоящем году полицейские делегаты рабочего движения выстуили в Харьковией неадекватно свою прокламацию к рабочим, старающимся дискредитировать в глазах рабочих все освободительное движение в России. Безполезно добавлять, каковы были последствия этой нелегальной монархической агитации.

Однако правительство, кажется, было довольно результатами своей деятельности. „Рассказывают—сообщает Освобождение (№ 24, стр. 421)—что в петербургских чиновных сферах

очень довольны Кашинскими збѣртками: одинъ лишь прогромъ—говорятъ тамъ—и демонстраціи какъ рукой сняло. Эта похвальба немного преждевременна; цѣлый рядъ сибѣрскій покажетъ, что несмотря на астраханские полиціи, демонстраціи все же состоялись; дѣтельность полиціи будетъ имѣть лишь одинъ результатъ: укрѣпленіе революціонныхъ организацій и ростъ революціоннаго движенія*.

Чѣмъ же объясняется „похвальба“ правительства? Демонстраціи еще состоялись, но въ настроеніи рабочихъ масса уже было замѣтно нерасположеніе превратить этотъ день въ день битвы. Прокламація въ этомъ году, какъ мы видѣли, громче чѣмъ когда либо призвала на улицу, но рабоче истинноно угадывали, что этотъ день менѣе чѣмъ всякій другой благоприятенъ для боя. Петербургское движеніе и на этотъ разъ оказалось наиболѣе развитымъ по сравненію съ другими русскими городами и эта тенденція въ немъ обнаружилась особенно замѣтно, противорѣчіе между настроеніемъ массы и лозунгами прокламацій особенно рѣзко.

Мы видѣли, что прокламація Петербургскаго Комитета была болѣе боевою, чѣмъ даже прокламація Организационнаго Комитета; она, на раду съ прокламаціей Центрального Комитета Бунда, по своимъ лозунгамъ завершила даже развитіе нашихъ майскихъ прокламацій отъ экономики къ политикѣ. И въ то же время петербургскіе товарищи перше замѣтили и заявили, что рабочія массы не пойдутъ на демонстрацію Перваго Мая въ этомъ году. 9-го мая, т. е. послѣ неудачи мавки, корреспондентъ Искры (№ 41) писалъ: „Комитетъ рѣшилъ демонстраціи не устраивать, такъ какъ было извѣстно, что полиція приняла угрожающія мѣры, а между тѣмъ и настроеніе массы не обличало въ этомъ году сколько нибудь внушительной демонстраціи, такъ что почти бы одни организованное рабочіе и, конечно, стали бы жертвой полиціи“.

Изъ многихъ городовъ корреспонденты сообщаютъ, что „комитетъ по некоторымъ соображеніямъ рѣшилъ демонстраціи не устраивать“, но только петербуржцы высказали не колеблѣсь эти соображенія. Полиція была бешенѣе помѣнать демонстраціи, но имъ мѣшало ибчто другое: стремленіе всѣхъ социалистическихъ организацій придать этимъ демонстраціямъ характеръ реновационныхъ, имѣющихъ препратиться, въ одинъ прекрасный годъ, въ битву.

Этотъ ошибочный взглядъ на задачи первомайскихъ демонстрацій, какъ я уже однажды отмѣтилъ, опредѣленіе всего было формулированъ въ прокламаціяхъ и статьяхъ социалство-революціонеровъ и сначала проскальзывалъ въ туманныхъ фразахъ отдѣльныхъ социалдемократическихъ воззваній, но съ развитіемъ политическаго радикализма сталъ въ нашихъ прокламаціяхъ господствующимъ.

Въ этомъ году „Революціонная Россія“ помѣстила въ своемъ

номерѣ (23) отъ перваго мая передовую статью, гдѣ высказала взглядъ на значеніе этого дня. „День Перваго Мая, говоритъ статья, могъ бы у насъ угодиться тѣмъ праздникамъ, которые праздновались первыми христіанами въ римскихъ катакомбахъ. Тамъ, въ сырыхъ подземельяхъ, при слабомъ мерцаніи огоньковъ, собиравшись они, чтобы въ молитвахъ назвать свою работѣющую душу. Но рабочіе не хотятъ быть только мучениками. Они хотятъ грудью встрѣтить врага, гордо развернуть свое красное знамя. И праздникъ Перваго Мая превращается въ пока неравную борьбу, чаще всего въ бойню“.

Эта мысль высказана также въ прокламаціи кіевскихъ социалство-революціонеровъ. „Пусть этотъ день, говоритъ прокламація, будетъ для насъ не только днемъ великаго социалистическаго праздника; пусть станетъ онъ днемъ борьбы, днемъ смѣлаго и рѣшительнаго нападенія на правительство. Въ день борьбы за конечное освобожденіе человечества, въ день Перваго Мая, пусть раздастся на улицахъ и площадяхъ подержанный вооруженною рукою грозный крикъ: Долой Самодержавіе!“

Этотъ взглядъ былъ усвоенъ и социалдемократическими организаціями. Но онъ былъ ошибочнымъ и привелъ къ тому, что „настроеніе массы не обличало сколько нибудь внушительныхъ демонстрацій“.

В. Акимовъ-Махновецъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Помощник присяжного повѣреннаго Е. С. Семяновскій — одинъ изъ первыхъ каріецевъ.

Евгеній Степановичъ Семяновскій былъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго при С. П. б. окруж. судѣ, я познакомился съ нимъ не за долго до моего и его ареста въ 1875 г. Мнѣ хотѣлось бы воскресить память объ этомъ замѣчательномъ по уму и нравственному складу человѣкѣ, погибшемъ еще совсѣмъ молодымъ въ далекой ссылкѣ, на каріеискской каторгѣ. Къ сожалѣнію, я мало зналъ Евгенія Степановича на волѣ и могу рассказать объ его судьбѣ только послѣ его ареста и въ ссылкѣ, въ которой мы находились вмѣстѣ. Но я надѣюсь, что люди, знавшие его на волѣ въ началѣ семидесятихъ годовъ, пополнятъ этотъ пробѣлъ. Семяновскій жилъ мало, — арестованъ 25 дѣтъ, — но своей безавѣстной преданностью великому освободительному движенію, своей нравственной чистотой онъ заслужилъ, чтобы люди не забыли о немъ. Это былъ человѣкъ не только выдающийся по своему уму, образованію, это былъ въ высшей степени обаятельный человѣкъ по всему своему складу. Кто хоть разъ съ нимъ побесѣдовалъ, того неотразимо влекло къ нему. Мягкій, почти женственный характеръ, аристократизмъ въ привычкахъ и вкусахъ, все это служило только украшеніемъ его, и простые люди, также какъ и люди съ высокимъ образованіемъ чувствовали себя съ нимъ просто, и бесѣда съ нимъ всегда вызвала на откровенность, всегда хотѣлось подѣлиться съ нимъ радостями и горестями. Никто не боялся показать ему свою душу, какъ она есть, со всеми недостатками и убожествами. Но всѣ эти прекрасныя качества не дѣлали его слабымъ. Самъ строгій въ своей жизни, онъ строго стоялъ на стражѣ правды и справедливости. При своемъ многостороннемъ образованіи, громадной начитанности, онъ былъ скромнѣе, можетъ быть, больше, чѣмъ нужно, былъ въ высшей степени деликатенъ и въ спорахъ старался не побить своего оппонента неотразимыми аргументами, а убѣдить въ истинности своего взгляда, и это кажется всегда ему удавалось, конечно съ тѣмъ, кто искалъ правды.

Прежде, чѣмъ рассказать о жизни Евг. Степ. въ ссылкѣ, я долженъ рассказать; какъ я съ нимъ познакомился. Въ 1873 г. меня изъ Пскова перевели въ Петербургъ въ Главный Штабъ военнымъ

писаремъ. Въ Главномъ Штабѣ было нѣсколько человѣкъ писарей изъ семинаристовъ, поступившихъ вольноопредѣляющимися. Это были юноши, свободное время по большей части проводили въ чтеніи и спорахъ объ общественныхъ вопросахъ. Я получилъ маленькое образованіе, но чтеніе всегда было моимъ любимымъ занятіемъ и я много читалъ безъ разбору, безъ всякой системы. Споры моихъ товарищей меня заинтересовали, но я стоялъ ниже ихъ по своему развитію и не могъ принимать участія въ ихъ дебатахъ. Я сталъ искать, кто бы мнѣ помогъ разобраться, что надо читать и что не надо. Этому помогъ одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, Михаилъ Павловичъ Овчинниковъ, окончившій духовную семинарію. Онъ познакомилъ меня со студентами мед.-хир. академіи. Это были радикальные кружки, гдѣ велись по вечерамъ бесѣды, гдѣ я получалъ нелегальную литературу и тамъ же мнѣ указывали, что брать изъ библиотекки. Кромѣ меня на бесѣды приходили и рабочіе. Меня неотразимо влекло на эти бесѣды, я чувствовалъ, что это именно тотъ путь, на которомъ моя жизнь получаетъ смыслъ, въ моей жизни нащѣчалась цѣль, къ которой я могу радостно стремиться. Я крестянина по происхожденію и мнѣ казалось, что въ социалистическомъ строѣ народъ найдетъ свое счастье. Мнѣ не надо было говорить о тяжелой жизни народа, я видѣлъ ее самъ, я видѣлъ, какъ народъ работаетъ до изнеможенія, работаетъ только для того, чтобы заплатить подати и оброкъ помѣщику, — самъ же онъ жилъ хуже рабочаго скота. Грязныя, курныя избы, пища грубая, не питательная, мясо только въ годовые праздники, отсутствіе медицинской помощи, поголовная безграмотность. Просѣта не было видно никакого. Начальства было хотя и меньше, чѣмъ сейчасъ, но начальство было грубо, съ мужикомъ не считалось, о человѣческомъ достоинствѣ никто не думалъ. Начальствомъ считался всякій, надѣвшій сюртюкъ, мужикъ былъ загнанъ, забытъ. Въ матеріальномъ отношеніи ему часто хуже жилось, чѣмъ въ крѣпостное время. И вотъ вдругъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ открылась чудная, свѣтлая картина будущей жизни, не за гробомъ, а здѣсь на землѣ. Я глубоко увѣровалъ въ возможность этой жизни, я уже видѣлъ впереди народъ счастливымъ, разумнымъ. Но я зналъ, что народъ еще темень, что его не легко свдвинуть. Я видѣлъ, что путь къ осуществленію свѣтлаго социалистическаго идеала труденъ и мнѣ онъ не представлялся яснымъ. Я съ убѣжденіемъ, съ одушевленіемъ говорилъ о возможности другого, справедливаго строя жизни, но практической программы дѣятельности у меня не было, не было ея, кажется, и у моихъ руководителей; моя аргументація была слаба. Это парализовало мою дѣятельность, я не смѣло и неумѣло выступалъ въ роли пропагандиста. Я не могъ на этомъ помириться и началъ высказывать своимъ руководителямъ о необходимости создать что-нибудь въ родѣ школы пропагандистовъ. Необходимо, чтобы во главѣ этой школы сталъ человѣкъ хорошо образованный, который сдѣлалъ бы дать систематическія знанія будущимъ пропагандистамъ по общественнымъ вопросамъ. Эта мысль была одо-

брена и въ одной конспиративной квартирѣ на Петербургской сторони меня познакомили съ Евг. Степ. Семяновскимъ, Евгений Степановичъ былъ уже ознакомленъ съ моими запросами и я условился съ нимъ, что приду къ нему на другой день съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ товарищей ¹⁾. Я пригласилъ съ собою Савченко, который былъ тоже знакомъ съ нелегальной литературой. Литературу эту онъ получалъ отъ Богусевича, чиновника главнаго штаба, и Богусевичъ, уѣзжая въ Новгородъ для пропаганды, просилъ меня поддерживать Савченко. Савченко былъ южанинъ и разговоръ у Семяновского вѣртался, главнымъ образомъ, на именахъ южныхъ общественныхъ дѣятелей. Въ этотъ день въ главномъ штабѣ была получена телеграмма объ арестѣ въ Новгородѣ Богусевича и нѣсколькихъ военныхъ. У Семяновского мы условились, что я зайду на квартиру Богусевича предупредить его мать и сестру объ арестѣ въ Новгородѣ. У Семяновского я взялъ послѣдній № газеты «Впередъ», издававшейся Лавровымъ въ Лондонѣ и нѣскольکو брошюръ, и мы съ Савченко отправились. Дорогой я передалъ Савченко брошюры и газеты, чтобы онъ унесъ домой, а самъ отправился въ квартиру Богусевича. Это было около 11 час. вечера. Въ квартирѣ я узналъ, что только что ушли полицейскіе и жандармы, которые дѣлали обыскъ и забрали всѣ бумаги Богусевича. Къ счастью, полицейскаго не было оставлено въ квартирѣ, но засаживать не приходилось и я отправился домой. Вечеромъ же Савченко передалъ мнѣ брошюры и газеты. На слѣдующій день я былъ свободенъ отъ дежурства и оставался въ помѣщеніи. Когда всѣ писаря ушли на занятія, я съ товарищемъ Щербаковымъ началъ читать вслухъ газету «Впередъ». Приблизительно черезъ полчаса въ нашу комнату вошли экзекуторъ и фельдфебель, подошедшіе такъ тихо, что мы не слышали. Щербаковъ сейчасъ же вышелъ, а я хотъ и сунулъ подъ подушку газету, но экзекуторъ это замѣтилъ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, какую газету я читалъ. Я назвалъ и подалъ ему газету. Спросилъ, гдѣ взялъ. Я отвѣтилъ, что купилъ у разносчика. Онъ мнѣ сказалъ, что это газета запрещенная и сейчасъ же съ фельдфебелемъ вышли. По ихъ уходѣ я сунулъ брошюры подъ шкафъ, изорвалъ записки и бросилъ въ метопившіисъ каминъ. Продѣлавъ все это, я сейчасъ же направился къ выходу, но въ корридоръ я увидѣлъ, что опять идетъ экзекуторъ. Я вернулся въ свою комнату. Вслѣдъ за мной вошли экзекуторъ и фельдфебель и я былъ арестованъ и отведенъ въ карцеръ при главномъ штабѣ. Это было 27 августа 1875 г. Въ мое отсутствіе въ моемъ комодѣ сдѣлали обыскъ, но ничего не было найдено. О Семяновскомъ я не беспокоился, такъ какъ рѣшительно никакихъ подозрѣній, что сдѣланъ доносъ, у меня не являлось. Обо мнѣ начали заботиться: изъ маленькаго карцера меня перевели въ большой, принесли обѣдъ, чай, а къ вечеру подушку и постель.

¹⁾ Нѣкогда въ виду вербовать пова въ школу пропагандистовъ военныхъ писарей главнаго управленія.

Это крайне озадачило старика сторожа. Онъ привыкъ видѣть, что объ арестованныхъ обыкновенно не проявляется никакихъ заботъ, и все повторялъ: Господи, что жъ это такое? Никогда этого не бывало, и спрашивалъ меня, что я набѣдокурилъ и утѣшалъ, что это ничего, завтра выпустятъ. Но завтра прѣбжала карета съ жандармскимъ офицеромъ и двумя конными жандармами. Меня торжественно увезли въ 3 отдѣленіе.

Тамъ тов. прокурора Поскокинъ снялъ съ меня допросъ. Относительно газеты я показалъ то же самое, что купилъ у разносчика. Это показалось невѣроятнымъ и присутствовавшій при допросѣ жандармскій полковникъ убѣждалъ меня показать правду, что это облегчитъ мое наказаніе, а иначе грозитъ жестокая кара.

Я остался при своемъ показаніи. На вопросъ о знакомыхъ я назвалъ нѣсколько безразличныхъ знакомыхъ, которые оказались не нужны Поскокину. Онъ спросилъ, знакомъ ли я съ Вышегородскимъ и Крыловымъ, учившимся въ то время въ учительской семинари на Василевскомъ островѣ. Я сказалъ, что знаю ихъ, такъ какъ они служили вмѣстѣ со мной въ Глав. Штабѣ. Знакомства съ Богусевичемъ я тоже не отрицалъ. На вопросъ, ходилъ ли я предупреждать родныхъ Богусевича о его арестѣ, я отвѣтилъ отрицательно. На вопросъ, знакомъ ли я съ Семяновскимъ, я тоже отвѣтилъ отрицательно, но сердце мое уже жалось, я почувалъ, что творится что то неладное, но мысль о шпионствѣ Савченко все таки мнѣ не пришла въ голову. Такъ далеко я былъ отъ мысли подозревать людей въ такихъ гнусныхъ поступкахъ, Поскокинъ издѣвался надо мной, что я такъ быстро забываю своихъ знакомыхъ и совѣтовалъ припомнить. Я оставался при своемъ. Съ Семяновскимъ у насъ было условлено, что въ случаѣ ареста, я долженъ объяснить свое знакомство съ нимъ тѣмъ, что я ходилъ къ нему подготовляться къ экзамену на класный чинъ. Почему то мнѣ показалось это показаніе неправдоподобнымъ, хотя я дѣйствительно готовился, но безъ посторонней помощи, и я не сдѣлалъ этого показанія. Я боялся власти въ прѣжившіе съ Семяновскимъ и потому отрицалъ знакомство съ нимъ.

Этимъ я могъ повредить Семяновскому, хотя вся моя забота была теперь сосредоточена на томъ, чтобы какъ нибудь не впутать его въ мое дѣло. Конечно, всѣ мои объясненія ни къ чему бы не повели, такъ какъ Семяновскій также, какъ и я, былъ арестованъ по доносу Савченко. Но тогда я этого еще не зналъ, и судья Семяновскаго меня страшно беспокоила.

Послѣ допроса меня отвели въ камеру при 3-мъ отдѣленіи, гдѣ я содержался мѣсяцъ. Камера была просторная, съ двумя окнами, пишу давали очень хорошую, два раза въ день чай съ бѣлымъ хлѣбомъ и даже папиросы. Давали и книги «Русскій Вѣстникъ» и др., въ этомъ же родѣ. Прислуживали два жандарма, которые на всѣ вопросы отвѣчали полнымъ молчаніемъ

Въ корридорѣ ходилъ часовая.

Нижнія стекла въ окнахъ были замазаны мѣломъ, и съ полу нельзя было видѣть, кто проходитъ по двору.

Но какъ то, поднявшись на окно, я увидѣлъ, что провели Семьяновскаго. У меня сердце упало. Потомъ я уже узналъ отъ самого Семьяновскаго, что его арестовали 28 авг. 1875 г. Недѣлю черезъ двѣ меня опять повели къ допросу. Спросили, не желаю ли я добавить свои показанія. Я сказалъ, что мнѣ нечего больше сказать. Меня опять увели. Какъ то разъ спросили, не желаю ли я сходить въ баню. Я съ удовольствіемъ согласился. Жандармъ долго велъ меня вдоль глухой стѣны, въ которой не было ни оконъ, ни дверей. Наконецъ, мы подошли къ двери, въ которую и вошли. У меня мелькнула мысль, что здѣсь отчуждаютъ меня, и стало жутко. Оказалось, меня ввели въ комнату, гдѣ была ванна. Жандармъ приготовить воду и я отлично вымылся. Дни казались мнѣ безконечно длинными и я много ходилъ изъ угла въ уголъ. Я представлялъ, что меня сошлютъ въ Сибирь, въ глушь, какъ я тамъ буду жить, что непременно буду тамъ охотиться.

Картины одна заманчивѣй другой пробѣгали въ моихъ мечтахъ. Мнѣ не казалось страшно. Но часто мнѣ приходило въ голову, что меня освободятъ и непременно весной. Будетъ тепло и я поѣду въ деревню, къ матери. Буду вести тамъ пропаганду среди крестьянъ. Я представлялъ, какъ легко крестьяне будутъ усваивать социалистическія идеи, и организаціи одни грандіознѣе другой возникали въ моемъ разгоряченномъ воображеніи. Но все таки было скучно, а до весны далеко. Свиданій не давали, и я не зналъ, знаютъ ли даже мои родные о моемъ арестѣ. Оказывается, брать мой, Тимофей, жившій въ Пензенской губ., узнавъ о моемъ арестѣ, бросилъ тамъ службу и прѣхалъ въ Петербургъ. Пытался въ 3-мъ отдѣлѣ. получить разрѣшеніе на свиданіе со мной, но ему было отказано. Черезъ мѣсяцъ меня перевели въ домъ предварительнаго заключенія.

Сначала мнѣ показалась очень мрачной камера, похожая на гробъ, но потомъ я освоился. Мнѣ показалось, что здѣсь лучше. Надзиратели не «молчатъ и хоть въ разговорѣ не пускаются, но отъчаютъ на вопросы.

Стали давать прогулки изрѣдка, въ двѣ недѣли разъ. Политическихъ здѣсь еще немного было, но во дворѣ не было еще знаменитыхъ кѣтокъ для прогулки, расположенныхъ кругомъ будки для надзирателей, и насъ выводили гулять во дворъ, гдѣ мы и гуляли вдоль стѣны, по одному. Скоро мнѣ дали и свиданіе съ братомъ въ католической церкви въ присутствіи тов. прокур. и жандармскаго офицера. Свиданіе съ любимымъ братомъ меня несказанно обрадовало, но присутствіе чуждыхъ намъ людей стѣсняло насъ и мы говорили о пустякахъ, перебѣгая съ одного на другое. Свиданіе было не болѣе $\frac{1}{4}$ часа.

Потомъ начали давать свиданія въ школѣ въ присутствіи одного тов. прокурора, который садился на передней партѣ, а мы на задней, и говорили уже, не стѣняясь. Я всегда съ благодарностью

вспоминаю этого тов. прокурора. Потомъ стали давать свиданія два раза въ недѣлю: одинъ разъ черезъ двойную рѣшетку, а другой разъ личное. Кѣтки, въ которыхъ помѣщались заключенные, были расположены въ два ряда, между ними сидѣлъ тов. прокурора за письменнымъ столомъ. Въ этомъ же промѣжуткѣ между кѣтками давались и личные свиданія заразъ нѣсколькимъ лицамъ. Прокурору не было никакой возможности слѣзть за разговорами, и благодаря этому эти свиданія были пріятны и непринужденны.

Но вслѣдствіе долгаго одиночнаго заключенія нервы были такъ напряжены, что вызовъ на свиданіе всегда сильно потрясалъ, и къ роднымъ выходилъ въ возбужденномъ состояніи.

Съ Семьяновскимъ мнѣ удалось сговориться, и я на предварительномъ слѣдствіи призналъ знакомство съ нимъ, хотя это было совсѣмъ лишнее дѣло.

Этимъ я можетъ быть только ускорилъ окончаніе слѣдствія, а я и Семьяновскій страшно хотѣли, чтобы дѣло поскорѣ такъ или иначе кончилось. На слѣдствіи выяснилось, что Савченко сдѣлалъ на меня доносъ начальству Главнаго Штаба въ тотъ день, когда я пригласилъ его съ собою къ Семьяновскому, и доносъ, что я пригласилъ его къ интеллигентному человѣку. Начальство велѣло ему идти со мной и потомъ донести, какіе были у насъ разговоры. Генералитетъ Главн. Штаба блестяще проявилъ жандармскія наклонности. Начальникомъ Главн. Штаба былъ графъ Федоръ Логгиновичъ Гейденъ, а помощниками его были генералъ Мещеринъ и Клаугинъ.

26 августа 1875 г. Савченко шелъ со мной къ Семьяновскому уже какъ луда, и сердце мнѣ этого не подсказало.

На слѣдствіи, при очной ставкѣ, Семьяновскій обратилъ вниманіе, что у Савченко была другая форма и спросилъ, что значить эта перемѣна. Савченко разсказалъ, что послѣ моего ареста писаря Главн. Штаба стали его пресѣдывать.

Повидимому онъ пожаловался начальству, и начальство предложило ему перевестись въ жандармское управленіе, если онъ хочетъ. Онъ выразилъ желаніе и былъ переведенъ. И это единственный свидѣтель, по показаніямъ котораго насъ осудили на 11 л., въ которанія работы въ крѣпостяхъ съ лишеніемъ правъ. Слѣдствіе производилъ членъ судебн. палаты Гераковъ. Сестра Богущевича на слѣдствіи не показала, что я приходилъ предупредить ее объ арестѣ ея брата. Но Гераковъ записалъ ея показаніе совершенно иначе; выходило, что я приходилъ предупредить. Это было при мнѣ. Я это замѣтилъ г. Геракову, но онъ строго объявилъ, что г-жа Богущевичъ именно это показала, Оробѣвшая дѣвушка подписала показаніе и на судѣ въ Особ. Прис. Прав. Сената подтвердила подписанное ею показаніе. Все это показывало, что на правосудіе намъ рассчитывать было нечего. Но мы всетаки еще не теряли надежды.

Въ особенности относительно Семьяновскаго я питалъ большія

надежды, так какъ, кромѣ оговора Савченко, противъ него не было рѣшительно никакихъ уликъ.

Вотъ почему мы и защищали на судѣ. На слѣдствии оказалось еще, что въ бумагахъ Богушевича было найдено мое письмо, въ которомъ я сообщалъ ему, что М. въ Москвѣ, а С. въ больницѣ. На требованіе объяснить, кто эти лица, я заявилъ, что отказываюсь назвать ихъ, чтобы не причинить имъ несправедливости. Тогда Герарковъ говоритъ, что это Мышкинъ и Семяновскій. Я утверждалъ, что нѣтъ. Герарковъ спросилъ, въ какой больницѣ былъ С., можетъ быть въ Петропавловской? Я сказалъ, что не помню. Были опрошены всѣ больницы, между проч. и Петропавловская (такая оказалась въ Петербургѣ). Оказалось, что Семяновскій нигдѣ въ больницѣ не лежалъ. Съ Мышкинымъ я встрѣтился только разъ и писалъ я не о немъ. Подъ иномъ М. я писалъ о Михаилѣ Овчинниковѣ, а С. былъ Семенъ Ивановичъ Козельскій, студ. М.-Х. акад., сидѣвшій тогда въ тюрьмѣ по политическому дѣлу, но изъ суда черезъ четыре освобожденный. Въ октябрѣ намъ былъ врученъ обвинительный актъ. Я и Семяновскій обвинились въ распространеніи соц.-рев. идей и въ ниспроверженіи существующаго порядка вещей, по 251 ст. улож. о наказ., и я кромѣ того кажется по 249 ст. въ оскорбленіи величества на томъ основаніи, что въ № «Впередъ», который у меня забрали, была оскорбительная для величества статья. 26 и 27 октября 1877 г. насъ судили въ Особ. Прис. Прав. Сената въ зданіи Сената.

Къ намъ присоединили новгородцевъ, хотя связи не было рѣшительно никакой, такъ какъ ни я, ни Семяновскій никого изъ нихъ не знали, а Богушевичъ умеръ до суда въ тюрьмѣ. Изъ Новгорода привлекались рядовой Захаръ Богдановъ (мой однофамилецъ), офицеръ Дьяковъ, конкара Мышкинъ (братъ Иполита Мышкина) и Бужинскій. Они были мало распространены и сваливали другъ на друга, такъ что впечатлѣніе получалось неприятное.

Кромѣ того, еще привлекался технологъ Соломонъ Желѣзнякъ, жившій гдѣ-то на югѣ. У Семяновскаго была найдена почтовая росписка, благодаря которой у него и сдѣланъ обыскъ, нашли брошюру «Хитрая Механика», за имѣніе которой онъ и привлеченъ къ суду. На судѣ было немного публики. Семяновскаго защищали Герардъ, сказавшій блестящую рѣчь, а меня защищали Матросовъ, по назначенію суды.

Савченко (шпіонъ) подтвердилъ на судѣ свои показанія, что Семяновскій передалъ мнѣ газету «Впередъ» и какія-то брошюры. Кромѣ этого оговора сыщика противъ Семяновскаго не было больше рѣшительно никакихъ уликъ. Относительно меня Савченко показывалъ, что я познакомилъ его съ Семяновскимъ и что я у Семяновскаго взялъ газету «Впередъ» и брошюры и ходилъ предупредить Богушевичъ. Богушевичъ показала, что я приходилъ предупредить ее объ арестѣ брата. Писарь Щербаковъ показывалъ, что онъ зашелъ ко мнѣ спросить какую-то книгу, но видя, что я

читаю, присѣлъ на мою кровать, чтобы подождать, когда я дочитаю статью, что читалъ я про себя, а не въ слухъ и затѣмъ ушелъ, когда взошелъ экекуторъ. Экекуторъ показывалъ, что онъ засталъ меня съ газетой въ рукахъ, но не слышалъ, чтобы я читалъ вслухъ Щербакову. Сторожъ показывалъ, что онъ видѣлъ въ каминѣ какія-то изорванныя клочки бумаги, а кѣмъ они брошены, онъ не знаетъ. Онъ затопилъ каминъ и клочки бумаги сгорѣли. Этотъ старикъ былъ дѣтъ 30 сторожемъ въ помѣщеніи писарей Главнаго Штаба и бѣднякъ заплакалъ, когда увидѣлъ меня на скамьѣ подсудимыхъ. Вотъ всѣ свидѣтели противъ меня и Семяновскаго, всѣ улики въ потрясеніи основъ. Щербаковъ показывалъ, что я не читалъ, экекуторъ показывалъ, что онъ не слышалъ, чтобы я читалъ вслухъ Щербакову, но когда судъ ставилъ вопросы, то на вопросы, читалъ ли я Щербакову, судъ вынесъ резолюцію, что я читалъ вслухъ Щербакову. Значитъ распространение есть. На вопросъ, давалъ ли Семяновскій мнѣ газету «Впередъ», вопреки моему категорическому утвержденію, что я отъ Семяновскаго газеты не получалъ, судъ вынесъ резолюцію, что Семяновскій мнѣ газету давалъ. Основы потрясены. Если бы я до тѣхъ поръ не былъ революционеромъ, я неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться таковымъ на судѣ. Возмутить чувство справедливости нельзя было больше, какъ такимъ издѣвательствомъ надъ правосудіемъ. Прокуроръ требовалъ смертной казни для меня (измѣна присягѣ) и кажется 15 дѣтъ каторжной работы для Семяновскаго. Судъ уравнивалъ насъ. Онъ приговорилъ насъ обоимъ на 11 дѣтъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, а затѣмъ на вѣчное поселеніе въ Сибирь. По выходѣ изъ суда братъ Семяновскаго, Александръ Степановичъ, совѣтовалъ подать апелляціонную жалобу. Евгению Степановичу, очевидно, не хотѣлось, очень ужъ онъ былъ возмущенъ, но вслѣдствіе настояній брата онъ колебался и поставилъ въ зависимость, какъ я рѣшу. Я высказалъ, что это бесполезно, что обращаться къ палачамъ за справедливостію даже неловко какъ-то, но если Евгений Степановичъ этого хочетъ, то я попрошу защитника написать апелляціонную жалобу. Въ концѣ концовъ мы рѣшили не подавать апелляціонной жалобы. Семяновскому потомъ говорили, что сенаторы раздѣлились, часть ихъ была за оправданіе, но вѣдь были и «словастые представители!» Это хитрая выдумка бюрократіи. Юристъ хотя бы и лакействующій еще можетъ смутиться явной несправедливостію, но чѣмъ смутится избранное самодержавіемъ трио изъ предводителя дворянства, городского головы и волостного старшины. Голосъ перпоприствующаго сенатора Петра также много значилъ въ отправленіи правосудія. Да къ тому же, говорятъ, Министръ Юстиціи графъ Паленъ бѣгалъ около полуотворенныхъ дверей совѣщательной комнаты и все повторалъ: неужели оправдаютъ, неужели оправдаютъ!» Всѣ мѣры были приняты, и отчетливо спасено! Обвинялъ насъ товарищъ оберъ прокурора Сената Роде.

Противъ Захара Богданова не было выставлено обвиненіемъ

свидетелей. Он обвинялся в том, что ругал царя, читал будто бы солдатам в казармах в Новгороде революционные брошюры. Его присудили к семилетним каторжным работам на заводах, а потом на вѣчное поселение в Сибирь. Дьяков осужден на год в крѣпость главным образом за то, что рвало выражался на судѣ. Мышкин и Бужинскій осуждены к содержанию в военной тюрьмѣ на три мѣсяца. Желѣзнякъ приговорен тоже к заключенію в тюрьмѣ на три мѣсяца.

Через мѣсяцъ намъ объявили приговоръ в окончательной формѣ. Даже прокуроръ в Д. П. З. возмущался жестокимъ приговоромъ.

Насъ продолжали содержать в Д. П. З.

Послѣ суда, черезъ нѣсколько дней, я спрашивалъ Евгенія Степановича в предвѣрилѣ, какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ говорил, что чувствуетъ какую-то слабость, чисто физическую, что ему не хочется читать, не хочется говорить и хочется только лежать.

Въ разговорахъ в нашемъ клубѣ (черезъ ватерклозетную трубу) не разъ говорилось, что такой срокъ в каторгѣ вынести нельзя, и что такой приговоръ все равно, что смертный приговоръ. Оказалось вѣрно не для всѣхъ. Мы тогда о каторгѣ в Сибирь вообще знали очень мало. Главнымъ образомъ представление о каторгѣ у насъ было по «Запискамъ изъ М. Д.» Достоевскаго. Со мной въ одномъ клубѣ были в 76 г. Михаилъ Грачевскій, Михаилъ Державинъ, Всеволодъ Лопатинъ, офицеръ Антовъ и рабочий Николай, а фамилію не помню.

Мнѣ и Семяновскому управляющій Д. П. З. усердно предлагалъ подать прошеніе о помилованіи и увѣрялъ, что есть очень много шансовъ, что мы будемъ помилованы совершенно. Евгений Степановичъ мнѣ говорилъ потомъ, что будто-бы сенаторы, судившіе насъ, высказывали, что мы навѣрное будемъ помилованы, если подадимъ прошенія. Къ Семяновскому подсылали еще кого-то, но кого, я не помню. Конечно, о подачѣ прошеній съ нашей стороны и рѣчи не могло быть. Вѣ декабрѣ 1876 г. в Д. П. З. привезли арестованныхъ за казанскую демонстрацію 6 декабря. Это насъ сильно взбудоражило и до нѣкоторой степени ободрило.

Въ періодъ 1873—75 гг. была масса арестованныхъ по всей Россіи, изъ которыхъ былъ потомъ составленъ знаменитый процессъ 193-хъ. Аресты разстраивали кружки, затрудняли сношенія. Много народу перешло на нелегальное положеніе. Все клонилось къ тому, что мирная дѣятельность пропагандистовъ дѣлалась болѣе трудной и мало продуктивной. Нелегальнымъ в особенности было трудно что-нибудь дѣлать, такъ какъ приходилось пережидать съ мѣста на мѣсто, чтобы отклонить подозрѣнія отъ себя. Иногда нелегальные желали сами, чтобы ихъ арестовали, такъ какъ невозможно было что-нибудь дѣлать. Нужны были большія средства, а средствъ не было. Деньги были нужны и для помощи сидящимъ по тюрьмамъ. Но о террорѣ в 75—76 гг. еще не было разгово-

ровъ. Выстрѣлъ в 77 г. вѣры Засуличъ в П-Б-го градоначальника Трепова насъ поразили. Мы были уже на Карѣ, когда узнали объ этомъ. Но этотъ фактъ мы объяснили исключительно мѣстью и не подозрѣвали, что это начало новаго направленія в революціонной дѣятельности. Мы еще не знали тогда, что покушеніе на Трепова было уже задумано организаціей и Попко (умершій на Карѣ) съ другими товарищами искали момента, чтобы убить Трепова за истязаніе Боголюбова, осужденнаго в каторгу за казанскую демонстрацію. Но Засуличъ, не знаящая о замыслахъ Попко, предупредила его.

Процессъ Засуличъ имѣлъ громадное, знаменательное значеніе. Оправданіе ея на судѣ присяжныхъ было отвѣтомъ общества на самодержавную политику. Правительство никогда уже не прибѣгло къ суду общества по политическимъ дѣламъ, какъ не обращается къ суду присяжныхъ и до сего времени. Вся Россія была объявлена неблагонадежной въ политическомъ отношеніи. Правительству не на кого было опереться въ своемъ угнетеніи народа, кромѣ штыковъ. Это не могло насъ не ободрить, мы съ надеждой смотрѣли на будущее и намъ легче было перенести тяжелую ссылку.

Семяновскаго перевели изъ Д. П. З. в Литовскій тюремный замокъ кажется в январѣ 1877 г., а меня в мартѣ того же года. Семяновскаго вывозили на площадь, гдѣ на эшафотѣ ему прочитали приговоръ и переломили надъ его головой шагунъ. Это кажется была послѣдняя публичная казнь. Меня ввели в Управление воинскаго начальника, гдѣ при барабанномъ боѣ провели между двумя рядами выстроенныхъ солдатъ в казармѣ, прочитали приговоръ, еще разъ пробѣжалъ барабанъ и затѣмъ опять увезли в Д. П. З.

Когда в мартѣ меня перевели в Литовскій замокъ, тамъ уже находились политическіе, кромѣ Семяновскаго, Акимовъ, бывшій ж.-д. контролеръ, осужденный на поселеніе в Сибирь, Розановъ, бывшій сельскій учитель, осужденный на поселеніе, Захаръ Богдановъ, по нашему процессу, Алъбовъ, лѣсничій, осужденный на поселеніе, Терентьевъ и Тефтуль, осужденные в каторгу за пропаганду в Одессѣ. Это былъ рядъ мелкихъ процессовъ осенью 1876 г.

Насъ разсадили въ разныя камеры вмѣстѣ съ уголовными, но днемъ камеры были отворены въ корридоръ и мы свободно видѣлись между собою. Большая часть уголовныхъ были молодые солдаты, осужденные за нарушеніе дисциплины в каторгу. Это былъ совершенно неспорный народъ и странно было видѣть ихъ арестантами. Къ государственнымъ они относились съ уваженіемъ. Когда насъ перевели в другой корпусъ, государственныхъ помѣстили в двухъ отдѣльныхъ камерахъ, солдаты подобрались въ одну большую камеру. Какъ то разъ они устроили чай и пригласили насъ въ качествѣ гостей и были ужасно рады, что мы пришли къ нимъ и не смотрѣли на нихъ, какъ на преступниковъ. Но и настояше

уголовные относились къ государственнѣмъ съ уваженіемъ. Режимъ въ Литовскомъ замкѣ былъ строгій, но съ государственнымъ были все-таки вѣжливы. Мы были пока въ своей одеждѣ, къ намъ проносили книги, но уже съ разборомъ. Какъ то разъ не позволили передать мнѣ сочин. Некрасова, потому что не было надписи: «дозволено цензурою», а помощникъ смотрителя не слышалъ про такого писателя, и брату пришлось обратиться къ градоначальнику, который и пропустилъ. Свиданія давались два раза въ недѣлю. Я сидѣлъ въ одной камерѣ съ Семяновскимъ и Терентьевымъ. Предметами разговоровъ были преимущественно политическія темы. Мы ожидали, что насъ пошлютъ въ Харьковскую каторжную тюрьму (централку) и будущее намъ рисовалось въ ужасномъ видѣ. Никто изъ насъ не рассчитывалъ когда нибудь выйти на волю. Семяновскому принесли пилку и мы начали пилить рѣшетку. Но я нечаянно уронилъ пилку, достать ее было невозможно, и это страшно основательно Семяновскаго. Онъ всячески утѣшалъ меня и говорилъ, что отъ имѣнія пилки далеко еще до свободы. Предпріятіе дѣйствительно казалось мало осуществимымъ. Общій корридоръ выходилъ въ переулокъ, но въ корридорѣ всегда находился надзиратель. Во дворѣ также находились часовые. Въ апрѣлѣ 1877 г. Семяновскаго увезли отъ насъ неизвестно куда, и я началъ ожидать своей очереди. Въ концѣ апрѣля 1877 г. меня заковали въ тѣсные кандалы, обрили половину головы, одѣли въ арестантскій костюмъ и отправили въ пересыльную тюрьму, а черезъ два дня, 1 мая, увезли на Николаевскій вокзалъ съ двумя конвойными. Братъ вышелъ меня провожать, какъ выходилъ провожать и другихъ государственныхъ, отправляемыхъ въ Сибирь. Терентьевъ рассказывалъ, что онъ ужасно былъ расстроганъ, когда мой братъ перекрестилъ его при отходѣ поѣзда. Меня везли въ пассажирскомъ вагонѣ 3-го класса. Въ Москвѣ помѣстили въ какой то части, въ довольно чистой камерѣ, позволили купить, что нужно изъ съестнаго. Немного денегъ у меня было при себѣ. Черезъ два дня меня отправили съ новыми конвойными до Владивира. Тамъ тоже меня продержали два дня, но въ такомъ клоповникѣ, что я и до сихъ поръ не могу вспомнить безъ ужаса.

Изъ Владивира съ новыми конвойными отправили до Нижняго, гдѣ помѣстили въ пересыльную тюрьму. Тамъ я, къ величайшей радости, встрѣтилъ Семяновскаго, Терентьева, Альбова и Телье. Мы просидѣли тамъ двѣ недѣли. Было довольно свободно, а главное мы начинали думать, что насъ повезутъ не въ Харьковскую тюрьму, а въ Сибирь. О каторгѣ въ Сибирѣ мы знали очень мало, но намъ казалось, что это все-таки лучше. Въ Нижнемъ рѣшился важный вопросъ, какъ насъ отправить, на пароходѣ или на лошадахъ. Изъ Питера пришло распоряженіе отправить на почтовыхъ лошадахъ по одному съ 2-мя жандармами. Далѣе насъ везли отъ губернскаго города до губернскаго. Жандармы мѣнялись. Семяновскій ѣхалъ впереди и я уже встрѣтилъ его только на Карѣ. Въ

Перми меня свирѣпо встрѣтилъ полицмейстеръ, наговорилъ грубоостей, но камеру дали хорошую, свѣтлую и чистую въ центральной тюрьмѣ. Когда перевалили Уральскій хребетъ, на станціяхъ меня часто утѣляли, что въ Сибирѣ будетъ лучше, свободнѣе и большій обиды я не встрѣчу. Особенно сочувственно относились полки, которые нерѣдко встрѣчались, какъ содержатели станцій. Въ то время много возвращалось полковъ аминистированныхъ. Въ Томскѣ меня встрѣтили особенно тепло помощникъ смотрителя тюрьмы и караульный офицеръ,—оба молодые. Послѣ приѣма въ конторѣ они сейчасъ же оба пришли ко мнѣ въ камеру, рассказали, кого провезли впередъ и предложили свой уютнѣе.

Мнѣ приходилось уже въ дѣйствительности убѣждаться, что въ Сибирѣ къ намъ отнесутся человѣчнѣе, чѣмъ въ Россіи. Въ Красноярскѣ меня опять продержали двѣ недѣли въ пересыльной тюрьмѣ, такъ какъ не хватало жандармовъ возить по одиночкѣ. Но я былъ не одинъ. Кромѣ меня сюда подѣхали Терентьевъ, Тефтулъ и Телье. Смотритель Островскій (полякъ) старался по возможности смягчить наше положеніе. Къ намъ приходилъ губернский прокуроръ Долгушинъ, сынъ котораго Николай былъ осужденъ тоже въ каторгу за тайную типографію въ Москвѣ, но содержался въ Харьковской центральной тюрьмѣ, режимъ которой, какъ извѣстно, отличался страшною жестокостію. Старикъ горько жаловался, что правительство само нарушаетъ законы. Бѣдный старикъ, такъ ему и не пришлось дожидаться своего сына.

Въ Иркутскѣ меня продержали два мѣсяца, что было крайне томительно. Заключение нѣсколько скрашивалось тѣмъ, что я встрѣтился тамъ съ Новиковскимъ, осужденнымъ на поселеніе за Казанскую демонстрацію. Я нѣкоторое время сидѣлъ съ нимъ въ одной камерѣ. Онъ большой спорщикъ, и у насъ велись нескончаемые споры по политическимъ вопросамъ. Сюда же подвезли Николаева, сосланнаго по Невазскому процессу. Онъ уже кончилъ каторгу на Карѣ, ему было только 24 года. Его сместили въ Верхоянскъ. Отъ него я узналъ только, что меня ожидало на Карѣ, и что Семяновскій уже тамъ. Въ сентябрѣ меня отправили вмѣстѣ съ Тефтуломъ на Кару. Было уже холодно, особенно ночью, и мы сильно мерзли дорогой.

Изъ Срѣтенка насъ везли на лождѣ. По рѣкѣ уже шла шуга.

27 сентября 1877 г. насъ привезли на Усть-Кару. Здѣсь я впервые увидѣлъ каторжную тюрьму. Это была женская тюрьма. Она была иррачна. Кончился нашъ далекій путь, но я не радовался этому. Сердце у меня жалось. Что то ожидать насъ здѣсь, гдѣ намъ суждено провести долгіе годы. Но я былъ еще молодъ, красивые виды окружающей мѣстности привлекали мое вниманіе, и я на нѣкоторое время забылъ о нетихой пристани, къ которой мы причалили. Насъ отправили далѣе, на Нижній промыселъ, гдѣ жилъ комендантъ Кононовичъ.

Насъ отвели на гауптвахту, гдѣ я встрѣтилъ раньше прибывшихъ Семяновскаго, Терентьева, Захара Богданова и Петра Гаври-

ловича Успенскаго, сосланнаго по Нечаевскому процессу. Радость наша была велика. Мы опять вмѣстѣ. Евгений Степанович удивился, что я такъ поправился за дорогу.

Въ вольной командѣ находились Алексѣй Кириловичъ Кузнецовъ, сосланный по Нечаевскому процессу. Онъ завѣдывалъ дѣтскимъ пріютомъ. Ишутинъ, по Каракозовскому дѣлу, былъ совсѣмъ больной человекъ и лечился на Усть-Карѣ, но жилъ внѣ тюрьмы. На Кару его перевели изъ Акатюя послѣ 11 л. одиночнаго заключенія.

Александра Ивановна Успенская жила въ своемъ домикѣ на Нижнемъ промыслѣ съ маленькимъ сыномъ Викторомъ. Вскорѣ по моему пріѣздѣ Ишутинъ и Кузнецовъ зашли къ намъ на гауптвахту. Ишутинъ былъ веселъ, остроуменъ и не казался ненормальнымъ.

Гауптвахта была нашей тюрьмой. Здѣсь помѣщался караулъ изъ казаковъ. По одну сторону караульной комнаты была камера, въ которой помѣщались Успенскій и Семяновскій, а по другую, гдѣ помѣщались Тефтуль, Терентьевъ, Зах. Богдановъ и я. Наше помѣщеніе состояло изъ большой, всегда холодной комнаты и двухъ карцеровъ, которые служили намъ спальнями. Я помѣстился въ одномъ карцерѣ съ Терентьевымъ. Пищу мы готовили себѣ сами въ голландкѣ, которая была между нашими спальнями. Мнѣ удалось привезти 100 р., которые намъ очень пригодились. Семяновскому приносили обѣдъ отъ Александры Ивановны. Успенскій ходилъ въ пріютъ заниматься съ дѣтми, хотя официально онъ числился въ столярномъ цехѣ.

Семяновскій каждый день въ сумеркахъ приходилъ къ намъ, становился на мою койку спиной къ печкѣ и мы вели безконечные разговоры о Россіи. Съ воли намъ приносили газеты и мы могли слѣдить за тѣмъ, что тамъ дѣлается. Терентьевъ и Тефтуль недурно пѣли малороссійскія пѣсни, и Семяновскій любилъ послушать. Иногда мы задавали пиръ въ праздникъ, который ознаменовывался чѣмъ нибудь въ родѣ пирога и появлялся фамильный чай съ сахаромъ. Обыкновенно же мы пили кирпичный чай и безъ сахара. Къ намъ приходили Евг. Степ. и Петръ Гавриловичъ. Послѣ обѣда было непремѣнно пѣніе и оживленные разговоры. Такъ какъ двора у насъ не было, то прогуливаться насъ выводили прямо на улицу, и мы съ конвойными съ полчаса дѣлали довольно длинные концы по дорогѣ.

Когда получились газеты съ отчетомъ о процессѣ 193-хъ, мы были поражены мягкостью приговора и часто спрашивали другъ друга, за что же насъ то такъ жестоко? И мнѣ, и въ особенности Семяновскому не трудно было установить связь съ большимъ процессомъ своими показаніями, и тогда мы могли бы отдѣлаться совсѣмъ легко. Но могли и не присоединить насъ, такъ какъ въ нашемъ процессѣ было много военныхъ, и правительство вѣроятно хотѣло особенно строго покарать насъ, «дабы другимъ военнымъ не повадно было» заниматься революціей. Процессъ 193-хъ насъ сильно взбудоражилъ. Подсудимые на судѣ своимъ поведеніемъ по-

Евгеній Степановичъ
СЕМЯНОВСКІЙ.

казали правительству, что они не считают себя послѣдними, взятыми въ плѣнъ, что за ними остаются дѣятели, и революція не умретъ. Казалось, что и общественное мнѣніе на сторонѣ революціонеровъ и что правительство начинаетъ уже считаться съ нимъ. "Голосъ" не писалъ уже «что могутъ сдѣлать 11 человѣкъ въ такомъ необъятномъ государствѣ, какъ Россія?», какъ писалъ послѣ Долгушинскаго процесса. Это ободряло насъ, мы съ надеждой смотрѣли въ будущее и вѣрили, что дорогое намъ дѣло справедливости будетъ расти и развиваться въ нашей отчизнѣ, и производству настанетъ конецъ.

Въ январѣ 1878 г. получило распоряженіе отъ Иркутскаго генераль-губернатора, чтобы насъ разсадить по разнымъ промысламъ, по одному, и посылать на разръзныя работы вмѣстѣ съ уголовными. Намъ было тяжело разставаться другъ съ другомъ. Меня увезли на самый верхній промыселъ, называемый «Амуръ». Тамъ посадили на такую же гауптвахту, какъ и на Нижнемъ, но уже карцеръ держали въ заперти, а тамъ было такъ тѣсно, что можно было только лежать или сидѣть, ходить было негдѣ. Пищу я получалъ изъ общей уголовной тюрьмы, изъ общаго котла. «Баланда» была невкусная и съ тараканами, но арестанты всегда присылали мнѣ побольше кусокъ мяса. По положенію подавалось 40 зол. на человѣка, а хлѣба было больше, чѣмъ достаточно. Зах. Богдановъ помѣстили на Верхнемъ промыслѣ въ такомъ же карцерѣ, какъ и меня. Тефтулъ былъ увезенъ въ такъ называемую новую тюрьму. Семяновскій и Терентьевъ оставлены на Нижнемъ промыслѣ и зачислены въ столлярный цехъ. Семяновскій и Терентьевъ не были закованы, какъ привилегированные, хотя это была конечно любезность полковника Кононовича, который вообще относился къ намъ гуманно. Когда мы сидѣли еще на Нижнемъ, привезли Агапова, рабочаго ткача. Онъ сразу же былъ провезенъ на «Амуръ». Но когда меня туда перевели, то Агапова перемѣстили на Верхній промыселъ.

На работу съ Верхняго промысла и съ «Амура» ходили въ одинъ разръзъ, расположенный между этими двумя станами, такъ что въ разръзѣ я встрѣчался съ Зах. Богдановымъ и Агаповымъ. Мы были поставлены въ разныя артели. Работа состояла въ сниманіи торфовъ. Торфами называется весь тотъ пластъ земли, который лежитъ надъ золотоноснымъ пластомъ. Золотоносные пески возились на машину и промывались вольными рабочими, а торфа снимались арестантами. Зимой вырабатывались почти исключительно иловатая породы. Ловами, кайлами и желѣзными клиньями ила скалываются легко, но гдѣ выступить глина или рѣшниковатая порода, тамъ уже работа трудная и потому такіа мѣста по возможности оставлялись до весны, когда эти породы снимались уже таликами. Торфа относились въ отвалъ носилками. Въ артели ставилось по 8 человѣкъ. Артели дѣлились на полносильныхъ и малосильныхъ. Первымъ назначалось выработать куб. саж. торфовъ мерзлотой, а послѣднимъ $\frac{1}{2}$ куб. саж. Работа эта была посильная. Вольные рабочіе обыкновенно вырабатываютъ значительно больше. Конечно

они и питаются лучше и не истощены долгим сиденьем в тюрьме. Но случилось все таки, что арестанты иногда не выработывали своей «урок», и тогда их нещадно сбили адьсь же в разрьза.

Весной 1878 г. привезли А. Н. Бибераля, осужденного за Казанскую демонстрацию на 15 л. в каторжных работы. Съ Бибералем прѣхала и его жена А. А., которая поселилась на Среднемъ промыслѣ. Бибераля помѣстили на Верхнемъ промыслѣ, куда и меня перевели, а Зах. Богданова и Агалева перевели на Амурь. На работу мы выходили уже четверо в одинъ разрьзъ вмѣстѣ съ уголовными. Въ разрьзѣ мы устроили себѣ шалашъ, въ которомъ могли укрываться въ непогоду. Командантъ Кононовичъ требовалъ, чтобы мы неуклонно выходили каждый день на работу, но самую работу съ насъ требовали не строго, мы выносили нѣсколько носилокъ валуновъ изъ разрьза въ отвалъ. Свободнаго времени у насъ было много, и мы брали съ собой книги и читали въ шалашѣ. Адьсь же мы варили себѣ въ котелѣ обѣдь и чай. Такое привилегированное положеніе не нравилось смотрителю тюрьмы Касперову и онъ поставилъ насъ вновь въ артели съ уголовными и при томъ въ разные. Случилось, что въ первый же день нашей работы въ артеляхъ одну изъ нихъ перепороли чуть не всю за невработку. Мы заявили смотрителю, что не будемъ работать въ артеляхъ. Смотритель пожаловался команданту, и Кононовичъ в наказаніе лишилъ А. Н. свиданій съ женой, а мнѣ не велѣлъ выдавать деньги, присланныя братомъ. Мы послали письменныя объясненія Кононовичу, въ которыхъ объяснили свой отказъ работать въ артеляхъ тѣмъ, что, благодаря намъ, артели не выработываютъ свой урокъ и за это ихъ подвергаютъ жестокому наказанію. Наказаніе для насъ было отбѣнено, и мы вновь таскали камни изъ разрьза. Пребываніе въ разрьзѣ съ 4-хъ час. утра до заката солнца было удивительно, и мы предложили смотрителю, что будемъ выработывать сколько приходится на насъ четверыхъ, если смотритель будетъ отпускать насъ домой, т. е. въ нашу тюрьму, сейчасъ же по окончаніи выработкѣ. Смотритель согласился, и мы къ часу по полудни выработали свою часть. Смотритель былъ въ разрьзѣ, и Бибераля пошелъ къ нему, чтобы онъ принялъ отъ насъ урокъ. Смотритель сказалъ, что мы должны находиться въ разрьзѣ до вечера и онъ конвоя намъ не дастъ. Тогда Бибераля заявилъ ему, что въ такомъ случаѣ онъ ни вершка не получитъ отъ насъ. Цѣлый день мы лежали въ шалашѣ и читали.

Въ 1878 же году привезли Бобохова Серг. Ник. и помѣстили на Среднемъ промыслѣ на гауптвахтѣ. Къ осени этого же года привезли сосланныхъ по процессу 193-хъ С. С. Синегуба, Л. Э. Шишко, Ник. Апол. Чарушина, Тимофея Алекс. Квятковского и Ив. Осип. Союзова. Ихъ помѣстили на Нижнемъ промыслѣ вмѣстѣ съ Семяновскимъ и Успенскимъ. Съ ними прѣхали жена Синегуба Лар. Вас., жена Чарушина Анна Дмитр. и жена Квятковского Алекс. Григор. Жены поселились въ частныхъ домикахъ на Нижнемъ промыслѣ.

Въ концѣ 78 же г. была привезена и Ек. Констан. Брешковская, которая была сейчасъ же отпущена въ вольную команду, такъ какъ ей приходилось не долго быть на Карѣ. Они поселились у А. И. Успенской.

Осенью 78 г. я просилъ отправить меня въ лазаретъ, находившійся на Нижнемъ. Конвой подвелъ меня сначала къ гауптвахтѣ, и мнѣ удалось повидать Семяновскаго и вновь прибывшихъ. Въ лазаретѣ лежалъ сильно больной Ишутинъ. Я могъ навѣщать его, такъ какъ палаты на день не закрывались. Ишутина навѣстила Брешковская и рассказала намъ новости. Ишутинъ не могъ сосредоточиться на одномъ предметѣ въ разговорахъ и часто перебѣгалъ съ одного предмета на другой. Бесѣдовать съ нимъ было тяжело. Только разъ онъ увлекся своей теоріей государственнаго устройства и развивалъ ее послѣдовательно, при чемъ обнаружилъ большую начитанность. О своемъ дѣлѣ онъ не рассказывалъ. О немъ могъ бы многое рассказать докторъ Влад. Яков. Колосовъ, который уже началъ помѣщать свои воспоминанія о Карѣ въ «Русскомъ Богатствѣ».

Лѣтомъ 78 г. насъ раскопали, а передъ Пасхой въ 79 г. освободили въ вольную команду всѣхъ, кромѣ Бибераля и Бобохова. Радость наша была велика. Мы свободно могли видѣться съ товарищами, ходить въ лѣсъ, а окрестности на Карѣ чудныя. Сначала чувствовалось какъ-то неловко, что нѣтъ конвоя. Только долго просидѣвшій въ тюрьмѣ пойметъ, какое глупее чувство радости охватывало, когда мы съ Верхняго промысла пошли безъ конвоя къ своимъ товарищамъ на Нижний промыслѣ. Погода стояла прекрасная. На Среднемъ мы зашли къ А. А. Бибераля и она тоже пошла съ нами. Товарищи насъ ожидали и встрѣтили насъ на половинѣ дороги. Трудно себѣ представить болѣе радостную встрѣчу. Мы были еще молоды, хотѣлось смяться, прыгать, распринаивали, перебивали другъ друга, не давая кончить, и уже спрашивали о другомъ. Всѣ вмѣстѣ мы отправились на Нижний къ Алекс. Иван. Это было въ самый день Пасхи и А. И. угощала насъ всякими сластями и радовалась вмѣстѣ съ нами. П. Г. Успенскій тоже былъ освобожденъ.

Я, Терентьевъ и Тефтулъ должны были жить на Верхнемъ промыслѣ и могли уходить только по запискѣ смотрителя тюрьмы. Мы купили себѣ за 40 р. домикъ и развели огородъ. На Нижний мы ходили часто. Семейные товарищи разселились въ разныхъ домикахъ, Семяновскій жилъ у Успенскихъ, потому перешелъ къ Квятковскимъ и позже къ Чарушинымъ. Шишко все время жилъ у Чарушиныхъ. Союзовъ устроился въ банькѣ Успенскаго и бралъ столѣнные заказы. Позднѣе въ этой банькѣ жилъ Синегубъ. Мы жили всѣ дружно и часто собирались вмѣстѣ. Шишко, Терентьевъ и Тефтулъ недурно пѣли малороссійскія пѣсни. Семяновскій любилъ послушать и иногда даже подѣлывать, но это ему плохо удавалось. Въ спорахъ Семяновскій всегда одерживалъ верхъ и другіе всегда съ нимъ соглашались въ концѣ концовъ, Успенскій какъ-то

разъ не выдержалъ и воскликнулъ: «да дайте же Вы, Евг. Степ., хоть разъ одержать надъ Вами побѣду». Что, конечно, всѣхъ разсмѣшило.

Вопросъ о побѣгѣ у насъ обсуждался, и было рѣшено, что если мы бѣжмъ, то этимъ уничтожимъ для будущиѣ нашихъ товарищей возможность выйти въ волюную команду. Сторонники побѣга были, но они согласились съ большинствомъ. Военные суды надъ народовольцами уже начались, и мы знали, что къ намъ скоро начнутъ прибывать большія партіи.

Дѣйствительно, въ 80-мъ году прибыла первая большая партія, которую помѣстили въ Среднеархійской тюрьмѣ. Тюрьма состояла изъ двухъ громадныхъ камеръ, раздѣленныхъ сѣнями. Окна тюрьмы выходили на улицу, и съ другой стороны былъ обширный дворъ, обнесенный высокими палями (тынь). Во дворѣ была кухня и баня.

Бибергаль и Бобоховъ, сидѣвшіе послѣ нашего освобожденія въ волюную команду вмѣстѣ на гауптвахтѣ на Среднемъ, были переведены въ общую съ другими политическими тюрьму. Вскорѣ за первой партіей прибыла вторая.

Большая часть изъ вновь прибывшихъ была уже съ народовольческимъ направлениемъ. Завязалась дѣятельная переписка съ тѣми изъ нашихъ товарищей, которые жили на Нижнемъ. Всѣ мы, прибывшіе раньше, не могли стать на точку зрѣнія народовольцевъ и относились къ террору отрицательно. Мы не считали партію настолько сильной, чтобы она могла выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ еще сильнаго правительства. Доводы въ пользу пропаганды фактами для насъ не были убѣдительны. Намъ думалось, что революціонныя силы быстро истощатся, и можетъ наступить реакція. Мы, конечно, не думали, что революція совершится какъ-то мирно, но народъ еще слишкомъ косный, массы совсѣмъ еще мало затронуты революционными идеями, и нужно продолжать мирную пропаганду среди рабочихъ и крестьянъ. Доходящая до насъ вѣсти о террористическихъ фактахъ намъ казались скорѣе актами мести за жестокою расправу съ политическими, чѣмъ политическимъ терроромъ. Мы, конечно, не могли не сочувствовать такимъ фактамъ. Правительство должно было увидѣть изъ этихъ фактовъ, что народъ вышелъ изъ рабскаго состоянія и если не народъ, то лучшая его часть возмущена до крайней степени произволомъ царскаго деспотизма, и всегда найдутся самоотверженные люди, которые вступятъ въ борьбу съ особенно рьяными слугами этого деспотизма.

Покушеніе Вѣры Засуличъ на убійство Трепова, убійство Мезенцова, кн. Крапоткина не могли казаться намъ ни чѣмъ инымъ, какъ только актами чистой мести. Вотъ почему мы не смотрѣли на эти факты, какъ на политическій терроръ. Только когда уже начались покушенія на царя, намъ пришлось измѣнить свой взглядъ и признать поворотъ, совершившійся въ революціонной дѣятельности. Впрочемъ о перепискѣ вольнокомандиеръ съ вновь прибывшими товарищами, я надѣюсь, напишутъ товарищи Шишко и Сине-

губъ, которые стояли ближе къ этимъ сношеніямъ, лучше знаютъ и лучше меня сужаютъ изложить этотъ моментъ въ нашей карьерской жизни.

Во всякомъ случаѣ, это различіе во взглядахъ на терроръ породило нѣсколько натянутыя отношенія между нами и тюрьмой, хотя никто изъ насъ рѣшительно не думалъ ставить эти споры на личную почву, и я отлично знаю, что всѣ мои товарищи, жившіе внѣ тюрьмы, относились съ любовью и уваженіемъ къ товарищамъ, находившимся въ тюрьмѣ.

Въ декабрѣ 80 г. пришла инструкция Лорисъ-Меликова, знаменитаго творца не менѣе знаменитой конституціи; по этой инструкціи воляная команда для политическихъ уничтожалась и мы, уже выпущенные на свободу, должны были вновь посажены въ тюрьму. Кононовичъ объявилъ это на Нижнемъ вромъ. Семеновскій былъ подкошенъ этимъ. Онъ пришелъ къ намъ на Верхній съ Шишко и съ Чарушинимъ или Синегубомъ, не помню, и сообщилъ эту вѣсть. Мы начали обсуждать, возможенъ ли побѣгъ среди жестокой Забайкальской зимы. Для всѣхъ насъ было очевидно, что это тоже самоубійство, только болѣе мучительное. Евг. Степ. заявилъ, что онъ рѣшительно не можетъ помириться, что онъ, какъ баранъ, самъ поядетъ въ тюрьму, да и все равно онъ увѣренъ, что ему не вынести еще три года, которые приходится просидѣть еще въ тюрьмѣ, и онъ рѣшилъ кончить самоубійствомъ. Это было ужасно. Мы не знали, что дѣлать. Какіе же убѣдительные доводы мы могли привести нашему дорогому товарищу, что онъ долженъ жить. Онъ ужасно страдалъ катарромъ желудка, у него былъ порокъ сердца, и онъ могъ ходить только очень тихо. Если бы онъ хоть сколько нибудь вѣрилъ въ возможность побѣга, мы, конечно, согласились бы съ нимъ бѣжать, но онъ находилъ это безмыслицей. И это дѣйствительно была бы безмыслица. Бѣжать было невозможно. Праздники Рождества мы провели вмѣстѣ на Нижнемъ. 30 декабря вечеръ мы всѣ провели у Синегуба въ Дѣтскомъ пріютѣ, которымъ онъ заведывалъ тогда. Шли оживленные споры философскаго характера, въ которыхъ Евг. Степ. принималъ горячее участіе. Трудно было подумать, что онъ окончательно остановился на мысли о самоубійствѣ. Поздно вечеромъ со мной сдѣлалась истерика. Лариса Васильевна Синегубъ уложила меня, и я не помню, что потомъ было.

Новый годъ мы встрѣчали у П. Г. Успенскаго. Собралась вся наша компанія. Я шелъ туда съ Семеновскимъ и на крыльцѣ задержалъ его. Я спросилъ его, отказался ли онъ отъ своей ужасной мысли. Онъ отвѣтилъ уклончиво, но тогда мнѣ показалось, что онъ бросилъ эту мысль. Здѣсь опять таки за весь вечеръ рѣшительно нельзя было подумать, что Евг. Ст. живетъ послѣдній вечеръ. Онъ былъ оживленъ, весело шутилъ. Когда зашелъ разговоръ о томъ, что дѣлается въ Россіи, Евг. Ст. сказалъ, что надо признать, что народовольцы сдѣлали очень много и что намъ приходится измѣнить свой взглядъ на терроръ. Свой взглядъ онъ

изафили, конечно, не в этот вечер и это было видно из разговоров с ним, но в этот вечер, как то вышло само собой, что он высказался категорически. При наступлении нового года, он предложил мне, Синегубу и Шишко выпить брудершафт. Мы горячо поцеловались. Мне он сказал, что мы давно должны перейти на ты и только взаимная деликатность мешала этому.

Мы разошлись далеко за полночь. Семяновский, Шишко, Соколов и я пошли ночевать к Чарушиным, где Семяновский и жил. Он помешался в отдельной комнатке. Уходя спать, он сказал, что это, кажется, первый день, сколько он помнит себя, что он не прочитал ни строчки. Мы легли в зал. Утром, чуть развспало еще, что-то шелкнуло. Я бросился в комнату Семяновского. Он выстрелял себя в висок, лежа на кровати. Револьвер валялся на полу. Он еще конвульсивно двигал рукой.

Не стало прекрасного товарища, самоотверженного борца за свободу, за счастье народа, у которого не было других желаний, других мыслей, как только бороться с ненавистным правительством, угнетающим народ. Я не знаю человека, в котором так гармонично соединились бы все прекрасные качества, как в Семяновском.

Через час нас увели в тюрьму. Семяновский оставил письмо к отцу, в котором он просит простить его за причиняемое горе. Письмо он закончил словами, что он умирает с полным сознанием, что он не сделал ошибки в своей жизни и что дело народного освобождения, дело справедливости, оставалось дорогим для него до последней минуты его жизни. На письменном столе лежала газета «Неделя», которую он, очевидно, читал ночью, в последние часы своей жизни.

С. Б. Богданов

Москва.
30 марта 1906 г.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ,

коимъ предаются суду Особого Присутствiя Правительствующаго Сената рядовой 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Захаръ Богдановъ, Португей Юнкеръ того же полка Эдмундъ-Евгенiй Петровъ Бужинскiй, Прапорщикъ того же полка Константинъ Александровъ Дыковъ, Помощникъ присяжнаго повѣреннаго кандидатъ правъ С.-Петербургскаго Университета Евгений Степановъ Семяновскiй, Португей Юнкеръ исполняющiй обязанности кондуктора Новгородской Инженерной дистанци Григорiй Никитинъ Мышкинъ, писарь Главнаго Штаба Степанъ Богдановъ Богдановъ и студентъ технологическаго института Соломонъ Желѣзнякъ. ¹⁾

1875 года августа 18 дня, въ восьмомъ часу вечера, въ трактирномъ заведенiи, содержимомъ крестьяниномъ Михаиломъ Елистратовымъ и находящемся въ г. Новгородѣ, по лазаревской улицѣ противъ казармъ, гдѣ квартировалъ 85-й пѣхотный Выборгскiй Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка, находившихся рядовые того полка изъ военноопредѣляющихся Викторъ Рудольфовъ Югансонъ и Петръ Михайловъ Летюхинъ и писарь Константинъ Ивановъ Соликовъ. Въ то время, какъ названные нѣкие чины пили чай, въ трактиръ вошелъ рядовой 11-й роты того же полка Захаръ Богдановъ, который притворившись пьянымъ, сѣлъ на диванъ около стола, за коимъ помѣщались военноопредѣляющиеся и Соликовъ. Немного посидѣвъ, Захаръ Богдановъ сказалъ про себя: „ахъ какъ душно быть пьянымъ“. Затѣмъ онъ обратился къ Югансону съ просьбою, чтобы послѣднiй приказалъ подать свѣчу. На вопросъ Югансона, зачѣмъ нужна свѣча, Захаръ Богдановъ выразилъ, что имѣеть показать ему, Югансону, „какія то данныя“; на это Югансонъ замѣтилъ, что свѣчи не нужно, такъ какъ достаточно свѣтло. Тогда Захаръ Богдановъ подаль Югансону завернутый въ сѣрую бумагу свертокъ, сказавъ: „вотъ прочтите“. Югансонъ, развернувъ свертокъ, увидѣлъ въ немъ четыре брошюры, изъ коихъ три имѣли слѣдующія заглавія: „Исторiя четырехъ братьевъ“, „Исторiя крестьянина“ и „Хитрая механика“. Зная, что содержаніе этихъ сочиненiй преступное, Югансонъ тотчасъ же отдалъ ихъ обратно Захару Богданову, сказавъ: „такого рода книгъ я не только не буду читать, но даже и держать въ рукахъ“. На это Захаръ Бог-

¹⁾ Обвинительный актъ этотъ опубликованъ не былъ.

дановъ возразилъ: «а вы боитесь, а я такъ не боюсь.» Объ этомъ происшествии было доведено до свѣдѣнія полковаго начальства, по сообщению котораго, послѣдовавшему 21 августа, доставлено къ производству дознанія. Привлеченный къ отвѣтственности рядовой Захаръ Богдановъ, не отвергая вышеизложенныхъ обстоятельствъ, между прочимъ, объяснилъ, что преступныя изданія оны. Захаръ Богдановъ, получивъ отъ чиновника Богушевича, съ которымъ сошелся въ трактирѣ кушца Ивана Петрова. 25-го августа задержанъ въ Новгородѣ, прибывшій туда изъ С.-Петербурга, отставной дѣлопроизводитель сарапульскаго уѣзднаго воинскаго начальника Колдешки Регистраторъ Николай Михайловъ Богушевичъ, приведемъ у него Богушевича, между прочимъ, найденны: 1) номера 1, 2, 3 и 4 преступнаго периодическаго изданія озаглавленнаго: «Работникъ», «Газета для русскихъ рабочихъ», и 2) записная книжка, въ которой между разными адресами значится: «Богдановъ 11 р. 85.» Богушевичъ на допросѣ, сознаваясь въ томъ, что 11-го августа передалъ рядовому Захару Богданову преступныя сочиненія, между прочимъ, объяснилъ, что самъ получилъ эти изданія отъ не извѣстнаго человѣка и что оны, Богушевичъ, не зналъ о преступности содержания этихъ книгъ, когда передавалъ ихъ Захару Богданову. Между тѣмъ при произведенномъ того же числа обыскѣ квартиры, которую Богушевичъ занималъ въ С.-Петербургѣ, были, между прочимъ, найдены слѣдующія сочиненія преступнаго содержания: 1) два экземпляра брошюры «Хитрая механика», 2) три экземпляра сочиненія «Сказка о кофийкѣ», 3) одинъ экземпляръ книги «Въ память столѣтня о пугачевцѣхъ.» 4) номера 1, 4, 5, 6, 7 и 9 периодическаго изданія «Впередъ.» Тѣсныя отношенія Богушевича съ исполняющимъ обязанности кондуктора новгородской инженерной дистанціи Портуей Юнкеромъ Григоріемъ Никитичемъ Мышкинымъ и оговоръ обвиняемаго Захара Богданова послужили основаніемъ для привлеченія Мышкина къ свѣдѣнью по обвиненію въ томъ, что оны, Мышкинъ, зная о распространеніи Богушевичемъ преступныхъ сочиненій, не довелъ о томъ до свѣдѣнія правительства. Обвиняемый Мышкинъ сознался въ томъ, что распространяе Богушевичемъ вредныхъ изданій въ Новгородѣ было ему, Мышкину, извѣстно, а также и въ томъ, что оны, Мышкинъ, зналъ и о передачѣ Богушевичемъ части этихъ сочиненій рядовому Захару Богданову. При этомъ Мышкинъ, однако же, объяснилъ, что оны распространяемыхъ Богушевичемъ сочиненій не читалъ и потому съ точностію содержаниемъ таковыхъ знакомъ не былъ, хотя и предполагалъ, что оны запрещенныя. Но это послѣднее объясненіе Мышкина вполнѣ опровергается собранными при дознаніи и свѣдѣніями данными, не только обнаруживавшими существованіе между Мышкинымъ и Богушевичемъ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній, но и положительно доказывающими, что Мышкинъ безотлучно находился вмѣстѣ съ Богушевичемъ въ теченіи всего двухдневнаго пребыванія послѣдняго въ Новгородѣ и даже былъ въ трактирѣ Ивана Петрова именно въ то время, когда Богушевичъ передалъ тамъ Захару Богданову преступныя сочиненія. Этого послѣдняго обстоятельства впрочемъ не отвергать и самъ обвиняемый Мышкинъ, между прочимъ, сознавшій также и въ томъ, что Богушевичъ, убѣжая изъ Новгорода, просилъ его, Мышкина, не только «справляться о томъ, какъ поступить Богдановъ съ книгами,» но и вообще прислушиваться къ толкамъ въ Новгородѣ и, въ случаѣ надобности, изъ-

вѣстить его, Богушевича. Кромѣ сего Мышкинъ признался и въ томъ, что Богушевичъ передъ отъѣздомъ изъ Новгорода общался вновь туда самъ прѣхать, или же прислать довѣренное лицо, у котораго будетъ пароль «12 Августа.» По обвиненію въ знаніи о распространеніи Богушевичемъ книгъ преступнаго содержания и недонесеніи о томъ начальству, кромѣ Мышкина привлечены еще къ свѣдѣнью Прaporщикъ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Константинъ Александровъ Дьяковъ и Портуей Юнкеръ того же полка Эдмундъ-Евгеній Петровъ Бужинскій. Обвиняемый Бужинскій, сознаваясь въ томъ, что имѣлъ сношенія съ Богушевичемъ, между прочимъ, показалъ слѣдующее: Богушевичъ, во время своего пребыванія въ Новгородѣ 11 и 12 августа, посѣщалъ квартиру, занимаемую имъ, Бужинскимъ, вмѣстѣ съ Прaporщикомъ Дьяковымъ. При этомъ посѣщеніи Богушевичемъ, во время разговора, имѣвшаго предметомъ положеніе рабочихъ, передалъ ему, Бужинскому, три номера периодическаго изданія «Впередъ» и брошюры озаглавленныя «Хитрая механика» «Емелка Пугачевъ,» говоря, что сочиненія эти могутъ разъяснить ему, Бужинскому, вопросы, ставшавшія предметъ бесѣды ихъ. Уходя, Богушевичъ обещалъ доставить ему, Бужинскому, еще другія подобныя же сочиненія, сказавъ, чтобы оны, Бужинскій, доверился лицу, которое черезъ нѣкоторое время прѣидетъ и скажетъ «12 Августа.» При этомъ посѣщеніи Богушевича въ квартирѣ находился и Прaporщикъ Дьяковъ. Полученныя отъ Богушевича сочиненія, по объясненію Бужинскаго, хранились въ комодѣ до тѣхъ поръ, пока обвиняемый этотъ не уѣхалъ въ отпускъ въ Полоцкъ, куда онъ и увезъ часть полученныхъ отъ Богушевича изданій; другую же часть оныхъ взялъ къ себѣ Прaporщикъ Дьяковъ. Обвиняемый Дьяковъ, не отвергая вышеизложенныхъ обстоятельствъ, не только сознался въ томъ, что бралъ изъ комода переданныя Богушевичемъ Бужинскому сочиненія, въ томъ числѣ озаглавленныя: «Хитрая механика», но даже объяснилъ, что нѣкоторое время часть этихъ изданій носилъ при себѣ, пока такія не уничтожились. Въ то время, какъ въ Новгородѣ производилось дознаніе о распространеніи преступныхъ изданій между чинами 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка, было обнаружено распространеніе подобныхъ сочиненій въ С.-Петербургѣ между нижними чинами главнаго штаба. Тождество сочиненій, которыя были распространены въ С.-Петербургѣ и Новгородѣ и обнаруженная связь обвиняемыхъ въ С.-Петербургѣ съ Богушевичемъ, указывавшая на отношенія ихъ именно по предмету распространенія преступныхъ изданій, послужили основаніемъ для соединенія производствъ новгородскаго и с.-петербургскаго въ одно предварительное свѣдѣніе. Распространеніе преступныхъ сочиненій въ С.-Петербургѣ сопровождалось слѣдующими обстоятельствами: 25 августа писарь главнаго штаба Степанъ Богдановъ Богдановъ передалъ писарю того же штаба Афонсію Федотову Савченку для прочтенія номеръ шестой периодическаго изданія «Впередъ» и пять рукописныхъ тетрадокъ, заключающихъ въ себѣ сочиненіе озаглавленное «Изъ огня, да въ полымя.» Савченко, усмотрѣвъ изъ содержания этихъ сочиненій, что такое преступнаго свойства, передалъ оба изданія исправляющему должность ажурера главнаго штаба Подполковнику Фомѣ-Рибену. На другой день Степанъ Богдановъ предложилъ Савченку познакомиться съ тѣмъ лицомъ, отъ котораго можно получать подобныя со-

чинения. Савченко согласился, и Богдановъ часу въ шестомъ дня повелъ его къ помощнику присяжнаго кандидату правъ с.-петербургскаго университета Егению Степанову Семеновскому, проживавшему по малой итальянской улицѣ въ домъ № 6. Семеновскій принялъ посѣтителей, посадилъ ихъ и угощалъ чаемъ. Здѣсь Савченко и Богдановъ пробыли часа два въ бесѣдѣ о разныхъ предметахъ, причѣмъ Богдановъ и Семеновскій читали вслухъ выдержки изъ газеты „Впередъ“ и брошюры „Хитрая механика“. Въ разговорѣ была рѣчь и о чиновникѣ Богушевичѣ. По этому поводу было высказано, что Богушевичъ уѣхалъ въ Новгородъ и выражено опасеніе, чтобы его тамъ не задержали. Семеновскій совѣщавалъ Богданову остаться на квартирѣ Богушевича и тамъ разузнать о немъ; при уйдѣ Богданова и Савченко, Семеновскій вручилъ первому нѣсколько номеровъ газеты „Впередъ“ и брошюру подъ заглавіемъ „Хитрая механика“. Отъ Семеновскаго Богдановъ пошелъ на квартирѣ Богушевича, а Савченко въ зданіе главнаго штаба. По возвращеніи дома Богдановъ говорилъ Савченкѣ, что у Богушевича была полиція и производила обыскъ, при коемъ были найдены сочиненія преступнаго содержанія. На слѣдующій день исправляющій должность экзакурора главнаго штаба Подполковникъ фонъ-Рибенъ, обходя казарму писарей, замѣтилъ Степана Богданова, читавшаго вмѣстѣ съ писаремъ главнаго штаба Александромъ Щербачевымъ какую то газету. Газета эта, будучи отобрана фонъ-Рибеню, оказалась номеромъ 13 періодическаго изданія „Впередъ“. Въ числѣ бумагъ, найденныхъ при обыскѣ въ квартирѣ Богушевича, между прочимъ оказалось письмо, подписанное буквою „Б“, по содержанію своему несомнѣнно указывающее на связь лица, его писавшаго, съ Богушевичемъ, и притомъ именно по предмету распространенія преступныхъ сочиненій. Хотя въ письмѣ этомъ не означенъ день, когда оно составлено, по содержанію можно заключить, что оно писано 26 іюня. Обвиняемый Степанъ Богдановъ призналъ это письмо за имъ собственноручно написанное. При арестованіи помощника присяжнаго повѣреннаго Семеновскаго у него были, между прочимъ, найдены: 1) номеръ шестнадцатый періодическаго изданія „Впередъ“ и 2) квитанція волжско-камскаго коммерческаго банка отъ 9 августа за № 239 на сто рублей, принятыхъ отъ Семеновскаго для перевода по телеграфу Соломону Желъняку въ Одессу. Эта квитанція послужила основаніемъ для производства 2-го сентября обыска въ квартирѣ, которую занималъ въ г. Одессѣ студентъ технологическаго института Соломонъ Моисеевъ Желънякъ. При обыскѣ этомъ у Желъняка были найдены экземпляры преступной брошюры, озаглавленной „Хитрая механика“. Обвиняемый Желънякъ объяснилъ, что сочиненіе се пошло въ его вещи случайно и къ изобличенію этого обвиняемаго въ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія или знаніи распространителей дознаніемъ и слѣдствіемъ никакихъ данныхъ не обнаружено.

На основаніи вышеизложеннаго обвиняются: 1) рядовой 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Захаръ Богдановъ въ томъ, что онъ 18-го августа 1875 года, въ г. Новгородѣ, въ трактирѣ, содержимомъ крестьяниномъ Михайломъ Елистратовымъ и находящемся по лазаревской улицѣ, предлагалъ рядовому того же полка извѣстному по лазаревской улицѣ, Виктору Рудольфову Юганову для прочтенія четыре запрещенныхъ сочиненій, въ томъ числѣ одно озаглавленное „Хитрая меха-

ника“, причѣмъ онъ, Захаръ Богдановъ, зналъ, что содержаніе этихъ сочиненій, въ томъ числѣ озаглавленнаго „Хитрая механика“, преступное, и, предлагая таковыя сочиненія, въ томъ числѣ озаглавленное „Хитрая механика“, Юганову, имѣлъ намѣреніе распространить содержаніе оныхъ; каковыя предложенныя имъ, Захарю Богдановымъ, рядовому Юганову сочиненія, въ томъ числѣ озаглавленнаго „Хитрая механика“, послѣдній отъ него, Захара Богданова, не принялъ, зная, что сочиненія сіи содержанія преступнаго; 2) исполнившій обязанности кондуктора новгородскаго инженерной дистанціи Портупей Юнкеръ Григорій Никитичъ Мишкинъ въ томъ, что онъ, зная о распространеніи отставнымъ дѣлопроизводителемъ сарапульскаго воинскаго уѣзднаго начальника Коллежскаго Регистраторомъ Николаемъ Михайловичемъ Богушевичемъ запрещенныхъ изданій, а также о передачѣ названнымъ Богушевичемъ рядовому 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Захару Богданову таковыхъ сочиненій, въ томъ числѣ озаглавленнаго „Хитрая механика“, содержаніе коихъ, въ томъ числѣ озаглавленнаго „Хитрая механика“, ему, Мишкину, было извѣстно, и имѣвъ возможность довести о семъ до свѣдѣнія правительства, таковой обязанности своей не исполнилъ; 3) Портупей Юнкеръ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Эдмундъ Евгеній Петровъ Бужинскій въ томъ, что онъ, получивъ отъ отставнаго дѣлопроизводителя сарапульскаго уѣзднаго воинскаго начальника Коллежскаго Регистратора Николая Михайлова Богушевича преступныхъ сочиненій, въ томъ числѣ брошюры, озаглавленную „Хитрая механика“, преступное содержаніе коихъ, въ томъ числѣ брошюры, озаглавленной „Хитрая механика“, было ему, Бужинскому, извѣстно, и имѣвъ возможность довести о семъ до свѣдѣнія правительства, таковой своей обязанности не исполнилъ и переданныхъ ему, Бужинскому, Богушевичемъ преступныхъ сочиненій, въ томъ числѣ озаглавленнаго „Хитрая механика“, кому слѣдуетъ не представлять, а часть оныхъ увезъ въ Полоцкъ, протѣмъ безъ доказанной цѣли распространенія; 4) Прапорщикъ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Константинъ Александровъ Дьяковъ въ томъ, что онъ, зная о передачѣ отставнымъ дѣлопроизводителемъ сарапульскаго уѣзднаго воинскаго начальника Коллежскаго Регистратора Николаемъ Михайловичемъ Богушевичемъ Портупей Юнкеру 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Эдмунду Евгенію Петрову Бужинскому преступныхъ сочиненій, въ томъ числѣ брошюры, озаглавленной „Хитрая механика“, содержаніе коихъ въ томъ числѣ брошюры, озаглавленной „Хитрая механика“, было ему, Дьякову, извѣстно, и имѣвъ возможность довести о семъ до свѣдѣнія правительства, таковой обязанности своей не исполнилъ и сочиненій тѣхъ кому слѣдуетъ не представлять, а часть оныхъ даже въ нѣкоторое время при себѣ носилъ, протѣмъ безъ доказанной цѣли распространенія, а затѣмъ уничтожилъ; 5) Помощникъ присяжнаго повѣреннаго кандидату правъ с.-петербургскаго университета Евгеній Степановъ Семеновскій въ томъ, что онъ передалъ писарю главнаго штаба Степану Богданову номеръ шестой и тринадцатый періодическаго изданія „Впередъ“, брошюру, озаглавленную „Хитрая механика“, и рукописное сочиненіе подъ названіемъ „Изъ огня, да въ

полюма*, причѣмъ онѣ, Семяновскій, зная преступное содержаніе этихъ сочиненій и, передавая эти сочиненія Степану Богданову Богданову имѣлъ намѣреніе распространить содержаніе оныхъ; 6) писарь главнаго штаба Степанъ Богдановъ Богдановъ а, въ томъ, что онъ передалъ писарю главнаго штаба Афонасію Федотову Савченкѣ номеръ шестой періодическаго изданія: „Впередъ“ и рукописное сочиненіе подъ названіемъ: „Изъ огня, да въ поляма“, причѣмъ онѣ, Степанъ Богдановъ Богдановъ зная преступное содержаніе оныхъ сочиненій, и, передавая эти сочиненія Афонасію Федотову Савченкѣ, имѣлъ намѣреніе распространить содержаніе оныхъ; 6, въ томъ, что онѣ, Степанъ Богдановъ Богдановъ, читалъ вмѣстѣ съ писаремъ главнаго штаба Александромъ Щербаковымъ отобранный отъ него, Степана Богданова Богданова, исправляющимъ должность эскутера главнаго штаба Подполковникомъ фонъ-Рибеномъ номеръ тринадцатый періодическаго изданія „Впередъ“, причѣмъ онѣ, Степанъ Богдановъ, имѣлъ намѣреніе познакомить вышеназваннаго Щербакова съ содержаніемъ означеннаго тринадцатаго номера періодическаго изданія „Впередъ“, преступность коего ему, Степану Богданову, была извѣстна; 7) студентъ технологическаго института Соломонъ Моисеевъ Желѣзнякъ въ томъ, что онѣ хотя и безъ доказанной цѣли распространія, но и безъ разрѣшенія высшаго начальства имѣлъ у себя одинъ экземпляръ брошюры, озаглавленной „Хитрая механика“, преступное содержаніе которой было ему, Желѣзняку, извѣстно. По содержанію своему преступныя сочиненія, распространеніе коихъ составляетъ предметъ настоящаго дѣла, не только состоятъ изъ оскорбительныхъ и направленныхъ къ колебанію общественнаго довѣрія отзывовъ о дѣйствующихъ въ Имперіи законахъ, постановленіяхъ, распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій и о должностныхъ лицахъ Имперіи, сужденій, оспаривающихъ обязательную силу законовъ, одобряющихъ и оправдывающихъ воспрещенныя ими дѣйствія съ цѣлію возбудить къ законамъ неуваженіе, а также воззванія, направленные къ возбужденію вражды между сословіями государства, но даже заключаютъ въ себѣ статьи, отзывы и сужденія, помѣщенные съ цѣлію возбудить неуваженіе къ Верховной Власти, къ личнымъ качествамъ Государя и къ управленію Его государствомъ, особливо же на слѣдующихъ мѣстахъ: а, брошюра „Хитрая механика“ со словъ: „ну какъ, къ слову, не поблагодарить тутъ нашего нынѣшняго Царя батюшку...“ (на страницѣ девятнадцатой) — до конца книги. б., номеръ тринадцатый періодическаго изданія: „Впередъ“ статья, озаглавленная „изъ Саксоніи“ (отрывки изъ двухъ корреспонденцій) І. П. в., номеръ шестой періодическаго изданія „Впередъ“ статья, озаглавленная „изъ села Александровскаго“. Кроме того сочиненіе, озаглавленное „Хитрая механика“, также заключаетъ въ себѣ, со словъ „не любилъ я таковыя рѣчи Степана“ (на страницѣ двадцать восьмой) до конца брошюры, отзывы и сужденія, помѣщенные съ цѣлію возбудить къ явному неповиновенію Верховной Власти.

Посему дѣянія вышеназванныхъ обвиняемыхъ по признакамъ своимъ соотвѣтствуютъ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ слѣдующими статьями уголовного закона: а) дѣянія Захара Богданова и Еленія Сѣмяновскаго 2 ч. 245 и 2 ч. 251 ст. улож. о наказ.; б) дѣянія Степана Богданова — 2 ч. 245 ст. улож. о наказ., дѣянія Мишкина, Вужинскаго и Дьякова — 15, 2 ч.

245 и 2 ч. 251 ст. улож. о наказ.; в), дѣянія Желѣзняка — 4 ч. 245 и 4 ч. 252 ст. улож. о наказ. По обвиненію въ таковыхъ, ими содѣланныхъ преступленіяхъ, вышеназванные обвиняемые Захаръ Богдановъ, Григорій Мишкинъ, Ядундъ-Евгеній Вужинскій, Константинъ Дьяковъ, Еленія Семяновскій, Степанъ Богдановъ и Соломонъ Желѣзнякъ предаются, на основаніи 2 ст. Высочайше утвержденаго 7 июня 1872 г. мѣсяца Государственнаго Собора, суду особаго присутствія Правительствующаго Сената, для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Составленъ въ г. С.-Петербургѣ, іюня 26 дня 1876 года.

Подлинный подписалъ Членъ Консультанціи, при Министерствѣ Юстиціи урядовенной, Статскій Совѣтникъ Владиміръ Роде. Съ подлиннымъ вѣрно-Помощникъ Оберъ Секретаря *В. Понновъ*

Предмертное письмо С. С. Семяновскаго къ отцу¹⁾.

Кайрискіе промыслы. Ночь съ 31 декабря 1880 г. на 1-ое января 1881 г.

Дорогой отец! пишу тебѣ только, что вернувшись съ товарищескаго собранія, гдѣ всѣ мы проводили старый годъ и встрѣчали новый. Встрѣтили мы этотъ годъ въ грустной, удручающей обстановкѣ. Ты, вѣроятно, уже получилъ письмо жены одного изъ моихъ товарищей, котораго я просилъ сообщить тебѣ, что отнимъ намъ не дозволяется ни съ кѣмъ переписываться, ни съ кѣмъ—даже съ родителями. Какъ ни бессмысленно и безчеловѣчно это запрещеніе, но насъ ожидало нечто еще худшее, вѣчто, о чемъ я ровно ничего не зналъ, когда писалось то письмо. Дней десять спустя послѣ объявленія запрещенія писать письма намъ объявили, что всѣ мы возвращаемся назадъ въ тюрьму и должны быть закованы въ кандалы. Насъ всего девять человѣкъ, а именно: Шишко, Чарушинъ, Куватовскій, Успенскій, Соколовъ, Богдановъ, Терентьевъ, Тефтулъ и я, и всѣ мы вотъ уже года два пользовались сравнительною свободою, живя въ тюрьмѣ. Уже съ самаго того дня, когда намъ объявили приказъ Лористъ-Мельникова, запрещающій писать письма, мы ждали чего-либо въ этомъ родѣ, потому что ты приказъ былъ пунктикъ, заставляющій догадываться, что въ поповъ насъ не оставятъ. Завтра мы должны снова отправиться въ тюрьму. Если бы не доброе къ намъ расположеніе полковника Кополовича, насъ бы арестовали и посадили тотчасъ же послѣ полученія приказа; но онъ добрякъ и далъ намъ несколько дней, чтобы устроить свои дѣла. Мы воспользовались этой льготой, чтобы собраться въ послѣдній разъ на свободу, провѣстивъ старый и встрѣтивъ новый годъ. А я воспользуюсь этимъ еще и для другой дѣли. Не знаю—составитъ ли она злоупотребленіе доверіемъ полковника Кополовича или нѣтъ, но если бы и составила—все равно я ее непременно вымолю.

Кто нибудь, прочитавъ слова «они возвращаются назадъ въ тюрьму», подумаетъ о насъ, пожалуй, какъ о барабанахъ, покорно подставляющихъ глотки подъ волю масинка. Но подобное предложеніе было бы жестоко несправедливо. Единственное средство найти изъ нашего положенія это—бы-

жать, но какъ бѣжать при температурѣ въ 35 градусовъ мороза и безъ всякой предварительной подготовки побѣга? Почему мы не готовились къ побѣгу—тебѣ известно, если ты получилъ мое августовское письмо.

Лично я рѣшилъ попытаться бѣжать, если распоряженіе возвратитъ насъ назадъ въ тюрьму получится весной, когда побѣга быть бы возможно, и бѣжать не подъ давленіемъ минуты, а серьезно подготовившись. Но случилось иначе. Между тѣмъ я чувствую, что мои физическія силы немаловажны съ каждымъ днемъ. Я сознаю, что мое недомоганіе отразится на моихъ умственныхъ способностяхъ, и что мнѣ грозитъ опасность обратиться въ послѣдній дѣлота даже при условіи вѣнчуремой жизни. Возникаетъ вопросъ, что же становится со мною въ тюрьмѣ? Вся моя жизнь держалась на надеждѣ вернуться когда нибудь въ Россію и служить всѣми силами моей души дѣлу правды и справедливости, которымъ я давно уже всего себя посвятилъ; но какъ возможно такое служеніе для человѣка и физически и духовно рабскаго? И когда надежды на подобное служеніе у меня отитны, что мнѣ останется? Личное самоуправленіе? Но пока то еще наступитъ моментъ чего нибудь подобнаго полному удовлетворенію такого желанія, меня десять разъ подвергнуть пыткамъ. Поэтому я пришелъ къ заключенію, что жить болѣе не для чего и что я, наконецъ, заслужилъ право положить предѣлъ страданіямъ, стѣнамъ бездѣльнымъ и безполезнымъ. Жизнь мнѣ давно уже надоела, смертельно надоела и только мысль о роднѣй удерживала меня до сихъ поръ отъ самоубійства. Я знаю, что страшно огорчу брата Сашу, тебя и всѣхъ, кто меня любитъ, но развѣ нашей любви не хватитъ на то, чтобы просить самоубійства чужому, измученному до послѣдней степени? Поищи мѣня, ради Бога! За послѣдніе годы меня вѣдь буквально до смерти замучили. Ради всего дорогаго намъ—просите меня. Вы же знаете, что мои послѣднія мысли вамъ принадлежатъ, что нѣтъ я хоть немножко болѣе силъ, а вы жизнь отдали, чтобы только сохранить насъ отъ дальнѣйшей муки; но силы мои истощены. Мнѣ ничего не остается, если либо съ ума сойти, либо умереть и послѣднее во всякомъ случаѣ лучше перваго.

Прощай же навсегда мой дорогой, добрый всегда добрымъ помимаемый мною чтимый отецъ и другъ! Прощай Саша и ты мой младшій братъ, котораго я такъ мало знаю. Помните, что лучше умереть даже такъ, какъ умираю я, нежели жить, не сознавая себя человѣкомъ принципа и чести!

Еще разъ прощайте! Не забывайте ликомъ нашего несчастнаго сына и брата, который даже и въ несчастія находить утѣшеніе *Евсей*.

¹⁾ Подлинника письма Семяновскаго или копія съ него у насъ нѣтъ. Письмо это мы помѣщаемъ въ переводѣ съ англійскаго изъ книги Kovana "Siberia and the exile system". 1891, p. 210.

Продѣлки и поддѣлки властей.

Въ 1863 году Виленскимъ, Ковенскимъ и Гродненскимъ генералъ-губернаторомъ было получено конфиденціальное предложеніе министерства внутреннихъ дѣлъ о поднесеніи Императору Александру II благодарственныхъ адресовъ отъ имени крестьянъ Сѣверо-западнаго края за освобожденіе ихъ манифестомъ 19 февраля 1861 года отъ крѣпостной зависимости. Тутъ же рекомендовалась, чтобы въ этихъ адресахъ были крестьянами выражены и ихъ вѣрноподаническія чувства.

Генералъ-губернаторъ Сѣверо-западнаго края, получивъ предложеніе министерства, сдѣлалъ, конечно, съ своей стороны необходимое распоряженіе, такъ-что во всѣхъ волостяхъ и въ болѣе крупныхъ сельскихъ поселеніяхъ мировые посредники говорили крестьянамъ рѣчи по прилагаемому образцу, высланному министерствомъ генералъ-губернатору, и наводили крестьянство на мысль, послать Императору благодарственный адресъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженія вѣрноподаническихъ чувствъ. Адресъ былъ составляемъ также, какъ и рѣчь мировыхъ посредниковъ, по приложенному министерствомъ образцу.

Нечего и говорить, что все совершилось по предписанному министерствомъ. Кстати замѣтить, что министромъ внутреннихъ дѣлъ въ это время былъ графъ Валуевъ, а генералъ-губернаторомъ Сѣверо-западнаго края графъ Муравьевъ.

У насъ находится въ рукахъ и образецъ рѣчи, и образецъ адреса императору. И то и другое мы воспроизводимъ здѣсь съ печатныхъ подлинниковъ. Вотъ они:

(ОБРАЗЧИКЪ).

РѢЧЬ

къ временно-обязаннымъ крестьянамъ, по случаю полученія ими полной личной свободы, 19-го февраля 1863 года.

Привѣтствую васъ, друзья мои, отъ всей полноты души, съ восторгомъ привѣтствую васъ величайшимъ счастіемъ, какое только можетъ быть даровано человѣку на землѣ, привѣтствую васъ съ полученіемъ той свободы, которая нынѣ дарована вамъ неизбѣннымъ во вѣки нашимъ Благодѣтелемъ нашимъ Царемъ-Отцомъ, человѣколюбивѣйшимъ Александромъ II. Прежде вы не имѣли этой свободы, дѣлали то, что вамъ было приказано, тамъ, гдѣ указано, тогда, когда у васъ свой бѣдный хлѣбъ вался съ колоса, прежде вы были почти не люди; теперь, о радости вы свободны, еще разъ съ восторгомъ привѣтствую васъ.

Вы знаете, мои братья, кому вы обязаны этимъ счастіемъ, я уже назвалъ вамъ Имя незабвеннаго Освободителя вашего; чтожь вы принесете ему въ даръ за Его къ вамъ отеческую любовь, за освобожденіе васъ отъ нежданной неволи? Онъ ничего отъ васъ не требуетъ, кромѣ взаимной любви и молитвы.

Осѣни же себя нынѣ, всякая душа русская, православная, крестьянъ знаменіемъ, пади на колѣна и отъ всей души помолитесь Богу о ниспосланіи твоему Освободителю, твоему Моисею, всего лучшаго на землѣ и на небѣ не забывая его въ своихъ молитвахъ, когда только молишься Богу, и за-вѣщая эту молитву своимъ дѣтямъ и внукамъ, въ вѣки-вѣчныя.

Но есть еще одинъ способъ сколько нибудь возблагодарить вашего Освободителя. Душа его теперь болѣзненно отъ возстанія противъ Него вашихъ неданныхъ владѣльцевъ—польскихъ; они хотѣтъ отдѣлать нашъ край отъ родной и единовѣрной Россіи, вырвать его отъ покровительства православнаго Царя русскаго, вашего Освободителя и, можетъ быть, снова заковать васъ въ то тяжкое рабство, отъ котораго вы нынѣ освобождены Ими. Они уже просили объ этомъ Царя и даже осмѣлились сказать въ этой просьбѣ, что вы сами желаете отдѣлаться отъ Него, отъ Россіи и присоединиться къ Польшѣ. Виску ваше всеобщее негодованіе при одномъ извѣстіи объ этой гнусной, взведенной на васъ клеветѣ предъ вашимъ Освободителемъ, вѣрно отъ всей души, что васъ оклеветали предъ Царемъ

нашимъ; но Онъ-то, Отецъ нашъ, почему знать, что это клевета, какъ Онъ отвѣтитъ клеветникамъ, что это клевета, пока мы сами не скажемъ, что это точно клевета. Чтожъ намъ дѣлать, спросите вы? А вотъ что: напишемъ на бумагѣ, что насъ предъ Царемъ оклеветали, что мы клянемся за себя и наше потомство жить и умереть подъ властію нашего Освободителя и Его преемниковъ русскихъ Государей, въ одной семьѣ съ родною и единовѣрною намъ Россією, а Польши и польскихъ пановъ и знать не хотимъ,—и пошлемъ эту бумагу къ самому Царю.¹⁾

(ОБРАЗЧИКЪ).

АДРЕСЪ НА ИМЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

(Послѣ краткаго титула, какой употребляется на великомъ выходѣ съ прибавкою на концѣ: *Освободителю народовъ русскаго отъ крѣпостной зависимости*, писать:)

въ знакъ глубочайшей признательности (отъ тако-го-то общества, села).

Вѣрноподданнѣйшій Адресъ.

Мы нижеподписавшіеся, предъ лицомъ Бога всевидящаго и правосуднаго, въ Его храмѣ, въ торжественный и приспомятанный день нашего освобожденія отъ неволи, снѣмъ свидѣтельствуемъ и клянемся нашему Всемиловѣйшему Освободителю, Великому Государю Императору Александру Николаевичу въ томъ, что люди недобры оклеветали насъ предъ Нимъ, когда сказали, что мы желаемъ присоединиться къ Польшѣ, и что всѣ мы и наши потомки желаемъ жить и умереть подъ властію независимаго нашего Царя-Отца Александра II и Его преемниковъ, въ неразрывномъ единеніи съ родною и единовѣрною намъ Россією, и никакой Польши и поляковъ знать не хотимъ. 19 февраля 1863 года.²⁾

(Слѣдуютъ подписи грамотныхъ буквами, не грамотныхъ—крестами, а на концѣ подпись священника и причта).

¹⁾ Когда послѣ этой рѣчи послѣдуютъ крикъ единодушнаго согласія на подписаніе адреса, точнее же прозвѣнать его и подписывать. Можно это сдѣлать и послѣ молебна, но лучше предъ молебномъ. Рѣчь должна быть читана на наматъ, безъ гетры, а во всякомъ разѣ безъ печатнаго документа, потому что всѣхъ процессъ дѣла долженъ быть покрытъ глубоко: только для грамотныхъ наизусть, доводящему одному Богу.

²⁾ Адресъ въ тотъ же день долженъ быть превращенъ въ благоговѣннѣйшій, для отосланія Архидиакона, а имя уже будетъ превращено въ генералъ-губернатору для передачі Государю Императору. Адресъ и частію почтенія можно разнообразить какъ угодно. Дѣло тутъ не въ краснорѣчьи.

Въ Шлиссельбургской крѣпости¹⁾.

Отношенія внѣшнія и внутреннія.

I.

Для управления нашей тюрьмой образовано было съ самаго начала ея основанія Шлиссельбургское жандармское управленіе. Во главѣ его стоялъ полковникъ въ званіи начальника, а рядомъ съ нимъ два помощника его—старшій и младшій. Первый былъ, собственно, смотрителемъ тюрьмы; второй же завѣдывалъ ея хозяйственной жизнью, въ томъ числѣ нашей кухни, а затѣмъ, по мѣрѣ образованія денегъ разныхъ категорій въ нашемъ распоряженіи, и этими деньгами.

Фактически начальникомъ тюрьмы былъ, конечно, не смотритель, а полковникъ, снабженный свѣще специальной инструкціей, которой мы никогда не видали, но о ней мы постоянно слыхали—всякій разъ, какъ замышляли какое нибудь новшество, еще не допускаясь въ нашей жизни.

— «Ничего не подѣлаешь; наша инструкція рѣшительно не позволяетъ разрѣшить намъ это»....

— «Эхъ, господа, если бы вы знали нашу инструкцію!»....

— «Да такъ ли еще слѣдовало бы по инструкціи!»....

Словомъ, инструкція стояла на каждомъ шагѣ, какъ нѣкое пузало или чудище, коимъ пугаютъ малыхъ ребятъ—всякій разъ, какъ они начинаютъ надѣдаться взрослымъ. Надѣдаться же мы, разумѣется, не ослабѣвали.

На основаніи этой инструкціи мѣстная администрація сочиняла инструкцію и для насъ, по временамъ мѣняя ее: въ первый разъ она была гектографированная, потомъ печатная, и наконецъ писаная на машинѣ. Она вывѣшивалась у каждаго въ камерѣ; но мы почти точтакъ же срывали ее и уничтожали въ удостовѣреніе того, что считается съ ней мы не намѣрены. Тѣмъ болѣе, что она ни разу не была никѣмъ подписана, и значить являлась въ нѣкоторомъ родѣ подпольнымъ произведеніемъ.

¹⁾ См. Вѣстк. № № 4, 6, 7, 8, 9 и 10.

При управлении состояли еще доктор, фельдшер и священник, и конечно канцелярия, в которой орудовали писарь, простой унтер-офицер.

Вряд ли, некоторые дела решались у них коллегиально. Но как и во всякой бюрократической коллегии, в конце концов вершителем всех судеб являлся главный начальник, личность которого всегда накладывала заметный отпечаток на весь наш режим.

В распоряжении нашего начальника находилось еще до 30 человек унтеров, которые несли внутреннюю стражу как в самой тюрьме, так и на дворе.

Только эти лица и пользовались правом постоянного входа на наш тюремный двор и имели возможность видеть нас в лицо. Впрочем священник допускался только в том случае, если его кто-нибудь позовет. Тюремной церкви вовсе не было, а в крепостную, которая стояла как раз у нас под окнами, никого из нас не пускали, как не пускали и вообще никого из нас из преддвора тюремного двора.

II

Кроме названных лиц, в каждый «взанный» день приводили к нашим дамам в ванную комнату женщину, обыкновенно жену вахмистра. Но нам, мужчинам, видеть ее удавалось лишь изредка и украдкой, так как принимались тщательные меры предосторожности, чтобы как ни будь мы не встретились с нею случайно на коридоре либо на дворе.

Такие же меры предосторожности принимались и против встречи со слесарем, который нередко приходил в тюрьму по делам своей профессии. Но всякий шаг не предусмотришь. Поэтому видали и мы его, а он, наверное, знал каждого из нас.

Рабочих же наемных, приходивших «с воли», всегда тщательно от нас прятали: мы еще могли видеть их тайком, они же нас едва ли, разве только издали. В последние же два года, крамола, очевидно, распознала повсюду. Яковлев выдумывал особые хитроумные приспособления, чтобы нас не увидели каменщики, перекладывавшие трубы на крышах зданий, отстоявших от нашей тюрьмы на 50 саж. и более.

Приходил еще изредка на наш двор, точно также по надобностям своей профессии, военный инженер. Но в таком случае нас предварительно «вбуриали» со двора и заирали дома, так что мы только из своих окон видели его на дворе или на ступе крепости.

Затем, почти каждый год, а иногда и дважды в год, приезжал из Петербурга кто нибудь из высших чинов, обыкновенно со свитой, о чем администрация наша всегда была предупреждена, а в последние 10—12 лет регулярно предупреждали

и нас. Все это были, конечно, лица «своего» круга, т. е. [из жандармских или департаментских сфер. Из более известных имен у нас были: П. Н. Дурново, Галкин-Врасский, Оржевский, И. Н. Дурново (преемник Толстого), генерал Шебеко, Горемыкин, генерал Петров, Зволянский, генерал Пантелеев, Святополк-Мирский и фон-Валь.

Из лиц совершенно другого круга за все 21 год нас посетили только митрополиты Антоний (9 июля 1904 г.) и старушка княжна М. М. Дондукова-Корсакова. Последняя получила специальное разрешение и поблила нас многократно летом 1904 г. и 1905 г. Причем свидания с нею происходили сначала при полуоткрытых дверях и при явном подслушивании, а потом, когда ей удалось добиться отмены такого унижительного порядка, — при закрытых дверях и при тайном подслушивании.

Вряд ли, некоторые особы высокого ранга имели право, в силу своего звания, делать визиты к нам. Когда приезжал в крепость Куроплаткин (кажется в 1902 г.) в звании военного министра, неизменно никакого отношения к нашей тюрьме, то местная администрация, на всякий случай, приготовилась к встрече его и предупредила нас об этом. Но он не зашел. Все же остальные, хотя бы и состояли при департаменте, допускались только в том случае, если предъявляли полковнику соответствующую грамоту, без которой он имел право отказать всякому, не смотря на его чин.

Наши родные, конечно, ни разу не были допущены туда. И на специальную просьбу М. Р. Попова — дозволить его матери, в виду ее престарелого возраста, повидаться с ним в последний раз и проститься перед смертью, последовал решительный отказ. Перед этим она не видала его более 20 лет.

III.

За 21 год там сменилось 6-ть полковников: Покрошинский, Доробцев, Корень, Гангардт, Обух и Яковлев. Точно также 6 старших помощников и более 8 младших, 6 докторов, не считая четверых приезжавших из Петербурга для временного исправления должности, пока подыскивался кандидат на освобождающую вакансию.

Из унтеров нашлось только один, который беспроблемно прослужил там 21 год, да и тогда приезжал еще из Равелина. Остальные все служили больше или меньше короткие сроки, служили, конечно, по собственному желанию. Смены были для нас большею частью всегда неожиданны: одно знакомое лицо дежурного перестало появляться, а появилось другое незнакомое. Вот и все. Таким образом перед нашими глазами за все время прошло их не менее 100 человек.

Все вышепоименованные лица были единственными людьми, ко-

торых, мы видели за всё 21 годъ. Я не считаю солдатъ, несшихъ наружную охрану, стоявшихъ на часахъ на стѣнѣ, состоявшихъ при кухнѣ и употреблявшихся для уборки двора и тюремъ. Насъ всѣхъ они видели, но заговаривать съ нами имъ строжайше было запрещено. И нѣкоторые изъ нихъ попадали чуть не въ панической ужасъ, если неожиданно обращался къ нимъ съ какимъ-нибудь невиннымъ вопросомъ. До какой степени можно запугать солдата, которому, по самому званію его, должна быть и смерть не страшна!

И все таки, какъ и всюду на свѣтѣ, жизнь брала свое, разрушая людскія убѣжденія, и въ средѣ солдатъ мы находимъ своихъ друзей. Одинъ изъ нихъ даже взялся однажды (въ 1902 г.) передать письмо Попова на почту, но сдѣлать это такъ неумѣло, что былъ арестованъ и, вѣроятно, строго наказанъ. Мы же всѣ за такую дерзость были немедленно лишены прежнихъ льготъ.

Остальное населеніе крѣпости состояло изъ женщинъ и дѣтей, которыхъ мы отлично видели изъ своихъ оконъ, они же насъ никогда не видали. И только при выходѣ того или другаго изъ насъ на свободу давали волю своему естественному любопытству и выглядывали откуда-нибудь изъ за угла, чтобы хоть однимъ глазомъ взглянуть на выпускаемую жартъ-птицу, сидѣвшую взаперти недомое число лѣтъ и недоступную глазу обыкновеннаго смертчаго.

IV.

Объ отношеніи къ намъ унтервъ я уже кое-что говорилъ рѣше. Вообще они были слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ нашего главнаго дирижера и безпрекословно, безъ всякихъ разсужденій, исполняли всякое его велѣніе. И не мудрено. Они получали по 30 руб. въ мѣсяцъ жалованья при готовой квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи и даже одеждѣ. По крайней мѣрѣ полшубки зимой имъ давались казенные.

Дѣлать же имъ было рѣшительно нечего. Днемъ они фланировали около насъ, большую частію съ газетой въ рукахъ; ночью же, особенно въ послѣдніе годы, спали почти безпробудно, несмотря на то, что спать на дежурствѣ имъ строжайше запрещалось. Людямъ ихъ категоріи, полу-грамотнымъ и отвыкшимъ отъ крестьянскаго труда, не легко было подыскать другое, столь же сытое существованіе. И они сами хорошо сознавали это. Даже когда строгости усилились, какъ-то въ 1903 г. одинъ сѣдобородный унтеръ сознавался предо мной откровенно:

— «Житіе наше хороше: дай Богъ всякому!»

Назначались они къ намъ, должно быть, департаментомъ, конечно, послѣ тщательнаго испытанія ихъ благонадежности. Уволить же ихъ могъ самъ полковникъ во всякое время по собственному усмотрѣнію, хотя, можетъ быть, не безъ верховной санкціи изъ Петербурга.

А такъ какъ своимъ мѣстомъ они очень дорожили, то угроза увольненіемъ въ рукахъ начальнаго всегда была самымъ могучимъ орудіемъ, которыми онъ держалъ ихъ ежедневно въ слѣпомъ подчиненіи. И когда дежурный, во исполнение воли своего начальника, черъ нибудь не допускалъ или что нибудъ запрещалъ, то никакіе резоны съ нашей стороны не оказывали на него ни малѣйшаго вліянія. Даже болѣе. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ у него было свое мнѣніе, явно несогласное съ мнѣніемъ начальства. И тѣмъ не менѣе, самое нелѣпое распоряженіе находило всегда въ ихъ лицѣ самыхъ покорныхъ исполнителей. Вахмистръ Муравскій, стоявшій дѣтъ 8 твердо на своемъ посту, какъ вѣрный стражъ и оберегатель всякихъ послѣднихъ начальственныхъ предписаній, неоднократно сознавался въ минуты откровенности: — «Эхъ, еслибъ я былъ министромъ! Я бы прописалъ вамъ... напр. выпустилъ васъ всѣхъ здѣсь на островъ, и кормитесь сами чѣмъ и какъ хотите».

Особенно забавно было наблюдать это во время перемѣнъ вѣдѣній, когда вдругъ запрещалось что-нибудь, что еще вчера было дозволено, или дозволялось то, что вчера пресѣкалось, какъ преступленіе. Въ томъ и другомъ случаѣ унтеръ сохранялъ истуканообразную невозмутимость и ни однимъ жестомъ не выдавалъ своего субъективнаго отношенія къ велѣніямъ властей: одобряетъ ли онъ то, что было вчера, или то, что введено сегодня.

Вообще для любознательнаго антрополога много поучительнаго было въ наблюденіи за этой породой российскихъ гражданъ, которые органически неспособны были понять, что законно и что незаконно. Всѣ они отъ высшихъ до низшихъ, съ законами никогда не церемнились.

— «У насъ, вѣдь, не Англія!» глубокомысленно и назидательно изрекалъ ротмистръ Гузакъ. И мы постоянно слышали, какъ они называли «закономъ» то инструкцію, то послѣднюю бумагу изъ департамента, то устный приказъ того или другаго бурбона.

Говорятъ, впрочемъ, что и самые опытные юристы за послѣдніе годы не могли точно рѣшить, что нужно считать закономъ въ примѣненіи къ такому государству, какъ русское.

V.

Позднѣе уже, когда режимъ ослабѣлъ и унтера стали болѣе разговорчивы съ нами, они не стѣснялись критиковать и поносить свое начальство съ присущимъ русскому человѣку развязностью. И тогда нѣкоторые сознавались, что они люди маленькіе, что събѣсти ихъ ничего не стоитъ, а дѣться имъ некуда. Словомъ, приносили оправданія, коими споконъ вѣка оправдываетъ себя всякій палачъ, жандармъ и полицейскій и всякій вообще агентъ власти, которому приходится возмущаться душой противъ безразличныхъ ея велѣній и оправдывать себя мистическими терминами служебнаго долга и присяги.

Любопытнее всего, что в те времена, когда они боялись говорить нам, что бы то ни было из области высшей политики и сообщать о переменах, происходивших вне наших стен, они не боялись выдавать нам свое непосредственное начальство и спокойно рассказывали о их внутренних и семейных дрязгах или о их недобросовестном хозяйничаньи в тюрьмах и крестовых. Очевидно, это не было предумышленно начальственным запрещением и не входило в понятие нарушения долга службы.

В свою очередь офицеры держались той же самой тактики в отношении высших сфер. Особенно живописен здесь был совершенно безпардонный Яковлев, называвший неприличными терминами не только департаментских чиновников, но и самого носителя верховной власти.

Но такое отношение къ своей власти не имело ничего общего с духом критики, который овладевает человеком при революционном настроении и возмущает его индивидуально. Тогда он не способен оставаться бессмысленным исполнителем и играть роли, обезличивающая человека.

И все-таки, нужно отдать им честь: несмотря ни на что, их дисциплину можно было во многих случаях позавидовать и пожалеть, что она не всегда оказывается на лицо в массовых выступлениях в дни революционной борьбы и в средь, не затронутой военной выправкой.

VI.

Удивительнее всего, что их дисциплина не страдала от взаимного шпионства друг за другом, на котором основана вся система надзора.

Каждый должен был доносить на каждого, независимо от его подчиненности. Получалась своеобразная картина:

Полковник мог в одну минуту прогнать подчиненного ему унтера. Но унтер мог предупредить его и, донеся в департамент на какого-нибудь отступленца от инструкции, надбавить ему не мало неприятностей.

В первое время, как только начали колебаться наши суровые устои, многие из них в широкой степени пользовались своими полномочиями по части доноса. И департамент, благодаря этому, постоянно знал все мелочи нашей жизни. Но зато и полковник находился всегда под угрозой выговора. Потом Гангардт хвалился, что он вывел из моды эти доносы. Как это он сделал, я доподлинно не знаю, но, вероятно, не без поощрения со стороны самого департамента, который мог, наконец, понять, какой разврат он приносит подобной политикой в среду своих внутренних и надежных стражей.

Когда эти доносы прекратились, а «послабления» и «льготы» усилились, некоторые правовѣрные унтера громко ворчали на

допускаемая новшества. Всюду вѣдь есть врожденные консерваторы, о которых еще Милль написал в своей логикѣ: «всякій тупоголовый человекъ есть непременно консерваторъ». Одинъ изъ такихъ у насъ не могъ напр. долго помириться съ тѣмъ, что намъ стали выдавать чай натурой, прямо изъ магазина, и въ торговой «доупорѣ».

— «До чего дошло!» негодовалъ онъ: «чай даютъ прямо изъ магазина! Они развернуть четвертушку, а тамъ, вдругъ, прокламація!».

Прокламація въ ихъ пониманіи была, конечно, одна, а именно преступная. И этому хулителю новыхъ порядковъ казалось особенно опаснымъ появленіе въ нашемъ ретивомъ замкнутомъ учрежденіи какой-нибудь прокламація, хотя бы на мотивъ современной: «чего хотять люди, которые ходять съ краснымъ знаменемъ». Это было еще то старое невинное время, когда прокламація была событіемъ, а чтение ее «дѣяньемъ!».

Куда другому, менее ретивому критику либеральныхъ дѣйствій нашей администраціи въ шутку мы предложили донести на насъ въ департаментъ, онъ съ горечью въ голосъ откликнулъ:

— «Да, донеси... А оттуда напишуть не твое это дѣло!».

Очевидно, онъ уже испыталъ это на опытѣ.

Но послѣ того, какъ «донесенія» прекратились, зависимость ихъ отъ своего ближайшаго начальства еще болѣе усилилась: крѣпкая власть торжествовала на всѣхъ пунктахъ и всегда грубо третиговала вѣрныхъ исполнителей своихъ повелѣній.

За это лишеніе ихъ носительныхъ функций они однажды отплатили сразу своему вѣстному начальству, когда въ 1902 г. Сипагинъ прислалъ своего дѣютанта по случаю происшедшихъ у насъ «безпорядковъ», связанныхъ съ письмомъ Пропова, о которомъ я упомянулъ выше. Онъ допросилъ всякаго унтера по одиночкѣ о нашихъ порядкахъ и, судя по послѣдствіямъ, они не церемонились въ изображеніи ихъ и рассказали всю подноготную про «послабленія» и «отступленія», какія у насъ допускались. Особенно не пощадили они Гудзя, который дожималъ ихъ больше всего ежедневными визитами въ тюрьму и ежедневнымъ же требованіемъ «честия»—каждый разъ, сколько бы онъ ни проходилъ. Въ результатъ ихъ дружескихъ усилій смотритель Гудзь и начальникъ управленія Обухъ были уволены и замѣнены новыми лицами (Правоторовъ и Яковлевъ).

VII.

Несмотря на слѣпую дисциплину, на совершенно одинаковую зависимость, чреватую роковыми для насъ неожиданностями (слаблеть все, что ни прикажутъ), наши унтера не были простыми машинами, реагирующими всегда одинаково на одинаковое давленіе рычага. Индивидуальность и у нихъ все же сказывалась постоянно.

Изъ цѣлой толпы солдатъ, взятыхъ наудачу, всегда можно видѣть при первомъ знакомствѣ наиболее жестокихъ, наиболее злобныхъ и мстительныхъ, которые при всякомъ рѣшительномъ столкновении готовы сверхъ должнаго и положеннаго по уставу надавать еще кое-что и отъ себя.

По многу лѣтъ мы жили со своими унтерами неразлучно, и потому имѣли достаточно времени, чтобы распознать каждаго изъ нихъ во всѣхъ отношеніяхъ. По природѣ это были, несмотря на свой мундиръ, обыкновенные русскіе мужики—изъ тѣхъ, что добровольно доводятъ «сичилистовъ» и доставляютъ становому, частью по своему неразумію, частью потому, что это поощряется властями, а власти вообще имъ импонируютъ. При другой обстановкѣ, съ большинствомъ изъ нихъ легко было бы имѣть разныя дѣловыя и хозяйственныя отношенія, не находя въ нихъ ничего сугубо отталкивающего.

Между тѣмъ въ тюрьмѣ, естественно, между нами и ими былъ хроническій антагонизмъ, причемъ съ нашей стороны въ отношеніи ихъ чувствовалось постоянное раздраженіе, такъ какъ именно они были непосредственными исполнителями приказовъ, которые несли лишеніе, отнятіе, прекращеніе, затрудиленіе и запрещеніе. И никакое возраженіе съ ихъ стороны, что они тутъ не причемя, что они только работаютъ за кусокъ хлѣба, согласно принятому на себя обязательству, не могло дѣйствовать на насъ, потому что впечатлѣніе отъ ихъ исполнительныхъ функций, т. е. отъ ихъ ежедневныхъ пресѣченій и предупрежденій, дѣйствовало сильнѣе резонанъ, которыми они передъ нами оправдывались.

VIII.

Обыкновенно дежурный наблюдалъ за тѣмъ, чтобы мы не выходили изъ сферы запрещеній, которая въ данное время всюду оупутывали насъ. Если запрещено было намъ переступивать, онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы не покушались на это. Если запрещено было сноситься писменномъ,—чтобы мы не бросали записки черезъ заборъ къ сосѣду. Если запрещено быть втроемъ,—чтобы не сходились. Если запрещено останавливаться при вступаніи на дворъ или на коридоръ,—чтобы не дѣлали этого, и т. д. и т. д.

При малѣйшемъ покушеніи съ нашей стороны проявить свою волю, несогласную съ указанными рамками, онъ долженъ былъ немедленно воспрепятствовать нарушенію, или-же позвать другого свободнаго дежурнаго, чтобы тотчасъ же доложить о «безпорядкѣ» вахмистру. Смотря по характеру дѣла, вахмистръ или являлся самъ водворять порядокъ, или-же давалъ знать смотрителю, который опять таки, смотря по характеру дѣла, или приказывалъ махнуть рукой на пустякъ, несогласію разбирательства, или являлся самъ для разбора дѣла и восстановленія нарушенныхъ порядковъ, или же докладывалъ начальнику управленія. Въ исключительныхъ случаяхъ самъ являлся на мѣсто дѣйствія.

Весьма нѣрѣдко смотрителя звали и мы сами, если намъ казалось, что унтеръ злоупотребляетъ властью и отъ себя ли, по приказу ли, пресѣкаетъ тамъ, гдѣ мы не желали встрѣчать ни малѣйшихъ пресѣченій. Тогда происходила бурная сцена. Слышалось вдругъ: —«Это что еще за новость? Позвать сюда смотрителя! Подать сюда смотрителя! Чтобы живо пришелъ сюда смотритель!» и т. п. Если кипѣніе произошло очень бурное, унтера спокойнѣе молчать. Если не очень, то прибывшій немедленно вахмистръ вставляетъ свое трезвое слово:

— Звать его я не имѣю права, а могу только доложить...

Тѣмъ не менѣе, смотритель является немедленно, бурю выдерживаетъ самолично и обыкновенно въ концѣ ее изрекаетъ резолюцію, создающую какой нибудь компромиссъ, съ которымъ взбунтовавшійся готовъ помириться.

Нѣрѣдко такія сцены происходили въ тѣхъ случаяхъ, когда администрація дѣлала пробные шаги къ лишенію насъ той или другой льготы. Унтерамъ дается тайный приказъ, и они «недопускаютъ». Происходитъ вспышка. Смотря по ея силѣ и опасности для общаго спокойствія, администрація торгуется, иногда совсѣмъ отбѣиваетъ только что данный приказъ, сваливши все на унтера, который будто-бы отъ себя задумалъ это стѣсненіе, или не понялъ данныхъ ему инструкцій.

Кромѣ экстренныхъ донесеній въ дѣлахъ, не терпящихъ отлагательства, ежедневно дѣлались дежурными общіе и детальныя доклады о проведенномъ днѣ и о замѣченныхъ нарушеніяхъ. Причемъ принимающій донесеніе вахмистръ или смотритель давалъ соотвѣствующіе директивы для дѣйствій дежурнаго на будущее время въ analogичныхъ обстоятельствахъ.

Понятно, что при такихъ порядкахъ отъ личности дежурнаго много зависѣло. Онъ могъ замѣчать и не замѣчать, въ зависимости отъ степени бдительности и отъ желанія быть бдительнымъ. Могъ и замѣтивши доносить, или смотрѣть сквозь пальцы. Словомъ, то-же, что и во всякой тюрьмѣ, гдѣ заключенные отличныя знаютъ свойства каждаго дежурнаго и пользуются ими въ своихъ интересахъ. Если задумывается заранѣе какое нибудь «правонарушеніе», то принимается въ соображеніе, кто именно стоитъ на дежурствѣ въ данное мѣсто и въ данный часъ.

«Нарядъ» на дежурство составлялся для нихъ вахмистромъ на цѣлую недѣлю. Но намъ онъ не былъ извѣстенъ. Самыя фамиліи унтеровъ мы узнавали случайно, и знали почти половину ихъ, иныхъ награждали прозвищами, но были и просто безымянные. Гудъ особенно тщательно скрывалъ ихъ фамиліи. И когда я однажды попросилъ технологию, принадлежавшую сну унтера Фламова, съ которымъ я предварительно договорился объ этомъ, и фамилію котораго я зналъ съ незапамятныхъ временъ, Гудъ тщательно запечаталъ своей печатью первый листъ книги, гдѣ была фамилія. На мой вопросъ: «къ чему это? Что за бѣда, еслибъ узналъ фамилію?» онъ отвѣтилъ:

— «Да, сначала вы узнаете фамилию, а потом еще чтонибудь; слышите, вы уж и очень много знаете!»

Съ нашими фамилиями даже бывали курьезы. Всѣ унтера прекрасно знали всѣхъ насъ не только по именамъ, но и по отчествамъ. Но должны были не показывать виду, что это имъ извѣстно, называть же насъ не иначе, какъ по номерамъ. Если же я посылалъ что-нибудь своему товарищу и называю его по фамилии, дежурный дѣлаетъ иногда невинное лицо и говоритъ: «я не знаю такого», или «ка это такой?» въ ожиданіи, что я назову адресата по номеру.

IX.

Такъ ужъ всегда бываетъ, что когда злые собаки не даютъ проходу прохожему, то послѣдній бѣгетъ именно ихъ, а не хозяевъ, которые ихъ содержатъ и дѣлаютъ злыми. Приходилось и намъ воевать со своими унтерами, и нерѣдко со всею рѣзкостью, какая могла прорваться послѣ многократныхъ ежедневныхъ и ежечасныхъ мелочныхъ придирокъ.

Къ этому вынуждали, большею частію, сами наши власти. Любезничая при личныхъ встрѣчахъ, заглазно они третировали насъ какъ арестантовъ, съ которыми церемониться особенно не приходилось и потому, когда имъ требовалось чего-нибудь лишняго насъ, или въ чемъ-нибудь подтянуть, они дѣлали это большею частію тайно и экспроптомъ. Въмѣсто того, чтобы накануне формально и гласно объявить, что такая-то «льгота» съ завтрашняго дня прекращается, они давали просто официальное приказаніе унтерамъ—съ завтрашняго дня пресѣкать то, что вчера дозволялось.

Понятно дѣло, всякій прохожій, привыкшій многократно мирно и безмятежно проходить по извѣстному мѣсту, склоненъ выйти изъ себя, если завтра онъ встрѣтитъ здѣсь загородку, либо цѣпныхъ собакъ, готовыхъ разорвать его на части. Такъ какъ наши унтера были все-же разумныя существа и притомъ не всѣ одинаковыя, а были и такіе, которые готовы были при случай и отъ себя лично учинить какую-нибудь неприятность, то естественно, что каждый изъ насъ, встрѣтивши неожиданную препопу, набрасывался прежде всего на того, кто загоразиваетъ дорогу своей osobой.

Получалась сцена, болѣе или менѣе бурная, въ зависимости отъ такта и сдержанности унтера. Несмотря на все разнообразіе характеровъ и на всю сдержанность, которую многие обладали, не было изъ нашей среды ни одного человѣка, котораго бы не вывели изъ себя ни разу такія отношенія и доведенъ до бѣлаго каленія не заставили пережить нѣсколько глужихъ минутъ крайняго возбужденія и острой вспышки. Очевидно, въ самомъ существѣ тюремныхъ отношеній лежало то, чтобы насъ раздражали, а мы раздражались.

Первымъ буферомъ въ такихъ случаяхъ бывалъ всегда дежур-

ный. Зато, какъ же радовался, бывало, иной откровенный унтеръ, что такая-то сцена случилась не въ его дежурство или не въ его участкѣ! Очевидно, имъ солоно приходилось всегда при такой оказіи!

При воспоминаніи объ этихъ отношеніяхъ, предо мной проходятъ галерея лицъ, угрюмыхъ и открытыхъ, злобныхъ и добродушныхъ, мстительныхъ, равнодушныхъ, убѣжденныхъ гонителей и тюремщиковъ и совершенно безразличныхъ. Отъ этой галереи лицъ, стоявшихъ возлѣ меня безотлучно сомкнутыхъ кольцомъ болѣе 18 лѣтъ, ежедневно завѣсть каждый короткій шагъ моей укороченной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мое доброе настроеніе и, значить, мое времяпрепровожденіе.

Послушные только голосу своего начальства, они менѣе всего заботились именно о моемъ душевномъ спокойствіи и о томъ, какъ тотъ или другой актъ ихъ служебнаго усердія дѣйствуетъ на мою психику. Подчасъ, и нерѣдко, казалось даже, что они и приставлены то ко мнѣ специально затѣмъ, чтобы постоянно раздражать и допекать, и тѣмъ создавать атмосферу непрерывныхъ огорченій, чтобы какъ можно вѣрнѣе осуществить идеалъ пенитенціарной тюрьмы, въ задачи которой входитъ мученіе, а не успокоеніе.

X.

Я говорю о среднемъ, такъ сказать, нормальномъ и постоянномъ характерѣ отношеній съ унтерами, и при томъ о времени моего пребыванія въ тюрьмѣ. Ранѣе этого, по рассказамъ товарищей, они дѣйствовали въ буквальномъ смыслѣ какъ безсловесныя твари, потому что никогда не произносили ни одного слова, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по мановенію пальца Ирода, набрасывались чисто по звѣрскъ, визали, били, стучали въ заслоны, чтобы лишить возможности сосѣдѣ перестукаться другъ съ другомъ, и вообще дѣйствовали активно, вызывающе и наносили страданія вполне сознательно и даже съ заранѣе обдуманными намереніями.

Теперь, когда тотъ или другой министръ старается сдѣлать невинную мину по поводу избиеній въ участкахъ и тюрьмахъ, приписывая это злоупотребленію низшихъ агентовъ, мы, пережившіе всѣ ужасы длительныхъ и сложныхъ репрессій, можемъ торжественно и всенародно удостоверить, что низшіе агенты,—того же ранга, какъ въ участкахъ и проч. тюрьмахъ,—дѣйствовали всегда согласно волѣ и «предначертанію высшихъ властей». Изъи послѣдніе, отъ скромнаго жандарискаго полковника Покроинскаго, до блестящаго жандарискаго генерала Оржевскаго, умѣли дѣлать такую же добрую мину, какую теперь дѣлаютъ персоны болѣе крупнаго калибра.

Мы вообще убѣдились въ этомъ, переживши переломъ, котораго сейчасъ добивается вся Россія, когда избиенія прекратились, хотя всѣ низшіе агенты оставались безмѣнно на своихъ мѣстахъ. И

видѣли, какъ тѣ же самыя лица, которая вчера еще горѣли желаніемъ учинить надо мной какое нибудь грубое насилие, сегодня становились разговорчивы, любезны, обходительны и деликатны. Точь въ точь какъ марионетка, которую дернули за другой шнурокъ.

Затѣмъ мѣнялись лица, младшія и старшія и самыя старшія, сидѣвшія наверху; бывали изъ нихъ и жестокіе, и мягкіе, бывали и такіе, которые открыто выражали сожалѣніе о невозможности заковать насъ въ кандалы, и такіе, которые угрожающе кричали на весь коридоръ, какъ Шебеко:

«Подковникъ, плети! плети!»

Но лозунгъ «не бить» оставался въ силѣ, и никто ни разу за цѣлыхъ 15 дѣтъ насъ пальцемъ не тронулъ.

XI.

Унтера подавали намъ чай или кнѣзютокъ, хлѣбъ и вообще пищу, бѣлье спальное и носильное, книгу, бумагу, дѣлали ванну, отворяли и затворяли дверь при входѣ и выходѣ, разогрѣвали клей, варили клейстеръ, передавали инструменты, порученія и записки, матеріалы и вообще разныя покупки. Въ виду этого неудивительно, если они въ концѣ концовъ превратились въ особый родъ лакеевъ или «коридорныхъ» въ гостиницѣ, которые исполняютъ роль служащихъ при господахъ и получаютъ за это на чай. Въ эпоху большаго либерализма, когда самъ Гудъ, дѣлая имъ внушеніе, говорилъ откровенно: «не они ради насъ живутъ здѣсь, а мы ради нихъ, и потому въ долгахъ...» эти служебныя отношенія выступали особенно рельефно.

И вообще, чѣмъ меньше съ нихъ требовалось въ порядкѣ охраны, тѣмъ больше требовалось въ порядкѣ услуги. Большинство изъ нихъ были вовсе не въ претензіи отъ такой замѣны, потому что требованія начальства держали ихъ подъ угрозой кары, требованія же наши не угрожали ничѣмъ, кромѣ легкихъ взаимныхъ попрековъ между ними. И это несмотря на то, что по мѣрѣ ослабленія репрессій, расширялись и разнообразились наши нужды, а значить и наши притязанія.

А когда установились такія отношенія, что я просилъ или завялялъ, а они приносили или исполняли, тогда трудно было имъ удержаться въ границахъ и исполнять только то, что они обязаны были по складу нашей жизни и только тогда, когда просьба объ этомъ была выражена въ вѣжливой формѣ. Они были не только мужики, т. е. люди, вѣками порабощенные, съ инстинктами раба, но и солдаты, т. е. недавно нарочито дисциплинированные въ систематическомъ исполненіи мужскихъ приказаній и привыкшіе къ тому, чтобы эти приказанія выражались властно, т. е. рѣзко и грубо. А потому они вовсе не претендовали на тѣхъ изъ насъ, кто обходился съ ними круто. Вѣдь смотритель, котораго они никакъ не уважали, обходился съ ними неизмѣримо хуже. Мы же,

какъ общее правило, были вѣжливы и обходительны съ ними, и нѣрѣдко платили имъ какъ могли за ихъ услуги натурой, т. е. какими нибудь издѣліями, когда это позволялось, или огородными овощами, до которыхъ они, какъ многосемейные, были особенно лакомы! Когда Яковлевъ строжайшее запрещать имъ брать у насъ что бы то ни было, овощи они все же брали, хотя съ большой оглядкой.

XII.

Неудивительно при этомъ, что несмотря на писанныя инструкціи, повѣзавшія намъ «безпрекословно исполнять распоряженія дежурнаго унтеръ-офицера», жизнь, слѣдуя своей собственной логикѣ, сложалась какъ разъ наоборотъ, и господами и командирами надъ нами постепенно сдѣлались мы. Но такъ какъ они были не только лакеи по натурѣ, но при этомъ служили еще законному господину по найму, и охраняли его интересы отъ нашихъ покушеній на нихъ, то получалась самая удобная комбинація для того, чтобы мы въ минуты раздраженія третировали ихъ по собакамъ, а они злобствовали на насъ и, будучи наружно послушными, исподтишка старались всячески напакостить намъ.

Такъ и жили мы постоянно, точно кошка съ собакой, то мирись и добродушничая, то воюя.

И хотя были изъ нихъ 2—3 человѣка, которыхъ тяготились обязанностью открывать передъ нами незамкнутую дверь или дѣлать другія подобныя вещи, которыя каждый изъ насъ и самъ могъ бы сдѣлать, но и такіе были, собственно, лакеями въ душѣ. И не было изъ нихъ ни одного человѣка съ истиннымъ самоуваженіемъ, который запротестовалъ бы серьезно противъ своей двусмысленной роли и бросилъ ее съ негодованіемъ, вовсе не желая прислуживать лицамъ, которыхъ за глаза онъ зоветъ арстантама, каторжниками или преступниками.

Очевидно, какъ ни называй людей, и какъ ни лишай ихъ правъ и преимуществъ своего званія, а мыслая индивидуальность всегда будетъ господствовать надъ низшей и подчинять ее себѣ, независимо отъ официальныхъ рамокъ и указокъ. Такъ было у насъ, такъ и всюду было съ политическими заключенными. И правительство, чтобы парализовать эти неизбежные результаты, всегда прибѣгало къ частой сменѣ своихъ вѣрныхъ стражей, плохо вѣдая въ неземьность ихъ преданности, или же окружало ихъ свирѣпыми угрозами и страхомъ немедленнаго возмездія за малѣйшее уклоненіе отъ пути долга, т. е. отъ интересовъ тѣхъ, кто себѣ съ у власти.

Но нужно отдать справедливость нашимъ унтерамъ, ихъ служебные обязанности никогда не выходило изъ границъ, за коими оно становится съ ихъ точки зрѣнія преступнымъ. Быть можетъ, вѣдь все дѣло только въ деньгахъ. И продажныя души, которыя надѣваются и носятъ мундиръ только потому, что за это хорошо пла-

тять, едва ли бы было трудно перекупить, давши им другое болѣе соблазнительное и не менѣе прочное обезпеченіе.

Такъ какъ унтера выходили отъ насъ и замѣнялись новыми по одиночкѣ, то каждый вновь поступившій, какъ бы тщательно онъ ни вызубрилъ свою инструкцію, при выходѣ на дежурство совмѣстно съ другими старшими унтерами, тотчасъ замѣчалъ, что инструкція особъ статья, а уклады нашей жизни—особъ статья, и что течетъ она по своимъ особеннымъ законамъ, а вовсе не по писаной бумажкѣ. Поэтому онъ тотчасъ же подвергался «обрушению», обращался въ новую вѣру и уже не осмѣливался предъявлять намъ требованій, которыя давно стали въ нашихъ глазахъ нѣтолько устарѣлыми, но и смѣшными. Въ крайнемъ случаѣ, его, при первой же попыткѣ проявить свое усердіе, такъ недвусмысленно осаживали, что онъ долго послѣ этого ломалъ голову надъ соотношеніемъ между писаннымъ закономъ и написаннымъ.

XIII

Почти такому же обученію нужно было подвергать и каждого смотрителя—новичка. Тотъ являлся въ первый разъ съ большимъ вѣсомъ и апломбомъ. Отъ него еще вѣяло полномочіями, только что полученными въ департаментѣ, и онъ дѣлалъ обыкновенно одну или двѣ попытки къ водворенію «порядка» и къ проявленію только что полученной власти, которая отуманила его голову. Но такъ какъ онъ брался за дѣло ретиво, то все кончалось обыкновенно скандаломъ. А такъ какъ онъ не хотѣлъ доводить до свѣдѣнія департамента, что съ его поступленіемъ начались въ тюрьмѣ небывалыя прежде «исторіи», то быстро успокаивался и оставлялъ завоеванный ранѣе «безпорядокъ» въ прежнемъ видѣ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, портить себѣ кровь, когда такъ легко и спокойно можно лежать дома по цѣлымъ днямъ, показываясь въ тюрьмѣ только на нѣсколько минутъ во время раздачи обѣды и ужина и получать за это заслуженныя 3¹/₂ т. руб. жалованья? Такъ обыкновенно и вели себя послѣдніе два смотрителя, умудренныя жизнью и опытомъ предшественника.

Полковникъ Гангардтъ, который больше всѣхъ своихъ предшественниковъ допускалъ у насъ новшества и «послабленій», уходя на другое мѣсто, попробовалъ было, водворить старый порядокъ, мотивируя это тѣмъ, что онъ долженъ сдать тюрьму въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ принялъ ее отъ своего предшественника. Но изъ этого все равно ничего не вышло. Слишкомъ мало мы склонны были поступаться тѣмъ, чѣмъ уже пользовались фактически.

Дѣло въ этомъ отношеніи стояло всегда одинаково, сколько бы ни было повторныхъ попытокъ. Можно было произвести «переворотъ» тайно, давши приказъ унтерамъ завтра вести все по новому. Но тогда «бунтъ» былъ бы неизбеженъ. Или же пуститься съ нами въ дипломатію и начать переговоры о сокращеніи тѣхъ или дру-

гихъ льготъ. Въ дипломатіи же верхъ всегда оставался за нами. При этомъ начальство какъ бы случайно зондировало почву, слишкомъ ли мы дорожимъ той или другой льготой и способны ли пойти въ защиту ея на открытую войну. Мы же всегда ставили ему на видъ, что въѣдъ терять намъ нечего... Словомъ, въ великомъ и ничтожномъ политика есть политика, и черты ея тѣ же.

XIV.

Чѣмъ были унтера въ отношеніи своего непосредственнаго начальства, тѣмъ было это послѣднее въ отношеніи начальства департаментскаго. Трудно, почти невозможно, говорить и не проговориться.

Нѣчто подобное практиковалось у насъ постоянно въ отношеніи нашихъ офицеровъ съ тѣхъ поръ, какъ они стали разговаривать съ нами. Правда, немного, и насъ было охотниковъ до этого рода спорта. Но были любители, которые пользовались всякимъ случаемъ встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ для того, чтобы кстатіи интересоваться ихъ и зондировать почву насчетъ текущаго момента. Какъ ни осторожны и сдержанны они были, но, конечно, проговаривались. Ихъ собственныя сужденія и взгляды были неинтересны. Но они отражали на себѣ взгляды либо только что вычитанные изъ *coed* газеты, т. е. изъ Новаго Времени, либо вчера привезенные изъ департамента. И то, и другое знать было любопытно.

Сплошь и рядомъ тогъ или другой изъ нихъ скажетъ какое нибудь неожиданное beau mot, которое даетъ намъ забаву на цѣлый день. Когда при Плевѣ стали насъ подтягивать, а фонъ-Висте не обинуясь изрекъ, что здѣсь должны быть водворены «старые порядки» (т. е. запрещены книги, работы, сношенія и проч.), смотритель Правоторовъ въ одномъ изъ обычныхъ такихъ разговоровъ сдѣлалъ признаніе, что «они стремятся къ идеалу», т. е. хотѣтъ поставить нашу тюрьму на возможно высшую степень тюремнаго, а значитъ, и одиночнаго совершенства. Всякіе, оказавшеся, бывають идеали! Но въ то же время всякому человѣку, даже и жандарму, свойственно стремленіе къ нему!

Особенно много проговаривались они въ послѣдній годъ насчетъ хода военныхъ дѣйствій. Откровенничать они, все же, не желали, да, можетъ быть, и сами изъ Новаго Времени не могли хорошенько знать о настоящемъ положеніи дѣла, а все таки неводно выдавали правду. Такъ, когда Портъ-Артуръ былъ уже занятъ, Яковлевъ на прямой вопросъ объ этомъ ничего не отвѣтилъ. А когда затѣмъ стали объяснять причины военныхъ неудачъ, то спокойно сказали:

— «Ничего не подѣлаешь; одинъ только путь, по которому приходится посылать все необходимое для арміи».

Для насъ, ровно ничего не знавшихъ о войнѣ, стало очевидно, что другой путь, т. е. морской, былъ совершенно закрытъ.

XV.

Отношения наши с мѣстной администраціей были въ корнѣ фальшивыя. Безсильному и порабоженному вездѣ остается въ удѣл только хитрость и скрытность.

Сила была не на нашей сторонѣ, и гдѣ нельзя было взять открытой стычкой, убѣжденіемъ или дипломатіей, приходилось брать хитростью, т. е. продѣлывать за спиной и за глазами все то, что запрещалось дѣлать явно. Любопытно, что многие изъ нихъ (особенно Гудзь и Обухъ) сами поощряли такую политику и взмскивали только за то, что они лично видѣли. «Дѣлай, да не попадайся», было ихъ девизомъ.

Даже прямой какъ палка и тупой какъ бревно Соколовъ, и тотъ, утомившись въ борьбѣ противъ стука, въ концѣ концовъ училъ В. С. Панкратова:

— «Стучи, но чтобы тебя не видѣли и не слышали!»

Я помню, какъ Обухъ, проходя по корридору не въ свое время, случайно увидалъ меня въ мастерской Вѣры Николаевны, гдѣ мы вмѣстѣ съ нею разводили какую-то краску. Дверь, какъ всегда, была открыта настежь. Гудзь счелъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе по этому поводу, но не за то, что я былъ тамъ, — это онъ не могъ считать преступленіемъ, — а за то, что былъ тамъ *тогда*, когда проходилъ мимо полковникъ. На это наивное разсужденіе можно было только отвѣтить:

— «Вы бы предупредили!»..

Обыкновенно и предупреждали. Смотритель предупреждалъ о пришествіи полковника, а полковникъ о приѣздѣ кого-нибудь изъ Петербурга.

Очевидно на такое поведеніе, практикуемое нами добровольно, во избѣжаніе безплодныхъ и раздражающихъ словопреній, они не могли быть въ претензіи. Гдѣ все сводится къ показной сторонѣ, тамъ только ей и придаютъ значеніе.

Для насъ же самихъ это не казалось надувательствомъ. Всякая правомерная и вполне нормальная дѣятельность неизбежно становится подпольной, разъ ей ставятъ насильственные и ничѣмъ не оправдываемыя преграды.

XVI.

Въ свою очередь сами они, несмотря на торжество грубой силы, не находили въ себѣ достаточно физическаго мужества, чтобы опираться только на нее, не считаясь ни съ какими принципами. При всякомъ случаѣ, подъ то или другое распоряженіе свое или департаментское, они старались подвести какое нибудь разумное или этическое основаніе. А такъ какъ такихъ оснований подыскать было не легко, то они выдумывали ихъ и доходили въ изобрѣтѣніи лживыхъ доводовъ до самаго откровеннаго безстыдства.

Благодаря этому, вести съ ними какіе-нибудь переговоры и разсужденія было настоящей пыткой. Врали они на каждомъ шагу, врали систематически, врали неумѣло и неумно, какъ артисты, которымъ ухищряться особенно нечего, врали кстати и некстати, по важному дѣлу и безъ всякаго дѣла, старшіе и младшіе, врали по нашему запросу, врали и по собственной инициативѣ, врали намъ, врали и другъ другу.

Какъ они еще могли существовать и работать вмѣстѣ въ этой атмосферѣ сплошной и безысходной лжи!

Утѣрь иногда откровенно сознавался, какъ онъ совралъ вахмистру; вахмистръ, какъ онъ совралъ смотрителю; смотритель только и дѣлалъ, что водилъ за носъ начальника управленія. А тотъ, разумеется, оперировалъ подобнымъ же образомъ съ департаментомъ.

Можно представить себѣ послѣ этого, какіе отчеты доставляли они этому учрежденію! И что писалось въ ихъ книгахъ, хозяйственныхъ и иныхъ, цинуровыхъ и скрѣпленныхъ печатями! Можно представить себѣ, что лично передавалось ими въ Петербургъ, и въ какомъ видѣ они рисовали тамъ и насъ, и нашу жизнь!

Когда кто-то изъ товарищей, возмущенный особенно наглою ложью вахмистра, заявилъ объ этомъ Гудзю, тотъ не смущаясь отвѣтилъ:

— «Если-бы онъ не вралъ, то и не служилъ бы въ жандармахъ!»

Характерно, именно, формальное признаніе этого. Что весь корпусъ жандармовъ пропитанъ лживостью, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался, кто хоть разъ имѣлъ неудовольствіе познакомиться съ нимъ. Недаромъ же онъ пользуется всеобщимъ презрѣніемъ, каковой аттестатъ выдалъ ему даже самъ знаменитый Ренненкампфъ. Даже цѣлая юридическая коммисія по пересмотру судебныхъ уставовъ, несмотря на свою бюрократическую лояльность, принуждена была сознаться, что слѣдствіе, ведомое жандармами, чаще всего «не соотвѣтствуетъ дѣйствительности».

Но всякому, даже лжецу, свойственно прикидываться честнымъ. Здѣсь же цинизмъ полный и огодтѣлый; джемъ не только по случаю, либо увлеченію, а по принципу. Служба требуетъ постоянной лживости, значить ложь составляетъ служебный долгъ, строгое исполненіе котораго гарантируется торжественной присягой, осященной церковью. А этотъ терминъ «служебный долгъ» звучитъ такъ возвышенно и такъ торжественно, что въ умахъ даже и не жандармскаго калибра можетъ सबлю покрывать и затмевать истинскія условности, вродѣ какой-то правдивости, и придавать всему черному и грязному видимость чистоты и невинности.

Что такое правдивость? Что такое «слово благороднаго офицера»? Оно нужно только въ домашнемъ обиходѣ, да и то среди недалекихъ людей. Врагамъ же всегда всѣ лгутъ, начиная съ самаго министра иностранныхъ дѣлъ. Что же дѣлать цѣлому корпусу, который непрерывно ведетъ войну и для котораго всякій обыватель всегда можетъ оказаться «врагомъ»?

И чрезвычайно редко случалось, чтобы кто-нибудь из них на прямой и неудобный для них вопрос ответить:

«Этого я вам не могу сказать», или:

«Отвечать на подобный вопрос мне запрещает моя инструкция». Ответ почти всегда получался немедленный и всегда живой. Отвечали всегда смотря в глаза с наглой откровенностью, без малейших следов смущения. И когда дело было очевидно и явная для всякого младенца, я невольно опускал глаза при виде такого безстыдства и поскорее давал понять, что разговор послѣ этого считаю поконченным.

Любопытнее всего, что и высшие и низшие дгуны чаще всего выдвигали на сцену наши собственные интересы: точь въ точь какъ губернаторъ, налагающій veto на земское постановление, который никогда не скажетъ, что онъ дѣлаетъ это въ силу негласнаго распоряженія изъ Петербурга, или въ интересахъ своей карьеры, а непременно прилететь сюда государственная нужда и польза. Кажется, не было ни одного запрещенія, дѣлая которое у насъ не смыслился бы на наше собственное душевное спокойствіе или тѣлесное здравіе. Читать романъ или газеты, писать роднымъ или видѣться съ ними, перестукиваться другъ съ другомъ—всего этого нельзя дѣлать, главнымъ образомъ, потому, что все это причиняетъ намъ лишнее беспокойство и волненіе. А топить теплые печи, давать намъ кофе, или устроить кухню—все это разрушительно можетъ повліять на наше здоровье.

Понятно, что всякій дгунъ въ то же время хлопоталъ о томъ, чтобы мы вѣрили ему на слово. И самый отчаянный и виртуозный изъ нихъ, Яковлевъ, любилъ часто повторять:

— «Слово мое вѣрно».

На этомъ его часто ловили, требуя настойчиво, чтобы онъ исполнилъ то или другое обѣщаніе, которое у него случайно сорвалось съ языка.

XVII.

Это было самое тяжелое въ нашемъ положеніи съ того времени, какъ всякіе крайніе эксцессы съ ихъ стороны совершенно прекратились. Откровенной грубости и жестокости всякаго сорта можно было дать отпоръ. Откровенная грубость и жестокость по самому существу своему таковы, что моментально вызываютъ рѣзкую вспышку и, значитъ, такъ сказать, дѣло къ прекращенію. Надъ такими натурами, каковы были у насъ, система откровенныхъ репрессій физически не могла долго практиковаться.

Елейное же вранье, ежедневно превращаясь въ новую и новую благовидную форму, вползало всюду гадомъ и вызвало только чувство безразличности и отвращенія. Какъ ни понятно и ни интенсивно оно было, оно вело къ другимъ болѣе сложнымъ рефлексамъ, чѣмъ явный и безцеремонный гнетъ. А такъ какъ жить, все-таки, надо, и водить дѣла съ людьми подобной категоріи

было неизбежно, то было неизбежно таить въ себѣ это чувство, производить надъ собой постоянное нравственное насилие и обращаться къ людямъ, отъ которыхъ все нутро отворачивалось съ явнымъ омерзениемъ.

Индивидуальность и здѣсь много значила, и мѣстныя власти могли многое полусказать отъ себя. Но полусказали они, конечно, съ оглядкой и всегда держали носъ по вѣтру, прислушиваясь къ вѣяніямъ въ высшихъ сферахъ.

Зависимость нашихъ дгуновъ и вообще порядковъ отъ этихъ вѣяній была такъ велика, что по настроенію мѣстнаго начальства мы довольно точно определяли настроеніе сферъ. Если полковникъ, или смотритель былъ особенно разговорчивъ и любезенъ, мы говорили, что дѣлашки идутъ недурно. Если же тотъ или другой былъ угрюмъ, сердитъ или невнимателенъ, мы заключали, что наши фонды стаятъ плохи.

Некоторые изъ насъ были особенно склонны предаваться иллюзіямъ въ ту или другую сторону и гадать по этимъ «внутренностямъ животныхъ». И какъ ни серьезны и ни внушительны бывали подчасъ эти признаки сами по себѣ, все же злоупотребленіе ими доходило иногда до смѣшнаго, когда забывалось, что и у нашего начальства, какъ и у всякаго смертнаго, можетъ быть несвареніе желудка, картежный проигрышъ или неприятность съ женой—причины весьма серьезныя для угрюмаго вида, но съ политикою вовсе не связанныя.

Когда не было никакихъ вѣстей съ воли, всѣ наши новости сводились къ посѣщенію кого-нибудь изъ насъ администраціей.

— «Кто былъ, и зачѣмъ?»—Что говорилъ, и какъ выглядѣлъ?

И эти свѣдѣнія давали прочный базисъ для какихъ-нибудь высшихъ заключеній, на которыхъ никогда не скупилась наша праздная творческая фантазія. И какъ ни курьезны подчасъ были эти заключенія, въ общемъ, мы часто угадывали истину, точно также, какъ угадывало ее и все русское общество, которое, не будучи посвящено въ политику сферъ, тѣмъ не менѣе умѣло улавливать кое-что въ зловѣщемъ молчаніи ихъ. У насъ же при этомъ проникаемость постепенно развивалась до виртуозности.

Когда въ жандармскомъ присутствіи идеть «дознаніе» и ради него ведется праздный разговоръ между опытнымъ и прожженнымъ докой и допрашиваемымъ новичкомъ, каждое слово и каждое сужденіе послѣдняго даетъ матеріалъ въ руки этихъ слѣдователей для соответствующихъ заключеній.

Къ числу тюремныхъ лишеній, т. е. страданій отрицательнаго характера, присоединялось еще одно неизбежное страданіе, положительное, происходящее отъ необходимости сожительствовать въ подчиненныхъ отношеніяхъ съ людьми, каждый разговоръ съ которыми оставлялъ слѣды нравственной тошноты, подчасъ столь же тягостной, какъ и тошнота физическая.

Такова уже участь всѣхъ новаторовъ, что ихъ отдають обыкновенно въ руки распинателей и палачей, т. е. людей вырождаю-

шихся, съ полнымъ отсутствіемъ моральнаго чувства и съ неистощимымъ запасомъ безчеловѣчія.

О нашихъ главныхъ распинателяхъ мы не могли сказать въ извиненіе и оправданіе: «не вѣдаютъ бо что творятъ», потому что они прекрасно знали, что дѣло, которое они творятъ, у всѣхъ развитыхъ людей и народовъ называется гнусностью.

Но я долженъ оговориться: преждевременная ли старость, или слишкомъ продолжительное пребываніе въ этой отвратительной атмосферѣ алчности, лжи и насилій, притупили во мнѣ естественное чувство негодованія. И я пишу эти строки безъ должнаго душевнаго трепета, обязательнаго для всякаго здороваго человѣка. А потому я увѣренно могу заявить, что эти строки продиктованы не чувствомъ застарѣлой мести и злобы въ отношеніи людей, которые, какъ ни какъ, были только простыми оружіями, а чувствомъ правдивости, отъ которой больше всего я боюсь уклониться.

XVIII.

„Даже въ лучшихъ земляхъ есть много отвратительное; и даже лучшей земляхъ есть много, что должно преодолѣть“.

Ничца.

Обойти молчаніемъ наши внутренніе отношенія другъ къ другу было бы большимъ опущеніемъ. Входить же въ анализъ ихъ, по самому существу дѣла, чрезвычайно затруднительно и я, признаюсь, совсѣмъ теряюсь передъ этой задачей.

Мы прожили вмѣстѣ полъ жизни, точнѣе—лучшую пору своей жизни. За этотъ долгій, долгій промежутокъ времени можно было пережить очень много. И едва-ли кто будетъ такъ наивенъ, что вообразить, будто весь этотъ длинный и тягостный путь былъ усыпанъ только розами взаимной дружбы и взаимныхъ привязанностей.

Многіе совсѣмъ не знали другъ друга ранѣе, сошлись и познакомились въ тюрьмѣ, среди тюремнаго бездѣлья и будничной прозы. Сошлись люди въ самую бурливую пору своей жизни, въ условіяхъ вѣчно раздражающихъ и озлобляющихъ, куда лучъ радости и оживленія почти не заглядывалъ, и гдѣ хмурые и непривѣтливая лица можно было встрѣтить чаще, чѣмъ лица, дышавшія довѣрчивостью и дружелюбіемъ.

Когда человѣка постоянно терзаютъ невзгоды, и въ душѣ тревожно, больно и раздражительно, отъ какихъ-бы причинъ это ни зависѣло, онъ невольно выражаетъ это и на своемъ лицѣ, которое тогда разучивается отвѣчать съ радушіемъ и улыбаться пріятливо при встрѣчѣхъ и обращеніи съ самыми близкими для него товари-

щами. Последніе же, при видѣ хмураго лица, инстинктивно сами хмурятъ брови, даже если собственное самочувствіе у нихъ совершенно удовлетворительно.

Пока мы были молоды и развѣдены, мы страстно стремились другъ къ другу. Юность всегда вѣдь общительна, склонна къ сердечнымъ и проч. изліяніямъ, весьма экспансивна и отзывчива, жизнерадостна, довѣрчива и легковѣрна.

XIX.

Поэтому, вначалѣ, пока мы еще сидѣли изолированно, у насъ постоянно были раскрыты братскія объятія, и мы готовы были включить въ нихъ всякаго, кто получитъ себѣ на долю рѣдкое счастье—засѣсть въ Шлиссельбургѣ милостію Плева, Дурново, или Толстого. Живою человѣка мы или не знали вовсе, или знали по тѣмъ дѣловымъ или недѣловымъ встрѣчамъ, которыя среди молодежи обыкновенны, и въ которыхъ люди съ первой встрѣчи сближаются необыкновенно быстро, но и расходятся затѣмъ безъ сокрушенія.

Въ своемъ сосѣдѣ, къ которому мы пылали самой искренней любовью, большую частію мы знали не человѣка, а только политическое или социальное знамя, стоятъ подъ которымъ и охранять которое одинаково считали общою честью и общимъ дѣломъ. Но подъ всякимъ знаменемъ можно стоять, ходить, бороться, вообще дѣйствовать, а не сидѣть сложа руки безъ движенія. Мы же обречены были именно на бездѣйствіе.

И если-бы кто зналъ, какъ трудно бездѣйствовать долгое время подъ знаменемъ! Кто нейдетъ впередъ, неминуемо идетъ назадъ. Задѣсь, какъ и на велосипедѣ: нужно или катиться, или падать.

Неудивительно, что знамя, само по себѣ достаточное орудіе для сближенія людей въ активной жизни, не могло служить такимъ орудіемъ въ жизни пассивной.

Въ первые года, пока пассивность этой жизни не была еще вполнѣ оцѣнена нами, и пока отголоски только что смолкнувшей борьбы звучали у всѣхъ созвучно и одинаково интенсивно, мы жили совмѣстно этимъ недавнимъ прошлымъ. Оно у всѣхъ насъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, было общее и при томъ не только самое дорогое само по себѣ, но и одинаково увѣчанное ореоломъ: смертнаго или каторжнаго приговора. Въ сосѣдѣ чувствовался не только собратъ по оружію, товарищъ по цѣлямъ всей жизни, но и мученикъ за идею, пострадавшій можетъ быть сильнѣе и больше, чѣмъ я самъ, и потому съ моей стороны достойной удилена и особой симпатіи за ту доблесть и нравственное мужество, съ которыми все это онъ перенесъ непоколебимо, и котораго не сломилъ ничѣмъ и до сихъ поръ.

Стойкость въ настоящемъ и прошломъ и вѣрность «святымъ завѣтамъ» юности, которымъ не суждено было восторжествовать,

но которые во всем своем грозном величии перешли к слѣдующему поколѣнію, была единственнымъ душевнымъ свойствомъ, при наличии котораго, казалось, дружба обезпечена навѣки, а солидарность упрочена нерушимо.

XX.

Еще задолго до того, какъ мы увидали другъ друга въ лицо, мы собирали свѣдѣнія о всѣхъ сидѣвшихъ съ нами подъ одной крышей, и знали каждый о каждомъ все, что полагалось и считалось достаточнымъ знать, т.-е. что совершилъ, за что судился, въ чемъ обвинялся, какъ допрашивался и какъ защищался. Казалось, всѣ эти данныя, развѣ онъ удовлетворительны, составляли всю сущность человѣка и, при наличности ихъ, все наше сердце открывалось для него и онъ имѣлъ право на наше безграничное расположеніе.

Собирать такія свѣдѣнія посредствомъ стука было крайне затруднительно. Естественно, ограничивались этимъ малымъ и самымъ существеннымъ. Уже значительно поздне, и то какъ-нибудь случайно, узнавалось, кто онъ по происхожденію, по профессіи, по образованію и по семейному состоянію.

Соотвѣственно этому, симпатіи, скопившіяся въ душѣ и не находившія нигдѣ приложения, щедро разсыпались направо и налево. Заочно мы чувствовали себя прочной единой неразрывной семьей, узъ которой, казалось, становились еще тѣснѣе отъ общей тягости тюремныхъ узъ. И въ сознаніи этой солидарности мы почерпали громадную силу для перенесенія нашихъ невзгодъ, которыя каждый несъ и чувствовалъ не только за себя, но и за другихъ, и притомъ какъ бы на глазахъ другихъ.

— Тяжело... Что за пустяки! Вонъ такой-то чувствительнѣе тебя; онъ потерялъ больше и страдалъ больше тебя, межъ тѣмъ вовсе не охааетъ и не вадмакаетъ, стыдись!..

И чувство стыдливости за легкой приступъ малодушія дѣлало свое дѣло, побуждало врага и являло бодрость и даже умиленье. «На людяхъ и смерть красна». Въ толпѣ солидарныхъ лицъ всегда вѣдь индивидъ способенъ на нѣчто большее, и нерѣдко можетъ совершенно превзойти себя.

Я упоминалъ уже ранѣе, какое самочувствіе явилось у меня тотчасъ, какъ только меня привели въ новую тюрьму и я почувствовалъ себя въ ней точно въ общежитіи, благодаря одному только присутствію въ однѣхъ стѣнахъ со мной большой толпы товарищей.

XXI.

Это былъ самый лучший, можно сказать—завидный періодъ нашей внутренней жизни.

Мудрые люди давно думаютъ, что для того, чтобы быть съ людьми въ прекрасныхъ отношеніяхъ, нужно отойти отъ нихъ на

нѣкоторое разстояніе. Издали всѣ неровности и шероховатости сглаживаются, а все неприятное становится менѣ замѣтнымъ.

Мы сидѣли всѣ подъ одной крышей и бокъ-о-бокъ. Но такъ какъ были изолированы стѣнами, то были точно вдали другъ отъ друга. А небольшія фразы, которыми обвинялись посредствомъ стука, вначалѣ очень рѣдкія, были столь кратки, что если-бы ихъ написали на бумагѣ, получилось бы за цѣлую недѣлю одно письмо— въ родѣ того, какимъ объясняются другъ съ другомъ добрые знакомые, разъединенные сотнями верстъ.

Отрѣзанные отъ всего живого, мы были *встѣлѣ* другъ для друга. Всякій изъ насъ оставилъ на волѣ одного или нѣсколькихъ лицъ, которыхъ онъ любилъ больше всего *на свѣтѣ*... Какъ ни сѣвка еще была разлука, эта разлука была на вѣки. За исключеніемъ двухъ товарищей, сроки всѣхъ превышали 10 лѣтъ. А это—такой промежутокъ, въ теченіи котораго чрезвычайно легко утратить всѣхъ близкихъ лицъ. Добрая же половина состояла изъ безсрочныхъ, которымъ иной департаментскій законникъ откровенно говорилъ:

— «Вы приговорены безъ срока? Ну, и сидѣть будете безъ срока!»

У каждого почти въ душѣ была рана, требующая долгаго врачеванія и нѣжнаго прикосновенія. У каждого почти былъ уголокъ въ душѣ, особенно чувствительный ко всякаго рода взаимности и теперь совершенно праздный.

У каждого изъ насъ, сверхъ того, было не только любящее сердце въ широкомъ смыслѣ, но и вообще натура эмоциональная, склонная къ чувствительности, и необыкновенно отзывчивая. Только раскисли въ цѣлѣхъ своей карьеры и согласно своей профессіи расприсыпали насъ извергами, бездушными «исчадями», лишенными всѣхъ нормальныхъ сердечныхъ движеній, собственныхъ чело-вѣку въ футлярѣ, никогда не мечтающему ни о государственныхъ переворотахъ, ни о нарушеніи прописной морали. Чувствительность у каждого было молодая и чуткая. Разочарованіи мы почти не знали. А холодный скепсисъ, удѣлъ старости, еще не зарождался подъ нашими черепами.

Поэтому, какъ нельзя болѣе естественно было перенести всѣ освободившіяся симпатіи на своихъ случайныхъ спутниковъ подневольной жизни, которые отнынь и, можетъ быть, навсегда должны замѣнить для меня и родителей, и братьевъ, и сестеръ, и друзей, и близкихъ и дальнихъ, и родину и человѣчество.

Время было ничѣмъ не занято. Политическія чувства, недавно еще составлявшія преобладающую тонъ жизни, отошли на задній планъ за ненужностью. Оставалось немножко размышлять, немножко мечтать и сантиментальничать.

Соотвѣственно такому состоянію, мы всѣ вдругъ прозрѣли поэтическими очами и стали писать стихи. Даже я, никогда не умѣвшій связать и пары строкъ въ рифму, теперь обрѣлъ въ себѣ поэтическій даръ и рифмовалъ не хуже другихъ. Можно сказать,

только дѣланный не писалъ стиховъ. На Парнасъ бывали почти всѣ. Долже болѣе Парнасъ сдѣлался вѣстомъ, куда лазили на спортъ, изъ ухарства и соревнованія, шутя и зубоскали и всачески забавляясь.

Въ стихахъ мы изливали избытки чувствъ, оставшихся безъ употребленія, стихами утишали сердечная боли, свои и своихъ содѣй и друзей, посвящали ихъ другъ другу, даже дебатировали и полемизировали ими, и вообще разряжали атмосферу, черезчуръ пересиченную эмоціями. Въ стихахъ рассказывались воспоминанія, стихами воспроизводилось прошлое, стихами же отаывались и на злобу дня. А такъ какъ эта злоба была очень мизерная, то цвѣты поэзіи, которыми старались подкрасить ее, принимали особый пикантный характеръ, возмущавшій иногда поклонниковъ стараго искусства, недопускавшихъ его профананціи. Когда напр. послѣ долгой голодухи въ наше меню впервые проникала такая рѣдкость, какъ макароны, одинъ поэтъ сложилъ въ честь ихъ прочувствованное стихотвореніе, которое начиналось такъ:

О благодѣтельница власти,
Какия вы даете славы.

XXII.

Присутствіе дамъ въ нашей средѣ еще больше насыщало атмосферу сантиментами и вносило въ нее особый оттѣнокъ нѣжности, неизбѣжно проявляющійся всюду, гдѣ есть дѣти и женщины. И одна Людмила Александровна, доброе сердце которой у всѣхъ насъ было притчей въ языцѣхъ, навѣрно унесла въ могилу отъ этой эпохи огромную коллекцію сувенировъ, связанныхъ съ этимъ напоромъ чувствъ, неизмѣящихъ примѣненій и также безсильно бившихся въ судорогахъ неволи, какъ безсильно билась и наша мысль, запертая въ клѣтку и лишняя самыхъ элементарныхъ средствъ для продуктивной и бодрой дѣятельности.

«Быль молодцу не укоръ». Къ тому же теперь вѣдь это уже давно минушіе дни. А потому можно спокойно сознаться, что въ отношеніи дамъ чувства у насъ были нѣсколько особаго характера, чѣмъ въ отношеніи другъ друга. Мы были хоть и въ могилѣ, но встали живыми людьми. А живому человѣку, особенно молодому, свойственны и соответствующія волненія. Напротивъ, было-бы совершенно противоположно, если-бы оставаясь всю жизнь подъ одной крышей, ежедневно чувствуя присутствіе женщины, а потомъ и видя ее, мы оставались холодны, какъ трупъ, и невозмутимы, какъ истуканъ.

И кто знаетъ? Не было ли у правительства, посадившаго въ одну тюрьму мужчинъ и женщинъ на режимъ одиночества, спеціальныхъ цѣлей внести въ эту тюрьму оный родъ мученій, еще не испытанныхъ древностью и неизвѣстныхъ въ арсеналѣ инквизиціи?

Въ среду мужчинъ такое отношеніе къ дамамъ вносило нѣкоторый оттѣнокъ соперничества, которое иногда проявлялось въ формахъ не вполне корректныхъ и принесло всѣмъ намъ не мало горькихъ минутъ. Но было бы грубой ошибкой отнести, какъ самое соперничество, такъ и слѣдствія, вытекавшія изъ него, исключительно насчетъ половыхъ отношеній. Когда вся жизнь течетъ ненормально, неизбѣжны въ ней и ненормальныя чувства, и горькія минуты. И весьма вѣроятно, что и въ томъ случаѣ, если бы въ нашей средѣ дамъ вовсе не было, намъ суждено было пережить много совершенно аналогичныхъ настроеній и волненій, которыя развились бы тогда на какой-нибудь другой почвѣ.

Что же касается самихъ дамъ, то можно легко вообразить, что избытокъ преклоненія и нѣжныхъ чувствъ, которыми ихъ окружали, доводилъ ихъ до раздраженія и вызивалъ ихъ досады чаще, чѣмъ всякое другое. Всякое изилишество всегда приноситъ горькіе плоды. Но касаться этой стороны я совершенно не имѣю въ виду, да къ тому же и общаго интереса она вовсе не представляетъ.

XXIII.

Я уже упоминалъ, какую роль сыгралъ этотъ избытокъ социальныхъ и альтруистическихъ чувствъ и связанное съ ними стремленіе другъ къ другу въ разрушеніи всяческихъ преградъ ко взаимнымъ сношеніямъ.

Но когда преграды всѣ были сломлены, наши чувства совершенно неожиданно для насъ потерпѣли крушеніе и даже сдѣлали эволюцію совсѣмъ въ обратную сторону.

Прежде мы знали одно только имя, или человѣка подъ знаменемъ. Прежде политическое въ товарищѣ заслонило передъ глазами всѣ остальные его свойства. Мы знали его съ одной только стороны. Все остальное какъ бы само собой подразумевалось.

Но этотъ періодъ скоро прошелъ. При личномъ встрѣчахъ мы узнали другъ въ другѣ живого человѣка, который, какъ это постоянно бываетъ, не походилъ на воображаемаго, узнали тогда, когда ореолъ прошлаго значительно полекъ, когда чувства окружавшій его, были изжиты и замѣтно остыли, и когда текущая жизнь постоянно подсовывала намъ мелочи житейскаго обихода, къ соавѣстному веденію и рѣшенію которыхъ мы были вовсе не подготовлены ни личнымъ опытомъ, ни живыми примѣрами.

Когда въ этихъ будничныхъ рамкахъ мы увидали живого человѣка, казавшагося еще вчера чуть не вершителемъ судьбы Россіи, мы были поражены крайней неожиданностью и глубоко разочарованы. Между тѣмъ будничныя рамки отнынѣ были постоянными рамками для нашихъ душевныхъ проявленій, въ которыхъ, естественно, не могло оказаться ничего ни великаго, ни возвышеннаго. И отнынѣ, какъ бы вздорны и мелочны ни были и эти рамки, и эти душевныя движенія, они должны были неминуемо составлять все содержаніе нашей жизни...

Чрезвычайно рѣдко бываютъ люди, — если только они бываютъ, — гармонически развитые, у которыхъ одни чувства не погашали бы и не заглушали другихъ, или одно и то же чувство одинаково проявлялось во всѣхъ возрасты и при всѣхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни. Люди находчивые въ исключительныхъ и необыкновенныхъ обстоятельствахъ теряются передъ пустыми задачами повседневной жизни. И наоборотъ: прекрасно лагуристые среди этихъ послѣднихъ совсѣмъ теряютъ голову въ рѣшительныя минуты. Люди мужественные до самопожертвованія бываютъ боязливы передъ какой-нибудь ничтожной житейской неприятносью. Люди, способные отказать отъ всѣхъ житейскихъ соблазновъ и утѣхъ, неспособны пожертвовать ничтожной мелочью или блестящей бездѣлушкой, которая въ данную минуту овладѣла ихъ воображеніемъ. И наоборотъ: чрезвычайно добрые и уступчивые въ мелочахъ тотчасъ становятся скупы и расчетливы, какъ только нужно бываетъ поступиться чѣмъ-нибудь посерьезнѣе.

XXIV.

Эти простыя и повседневныя истины, прекрасно извѣстныя каждому изъ житейскаго опыта, были совершенно неизвѣстны намъ, младенцамъ въ практикѣ жизни, когда свои возвышенныя мечты пришлось намъ прилагать къ житейской дѣйствительности и провѣрять ихъ на ней. Всякая другая, болѣе сложная и серьезная дѣйствительность могла легко вывести эту провѣрку: мы всѣ доказали, что на серьезныя-то вещи мы способны.

Наша же дѣйствительность была не только не серьезна, но и гнетуща, и не только гнетуща, но и сплошь неестественна. Уже не говорю о томъ, что дамы у насъ носили навозъ въ носилкахъ и рубили топоромъ, а мужчины шили, вязали иглой и стригали. Это, конечно, пустяки и привожу ихъ только ради курьеза. Нѣтъ неестественность была совсѣмъ другого сорта. Всякое общее дѣло, какъ бы оно ни было ничтожно, для своего успѣха требовало общественного рѣшенія и общественного осуществленія. Мы же составляли, такъ сказать, общество въ идеѣ, а не въ натурѣ, потому что въ натурѣ мы все время были раздвинены и считали верхомъ свободы, если 6 человекъ могли сойтись вмѣстѣ обсуждать свои дѣла и, порѣшивши на чемъ-нибудь, уступить это мѣсто для другой шестерки, которая могла рѣшить то же дѣло, какъ разъ наобороть.

Благодаря этому, невозможно было ни убѣждать другъ друга, ни уяснить положеніе вещей. Благодаря этому неизбѣжны были ложныя шаги, сомнительные опыты и вѣчныя недоразумѣнія, связанная со взаимными неприятностями. А такъ какъ народъ у насъ былъ по природѣ горячій, — одиночка же не только не располагала къ сдержанности, а напротивъ отучала отъ нея и держала всѣхъ въ состояніи хроническаго раздраженія, — то при всякомъ взаимномъ

столкновеніи горячность переходила въ рѣзкость, вызвала соотвѣтствующій откликъ съ другой стороны, обостряла неудовольствія и порождала новые размовки и вѣчныя инциденты».

Притомъ же каждый, живя постоянно съ глазу на глазъ со своимъ я, привыкши къ самоуглубленію и самосозерцанію, совершенно утратилъ способность входить въ нужды и чувства другихъ, быть внимательнымъ къ нимъ и дѣлать необходимыя уступки, вызываемыя всякимъ общешіемъ. Вслѣдствіе этого получался тотъ постоянный диссонансъ, съ очень серьезными дефектами, который являлся иногда нашу тюрьму на одинъ уровень съ домомъ умалишенныхъ. И жаль, что не было въ то время у насъ психіатра, который позондировалъ бы у всякаго подъ черепомъ и вообще въ центральной нервной системѣ!

XXV.

Кто самъ живаль или слыхалъ о жизни политическихъ смельныхъ или эмигрантовъ, и русскихъ и иностранныхъ, тому покажется все это въ порядкѣ вещей. Что подобныя исторіи — въ порядкѣ вещей и во всякой другой социальной сферѣ, объ этомъ я ужъ лучше умолчу. Онѣ тамъ меньше замѣтны лишь потому, что каждому открывается полный просторъ — переменить и мѣсто, и лицъ, и самую арену дѣятельности во всякую нужную минуту и даже заблаговременно.

Но надо быть справедливымъ: мы имѣли въ свою пользу больше извиняющихъ обстоятельствъ, чѣмъ кто бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. И безнадежность положенія, и болѣзненная нервность, требующая чисто психіатрическаго ухода, и наконецъ полная невозможность выпрыгнуть изъ тѣсной навязанной обстановки, переменить хоть на короткое время и ее, и надѣвшія до отупѣнія лица, — все это свойственно было только намъ, и въ полной мѣрѣ исключительно намъ. Были ли у насъ натуры исключительныя и героическія, объ этомъ не намъ судить. Но если бы и такъ, навню думать, что такимъ натурамъ не свойственны слабости обыкновенныхъ смертныхъ.

Нужно сказать еще, что наиболѣе печальныя спутники, порхавшіе вокругъ нашего «общешія», относились къ тому времени, когда мы только что приступили съ неумѣлыми руками къ организаціи нашей промышленной и вообще хозяйственной жизни, и приступили въ самый неудобный для насъ моментъ: нѣкоторые способы ко взаимному общенію были уже дозволены намъ, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это нужно было для дѣла, хотя въ совершенно достаточныхъ размѣрахъ для нанесенія словесныхъ обидъ и огорченій.

Позднѣе, когда мы свое имущество и свои владѣнія такъ или иначе подѣлили и пользование ими урегулировали, когда сношенія наши расширились и стали почти безпріятственными (за исклю-

чением *общих* собраний, которая никогда не допускались) и когда мы узнали друг друга во всёх подробностях, наши взаимные столкновения почти совершенно исчезли. Шероковатости сгладились. Каждого каждый знал в натуре, а не в заоблачной фантазии, брал его как онъ есть, со всеми достоинствами и недостатками, и имѣлъ съ нимъ дѣло постольку, поскольку симпатизировалъ однимъ и брезговалъ другими. А затѣмъ старался обходить всё подводные камни, близъ которыхъ въ прошлые годы случались какія нибудь аваріи.

Съ возрастомъ мы немного поуижели и поостыли. Кипѣние въ крови, если и происходило, то не столь бурное. Привыкли смотрѣть на многія вещи трезво, и естественно увидали то, что и должны были увидать, т. е., что наши товарищи по счастью и несчастью — не простая заурядная натура, которыми легко и смѣло можно пренебречь въ случаѣ сосѣдскихъ неудовольствій, а люди во всёхъ отношеніяхъ весьма богато одаренные, общеніе съ которыми не только неизбѣжно въ силу подневольныхъ условий, но и вполне желательно и пріятно само по себѣ.

Въ то же время, благодаря привычкѣ быть постоянно на людяхъ, такъ какъ многіе дѣтомъ почти цѣлые дни проводили въ компаніи 3—5 лицъ, составъ которыхъ постоянно мѣнялся, — главные недостатки, нажитые одиночкой, сгладились или исчезли, и наши взаимоотношенія вошли почти въ нормальную колею.

XXVI.

Въ годы общественныхъ начинаній, когда наша общественность зарождалась и ей никакъ не удавалось родиться, рѣдкій изъ насъ послѣ какихъ-нибудь особенно грозныхъ выступленій, сопровождавшихся „инцидентами“, не забирался опять въ свою скорлупу, гдѣ онъ чувствовалъ себя аняхоретомъ и мизантропомъ.

Но время проходило и брало свое: узакленія рубцевались, зажили и забывались, и вчерашній аняхоретъ, взывавшій къ небесамъ о томъ, чтобы они обрушились на грѣшную землю, опять являлся міру и становился болѣе или менѣе частымъ и, конечно, желаннымъ гостемъ „толкучки“, потому что толкучка всегда была бѣднымъ людямъ.

Бывало это и со мной лично. Впрочемъ самъ я вообще проводилъ болѣе или менѣе замкнутую жизнь. Благодаря большей сдержанности и уравновѣженности характера, я, можетъ быть, рѣже входилъ въ конфликты и потому менѣе другихъ вынесъ «дружескихъ» репримандовъ. Да, наконецъ, гдѣи какая жизнь совершенно обходится безъ нихъ?

Какъ и всякій другой, съ однимъ я былъ болѣе близокъ, чаще встрѣчался, разсуждалъ, спорилъ и откровенничалъ, чѣмъ съ другими. Но всегда чувствовалъ, что настоящее сближеніе между людьми можетъ развиваться и упрочиться только на какомъ-нибудь общемъ

дѣлѣ, постоянно поддерживающемъ и закрѣпляющемъ общность чувствъ, идей и симпатій.

А именно дѣла-то этого у насъ и не было, и его-то жаждали мы больше всего и упорнѣе всего.

XXVII.

Въ концѣ же концовъ мы, какъ водится, тѣсно сжились другъ съ другомъ и разстались добрыми товарищами. Особенно этому помогли послѣдніе 2½ года, когда мы опять вступили въ эру репрессій и намъ угрожала не только безнадежность, которую явно стали подчеркивать («выходъ отсюда зависитъ де отъ васъ самихъ, и *только* отъ васъ»), но и новый циклъ страданій, о которыхъ мы давно уже успѣли забыть, а заблотивое начальство успѣло вспомнить и вздыхало о нихъ съ сожалѣніемъ, общая вернуть ихъ обратно.

И вообще слишкомъ ощутительно и постоянно было давленіе, подъ которымъ мы жили. Оно невольно спланивало насъ независимо отъ мимолетныхъ и преходящихъ огорченій.

И мы вышли дружеской семьей, съ чувствами сердечной признани другъ къ другу, и въ тѣмъ болѣе приподнятомъ настроеніи, что выходили мы, старики, всѣ сразу, и не имѣли несчастья пережить муки выходившихъ ранѣе насъ, которые покидали въ тюрьмѣ всѣхъ старыхъ товарищей и потому не могли радоваться свободѣ, ожидающей только ихъ лично.

Нашъ возрастъ уже не таковъ, чтобы давать мѣсто изліаньямъ и экзальсности. Но, быть можетъ, я не ошибусь, если сдѣлаю обобщеніе и скажу за всѣхъ, что мы разстались другъ съ другомъ въ Петропавловской крѣпости не безъ истинной грусти, сознавая, что разстаемся, быть можетъ, на вѣки. Чувствовалось, что предъ каждымъ открывается совершенно новая жизнь, сложная и богатая необычайнымъ обиліемъ впечатлѣній, сулящая новыя связи и новыя дружескія отношенія, за которыми старая совершенно поблекнуть и стануть только предметомъ досужихъ и рѣдкихъ воспоминаній.

Выборгъ,
Іюль 1906 г.

М. Новорусскій.

Ученый Комитетъ и Бѣлинскій.

Въ настоящее время, когда повсюду происходитъ повидному генеральная переоценка всего общественнаго бытія, понятий и величинъ, представляется иногда своевременнымъ выскрипывать „за уши да на солнышко“ тѣ или другіе замѣчательные, возмездные въ чертѣ созданія, результаты деятельности отъ начальства поставленныхъ надъ наукой и литературой оекуменскихъ учреждений.

Нисколько лѣтъ тому назадъ, пріѣхавъ въ Пензу для участія въ чтеніи великаго русскаго критика В. Г. Бѣлинскаго, и случайно познакомившись съ вышедшей въ Пензѣ книжкѣ Н. Ф. Кузьмина—„Пензенская губернія“. Составитель книжки—учитель двухкласснаго сельскаго училища, а самая книжка представляетъ собой нѣчто среднее между сборникомъ и мѣстнымъ альманахомъ, такъ какъ говоритъ и о географіи мѣстности, даже съ задачами для учениковъ, и о дѣлѣнн стѣнахъ и мыла, и объ исторіи края, и о замѣчательныхъ его уроженцахъ.

Прочитавъ книжку, я былъ крайне удивленъ, увидя, что о Бѣлинскомъ составитель книжки съчелъ возможнымъ сказать только въ подстрочномъ примѣчаніи по поводу письма Буслаяна (стр. 89) и притомъ буквально только слѣдующее: „Висс. Григ. Бѣлинскій (род. въ 1811 году, умеръ въ 1848 году) былъ сынъ чембарскаго уѣзднаго врача, учился сначала въ чембарскомъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ пензенской гимназіи. Когда Буслаянъ поступилъ въ первый классъ гимназіи, пріѣхавшій учитель русскаго языка выбылъ, а новаго опредѣлить не успѣли. Тогда на всѣхъ только мысляхъ гимназическое начальство поручило обучать учениковъ гимназисту Бѣлинскому, который уже кончилъ курсъ въ это время, но оставался въ Пензѣ, потому что не имѣлъ средствъ ѣхать въ Москву, гдѣ намѣревался поступить въ университетъ“. Выходило, что Бѣлинскій только тѣмъ и былъ замѣчательенъ, что долго подвѣшивъ начальству для обученія гимназистовъ русскому языку.

Я рѣшилъ исследовать корень вещей—и наконецъ мнѣ удалось получить документъ, все объяснившій. Оказалось, что бѣдинъ альманахъ въ свое время поступалъ на просмотръ Особому Отдѣлу такъ называемаго Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія—и, разсмотрѣвъ этотъ альманахъ въ засѣданіи 27 мая 1894 г., Особой Комитетъ постановилъ о Бѣлинскомъ такой приговоръ, что еслибъ составитель книжки былъ больше путливаго права, Бѣлинскій не попалъ бы и въ подстрочное примѣчаніе.

Приговоръ особаго отдѣла „ученаго комитета“ о Бѣлинскомъ занесенъ въ журналъ отдѣла 27 мая 1894, № 903, ст. XIII. Указавъ на нѣкоторыя „негодности“, „необстоятельности“ и т. п. въ разныхъ мѣстахъ альманаха, особаго отдѣла не считаетъ этихъ замѣчаній „важными“, а переходитъ къ Бѣлинскому, говорить буквально слѣдующее:

„Но вотъ два замѣчанія болѣе важныя: первое касается рчи автора на стр. 140 объ извѣстномъ Бѣлинскомъ. Дѣлая отсылку объ этомъ предметѣ, г. Кузьминъ ограничивается только слѣдующей характеристикой: „Бѣлинскій оставилъ послѣ себя 12 томовъ сочиненій, въ которыхъ содержится много умныхъ разсужденій и прекрасныхъ мыслей о разныхъ предметахъ“. Видъ это—рекомендация книги для учениковъ,—между тѣмъ сохрани богъ нашу школу и неимытую вѣноть отъ соприкосновенія съ Бѣлинскимъ! Въ послѣдній и самый шумный періодъ своей деятельности это былъ завзятый проповѣдникъ вѣриры и грубога матеріализма, пендѣващій ничего добраго въ Россіи и ждавшій спасенія для нея отъ всеобщей революціи. Конечно, полная крайность такого рода воззрѣній и возмездностей не могла зайти себя мѣста въ тѣхъ 12 томахъ его сочиненій, о которыхъ говоритъ авторъ рассматриваемой рукописи и которые прошли мимоъ цензуры. Чтобы понимать Бѣлинскаго и судить о немъ, надобно заглянуть въ другіе памятники его литературной деятельности, въ его переписку съ друзьями и между прочимъ въ знаменитое письмо его къ Герцому. Тутъ Бѣлинскій обнаруживается весь, какъ онъ есть и былъ. Да и въ тѣхъ 12 томахъ, о которыхъ сдѣлала такой лестный отзывъ г. Кузьминъ, не мало содержится вѣрирнаго для молодого безрѣчнаго читателя. Достаточно вспомнить хоть то мѣсто его критики сочиненій Пушкина, гдѣ онъ прилагаетъ хулу на прекраснаго образъ Татьяны за ея въ высшей степени чистыя отношенія къ Онегину. Кажется, что, если говорить о Бѣлинскомъ въ такомъ краткомъ трудѣ, какъ рассматриваемый теперь трудъ г. Кузьмина, назначенный притомъ для школы вѣншихъ, то достаточно ограничиться упомянуемъ лишь о томъ, что Бѣлинскій родился такъ то и тогда то, а еще лучше вовсе о немъ не упоминать“. Затѣмъ особаго отдѣла дѣлаетъ свое второе „замѣчаніе“ объ упомянутомъ въ рукописи Огаревѣ: „Объ этомъ дѣлѣтѣ нельзя совсемъ говорить въ книгѣ, которую будутъ читать ученики“.

На подлинномъ журналѣ тогдашній товарищъ министра князь Волконскій 29 июля 1894 г. сдѣлалъ собственноручную надписку: „Согласенъ“.

Въ этомъ приговорѣ все—зачиная съ тона, которымъ высказанъ журналъ, продолжая специфическими выраженіями и приемами и кончая революціей товарища министра—все такъ характерно, что комментаріи становятся совершенно излишними.

Вотъ каковымъ лицамъ и учрежденіямъ вѣрирлась опека надъ наукой и литературой великаго русскаго народа!

Анатолій Кремлевъ.

Семья декабристовъ.

(Окончаніе ¹⁾.)

VIII.

Александръ Раевскій жить эти годы въ Одессѣ, куда въ серединѣ 1823 г. переѣхалъ и Пушкинъ. Они прожили здѣсь вмѣстѣ годъ въ тѣснѣйшей дружбѣ, если только можно назвать дружбой взаимное тяготѣніе двухъ противоположныхъ натуръ. Раевскій заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться подробнѣе.

Одинъ изъ людей, знавшихъ его въ тѣ годы, говоритъ: „Этотъ Раевскій дѣйствительно имѣлъ въ себѣ что-то такое, что придавало душу другимъ. Сила его обаянія заключалась въ рѣзкомъ и завѣтливомъ отрицаніи“. Другой—Вигель, невидѣвшій его страстно и глубоко, какъ только и можетъ человѣкъ ненавидѣть самого себя въ своемъ прообразѣ,—называетъ его адскимъ смѣшеніемъ самолюбія, коварства и злобѣи, говоритъ о его презрѣніи къ людямъ и глубочайшемъ эгоизмѣ, о его твердомъ умѣ, лишенномъ благородства. И даже родной отецъ, этотъ прекрасный, цѣлѣнный и умный человѣкъ, вѣчно любившій всѣхъ своихъ дѣтей, съ болѣе свидѣтельствовали, что у Александра — „холодное, себлюбивое сердце“. Вотъ отрывокъ изъ его письма къ старшей дочери, писаннаго въ 1820 году: „Съ Александромъ живу въ мирѣ,—но какъ онъ холоденъ! Я вижу въ немъ проявленія любви, чувствительности, и не нахожу ихъ. Онъ не разсуждаетъ, а споритъ, и тѣмъ болѣе онъ неправъ, тѣмъ его тоя становится несправитѣльнѣе, даже до грубости. Мы условились съ нимъ никогда не вступать ни въ споры, ни въ отвѣченную бесѣду. Не то, чтобы я былъ имъ недвоякъ, но я не вижу съ его стороны сердечнаго отношенія. Что дѣлать! такой ужъ его характеръ, и нельзя ставить ему это въ вину. У него ума на пананку; онъ философствуетъ о вещахъ, которыхъ не понимаетъ, и такъ мудритъ, что вся-

кій смыслъ испаряется. То-же самое съ чувствомъ: онъ очень любить Николашку ²⁾ и безпрестанно его цѣлуетъ, но онъ такъ-же любитъ и цѣловать Аггилу ³⁾. Отъ него зависить, чтобы я его полюбилъ или, вѣрнѣе, чтобы я открылъ ему мою любовь. Я думаю, что онъ не вѣритъ въ любовь, такъ какъ самъ ее не испытываетъ, и не старается ее внушить. Я дѣлаю для него все, когда только есть случай, но я скрываю чувство, которое побуждаетъ меня къ этому, потому что онъ равнодушно принимаетъ все, что бы я ни дѣлалъ для него. Я не сержусь на него за это. Дѣлай и ты такъ, Катенька; онъ тебя любитъ настолько, насколько способенъ любить. Говорю тебѣ это для того, чтобы тебѣ не пришлось страдать отъ ошибки, тѣсной для нѣжнаго сердца. Николай будетъ, можетъ быть, легкомысленъ, надѣляетъ много глупостей и ошибокъ; но онъ способенъ на порывъ, на жертву, на великодушіе. Часто одно слово искушаетъ его грѣховъ“.—Въ этомъ портретѣ недостаетъ одной существенной черты: старикъ не могъ знать того сарказма, которымъ обычно дышала рѣчь Александра,—для этого онъ слишкомъ импонировалъ сыну. Но вотъ двѣ миходомы брошенныхъ замѣтки, которыя дополняютъ портретъ. Въ 1823 году Орловъ пишетъ А. Н. Раевскому изъ Москвы: „Я не видѣлъ здѣсь никого, кромѣ моихъ родныхъ, и всѣ мои сношенія съ ними представляли собою одно непрерывное изліяніе нѣжныхъ чувствъ—вещь, я знаю, тошнотворная для твоего стоическаго сердца“; а въ 1841 г. тотъ-же Орловъ пишетъ женѣ, что только-что былъ съ Званскимъ у Александра и что его дѣвоцкіе душе: „Онъ осмыслъ насъ обоихъ сарказмами; это хороший знакъ: если къ нему вернулись его сарказмы, это показывается, что къ его дочкѣ возвращается любовь“.

Любопытно, что этотъ другъ Пушкина и прототипъ пушкинскаго „Демона“ и наружностью удивительно походилъ на того гетевского друга Мѣрка, который послужилъ моделью для Мефистофеля: онъ былъ высокъ и худъ, почти костлявъ, съ небольшою головою, длиннымъ и острымъ носомъ, очень широкимъ съ тонкими губами ртомъ и маленькими желта-красны глазами, которые блестящимъ свѣозомъ очки наблюдательнымъ и слегка насмѣшливымъ взглядомъ; „онъ всегда,—пробавляетъ очевидецъ,—(я думаю, даже когда спалъ) сохранять саркастическое выраженіе“ ⁴⁾.

Раевскій былъ, конечно, очень уменъ. Пушкинъ, послѣ перваго обмѣнана съ нимъ на Кавказѣ, писалъ о немъ, что онъ будетъ „болѣе, нежели извѣстенъ“, а на словахъ, какъ передавали слышавшіе, выражался еще рѣшительнѣе: „при тогдаш-

¹⁾ Ребенокъ-чернышъ, приехавшій А. Н. Раевского, который вывелъ его 5-хъ лѣтъ раненнаго съ Кавказа и на козлыхъ привезъ въ Мѣву.

²⁾ Собака.

³⁾ Рус. Стар. 1899 май, 241.

немъ всеобщемъ ожиданіи политическихъ переменъ во всѣхъ углахъ Европы, Пушкинъ говоритъ объ А. Раевскомъ, какъ о человѣкѣ, которому предназначено, можетъ быть, управлять ходомъ весьма важныхъ событий¹⁾. Это былъ ясный, холодный и твердый умъ, гордый и независимый, казавшійся на первый взглядъ необходимымъ. Его сила заключалась въ необыкновенной остротѣ взгляда, съ которою онъ подмѣчала иррациональное: никакое противорѣчіе, никакая туманность мысли, никакой капризъ воли не ускользали отъ него, онъ мгновенно вскрывалъ невинную хитрость блѣдной души человѣческой и безжалостно казнилъ ея самообманъ однимъ словомъ, одной язвительной насмѣшкой. Онъ не зналъ плакушей, былъ недоступенъ имъ и по злому инстинкту неутомимо охотился за ними въ другихъ. И такъ какъ всякое чувство—иллюзія и капризъ, то передъ его взоромъ не могло уцѣлѣть ни одно нравственное чувство: онъ обладалъ холодомъ энтузіазма и шутилъ показывая элементарный эгоизмъ на дѣлъ всякаго благородства. Пушкинъ такъ изображаетъ Раевского-демона:

Нестойкимъ элементомъ
 Онъ Провидѣнію неужалѣ,
 Онъ зналъ прекрасное мечтаетъ,
 Онъ вдохновенно презираетъ,
 Не вѣдалъ онъ любви, свободы,
 На жизнь вѣрноположно глядѣлъ—
 И ничего во всей природѣ
 Благоволилъ онъ не хотѣтъ.

Но умъ, лишенный способности чувствовать силу и красоту иррациональнаго въ мірѣ, — плоскій и скудный умъ, и таковъ, при всей своей остротѣ, былъ умъ Раевского. Высшія сферы человѣческаго духа были для него закрыты. Видѣть говорить по поводу его отношеній къ Пушкину: „поэзія была ему дѣло вовсе чуждое, равномерно и нѣжныхъ чувствъ, въ которыхъ видѣлъ онъ одно смѣшное сумасбродство“. Это подтверждается документально. Известно, что первымъ письмъ „Онигина“ не понравился Раевскому: онъ ждалъ отъ нея романтизма и, по выраженію Пушкина, „порядочно не расчухалъ“. Въ мартѣ 1825 года, когда онъ страдалъ болезнней, сестра прислала ему дѣлъ разлеченной рукописи „Горе отъ ума“ (онъ былъ пріятель съ Грибоедовымъ), и вотъ что онъ писалъ ей затѣмъ: „Твоя глупая пьеса, которую я читалъ всю эту ночь, отвратительна во всѣхъ отношеніяхъ; дѣлъ-три мѣткія черты не составляютъ картины и не могутъ искупить ни отсутствіе плана, ни негибкость характеровъ, ни жесткость и безпорядочность версификаціи, достойной Тредьяковскаго. Меня всегда удивляетъ, какъ Грибоедовъ, съ его острымъ умомъ, становится тяжелъ и негибъ, лишь только возьметъ въ руки перо“.

Въ атмосферу этого-то ума, какъ раскаленное желѣзо въ холодную воду, погружались Пушкинъ. Это были два человѣческихъ типа въ необыкновенно ярыхъ проявленіяхъ, дѣлъ противоположная нравственныя стѣхи: напыщенная полнота передиановій — и скудость разсудочной мысли, нераздѣльность порока — и чувство, парализованное въ корнѣ, напущенное леонидіе — и жалкая провинциальность разсуда. Но глубокая мудрость Пушкина была безоружна, какъ голый ребенокъ, а третій умъ Раевского былъ вооруженъ весьма оружіемъ логики: и случилось то, что всегда случается въ такихъ случаяхъ: умный покорить мудраго, и какъ всегда — на минуту. Пушкинъ ясно говоритъ:

Но, обидѣ мой умъ ея боролъ,
 Онъ сочеталъ меня невольно
 Своей таинственной судьбѣ.

Иначе и не могло быть. На сторонѣ Раевского были два великихъ преимущества: первое — тѣ непоколебимая увѣренность, которая всегда присуща абсолютному скептицизму; эта увѣренность сообщала его отрицанію неотразимую убѣдительность, его сарказмъ — странную остроту. Второе — то, что та стѣха, которой Раевскій былъ олицетвореніемъ, жила и въ самомъ Пушкинѣ. Потому что холодная расчетливость ума присуща поэту даже въ большей степени, чѣмъ среднимъ людямъ: безъ нея какъ могъ-бы онъ мѣрять, отбрасывать, шлифовать формы? Она обуздана въ немъ высокой настроенностью духа и несетъ лишь служебную роль, но въ ней — опасное искусство.

Пушкинъ самъ въ чудесныхъ строкахъ описалъ свою дружбу съ Раевскимъ²⁾. Во власти, которую приобрѣлъ надъ нимъ Раевскій, было какое-то наважденіе, и самому Пушкину чудилось здѣсь дьявольскія чары. Отъ него вѣло на Пушкина дѣланіемъ смерти:

Его улыбка, чудный взглядъ,
 Его язвительныя рѣчи
 Вливали въ душу хладный ядъ.

Юзефовичъ рассказываетъ, что Пушкинъ, ходившій къ Раевскому обыкновенно по вечерамъ, выговаривалъ себѣ право тушить свѣчи, чтобы разговаривать съ нимъ свободно въ потьмахъ. И въ то же время Пушкинъ жадно слушалъ эти рѣчи, онъ упорно повторяетъ:

Неостыжимое волненье
 Меня къ лукавому влекло...
 Я пропавшую сладость
 Въ его бесѣдахъ находилъ...

Въ чемъ-же была тайна этого очарованія? Что сообщало

¹⁾ „Демонъ“, черновые наброски этого стихотворенія, и варианты XLV строфы I гд. „Онигина“.

²⁾ Анненковъ, А. С. Пушкинъ въ Александровскомъ эгоу, В. Егр 1874 гд., 8.

такую сладость бесѣдамъ? Предъ Пушкиннымъ открывалась здѣсь новая, неожиданная точка зрѣнія на міръ. Въ своей наивной мудрости онъ ощущалъ до сихъ поръ міръ, какъ нерагаданную увлекательную тайну, и жадно смотрѣлъ вокругъ и вглядывался въ бездонную глубь бытія, ища разгадать эту тайну; а Раевскій давно разгадалъ ее и знаетъ все съ полной ясностью:

Онъ обѣщать...
Негодовать мнѣ все творенье
И разгадать добро и зло...

Каждой своей улыбкой, каждымъ мимолетнымъ сарказмомъ онъ говоритъ поэту; всѣ твои мысли о жизни — вздоръ; ты видишь въ ней глубину и тайну, потому что удрученъ романтическимъ бредомъ. Вагланъ трезво, и ты увидишь, что все она — смѣсь немногихъ простыхъ и въ сущности дрянныхъ элементовъ.

Эта пошлая мудрость была — бы безвредна для Пушкина, если бы въ немъ самомъ не было задатковъ того-же рационализма, да если бы еще ранняя страдания не ожесточили его самого и не научили презирать людей. Но голосъ внутри его сочувственно откликался на цинизмъ Раевскаго: „Я сталъ видеть его глазами“, — говоритъ Пушкинъ,

Съ его несмыслимъ словами
Моя душа звучала въ затылѣ.

И казалось, секретъ дѣйствительно разгаданъ; но, Боже мой, какъ жадно было то, что открылось, и съ какой безконечной грустью Пушкинъ говоритъ: „Мнѣ жизни дался видный кладъ“!

Но и самъ Раевскій былъ глубоко несчастливъ. Гдѣ-то за семью замками зловѣма и холодной расудочности въ его душѣ жила большая острая ивнность, и я думаю, когда онъ спалъ, его лицо не сохраняло саркастическаго выраженія, а принимало отпечатокъ мучительной скорби, и еще рѣже становилась морщина между бровей, унаследованная имъ отъ отца. Во время его близости съ Пушкиннымъ въ Одессѣ ему было 28 лѣтъ; съ 15 лѣтъ онъ велъ походную жизнь, сначала при отцѣ, потомъ адъютантомъ при Воронцовѣ во Франціи, въ 1818 году служилъ на Кавказѣ и жилъ въ одной палатѣ съ Ермоловымъ, въ 1820-мъ былъ товарищемъ Чаадаева по адъютантству при Васильчиковѣ. Теперь онъ полковникомъ правдою жилъ въ Одессѣ. Онъ перѣхалъ туда вслѣдъ за Воронцовымъ, назначеннымъ на постъ Поворосійскаго генералъ-губернатора, — перѣхалъ потому, что любилъ жену Воронцова. Она была ему сродни и давно близка; она была дочерью графини Браницкой, приходившеяся ему, кажется, троюродной теткой и не чужпей въ немъ души. Онъ часто гостилъ у Браницкой въ ея царствѣнныхъ помѣстьяхъ (ей принадлежала Вѣлая Церковь и въ трехъ верстахъ Александрія съ чуднымъ дворцомъ), и какъ разъ въ 1822 году долго

жилъ у нея одновременно съ Воронцовой. Въ это время, поиндому, онъ и полюбилъ ее. Лѣтомъ этого года онъ писалъ сестрѣ изъ Александріи, что среди царшей тамъ скуки его единственное утѣшеніе — Воронцова: „Она очень пріятна, у нея мѣткій, хотя и не очень широкій умъ, а ея характеръ — самый очаровательный, какой я знаю. Я провожу съ нею почти весь день“. Будучи издавна близокъ и съ мужемъ, онъ въ Одессѣ завялъ въ ихъ домѣ родственное положеніе. О происходившемъ здѣсь существовать только смутнымъ свѣдѣніямъ. Вигель какъ очевидецъ и П. Капнистъ — по рассказамъ современниковъ ¹⁾ передаютъ, что Раевскій для прикрытія своего чувства къ графинѣ воспользовался Пушкиннымъ: Пушкинъ не замедлил влюбиться въ Воронцову, и на него-то обратилъ все подозрительности, а потомъ и ненависть мужа. Вигель прибавляетъ, что, не довольствуясь этимъ, Раевскій еще развигатъ безаведенную страсть Пушкина и съ довольнымъ злорадствомъ тѣшилъ его восторгами и мукой.

Все это можетъ быть, но достоверно то, что Раевскій самъ глубоко страдалъ. Въ сентябрѣ 1825 года онъ писалъ сестрѣ: „Милый другъ, я все такъ-же печаленъ, какъ всегда, мое существованіе безсмысленно, чѣмъ когда-нибудь, и я не вижу никакой утѣшительной надежды ни съ какой стороны“. И въ позднѣйшихъ своихъ письмахъ къ ней онъ безпрестанно повторяетъ то-же. Отъ Пушкина не ускользнула удивительная красота чувства, овладѣвшаго Раевскимъ, этого ивзнаго чѣлка, расплывшаго въ безводной пустынѣ: уже ивсѣюмо гдѣ сплести онъ по-своему рассказать эту исторію, возведи въ перлъ созданія и демона — Раевскаго, и Воронцову — молодую, счастливую мать, чей быстрый, ивнанный взглядъ и улыбку усть съ удивленіемъ вспоминалъ потомъ даже Вигель и чью всегда ивсѣюмо склоненную внизъ голову Пушкинъ такъ часто чертилъ перомъ въ своихъ тетрадахъ.

Въ дверяхъ Эдема ангель ивнанный
Главою возниже сѣлъ,
А демонъ мрачный и мстительный
Надъ адскою бездною леталъ.
Духъ отрицанія, духъ сомнѣнья
На духъ чистаго вѣнрала,
И жаръ невольный умленія
Внѣрны смутно возмалвалъ.
Прости, онъ рекъ, гдѣб и видѣлъ
И ты не даромъ мнѣ сѣлъ:
Не все и въ мірѣ впаивалъ,
Не все и въ мірѣ презиралъ.

¹⁾ Русская Старина 1899, кнѣ. 248.

IX.

Въ январѣ 1825 года въ Кіевѣ состоялась свадьба между будущимъ декабристомъ кн. С. Г. Волконскимъ и Маріей Николаевной Раевской, сестрой Александра. Въ своихъ Запискахъ Волковский рассказываетъ, что будущи давно влюбленъ въ М. Н. и рѣшилъ наконецъ сдѣлать предложение, оцъ повелъ дѣло чрезъ своего друга Орлова, причемъ категорически заявилъ, что если его принадлежность къ Тайному обществу будетъ признана помѣхою въ полученіи руки М. Н., то оцъ, хотя съ болью, предпочтетъ отказаться отъ своего счастья, нежели измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Однако согласіе было дано. Раевской было 17 лѣтъ, ему 36. Она съ грустью шла подъ вѣнецъ, покориась отцовской волѣ. „Мои родители,—говоритъ она,—думали, что обезпечили мнѣ блестящую по свѣтскимъ воззрѣніямъ будущность“.

Извѣстіе о 14-мъ декабрѣ застало Орлова въ Москвѣ. Принаслѣдилъ оцъ послѣдніе 2—3 года какое-нибудь прямое участіе въ дѣлахъ Тайнаго общества, объ этомъ ничего неизвѣстно. Повидимому, оцъ активной дѣятельности оцъ держалъ въ сторонѣ. Но изъ никакого сомнѣнія, что оцъ поддерживалъ самыя тѣсныя отношенія съ иѣкоторыми виднѣйшими членами общества, быть осведомленъ, такъ сказать, объ ежедневномъ ходѣ дѣлъ въ московскомъ кружкѣ и въ Южномъ обществѣ и пользовался большимъ пріемлемъ среди заговорщиковъ. Событія, раздѣлившіяся въ московскомъ кружкѣ 16—18 декабря, доказываютъ, что московскіе, а отчасти и петербургскіе заговорщики придавали большое значеніе участію Орлова, и что первые, идя къ нему, были заранѣе увѣрены въ его полномъ сочувствіи ихъ дѣлу.

Изъ яснаго разсказа Якушкина можно извлечь слѣдующія фактическія свѣдѣнія, подтверждаемая и другими показаніями ¹⁾.

Когда получено было въ Москвѣ Семеновымъ письмо отъ Пущина съ извѣстіемъ о томъ, что въ Петербургѣ рѣшено сдѣлать попытку возстанія, на первомъ предварительномъ совѣщаніи между Якушкинымъ, Фонтъ-Визинимъ, Шереметьевымъ и Митыковымъ (въ ночь съ 15 на 16 декабря) условлено было созвать на завтра (или на 18-ое) московскихъ членовъ къ Митыкову и пригласить на это собраніе Орлова. Между тѣмъ Нарышкинъ выпросилъ у Семенова письмо Пущина, чтобы показать его Орлову, „какъ принимаемому участіе въ дѣлахъ общества и по своей скромности ему извѣстному“; притомъ, и самъ Пущинъ писалъ, чтобы его письмо показали Орлову. Вечеромъ

17-го декабря Фонтъ-Визинъ пріѣхалъ къ Орлову и показавъ ему это письмо. На утро, рассказываетъ Якушкинъ, Фонтъ-Визинъ просилъ его (Якушкина) непременно побывать у Орлова и принести его вечеромъ къ Митыкову. Въ это время въ Москвѣ уже всѣ знали о неудачномъ исходѣ событія 14 декабря. Пріѣхавъ къ Орлову подл. Донской, Якушкинъ пошелъ къ нему со словами: Eh bien, général, tout est fini. Орловъ протянулъ ему руку и съ увѣренностью отвѣчалъ: Comment fini? Ce n'est que le commencement de la fin. Тутъ вошелъ незнакомый Якушкину Мухановъ, который, рассказавъ подробности о многихъ петербургскихъ заговорщикахъ, арестованныхъ послѣ 14-го числа, сказалъ, что надо во что бы ни стало вырвать ихъ и что оцъ пойдетъ въ Петербургъ и уберетъ императора; при этихъ словахъ Орловъ всталъ, пошелъ къ Муханову, взялъ его за ухо и поцѣловалъ въ лобъ. Якушкинъ уговаривалъ Орлова поѣхать къ Митыкову, гдѣ всѣ его ждали, но Орловъ отвѣчалъ, что не можетъ пріѣхать, такъ какъ сказано большимъ, чтобы не присягать сегодня: „а между тѣмъ,—пишетъ Якушкинъ,—оцъ былъ въ мушкетрѣ, вѣздѣ и лѣтѣ, и можно было подумать, что оцъ возвратился отъ присяги“. Совѣщаніе у Митыкова прошло безъ толку, и въ ближайшіе дни московскіе заговорщики начали присягать; такъ, 20 декабря принесть присягу Фонтъ-Визинъ. 21-го декабря первымъ въ Москвѣ былъ арестованъ Орловъ и тотчасъ отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость; прочіихъ московскихъ взяли только погоды, Якушкина, напримѣръ,—лишь спустя три недѣли.

27 декабря былъ арестованъ въ полку младшій Раевскій—Николай, 29-го въ Бѣлой Церквѣ—Александръ, 7-го января въ Уманѣ взятъ Волконскій, жена котораго родила пять дней назадъ, и къ числу этихъ арестованныхъ надо присоединить еще В. Л. Давидова изъ Каменки, брата по матери старика Раевскому. Такимъ образомъ изъ одной этой семьи взято было пять человекъ. 5 января, еще не знавъ объ арестѣ Орлова, и до ареста Волконскаго и Давидова ²⁾, старикъ Раевскій писалъ другому брату, П. Л. Давидову, что оба его сына вѣтны и увезены въ Петербургъ. „Естли сіе прошествие и огорчительно, по крайней мѣрѣ, не нарушаетъ моего спокойствія: на сыновей моихъ я имѣю надежду,—ты знаешь, братья Петръ, что я безъ основанія утверждаю не стану, но отвѣчаю за ихъ невиновность, за ихъ образъ мыслей и за ихъ поступки... Вотъ, братья милыя, несчастливый богатействѣ. Мѣры правительствѣ строгіи, но необходимы, говорить нечего: со всемъ тѣмъ, время для всѣхъ вообще чрезвычайно грустное“ ³⁾.

¹⁾ Обществен. дѣлск. въ Россіи, т. I, статья В. П. Семеноваго, стр. 46 и слѣд., Якушкинъ 74 и слѣд., Довлатъ свѣд. пох., и пр.

¹⁾ Кн. П. В. Долгоруковъ въ своей некрологѣ кн. С. Г. Волконскаго (Долгоруковъ № 212, отъ 15 янв. 1860 г.) говоритъ, что послѣ 14-го декабря старикъ Раевскій уговаривалъ Волконскаго бѣжать за-границу, но тотъ не послушался его и 7 января похвѣлъ въ Умань, гдѣ и былъ взятъ.

²⁾ Записки кн. Волконской, „Прозвѣщеніе“, стр. 124.

14 января 1826 г. оба брата Раевские изъ заключенія написали сестрѣ Екаторинѣ Николаевнѣ (г. в. Орловой). Александръ писалъ ей: „Мы спокойны и здоровы и тревожимся только о тебѣ. Ради Бога, береги себя, не поддавайся отчаянью... У насъ есть книги, помѣщение хорошее, и мы ждемъ отца, который долженъ, теперь, скоро прѣхать“. Это письмо изъ-за разныхъ формальностей было отправлено только 16-го; въ промежутокъ Раевские получили отъ сестры чашу и деньги. 18-го А. П. уже опять писалъ сестрѣ: „Спасибо, милый другъ, за твое письмо отъ 13-го. Только чрезъ тебѣ мы и получаемъ вѣсти о нашей семьѣ. Я очень радъ, что отецъ рѣшилъ остаться на контрактѣ; это доказываетъ, что онъ не беспокоится о насъ больше, чѣмъ слѣдуетъ; это съ его стороны знаетъ доверья къ намъ. Удивляетъ меня только, что до сихъ поръ отъ него нѣтъ прямихъ вѣстий... Что до насъ, то мы здоровы и терпѣливо переносимъ свое заключеніе, такъ какъ у насъ есть книги, удобная комната, деньги и хорошая пища, которую намъ приносятъ изъ трактира“. На слѣдующій день, 19 января, А. Раевскій уже вѣщалъ сестру, что и онъ, и братъ свободны.

Они действительно не были ни въ чемъ намѣшаны и ихъ арестовали только по огульному доносу, основанному, конечно, на ихъ родственной близости съ Орловымъ, В. Л. Давыдовымъ, Волконскимъ и другими обвиняемыми. Слѣдствіе обнаружало ихъ полную непричастность къ заговору, и ихъ отпустили. Въ запискахъ Лорера есть любопытный рассказъ о допросѣ Раевскихъ Николаемъ. Привожу ихъ къ себѣ, царь сказалъ Александру Раевскому: „Я знаю, что вы не принадлежите къ тайному обществу; но, имѣя родныхъ и знакомыхъ тамъ, вы все знали и не уведомили правительство; гдѣ же ваша присяга?“ Александръ Раевскій, одику изъ умѣвшихъ людей нашего времени, смѣло отвѣчалъ государю: „Государь! Честь дороже присяги; нарушивъ первую, человѣкъ не можетъ существовать, тогда какъ безъ второй онъ можетъ обойтись еще“¹⁾.

Мы знаемъ, что обычно такіе отвѣты приводилъ Николай въ ярость. Какъ-бы то ни было, Раевскихъ онъ рѣшилъ помиловать какъ въ виду ихъ невинности, такъ и ради заслугъ, высокаго положенія и завѣдомой лояльности ихъ отца. Но въ то же время онъ захотѣлъ исполновать и это помилваніе; оправданіе Раевскихъ должно было путемъ соответственной инспекціи получить характеръ публичнаго заведенія, стать какъ бы отрицательной казнью. И вотъ, 20 января оба Раевскихъ были удостоены чрезвычайно любезнаго приема на аудіенціи; царь поручилъ Александру написать отцу объ ихъ освобожденіи и о готовящемся на его имя указѣ, обѣщая ихъ насчетъ Орлова и предложить Александру, который уже нѣсколько лѣтъ не служилъ, вновь поступить на службу или быть камер-

геромъ. Раевскій, поблагодаривъ, отговорился плохимъ состояніемъ здоровья, а въ письмѣ къ отцу, гдѣ онъ на слѣдующій день описывалъ эту аудіенцію, онъ признается, что не желалъ бы воспользоваться „никакою милостью до тѣхъ поръ, пока участь мужей моихъ сестеръ не будетъ окончательно рѣшена“. 23 января былъ подписанъ и затѣмъ опубликованъ въ газетахъ высочайшій рескриптъ на имя старика Раевского: „Съ особеннымъ удовольствіемъ могу уведомить васъ, что слѣдственная комиссія, разсмотрѣвъ поведеніе сыновей вашихъ, нашла ихъ совершенно невинными и непричастными къ обществу злоумышленниковъ, и что я первый душевно радуюсь, что дѣти столь достойнаго отца совершенно оправдались. Пребываю, впрочемъ, всегда къ вамъ благосклоннымъ. Николай“. Сверхъ того, отъ Слѣдственной комиссіи былъ выданъ А. П. Раевскому „Аттестатъ“ о его невинности¹⁾.

X.

Теперь Александръ Раевскій настойчиво звалъ отца въ Петербургъ, потому что дѣла Орлова и особенно Волконскаго принимали очень серьезный оборотъ. Николай, конечно, издавна зналъ о политическомъ возмудствіи Орлова и о вліяніи, которымъ онъ пользовался въ оппозиціонныхъ кругахъ общества. Имя Орлова встрѣтилъ онъ и въ той собственноручной запискѣ Александра I, которая нашла въ кабинетѣ покойнаго императора; а слѣдствіе на первыхъ-же порахъ дало всѣмъ фактической матеріалъ для обвиненія. Открылось, что однажды, говоря о Пестелѣ, властолюбіе котораго внушало заговорщикамъ, какъ вѣстиво, большія опасенія, Трубецкой сказалъ:

— Должно будетъ послать Орлова во 2-ую армию, и сила Пестеля исчезнетъ.

— Да развѣ Орловъ шагъ?—спросилъ Рыдзень,

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Трубецкой,—имъ владѣть Раевскіе; но тогда по неволѣ будетъ шагъ.

Далѣе было дознано, что наканунѣ мятежа, 13-го, диктаторъ—Трубецкой послалъ Орлову въ Москву письмо съ капитангардескимъ офицеромъ Синегуновымъ, который въ пути, узнавъ о событіи 14-го декабря, сжегъ это письмо. По показанію Трубецкаго, онъ въ этомъ письмѣ, не упоминая о причинахъ, звалъ Орлова въ Петербургъ, но прибавилъ: „Если бытъ чему-нибудь, то будетъ и безъ насъ, какъ при васъ“. Это показаніе, что заговорщики во всякомъ случаѣ имѣли основанія считать Орлова своимъ единомышленникомъ и придавали большое значеніе его поддержкѣ. О томъ-же свидѣтельствовала открывшаяся на допросахъ исторія Пушкинскаго письма. Самъ Трубецкой на

¹⁾ Рус. Арх. 1874, I, 389.

¹⁾ Рескриптъ и аттестатъ напечатаны въ „Приложеніяхъ“ къ Запискамъ кн. Волконской, стр. 128.

вопрос следственной комиссии, чѣмъ была обусловлена его рѣшимость сдѣлать такое предложение Орлову, отвѣчалъ: „Рѣшился я сдѣлать столь опасное предложение ген.-м. Орлову по причинамъ, кои я уже и прежде объяснилъ: то есть то ген.-м. князь С. Г. Волконскій оказывалъ мнѣ по приѣздѣ моемъ въ Кіевъ, что хотя ген.-м. Орловъ теперь и не имѣшается ни во что и отъ всѣхъ обществъ отсталъ, но въ случаѣ нужды можно на него надѣяться, и что я и самъ подгадалъ что ген.-м. Орловъ, котораго образъ мыслей столь гласенъ былъ прежде, по какимъ-нибудь причинамъ только пританцовалъ, но образа мыслей своего не перемѣнилъ“¹⁾. Но главное обвиненіе противъ Орлова состояло въ томъ, что когда Никита Муравьевъ сообщилъ ему о рѣшеніи Якубовича убить императора, онъ не довѣсь властямъ.

Орловъ былъ привезенъ въ Алексѣевскій равелинъ 29 декабря, а на слѣдующій день Николай велѣлъ Суккину перевести его на офицерскую квартиру, „давъ свободу выходить, прохаживаться и писать, что хочешь, но не выходи изъ крѣпости“²⁾. 31 декабря Бенкендорфъ наединѣ снялъ съ него допросъ въ крѣпости. 4 января Орловъ по требованію Николая представить въ следственную комиссію обширную записку о своемъ отношеніи къ Союзу Благоденствія и къ членамъ тайнаго общества. Это была чрезвычайно искусная апологія, гдѣ все фактически вѣрно, но все такъ сопоставлено и освѣщено, что получается картина очень далекая отъ истины. Она написана въ тонѣ отвращенія и ужаса передъ безумствомъ заговорщиковъ; самое непріятное въ ней,—ея аффектированное чистосердечіе и благородство подчеркиваемое на каждой страницѣ. Изъ дополнительныхъ запросовъ, поставленныхъ Орлову следственной комиссіей въ ближайшіе дни, видно, что она не прідала большой вѣры его запискѣ³⁾.

9 января стасъ-секретарь Влашамовъ, фактоумъ императрицы и свой членомъ во дворцѣ, записалъ въ своемъ дневникѣ, со словъ штабшестера Самарина, сцену допроса М. Ѳ. Орлова царемъ⁴⁾. Позвавъ Орлова въ свой кабинетъ, Николай сказалъ ему:

— Въ этотъ моментъ съ тобой говорить не императоръ, но Николай Павловичъ.

Она усѣлись.

— Ты любишь моего покойнаго брата; ты знаешь, что онъ

¹⁾ Доклады-Запольскій. *изв. соч.*, стр. 311.

²⁾ Собственноручныя новелія Николая на имя ген.-ад. Суккина, *Бюлл.* 1906, май, 202.

³⁾ Эта записка, какъ и дополнительныя показанія Орлова, напечатаны въ сборникѣ М. В. Докларъ-Запольскаго, *Мемуары декабристовъ*, 1906, стр. 1—26. Въ предыдущемъ изложеніи ни пользовался ею съ рѣзчайшей остротностью.

⁴⁾ Визаріе имп. Николая I (Изъ дневн. Г. И. Визаріева), *Рус. Стар.* 1899, мартъ, стр. 670—671.

тебя любилъ такіе; ты ему общалъ оставить это сообщество. Что же ты сдѣлалъ? Вотъ письмо, которое ты писалъ послѣ своего общанія. Что ты можешь отвѣтить? Честный человѣкъ сдерживаетъ свое слово, и т. д. Говори, что можешь сказать?

Орловъ не далъ никакого отвѣта, несмотря на дружественныя увѣщанія императора, который, наконецъ поднялся и сказалъ ему:

— Теперь императоръ приказываетъ тебѣ: или прочь!—При этомъ государь показалъ Орлову дверь. Скопфуненный Орловъ хотѣлъ что-то пробормотать, но императоръ, показывая дверь, сказалъ ему:

— Императоръ не повторяетъ; теперь ты становишь отвѣчать въ крѣпости на вопросы комиссіи.

Этотъ неудавшійся допросъ могъ-бы сильно повредить Орлову,—но дѣло скоро разъяснилось, какъ видно изъ слѣдующаго письма А. Н. Раевского къ сестрѣ Орловой. „Милый другъ,—писать онъ,—теперь я могу подробнѣе рассказать тебѣ исторію Михаила. Дѣло въ томъ, что онъ принадлежалъ къ первому обществу, которое по своимъ замысламъ было гораздо менѣе преступно, нежели второе, такъ что большая часть тѣхъ, кто принадлежалъ къ нему, уже освобождена. Но противъ него было еще другое обвиненіе, болѣе тяжкое,—это сообщенія, сдѣланныя ему въ Москвѣ Никитой Муравьевымъ, и письмо, которое долженъ былъ показать ему Фонъ-Визинъ. Въ послѣдній видъ его оправдало простое сопоставленіе датъ; что-же касается перваго обвиненія, то тутъ его вполне оправдываетъ то моральное освѣщеніе, въ которомъ представить ему дѣло Никита. Исторія Мемлона совсемъ его не касается—тутъ онъ чистъ. Главная ошибка Михаила та, что онъ нехорошо велъ себя съ императоромъ, не отвѣчалъ какъ слѣдовало на его дружескія увѣщанія; онъ оскорбилъ его лично. Но потомъ Михаилъ объяснилъ: причину его молчанія было присутствіе Левашева. Теперь это дѣло поправлено“.

„Моральное освѣщеніе“ заключалось въ томъ, что, сообщая Орлову о намѣреніи Якубовича, Муравьевъ настойчиво-де говорилъ о необходимости всячески помѣшать этому безумію¹⁾, такъ что Орловъ будто-бы и весь разговоръ принялъ за хитрость съ цѣлью снова завлечь его въ тайное общество, чтобы посредствомъ его вліянія предотвратитъ злодѣянія и несчастія. Это было хорошо придумано, но, конечно, ни этотъ стводъ, ни разъясненія причинъ своего молчанія на царскомъ допросѣ не спасли М. Орлова: мало-ли людей, гораздо менѣе заплотарившихъ, чѣмъ онъ, ушли въ Сибирь, по дѣлу 14-го декабря! Но онъ имѣлъ могущественнаго заступника въ лицѣ своего брата Александра.

А. Ѳ. Орловъ былъ года на два старше Михаила, такой-же

¹⁾ Такъ показало на слѣдствіи и самъ Муравьевъ.

из себя богатырь и красавец, такая же открытая и талантливая натура, но уже умоюг и жестче сердцем. Не портя своей карьеры вольнодумством, напротив.—искоренна его и въ подчиненных, онъ въ противоположность брату быстро и безъ задержки шелъ въ гору, давно уже былъ генералъ-адъютантомъ и пользовался дружескимъ расположеніемъ великихъ князей. Митязъ 14 декабря засталъ его командиромъ конно-гвардейскаго полка. Известно, какъ много Николай былъ обязанъ своею побѣдою въ этотъ день преданности и рѣшности Орлова; онъ первый изъ полковыхъ командировъ явился со своимъ полкомъ на Сенатскую площадь и первый повелъ его въ атаку на каре митязниковъ. 25 декабря Алексѣю Орлову пожаловано было графское достоинство, и съ этого дня въ теченіе всего царствованія Николая онъ былъ, какъ известно, ближайшимъ другомъ и довереннымъ послѣднимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ съ первой же минуты свидѣнія началъ дѣйствовать въ пользу брата. Выпросивъ себя у Николая разрѣшеніе посѣщать брата въ тюрьмѣ невозбранно¹⁾ и будучи непрерывно осведомленъ о ходѣ допросовъ, онъ могъ во-первыхъ сообщать Михаилу цуцши свидѣнія о поведеніи другихъ подсудимыхъ и руководить его показаніямъ; кромѣ того, онъ безъ сомнѣній и прямо просилъ за него Николая. Этимъ было сразу обусловлено благоприятное отношеніе царя къ М. Ф. Орлову, выяснившееся уже на аудіенціи братьевъ Раевскихъ 20 января, такъ что въ томъ письмѣ, уже цитированномъ выше, гдѣ А. Н. Раевскій описываетъ отцу эту аудіенцію, онъ уже могъ сообщить успокоительныя извѣстія объ Орловѣ: „Его вѣщество велѣлъ мнѣ передать тебѣ относительно Орлова, что хотя онъ и виновенъ и былъ однимъ изъ первыхъ соучастниковъ этого общества, но не раздѣлять его преступныхъ замысловъ, и вся его вина заключается въ томъ, что онъ не открылъ того, что знаетъ по этому поводу. Его вѣщество отозвался о немъ весьма милостиво, сказавъ, что сдѣлаетъ все возможное, дабы облегчить его участь; я не имѣю болѣе никакихъ опасеній относительно нашего дорогаго Михаила; прѣхавъ сюда, ты довериши остальное“.

„Что до Волконскаго,—продолжаетъ тутъ-же А. Н.,—то его дѣло гораздо хуже. Его вѣщество сказалъ мнѣ, что онъ даже не достоинъ того участія, которое ты вѣроятно оказываешь ему, и велѣлъ мнѣ предупредить тебя объ этомъ“. Въ концѣ письма онъ опять съ явной тревогой возвращается къ положенію Волконскаго и опять проситъ отца прѣхавъ: „ты можешь своимъ просьбами много облегчить участь Волконскаго, а слѣдовательно и Машинъ“.

¹⁾ Это разрѣшеніе было ему дано на слѣдующій день послѣ возвращенія М. Ф. Орлова въ Алексѣевское развѣдні, 30 декабря (Бѣлое, тамъ-же, стр. 202).

²⁾ Письмо А. Н. Раевскаго къ отцу отъ 21 янв. 1826 было впервые напечатано (въ русскомъ переводѣ) въ Рус. Стар. 1884 г., май, и затѣмъ переиздано

XI.

А Марія Николаевна ждала въ это время, тяжело больная послѣ родовъ, въ усадьбѣ отца, Болытинскіе Киевской губ. Она ничего не знала; когда, приходя въ себя, она спрашивала о мужѣ, ей говорили, что онъ уѣхалъ по дѣламъ служба въ Молдавію. Старикъ Раевскій не рѣшался оставить ее одну съ матерью, и въ то-же время явился въ Москву, чтобы успокоить Екатерину Николаевну, которой въ ея состояніи (она была беременна) и при ея постоянной нервозности тревога за мужа могла причинить серьезный вредъ,—и оттуда въ Петербургъ, чтобы выяснить положеніе дѣтъ, и, если надо, похлопотать за Орлова и Волконскаго. Наконецъ, въ 20-хъ числахъ января мы видимъ его уже въ Петербургѣ; по пути онъ конечно останавливался въ Москвѣ. Какъ видно, ему тотчасъ была дана аудіенція, и онъ спѣшилъ успокоить Е. Н. Милый, безымянный другъ мой Катенька,—писалъ онъ,—ничего тебѣ новаго еще не скажу, но въ полной надеждѣ на хорошую концы, кромѣ брата Василія (Давыдова) и Волконскаго. Прочти письмо мое къ матерѣ, запечатъ и отправь по почтѣ. Завтра надѣюсь увидѣть твоего мужа, Волконскому будетъ весьма худо, онъ дѣлаетъ глупости, запретаешь, когда все известно. Что будетъ съ Машенькой! Онъ срамится. Государь сказалъ мнѣ: „въ первый разъ что я буду имъ доволенъ (т. е. Давыдовымъ и Волконскимъ), въ награжденіе имъ позволю тебя видѣть“.

Чтобы не оставлять долго женщинъ однихъ, старикъ 3 февраля отправилъ прямо къ нимъ въ Болытинку младшаго сына, Николая. Царь позволилъ ему (какъ и А. Н. Раевскому) навѣщать Орлова въ тюрьмѣ. Видѣлъ-ли онъ и Волконскаго, мы не знаемъ. Въ столицѣ онъ пробылъ недолго; онъ уѣхалъ, по-видимому, 7 февр., но не къ себѣ, а къ дочери въ Москву, оставивъ въ Петербургѣ Александра, который долженъ былъ сдѣлать за ходомъ дѣлъ и осведомлять о нихъ семью. Александръ самъ былъ очень мрачно настроенъ; его мучилъ страхъ за судьбу сестры Маріи, мучилъ вообще разгромъ, постигнувшій столькокихъ родныхъ и друзей, мучила разлука; въ его письмахъ къ сестрѣ, Орловой, за это время то и дѣло встрѣчается такая строка: „Самъ я все еще боленъ, сидѣлаемъ скукой и очень печальны“, или: „Что до меня, то я боленъ и несчастенъ больше, чѣмъ могутъ выразить слова“.

Орловъ писалъ женѣ въ крѣпости 3—4 раза въ недѣлю и подумалъ столько-же писемъ отъ нея; А. Н. Раевскій пишетъ ей каждыя четыре дня, съ экстренностью. Е. Н., сначала соби-

въ „Приложеніяхъ“ къ Запискамъ къ М. Н. Волконской, въ обѣихъ случаяхъ—съ пренебреженіемъ приводилъ дѣтъ въ текстъ словъ Николая I о Волконскомъ; предъ нами подлинныя письма.

равнаясь въ Петербургъ, довольно скоро успокоилась на счетъ мужа и осталась въ Москвѣ; да и для всей семьи, оглушенной на первых порахъ, уже въ концѣ января было ясно, что тяжелый ударъ грозитъ только Маши, 18-лѣтней, большой Маши. И въ письмахъ А. Н. къ Орловой—на первомъ планѣ дѣло Волконскаго и участь Маши. 12 февраля, вернувшись отъ А. Ѳ. Орлова, чрезъ котораго онъ добываетъ свѣдѣнія, А. Н. пишетъ: „Дѣло Михаила будетъ кончено чрезъ четыре недѣли навѣрное; стало быть, тебѣ незачѣмъ прѣзжать сюда. Что до Маши, то ея дѣла отчаяно плохи, какъ и дѣла Василя; для нихъ нѣтъ никакой надежды“. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого А. Н. представлялся при дворѣ, и 16-го онъ сообщаетъ сестрѣ: „Государь велѣлъ мнѣ передать тебѣ его привѣтъ, императрица также. Все это хорошия предзнаменованія для Михаила, потому что для бѣдной Маши мнѣ ничего не было сказано“. Два дня спустя онъ пишетъ ей длинное письмо, полное подробностей о дѣлѣ: „Михаилъ не въ вѣдѣнія слѣдственной комиссіи; онъ былъ допрошенъ только разъ, въ своей комнатѣ Бенкендорфомъ. Карою ему послужить его заключеніе и, вѣроятно, отставка. Какъ видишь, тебѣ не о чемъ тревожиться; его не отпускаютъ только потому, что есть и другіе члены, какъ напримѣръ Александръ Муравьевъ, замѣшанные не болѣе Михаила, но нужные для очныхъ ставокъ, почему ихъ и держатъ до окончанія слѣдствія, а если освободить Михаила, то пришлось бы освободить и остальныхъ. Что касается Волконскаго, то нѣтъ такого ужаса, въ которомъ онъ не былъ бы замѣшанъ: къ тому же, онъ держитъ себя дурно—то высокомерно, то униженіе, чѣмъ слѣдуетъ. Его всѣ презираютъ, каждую минуту въ немъ открываютъ ложь и глупости, въ которыхъ онъ принужденъ сознаваться. Бѣдная Маша!“¹⁾ 12 марта А. Н. пишетъ: „Насчетъ Волконскаго не могу сообщить тебѣ ничего хорошаго; теперь онъ ведетъ себя, по слухамъ, какъ фанатикъ идеи; но я не ручаюсь, что завтра онъ опять не начнетъ хныкать“. И безпрестанно въ своихъ письмахъ онъ повторяетъ: „Бѣдная Маша!“ „Мнѣ страшно подумать, что ждетъ бѣдную Машу“, и т. п. И Орловъ 1 апрѣля писалъ женѣ: „Нынче день рожденія бѣдной Маши. Что я могу прибавить къ этому, кромѣ того, что въ страхъ за нее и повторяю эту короткую молитву: *Умилосердись, Господи, надъ участіемъ Ма-*

¹⁾ Мы знаемъ теперь, на что намекаетъ послѣдними словами А. Раевскій: это, во-первыхъ, исторія вскрытія Волконскимъ навета, адресованнаго Биссе-леву, которую передаетъ въ своихъ Запискахъ кн. Волконская, во-вторыхъ, ложь, въ которой участвовала его слѣдственная комиссія. Въ „Донесеніи“ послѣдней читаемъ: „По всему видно, что и дѣятельнѣйшіе въ Тайномъ обществѣ, точно не стыдясь, обманывали другъ друга. Такъ г.-м. кн. С. Волконскій сообщалъ Пестелю, что онъ подговорилъ многихъ офицеровъ изъ всѣхъ полковъ 19-ой дивизіи... называя въ некоторыхъ будто-бы приплатилъ имъ... и послѣ долженъ былъ признаться, что все было имъ вымышленно изъ тщеславія, для доказательства его преступнаго сердца“.

Михаиль Федоровичъ
ОРЛОВЪ.

равшаяся въ Петербургъ
 мужа и осталась въ У...
 на первых порах
 тяжелый ударъ
 Машѣ. И въ
 дѣло Во...
 А...

менши¹⁾. Одинъ Богъ можетъ дать ей довольно душевной
 силы, чтобы стать выше своей участи²⁾.

Старикъ Раевскій вернулся въ Волгышку въ послѣднихъ
 числахъ февраля, когда Марія Николаевна уже начала попра-
 вляться. Какъ разъ въ отсутствіе отца ей наконецъ рѣшилась
 сказать правду. Узнавъ, гдѣ мужъ, она тотчасъ рѣшила ѣхать
 въ Петербургъ, и несмотря на свои болѣзни и весеннюю рас-
 путицу, поспѣла въ дорогу съ двухмѣсячнымъ ребенкомъ;
 оставивъ его по пути у гр. Браницкой въ Александріи, она
 прямымъ путемъ, минуя Москву, двинулась дальше, а слѣдомъ
 за нею поспѣвала мать. 6 апрѣля А. Раевскій писалъ Орловой:
 „Мама пріѣхала сегодня утромъ, Маша здѣсь со вчерашняго
 вечера. Ея здорovie лучше, чѣмъ я смѣлъ надѣяться, но она
 страшно исхудала и ея нервы сильно разстроены. Видная, она
 все еще надѣется. Я буду отнимать у нея надежды только съ
 величайшей постепенностью: въ ея положеніи необходима край-
 няя осторожность“. А отецъ изъ Волгышки 14-го писалъ ей
 извѣщеніе (по-русски): „Неизвѣстность, въ которой о тебѣ, ми-
 лый другъ мой Машенька, я нахожусь, мнѣ весьма тягостна.
 Я знаю все, что ожидаетъ тебя въ Петербургѣ. Трудно и при
 крѣпкомъ здорovии переносить таковыя огорченія. Отдай себя
 на волю Божию! онъ одинъ можетъ устроить судьбу твою. Не
 забывай, мой другъ, въ твоемъ огорченіи милого сына твоего,
 не забывай отца, мать, братьевъ, сестеръ, кои всѣ тебя такъ
 любятъ. Повинная судьбѣ; софтовъ и утѣшеній и никакихъ
 болѣе тебѣ сообщить не могу“.

XII.

И вотъ началась та изумительная борьба, гдѣ слабой жен-
 щинѣ-полуребенку противопоставленъ былъ цѣлый заговоръ
 мужской хитрости и настойчивости и гдѣ въ концѣ концовъ
 воля сердца все-же одержала верхъ. Наши письма даютъ воз-
 можность прослѣдить перипетіи этой борьбы. Всѣ нити заго-
 вора держатъ въ своихъ рукахъ Александръ Раевскій; отецъ
 и старшая сестра, Орлова, дѣйствовали съ нимъ заодно, слѣдуя
 его указаніямъ. Ихъ цѣль была—не дать Маріи Николаевнѣ
 послѣдовать за мужемъ въ ссылку; а для этого нужно было во-
 первыхъ устроить такъ, чтобы она узнала о приговорѣ какъ
 можно позже, по возможности—когда осужденные уже будутъ
 отправлены въ ссылку, во-вторыхъ, оградить ее отъ вліянія муж-
 нинной семьи, такъ какъ легко было предвидѣть, что Волков-
 скіе какъ разъ станутъ внушать ей рѣшимость раздѣлить судьбу
 мужа; въ началѣ апрѣля, когда она пріѣхала въ Петербургъ,
 уже всѣ знали, что большую часть подсудимыхъ ждетъ Сибирь,

¹⁾ Эти слова написаны по-русски.

и некоторым женам уже готовились последовать за своими мужьями.

Въ этой борьбѣ М. Н. стояла совсѣмъ одна, ни отъ кого не встрѣчая дружеской поддержки или совѣта. Обѣ сестры—и Марина, и Софья—дѣйствовали користоно, и корысть дѣлала ихъ жестокими, устранила простоту и тепло отношений. Снегровъ, оберъ-гофмейстерша Волконская, была „въ полномъ смыслѣ слова придворная дама“; она ни разу не съѣздила къ сыну въ тюрьму, такъ какъ это свиданіе „убило-бы ее“. Приѣхавъ въ Петербургъ, М. Н. сразу почувствовала себя во враждебной средѣ. Ея первой мыслью было, конечно, просить свиданія съ мужемъ. Волконскій понималъ и отчасти зналъ, что между ними и женою стали ея родные; недаромъ онъ не получилъ отъ нея до сихъ поръ ни одной вѣсточки: значитъ, отъ нея все скрываютъ. Еще до пріѣзда жены въ Петербургъ онъ писалъ изъ Алексѣевского равелина сестрѣ Софьѣ Григорьевнѣ: „Уже некоторые изъ женъ просили и получили разрѣшеніе свидѣться со своими мужьями къ мѣсту ихъ наващенія, о которомъ онѣ будутъ предвѣдомлены. Выпадетъ-ли мнѣ это счастье, и неужели моя обожаемая жена откажетъ мнѣ въ этомъ угтѣшеніи? Я не сомнѣваюсь въ томъ, что она съ своимъ добрымъ сердцемъ всѣмъ мнѣ пожертвуетъ, но я опасуюсь постороннихъ вліяній, и ее отдали отъ всѣхъ васъ, чтобы слышать на нее дѣйствовать. Если жена пріѣдетъ ко мнѣ на свиданіе, то я бы желалъ, чтобы она пріѣхала безъ своего брата, иначе ее тотчасъ-же увезутъ отъ меня. Врачи были-бы при этомъ нужны*“ 1).

По волѣ императора, А. Ф. Орловъ самъ отвезъ ее въ крѣпость на свиданіе съ мужемъ, и при ней дѣйствительно былъ врачъ. Это свиданіе было единственнымъ. Истинственно ницъ въ комъ-нибудь опоры, М. Н. хотѣла дожидаться любимой сестры мужа, Софьи, съ которою не была знакома и которая на время олучилась изъ Петербурга. Но А. Раевскій сталъ убѣждать ее, что ей необходимо ѣхать назадъ къ сыну: слѣдствіе кончатся еще не скоро—можно-ли оставлять ребенка такъ долго на чужихъ рукахъ? Что же касается Софьи Волконской, то она несомнѣнно встрѣтитъ ее въ дорогѣ (С. Г. Волконская ѣхала изъ Вильны, сопровождала тѣло императрицы Елизаветы Алексѣевны).

Ничего не подозревая, М. Н. сдалась на эти угтѣшанія и рѣшилась ѣхать, съ дѣлюю привезти ребенка въ Петербургъ. Раевскій поѣхалъ съ нею; отнѣтъ онъ уже не отлучитъ ее ни на шагъ. Она поѣхала на Москву, чтобы повидаться съ сестрой, Орловой; здѣсь М. Н. была принята императрицей. Раевскій устроилъ такъ, что съ Софьей Волконской она разѣхалась. Въ Александрію она застала ребенка блѣднымъ и слабымъ; послѣ пріятія осы. Теперь Александръ становится фор-

менно тюремщикомъ сестры. Въ Александрію для нея потянулись долгіе мѣсяцы ожиданія и неизвѣстности. При ней находилась еще сестра Софья, гр. Воронцова, съ дѣтьми тоже была здѣсь. А. Н. удерживалъ М. Н. подъ тѣмъ предлогомъ, что теперь неважнѣмъ ѣхать, что надо подождать рѣшенія дѣла, а самъ скрывалъ отъ нея всѣ получаемыя письма, изъ которыхъ она могла бы узнать что-нибудь о ходѣ слѣдствія. 18-го мая онъ пишетъ Орловой: „Мама здорова, а ей спать прелесть... Хотя она и ни о чемъ не догадывается, однако большую часть времени она проводитъ при своемъ ребенкѣ, а когда естѣе чужіе, то выходитъ только къ завтраку или обѣду; я не мешаю ей въ этомъ, потому что нахожу это удобнымъ. При ней все время Соня; ты знаешь, какой я плохой угтѣшитель, благодаря моему рѣшкому характеру. Графиня Врандцалъ относится къ ней съ трогательной добротой. Новаго изъ ничего. Жду вѣстостей отъ Бенкендорфа или Алексѣя насчетъ духовнаго завѣщанія, какъ мы условились“. „Пиши для меня одного,—проситъ онъ 1 июня.—Впрочемъ, я вскрываю всѣ письма, адресованныя мамѣ, потому что письма тетяшка иной разъ такъ зажигательны, что я не могу отдавать ихъ ей“. 9-го июня онъ пишетъ другой сестрѣ, Еленѣ, которая жила при Орловой въ Москвѣ: „Спасибо за твои письма, милый другъ; только скажи Катѣ, чтобы она не писала мамѣ ничего, отсылающегося до приговора и суда; она забываетъ, что если бы только Мама подозрѣвала близость суда, то не было бы возможности удержатъ ее здѣсь. Необходимо, чтобы она узнала все какъ можно позже. Последніе дни она очень грустна; не знаю, что дѣлать съ этимъ, потому что подавать ей ложныя надежды было-бы жестоко. Я рѣшилъ вообще не говорить съ нею обо всей этой грустной исторіи. Ея сынъ здоровъ,—это большое счастье“. „Мама съ каждымъ днемъ грустнѣе,—пишетъ онъ недѣлю спустя.—Она сердится на меня за то, что я не говорю съ нею о дѣлѣ ея мужа, и жалуется на это Софѣ; но я предпочитаю надѣлать на себя ея несправедливыя упреки, нежели влиять ей ложныя надежды... Со дня на день идемъ гр. Воронцова, который привезетъ намъ вѣзвѣстїа“. 22-го июня онъ пишетъ отцу: „Дорогой отецъ, въ своихъ письмахъ ко мнѣ ты говоришь о приговорѣ, о категорїяхъ и пр., и Катя тоже, поэтому я не могу позавнять вашихъ писемъ мамѣ, которая, по моему мнѣнію, не должна ничего знать до окончательнаго рѣшенія. Пожалуйста, пишите ей отдѣльно, не говоря ничего, а мнѣ—со всѣми возможными подробностями. До сихъ поръ я получалъ достовѣрныя свѣдѣнія благодаря письмамъ Воронцова къ его сестрѣ, но теперь онъ пріѣхалъ и мы уже ничего не будемъ получать изъ Петербурга. Врандцалъ убѣждаетъ въ Москву въ первой половинѣ іюля. Мамѣ не хочется оставаться здѣсь безъ графини, и я ей ничего не говорю объ этомъ, исключая того, что ты къ тому времени вѣрнотю перенесешься... Вотъ письмо Бенкендорфа. Препреджаю тебѣ, что

*) Записка къ С. Г. Волконской, прилож., стр. 453.

это человек грубый и наглый со своими подчиненными; поэтому нельзя верить доверять его словам. Когда ты будешь ближе к Одессе, ты сам сможешь гораздо лучше уладить дело⁴.

Наконец судья был кончен, и 12-го июля подсудимым объявлен приговор. 24-го июля А. Раевский писал сестре: „Видишь, как я был прав, рѣшив остаться съ Машей, потому что она каждую минуту может узнать о своем несчастии и о всехъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, которыми оно сопровождалось... Хотѣлъ писать тебѣ много, но моя голова пуста. Я не думаю, что разжалование и ссылка Волконскаго такъ расстроитъ меня; я былъ готовъ къ этому, да и никогда не любилъ этого человѣка, а между тѣмъ мнѣ больно и за него, не говоря уже о Машѣ. Не забудь напомнить отцу о денежномъ дѣлахъ сына Маши. Волконскій написалъ завѣщаніе, оно должно быть у министра юстиціи; для этого надо обратиться къ Бенкендорфу“.

Раевскій не торопился сообщать сестрѣ о приговорѣ; онъ ждалъ, конечно, пока Волконскаго отправятъ въ ссылку. Во всякомъ случаѣ, главное было сдѣлано; теперь надо было обдумать вторую половину дѣла, именно—дѣйствіе положение Маши и ея сына. И этотъ вопросъ онъ считалъ нужнымъ рѣшить также ие справляясь о ея собственныхъ желаніяхъ, съ тою-же деспотической непреклонностью воли, съ какою онъ раньше рѣшилъ, что ей не сдѣлать фхата за мужемъ. 31-го июля онъ пишетъ Орловой: „Только-что получилъ письмо отъ несчастнаго Волконскаго, копію котораго прилагаю здѣсь. Я принимаю отвѣтственность, которую онъ возлагаетъ на меня, принимаю не столько ради него и его довѣрія ко мнѣ, сколько ради Маши, потому что несмотря на несчастіе, постигшее этого человѣка, я чувствую къ нему только жалость. Теперь намъ надо внимательно обсудить вопросъ о томъ, что должна дѣлать Мама. Покажи мое письмо отцу и спроси его звѣненъ мои доводы безъ предубѣжденія“. Тутъ онъ подробно разбираетъ нѣсколько плановъ устройства М. Н. на зиму съ точки зрѣнія удобства для нея и присутствія надлежавшей медицинской помощи для ея ребенка; затѣмъ онъ продолжаетъ: „Не отвнесись легко къ вопросу о мѣстѣ жительства Маши и о врачѣ для ея ребенка. Помни, что въ этомъ ребенкѣ все ея будущее, помни о страшной отвѣтственности, которая падаетъ на насъ, если мы не примемъ всѣхъ мѣръ предосторожности, какія въ нашей власти. Мы должны строго руководиться наиболее благоприятными вѣроятностями, а онѣ все или за кн. Ренину, или за Одессу. Что касается ея самой, ея воли, то когда она узнаетъ о своемъ несчастіи, у нея конечно не будетъ никакихъ желаній. Она сдѣлаетъ и должна дѣлать лишь то, что посоветуютъ ей отецъ и я. Заклинаю тебя показать мое письмо отцу цѣлкомъ и не поступать по собственному усмотрѣнію; если ты не

сдѣлаешь этого, я напишу прямо отцу. Надо дѣйствовать разсудительно и оставить въ сторонѣ всѣ мелкія соображенія“.

Итакъ, М. Н. и теперь еще ничего не знала, хотя съ времени приговора прошло уже три недѣли. Наконецъ, 26-го июля Волконскій былъ отправленъ въ ссылку. Теперь больше не было смысла скрывать отъ нея правду, и, вѣроятно, въ началѣ августа А. Н. сообщилъ ей все сразу—и приговоръ, и ссылку. Но какъ грубо онъ обманулся въ своемъ увѣренномъ предвидѣніи! Онъ былъ увѣжденъ, что, узнавъ о своемъ великомъ горѣ, она истаетъ въ слезахъ и упадетъ въ полное безсилье, а случилось обратное: горе не только не парализовало ея воли, но, напротивъ, вдругъ, какъ это всегда бываетъ съ женщинами, стануло въ одну точку всѣ тайныя силы ея существа, и она явила зрѣлѣе такой непреклонной энергіи въ достиженіи своей цѣли, какой невозможно было ожидать отъ 18-лѣтней избалованной женщины.

Въ своихъ „Запискахъ“ М. Н. рассказываетъ, что, узнавъ о приговорѣ, она тотчасъ объявила брату, что послѣдуетъ за мужемъ; А. Н., которому нужно было фхатъ въ Одессу, сказалъ ей, чтобы она не трогалась съ мѣста до ея возвращенія, но она на другой же день послѣ ея отвѣда уѣхала съ ребенкомъ въ Петербургъ. Она поѣхала не прямо въ столицу, а въ Ягтлинъ Полтавской губ., къ брату мужа Ренину; этотъ братъ, Николай Григорьевичъ, былъ въ дѣтствѣ переименованъ высочайшимъ указомъ по дѣду, за прекращеніемъ рода Рениныхъ, въ князя Ренина. М. Н. нашла шурина больнымъ; какъ только онъ поправился, всѣ, т. е. онъ съ женою и М. Н. съ ребенкомъ, переехали въ Петербургъ⁵.

Раньше ея прибылъ туда ея отецъ, старикъ Раевскій. 23-го октября онъ писалъ Орловой⁶: „Государь принять меня милостиво вмѣстѣ съ императрицей: они фхали гулять. Государю хотѣлъ увѣдомить, когда ему угодно будетъ пожелать аудіенцію, чего и дождалось.—Я жду Машеньку съ сыномъ вмѣстѣ съ княгиней Рениной всякую минуту. Буду ее удерживать отъ вѣднія знозизма Волконскаго.“ А 5-го ноября онъ сообщаетъ брату, П. Л. Давыдову: „Вчера съ прѣхала дочь моя Машенька. Ее Ренина обманомъ склонила отправиться сюда, будто старуха Волконская⁷ идетъ къ сыну; но я все это привелъ въ порядок“. Последняя записка старика помѣщена 20-го ноября: „Дѣла мои приводятся къ концу, но все еще дней шсть пробить должень, pour toucher un peu d'argent для Машенькина путешествія, которое будетъ, какъ я думаю, въ январѣ. Государь утвердилъ духовную Волконскаго, такъ ничто меня болѣе не задержитъ“.

Изъ „Записокъ“ М. Н. мы знаемъ, при какихъ условіяхъ

¹ Русскія Старина, 1878, июль, стр. 337.

² По-русски, какъ и дальнѣйшія ея письма.

³ У Раевскаго здѣсь описка: „Ренина“.

она убѣжала въ Сибирь, какъ черство относились къ ней родные мужа, не позаботившись даже снабдить ее всѣмъ необходимымъ для страннаго путешествія. Она убѣжала, оставивъ ребенка на попеченіи свекрови и невѣстокъ и давъ слово отцу, что вернется черезъ годъ. Она побѣлаа чрезъ Москву и пробыла здѣсь два дни; здѣсь 26-го декабря Зинаида Волконская устроила для нея музыкальнѣйшій вечеръ, на которомъ были и Пушкинъ и который такъ трогательно описанъ другимъ присутствовавшимъ поэтомъ, Веневитиновымъ. По немногимъ строкамъ въ ея „Запискахъ“ Некрасовъ создать чудную картину ея свиданія съ Пушкинымъ на этомъ вечерѣ:

Печалью была наша встрѣта, Поэтъ
 Подавленъ былъ истиннымъ горемъ.
 Припоминалъ онъ игры ребяческихъ лѣтъ
 Въ далекомъ Юрзуфѣ надъ моремъ.
 Покинувъ привычный наемный домъ,
 Съ любовью, съ тоской безконечной,
 Съ учащеніемъ брата наустивалъ онъ
 Подругу той жизни безнечной.
 Со мной онъ по коматъ долго ходилъ,
 Судьбой ослабелъ моею,
 Я помню, родиме, что онъ говорилъ,
 Да такъ передать не сумю:
 „Идите, идите! Вы сильны душой,
 Вы сильнѣе терпѣньемъ богаты;
 Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
 Пусть васъ не смущаютъ утраты!
 Повѣрите, душевной такой чистоты
 Не стоить сей свѣтъ невзвѣстный.
 Влаженъ, кто мнѣнетъ его суеты
 На подвѣтъ любви безкорыстной!“

и т. д., но кто не помнитъ этихъ строкъ?

Она ѣхала съ лакеемъ и горничной. 1-го января Александръ Раевскій писалъ сестрѣ Орловой: „Путешествіе Маши довольно плохо обставлено; при ней нѣтъ ни одного надежнаго человѣка. Не понимаю, какъ можно было не принять всѣхъ надлежащихъ мѣръ; кажется, стоило позаботиться. Кроме того, она ѣдетъ съ звинченной головой; я предпочелъ бы, чтобы она предприняла эту поѣздку только изъ сознанія долга, а не по чувствительному порыву. Теперь Богъ знаетъ, когда она вернется“.

Глубоко и сильно было горе отца. Оно сломило его крѣпкую натуру, и онъ недолго пережилъ разлuku съ Машей. Удѣляя для его письма къ старшей дочери, писанныя скорѣй послѣ отъѣзда Волконской. Ихъ невозможно читать безъ волненія.

„Ты не совсѣмъ справедливо судишь, мой другъ, Катенька, — пишетъ онъ 20-го марта 1827 г. — И ты такіе итѣколько под-
 вержена экзальтаціи, но энтузіазмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ,

до нѣкоторой степени, есть даръ Божій, переступая же черту, обращается въ сумашествіе.

„Если бъ я узналъ въ Петербургѣ, что Машенька ѣдетъ къ мужу безвозвратно и ѣдетъ отъ любви къ мужу, а бъ и самъ согласился отпустить ее навсегда, погresti се живую; и бъ ее оплакали кровавыми слезами, и не менше отпустили бы ее. Если бъ ты была въ ея несчастномъ положеніи, а бъ сдѣлать то же.“

„Возвратись изъ Петербурга, я узналъ отъ брата твоего и сестеръ, что М. имъ говорила, что мужъ бываетъ ей несносенъ. Мужъ и отецъ, погубивъ жену, какъ погубилъ Волконскій, терпятъ всѣ свои права на сердце жены своей; священные и свѣтскіе законы уничтожаютъ справедливо бракъ. Но если изъ-за этого сердце жены влечетъ ее къ мужу, какъ я полагаю М., тогда никто не долженъ препятствовать ей въ исполненіи ея желаній. Я то и сдѣлалъ, но полагаю не безъ причинъ послѣ, что она знала, что она ѣдетъ навсегда, и что она меня обманывала. — Письмо ея, вчера полученное, доказываетъ мнѣ противное, — но не менше она не чувству своему послѣдовала, похвѣвъ къ мужу, а влннью волконскихъ бабъ, которая похвалила ея геройству утвердила ее, что она героиня, — и она поѣхала, какъ дурочка. Нельзя мнѣ не негодовать на нее: она должна имѣть болѣе довѣренности ко мнѣ и къ моему разсудку, чѣмъ къ свекровымъ В—мъ; мнѣ и спокойствіе, и слава ея должны быть драгоценны. Если бъ я могъ надѣяться, что ея заблужденіе не исчезнетъ, тогда-бъ я не жалѣлъ о ея поступкѣ; но это не въ существѣ вещей, а между тѣмъ она однороднаго своего сына оставила безъ слезника!“

„Мой другъ! сердце отца не можетъ сохранить долго огорченія своего на дѣтей своихъ, и источникъ онаго доказываетъ привязанность мою къ ней. Я не показавъ ей ни капли онаго и никому не далъ подорывать его, кромѣ тебя. Адресуясь съ онымъ къ тебѣ, я выбралъ того, кто не будетъ возбуждать его. Мой другъ, если-бы ты знала, что мнѣ стоить Машенька здоровья, ты бъ исполнила мою чувствительность.“

„Письмо ея отъ 29-го января, писанное изъ Иркутска, принесло не малое утѣшеніе. Или она не знаетъ, что ей не позволено будетъ возвратиться, или сіе запрещеніе существуетъ только для удержанія женъ несчастныхъ отъ поѣздки въ Сибирь. Милосердый Государь нашъ не будетъ наказывать несчастныхъ и невинныхъ жертвъ своей любви къ мужьямъ за оную, и конечно чрезъ нѣкоторое время имъ позволено будетъ возвратиться. Дай Богъ мнѣ дожить до этого! Я тебѣ говорю, мой другъ, что письмо ея усладило мою горестъ, и въ самую нужную для сего минуту, ибо за часъ до получения онаго я писалъ къ Машенькѣ, и писалъ въ первый еще разъ по ея отъѣздѣ“.

Второе письмо писано мѣсяцемъ позже, 17 апрѣля.

она уѣхала въ Сибирь, какъ черство относились къ ней родные мужа, не позаботившись даже снабдить ее всѣмъ необходимымъ для страшнаго путешествія. Она уѣхала, оставив ребенка на попеченіи свекрови и невѣстокъ и дать слово отцу, что вернется черезъ годъ. Она поѣхала чрезъ Москву и пробыла адѣсь два дня; адѣсь 26-го декабря Зинаида Волконская устроила для нея музыкальный вечеръ, на которомъ былъ и Пушкинъ и который такъ трогательно описанъ другими присутствовавшими поэтами, Веневитиновымъ. По немногимъ строкамъ въ ея „Запискахъ“ Некрасовъ содѣлалъ чудную картину ея свиданія съ Пушкинымъ на томъ вечерѣ:

Печальна была наша встрѣча, Поэтъ,
Подвѣшенъ были истиннымъ горемъ.
Привинилъ онъ игры ребяческихъ лѣтъ
Въ далекомъ Юрауфѣ надъ моремъ.
Повинуя привычкѣмъ насмѣшливыхъ токъ,
Съ любовью, съ тоской безконечной,
Съ участіемъ брата напустивалъ онъ
Подругу той жизни безмячей.
Со мной онъ по коматѣ долго ходилъ,
Судьбой озабоченъ моею,
Я помню, родные, что онъ говорилъ,
Да такъ передать не сумѣю:
„Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смѣлымъ терпѣньемъ богаты;
Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
Пусть васъ не смущаютъ утраты!
Повѣрьте, душевной такой чистоты
Не стоить сей свѣтъ невѣстнаго!
Блаженъ, кто мнѣваетъ его суемы,
На подвигъ любви безкорыстной!“

и т. д., но кто не помнить этихъ строкъ?

Она ѣхала съ лакеемъ и горничной. 1-го января Александръ Раевскій писалъ сестрѣ Орловой: „Путешествіе Маши довольно плохо обставлено; при ней нѣтъ ни одного надежнаго человѣка. Не понимая, какъ можно было не принять всѣхъ надежданныхъ мѣръ; кажется, стоило позаботиться. Кроме того, она ѣдетъ съ звинченной головой; я предпочелъ бы, чтобы она предприняла эту поѣздку только възъ сознанія долга, а не по чувствительному порыву. Теперь Богъ знаетъ, когда она вернется“.

Глубоко и сильно было горе отца. Оно сломило его крѣпкую фигуру, и онъ недолго пережилъ разлуку съ Машей. Удѣлилъ два его письма къ старшей дочери, писанныя вскорѣ послѣ отъѣзда Волконской. Ихъ невозможно читать безъ волненія.

„Ты не совѣмъ справедливо судишь, мой другъ, Катенька, — писать онъ 20-го марта 1827 г. — И ты также нѣсколько подвержена оксалтаци, но ситуациямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ,

до нѣкоторой степени, есть даръ Божій, переступая же черту, обращается въ сумашествіе.

„Если бѣ я явля въ Петербургѣ, что Машенька ѣдетъ къ мужу безвозвратно и ѣдетъ отъ любви къ мужу, а бѣ и самъ согласился отпустить ее навсегда, погresti ее живую; и бѣ ее оплакавъ кровными слезами, и не менше отпустить бы ее. Если бѣ ты была въ ея несчастномъ положеніи, а бѣ сдѣлать то же.

„Возвратясь изъ Петербурга, я узналъ отъ брата твоего и сестеръ, что М. имъ говорила, что мужъ бываетъ ей несносенъ. Мужъ и отецъ, погубивъ жену, какъ погубилъ Волконскій, терять всѣ свои права на сердце жены своей; свѣщенныя и свѣтскіе законы уничтожаютъ справедливо бракъ. Но если изъ-за этого сердце жены влечетъ ее къ мужу, какъ я полагаю М., тогда никто не долженъ препятствовать ей въ исполненіи ея желаній. Я то и сдѣлалъ, но полагаю не безъ причинъ послѣ, что она знала, что она ѣдетъ навсегда, и что она меня обманывала. — Письмо ея, вчера полученное, доказываетъ мнѣ противное, — но не менше она не чувству своему послѣдовала, поѣхавъ къ мужу, а влннью волконскихъ бабъ, которыя похвалили ея геройству увидѣли ее, что она героиня, — и она поѣхала, какъ дурочка. Нельзя мнѣ не негодовать на нее: она должна имѣть болѣе довѣренности ко мнѣ и къ моему разсудку, чѣмъ къ сквернымъ В.—мъ; мнѣ и спокойствію, и слава ея должны быть драгоценны. Если бѣ я могъ надѣяться, что ея заблужденіе не исчезнетъ, тогда-бѣ я не жалѣлъ о ея воступлѣніи; но это не въ существѣ вещей, а между тѣмъ она единороднаго своего сына оставила безъ слезинки!

„Мой другъ! сердце отца не можетъ сохранить долго оторченія своего на дѣтей своихъ, и источникъ оваго доказываетъ привязанность мою къ ней. Я не покаялъ ей ни капли онаго и никому не далъ подозрѣвать того, кроме тебя. Адресуешь съ онымъ къ тебѣ, и выбралъ того, кто не будетъ возбуждать его. Мой другъ, если-бы ты знала, что мнѣ стоить Машенька здоровья, ты бѣ исполнила мою чувствительность.

„Письмо ея отъ 29-го января, писанное изъ Иркутска, принесло не малое утѣшеніе. Или она не знаетъ, что ей не позволено будетъ возвратиться, или сіе запрещеніе существуетъ только для удержанія женъ несчастныхъ отъ поѣздки въ Сибирь. Милосердый Государь нашъ не будетъ наказывать несчастныхъ и невинныхъ жертвъ своей любви къ мужьямъ за оную, и конечно чрезъ нѣкоторое время имъ позволено будетъ возвратиться. Дай Богъ мнѣ дожить до этого! Я тебѣ говорю, мой другъ, что письмо ея усладило мою горестъ, и въ самую нужную для сего минуту, ибо за часъ до получения онаго я писалъ къ Машенькѣ, и писалъ въ первый еще разъ по ея отъѣздѣ“.

Второе письмо писано мѣсяцемъ позже, 17 апрѣля.

«Нужно ты думаешь, мой друг Катенька, что в нашей семье нужно защищать Машеньку, Машеньку, которая, по моему мнению, поступила хотя несоразмерно, потому что не по одному своему движению, а по ностороннему влиянию действует, но не менее она в несчастии, какого во мнѣ жесточе найти мудрею, мудрею и выдумать даже. Неужто ты думаешь, что могут сердца наши закрыться для нея? Но полно и говорить обь этомъ. Въ письмахъ своихъ она все оправдываетъ своею поступкою, что доказываетъ, что она не совсѣмъ утѣрена въ добротѣ онаго. Я сказалъ тебѣ, мой другъ, одинъ разъ: фхати по любви къ мужу въ несчастіи—почтено. Не будемъ возвращаться къ этому предмету. Дай Богъ, чтобы наша несчастная Машенька осталась въ этомъ заблужденіи, ибо ономнѣнныя было бы для нея еще болѣе большимъ несчастіемъ»¹⁾.

И точно для того, чтобы довершить свой портретъ, онъ пишетъ въ концѣ этого письма по поводу отставки А. П. Ермолова: «Ермоловъ заслужилъ свое огорченіе, но не могу не жалѣть обь немъ. Онъ не великодушнѣе, поэтому будетъ несчастливъ: привычки быть виднымъ человѣкомъ, ничтожность его будетъ ему мучительна». Самъ Раевскій не любилъ громкихъ почестей и всего охотѣе, по словамъ его биографа, «терпѣлъ въ сельскомъ ублаженіи среди семейства своего».

XIII.

Орловъ отдѣлался легко: полугодициымъ комфортабельнымъ заключеніемъ въ крѣпости, да увольненіемъ со службы. По-реръ рассказываетъ, что А. Ф. Орловъ выбралъ для ходатайства за брата ту минуту, когда царь шель пріобщался. Сначала Николай отказалъ ему, но А. Ф. Орловъ просилъ, умолялъ, обещалъ за прощенье брата посвятить Николаю всю свою жизнь,—и царь наконецъ уступилъ. «Ночь»,—говоритъ Лореръ,—пріѣхалъ за М. Орловымъ возокъ, и такъ какъ онъ недалеко отъ меня сидѣлъ въ казематѣ, то я видѣлъ, какъ Подушкинъ сильно суетился, какъ одѣла генерала въ шубу, какъ его съ широкими поклонами усаживали и увезли»²⁾.

Горькій безъ сомнѣнія былъ правъ, сказавъ позднѣе, что если М. Ф. не пошлеть въ Сибирь, то это была не его вина, а его брата. Не будь Николай I такъ обявлялъ Адекею Орлову и, главное, не нуждаясь онъ и дальше въ немъ, онъ не выпустилъ-бы изъ своихъ рукъ Михаила. Есть всѣскія основанія думать, что онъ считалъ М. Ф. Орлова однимъ изъ главныхъ *заключенныхъ* виновниковъ заговора; это, конечно, о самомъ Николаѣ рассказываетъ Розентъ, что по окончаніи суда надъ декабристами «одно очень важное лицо сказало своимъ приближеннымъ:

¹⁾ Послѣдняя фраза написана по-французски.

²⁾ Изъ записокъ декабриста», Рус. Бог. 1904, мартъ, стр. 55.

«Орлова слѣдовало-бы повѣсить первого»³⁾. Точно такъ же думать вел. кн. Константинъ Павловичъ; когда Николай написалъ ему, что Орловъ знаетъ о намереніи Якубовича, онъ отвѣчалъ 14 іюня 1826 г.: «Одна вещь удивляетъ меня—говорю тебѣ это прямо: именно, поведеніе Орлова, и какъ онъ сумѣлъ найти сухимъ изъ воды и избѣгнуть суда»⁴⁾. И еще много позднѣе, въ декабрѣ 1832 г., когда были открыты въ Тифлиси заговоры, имѣвшій цѣлью вернуть Грузію независимость, Николай писалъ Паскевичу: «Г.-м. кн. Чавчавадзе былъ всему виновникомъ и, кажется, играть въ семь дѣлѣ роль, сходную съ Михаиломъ Орловымъ по дѣлу 14-го декабря»⁵⁾.

16 іюня 1826 г. относительно М. Ф. Орлова послѣдовала высочайшая резолюція: «во уваженіе прежней отличной его службы и извѣнія въ штрафъ шестимѣсячное содержаніе въ крѣпости», приказано отставить его отъ службы съ тѣмъ, чтобы и впредь не опредѣлить, и съ обязательствомъ безвыѣздно жить въ деревнѣ; мѣстному-же начальству имѣть за нимъ бдительный тайный надзоръ»⁶⁾. 19 іюня Орловъ былъ уже въ Москвѣ, въ объѣздахъ своей жемъ. Она родила чрезъ нѣсколько часовъ послѣ его пріѣзда. 30 іюня, извѣщая свою сестру о своемъ освобожденіи и о благополучномъ рожденіи дочери, онъ пишетъ: «Сидѣтвенно ась мои несчастія кончились, слава Богу, и могу я надѣяться на спокойную и счастливую жизнь въ семейственномъ кругу. Что-же касается до помысловъ о службѣ и блестящемъ состояніи въ обществѣ, вы знаете такъ же, какъ и я, что въ душѣ моей всѣ таковыя мысли давно уже исчезли. Спокойствіе и счастье въ умѣренности, вотъ мой уделъ. Онъ не хуже удела прочіихъ для благоразумнаго».

Спокойствіе и счастье въ умѣренности—какъ это было далеко отъ мечтаній о бурной жизни за родную страну, отъ надеждъ на «событіе»! Правда, въ эту минуту Орловъ ошибался: какъ человѣкъ, спасшемуся изъ кораблекрушенія, ему казалось, что въ сибирѣ нѣтъ ничего желаннѣе тихой пристани и семейнаго очага. Но онъ не догадывался, какъ скудно окажется это счастье въ умѣренности и какъ будетъ онъ томиться до конца. Лучше бы ему было не спастись такъ удачно.

Ближайшіе годы онъ жилъ въ своей казенной деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ, заводомъ и политической экономіей. Въ 1831 году онъ сдѣлалъ попытку выйти опять на сцену: онъ обратился къ Николаю съ просьбой позволить ему вступить въ военную службу рядовымъ. Николай велѣлъ сообщить ему, что ему разрѣшится жить въ Москвѣ и чтобы прислать своего сына для воспитанія въ Пажескомъ корпусѣ; на это

¹⁾ Баровъ А. Е. Розентъ, М. Н. Муромцевъ, Рус. Стар. 1884, апр., стр. 68.

²⁾ Шильеръ, Николай I, прил. № 519.

³⁾ Рус. Арх. 1897, апр., стр. 9.

⁴⁾ Астаф. арх. I стр. 459, и Шильеръ, Николай I, стр. 447.

Орлов отбывал, что съ благодарностью принимает разрешение жить въ Москвѣ, сына-же своего хочетъ воспитать самъ¹⁾.

И вотъ онъ перѣхалъ въ Москву, гдѣ купилъ и великолѣпно отбывалъ себѣ бошшой домъ на Пречистенскѣ. Здѣсь онъ и прожилъ до смерти, все время подъ тайнымъ надзоромъ; лишь незадолго до смерти, въ 1841 г. ему были дозволены и вѣхать въ Петербургъ. Онъ зналъ видное мѣсто среди московскаго общества, войдя въ кругъ тѣхъ передовыхъ людей, которые собирались въ салонахъ Свербеевой, Елагиной или у него самого. Всѣхъ ближе онъ былъ съ Чаадаевымъ; ихъ связывала долголѣтняя дружба и общность положенія. Орловъ пользовался большимъ уваженіемъ молодежи, какъ либераль и западникъ. У него бывали молодой Герценъ, и Пушкинъ, наизвая въ Москву, знакомился у него съ литературной молодежью изъ „Моск. Наблюдателя“.

Герценъ художественно изобразилъ Орлова въ послѣдній періодъ его жизни²⁾. Герценъ познакомился съ нимъ въ началѣ 30-хъ годовъ. „Тогда онъ былъ еще красавецъ: „чело, какъ черепъ голый“, античная голова, оживленные черты и высокой ростъ придавали ему истинно, что-то мощное. Именно съ такою наружностью можно увлекать людей. Возвращенный изъ ссылки, но не прощенный, онъ былъ въ очень затруднительномъ положеніи въ Москвѣ. Сидѣемый самолюбіемъ и жаждой дѣятельности, онъ былъ похожъ на льва, сидящаго въ клеткѣ и не смѣшаго даже рычать. Faute de mieux онъ окружилъ себя небольшимъ кругомъ знакомыхъ и проповѣдывалъ тамъ свои теоріи; главное лицо по талантамъ и странностямъ занималъ въ этомъ кругу Чаадаевъ. Подавленное честолюбіе, глубокая увѣренность, что онъ могъ-бы дѣйствовать съ блескомъ на высшихъ правительственныхъ мѣстахъ и воспоминаніе прошедшаго, желаніе сохранить его какъ вѣчно святое, ставило Орлова въ непрерывное колебаніе. „Стереть прошедшее“ и явиться какою-то Магдалиной,—говорилъ одинъ голосъ; „не сходить съ величественнаго пьедестала, который данъ ему прошедшимъ интересомъ и оставаться окруженнымъ ореоломъ оппозиционности“,—говорилъ другой голосъ. Отъ этого Орловъ дѣлалъ непрерывныя ошибки, вовсе безъ нужды и безъ пользы громкогласно иной разъ унижался и пріобрѣталъ одинъ стыдъ. Ибо тѣ, передъ которыми онъ это дѣлалъ, не доверяли ему, а тѣ, которые были свидѣтелями, терпели уваженіе... И въ самомъ дѣлѣ, непріятно было видѣть на московскихъ гуляньяхъ и балахъ Михаила Федоровича въ то время, какъ всѣ его товарищи ниди и уничтожались на кагорѣ. Орловъ не умѣлъ носить трауръ, который ему повѣдывала благоразумность высшаго.“

„Отъ скуки Орловъ не зналъ, что начать, Пробовалъ онъ и

хрустальную фабрику заводить, на которой дѣлались средневѣковыя стекла съ картинами, обходившіеся ему дороже, чѣмъ онъ ихъ продавалъ, и книгу онъ принимался писать „О кредитѣ“³⁾, нѣтъ, не туда рвалось сердце, но другого выхода не было. Левъ былъ осужденъ правдою бродить между Арбатомъ и Басманной, не смѣя даже давать волю своему языку“.

Герценъ оставилъ Орлова въ 1834 г. и снова увидѣть уже незадолго до его смерти, въ 1841-мъ: „Онъ на меня сдѣлалъ ужасное вліяніе: что-то руинное, убитое было въ немъ. Работавши 7 лѣтъ и все попустому, чтобы получить поприще, онъ убѣдился, что тамъ никогда не простать, что ни дѣлай. А юное поколѣніе далеко ушло и съ снисхожденіемъ (а не съ увлеченіемъ) смотрѣло на старика. Онъ все это чувствовалъ и глубоко мучился, занимался отдѣлкой дома, стеклянныиъ заводомъ, чтобы заглушить внутренній голосъ, но не выдержалъ“.

Орловъ умеръ въ Москвѣ въ 1842 г., 18 марта, въ день сдачи Парижа.

„Онъ умеръ спокойно, величаво,—говоритъ Герценъ.—Все лутное въ Москвѣ показало участіе въ болѣзномъ, даже незнакомые. Обѣдали, повали, благословили въ путь. Толпа народу была на отбываніи и проводила его. Послѣ его смерти полиція онечала бумажки и отослала въ Петербургъ“.

Внуки Орлова хранятъ листокъ бумаги, гдѣ рукою Чаадаева написано прощанье надгробной надписи другу: „Здѣсь покоится прахъ ген.-м. М. Ф. Орлова. Современники помнили, что онъ участвовалъ въ достославномъ убиеніи всенародной войны противъ Франціи, подписавъ 1814 года, марта 18, сдачу Парижа. Друзья любили его добрую душу. Воже, помилуй эту добрую душу! Родился 1788 года, скончался 1842 года, марта 18“. Иного рода эпитафію написали ему Герценъ въ „Вильомъ и Думахъ“:

„...Въ Люцернѣ есть удивительный памятникъ; онъ сдѣланъ Торвальдсономъ въ дикой скалѣ. Во шпандѣ лежитъ умирающій левъ; онъ раненъ на смерть, кровь струится изъ раны, въ которой торчитъ обломокъ стрѣлы; онъ положилъ молодецкую голову на лану, онъ стонетъ, его взоръ выражаетъ нестерпимую боль; кругомъ нуется, внизу журдъ, все это задвинуто горями, деревьями, зеленью; врозжию идутъ, не догадываясь, что тутъ умираетъ царственный звѣрь.“

„Разъ какъ-то долго сидя на скамьѣ противъ каменнаго страдалца, я вдругъ вспомнилъ мое послѣднее посѣщеніе Орлова...“

¹⁾ Книга Орлова „О государственномъ кредитѣ“ вышла анонимно въ 1833 г. и поодѣе (1840) была переведена на нем. яз., см. Рус. Арх. 1899, I, 633—4.

¹⁾ Изъ письма Крестина, Р. Арх. 1884, № 6, стр. 148.

²⁾ Сов. Герцена, русск. изд. т. VI, стр. 4 сл., т. II стр. 131.

А остальные наши герои?

Троиза 14 декабря убила ихъ всѣхъ, но по равному. Если Орлова она отравила ядовитыми газами, которые медленно убивали его въ продолженіе 16 дѣтъ, то старика Раевского она конушила на смерть. Онъ умеръ въ сентябрѣ 1829 г. Онъ данно простить свою Машеньку. Онъ дѣлать выговоры сыну Николаю, который въ своихъ писмахъ къ сестрѣ никогда не посылать поклона Волыковскому¹⁾; а накануне смерти онъ сказалъ одному изъ своихъ друзей, указывая на портретъ М. П., вѣщавшій въ его коматѣ: „Вотъ самая удивительная женщина, какую я видѣлъ“²⁾.

Александръ Раевскій такъ и не вернулся болше на службу и всю свою остальную жизнь проходилъ „отставнымъ камергеромъ“. Онъ вернулся въ Одессу и жилъ то здѣсь, то у Браицкой, смотря по тому, гдѣ жила Воронцова. Въ 1828 г. эта исторія кончилась: ее кончили Воронцовъ, и такъ же грубо, какъ четыре года назадъ съ Пушкинымъ. Что собственно произошло, мы не знаемъ, но въ одинъ прекрасный день графъ Воронцовъ послалъ письменное заявленіе полицеймейстеру одесскому о томъ, что Раевскій, встрѣтивъ его супругу на загородной прогулкѣ, преслѣдовать ее своими любовностями; онъ жаловался, какъ частный человекъ (а онъ былъ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ), угрожая въ то же время прибѣгнуть къ высшей власти, если не получитъ удовлетворенія.—Получивъ эту бумагу, полицеймейстеръ лично отправился къ Раевскому, который охотъ нужнымъ дать письменный отвѣтъ. Онъ отвѣчалъ, что не говорилъ графинѣ ничего дерзкаго. „Мнѣ весьма прискорбно,—писалъ онъ,—что графъ Воронцовъ вмѣшиваетъ полицію въ семейственныя свои дѣла, и чрезъ то даетъ имъ столь непріятную гласность. Я покажу болѣе умѣренности и чувства приличія, не распространяясь далѣе о такомъ предметѣ. Что же касается до донесеній холостій его сентельства, то оныя совершенно ложны“.

Въ это время старикъ Раевскій еще былъ живъ. О дальнѣйшемъ ходѣ дѣла краснорѣчиво повѣствуетъ его письмо на имя Николая I отъ 12 июля 1828 г.:

„В. и. в., всемилостивѣйшій государь, графъ Воронцовъ извѣщаетъ меня письмомъ, что сынъ мой, по высочайшему вашему повелѣнію, высланъ изъ Одессы въ Полтаву за разговоры его противъ правительства и военныхъ дѣйствій, *оправдываясь предъ мною, что онъ сему не причиною.*

„Тридцать съ лишнимъ лѣтъ я знаю графа Воронцова.

„Несчастная страсть моего сына къ графинѣ Воронцовой вовлекла его въ поступки неблагоуразумные, и онъ непростительно виноватъ предъ графинею.

„Графу Воронцову нужно было удалить моего сына, по всей справедливости, что могъ онъ сдѣлать образомъ благороднымъ: графиня Браицкая могла о семъ просить васъ для спокойствія семейнаго. Но онъ не рассудилъ сего. Графъ Воронцовъ богатъ, военный генералъ-губернаторъ, можетъ деньгами и другими награжденіями найти кого донести и присагнуть въ чемъ угодно графу Воронцову.

„Всемилоостивѣйшій государь, сынъ мой не въ состояніи говорить ни мыслить противъ правительства; накажите его за его неблагоуразуміе, но не по клеветѣ, на него нанесенной; первое можете его ввести въ рассудокъ, а послѣднее—погубить; если же я обмануль васъ, я преступникъ, накажите меня по винѣ моей.

„Имѣю счастье быть и проч. Николай Раевскій, генераль-отъ-кавалерій“¹⁾.

Въ Полтавской губ. А. Н. оставался заточеннымъ довольно долго; еще годъ съ лишнимъ спустя онъ только по специальному разрѣшенію могъ съѣздить оттуда къ умирающему отцу. Потомъ онъ получилъ право жить въ столицѣ, поселился въ Москвѣ, женился, и даже на богатой, скоро овдовѣлъ и затѣлъ весь отдался воспитанію своей малютки-дочери „Сашонь“. Потомъ и дочь выросла и вышла замужъ (за гр. Ностица), и уже не на что было тратить остатки такъ безцѣльно растраченныхъ душевныхъ силъ. Послѣднія нѣсколько лѣтъ онъ жилъ въ Ниццѣ, гдѣ и умеръ на 74 году, 23 октября 1868 г. И отца, и мужа, и братьевъ, и всѣхъ сестеръ пережила Екат. Ник. Орлова, умершая только въ 1886 году.

М. Гершензонъ.

¹⁾ Воспитанія М. В. Кюфальца, Рус. Арх. 1880, III, стр. 432.

²⁾ Рус. Стар. 1878, июль, 398.

¹⁾ Рус. Стар. 1885, ноябрь, стр. 402—3.

Между былымъ и настоящимъ.

(Изъ розыскныхъ дѣлъ №—скаго жандармскаго правленія).¹⁾

Псевдонимы революціонныхъ дѣателей.

- „Абрамсонъ“, онъ же „Давидовичъ“.—Медемъ, Владиміръ Давидовъ.
 „Абсолютъ“.—Стасова, Елена Дмитріева.
 „Адольфъ“.—Шерговъ, онъ же Шерегонъ, Михаилъ Ивановичъ.
 „Александровъ“.—Милоковъ, Павелъ Николаевъ.
 „Акимовъ“.—Махновецъ, Владиміръ Петровъ.
 „Анисимовъ“.—Князь Долгоруковъ, Петръ Дмитріевъ.
 „Анскій“.—Раппопортъ, Соломонъ (Шлема) Ароновъ.
 „Ася“.—Кнузянцъ, Богданъ Мердзаджановъ.
 „Арганьянецъ“.—Гогеля, Георгій Ильинъ.
 „Афанасьевъ“.—Дейчъ, Левъ Григорьевъ.
 „Барабанъ“.—Гурскій, Маріанъ Григорьевъ.
 „Батуринскій“.—Бурцевъ, Владиміръ Львовъ; эмигрантъ.
 „Богучарскій“.—Яковлевъ, Василій Яковлевъ.
 „Борисъ“ („Сѣверскій“, „Ниль“, „Глѣбовъ“).—Носковъ, Владиміръ Александровъ.
 „Браунъ“.—Вечеславъ, Михаилъ Георгіевъ.
 „Брухеръ“.—Махновецъ, Лидія Петровна.
 „Бюловъ“.—Мандельбергъ, Викторъ, врачъ.
 „Бѣлова“.—Брешковская, Екатерина.
 „Валентинъ“.—Валлахъ, Мееръ (Максъ), Генехъ Мошевъ.
 „Василеникъ“ или „Василениковъ“.—Локерманъ, Александръ Самойловъ, клчка Адамъ Юрьевичъ.
 „Василій Ивановичъ“.—Щекочинъ, Федоръ Ивановичъ.
 „Веніаминъ“.—Савиныхъ, Борисъ.
 „Викторовъ“.—Ногинъ, Викторъ Павловичъ.
 „Волковъ“, онъ же „Бѣлкинъ“, онъ же „Мартынъ“.—Розановъ, Владиміръ.
 „Воробьевъ“.—Дипкинъ, Федоръ Андреевъ.
 „Вѣра“.—Рерихъ, Екатерина.
 „Галерка“.—Луначарскій, Анатолій.
 „Гарденингъ“.—(„Кудринъ“, „Рудинъ“) —Черновъ, Викторъ Михайловъ.

¹⁾ Воспроизведенъ доставленный намъ документъ безъ комментариевъ, не можемъ, однако, не замѣтить, что, напр. В. А. Бурцевъ никогда подъ псевдонимомъ Батуринскаго не писалъ и никогда эту фамилію ни для какихъ цѣлей не носилъ. Существовать ли списки, сколько разъ известно, и другія столь же грубыя ошибки. Словомъ, наши ссылки до Лозоваго еще далеко...

Ред.

- „Горскій“.—Вольскій, Владиміръ Казиміровичъ.
 „Глѣбовъ“.—Яковлевъ, Василій Яковлевичъ.
 „Глѣбовъ“ („Ниль“).—Носковъ, Владиміръ Александровъ.
 „Груздевъ“.—Блюменфельдъ, Іосифъ Соломоновъ, руманск. подданный.
 „Гусевъ“ („Лебедевъ“).—Драбкинъ, Шмая Веніаміновъ.
 „Донъ“.—Гуревичъ, Федоръ Ильинъ.
 „Дементьевъ“.—Бассовскій, Іосифъ Берковъ.
 „Динамитъ“.—Лазаревъ, Веніаминъ.
 „Диканскій“.—Азефъ, Евно.
 „Довенчъ“.—Гуревичъ, Эмануилъ Менделъ Львовъ.
 „Дидинка“ („Носаръ“, „Василій Ивановичъ“).—Щекочинъ, Федоръ Ивановичъ.
 „Егоровъ“.—Юрьевъ, Капитонъ Григорьевъ.
 „Жена“.—Селянко, Александра Африкановна, рожд. Битрюмова.
 „Заславскій“.—Вейштокъ, Викторъ Александровичъ.
 „Землячка“.—Трелина Зинаида.
 „Вѣбрь“ („Розенбергъ“ и „Соколы“).—Дешина, Зинаида.
 „Исаковъ“.—Гольдманъ, Михаилъ Исаковъ.
 „Иснать“ („Павловичъ“).—Красиковъ, Петръ Ананьевъ.
 „Ильинъ“ („Ленинъ“) —Ульяновъ, Владиміръ Ильинъ.
 „Исаровъ 1-й“.—Лалаичъ, Исаакъ Христофоровъ.
 „Исаровъ 2-й“ или „Николай Исаровъ“.—Раковскій, Кристо Георгіевичъ рум. подд.
 „Кантъ“.—Соколовъ, Михаилъ.
 „Катя“ („Ленка“).—Ульянова, Надежда Константиновна.
 „Кирова“.—Засудичъ, Вѣра Ивановна.
 „Клименко“.—Гурскій, Маріанъ Григорьевъ.
 „Коганъ“.—Дейчъ, Левъ Григорьевъ, до православія Лейба Гершковъ.
 „Кольцовъ“.—Генцбургъ, Берко Абрамовъ.
 „Комовъ, А. И.“.—Юделевскій, Яковъ (Янкель) Лейзеръ Лейзеровъ.
 „Комарскій“.—Малиновскій.
 „Конягинъ“, онъ же „Лошадь“.—Гальперинъ, Левисъ Хаймовъ.
 „Костичъ“ („Костя“).—Гальберштадтъ, Сура-Рейзелъ Самсонова.
 „Корнъ“.—Кочуркинъ, Николай Исаковъ.
 „Красновскій, Миша“.—Сайфетъ Мойше Элевъ.
 „Краснопольскій“.—Раппопортъ.
 „Куликовскій“.—Бассовскій, Берковъ.
 „Лазаръ“.—Балеръ Лейзеръ Шулевъ.
 „Лабусъ Мейеръ“.—Минскъ Мееръ Мошевъ.
 „Ларинъ Юрій“.—Лурье, Михаилъ Соломоновъ.
 „Лидовъ“ („Людговъ“).—Лейтманъ, Газринъ Давидовъ.
 „Лидинъ“ („Лядовъ“).—Мандельштамъ, Маринъ Львовъ.
 „Литвиновъ“.—Валлахъ Максъ Генхъ Мошевъ.
 „Лѣсенко“.—Леманъ, Ина Гермогенова, рожд. Сидовичъ.
 „Лосня“.—Баронъ Келлеръ-Краузе.
 „Мачыньскъ“.—Кокосовъ, Геннадій Ивановичъ.
 „Макаръ“.—Александровъ, Иванъ Платоновъ.
 „Максимъ“.—Новиковскій, Яковъ.
 „Маркъ“.—Гальперинъ, Левисъ.

- „Мартовъ“, онъ же „Сергѣевъ“.—Цедербаумъ, Юлій Осиповъ.
 „Мартиновъ“.—Шикеръ Саулъ Самуиловъ.
 „Мартынь“.—Розановъ, Владиміръ.
 „Матреновъ“.—Смидовичъ, Петръ Гермогеновъ.
 „Настасья Ивановна“ („Стихія“) —Радченко, Любовь Николаевна, рожд. Баранская.
 „Никофоровъ“.—Веденяпинъ, Максимъ.
 „Неворовъ“, онъ же „Рязановъ“.—Нахамкинъ Евгений Юрій Овша Моисеевъ.
 „Нагребейцъ“.—Бурцевъ, Владиміръ.
 „Олимпъ“.—Лейстинскій, Пантелеймонъ Ивановъ.
 „Ортодоксъ“.—Аксельродъ, Любовь Николаевна.
 „Павловъ“.—Миндлинъ.
 „Перова“. Бончъ-Бруевичъ, Вѣра Михайловна, урожд. Величюна.
 „Петербургецъ, К.“ и „Петербургецъ, А.“ („Короневскій“) —Мужъ и жена проживающіе въ Лондонѣ и извѣстные тамъ подъ именемъ „Таръ“ или „Тара“. Онъ бывший редакторъ „Рабочей Мысли“.
 „Петровский“.—Сомовъ, Осипъ Ивановичъ.
 „Полтавскъ“, прежде „Грачъ“.—Бауманъ, Николай Эрнстовъ.
 „Половъ“.—Гуревичъ, Абрамъ Нафтулиевъ Герцевъ.
 „Ровичъ“.—Полиновскій, Іосъ Мордуховъ.
 „Розинъ“.—Милль, Іосель.
 „Рудниковъ“.—Райхсбергъ, проф. Берискъ унив.
 „Рузовъ“.—Орловъ, Александръ Георгіевъ.
 „Радной“.—Малиновскій, Александръ Александровъ.
 „Рязановъ“.—Гольдендахъ, Давидъ Симка Беровъ Зельмановъ.
 „Самсоновъ“.—Вольскій, Давидъ Казиміровъ.
 „Серебровъ“.—Зильберфарбъ Гецель Говсѣевъ.
 „Спасскій“.—Чичинадзе, Николай Александровъ.
 „Старикъ“.—Плехановъ, Георгій Валентиновъ.
 „Старичекъ“ (въ 1902 г.) —Крохмаль, Викторъ Николаевъ.
 „Старовѣръ“.—Потресовъ, Александръ Николаевъ.
 „Сѣверскій, Борисъ Николаевъ“ —Носковъ, Владиміръ Александровъ.
 „Тагъ“.—Таршинъ, Іосиль Оріоловъ.
 „Ташкентецъ“.—Веденяпинъ, Михаилъ Александровъ.
 „Тодоровъ“.—Иковъ Владиміръ Константиновъ или Пайкисъ Александръ.
 „Тоня“.—Блюменфельдъ, Іосифъ; секретарь Центр. Ком. Рос. Соц.-Дем. Р. партіи въ Берлинѣ, сторонникъ меньшинства.
 „Тимофей“ („Юдинъ“) —Капельзонъ, Цемахъ Мордуховъ.
 „Троцкий“.—Бронштейнъ, Левъ-Лейба Давыдовъ.
 „Устиновъ“.—Лозинскій, Евгений Іустиновъ.
 „Ульрихъ“.—Іодко-Наркевичъ, Фома Витольдовъ.
 „Фоминъ“ („Загорскій“) —Крохмаль, Викторъ Николаевъ.
 „Фроленко“.—Мальцманъ, Борисъ Шмулевъ.
 „Фройка“.—Рахландъ, Фроимъ Мееровъ.
 „Фруктъ“.—Лебедевъ, Борисъ Николаевъ.
 „Черноземъ“, Андѣевъ Михаилъ.
 „Шарко“.—Елизарова, Анна Ильина, урожд. Ульянова.
 „Шварцъ“.—Воровскій, Воцлавъ Феофильтъ.

- „Шведъ“.—Мееровичъ.
 „Швейдъ, Евгения Давыдова“.—Милашевская, Марія Ивановна.
 „Эмануиловъ“.—Кореневскій, Маркусъ.

Псевдонимы революционныхъ организаций.

- „Борисъ“.—Боевая организация партіи социалистовъ-революционеровъ.
 „Бора“.—Большинство.
 „Вѣра“.—Вѣстникъ Русской Революціи.
 „Кода“.—Петербург. Ком. соц. дем. раб. партіи.
 „Лига“.—Аграрно-соціалистическая лига.
 „Миша“.—Меньшинство.
 „Надя“.—Обозначаетъ въ Бурцевской группѣ народоупольцевъ.
 „Рая“.—Революціонная Россія.
 „Фаустъ“.—Центральный Комитетъ.
 „Фекла“.—Искра.
 „Функель“ (въ перепискѣ „Бунда“) —Искра.

Условные термины.

- „Сапоги“.—Иногда паспортъ.
 „Тана“.—Транспортъ нелегальныхъ изданій.

„Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“.

(Продолженіе.)¹⁾

Показанія Кожанчикова, Ничипоренна, Бени и Гаевского. Дренинская работа.

Комиссія выжидала дѣйствій Дрянкина и рѣшила, что какъ только узнаетъ, что онъ приступилъ въ Москвѣ къ обыскамъ, обыскать въ Петербургѣ *Дмитрія Ефремовича Кожанчикова*, доставить его къ оберъ-полицеймейстеру и сдѣлать подробный допросъ, на который вызвать Бени и Максимова.

22 ноября къ Кожанчикову награнули съ обыскомъ, но ничего подозрительнаго не нашли. На допросъ онъ отрекся отъ знакомства съ Кельсьевымъ и поѣздки съ нимъ въ Москву и вообще не обнаружилъ говорливости. Желая дѣйствовать на него, какъ на вѣрующаго человѣка, Кожанчикова долго увѣщевалъ попу, но, несмотря на это, 4 декабря онъ лишь подтвердилъ прежнее показаніе. Дали очную ставку съ Ничипоренкомъ—Кожанчиковъ остался при своемъ.

Черезъ четыре дня послѣ очной ставки Ничипоренко далъ комиссіи очень цѣнную указаніе, въ которомъ обнаружилъ способности сыщика. Онъ рекомендовалъ допытаться отъ Максимова всего, чтобы обнаружить участіе въ дѣлѣ Кожанчикова. Относительно же Гаевского его совѣтъ былъ такой: поискать въ его бумагахъ или въ банкъ переводное письмо (вексель), адресованное на лондонскій торговый домъ отъ здѣшняго торговаго дома Винкена, съ бланковою надписью Тиблена. Отсканіе такого векселя въ архивъ самого Гаевского или въ банковскомъ дастъ твердое указаніе, что Ничипоренко отослалъ такимъ образомъ деньги въ Лондонъ. При этомъ Ничипоренко допускалъ, что онъ на очной ставкѣ умышленно умолчалъ пока о двухъ доказательствахъ: первое—Кожанчиковъ далъ ему 100 рублей передъ отъѣздомъ за гра-

ницу на приобретене сочиненій Кельсьева, и второе—письмо Герцена къ Владимірову Ничипоренко передалъ Гаевскому, на что тотъ сказалъ—«хорошо». Не преминулъ онъ и сообщить еще, что вспомнилъ, что подложный паспортъ Кельсьеву досталъ Налбандинъ.

Допрошенный Бени сознался, что Кельсьевъ былъ у него въ первый день прѣзда въ Петербургъ и въ день отъѣзда въ Москву; о цѣли прѣзда онъ не спросилъ, опасаясь быть должно понятымъ въ виду слуховъ о своемъ шпіонствѣ. Когда Кельсьевъ сказалъ, что хочетъ видѣть Ничипоренку, Бени послалъ за нимъ мальчика въ редакцію «Сѣверной Пчелы». Подписей ни на какой адресъ не собиралъ, денегъ для Бакунина—тоже. Комиссія признала нужнымъ, учредить за нимъ строгій надзоръ... 28 ноября Бени обратился къ ней съ прошеніемъ, въ которомъ писалъ, что «убѣдившись уже съ нѣкотораго времени, что его занятія, какъ литературныя, такъ и ученныя, дѣлаютъ Россію болѣе выгоднымъ для него мѣстопребываніемъ, чѣмъ Англія, и имѣя вслѣдствіе этого намѣреніе поступить въ русское подданство», онъ узналъ, что, состоя подъ слѣдствіемъ, не можетъ сдѣлать этого теперь же. Поэтому онъ проситъ разрѣшить ему ходатайствовать о поступленіи въ русское подданство. При этомъ Бени прибавлялъ, что хорошо понимаетъ, что избавленъ отъ мѣры административнаго воздѣйствія и именно потому «желалъ бы добровольно отказаться отъ этого преимущества именно теперь, когда подобный шагъ могъ бы служить по крайней мѣрѣ нравственнымъ доказательствомъ его желанія продолжать его прежній занятія и совершенной безвредности его дѣйствій».

Комиссія объявила, что разрѣшеніе этого прошенія не входитъ въ ея компетенцію.

Читатели, можетъ быть, помнятъ, что взяты были сначала на подозрѣніе а потомъ и просто на сугубое наблюденіе *Виктора Павловича Гаевскій*, котораго только и поджидали изъ-заграницы. Еще въ октябрѣ у него на квартирѣ былъ сдѣланъ тщательный обыскъ, послѣ котораго всѣ бумаги опечатали и сдали въ III отдѣленіе, а книги запечатали въ срѣзъ. Гаевскій вернулся въ серединѣ ноября и сейчасъ же запросилъ кн. Голицына, въ чѣмъ его обвиняютъ.

Изъ бумагъ его комиссія обратила вниманіе на два письма: одно Панаевой, другое—Касаткина.

1. «Успокойтесь, Антоновичъ, развѣ взять, то сейчасъ, потому что въ 2 часа дня сегодня выдѣли Чернышевскаго, который былъ спокоенъ, а это невозможно было бы при арестованіи Антоновича. Очень желаю, чтобы вы скорѣе выздоровѣли. Сейчасъ поѣдутъ къ Антоновичу, чтобы бы совершенно увѣренными, что арестованіе не было. *Ав. Панаева*».

2. «Многоуважаемый
Викторъ Павловичъ.

«Такъ какъ я остаюсь въ Питерѣ до воскресенья, а четвергъ занятъ у васъ, да и я забылъ, что обѣщался быть въ этотъ день

¹⁾ Ст. „Визоль“ №№ 9 и 10.

въ клубъ, то позволите мнѣ побесѣдовать съ вами въ пятницу, или въ субботу. Назначеніе того или другого дня зависитъ отъ васъ, объ чемъ вы и черкните мнѣ. За отписку вашей статьи душевно благодаренъ. О Вадимѣ ¹⁾ до сихъ поръ—ни слуху ни духу».

Преданный вамъ.

В. Касаткинъ.

28 марта
1862 г.

Перваго декабря Гаевскому была сдѣлана допросъ. Онъ категорически отрицалъ всякія свои сношенія съ заграничной эмиграціей и полученіе вырѣзокъ изъ «Колокола». Правда, получалъ отъ Ничипоренка «Колоколь», но возвращалъ въ этотъ же день. Съ Кельсиевымъ никогда не видѣлся. Вообще Гаевскій рѣшилъ взять смѣлостью отрицанія. На очной ставкѣ съ Ничипоренкомъ письма Гаевскому... Временно его рѣшили оставить въ покоѣ.

Черезъ нѣсколько дней Потаповъ сообщилъ комиссиі, что у Траверсе наблюдаются признаки умопомъшательства и что его помѣстили уже въ военно-сухопутный госпиталь...

Дренкинъ работалъ.

Прежде всего по его просьбѣ комиссіа уѣдомила министра иностранныхъ дѣлъ, что она не ручается за сохранность важныхъ государственныхъ актовъ въ московскомъ архивѣ, если не будетъ обращено должное вниманіе на служащаго тамъ литератора Афанасьева ²⁾... Разумѣется, на него было обращено это должное вниманіе и заявлено, что если онъ не оправдается совершенно отъ подозрѣній въ неблагонамѣренныхъ дѣйствіяхъ, то будетъ немедленно уволенъ.

22 и 23 ноября Дренкинъ произвелъ обыски у Челишевой, кн. Трубецкаго, Афанасьева, Козлова и Ошмянскаго, ничего подозрительнаго не нашелъ и потому ограничился подписками о невѣдѣн. Къ Орфано былъ командированъ полковникъ Дурново. При этомъ «любитель не бюрократическихъ словосочетаній», Дренкинъ писалъ Потапову, что нарочно не арестовалъ помянутыхъ лицъ, избѣгая пока шума, но что, если правительствомъ признаетъ арестованіе необходимымъ, то пусть только сообщитъ ему объ этомъ шифромъ—и все сдѣлается очень тонко и хорошо.

На допросъ Афанасьева категорически отрицалъ знакомство съ Кельсиевымъ, котораго, по словамъ П. А. Ефремова, принялъ у себя весьма сухо. Трубецкаго и Шибаева знаетъ, а Козлова—только въ

¹⁾ Псевдонимъ В. Кельсера.

²⁾ Любопытно, что Афанасьеву на было послѣднее въ виду изданія «Народныхъ русскихъ легендъ», вышедшее въ мѣ 1859 г. въ Лондонѣ; оно совершенно исключило отъ вниманія III отдѣленія и комиссіа.

лицо. Касаткинъ участвовалъ въ его «Библиографическихъ Запискахъ» 1858—1859 г.

Челишева о прїѣздѣ Кельсера въ Россію не знала ничего, пока не арестовали Петровскаго. Тогда самое показали Ошмянскаго, Козлова, Трубецкаго и братья Орфано.

Очевидно, надо было заставить ихъ всѣхъ говорить, и потому Голицынъ приказалъ пригласить ихъ въ Петербургъ, куда они и прїѣхали безъ особаго надзора. Но на допросахъ комиссіа всѣ прїѣхавшіе москвичи ровно ничего не прибавили къ сказанному Дренкину...

4 декабря были допрошены вытребованный для этого *Дмитрій Васильевичъ Кашкинъ*, 33 лѣтъ, воспитавшійся въ лицѣ. Съ Герценомъ онъ познакомился въ Лондонѣ, гдѣ жилъ въ одномъ отелѣ съ Траверсе; оба они въ пропагандѣ не принимали никакого участія.

7 декабря Голицынъ доложилъ государю о необходимости вызвать изъ-заграницы Александра Серно-Соловьевича, Кельсера, Тургенева, Касаткина и Черкесова, и получить высочайшее одобреніе этой мѣры. Немедленно были сдѣланы всѣ соотвѣтствующія распоряженія по министерству иностранныхъ дѣлъ.

15 декабря Голицынъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ о томъ, что слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ бумагахъ Афанасьева найдена копія секретнаго доклада о раскольникахъ, Александръ II написалъ: «необходимо».

Одновременно въ Рыбинскѣ былъ допрошенъ товарищъ Владиміра Журалевъ, показавшій, что какъ только онъ получилъ экземпляръ прокламаціи «Земская Дума», такъ сейчасъ же его уничтожилъ. За Журалевымъ приказано было учредить строгій полицейскій надзоръ.

Показанія Серно-Соловьевича.

Теперь вернемся къ Серно-Соловьевичу.

5, 8 и 11 декабря ему были сдѣланы второй, третій и четвертый допросы. Повидимому, онъ рѣшилъ измѣнить свою тактику и на этотъ разъ не уклонился отъ нѣкоторыхъ объясненій.

«У меня были два торговыхъ заведенія: книжный магазинъ и бібліотека для чтенія на Невскомъ проспектѣ, открытыя мною однимъ въ концѣ прошлаго года, и книжная лавка съ читальней¹⁾. Теперь уже не существуютъ, вслѣдствіе закрытія этихъ заведеній правительствомъ. Оставшіяся книжный магазинъ съ бібліотекой принадлежать мнѣ одному. Комиссіонерами моими въ различныхъ городахъ Россіи книгопродавцы. За границей комиссіонеровъ не имѣю.

«Бумага о которой идетъ рѣчь въ этомъ вопросѣ, недоконченъ черновой проектъ всеподданнѣйшаго письма къ Государю Императору, которое я имѣлъ намѣреніе написать и представить его

¹⁾ Она открыта была А. А. Соловьевымъ.

величеству въ такомъ случаѣ, еслибы успѣлъ исполнѣ обработать набросанный въ общихъ чертахъ законодательный проектъ, названный мною проектомъ Уложения Императора Александра II. Письмо и проектъ не были поданы и даже окончены. Поводомъ къ написанію этихъ бумагъ были слѣдующія обстоятельства. Въ 1858 г. я имѣлъ счастье подать Государю Императору письмо; въ немъ не заключалось никакого общаго, органическаго проекта, а только отдѣльныя, въ общихъ словахъ выраженныя предположенія по разнымъ вопросамъ и очеркъ общаго положенія дѣлъ въ государствѣ, очеркъ далеко не свѣдѣлый. Несмотря на это, Государь Императоръ принялъ письмо весьма милостиво и повелѣлъ покойному предсѣдателю государственнаго совѣта, кн. Орлову, благодарить меня отъ имени его величества за «откровенное изложеніе настоящаго положенія дѣлъ», какъ сказано было въ высочайшей резолюціи на моемъ письмѣ. Съ тѣхъ поръ я сталъ думать, что составленіе не критической только замѣтки записки, а положительнаго органическаго проекта, имѣющаго въ виду пользу и благо отечества, было бы принято его величествомъ безъ неудовольствія. Затѣмъ два совершенно случайныя обстоятельства побудили меня начать составленіе упомянутыхъ бумагъ. Первое изъ нихъ было разговоръ съ генераль-губернаторомъ кн. Суворовымъ. Я, между прочимъ, сообщилъ ему о моемъ прежнемъ всеподданнѣйшомъ письмѣ и резолюціи Государя Императора. Кн. Суворовъ сказалъ: «Государь Императоръ только и думаетъ о народномъ благѣ и всѣ искренно любящія отечество должны содѣйствовать ему въ достиженіи его благихъ намѣреній». Вскорѣ послѣ этого у меня былъ другой разговоръ съ г. предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Я справился объ участи одной написанной мною финансовой статьи. Г. Предсѣдатель сказалъ, что моя статья была представлена его величеству. Изъ общаго характера этого разговора я вынесъ впечатлѣніе, что моя статья не могла понравиться его величеству. Я боялся, что нѣсколько мыслей, не вполнѣ развитыхъ, не представлявшихъ общей системы, дадутъ невѣрная понятія о моемъ образѣ мыслей и стремленій. Эти два случайныхъ разговора окончательно установили во мнѣ давнишнее намѣреніе—и я приступилъ къ составленію проекта уложения и всеподданнѣйшаго письма.

«Въ городѣ какъ то разнесся слухъ, оказавшійся неосновательнымъ, будто г. Шаповъ, известный профессоръ и литераторъ, подвергнется несправедливости за какую то журнальную статью. Мне пошло, кому то пришла мысль написать отъ имени литераторовъ прошеніе къ г. министру народнаго просвѣщенія, прося, чтобы онъ принялъ во вниманіе ученія заслуги и болѣзненное положеніе г. Шаповъ. Я подписался, уговорилъ подписать брата Александра, г. Николая Потѣхина и Андрея Ничипоренко, такъ какъ въ письмѣ или прошеніи къ г. министру ничего предосудительнаго не заключалось. Но потомъ мысль эта осталась безъ исполненія или потому, что слухъ оказался неосновательнымъ или потому, что кто то замѣтилъ, что мы вовсе не имѣемъ права подавать министру про-

шенія отъ многихъ лицъ. Знакомство мое съ гг. Николаемъ Потѣхинымъ и Андреемъ Ничипоренко какъ говорится, чисто шалочное, основанное на нѣсколькихъ встрѣчахъ. Съ студентомъ Губнеромъ, сколько припомню не знакомъ, можетъ быть и случалось какъ-нибудь встрѣтаться—при моихъ обширныхъ сношеніяхъ, но во всякомъ случаѣ не припомню и объ образѣ мыслей и занятій его ничего не знаю. Лично г. Шаповъ я не знаю.

«Кѣмъ сообщена и написана эта записка (о баронѣ Фирксѣ—*М. Л.*) рѣшительно не припомню, имѣлъ ее безъ всякой цѣли, вѣроятно случайно.

«Объ этомъ (о фактѣ, сообщенномъ въ статьѣ «Крѣпостники грамотности», напечатанной на стр. 193—194 сентябрьской книжки—*М. Л.*) я узналъ изъ городскихъ слуховъ и хотѣлъ помѣстить статью въ вѣдомостяхъ, но не помѣстилъ, сколько помню, потому, что не смѣлъ слухъ достовернымъ источникомъ.

«Брошюра польская попала какъ нибудь случайно—польскаго языка не знаю совершенно.

«Статью (брошюру по крестьянскому вопросу, выпущенную за границей—*М. Л.*) я въ цензуру не представлялъ, но г. государственный секретарь, имѣвшій въ то время главный надзоръ за литературою по крестьянскому вопросу сказалъ мнѣ, что никакихъ замѣчаній о положеніи 19 февраля печатать нельзя. Цѣль моя изложена въ предисловіи. Изучилъ довольно основательно крестьянскій вопросъ, я видѣлъ, что рѣшеніе неудовлетворительно, свѣдѣнія публикуемыя въ вѣдомостяхъ о ходѣ дѣла вполнѣ оправдывали мой взглядъ: величайшая, благотворительнѣйшая мѣра для народа и всего государства приводится въ исполненіе военною силою, наказаніями, ссылками, даже пролитіемъ крови. Я былъ убѣжденъ, что въ этомъ виновата чисто незоразумнѣе, неправильная постановка вопроса. По моему убѣжденію, подкрѣпляемому тѣмъ, что я слышалъ со всѣхъ сторонъ, подкрѣпляемому общими ходомъ дѣлъ—только выкупъ могъ быть благотворнымъ для всего государства рѣшеніемъ вопроса. Составивъ полный проектъ и не имѣя возможности напечатать его въ Россіи, я рѣшилъ напечатать его за границей. Я такъ глубоко былъ убѣжденъ, что предлагаемая мною мѣра клонится къ истинной пользѣ государствъ, что смѣлъ истиннымъ долгомъ передъ отечествомъ напечатать свои предположенія. Послѣдствія доказали, что мой взглядъ былъ правильенъ. Я далеко отъ мысли, чтобы мой проектъ хотя насколько нибудь повліялъ на послѣдующія распоряженія правительства: я хочу только сказать, что я правильно смотрѣлъ на положеніе дѣлъ. Въ 1861 г. я указывалъ на три капитальныхъ мѣры существенно необходимыя для Россіи: выкупъ, заграничный заемъ и общественныя губернскіе банки. Въ 1862 г. были приняты нѣкоторыя мѣры, относящіяся къ развитію кредитныхъ учрежденій въ губерніяхъ, былъ заключенъ заемъ и дозволена выкупная сдѣлки владѣльцамъ барщинныхъ помѣстій. Только въ моемъ проектѣ всѣ эти мѣры были въ общей связи и системѣ, оттого, смѣю думать, дѣйствія ихъ были

бы значительные. Что касается до последней фразы статьи, то смысл ее вот какой: все последнее пятилетие доказывает, что Россия выступает на новую дорогу. Правительство своими преобразованиями доказывает, что считает прежний порядок неудовлетворительным. Внутренняя общественная жизнь требует еще больших преобразований—о чем ежедневно пишут во всех газетах, журналах, говорят во всех сферах общества, упрекая общество, т. е. самих себя, во апатии, лени и т. п. Чтобы реформы были действительно успешны, нужно чтобы в России прибавилось сил: нравственных и материальных, чтобы те, которые равно ничего не делают или трудятся непроизводительно, сблались с только потребителями, но и производителями. Для этого нужно иметь не только много внутренних сил, но и много смелости, так как придется бороться со многими предрассудками. Вот кратце моя мысль.

«Эта статья («Мысли вслух», напечатанная на стр. 190—193 сентябрьской книжки—*М. Л.*) была мною написана для журнала «Вѣкъ». Она должна была служить ответом на одну из статей г. Чичерина, потому касалась общих теоретических начал. Не раздвигая взглядов школы, начал которой держится этот писатель, я высказала несколько противоположных ей положений, имеющих общий характер. Статья не была напечатана или потому, что была возвращена мне редакцией, или по случаю прекращения «Вѣка».

«Г. Тургенев передал мне рукопись напечатанной уже теперь книжки «Дневник двочки» сочинительница которой г-жа Буткевичь.

«Съ г. Тургеневымъ я познакомился именно по поводу сделанного мне мнѣ предложенія издать эту книгу. Впрочемъ г. Тургеневъ, не имѣя постоянной квартиры въ Петербургѣ, далъ своимъ знакомымъ адресъ моего магазина. Никакихъ другихъ отношеній съ г. Тургеневымъ я не имѣю, кромѣ переговоровъ объ изданіи «Дневника двочки».

«Съ г. Долгоруковымъ я вовсе не знакомъ и не имѣлъ никакихъ сношеній. Журнала его «Правдивый» я даже никогда не видѣлъ. Почему онъ прислалъ его мнѣ—не знаю. До моего ареста я не получалъ отъ него никогда его журнала.

«О какомъ господинѣ говорится въ письмѣ Черксова—не знаю. Я не могу припомнить, кто такая женщина, писавшая письмо и потому не знаю лица, упоминаемыхъ въ немъ, ни обстоятельствъ, о которыхъ въ немъ идетъ рѣчь.

«Съ г. Шелгуновымъ я знакомъ потому, что онъ нанималъ квартиру въ домѣ моей матери, которымъ я завѣдовалъ. Онъ служилъ кажется въ корпусѣ лѣсничихъ, но вышелъ въ отставку. Знаю, что онъ уѣхалъ въ Сибирь, но въ какое именно мѣсто и съ какою цѣлью не знаю, кажется имѣя въ виду какое то частное мѣсто. Статья, о которой онъ пишетъ, была написана имъ для журнала «Русское слово», содержаніе мнѣ неизвестно. Кто Петръ

Дарионовичъ Михайловъ, и почему надо адресовать къ нему письма—не знаю, впрочемъ это знакомый Шелгунова, имѣющій постоянное мѣстопребываніе.

«Братъ мой Александръ, человекъ въ высокой степени болѣзненный, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ онъ заболѣвалъ около тридцати разъ и при томъ такъ, что доктора всякій разъ боялись за его жизнь. За границу его отправили насильно, при томъ пользовавшіе его доктора (Команъ, Вейде и временно Эксъ) настоятельно требовали, чтобы онъ остался за границей до совершеннаго выздоровленія,—онъ упорно хотѣлъ возвратиться послѣ одного курса. Комиссія могла видѣть изъ моихъ писемъ къ другому брату Владиміру, что я выражалъ сильное описаніе о здоровьи брата Александра. Болѣзнь сдѣлала его въ высшей степени мнительнымъ и слабымъ. Безъ сомнѣнія, получивъ извѣстіе о моемъ арестованіи, совершенно неожиданное и внезапное и къ тому же неопредѣленное, такъ какъ едвали писавшій могъ указать причину ареста—братъ Александръ былъ сильно потрясенъ. Можетъ быть, возобновилась болѣзненный припадокъ, угрожавшій его жизни.

«Сколько я помню, ни литераторъ Тургеневъ, ни другое лицо не доставляло мнѣ письма и записки отъ Герцена и другого лица. Я действительно имѣлъ намереніе издать сочиненія Герцена писанные имъ въ Россіи и даже подалъ объ этомъ прошеніе г. председателю комиссіи цензурнаго комитета, въ которомъ просилъ разрѣшенія условно, то есть если получу дозволеніе на изданіе отъ автора, или лица, имѣющаго право на эту литературную собственность, но сколько помню, не входилъ еще съ г. Герценомъ въ сношенія по этому предмету, кажется, потому, что хотѣлъ обстоятельнѣе узнать, кому принадлежитъ законное право собственности на эти сочиненія.

«Означенныхъ объявленій (посланныхъ Ничипоренкомъ черезъ Тургенева—*М. Л.*) я не только не получалъ, но и не видѣлъ, обстоятельства о которыхъ здѣсь упоминается, мнѣ совершенно неизвестны.

«Всяма можетъ быть, что я писалъ лондонскому книгопродавцу Трибнеру, прося его переговорить объ этомъ дѣлѣ при случаѣ съ Герценомъ. Герценъ не говоритъ, что отвѣчаетъ на мое письмо къ нему, а просто на мое письмо, въ которомъ спрашиваю согласія. Сношеній съ нимъ, и съ другими лондонскими пропагандистами, въ томъ числѣ и съ Кельсиемъ, не имѣлъ.

«Предъявленное мнѣ письмо, писанное различными почерками, не имѣющее подписи и неизвестно къ кому адресованное, откуда и когда написанное, мнѣ было неизвестно и я не признаю достовернымъ, чтобы оно было писано ко мнѣ. Всѣ обстоятельства, о которыхъ въ немъ упоминается, мнѣ вовсе неизвестны.

«Всѣ означенныя здѣсь обстоятельства (пріѣздъ Кельсіева и пр.—*М. Л.*) мнѣ совершенно неизвестны.

«Предъявленное мнѣ неподписанное письмо (Кельсіева къ Сернослововичу—*М. Л.*) писано неизвестною рукою, говоритъ объ об-

стоятельствах совершенно неизвестных. Я вовсе не отношу его къ себѣ. Съ Кельсьевым, которому комиссія приписываетъ его, я не знакомъ и никакихъ дѣлъ никогда не имѣлъ».

Комиссія такъ была возмущена неискренностью Серно-Соловьевича, что отказала даже въ просьбѣ Константину брату, уволенному изъ лица, выдать ему заграничный паспортъ. Разумѣется, здѣсь постарался Потаповъ, направивши прошение на уважение комиссiи.

11 декабря, вечеромъ, придя уже въ казематъ, Серно-Соловьевичъ написалъ дополнительное показаніе. Онъ заявилъ въ немъ, что подумавъ, сомнѣвается, чтобы письмо писалъ Черкесовъ и, чтобы отвести подозрѣніе отъ своего пріятеля, Николай Александровичъ сочинилъ цѣлый расказъ, который я и привожу, въ увѣренности, что читатели не будутъ въ претензіи на эту деталь.

«Весь 1860 годъ я провелъ за границей, изучая финансовую науку. Въ концѣ года былъ въ Парижѣ и обыкновенно ходилъ завтракать въ Café de la Bourse, находившееся близко биржи и потому удобное для моихъ занятій. Мой третій братъ, пробѣжавъ черезъ Парижъ, въ huerés, остановился на два дня въ томъ же отелѣ, гдѣ я стоялъ, и уговорилъ меня пойти съ нимъ въ Café Montparnassу, (если не ошибаюсь), гдѣ обыкновенно бывало много русскихъ. На другой день братъ уѣхалъ, я остался. Дня черезъ два въ Café de la Bourse подождать ко мнѣ незнакомцы и по-русски просить передать газету. Когда я посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, онъ вступилъ въ разговоръ, объясняя, что слышалъ, какъ я говорю съ другимъ господиномъ въ Montparnassу и узнавъ, что я хожу въ Café de la Bourse, нарочно пришелъ познакомиться со мной, такъ какъ суда по нѣсколькимъ моимъ отзывамъ, слышаннымъ имъ въ Café Montparnassу, между нами должна быть симпатія. Я спросилъ его фамилію. Онъ замаялся и сказалъ: «это шекотливый для меня вопросъ». Я изъяснилъ удивленіе и назвалъ себя. Тогда онъ расплылся въ комплиментахъ, благословлялъ судьбу, сведшую насъ и сказалъ, что онъ здѣсь подъ именемъ Михайлова, но что настоящая его фамилія другая, что онъ мнѣ сообщитъ ее, когда сойдемся поближе, что онъ уѣхалъ изъ Россіи по политическимъ дѣламъ. Затѣмъ этотъ господинъ сталъ преслѣдовать меня, несмотря на явное мое нежеланіе быть съ нимъ знакомымъ. Сверхъ того, постоянно звалъ къ своей кузинѣ, какъ онъ называлъ Alexandrine или Сашѣ, о которой сочинилъ цѣлую исторію. Мать ея русская, отецъ былъ полякъ, они эмигрировали, когда она была ребенкомъ, потомъ она вышла замужъ за венгерскаго магната, который былъ убитъ въ итальянскую кампанію, сражаясь за Италію. Я подъ предлогомъ своихъ занятій упорно отговаривался. Однажды онъ пришелъ въ Café съ чрезвычайно красивою женщиной, это была кузина, она обошлась со мной, какъ со стариннымъ пріятелемъ, говоря, что такъ много слышала обо мнѣ отъ своего брата. Спросила, говорю ли я по-венгерски, и послѣ отрицательнаго отвѣта продолжала по-французски, но не

особенно хорошо, русской она совсѣмъ забыла, а нѣмецкій знаетъ, но невнядитъ. На мой взглядъ она показалась какою-нибудь смѣшанною еврейкою. Спросила бутылку дорогаго вина, я велѣлъ дать другую, настаивала, чтобы весь день провѣсть съ нимъ, я отклонилъ, но долженъ былъ обѣщать вечеръ. Дала адресъ въ Rue de St. Nonoge. Михайловъ просилъ позволенія заплатить за меня, я конечно отказался, затѣмъ они очень скоро ушли. Мнѣ подали счетъ за двѣ бутылки. Вечеромъ я конечно не пошелъ къ нимъ и даже рѣшилъ перемѣнить Café. Рано утромъ на другой день ко мнѣ въ отелъ входилъ неожиданно Михайловъ, страшно претендуетъ, что я не сдержалъ слово, и располагаетъ у меня какъ дома, смотритъ книги, бумаги. Между прочимъ, вдругъ спрашиваетъ, взяли съ меня за вино вчера, и узнавъ, что взяли за ихъ бутылку, вошелъ въ пафосъ и сталъ просить пойти вмѣстѣ въ Café, обѣщая сдѣлать тамъ скандалъ, такъ какъ онъ заплатилъ и за меня. Я отклонилъ предложеніе, говоря, что не охотникъ до скандаловъ. Въ разговорѣ онъ сообщилъ, что думаетъ переселиться въ Лондонъ и просилъ рекомендательное письмо къ Герцену. Я отвѣчалъ, что не знакомъ съ нимъ, но, по его мнѣнію, мое имя было такъ извѣстно, что Герценъ даже не зная меня лично, уважитъ мое письмо. Я опять выразилъ сомнѣніе, представляя, что мои литературные труды не важны, письмо къ государю вѣроятно не особенная заслуга въ глазахъ Герцена, а больше ему неоткуда знать обо мнѣ. Вообще господинъ этотъ былъ крайне навязчивъ и наглъ и говорилъ мнѣ «ты» и mon chér, хотя я ему отвѣчалъ «вы». Наконецъ я выпроводилъ его, сказавъ, что долженъ идти, запретилъ трактирному лакею пускать его ко мнѣ, и перемѣнилъ café. Этотъ же на нѣскольке дней спался, но однажды вечеромъ, въ театрѣ, они подождать ко мнѣ и кузина заявляетъ, что во что бы то ни стало, дѣлаетъ меня на вечеръ пльинникомъ, приглашаетъ послѣ театра играть въ карты и посмотреть, какъ я отдѣляюсь на этотъ разъ. Мнѣ уже сильно наскучили эти преслѣдованія, потому я отвѣтилъ довольно рѣзко: «а вотъ какъ я вамъ скажу, что крайне удивляюсь, что женщина, называющая себя вдовою венгерскаго магната, не имѣетъ достаточно такта и гордости, чтобы перестать навязывать свое знакомство человѣку, видимо уклоняющемуся отъ него»—и ушелъ не дожидая отвѣта. Это наконецъ избавило меня отъ преслѣдованій, къ тому же я скоро уѣхалъ. Всему этому происшествію я не придавалъ никакого серьезнаго значенія, считая его попыткой завлечь и обобрать молодого человѣка.

«Прошло больше года, я совсѣмъ забылъ о немъ, но въ началѣ нѣбшей весны получаю изъ Лондона письмо незнакомой руки съ неразборчивою подписью. Авторъ пишетъ мнѣ, какъ короткому пріятелю, на «ты», говорить, что онъ Михайловъ, но переселился теперь въ Лондонъ, принявъ польскую фамилію, въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ, какъ онъ выразился—«съ нашимъ общимъ другомъ А. И.» поздравляетъ меня съ открытіемъ магазина и желая доказать свою дружбу, рекомендуетъ золотого человѣка, Орловскаго, который

явится ко мнѣ съ запиской отъ него, онъ можетъ мнѣ служить секретаремъ и факторомъ, способности его я скоро оцѣню и все что имѣю пересылать Герцену могу сообщать ему, Орловскому, онъ будетъ пересылать своему пріятелю, а тотъ передавать Герцену, кузина его Саша, пріѣдетъ въ Петербургъ и на дѣлѣ докажетъ, что я былъ о ней невѣрнаго мнѣнія. Теперь она въ Берлинѣ. Орловскій будетъ знать ея адресъ; она не сердится на меня и всякій присланный мною будетъ принятъ, какъ другъ. Къ сожалѣнію эта наглость до того рассердила меня, что я, прочтя письмо, тутъ же скопчалъ и изорвалъ его въ мелкіе клочки. Съ недѣлю спустя ко мнѣ на квартиру явился незнакомый господинъ, рекомендовалъ Орловскимъ, и показывая писемко, въ которомъ значилось, что предъявитель его тотъ самый Орловскій, о которомъ уже было писано, къ кому обращаться не означено, подпись неясная. Я прежде всего спросилъ адресъ Орловскаго, онъ отвѣчалъ уклончиво и не далъ, я объявилъ, что мѣста для него у меня нѣтъ, и чтобъ онъ сообщилъ своему пріятелю, что если-бы я имѣлъ намѣреніе дать ему, Орловскому, мѣсто, то послѣ такого письма, какъ написали его пріятель, отказался бы отъ своего плана. Онъ поспѣшно взялъ со стола рекомендательную записку и ушелъ. Это было кажется въ маѣ. Съ тѣхъ поръ я ни о комъ изъ этихъ лицъ извѣстій не имѣлъ. Письмо упоминаемое въ вопросѣ комиссіи, говорившее о рекомендованномъ человѣкѣ и о Сашѣ, по содержанию своему могло быть написано этимъ самымъ человѣкомъ. Само по себѣ и это письмо не имѣло бы для меня никакого значенія, но нѣкоторыя другія обстоятельства, между прочимъ, прислать въ мой книжный магазинъ по почтѣ *посылъ моего ареста* объявленій о газетѣ Долгорукова, естественно заставляють меня опасаться различныхъ тайныхъ козней. Потому я и счелъ необходимымъ довести объ этомъ обстоятельстве до свѣдѣнія комиссіи.

Допросы Н. А. Серно-Соловьевича, его прислуги и Борщова.

Черезъ два дня послѣ дополнительнаго показанія, Николая Серно-Соловьевича призвали опять на допросъ, но онъ былъ твердъ и на всѣ увѣщанія комиссіи показывать правду отвѣчалъ тѣмъ же, что показывалъ и раньше, а въ подтвержденіе справедливости сказаннаго о письмѣ, привезенномъ Ветюшиновымъ, просилъ съ нимъ очной ставки, хорошо, конечно, зная, что она равно ничего противъ него не дастъ. Въмѣсто этого сама комиссія въ тотъ же день дала ему очную ставку съ Начипоренкомъ, на которой оба обвиняемые остались при своихъ показаніяхъ. Затѣмъ комиссія рѣшила вызвать для допроса лакея, кухарку и артельщика Серно-Соловьевича, а также и брата его Константина. 20-го декабря послѣдній показалъ, что ѣздилъ домой изъ лица только по воскресеньямъ, никакого Кельсена у брата не видалъ и ничего о немъ

не слышалъ. Относительно кухарки Леоновой, лакея Игнатьева (тогда служившаго уже дворникомъ въ его домѣ въ Нарвской части) и артельщика Бѣлова Николая Серно-Соловьевичъ ничего не имѣлъ противъ допроса ихъ подъ присягой, увѣренный, что хорошо скрмилъ концы кельсенаго пребыванія у себя¹⁾.

Леонова показала, что поступила къ Серно-Соловьевичу въ услуженіе въ октябрѣ 1861 г. и жила до апрѣля слѣдующаго года. Во время великаго поста у барина жили: Илья Борщовъ весь постъ, Черкесовъ половину поста и какой то «молодой человѣкъ», пріѣхавшій неизвестно откуда, прожилъ около недѣли и куда уѣхалъ—ей неизвестно, но помнитъ, что уѣхалъ до Пасхи.

Онъ былъ средняго роста, худощавый, бѣлокурый, безъ бороды и усовъ; ходилъ въ статскомъ платьѣ. Прислуживалъ ему лакей Михайло Игнатьевъ.

Послѣдній показалъ, что ничего не знаетъ о пріѣздѣ человѣка, называемаго комиссіей «Василіемъ Ивановичемъ». Тоже самое сказалъ и Бѣловъ.

Затѣмъ спросили Серно-Соловьевича, думая, вѣроятно, что, узнавъ о предварительныхъ допросахъ прислуги, онъ покажетъ всю правду. Но Н. А. сказалъ, что не помнитъ, останавливался ли у него кто нибудь, кромѣ Боршова и Черкесова. Тогда ему дали очную ставку съ тремя только допрошенными. Ставка съ Леоновой равно ничего не прибавила; на ставку съ Игнатьевымъ Серно-Соловьевичъ только замѣтилъ, что въ домѣ его матери останавливался Василій Ивановичъ Мягковъ, это единственный ихъ знакомый «Василій Ивановичъ». Что было дѣлать комиссіи? Оставалось еще одно средство: перекрестными очными ставками самой прислуги. Такъ и дѣлали. Оказалось, что Леонова хорошо знаетъ Мягкова

¹⁾ Въ сожженомъ изданіи «Сочиненій» Шелгунова есть, между прочимъ, такіа строчки о прислугѣ Серно-Соловьевича:

«Когда я переѣхалъ къ Серно-Соловьевичамъ, у нихъ служила накой то необыкновенный лакей: шпашный, красивый, съ саломными наперками, говорившій интеллигентнымъ языкомъ. Все это было подозрительно, а въ особенности вѣчному въ нравѣхъ внимательность, съ которой интеллигентный лакей отнесся къ разговору, Николаю Серно-Соловьевича, болѣе дѣтливый, смотрѣвъ на интеллигентнаго камердинера довольно безразлично, по Александру думалъ явчѣе и былъ склоненъ подозрѣвать въ немъ не простого лакея, возмущавшаго владельцев только отъ Серно-Соловьевичей. Конечно, въ этомъ предположеніи я мало и былъ принятъ участіе другаго, котораго и не помню, въ разговорѣ о Серно-Соловьевичей прислугѣ болѣе подробной. По рекомендаціи другаго, мѣсто интеллигентнаго лакея занялъ деревенскій парень въ красной русской рубашкѣ и штанинѣхъ въ синихъ бѣлилахъ, вышедшій изъ одного книжнаго магазина; а въ кухарки была отремонтонившая дѣвушка (уже не молодая) изъ вѣрной и хорошей мѣзданской семьи. Судя по тому, что Кельсена успѣлъ ухитрѣть благополучно, нужно думать, что пріѣздъ его сдѣлался известнымъ уже послѣ и всего вѣроятно по той нибудь неосторожной откровенности. . . . Черезъ нѣсколько времени былъ арестованъ и деревенскій парень и вѣсть къ допросу и «вѣрналъ» кухарка. Парень долго не дѣлалъ никакихъ показаній и говорилъ, что ничего не знаетъ, но вѣрная кухарка оказалась всезнающей, и на очныхъ ставкахъ съ парнемъ дѣлательно, съ налетомъ указала его въ томъ, что онъ говорилъ неправду, что къ Серно-Соловьевичамъ ходилъ такіа то и такіа то лица».

и настаивает, что у них жить другой «Василий Иванович». Тогда и Игнатьев прибавил, что припоминает, что у них останавливался «Василий Иванович», но не Мягков.

Комиссия так была афрорирована неудачными очными ставками, что рѣшилась на обычное средство, употребляемое въ такихъ случаяхъ. О немъ мы узнаемъ изъ слѣдующаго протокола:

«1862 года декабря 10 дня, высоч. учрежденная въ С.-Петербургѣ слѣдствен. комиссія, въ присутствіи гг. членовъ ея, генераль-майора Огарева и д. ст. с. Гедда, по приводѣ къ присягѣ временно обязаннаго крестьянина Тульской губ. Крапивенскаго уѣзда деревни Сороченки, Михаила Игнатьева, приступила къ отобранію отъ него показанія. Первоначально Игнатьевъ записалъ въ знаніи тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ его расспрашивали, отаивался, что онъ не помнитъ или не знаетъ и видимо давалъ уклончивые отвѣты. Когда же, наконецъ, послѣ долгихъ изворотовъ смысла своихъ словъ, Игнатьевъ написалъ показаніе, то д. ст. сов. Гедда прочелъ оное и *послѣ каждой фразы* спрашивалъ его: «такъ ли?». На эти вопросы Игнатьевъ отвѣчалъ: «такъ» и подписалъ свое показаніе. Когда за симъ былъ призванъ надворный сов. Серно-Соловьевичъ и на очной ставкѣ съ Игнатьевымъ стали подтверждать прежніе свои отвѣты, то и Игнатьевъ, видимо желая согласоваться съ показаніями Серно-Соловьевича, отозвался, что останавливался ли въ квартирѣ послѣдняго Василій Ивановичъ—не помнитъ; когда же члены и *самъ Серно-Соловьевичъ* убѣдили Игнатьева, что въ показаніи своемъ онъ ясно выразилъ, что Василій Ивановичъ останавливался у Серно-Соловьевича зимой, то Игнатьевъ позволилъ себѣ сказать, что *члены комиссіи наговорили ему о пребываніи Василія Ивановича у Серно-Соловьевича*. На предложеніе членовъ, чтобы Игнатьевъ написалъ о семъ въ актѣ очной ставки, онъ далъ показаніе, въ которомъ, въ отнѣну первую, объяснилъ, что онъ не помнитъ, останавливался ли Василій Ивановичъ у Серно-Соловьевича. Послѣ сего Игнатьеву дана была очная ставка съ доводомъ Леоновой и когда сія послѣдняя уличала его, что въ посту, кромѣ Боршова и Черкесова, действительно останавливался у нихъ еще третій молодой человѣкъ, которому Игнатьевъ прислуживалъ, тогда онъ подтвердилъ прежнее свое показаніе о томъ, что Василій Ивановичъ действительно останавливался въ показанное Леоновой время».

Ясно, что допросъ чинился съ пристрастіемъ.

На слѣдующій день Серно-Соловьевичъ написалъ еще дополнительное показаніе, которое имѣетъ интересъ, но, разумеется, не по существу дѣла.

«Возвратясь послѣ допроса въ свою комнату, я, напрягая свою память, вспоминаю, что у меня, действительно, проживало короткое время, зимою, лицо, о которомъ я совершенно забылъ, такъ какъ наши отношенія были такого рода, что память о нихъ почти изгладилась во мнѣ. Вспомнивъ о немъ, я хотѣлъ тотчасъ возвратиться въ комиссію, для дополненія показанія, но мнѣ было сказано, что уже присутствіе кончилось.

«Обстоятельства знакомства съ помянутымъ лицомъ были слѣдующія: по окончаніи слѣдствія надъ бывшими студентами здѣшняго университета, въ городѣ были слухи (оказавшіяся справедливыми), что многимъ изъ заключенныхъ молодыхъ людей негдѣ пристать. Потому я далъ свой адресъ кому то изъ профессоровъ (кому именно, не помню), прося, въ случаѣ нужды, прислать ко мнѣ кого нибудь изъ молодыхъ людей, такъ какъ у меня есть возможность принять къ себѣ кого нибудь на короткое время. Въслѣдствіе этого ко мнѣ былъ присланъ молодой человѣкъ, наружность котораго соответствуетъ описанной Леоновой; спалъ онъ, действительно, въ холодной комнатѣ. Фамилію и имя его я забылъ¹⁾, такъ какъ выдался съ нимъ весьма рѣдко, потому что я проводилъ цѣлый день въ магазинѣ, а онъ у товарищей. Ходить онъ въ штатскомъ платьѣ, именно, если не ошибаюсь, ему дано было платье изъ числа пожертвованныхъ публичною, такъ какъ онъ не имѣлъ здѣсь никого изъ родныхъ и не имѣлъ денегъ. Пробывъ онъ у меня недолго, но не могу сказать опредѣленно, сколько именно времени. Онъ былъ опредѣленъ въ какое то губернскае заведеніе, куда и отправился отъ меня; сколько могу припомнить, заведеніе это не университетъ, а, кажется, одинъ изъ губернскихъ лицеевъ. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ о немъ никакого извѣстія. Какъ сказала уже, имени его не помню, можетъ быть, его, действительно, зовутъ Василіемъ Ивановичемъ, можетъ быть, что я, говоря съ помянутымъ Игнатьевымъ, служившимъ у меня въ комнатахъ, называлъ этого молодого человѣка Василіемъ Ивановичемъ или по рабскости (такъ какъ у меня было много хлопотъ съ помянутымъ жильцомъ, Василіемъ Ивановичемъ Мягковымъ, по случаю его дѣлъ съ кварталомъ), или просто забывая его имя. Я тогда весь былъ погруженъ въ дѣла вновь открытаго магазина и во множество другихъ моихъ семейныхъ дѣлъ, такъ что былъ разсѣянъ въ остальныхъ малаважныхъ для меня предметахъ. Фактъ пребыванія у меня этого молодого человѣка былъ извѣстенъ мѣстному полицейскому началству, которое, кажется, и дало ему денегъ на проѣздъ въ его новое заведеніе. Сколько припомню, ни Боршова, ни Черкесова во время пребыванія молодого человѣка у меня не было».

Комиссія игнорировала это показаніе, надо сознаться, очень недурно замѣтавшее слѣдъ Кельсиева, и дала Серно-Соловьевичу очную ставку еще съ бывшимъ его дворникомъ, Ефимомъ Тихоновымъ, но тотъ обманулъ ожиданія комиссіи, показавъ, что поступись на пятой недѣлѣ поста и объ остановкахъ Боршова, Черкесова и «Василія Ивановича» ровно ничего не помнитъ²⁾.

Не больше дала и очная ставка Серно-Соловьевича съ Ничипо-

¹⁾ Николай Михайловичъ Соколовскій.

²⁾ На самомъ дѣлѣ Боршова зналъ у Серно-Соловьевича съ 22 января 1862 г. до 20 мая, Черкесова—съ 4 октября 1861 г. до 4 января слѣдующаго и еще изъ сколько дней въ посту, а студентъ Соколовскій—съ перваго числа декабря 1861 г. до 11 января, когда уѣхалъ въ Казань.

ренкомъ, показавшимъ за нѣсколько дней до того, что онъ хорошо помнитъ, какъ въ день прѣзда Кельсиева изъ Москвы, въ страстную субботу, къ нему, Ничипоренку, пришелъ Серно-Соловьевичъ, но раздаваясь взявъ деньги Кельсиева и ушелъ, сказавъ, что Кельсievъ сегодня же убѣзаетъ изъ Россii. Это было показано въ исправленіе ранѣ сдѣланной ошибки, будто бы Кельсievъ зашелъ за деньгами самъ. Это совершенно справедливое показаніе Серно-Соловьевича, разумѣется, отрицалъ, и потому очная ставка ничего не дала.

Позже, уже въ январѣ 1863 г., надворный совѣтникъ *Ильи Григорьевича Борцова*¹⁾ былъ отысканъ въ Петербургѣ и привлеченъ къ допросу. Оказалось, что онъ кончилъ лицей въ 1853 году, а тогда занимался уже естественными науками; въ 1857—1858 г. былъ командированъ академіей наукъ въ ученую экспедицію, а по возвращеніи оттуда получить ученую командировку за границу. Отношенія его съ Н. А. Серно-Соловьевичемъ были всегда хорошия. Жилъ онъ у него въ 1862 г. около четырехъ мѣсяцевъ, но кромѣ Черкесова не помнитъ, чтобы кто нибудь останавливался у нихъ. На очной ставкѣ Борцова съ Ничипоренкомъ послѣдній заявилъ, что именно его то онъ и видѣлъ у Серно-Соловьевича, когда пришелъ къ нему съ Кельсievымъ. Борцовъ сказалъ, что видѣлъ Ничипоренку, но безъ кого бы то ни было. Привлеченные снова къ допросу Леонова и Игнатьевъ, кухарка и лакей Н. А., показали, что не знаютъ, видѣлся ли Борцовъ съ «Василіемъ Ивановичемъ», потому что онъ почти не бывалъ дома.²⁾

Допросы Гаевского, Кожанчикова, Щапова и Траверсе.

11 декабря князь Голицынъ сообщилъ Потопову о желаніи комиссіи, чтобы въ Москву, въ помощь полковнику Дурново, былъ командированъ надзиратель петербургской полиціи штабсъ-капитанъ Мироновичъ, уже отличившійся энергичною дѣятельностью въ прошлую командировку.

Въ ожиданіи дѣйствій этихъ двухъ молодыхъ комиссіи продолжала разслѣдованіе.

13 декабря снова былъ вызванъ для допроса Гаевскій, къ которому приступили, по совѣту Ничипоренка, относительно векселя съ бланкомъ Тиблена. Гаевскій продолжалъ тактику отрицанія и на этотъ разъ заявилъ, что ровно никакихъ дѣлъ съ Тибленомъ не имѣлъ и ни о какомъ векселѣ не знаетъ. На вопросъ комиссіи, что значить фраза въ письмѣ Касаткина: «О Вадимѣ ни слуху, ни духу», Гаевскій сказалъ, что вскользь упомянулъ Касаткину о слухѣ, будто Кельсievъ прѣбывалъ въ Россію, и на это Касаткинъ

¹⁾ Потомъ профессора кіевскаго университета.

²⁾ Тучкова Огарева говоритъ, будто Борцовъ такъ поправился Герцену, что тотъ не переставалъ твердить, что онъ былъ бы смѣтливъ, еслибы судьба послала его дочери такого мужа. (стр. 200 «Воспоминаній»).

отвѣтилъ фразой, называя Кельсievа его заграничнымъ литературнымъ псевдонимомъ. Снова ему была дана очная ставка съ Ничипоренкомъ, но Гаевскій ничего не прибавилъ. Тогда призвали Николая Тиблена, котораго Гаевскій разумѣется обо всемъ предупредилъ¹⁾. Онъ сказалъ, что, можетъ быть, и бралъ въ банкирскомъ домѣ Винкена въ мартѣ 1862 г. переводное письмо на Лондонъ въ 41 фунтъ, но не помнитъ, Гаевскому же никакихъ векселей не передавалъ.

Потерпѣвъ неудачу съ Гаевскимъ и Серно-Соловьевичемъ, обратились къ безпокоившему комиссію Кожанчикову. Но тотъ былъ очень кратокъ: съ Траверсе познакомился еще въ Москвѣ въ 1856 г. и не подозрѣвалъ о его знакомствѣ съ лондонскими пропагандистами; Ничипоренку денегъ никакихъ не давалъ, Касаткина въ Москвѣ не видѣлъ. Очная ставка съ Ничипоренкомъ ничего не прибавила...

Комиссіа видѣла, что періодъ разслѣдованія самъ собой приходитъ къ концу, и обремененная массой другихъ дѣлъ, обусловленныхъ срочностью производства, рѣшила закончить его возможно быстро и нашла нужнымъ 24 декабря испросить высочайшее повелѣніе на отбѣленіе этого дѣла отъ другихъ и на передачу его въ сенатъ.

Въ эти послѣдніе дни своего владѣчества она допросила, наконецъ, и *Щапова*. Въ виду историко-биографическаго интереса, привожу его показаніе полностью:

«Аванасій Прокопѣвъ Щаповъ, сынъ пономаря, отъ роду мнѣ 31 годъ, вѣроисповѣданія православнаго, на исповѣдіи и у св. причастія бываю ежегодно, не женатъ, имѣю брата, сестеръ и родственниковъ, находятся они въ Иркутской губерніи. Недвижимой собственности не имѣю. Курсы кончилъ въ Казанской духовной академіи; послѣ того проживалъ въ Казани, 4 года бакалавромъ казанской духовной академіи, потомъ полгода въ казанскомъ университетѣ. Въ настоящее время на службѣ не состою. Потомъ былъ подъ судомъ или подъ арестомъ по поводу панихидъ въ Казани на куртинѣ 10 апрѣля 1861 года. Высочайше помилованъ. Дѣло о панихидѣ производилось, какъ мнѣ кажется, въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. канцелярiи, а потомъ въ свѣт. синодѣ. Содержался я подъ арестомъ сначала въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. канцелярiи, а потомъ въ I-й адмиралтейской части.

¹⁾ Въ дѣлѣ есть нѣсколько указаній на биографію Тиблена, игравшаго скромную роль въ движеніи того времени. Сынъ артиллериста, онъ не только плавилъ и переплавлялъ въ Михайловское артиллерійское училище, откуда вышелъ офицеромъ, въ самостоятельную кампанію ранѣе и перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ на должность секретаря директора департамента общихъ дѣлъ. Видѣвъ отбывъ въ отставку, открылъ на Васильевскомъ островѣ типографію, вродившую въ 1862 г. Желанъ на дочери доктора Блудера, сына котораго и привелъ свою типографію. Тогда задумавъ англо-французское. Въ началѣ 1862 г. до III отдѣленія попалъ слухъ, что Тибленъ въ сношеніяхъ съ Герценомъ и его товарищами, а во словамъ вошедшаго теперь уже литератора Павленкова, сказавшаго мнѣ неосторожно въ интимномъ обществѣ, лабораторіи типографіи Тиблена разнесены по городу воззванія. Все это обвиненіе не подтвердилось.

«Никакого письма я не передавалъ коллежскому регистратору Андрею Ничипоренко для отправления въ Лондонъ къ Кельсiewу. Не было рѣшительно никакого повода и предмета для письма къ Кельсiewу. Никогда съ Кельсiewымъ я не знакомился и не имѣлъ рѣшительно никакихъ надобностей знакомиться: едва знаю о существованіи его.

«Съ Ничипоренкомъ только случайно видѣлся гдѣ-то разъ, кажется, въ Шахматномъ литературномъ клубѣ, не имѣлъ съ нимъ никакихъ отношеній и не отправлялъ никакого письма къ Кельсiewу, переписка съ Кельсiewымъ вовсе не было никакой и отъ Кельсiewа не получалъ никакого письма. О Кельсiewѣ только по наслышкѣ слышалъ».

На очной ставкѣ съ Ничипоренкомъ Шаповъ отрицалъ его показаніе о передачѣ ему написанной имъ статьи по поводу стихотворенія кн. Вяземскаго.

На этомъ для Шапова все и кончилось.

Жена маркиза Траверсе просила князя Голицына ускорить выясненіе степени участія въ дѣлѣ ея большого мужа, и потому комиссія запросила главнаго госпитальнаго врача, можно ли призвать маркиза на дополнительный допросъ. Тотъ отвѣтилъ, что въ виду все еще неопредѣленности истиннаго состоянія здоровья Траверсе, полагалъ бы невозможнымъ привозить его въ крѣпость, а желательнымъ допросъ въ стѣнахъ госпиталя. 5 января два члена комиссія поѣхали туда и узнали кое-что новое. А именно: бывъ у Герцена вмѣстѣ съ Каншиннымъ, маркизъ передалъ ему письмо мирового посредника къ дворянамъ, списанное имъ въ Псковѣ съ копій бывшей у Болычева и просилъ напечатать его въ «Колоколѣ». Зачѣмъ наденная у него уже послѣ письма Бакунина (напечатанная въ октябрьской книжкѣ «Былого» на стр. 114—116) была въ его столѣ—не знаетъ, но помнитъ, что доставлялъ ихъ ему докторъ Бушъ. Хотѣлъ передать ихъ Н. С. Бакуниной, но за отъѣздомъ ея въ деревню не успѣлъ. Письмо Альбертини къ Громеку получилъ отъ Налбандяна, а жены Бакунина—по почтѣ, о другихъ письмахъ ничего не помнитъ.

Въ тотъ же день Траверсе были даны очная ставка съ Гаевскимъ и Кожанчиковымъ, но какъ и многія другія, онѣ ничего новаго не выяснили.

Разумѣется, комиссія просила Потапова разыскать Бушу и представить ей для допроса ¹⁾. Тогда же Гаевскому была возвращена его обширная бібліотека, отданная на просмотръ члену комиссії Каменскому; удержаны были только три какія-то сочиненія Герцена.

¹⁾ Докторъ Богданъ Ивановичъ Бушъ былъ старшимъ врачомъ 16 флотскаго экипажа и вернулся изъ за границы въ началѣ августа 1862 г. По сообщенію обер-полицеймейстера—либеральныхъ идей изъ немъ не замѣчается*.

Дѣло въ сенатѣ. Письмо Касаткина.

31 декабря 1862 г. государь согласился на передачу этого дѣла въ сенатъ. 18 января 1863 г. министръ юстиціи Замiatинъ уведомилъ объ этомъ общее собраніе сената.

А пока министръ собирался писать сенату, комиссія получила въ свое распоряженіе очень интересный документъ, пошедшій ей въ руки, повидимому, благодаря щедрости русскаго правительства, никогда не жалѣвшего денегъ на подкупъ заграничныхъ чиновниковъ всякаго ранга. Это было письмо Касаткина къ Огареву отъ 7 января н. с. 1863 г. Вотъ оно:

«Поздравляю васъ и А. И. ¹⁾ съ новымъ годомъ, потому что не жду отъ него гадостей прошлаго и вѣрю въ лучшее будущее.

«Черезъ десять дней ѣдетъ отсюда одинъ русскій съ женой въ Петербургъ и потомъ въ Москву. Онъ беретъ кое что захватить съ собою и передать кому нужно *словесно* все, что ему будетъ поручено. Не найдется ли у васъ какихъ-нибудь порученій и слѣдуетъ ли отдать ему вашъ адресъ, который переписать въ двухъ экземплярахъ, для Петербурга и Москвы.

«Послѣднее время у меня была только дѣловая переписка и потому пока ничего не могу сообщить вамъ особенно важнаго. Серно-Соловьевичу пишу, что дѣло Николая Александровича и Николая Гавриловича ²⁾ вовсе не поднимается впередъ; вѣрно, ихъ еще долго протомятъ.

«Сообшу вамъ разсказъ здѣшняго попа, который съ недѣлю вернулся изъ Россіи.

«Къ сожалѣнію, его *нельзя* напечатать, потому что схватятъ и попа и достанется тѣмъ двумъ русскимъ, которымъ онъ сообщалъ его. Попъ ѣздилъ въ Россію собирать на построеніе церкви въ Женевѣ. Время для этого было выбрано неудачно—и онъ обратилъ къ разнымъ властямъ помочь ему. Между прочимъ Филаретъ взялся сказать объ этомъ государямъ (въ бытность ея въ Москвѣ). М. А.—на дала слѣбующій отвѣтъ: церкви въ Женевѣ не зачѣмъ строить, потому что, заведи въ Женевѣ церковь, такъ русскіе будутъ больше останавливаться въ этомъ *вольномъ* городѣ, а въ республикѣ имъ не житье и хорошему они не научатся, а привезутъ съ собою опасныя мысли. Передавая этотъ отвѣтъ попу, самъ Филаретъ пожималъ плечами. Петербургскій Суворовъ думаетъ объ этомъ не такъ, потому что помочь попу въ дѣлѣ сбора.

«Изъ Москвы, между прочимъ, плачевная новость. Н. М. Щ. ³⁾ закрываетъ свой магазинъ къ новому году. Разладница дошла между «отцами» и «дѣтьми» до *plus plus ultra*. «Отцы» не посовѣстились

¹⁾ Герцена.

²⁾ Чернышевскаго.

³⁾ Николай Михайловичъ Щегловъ, державшій въ Москвѣ свой книжничій магазинъ.

все взвалить на шею одного Щ., который и должен за это порочно заплатить; это главнее всего разрушает все планы доброго дѣла. Щ. думает слѣдаться мировым судьей.

«Книга чичеринской наглости выше ¹⁾. Первой статьей въ ней письмо его къ А. И. Хороши родителям, нечего сказать. Теперь уже ни ихъ, ни ихъ альбатантовъ, чай, не своротить съ коленъ, въ которой они увязли. Остается желать, чтобы они завязли въ ней съ головой.

«А какова московскій лордъ-марш? На колѣнѣхъ встрѣтилъ е. в. ?). Онъ, вѣрно, подумалъ, что если ужъ становится (будучи головой же) на колѣни передъ Свѣчинскимъ въ номерахъ «Крыма», то встать передъ А. И. и подано слѣдуетъ.

«А, впрочемъ, вѣдь и одинъ изъ «отцовъ» становится на колѣни да еще передъ портретомъ А. И.

«Будьте здоровы, душевно преданный».

Письмо это съ несомнѣнностью устанавливало виновность Касаткина, имя котораго, хотя и не подписанное, комиссiи было почему-то известно.

Обыскъ и арестъ Любенкова и ходъ дѣла въ сенатѣ.

Первымъ распоряженiемъ сената ³⁾ было освобожденiе на поруку изъ крѣпости Бѣлозерскаго по ходатайству его брата, Василия Михайловича.

Черезъ недѣлю министр юстици прислалъ въ сенатъ акты допросовъ отставнаго гвардiи штабсъ-капитана *Николая Вадиловича Любенкова*, произведенныхъ въ Москвѣ жандармскимъ полковникомъ Воейковымъ 3 мая, и сообщалъ, что сдѣлано распоряженiе о заключенiи Любенкова въ Петропавловскую крѣпость и объ обыскѣ въ имѣнiи его отца, отставнаго генерала.

Воейковъ доносилъ Потапову, что 13-го января онъ исполнилъ данное ему предписанiе «со всей возможною осторожностью и деликатностью». Это значило, что знакомый съ Любенковымъ квартальный надзиратель, прапорщикъ Крушинскiй, подъ предлогомъ «гостей» пригласилъ его къ себѣ. Тамъ же былъ и Воейковъ, собиравшiй Любенкову о порученiи своего начальства и сказавшiй, что не является прямо къ нему на домъ, чтобы не испугать старика отца и семейство. Затѣмъ они тихонько отправились на квартиру Любенкова, сдѣлали тамъ обыскъ въ присутствiи брата его Льва, взявъ съ Николая подписку о невыѣздѣ изъ Москвы и

¹⁾ Рѣчь идетъ о книгѣ В. Н. Чичерина—«Нисколько современныхъ воровствъ», вышедшей въ свѣтъ въ концѣ 1862 года. Въ ней на первомъ мѣстѣ стояло письмо Чичерина къ Герцену, предварительнао напечатанное въ «Колоколѣ».

²⁾ Его Величество.

³⁾ Составъ I-го отдѣленiя 5 департамента былъ въ то время слѣдующий: присутствующiй Карлольичъ Пинскiй, сенаторы: Каринскiй, Веневитинскiй, Бергъ, Лукашъ и П. М. Довуровъ.

пригласили его для допроса въ канцелярiю оберъ-полицеймейстера. Самъ Любенковъ очень тревожился, что дѣлалъ неприятность маркизу Траверсе, которому привезъ одно письмо для Бакунина.

На допросѣ онъ показалъ, что родился въ 1834 г., въ 1851 г. произведенъ въ прапорщики лейбъ-гвардiи Гренадерскаго полка, въ сентябрѣ 1861 г. поѣхалъ прокатиться въ Германiю, Италию, Францiю и Англию и недѣлю пробылъ на лондонской выставкѣ. Въ это время дважды былъ у Герцена и видѣлъ много народу. Бакунинъ очень просилъ передать письмо Траверсе. Потомъ, уже изъ Россiи, онъ самъ писалъ Бакунину, на имя Громова, о правительственныхъ слухахъ и о назначенiи Константина Николаевича въ Царство Польское.

Обыскъ въ имѣнiи отца Любенкова не далъ никакихъ результатовъ.

2 февраля петербургскiй генералъ-губернаторъ кн. Суворовъ сообщилъ сенату о томъ, что врачъ госпиталю, психiatrъ Балинскiй, находить необходимымъ, чтобы маркизъ Траверсе имѣлъ ежедневныя прогулки. Сенатъ разрѣшилъ ихъ, но подѣ известнымъ надзоромъ.

Въ тотъ же день кн. Суворовъ доводилъ до свѣдѣнiя сената о просьбѣ Кожанчикова съѣздить на десять дней въ Москву. Надѣясь изъ этой поѣздки извлечь что нибудь и для себя въ смыслѣ выясненiя личныя сношенiй Кожанчикова, сенатъ разрѣшилъ и эту просьбу, взявъ только съ А. А. Краевского, на котораго выборъ палъ по соглашенiю съ Кожанчиковымъ, ручательство, что Кожанчиковъ вернется по первому требованiю.

6 февраля сенатъ заслушалъ словесное прошенiе Ветошниковъ о разрѣшенiи ему свиданiя съ родственниками и съ тѣми, съ кѣмъ онъ видѣлся раньше, когда дѣло было въ рукахъ комиссiи, и прошенiе Николая Серно-Соловьевича и Ветошниковъ о допущенiи ихъ къ чтенiю и рукоприкладству записки о нихъ сената. Всѣ эти просьбы были удовлетворены. Любопытно, что никто изъ другихъ обвиняемыхъ въ этомъ громадномъ дѣлѣ не просилъ о томъ, что имѣлъ несомнѣнныя права: на прочтенiе сенатской записки, которая должна была вѣнчать все дѣло—настолько было велико незнанiе своего права, настолько многихъ подавляла обстановка заключенiя....

Тутъ-же маленькое замѣчанiе: читатель помнить, что въ качествѣ привлеченныхъ къ дѣлу былъ и И. С. Тургеневъ. Я нигдѣ не буду касаться документовъ, къ нему относящихся, потому что всѣ они приведены въ замѣткѣ г. Везроднаго, напечатанной въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за этотъ годъ.

12 февраля Налбандякъ просилъ объ отдачѣ его на поруки и о продолженiи свиданiй, какъ было и до передачи дѣла въ сенатъ. Сенатъ опредѣлилъ: первую просьбу имѣть въ виду, вторую—удовлетворить.

Въ тотъ же день Павелъ и Владимiръ Потѣхины просили отдать имъ на поруки брата Николая. Тогда же было должно все-

подданѣйшее прошение Фанни Ферклундъ о разрѣшеніи ей слѣдовать за Ветошниковымъ въ ссылку, какъ за отцомъ ея ребенка, и бытъ обыкновенной съ нимъ до отправки въ Сибирь. Сенатъ положилъ имѣть прошение въ виду при окончаніи дѣла и опредѣленіи наказанія Ветошникову.

20 февраля были разрѣшены свиданія Бѣлозерскому и Петровскому, а первому еще и чтеніе книгъ.

26 февраля въ сенатъ явился Альбертини и далъ подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга.

Сенатъ почти два мѣсяца выслушалъ составъ преступленія всѣхъ обвиняемыхъ и только въ заведеніи 4 марта приказалъ: Ветошникова, Николая Серно-Соловевича, Владимірова, Петровскаго, Ничипоренко и Ялина—содержать по прежнему въ крѣпости до окончанія дѣла; Бѣлозерскаго, Потѣхина, Воронова и Любенкова—отдать на поруки; съ Бени, Гаевского, Максимова и Каншина взять подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга. Относительно всѣхъ другихъ—оставить ихъ пока на свободѣ, но подлѣ надзоромъ полиціи.

6 марта кн. Суворовъ увѣдомилъ сенатъ, что государи разрѣшили Налбанцину, Петровскому и Бѣлозерскому свиданія только съ родственниками. А оберъ-полицеймейстеръ увѣдомилъ сенатъ, что литераторъ Максимовъ въ Петербургъ все еще не пріѣхалъ, потому что командированъ морскимъ министерствомъ на Кавказъ¹⁾.

Тогда же министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ, что Черкесовъ проситъ разрѣшить ему остаться за границей до полного излеченія.

14 марта сенатъ опредѣлилъ вызванныхъ въ Петербургъ Аркадьева, Афанасьева, Козлова, братьевъ Орфано и Трубенского обязать подпиской явиться въ сенатъ по первому требованію и на этомъ условіи разрѣшить имъ жить, гдѣ пожелаютъ.

Записка Гаевского и допросъ Альбертини и Максимова.

19 марта Гаевскій представилъ въ сенатъ обстоятельную объяснительную записку, въ которой весьма ловко сумѣлъ доказать, что комиссія обратила все свое вниманіе на голословныя противъ него обвиненія, совершенно оставивъ безъ вниманія обстоятельство, его оправдывающія. Самымъ убѣдительнымъ должно было показаться первое доказательство: комиссія обвиняла его въ томъ, что и онъ ѣздилъ на «поклоненіе» въ Лондонъ, а между тѣмъ приложенный къ запискѣ заграничный паспортъ этого не подтверждаетъ; мало

¹⁾ Неожиданно рано было нѣмъ морскому министру и получено отъ него уведомленіе, что пріѣхалъ въ Петербургъ въ Пасхійскій праздникъ, чтобы сдѣлано было распоряженіе о немедленномъ его возвращеніи въ Петербургъ. Дѣйствительно, когда Максимовъ пріѣхалъ въ Астрахань и на другой же день былъ отправленъ въ Петербургъ. 10-го іюня съ него была уже взята подписка о невыѣздѣ.

того, онъ даже не визированъ въ тѣхъ городахъ Европы, откуда можно отправиться въ Лондонъ... (Замѣчу, что Гаевскій ѣздилъ въ Лондонъ съ паспортомъ одного изъ своихъ друзей)... Замѣтъ Гаевскій писалъ, что, служа въ канцеляріи статсъ-секретаря у принятія прошеній, т.-е. у того же Голицына, семь дѣтъ, онъ ничего не видѣлъ о ней въ «Колоколѣ», слѣдовательно, ничего туда не сообщалъ, потому что, разумѣется, если-бы былъ корреспондентомъ, то не преминулъ-бы воспользоваться очень интереснымъ матеріаломъ своего мѣста службы. Гаевскій указывалъ также, что «эти темныя личности заслуживаютъ мало довѣрія». Ничипоренко, старавшійся облегчить тяжесть павшихъ на него обвиненій, разложилъ ее на возможно большее число лицъ, и доощряемый слѣдователями, поразилъ своимъ нравственнымъ цинизмомъ всѣхъ, не исключая даже пользовавшихся его мнимыми услугами». «Травресе—душевно-больной». Вотъ каковы его обвинители. Между тѣмъ кн. Голицынъ долженъ знать его, потому что всегда хвалилъ его, давалъ секретныя порученія и видѣлъ его не менѣе 200 разъ. Ничипоренко видѣлъ его только 10 разъ, значитъ, князь довѣряетъ какому-нибудь Ничипоренку въ 20 разъ болѣе, чѣмъ самому себѣ... Гаевскій призналъ только за собой двѣ вѣны: полученіе отъ Ничипоренка двухъ-трехъ номеровъ «Колокола» и доставку Травресе письма, полученнаго самимъ по почтѣ. Между тѣмъ, только за это Голицынъ уже уволилъ его со службы.

16 апрѣля сенатъ допросилъ Альбертини. Онъ воспитывался въ 3-й московской реальной гимназіи, потомъ въ восточномъ университетѣ, который кончилъ кандидатомъ юридическаго факультета въ 1851 г. Содержитъ себя гонораромъ съ «Отечественныхъ Записокъ». Отъ Ничипоренка «Колокола» не получалъ; Кельсевичу никогда не писалъ. Иногда въ литературныхъ кружкахъ слышалъ, какъ Ничипоренко читалъ вслухъ «Колоколъ». Кельсевича узналъ только въ Лондонѣ. Живя тамъ пять мѣсяцевъ въ 1862 г., онъ часто бывалъ у Герцена и разъ видѣлъ тамъ Потѣхина. «Разъ, дѣйствительно, выпилъ за обѣдомъ лишнее—объ этомъ и писалъ Бакуининъ». Близкихъ отношеній съ изгнанниками не имѣлъ и о планахъ ихъ ничего не знаетъ. Громеки писалъ потому, что узналъ, что онъ далъ за него согласіе Каткову, даже не спросивъ его разрѣшенія. Налбанцину очень уважаютъ въ Лондонѣ Мартыновъ, Ковалевскій и Фриксъ. О польскихъ губерніяхъ писалъ Громеки, думая дать о нихъ свѣдѣнія въ англійскія газеты, а не въ «Колоколъ». Каткова и Чичерина «считаетъ врагами нашего прогрессивнаго движенія», потому что они были противъ судебной и земской реформъ. Что подлѣ конецъ своего пребыванія онъ не видѣлся уже съ Герценомъ и другими его товарищами—можно ясно видѣть изъ его писемъ къ Краевскому, которая и представляется для этого сенату.

Вотъ они:

I.

7 июля 1862 г.

«Посылаю вамъ, многоуважаемый Андрей Александровичъ, продолжение статьи. Это—примѣчанія къ присланному дня три назадъ комитетскому отчету. Конецъ этихъ примѣчаній явится, должно быть, послѣ завтра. Прочитавши ихъ, вы убѣдитесь въ слѣдующемъ: во-первыхъ я старался, чтобъ въ тѣхъ свѣдѣнїяхъ, которыя сообщая, ни одного пункта для читателей не осталось необъясненнымъ. Поэтому примѣчанія эти, собственно, составляютъ мою главную работу. Во-вторыхъ, вы увидите, что для нихъ мнѣ пришлось заглянуть въ самую глубь, въ самую тину англійскихъ законовъ; а это дѣло для меня было весьма не легкое. Это объяснить вамъ, отчего такъ долго я не писалъ статей. Кажется, простая штука—информационный процессъ, напримеръ, — а двое адвокатовъ не могли мнѣ объяснить его хорошенько, конечно, не потому, чтобъ они сами его не знали, а потому, что они слишкомъ сильны въ своемъ крючкотворствѣ, и крючки-то для нихъ важнѣе сущности. То же самое и въ ихъ юридическихъ книжкахъ.—Въ этомъ главная трудность.

«На дняхъ я переѣзжаю опять въ Лондонъ, на свою старую квартиру; займусь еще съ мѣсяцъ въ British Museum,—чтобъ дополнить материалы для статей о народныхъ школахъ,—единственно превосходныхъ школахъ въ Англии (ни университеты англійскіе, ни частныя школы—grammos schools и industrial schools не могутъ дать намъ ничего для соображеній, для поученія) и единственно заслуживающихъ нашего вниманія; желательно было-бы, чтобъ и въ нашихъ народныхъ школахъ, ежели онѣ должны скоро явиться,—принята была англійская система, съ тѣми, конечно, измѣненіями, которыя для нихъ окажутся необходимыми.—Но объ этомъ будетъ рѣчь послѣ.

«Мнѣ все кажется, что все то, что я теперь дѣлаю для англійскихъ законовъ о печати, будетъ собственно для насъ, русскихъ, толченіемъ воды въ рѣшетъ. Трудно представить себѣ, чтобъ въ настоящее время можно было достигнуть отмінянїя цензуры: послѣдняя мѣра относительно надзора за типографіями и книжными лавками, запрещеніе журналовъ,—общее направленіе дѣлъ,—все показываетъ, что не въ духъ либеральныхъ реформъ будутъ новыя распоряженія и новыя мѣры.—Но можетъ быть, я и ошибаюсь,—и желалъ бы, чтобъ это такъ.

«Прочитавъ наконецъ я и «Молодую Россію»: Кто-то изъ русскихъ, не знаю, кто именно—въ Café de la Regence далъ мнѣ прочесть ее. Право, не знаю, что вы, въ Петербургѣ, нашли въ ней такого страшнаго. Это—глупость, которая не могла имѣть ни какого вліянія,—и способна только возбудить сожалѣніе къ той молодежи, которая набрала себѣ голову французскими революціонными идеями заднихъ годовъ.—Подымать изъ-за этого гвалтъ въ

обществѣ, а особенно въ литературѣ, право, не стоитъ.—На дняхъ мнѣ попались англійскіе подобные же листки сороковыхъ годовъ: какихъ только тамъ нѣтъ воззваній,—а кто же на нихъ обращалъ здѣсь вниманіе? Право, надобно пожить въ Англии, чтобъ отвыкнуть отъ пустыхъ страховъ, отвыкнуть отъ привычки придавать значеніе печатной строкѣ.

«А у насъ, у насъ-то, Господа, какія творятся вещи. Право, страшно и возвращаться въ Россію.—А все-таки, вы не повѣрите, Андрей Александровичъ, какъ мнѣ хочется вернуться поскорѣе. Такъ и рвусь туда,—туда,—работую теперь съ какою-то лихорадочною поспѣшностью, только чтобъ все кончить скорѣе и пуститься въ путь.

«Въ Россіи обвиняютъ все и всѣхъ. Какъ мнѣ кажется, обвиненія эти не основательны.

«А плохую штуку сдѣлало правительство, запретивши журналы на время.—Ежели ничто у насъ не перемѣнится, то когда пройдетъ этотъ срокъ и снова воскреснутъ опаленные журналы, они привлекутъ къ себѣ огромную массу подписчиковъ,—а не опаленные останутся ни при чемъ,—потеряютъ, можетъ быть, половину. Это исторія весьма плохая,—какъ для правительства, такъ и для умѣренно прогрессивныхъ журналовъ.—Тутъ ужъ надобно было или вовсе не запрещать, или ужъ запретить совсѣмъ, такъ чтобъ и духу не осталось.—Вы конечно неподумаете, чтобъ я когда-нибудь оправдывалъ такую звѣрскую штуку. Я только говорю, что этого требовала бы *последовательность* съ точки зрѣнія тѣхъ людей, которые ужъ рѣшились запрещать журналы.—Полумѣра же не годится никаку и разразится особенно вредно надъ тѣми журналами, которые не гнутъ сильно ни на ту, ни на другую сторону.—Впрочемъ, въ восемь мѣсяцевъ можетъ еще многое измѣниться.

«Черезъ мѣсяць съ небольшою мѣрой должно быть увидимся.—Клянуся въсімъ и желаю вамъ всякаго благополучія.

«Вамъ искренно преданный

Н. Альбертини.

«Напишите, ради Бога, отвѣтъ о статьѣ Росселя.

«Въ июльской книжкѣ Cornhill Magazine явилось начало новаго романа Джоржа Эллиота, автора «*Адамъ Бидо*»—называется «*Розалла*». Романъ историческій—дѣйствіе въ Италіи, во Флоренціи, въ концѣ XV вѣка. Первые пять главъ весьма интересны. Не посылаю вамъ вырѣзокъ единственно потому, что братъ Темирязева, переводчика нашего, говорилъ мнѣ, что онъ пошлетъ уже къ брату. Слѣдовательно вещь въ вашемъ распоряженіи».

II.

Лондонъ, 1 августа 1862 г.

«Запоздалъ я присылкой конца своей статьи, многоуважаемый Андрей Александровичъ; но надѣюсь, ни мало не помѣшалъ этимъ напечатанію первой половины ея въ июльской книжкѣ. Вѣдь не можетъ же быть, чтобъ вся статья такъ ужъ и могла попасть въ

ликомъ въ одну книжку. Въ это время мною была продолжаема другая статья, начатая еще прежде,—тоже о журналистикѣ—статья, въ которой разсказывается, что англійской журналистикѣ было плохо, пока она не заставила уважать себя,—а когда пришло уважение къ ней, то ужъ не трудно было получить и все, что хотѣлось. Эта статья будетъ кончена уже въ Россіи. Тамъ же будутъ приготовлены къ печати и статьи о школахъ, для которыхъ матеріаловъ у меня множество.

«Воротиться въ Россію какъ можно скорѣе—мнѣ страшно хочется. А между тѣмъ есть еще проблемы, которые надо покончить,—а покончить ихъ на мѣстѣ не будетъ средствъ. Жить то здѣсь уже стало невыносимо. Въ последнее время я живу, почти никого не видя, почти одинокой. Говорю—одинокой, потому что очень рѣдко вижу русскихъ, со многими изъ нихъ я разошелся въ мнѣніяхъ до того, что даже какъ-то неловко съ ними встрѣтиться, другіе—пошлые дураки. Жду, не дожидусь того времени, когда опять буду съ вами, съ Степаномъ Семеновичемъ ¹⁾, Степаномъ Степановичемъ ²⁾, Константиномъ Николаевичемъ ³⁾. Тамъ хоть мы и спорили часто, но какъ-то все шло и все оканчивалось по душѣ. Съ другими не такъ,—поспорить, вотъ ужъ и разошелся совсѣмъ, и ужъ трудно встрѣтиться и протянуть руку другъ другу. Такъ то бывать всегда съ людьми, отданными фанатической мысли. Богъ съ ними, съ такими людьми.

«Мое участіе въ „Голосѣ“,—насколько для этого нужно мое желаніе—не подлежить, многуважаемый Андрей Александровичъ, никакому сомнѣнію,—послѣ того, какъ вы объяснили мнѣ роль и значеніе въ газетѣ Скарятина, котораго здѣсь уже называли *главнымъ редакторомъ*. Вотъ такъ то и все, и обо всемъ то тутъ толкуютъ такіе вздоры.

«Поклонитесь отъ меня всѣмъ моимъ добрымъ знакомымъ, кого увидите,—и скажите имъ одно,—что я жду не дожидусь времени, когда увижу ихъ.

«Искренно преданный вамъ

Н. Альбертини.

«P. S. Прошу васъ,—отвѣтите мнѣ, пожалуйста, на это письмо. Отвѣтъ вашъ можетъ еще застать меня въ Лондонѣ, ежели будетъ написанъ немедленно. Я буду ждать вашего письма».

Козыриуши этии двумя письмами, доказывавшими, что Альбертини вѣстѣ съ большинствомъ русскаго общества послѣ майскихъ дней 1862 года шархнулся вправо, она такъ закончила свое показаніе:

«Долга чести, вѣрноподанической преданности Государю Императору, полной уваженія къ закону и полной готовности испол-

¹⁾ Дудинскій.

²⁾ Громовъ.

³⁾ Вестужекъ-Резниъ.

нить его во всякое время я не забывая никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ. Самымъ полнымъ ручательствомъ въ этомъ можетъ послужить все мое прошлое, хорошо извѣстное всѣмъ людямъ, съ которыми я находился въ сношеніяхъ. Настоящая, истинная и постоянная моя мнѣнія о такихъ дѣйствіяхъ, какъ преступленіе Михайлова, можно видѣть изъ многочисленныхъ статей моихъ политическаго содержания, напечатанныхъ въ разное время въ «Отечественныхъ Запискахъ». Преступникъ, подобно Михайлову, покусившійся поколебать спокойствіе въ государствѣ, возбуждаетъ въ каждомъ честномъ человѣкѣ ужасъ и отвращеніе...»

На очной ставкѣ съ Ничипоренкомъ Альбертини остался при всѣхъ показаніяхъ. Онъ былъ отлученъ съ миромъ.

10 іюля допросили Максимова, сказавши, что съ издателемъ его сочиненій, Кожанчиковымъ, онъ не поддерживалъ личныхъ отношеній, Кельсева не знаетъ, въ Лондонѣ никогда не былъ. Очная ставка Максимова съ Ничипоренкомъ дала неожиданный результатъ: Ничипоренко вдругъ написалъ: «Я отказываюсь какъ въ отношеніи сказаннаго мною относительно г. Максимова, такъ и въ отношеніи другихъ лицъ, имѣвшихъ со мною очная ставки и не согласившихся съ моими показаніями, хотя я теперь подтверждаю все, касающееся меня лично»...

Эффектъ былъ большой!... Сенаторы не ожидали, что изъ ихъ рукъ выпадетъ такая масса драгоценныхъ уликъ и обвиненій.

Помѣшательство Траверсе. Вызовъ изъ за-границы. Законъ о награжденіи доносчиковъ. Смерть Ничипоренка.

28 іюля губернаторъ и нѣсколько чиновниковъ свидѣтельствовали умственную способность Траверсе и тоже были поражены: онъ обвинялъ государя въ сношеніяхъ съ Бакунинымъ и въ распространеніи прокламаций, клеветалъ на вѣрность своей жены и пр. Ясно было, что маркизъ совершенно уже ненормаленъ... Его помѣстили въ домъ для умалишенныхъ, по истеченіи шести недѣль снова освидѣтельствовали и признали нужнымъ подвергнуть опять шестинедѣльному испытанію...

Въ іюлѣ были получены, наконецъ, всѣ «повальные бланки» о поведеніи обвиняемыхъ; они были вполнѣ для нихъ благоприятны; любопытно, что объськъ о Налбандіи подписанъ сотней начиванцевъ, что указываетъ на широкое къ нему уваженіе и на желаніе реабилитировать его.

Въ серединѣ сентября министръ иностранныхъ дѣлъ уведомилъ сенатъ, что благодаря безобразной туринской полиціи, Чересовъ и Николай Серно-Соловьевичъ до сихъ поръ еще не розсканы и потому не знаютъ о призывѣ ихъ въ Россію ¹⁾. Тогда же гене-

¹⁾ Значитъ, прося острокъ заграничнаго паспорта, Чересовъ еще и не зналъ о привлеченіи его къ дѣлу.

ральный консул въ Лондонѣ увѣдомилъ министерство, что, несмотря на вызовъ, сдѣланный въ мартѣ въ газетѣ „Times“, ни Касаткинъ, ни Кельсиевъ не явились въ консульство, да, навѣрное, и не явятся. Въ сентябрѣ вызовъ былъ повторенъ.

Въ октябрѣ Бени просился съѣздить въ Царство Польское къ больной матери. Сенатъ отдалъ это на усмотрѣніе кн. Суворова, а послѣдній отпустилъ Бени, взявъ съ него подписку о возвращеніи по первому требованію ¹⁾.

Видя, что послѣ отказа отъ сдѣланныхъ показаній Ничипоренко и сумасшествія Траверсе, въ рукахъ его остается не очень много уликъ, правительство рѣшило на возмутительную мѣру, облеченную въ форму закона. А именно постановялось, что:

«1. Обо всѣхъ лицахъ, которыя при производствѣ объ нихъ дѣлъ высочайше учрежденною въ С.-Петербургѣ слѣдственной комиссіею покажутъ полное раскаяніе и готовность способствовать къ открытію преступленій, дѣлать особія представленія Его Величеству.

«2. Равно повергать на всемілостивѣйшее воззрѣніе участъ и тѣхъ раскаявшихся и сознавшихся, о коихъ дѣла, по окончаніи производства въ комиссіи, передаки къ судебному разсмотрѣнію и находится въ настоящее время въ правительствующемъ сенатѣ. При чемъ постановить въ обязанность суду: при заключеніи приговора объяснять отдѣльно и вкратцѣ, въ какой мѣрѣ означенныя лица способствовали къ открытію преступленій.

«3. Объ отставномъ штабъ-капитанѣ Петровскомъ и другихъ подобныхъ ему лицахъ, преданныхъ уже суду правительствующаго сената, которые показали полное раскаяніе и готовность способствовать къ открытію преступленій, дѣлать особія представленія Его Величеству...»

Трудно придумать что-нибудь возмутительнѣе такого покровительства доносительству... Разумѣется, сенатъ сейчасъ же вошелъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи на поруки Петровскаго, котораго и взялъ на поруки Д. Д. Дашковъ...

Показаній никакихъ получить, однако, не удалось: кто былъ непороченъ или малодушенъ—все уже рассказалъ, люди порядочные и твердые, разумѣется, не хотѣли купить свою относительную свободу цѣною будущаго другихъ... Это былъ лучшей отвѣтъ, но милостивое разрѣшеніе...

На другой день въ крѣпости умеръ Ничипоренко...

Сенатъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и сталъ вести дѣло къ окончанію.

Мих. Лемне.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

Процессъ 17 лицъ въ 1883 году.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

— Пожалуйте! — сказала надзиратель Дома Предварительнаго Заключенія, открывъ дверь въ мою камеру 4-й галлерей этой образцовой тюрьмы.

Намъ всѣмъ уже было извѣстно, что на дняхъ Особое Присутствіе Правительствующаго Сената приступитъ къ разбору нашего дѣла. Около недѣли тому назадъ, или нѣсколько больше, всѣхъ насъ, кромѣ женщинъ и Стефановича, привезли изъ Петропавловской крѣпости въ Домъ Превдъ. Заключенія, корпусъ котораго былъ смежнымъ съ корпусомъ суда, и разсѣлали по разнымъ камерамъ и галлереймъ. Здѣсь издана существовалъ общій переводчикъ на время политическаго процесса всѣхъ его участниковъ поближе къ коридорамъ, ведущимъ въ судъ; при этомъ имѣлись въ виду и большія удобства при постоянныхъ передвиженіяхъ изъ тюрьмы въ судъ и обратно разомъ такого большого количества заключенныхъ, и наименьшій шумъ, обращающій на себя вниманіе и, естественно, возбуждающій товарищей подсудимыхъ, и большая легкость сношеній защиты со своими кліентами, и пр., а всѣмъ этимъ требованіямъ наиболѣе удовлетворялъ конечно рядъ камеръ нижняго этажа Дома Пр. Заключенія.

Эта еще новая тогда тюрьма, построенная по западно-европейскому образцу, на меня, какъ въротно и на другихъ заключенныхъ, производила впечатлѣніе гостиницы послѣ девятилѣтняго пребыванія въ сырыхъ и темныхъ казематахъ Петропавловской крѣпости. Недаромъ малолѣтняя дѣвочка нашего товарища по процессу Будевича, когда приводила ее на свиданіе къ отцу, говорила ему: «въ какой гадкой гостиницѣ живешь ты, папа!» Бѣдному ребенку казалось плохой гостиницей то, что для ее отца было мѣстомъ отдыха послѣ крѣпостныхъ сидѣній и что при томъ было для него послѣднимъ отдыхомъ, какъ это оказалось впоследствии!..

Эти дни, оставшіеся до начала суда, изобиловали свиданіями обвиняемыхъ съ родными; очевидно, администрація сама безсозна-

¹⁾ Въ началѣ января 1864 г. онъ вернулся въ Петербургъ.

тельно желала чѣмъ нибудь скрасить ихъ для заключенныхъ, не безъ основанія предполагая, что для большинства эти дни были послѣдними днями пребывания въ „перевобитомъ“ (безъ лишней гражданскихъ правъ) состояніи съ нѣкоторою возможностью общенія съ близкими людьми, а для нѣкоторыхъ и послѣдними днями жизни...

Имѣю основаніе дѣлать такое предположеніе потому, что неоднократно и отъ самихъ представителей власти, и отъ близкихъ людей на свиданіяхъ, въ свою очередь обмѣнивавшихся впечатлѣніями о процессѣ съ властью имѣющими, слышала мнѣние, составившееся о подсудимыхъ на основаніи знакомства съ ними по дѣлу и лично. Эта, своего рода, рекомендація процесса заключалась въ томъ, что главное впечатлѣніе, производимое обвиняемыми, было впечатлѣніе людей съ душой и сердцемъ, къ которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя примѣнить элитетовъ кровожадности и звѣрства, какими обвиненіе пыталось надѣлать участниковъ предшествовавшихъ террористическихъ процессовъ.

Говорили, что первый процессъ (первомартовцевъ) отличался строгой выдержанностью типа террориста, пользующагося судомъ какъ трибуной, чтобы осѣлѣдить общество возможно шире съ альфой и омегой своего направленія; представители его поражали своей убѣжденностью; процессъ далъ теоретиковъ партіи «Народной Воли», теоретиковъ террора въ лицѣ Желябова, Перовской, Кибальчича. Второй процессъ 20-ти въ 1882 г. выдвинулъ по преимуществу теоретиковъ и практиковъ партійной программы и организаціи въ лицѣ Ал. Михайлова и др.; третій же процессъ 17-ти лицъ, не блиставъ талантами теоретической обосновки и партійной организаціи, равно какъ и не имѣя задачъ стоявшихъ передъ первомартовцами, знакомилъ публику, поскольку она имѣла возможность знакомиться съ подсудимыми по свиданіямъ проникающимъ въ нее черезъ судъ, защиту и родственниковъ обвиняемыхъ, съ представителями террора. Таково было общее мнѣніе, глухо доходящее и до объектовъ его.

Не мнѣ судить, насколько справедлива такая репутація процесса вообще, но долженъ сказать, что многое могло говорить въ пользу такой его оцѣнки.

Начать съ того, что здѣсь былъ огромный процентъ женщинъ, подчасъ помимо ихъ воли вносящихъ известную степень чувства и душевной мягкости въ ихъ отношенія къ окружающему; въ самомъ дѣлѣ, на 10 ч. мужчинъ тутъ было 7 ч. женщинъ, тогда какъ на предъидущемъ процессѣ 20-ти ихъ было всего 3.— Затѣмъ, настроеніе нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, какъ Корба и особенно Грачевскаго, было таково, что также располагало ихъ, и безъ того людей въ высшей степени сердечныхъ, къ особой душевной мягкости; причина такого настроенія объясняется ихъ страстнымъ желаніемъ сколько возможно понизить ответственность ихъ болѣе молодыхъ товарищей, о чѣмъ эти послѣдніе и не подозревали тогда, и что болѣе подробно выясняется въ ото-

вѣвшихся мемуарахъ другого участника процесса 17. Наконецъ обширный кругъ родныхъ и знакомыхъ нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, какъ Прибылева (Роза Львовна, урожденная Гросманъ), Корба и Буцевичъ, сумѣлъ заинтересовать общество участниковъ этого процесса не только какъ представителями крайняго разрушительнаго направленія, но и какъ людьми въ широкомъ смыслѣ этого слова; съ другой стороны тѣмъ же порядкомъ и съ той-же точки зрѣнія неизбежно должны были познакомиться съ ними и предрѣшая власти: и общество, и власти привыкли смотреть на подсудимыхъ безъ особо предвзвѣтой точки зрѣнія, и не усматривая со стороны ихъ агрессивныхъ попытокъ на слѣдствіи и судѣ, видѣли въ нихъ обыкновенныхъ, даже очень симпатичныхъ людей, волею историческихъ судебъ попавшихъ на скамью подсудимыхъ. Кромѣ того Юрій Богдановичъ—участникъ подкопа на Малой Садовой, хозяинъ знаменитой сырной лавки Кобозевыхъ—придавалъ своеобразный колоритъ всему процессу, возбуждая интересъ и вниманіе общества, и отвѣчая на нихъ присущей ему корректностью поведенія, мягкостью своего характера и всегда окружающими его симпатіями со стороны лицъ входящихъ съ нимъ въ сношенія.

Но важнѣе всего конечно то, что процессъ 17 былъ поставленъ въ разбираемомъ отношеніи въ исключительное положеніе. Съ одной стороны идея террора и программа партіи были достаточно выяснены на предъидущихъ процессахъ, почему главаря процесса 17-ти могли касаться ихъ въ гораздо меньшей степени; съ другой стороны процессъ этотъ не могъ выставить видющихся ораторовъ, которые бы легко справились съ этой задачей. Такимъ образомъ на долю участниковъ процессовъ 1-го марта и 20-ти въ 82 г. выпало скрыть, замаскировать всѣ свои душевныя качества, всю силу ихъ любви къ человечеству, всю степень самопожертвованія, какими обычно отличались видные революционеры того времени, и выступать передъ обществомъ съ грозной проповѣдью террора, оправдать его въ самомъ крайнемъ его проявленіи. Задача неблагодарная для дѣятелей этихъ процессовъ, но выполненная ими блистательно, съ полнымъ самозабвеніемъ. Въ совершенно противоположныхъ, но и несравненно болѣе вынодныхъ для себя условіяхъ оказались участники процесса 17. Они могли явиться самими собою—несравненно больше, чѣмъ это можно было сдѣлать ихъ товарищамъ въ предъидущихъ процессахъ. И въ этомъ лежитъ корень впечатлѣнія, производимаго ими на окружающихъ. Какъ бы то ни было, вырисовывавшейся такимъ образомъ характеръ подсудимыхъ—главныхъ лицъ всей судебной драмы, проходящей передъ глазами русскаго общества—обуславливать и ихъ поведеніе на судѣ, которое въ общемъ было вполне корректно, даже мягко и поражало отсутствіемъ всякаго задора, и мнѣ хочется сказать—какъ бы носило на себѣ отпечатокъ тона знаменитаго письма Исполнительнаго Комитета къ Императору Александру III, послѣ 1 марта 1881 г.

Другъ о другѣ мы знали мало въ дни предшествовавшіе суду.

Только женщины были в более счастливых условиях, так как могли сноситься между собою путём летучей почты; режим их содержания был несколько слабее. Впрочем, и нам удавалось узнать кое-что друг о друге, благодаря значительным послаблениям обычных тюремных строгостей, что объяснялось тоже приближением суда.

В камеры часто заходили побеседовать с обвиняемыми и защитники, и чины тюремного вѣдомства, и сама прокуратура даже, вѣ лицѣ, напр., тов. прок. при Д. П. З. борона Рауша. Помню, как однажды внезапно отворилась дверь моей камеры, и въ нее прошель окруженный соответственной свитой самъ прокуроръ судебной палаты, будущій министр юстиціи—Муравьевъ. Не знаю, что побудило его посѣтить меня въ моемъ уединеніи, и мнѣ не удалось установить, посѣщалъ ли онъ также другихъ товарищей или сдѣлалъ это исключение только для моей особы. Какъ бы то ни было, для меня было ясно, что прокуроръ судебной палаты или дѣлаетъ это исполняя свою обязанность, какъ шаблонъ, или его загнали въ наши камеры празднолюбивство. Это было очевидно уже по одному тому, что, какъ оказалось, ему отъ меня не было ничего нужно. Онъ обратился ко мнѣ съ фразой и предложениемъ, показавшимся мнѣ совершенно не нужными.

«Прошу васъ, сказалъ онъ, употребить все мѣры къ тому, чтобы на судъ не было слезъ. Лучше я разрѣшу вамъ столько свиданій, сколько вы хотите, но необходимо, чтобы судъ прошель безъ какого рода сценъ».

Я пожалъ плечами и далъ понять прокурору, что меня удивляетъ его предложение, что, кажется, я плакать не собираюсь и что дѣло, надѣюсь, пройдетъ гладко безъ какихъ либо экстраординарныхъ мѣръ. Фраза очевидно относилась къ роднымъ, часть женскаго элемента которыхъ усиленно хлопотала о разрѣшеніи присутствовать на засѣданіяхъ суда.

Съ прокуроромъ судебной палаты мы все же были старые знакомые. Впервые я видѣлъ его, когда просить разрѣшенія на свиданіе съ однимъ изъ товарищей, случайно,—какъ Эзопъ шедшій въ баню и попавшій въ «классическій» участокъ, оказавшійся въ Домѣ Пр. Закл. Это было въ 81 году. Затѣмъ, въ самые первые дни ареста, когда насъ еще держали при жандармскомъ управленіи, не успѣвъ составить постановленія о заключеніи въ крѣпость, онъ ввелъ въ мою камеру какое-то чрезвычайно высокопоставленное лицо, о значеніи и имени котораго, благодаря полной безгласности нашего конвоя, мнѣ такъ и не удалось освѣдомиться. Тогда онъ вѣбжалъ впереди всей свиты этой особы съ возгласомъ:—«Встаньте, милостивый государь!». Вопросъ этой особы, при томъ единственномъ, былъ также для меня неожиданнымъ и казался тогда мнѣ столь же ненужнымъ, какъ вышеописанное обращеніе самого прокурора передъ судомъ.—«Вы практиковали?»—спрашивалъ онъ меня, у котораго арестовали конспиративную квартиру, на одно оборудованіе каковой нужны были мѣсяцы... Послѣ этого я не имѣлъ удо-

вольствія видѣть г. будущаго министра юстиціи вплоть до нашихъ предпроцессныхъ дней.

Самый процессъ представлялъ для насъ огромный интересъ. Я нисколько не ошибусь, если скажу, что большинство его участниковъ жили только надеждой скорѣе вѣтнться на скамьи подсудимыхъ. Не говорю уже о томъ, что многие должны были интересоваться окончательнымъ выясненіемъ своей доли. Для каждого создавалось такое положеніе, что періодъ суда долженъ быть наилучшимъ періодомъ всей оставшейся имъ жизни, для многихъ интереснѣйшимъ моментомъ изъ всего, что осталось еще пережить.

Лично мнѣ какъ-то не приходилось удѣлять много времени на думы о предстоящей участи. Не то, чтобы я отклонялъ отъ себя мысль о смерти, которая, разумеется, не могла быть мнѣ въ моемъ положеніи желанной, и не то, чтобы я серьезно вѣрилъ, что въ данный моментъ избѣгу таковой... нѣтъ—просто какъ-то не хотѣлось думать о томъ, что будетъ въ будущемъ или менѣе близкомъ будущемъ, и все вниманіе сосредоточивалось на текущихъ моментахъ. Когда мой защитникъ, посѣщая меня и не слыша съ моей стороны вопросовъ, относившихся къ предстоящей мѣѣ участи, самъ заговаривалъ, что я не такъ засѣлъ, какъ тотъ или другой изъ моихъ товарищей по дѣлу, очевидно, желая показать этимъ, что на мою долю должна выпастъ меньшая степень замкнанія, я какъ-то пропускалъ это соображеніе мимо ушей и быстро переводилъ разговоръ на другія темы, болѣе меня интересовавшія. Но мало-по-малу для меня все же стало очевиднымъ, что мнѣ грозитъ, быть можетъ, наименьшая кара среди всѣхъ моихъ товарищей по процессу, и потому мысль о тѣхъ, кому не избѣжать суроваго приговора, все больше и больше укоренялась въ головѣ, и становилось больно и какъ-то стыдно, что, находясь въ данный моментъ въ одинаковыхъ условіяхъ, я не буду имѣть чести идти съ ними до конца и вынужденъ отдѣлиться отъ нихъ, такъ сказать, вправо.

Хотѣлось бы сдѣлать ихъ менѣе виновными, хотѣлось, чтобы они стали въ такое же положеніе, въ какомъ были мы, чтобы имъ не грозилъ по крайней мѣрѣ смертній приговоръ... Но сдѣлать это было невозможно и душа не переставала болѣть за тѣхъ, участь которыхъ была предрѣшена и представлялась ужасною... Душевное настроеніе временами дѣлалось мрачнымъ, тогда его не въ силахъ былъ разогнать интересъ къ предстоящему появленію на судѣ. Такое настроеніе поддерживалось, вѣроятно, и тяжестью предшествовавашаго тюремнаго содержанія (а оно могло быть и еще хуже!), которое многимъ заключеннымъ уже тогда подорвало силы и здоровье, о чемъ въ общихъ чертахъ другъ о другѣ мы были освѣдомлены...

Наши родные и знакомые съ воли не переставали оказывать намъ всевозможные знаки вниманія, и это трогало насъ до глубины души. Чего, чего не приносили они намъ, чѣмъ не баловали заключенныхъ! Казалось, не было, не могло существовать прегатнѣй-

къ исполненію малѣйшаго, едва выраженнаго нами желанія. Приходилось быть осторожными на свиданіи и слѣдить за собой, чтобы не прорвалось какое-нибудь нежелкое слово, которое можно истолковать какъ желаніе, которое, каково бы оно ни было, будетъ приведено въ исполненіе. Но, къ сожалѣнію, даже и въ этомъ отношеніи не всѣ мы были въ одинаковыхъ условіяхъ. Кое-кто изъ насъ и вовсе не имѣлъ близкихъ людей, которые могли бы о насъ позаботиться и иногда побаловать ихъ, что всегда необыкновенно цѣнится заключенными и доставляетъ имъ этого невнятнаго удовольствія и радости. Какъ могли, мы исправляли эту несправедливость и неравномѣрность распребленія благъ и заведи для этой цѣли внутреннія передачи, поскольку позволялъ это тюремный режимъ.

Итакъ, немногіе дни, оставшіеся намъ до начала суда, прошли незамѣтно, быстро, наполненные свиданіями, разговорами, разспросами о ходѣ жизни за послѣдніе мѣсяцы и даже за цѣлый годъ, когда всѣ мы были оторваны отъ нея такъ основательно. А жизнь за это время шла своимъ чередомъ, совершался обиходный круговоротъ событій крупныхъ и мелкихъ, въ которомъ мы уже не могли участвовать и о которомъ узнавали съ огромнымъ интересомъ, какъ о чемъ-то для насъ далекомъ, безконечно далекомъ, до насъ теперь какъ бы не касающемся...

Наступилъ наконецъ и день суда. Это было 28 марта 1883 г. Съ утра загромычали двери сосѣднихъ камеръ. Этотъ шумъ то приближался, то удалялся. Очевидно подсудимыхъ выводили не по порядку камеръ, а по какому-то особенному выбору. Дошла очередь и до меня. Опять любезное приглашеніе: «Пожалуйте!» и я отправился въ сопровожденіи двухъ надзирателей.

Въ среднемъ корридорѣ Дома предъ закл., между мужскимъ и женскимъ отдѣленіемъ, каждый изъ насъ находилъ неожиданную по оживленію картину. Вдоль всего корридора разставлены жандармы въ полномъ вооруженіи, съ шашками на-голо, между ними подсудимые; каждый изъ этихъ послѣднихъ находился между жандармами справа и слѣва. По корридору свободно ходили только чины тюремной администраціи, офицеры, командовавшіе жандармами, и нѣсколько защитниковъ, участвовавшихъ въ процессѣ и спустившихся изъ залы суда, чтобы еще разъ повидаться передъ разборомъ дѣла со своими клиентами. Разговоровъ, кромѣ мелкихъ отрывочныхъ фразъ, не было; очевидно по обычаямъ тюремъ этого не полагалось. Слѣдомъ за мной изъ женскаго отдѣленія были выведены Прибылева, Гринбергъ, Корба и каждая была поставлена на соответственное мѣсто между двухъ жандармовъ. Скоро раздалась команда:—«Направо—кругомъ!» и вся колонна стражи сдѣлала полъ-оборота направо, лицомъ къ двери, ведущей въ глубь здания. Намъ оставалось послѣдовать ихъ примѣру. Офицеръ нашелъ необходимымъ сдѣлать громкое предупрежденіе конвою, въ действительности имѣвшее въ виду подсудимыхъ. «Заложить патроны, держать оружіе наготовѣ!» кажется, сказалъ онъ, обращаясь къ

своей командѣ.—«Ого!»—раздалось со стороны конвоируемыхъ было ясно, что предупрежденіе дошло по своему адресу. — «Шагомъ марш!»—и процессія двинулась длинной, извивающейся лентой по узкимъ, часто темнымъ корридорамъ, то поднимаясь, то иногда спускаясь на нѣсколко ступенекъ. Во главѣ ея шла Корба, а замыкала ее Борейша. Подсудимые были разставлены въ такомъ порядкѣ, въ какомъ имъ предназначено было сидѣть на двухъ скамьяхъ, причемъ сперва заполнялась нижняя скамья, а затѣмъ верхняя. Часть конвоировавшихъ жандармовъ расположилась сбоку скамей.

Порядокъ, въ которомъ размѣстили подсудимыхъ въ первый день, сохранился до конца суда, вплоть до прочтенія приговора въ окончательной формѣ. На первой нижней скамьѣ сидѣли, считая отъ стола присутствія: Корба, Лисовская, Смирницкая, Гринбергъ, Прибылева, я и Буевичъ; на второй верхней скамьѣ порядкомъ былъ слѣдующій: Богдановичъ, Грачевскій, Ивановскій, Златопольскій, Стефановичъ, Теодозовъ, Калужный, Клименко, Юшкова и Борейша. Впереди подсудимыхъ расположились ихъ защитники: Стасовъ, Еше, Королевъ, Андреевскій, Градцанскій, Александровъ, Кедринъ, Коробчевскій, Холева, Спасовичъ и Гросманъ¹⁾. Сенаторы, составлявшие судъ, съ первоприсутствующимъ Синековымъ-Андреевскимъ во главѣ, сидѣли за лѣвой половиной стола, а сословные представители за правой, ближайшей къ подсудимымъ половиною стола присутствія; здѣсь же на концѣ пріотисна секретарь суда, а противъ подсудимыхъ и защиты черезъ всю залу за отдѣльнымъ столомъ возсѣдалъ грозный прокуроръ Желеховскій, уже знаменитый обвинитель по процессу 193-хъ, и его помощникъ товарищъ прокурора Островскій. Передъ столомъ присутствія на отдѣльномъ небольшомъ столикѣ лежали всѣ вещественныя доказательства, которыхъ было не Богъ вѣсть какъ много, а зади присутствія на особыхъ креслахъ возсѣдали заинтересованные ходомъ дѣла высшіе чины юстиціи, тогдашній министръ Набоковъ, прокуроръ палаты Мурьяевъ и пр. Если къ сказанному прибавить почти совершенно пустыя скамьи, предназначенныя для публики, на которыхъ кой-гдѣ сидѣли лица, такъ или иначе причастныя къ судебному миру, судебному пристава, полиція, чины охраны и пр. (исключено было сдѣлано для матерей Буевича и Прибылевой, которая дѣйствительно присутствовала на многихъ засѣданіяхъ), то описаніе внѣшней обстановки суда, вѣроятно одинаковой для всѣхъ процессовъ этого рода, будетъ исчерпано.

¹⁾ Стасовъ — защитникъ Грачевскаго, Полетаева—Клименко, Еше — Корба, Королевъ и Александровъ—Богдановича (иныхъ провозгласилъ первый, такъ какъ Александровъ былъ занятъ другимъ процессомъ), Андреевскій—Балужаго, Градцанскій—Златопольскаго и Гринбергъ, Кедринъ—Буевича и Стефановича, Коробчевскій—Юшковой, Холева—Ивановской, Спасовичъ—Прибылевы; Гросманъ, братъ подсудимой—Прибылой, Теодозовъ, Лисовская, Смирницкая и Борейша были безъ защитниковъ.

Мрачная торжественность, написанная на лицах «высокого» суда, призванного произнести непреклонный и суровый приговор, заранее предвзвешенный, нисколько дльнная суровость и враждебность лиц прокуратуры, озобоченной предстоящей задачей обвинить во что бы то ни стало, и полное равнодушие, маска безсердечия, индиферентизма,—я сказала-бы—животная тупость выражения лиц, непричастных къ дѣлу (чиновъ полиціи, охраны и лицъ за столомъ присутствія) плохо гармонировали съ оживленными, веселыми, обрадованными свиданіемъ съ товарищами лицами подсудимыхъ. Лица подсудимыхъ хранили, правда, черты болѣзненности и истощенія—результатъ физическихъ и нравственныхъ лишений за время предварительнаго заключенія,—но они были жизнерадостны, и сказывающееся въ этомъ душевное состояние, видимо, передавалось защитѣ, которая несомнѣнно вся относилась къ подсудимымъ вполнѣ сочувственно.

А многие изъ послѣднихъ производили тягостное впечатлѣніе. Златопольскій, прежде всегда живой, здоровый и сильный, поражалъ необычайной для него полнотой, одутловатостью и блѣдностью лица, что заставляло предполагать начало ненормальности сердечной работы; его голосъ сдѣлался необыкновенно тихимъ, едва слышимымъ. Клименко, много перенесшій уже на своемъ еще непродолжительномъ вѣку, сохранившій и здѣсь остатки своей спокойной жизнерадостности, которой отличался и подкупалъ въ свою пользу еще такъ недавно, наканунѣ ареста, теперь былъ страшно истощенъ, сильно исхудалъ и видимо много страдалъ. Бѣдняга Клименко, благодаря своей приобритенной въ крѣпости болѣзни (disenteria), былъ вынужденъ даже пропустить не одно засѣданіе суда, что, конечно, для него было тяжело. Своей худобой и истощеніемъ поражали большинство и особенно Богдановичъ, Калюжный, Борейша, Телловоу, Смирницкая, Лисовская. На лицѣ Грачевскаго кромѣ того написана мука душевная, тяжесть которой въ такихъ сильныхъ характеромъ и волей людяхъ тѣмъ болѣе поражаетъ окружающихъ. Онъ страдалъ, приписывая себѣ одному гибель своихъ болѣе молодыхъ товарищей, судьбою которыхъ и былъ озобоченъ. Тѣмъ тяжелѣе было видѣть, что теперешнее состояние Грачевскаго было рѣзкимъ контрастомъ съ сильнымъ, мужественнымъ и стойкимъ Грачевскимъ, коимъ онъ былъ тоже еще такъ недавно, передъ арестомъ. Женщины сохранились лучше,—онѣ содержались въ Домѣ Према. Заключенія. Не производилъ особо болѣзненнаго впечатлѣнія Стефановичъ, который свое предварительное заключеніе отбывалъ при Департаментѣ Полиціи.

Немедленно по приводѣ въ залу суда начались разговоры подсудимыхъ и знакомства между тѣми, кто впервые встрѣтился здѣсь (москвичи—петербуржцы). Потребность обмѣняться мыслями съ товарищами—братьями не только по предстоящей участи, но особенно по убѣжденіямъ и единомыслию,—вслѣдъ за продолжительнымъ одиночнымъ заключеніемъ, была настолько велика и естественна, что было бы странно, еслибы она не проявилась даже во-

преки прямому запрещенію суда, даже съ рискомъ на репрессіи. Это очевидно понимала судебная администрація и, сколько помню, на разу формально не ставила препятствія такому естественному и неизбежному общенію подсудимыхъ, сидящихъ бокъ о бокъ другъ съ другомъ. Только одинъ разъ за всѣ дни суда было выражено желаніе, чтобы подсудимые разговаривали меньше, такъ какъ это дѣлало самому производству дѣла, но и это заявленіе было сдѣлано не официально, а черезъ посредство или защиты, или инимъ какимъ-то путемъ. Этимъ разговорамъ, этому общенію, обмѣну мыслями всѣ предавались такъ страстно, что нѣрѣдко пропускали очень важные моменты дѣлопроизводства, чего иногда было уже невозможно и поправить. Къ тому же всѣ подсудимые (кромѣ Грачевскаго и Клименко) были совершенные новички въ судебныхъ разбирательствахъ, не знали, что и въ какіе моменты полагалось заявлять суду, не умѣли использовать данныя судебного производства въ интересахъ ли защиты, или въ интересахъ большаго оспіянія партійной и своей собственной индивидуальности. Такъ, въ послѣдніе дни процесса не рѣдко спрашивали другъ друга, почему не сказано то или другое, не очерчена та или другая сторона дѣятельности или факта. Но необходимо добавить также, что этимъ недочетамъ много помогало и общее равнодушіе къ окончательному рѣшенію суда, которое казалось и предвзвѣннымъ и неизбѣжнымъ...

Усиленные бесѣды въ полголоса начались съ перваго момента вступленія въ залъ судебного засѣданія. Читеніе обвинительнаго акта, уже известнаго намъ во всѣхъ деталяхъ, давало возможность перегориваться непрерывно; дальнѣйшій ходъ разбирательства прерывалъ разговоры только въ интересныя для всѣхъ моменты, какъ-то: рѣчи и объясненія подсудимыхъ, рѣчи защиты, почему лишены интересные вопросы свидѣтелей, экспертовъ и пр., и, само собой разумеется, эти разговоры замѣтно утихали къ послѣднимъ моментамъ процесса, занятымъ «послѣднимъ словомъ» подсудимыхъ и ожиданіемъ вердикта суда.

Дни суда были богаты инцидентами, привлекавшими къ себѣ всеобщее вниманіе. Одни изъ нихъ отличались своею серьезностью, даже не были лишены нѣкотораго трагизма, иные были комичны. Такъ, на второй день суда Клименко обратился поочередно ко всѣмъ товарищамъ съ предупрежденіемъ, что ему, какъ бѣжавшему изъ Сибири и уже ранѣе того лишенному «всѣхъ правъ состоянія»¹⁾, кромѣ общаго приговора будетъ назначено наказаніе плетями, но что эта прибавка къ приговору есть простая формальность и потому онъ проситъ товарищей не придавать ей никакого значенія и по поводу ея не волноваться и не беспокоиться. Это предупрежденіе было принято съ суровымъ молчаніемъ,

¹⁾ Клименко судился въ 1880 г. въ Киевѣ, по приговору В. О. Суда былъ сосланъ съ лишеніемъ правъ на поселеніе, откуда бѣжалъ въ 1881 году.

но можно себя представить, какое впечатление могло произвести оно! Это было напоминание, что скоро, очень скоро, каждый из подсудимых окажется лишенным своей воли и желанья, будет на положении простой вещи, и даже хуже, в положении вьючного и безответственного животного, которое все чувствует, и которое могут погонять, бить и даже наказывать плетями и розгой! Владения изъять нас не было знаком скольконибудь детально с положением, к которому все мы шли неизбежно и, конечно, чрезвычайно много, связанное с «лишением прав», должно было нас поразить, как оно и оказалось впоследствии. Да! это предупреждение Клименко произвело удручающее впечатление, и нельзя сказать, чтобы оно было излишне, не кстати!.

Среди свидетелей был некто Родзевич. Он, кажется, был выставлен обвинением за доказательство виновности Лисовской. Это был молодой человек, с крайне несимпатичными навыками глазами и с печатью Каина на лице и на всей принужденной и боязливой фигуре. Было известно, что Родзевич¹⁾ когда то, еще не так давно, участвовал в мелких революционных кружках западного края, но что в настоящее время он чуть ли не состоит на жалованьи у охранного отделения. Поэтому было естественно, что жандармское управление, и за ним и наша «высокая» судя видимо старались затенить его биографию, несмотря на усилия Лисовской обнаружить ее во всей прелесть, с целью указать, какими свидетелями не брезгует обвинение. Бучевич, насколько знал Родзевича, и ему захотелось помочь Лисовской. С этой целью он вмешался в допрос свидетеля и рассказал, что Родзевич, как ему положительно известно, жил у своего дяди пастора на полном готовом содержании, ни в чемь следовательно не нуждаясь, и в то же время не гнушался пользоваться, как немущий, деньгами из грошовых сумм революционного кружка, в котором числился членом. Бучевич, самъ идеальным чистым человеком, полагал, очевидно, что такая характеристика свидетеля совершенно уронит достоверность его показаний в глазах суда; но суд не понял чистоты намерений Бучевича и с недоумением спрашивал его, зачѣмъ он это говорит; Бучевич первоначально затруднился ответом, но потом громко заявил, что говорит это в интересах истины. Это оригинальное *qui pro quo* на секунду развеселило всѣхъ.

Въ числѣ свидетелей обвинения былъ хозяинъ моей студенческой квартиры Аркадій Петровичъ Н. Очевидно онъ долженъ былъ доказатъ суду, что нѣрѣдко выдалъ у меня въ квартирѣ Хр. Гринбергъ. Для суда видимо не очень было важно, чтобы этотъ фактъ былъ подтвержденъ и чтобы свидѣтель былъ допро-

шенъ; поэтому прокуроръ не выразилъ желанья вводить его въ залу суда. Но мнѣ и Гринбергъ очень хотѣлось увидѣть добраго Аркадія Петровича, съ которымъ оба мы были нѣкогда большими друзьями, и мы условились настоять на его допросѣ. Не знаю, доставили-ли мы этимъ удовольствіе нашему свидѣтелю, но онъ своей знакомой намъ фигурой и доброй сочувственной полулюбойкой живо напомнилъ намъ уже отошедшія въ глубь и канувшія въ вѣчность добрая и еще не старая времена, чѣмъ доставилъ намъ много удовольствія. Его допросъ былъ коротокъ, онъ дѣйствительно установилъ наше знакомство, и мы тутъ-же, немедленно, оба подтвердили, что этого обоюдного знакомства отрицать и не думали.

Каложный съ присущей ему живостью и никогда его не оставявшимъ юморомъ рассказывалъ, какъ онъ отъ скуки пытался «отвести» отъ суда одного изъ сенаторовъ, и какъ былъ радъ, когда нашелъ наконецъ въ спискѣ сенаторовъ имя, давшее хотя тѣнь основанія. Это былъ сенаторъ Жерве. Каложный тотчасъ же настроилъ отводъ на томъ основаніи, что Жерве былъ попочетелемъ Харьковскаго округа, когда Каложный, будучи Харьковскимъ студентомъ, былъ исключенъ и высланъ за студенческіе безпорядки. Ясно, что Жерве не можетъ быть безпристрастнымъ къ подсудимому, нѣкогда высланному имъ студенту. Причина отвода была всетаки признана недостаточной, о чемъ онъ и получилъ скоро официальное уведомленіе, но инцидентъ далъ нѣкоторую пищу живому и гибкому уму Каложнаго, вынужденному оставаться въ принудительномъ бездѣйствіи одиночки. Каложный нѣкогда былъ въ административной ссылкѣ, бѣжалъ оттуда вмѣстѣ съ Смирницкой, былъ сподвижникомъ Богдановича въ его объѣздѣ Сибири для организациі Краснаго Креста, освобожденія заключенныхъ и устройства побѣговъ и одновременно съ нимъ былъ арестованъ въ Москвѣ. Это былъ нервный, подвижной, жизнерадостный и крайне милый, симпатичный человекъ, весь какъ бы сотканный изъ благороднѣйшихъ стремленій и горячихъ самоотверженныхъ порывовъ. До конца своей жизни онъ оставался убежденнымъ и послѣдовательнымъ въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ, альтруистомъ и революционеромъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Не будучи теоретикомъ-ораторомъ, онъ на судѣ предалъ теоретизировать своимъ старшимъ товарищамъ и самъ ограничился лишь нѣсколькими словами, характеризующими причины, такъ часто вырабатывающія революционеровъ изъ среды молодежи, имѣвшей несчастье подпасть подъ удары суроваго режима безпардоннѣйшаго произвола. Мнѣ довелось присутствовать при послѣднихъ минутахъ жизни этого дорогого товарища, и память объ немъ сохраняется у меня навсегда, и не умереть въ душѣ всѣхъ, когда либо знавшихъ его... Онъ погибъ самовольно, борясь и протестуя противъ грубаго произвола, продолжавшаго его преслѣдовать въ стѣнахъ каторжной тюрьмы, почти наканунѣ его освобожденія. Онъ погибъ въ той карьерской драмѣ, которая совмѣстно съ нимъ

¹⁾ Мнѣ кажется, что Родзевичъ, провозглашавшій польскую организацію въ Петербургѣ въ 1881 г., былъ другимъ лицомъ, не свидѣлемъ на процессѣ 17, хотя и не могу утверждать этого положительнѣе.

унесла в могилу и его сестру — молодую несчастную девушку Марию Каложную, и его жену—Надежду Смирницкую.

Буцевич, бывший моим соседом с детства, часто и много разговаривал с нами, был очень весел, шутил и смеялся, и первые дни, повидимому, совершенно не предполагал, что вердикт суда будет к нему так жестоко несправедлив. Он рассказывал между прочим, при каких обстоятельствах ему пришлось дать показание, по его мнению, наиболее для него тягостное. Существенных, настоящих улик, кроме подозреваемых сношений с Грачевским, против него не было, и Буцевич был уверен вначале, по его словам, что он не может быть даже привлечен к суду. Но принадлежность к партии он все же не отрицал. На одном из допросов к нему пришел прокурор палаты Муравьев: снимавший допрос с Буцевича жандармский полковник передал лист прокурору, который по прочтении его обратился к Буцевичу с таким вопросом: «каким образом случилось, что вы, нося мундир государя, изменили ему и вступили в заговор против него?»—Буцевич часто был захвачен врасплох, часто рассердился, справедливо усмотрев особую явность в предложенном вопросе; подлая при том, что ведет с прокурором простой разговор, а не подвергается допросу, отвечал:—«Я готов был служить государю и служил ему до тех пор, пока его интересы не расходились с интересами народа, служить которому я всегда считал своим первым и прямым долгом; когда же я увидел и убедился, что интересы царя и народа разошлись, я счел себя обязанным перейти на сторону последнего».

— Запишите эти слова в ваши показания, — мягко сказал прокурор.

Буцевич не нашел для себя возможным отказаться от того, что произнесенных слов, его в высокой степени честная и прямая натура не терпя разнотолков слова и дела, и сказанная фраза без колебаний была занесена в допросный лист и скрепленна подписью автора. Трудно думать, конечно, чтобы это обстоятельство было роковым или сколько нибудь решающим судьбу Буцевича, но сам он придавал этому факту известное значение, хотя в действительности был очень далек от угрожающей ему разговора. Он даже шуточно сопоставлял во время суда его и мой предполагаемые приговоры, предупреждал меня, что даже и торги не увижу я, как своих ушей, но что он и моя жена несомненно проживут еще, хотя и в далеких краях:—«Ну что-ж, говорил он ей, самое большее, что мы могут дать, это лѣтъ 8, а вам как женщинам и того меньше, и в результате еще много жизни впереди, хотя и в Сибири!».

Буцевич был одним из лучших друзей Суханова, судившегося и расстрелянного за год до нашего процесса, и именно Суханов ввел его в Исполнительный Комитет партии. И Буцевич в партии высоко и прочно держал знамя, вложенное в

его руку Сухановым, до тех пор пока не изменюг под тяжестью преследований, так обильно и так щедро выпадающих на долю всех друзей и деятелей освободительного движения нашей многострадальной родины... Он кончил морскую академию и был одно время прикомандирован к ведомству путей сообщения; за это время он успел окончить курс института путейцев и всего лишь за двѣ недѣли до ареста подавал прошение об отставке из военной службы с целью укрѣпиться в звании и службѣ инженера. Сдѣлав он это раньше, он был бы всего лейтенантом в отставку во время ареста, и бюрократизм суда не имел бы почв обрушиться на него со всей суровостью приговора, в концѣ концов сведшаго его в могилу, какой обычно прилагается к людям военного звания на политических процессах.

Грачевскій был одним из видных представителей Исполнительного Комитета, не столько в области теоретической разработки вопросов, сколько в сферѣ приѣзженной теоріи к практикѣ. Он отличался также определенностью своего направления, ясностью сознания поставленных перед ним партией задач, искренностью и беззаветной преданностью делу грядущаго освобождения обездольныхъ массъ. Грачевскій был одним из первых, в практическом умѣ котораго возникла идея террора, и съ этой идеей он ѣздил изъ Пинег и Архангельска, чтобы развить ее и поддержать въ формирувавшемся уже къ тому времени Исп. Комитетѣ. Он был практик до мозга костей. Техникъ по образованию, онъ естественно взял на себя въ партиѣ опредѣленную чисто техническую роль и всегда былъ правой рукой Кибальчича, помогая ему, приводя въ исполненіе его научныя и теоретическія указанія. Судьбѣ было угодно къ концу его дѣятельности выдвинуть его на роль организатора, когда ряды партиѣ значительно порѣдѣли и ея корифеи погибли... Недюжинная способность Грачевскаго позволили бы ему и здѣсь проявить себя съ надлежащей пользою, но на его блду къ этому времени въ немъ сказалась естественная усталость послѣ столь продолжительной неутомимой работы, закончившейся катастрофой 81 года; къ этому присоединилось еще чисто случайное заболѣваніе. Все это вмѣстѣ сломало даже такого выносливаго и сильнаго человѣка, какъ Грачевскій, и онъ на моментъ утратилъ способность правильно ориентироваться. Прямой и сильный характеръ Грачевскаго доставилъ ему въ партиѣ увѣренное и солидное положеніе, и всей своей жизнью, даже самой трагической смертью своей, онъ доказалъ беззаветную преданность общему делу и силу своего характера вполнѣ оправдалъ возлагавшія на него партией надежды.

Подъ суровой внѣшностью стойкаго революціонера-террориста однакоже скрывались неисчислимыя богатства душевной красоты и сердечное отношеніе къ людямъ. Считая себя виновникомъ провала въ 82 году, Грачевскій пережилъ тяжелую душевную драму какъ за 9 мѣсяцевъ предварительнаго заключенія, такъ и во время суда. Его рѣчь, его послѣднее слово носили на себѣ отпечатокъ

той душевной муки, какую должен был испытывать этот необыкновенно сильный характером человек, приписывая себе гибель ряда молодых людей. Старушка мать Прибылевой, для которой быть может была ясна драма переживаемая Грачевским и которая во всяком случае видела его попытки сколько нибудь облегчить участь ее любимой дочери ценою самообвинения, просила меня передать ему горячий привет, выражающий ей, как бы материнское к нему отношение. Грачевский был глубоко тронут этим приветом и не нашел сразу на него надлежащего ответа. Только на другой день он растраганным голосом просил меня передать ей, что часто смотрит на нее во время судопроизводства и видит в ней его собственную старушку мать, которую ему не суждено больше обнять ни разу в жизни... 1)

Процесс быстро приближался к концу. Сь обычным опросом подсудимых было покончено скоро; не затннули дѣла и допросы свидѣтелей, экспертов и пр. Ни на слѣдствіи, ни здѣсь на судѣ подсудимые не отрицали дѣйствительных, правдивых фактовъ своего участія въ разнообразныхъ дѣлахъ и возставали только противъ явно ложныхъ и провокаторскихъ попытокъ прокуратуры, нагромождавшей улики на улѣнкахъ для вѣщаго обвиненія. Обвиненія были разнообразны. Всѣ обвинялись, какъ члены партіи «Народной Воли», нѣкоторые, какъ члены ея Исп. К.—та; надъ многими тяготѣли обвиненія въ непосредственномъ участіи въ рядѣ террористическихъ фактовъ, имѣвшихъ опредѣленную цѣль—царубійство. Самое старое дѣло относилось еще къ 1877 году—дѣло Стефановича, какъ организатора Чигиринскихъ крестьянъ—при посредствѣ пресловутой золотой грамоты, и самое молодое дѣло—дѣло динамитной мастерской на Васильевскомъ Островѣ въ 1882 году, организованной Грачевскимъ и Корба. Это послѣднее дѣло, объединявшее собою 6—7 чел. подсудимыхъ, и по своему характеру и по своей сравнительной новизнѣ, заняло не малую долю судопроизводства. На судѣ въ концѣ концовъ не выяснилась цѣль, съ какою создавалась мастерская, хотя нельзя сказать, чтобы усилія Грачевскаго и Корба привели судъ къ убѣжденію, что онѣ

имѣли дѣло только съ учебной мастерской, у которой не было никакого опредѣленнаго объекта ея дѣятельности. Несмотря на всю горячность, съ какою Грачевскій пытался убѣдить судъ, что это дѣло всей своей тяжестью должно лечь только на его плечи, такъ какъ онъ одинъ былъ и инициаторомъ и исполнителемъ предпріятія, и что работавшіе въ мастерской дѣлали это лишь съ учебными цѣлями, не имѣя въ виду какого либо опредѣленнаго факта, судъ, повторяю, не казался убѣжденнымъ въ этой мысли и смотрѣлъ на дѣло болѣе реально и, конечно, болѣе правильно. Утвержденія Грачевскаго особенно противорѣчива оказавшаяся на лицо въ мастерской совершенно снаряженная, готовая къ употребленію новаго образца бомба. Тамъ не имѣе на судѣ ни разу не было упомянуто лицо, для котораго она на самомъ дѣлѣ готовилась.

Выслѣживая мастерскую, Судейкинъ, конечно, попалъ въ цѣль удачно, но все же онъ надѣялся при этомъ выиграть гораздо болѣе, чѣмъ выигралъ на самомъ дѣлѣ. Онъ полагалъ, что захватить здѣсь все ядро русской революціи, и раскинуть свои сѣти возможно шире. Аресту мастерской, что составляло лишь одинъ эпизодъ изъ общаго провала 82 года, онъ придавалъ преувеличенное значеніе, какъ это ясно изъ тѣхъ предосторожностей, какія онъ принял при этомъ. Соотвѣственно тому же и общая молва придала этому эпизоду не подобающую окраску. Говорили объ захватѣ рѣшительно всѣхъ вожаковъ партіи, объ исключительной опасности, сопровождавшей арестъ мастерской, о наведенныхъ здѣсь бомбахъ въ причудливой формѣ шляпъ, о множествѣ проводовъ для взрывовъ на разстояніи, и пр.—Въ дѣйствительности дѣло происходило много проще.

Исполнительный комитетъ, рѣшивъ совершить казнь надъ Судейкинскимъ, черезъ Грачевскаго предложилъ Прибылевымъ основать конспиративную квартиру для приготовления динамита и снаряда съ этой спеціальной цѣлью и, попутно, для приготовления взрывчатыхъ веществъ на запасъ; при этомъ, правда, имѣлось въ виду также создать техниковъ, недостатковъ которыхъ въ партіи къ тому времени ощущался очень замѣтно, и, такимъ образомъ, утвержденіе Грачевскаго на судѣ, что квартира имѣла назначеніе учебной мастерской, не было лишено нѣкотораго справедливаго основанія. Дѣйствительно, мастерская, снабженная всѣмъ необходимымъ, включая сюда лабораторскую посуду, реактивы, учебники и пр. за 1½ мѣсяца своего существованія смогла приготовить достаточное количество запаснаго нитроглицерина, который оставалось только смѣшать съ индифферентнымъ веществомъ, предѣлала всѣ опыты изготовленія гремучаго студия, гремучей ртuti и пр., изготовила ихъ въ необходимомъ на первый разъ количествѣ и дѣлала совершенно новый, оригинальный образецъ снаряда, вполне готовый къ употребленію. Знаменитому шпону Судейкину, сжигаемому тайнымъ тиешлавіемъ и, быть можетъ, уже тогда мечтавшему начать свою большую игру съ революционерами и съ русскимъ правительствомъ,

1) Михаилъ Грачевскій первоначально былъ сельскимъ учителемъ, а затѣмъ служилъ машинистомъ на одной изъ южнорусскихъ желѣзныхъ дорогъ; захваченный общими движеніемъ 70-хъ годовъ, онъ былъ арестованъ и привлеченъ къ процессу 108-хъ. Оправданный по суду послѣ очень продолжительнаго предварительнаго окончательнаго заключенія, онъ отправился на вѣз, частью чтобъ возвратить свое разстроенное здоровье, частью для подкачки себя вновь какой либо службѣ. Последнее ему удалось, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ всякаго повода онъ вновь былъ арестованъ и отправленъ въ административную ссылку въ Пинскъ Архангельской губерніи. Оттуда онъ бѣжалъ, предѣлалъ всѣ трудности перехода изъ оренбургскаго поезда черезъ Ала и гущи Архангельской губерніи, и вновь былъ схваченъ при переправѣ черезъ С.Даву и препровожденъ въ г. Архангельскъ. Здѣсь, немного не добыва до города, ему опять удалось уйти, обманувъ бдительность своей стражи, и на этотъ разъ вполнѣ удачно. Переждавъ нѣкоторое время въ самомъ Архангельскѣ, Грачевскій наконецъ благополучно добрался до Петербурга, напелъ своихъ старухъ товарищей по дѣлу и немедленно вступилъ въ ряды активныхъ товарищей доверья.

таким образом была объявлена безпощадная война, и в этой войне победил Судейкин.

Дело взяла на себя нявка г-жа О., хорошо знакомая с Судейкиным. Об этом знакомстве знал Исп. Ком. и решил им воспользоваться для убийства Судейкина, как главного русского шпиона. Это было тоже страстное желание со стороны отдельных лиц найти заместителя погибшему Клыточникову, желание, наталкивающее партию в ее поисках достойных для такой огромной роли лиц на людей из рода С. Дегаева и г-жи О. 1). В этом сказывалась, конечно, известная степень дезорганизации партии, ее бессилие перед лицом страшной репрессии послѣ 81 года, когда она была обектровлена безприщрными кровопусканием, гибелью большинства сильных и незамѣтных дѣятелей. Оставшіяся еще в живых, не складывавшіе оружие, но сильно утомленные работники, как Златопольскій, Грачевскій и др., не могли продолжать дело съ большим напряжением, энергіей и осмотрительностью, которая служила залогом успѣха каждаго предприятия. Утомленный Грачевскій, начиная дело против Судейкина, врага опытнаго, окрыленного надеждами, внушенными ему его тщеславіемъ, еще больше подымающаго голову въ виду замѣтно для него слабости партіи, не могъ противопоставить новымъ приемамъ борьбы должной осмотрительности и скоро попалъ въ ловушку, довко ему разставленную, и увлекъ за собою все, что было съ нимъ связано.

Судейкинъ обставилъ шпионажъ неожиданнымъ для революціонеровъ способомъ. Получивъ данныя, быть можетъ, отъ той-же О. (не какъ сознательный доносъ, а благодаря ее болтливости), о пребываніи въ Петербургѣ членовъ Исп. К-та, онъ оставилъ ихъ на свободѣ и, довркъ слѣдя за ними, скоро узналъ всѣ ихъ связи. При этомъ не было вовсе обычнаго шаблоннаго бѣганья и подглядыванія за намѣченными лицами; зтотъ старый пріемъ онъ замѣнилъ совершенно новымъ. Шпіоны въ мундирахъ околоченныхъ надзирателей были разставлены на разныхъ перекресткахъ города; имъ достаточно было отмѣтить въ своихъ книжкахъ, совершенно незамѣтнымъ образомъ, что выслѣживаемый ими человекъ (обыкновенно известный имъ подъ особымъ названіемъ по мѣсту его жительства—василеостровскіе хозяева—Прибылевъ, Фохарный—Грачевскій, Дровяной (перуэл.)—Корба, и т. д.) въ такой-то часъ прошелъ въ такой-то направленіи, чтобы затѣмъ при сопоставленіи всѣхъ такихъ данныхъ получилась полная и точная картина дѣйствій за цѣлый день каждаго выслѣживаемаго. Предусмотрѣть такой ходъ было не легко, а утомленіе Грачевскаго и его болѣзнен-

ное состояніе въ эти мѣсяцы только способствовали успѣху Судейкина. О., которая вывзалась взять на себя дѣло выслѣживанія Судейкина и, запутавшись въ сбѣгахъ разставленныхъ ей этимъ дожигомъ шпионовъ, быть можетъ, играла даже двойную игру, въ самую критическую минуту отказалась отъ выполнения взятой на себя задачи подъ болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ.

Больной, утомленный Грачевскій, неоправдывавшая довѣрія партіи О. и опытный, ловкій, съ новыми способами слѣжки Судейкинъ—такое было соотношеніе силъ передъ погромомъ лѣтомъ 82 года.

Отказъ О. былъ сигналомъ къ этому полному разгрому, и на другой же день, послѣ того, какъ Грачевскій, самочиномъ вознивший снарядъ, привезъ его обратно въ мастерскую, самъ Грачевскій, Корба, Буцевичъ, Гринбергъ, Клименко и цѣлый рядъ связанныхъ съ ними лицъ были арестованы. Это было въ ночь съ 4 на 5 іюня. Мастерская со всѣми ее обитателями взята утромъ часовъ въ 10 на слѣдующій день; Судейкинъ, очевидно опасаясь приступить къ этому аресту ночью, рѣшилъ утромъ примѣнить здѣсь цѣлый рядъ предосторожностей. Во 1-хъ онъ подослалъ полотеровъ, которыми якобы было нужно натирать полы и которые оказались также шпионами Судейкина, во 2-хъ, войдя въ квартиру подъ видомъ мастера печника, онъ предварительно убѣдился въ собственной безопасности и только послѣ этого при помощи полотеровъ и стоявшихъ въ засадѣ полиціи быстро схватилъ и такъ сказать обезвредилъ всѣхъ обитателей квартиры. Теперь уже можно было вступить черезъ парадную дверь въ помѣщеніе весь полицейскій генералитетъ, включая сюда и обычнаго эксперта по взрывчатимъ веществамъ генерала Федорова; до этого момента весь генералитетъ, очевидно, стоялъ на лѣстницѣ. Ни о тайныхъ проходахъ для взрывовъ на разстояніи, ни о множествѣ бомбъ въ разнообразныхъ формахъ, ни о какой-либо опасности на самомъ дѣлѣ не могло быть и рѣчи. Безъ большаго шума, хоти и при многочисленной полиціи, обитатели квартиры были отнесены въ тюрьму. Впечатлѣніе дѣйствительной опасности всего этого эпизода пережилъ, кажется, одинъ только человекъ—жилецъ того же дома, старый холостякъ чиновникъ, занимавшій квартиру какъ разъ надъ мастерской. По крайней мѣрѣ онъ сейчасъ же послѣ ареста, узнавъ на какомъ вулканѣ онъ жилъ, не подозрѣвая того, немедленно съѣхалъ на другую квартиру подальше отъ старой.

Наканунѣ вечеромъ Грачевскій вышелъ изъ мастерской довольно рано, такъ какъ работы были кончены, а за новья рѣшено было приняться черезъ день, два отдыха, и ночью былъ арестованъ. Клименко оставался приблизительно до полуночи и взять противъ мастерской у почтоваго ящика, когда она хотѣла опустить частное письмо по просьбѣ М. А. Юшковой.

1) О. была сослана административно въ Сибирь, гдѣ вышла замужъ за нѣмецкаго П. (старшаго, кажется, очень незадачливаго роль по одному изъ жилищъ профессора, также отараваннаго въ 83 г. въ ссылку) и въскрѣ съ нимъ куда-то посѣдила въ Сибирь, когда они оба получили возможность выѣхать въ Россію.

лись как-то допросы свидетелей, так и показания экспертов, и стороны приступили к судопроцессу.

Походь против подсудимых открыл товарищ прокурора Островский, передавший затѣмъ слово своему принципалу Желеховскому. Рѣчи обоимъ прокурорамъ не отличались талантливостью. Это были шаблонныя обвинительныя рѣчи, нагромождавшія одно обвиненіе на другое относительно каждаго подсудимаго, рѣчи, поставившія себѣ заранее цѣль какъ можно больше сконцентрировать удиль, сгустить темныя краски на каждомъ отдѣльномъ лицѣ, представить каждаго подсудимаго въ возможно иррациональнѣе свѣтъ. Обычная картина обвиненія, которое строитъ все свое зданіе лишь на фактахъ внѣшняго проявленія личности, не вдается въ оцѣнку внутреннихъ причинъ ихъ поступковъ, не разбирается въ фазисахъ психологическаго развитія, не углубляется мысленно ни въ философію ихъ мировоззрѣнія, ни въ тѣ социально-политическія условія жизни, которыя порождаютъ столь сильныхъ и огромныхъ по своему значенію въ будущемъ лицъ, каковыя главныя подсудимыя всѣхъ террористическихъ процессовъ.

Эта послѣдняя задача была дѣломъ отчасти защиты и главнымъ образомъ самихъ подсудимыхъ.

Однакоже первая, т. е. защита, только поверхностно знакома съ личностями, никогда не жившая въ ихъ средѣ и ихъ жизни, хотя идейно и сочувствующая имъ, бываетъ всегда связана официальною своего положенія, въ нѣкоторомъ родѣ зависимою отъ суда, и потому ихъ можетъ встать на совершенно объективную точку зрѣнія. Ей болѣе всего приходится довольствоваться характеристиками подсудимыхъ, въ отвѣтъ на характеристики, создаваемыя обвиненіемъ, и частью опроверженіемъ фактическихъ неясностей. Другое дѣло—подсудимые, стоящіе лицомъ къ лицу съ своимъ исконнымъ врагомъ, отъ котораго нельзя ждать, не говоря уже—пошадя, но даже справедливой, объективной оцѣнки фактовъ. Подсудимые въ этомъ положеніи вынуждены взять на себя всю тяжесть задачи посредствомъ враждебнаго имъ суда оповѣстить *urbi et orbi*, какъ объ основахъ ихъ миропониманія, такъ и о тѣхъ путяхъ, какіе они считаютъ единственно пригодными и возможными для достиженія своей конечной цѣли — торжества социализма.

Изъ рѣчей защитниковъ необходимо отмѣтить нѣкоторыя.

Кедринъ одновременно велъ защиту Буцевича и Стефановича и потому произнесъ двѣ рѣчи, диаметрально противоположныя въ впечатлѣнію, произведенному ими на слушателей. Его первая рѣчь была въ своемъ родѣ поэма въ защиту молодой погибающей жизни, и онъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы охарактеризовать своего клиента, съ которымъ онъ успѣвъ основательно познакомиться за время процесса, съ самой лучшей стороны, такъ старательно затуманенной и замолчанной обвиненіемъ. Недаромъ и Буцевичъ по окончаніи этой рѣчи, въ теченіе которой онъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, заявилъ своимъ сосѣдямъ, что гораздо охотнѣе выслу-

шалъ бы двѣ или три обвинительныя рѣчи, чѣмъ одну такую рѣчь защиты. Наоборотъ, вторая рѣчь Кедрина была сухимъ перечнемъ фактическихъ опроверженій обвиненія и на слушателей скорѣе производила впечатлѣніе вынужденной защиты, не опирающейся на внутреннее убѣжденіе оратора, и какъ-бы указывала на отсутствіе у него болѣешихъ симпатій къ клиенту. Характеризуя общее направленіе Стефановича, онъ всецѣло приравнивалъ его къ социалистамъ-реформаторамъ въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова, ничего не имѣющимъ общаго съ «народовольствомъ». Недаромъ послѣ этой рѣчи защитника, нѣкоторые изъ подсудимыхъ громко обратились къ Стефановичу съ прямымъ требованіемъ высказаться и опровергнуть мыслію о немъ защиты, что онъ въ своемъ послѣднемъ словѣ и попытался сдѣлать.

Положеніе Королева было очень трудно. Его клиентъ Богдановичъ занималъ на судѣ настолько опредѣленную позицію, что защитѣ собственно оставалось только внести нѣсколько фактическихъ поправокъ къ обвиненію. При томъ эти поправки были такъ незначительны по сравнению съ главными фактами, не отрицались подсудимыми, что останавливаться на нихъ прямо не стоило. И Королевъ ограничился общей характеристикой своего клиента на основаніи личнаго съ нимъ знакомства за время процесса, и эта характеристика, конечно, была диаметрально противоположна той, какую онъ немъ составило себѣ и въ какой пытался убить судъ обвиненіе.

Коробчевскій въ красивой рѣчи въ защиту Юшковой, единственный изъ всѣхъ защитниковъ, нашелъ возможнымъ просить для своей клиентки полнаго оправданія.

Рѣчь нашего защитника—Владимира Даниловича Спасовича сохранилась въ подлинникъ и, быть можетъ, будетъ при случаѣ воспроизведена въ печати. Какъ всякая рѣчь этого оригинальнаго оратора, она носила на себѣ отпечатокъ несомнѣннаго ума и таланта, но въ то же время не была лишена нѣкоторой, я бы сказалъ, жестокости по отношенію къ лицамъ, не являющимся его клиентами, если-бы не зналъ вполнѣ опредѣленно, что нѣкоторая часть нападокъ Спасовича на Грачевскаго была инспирирована самимъ Грачевскимъ. Очевидно этотъ приемъ нѣсколько смягчалъ, уравновѣшивалъ то мучительное душевное состояніе Грачевскаго, о которомъ я говорилъ выше. Узнать обо всемъ этомъ мнѣ пришлось много позже. Другая отличительная черта рѣчи Спасовича заключалась въ его нападкахъ на организацию; какъ ни были острыми его попытки доказать фиктивность существованія «Исп. Ком.—та», онъ произвели неприятное и удручающее впечатлѣніе на всѣхъ подсудимыхъ безъ исключенія. Съ Спасовичемъ впервые я видѣлся въ крѣпости, куда онъ пришелъ познакомиться со мною, когда для него окончательно выяснилось, что онъ беретъ насъ съ женой подъ свою защиту. Послѣ этого мы съ нимъ видѣлись много разъ, но разговоры, относящихся къ дѣлу, у насъ было немного: все казалось ясно и достаточно просто, чтобы стоило тратить на

это много времени. Онъ часто освѣдомлялся у меня о разныхъ лицахъ изъ революціоннаго міра, прошедшихъ передъ его глазами на предыдущихъ процессахъ больше всего его интересовалъ Александръ Михайловъ, въ которомъ онъ видѣлъ поразительный для него образъ человѣка удивительной революціонной стойкости и убѣжденности, до крайняго самоабанія преданнаго интересамъ своего дѣла.—«Были замѣчательные люди и до него, говорилъ Спасовичъ, но ни въ одномъ изъ нихъ нельзя было усмотрѣть такой чистоты убѣжденія, такой преданности дѣлу, такого безпредѣльнаго посвященія всего себя исключительно интересамъ партіи, какъ у Александра Михайлова.» Я отвѣчалъ ему, что такое же впечатлѣніе производилъ Александръ Михайловъ и на своихъ товарищей. Несмотря на незначительность нашихъ дѣловыхъ разговоровъ, у моего защитника, надо думать, выработался взглядъ, что онъ съумѣетъ убѣдить судъ вывести мнѣ довольно слабый приговоръ. Для меня это было ясно изъ того заявленія, съ какимъ онъ обратился ко мнѣ немедленно послѣ прочтенія приговора. Какъ сейчасъ помню взволнованнаго Спасовича, обернувшагося ко мнѣ съ протянутой рукой, какъ только замолкли слова предсѣдателя, читавшаго приговоръ.—«Я этого не ожидалъ, я этого никакъ не ожидалъ!»—почти прошепталъ онъ мнѣ... Странно, что меня мой приговоръ нисколько не удивилъ и былъ принятъ мною совершенно хладнокровно. Еще нѣсколько разъ я видѣлся съ моимъ защитникомъ. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ, чтобы убѣдиться, что его роль около меня, такъ сказать, окончена, и его услуги для меня больше не потребуются. Онъ вошелъ ко мнѣ въ камеру и прямо началъ со словъ:—«Ну, мы конечно никакихъ прошеній подавать не будемъ!»—«Конечно не будемъ!»—отвѣчала я и крѣпко пожалъ его руку, такъ какъ усмотрѣлъ въ его вопросѣ сочувственное къ себѣ отношеніе. Въ послѣдній разъ Спасовичъ пришелъ проститься, такъ какъ послѣ этого его уже ко мнѣ, какъ къ осужденному, не пропускали. Крайне растроганный, со слезами на глазахъ онъ обнялъ меня и самымъ искреннимъ и сердечнымъ тономъ желалъ мнѣ возможнаго благополучія. Я выражалъ надежду на возможность когда-нибудь съ нимъ встрѣтиться уже въ обновленной Россіи.

Считаю для себя невозможнымъ даже въ простомъ пересказѣ приводить здѣсь рѣчи подсудимыхъ; это слѣдовало-бы сдѣлать возможно детальнѣе, полнѣе, такъ какъ говорившіе отнюдь не имѣли въ виду своей защиты, а преслѣдовали цѣль принципиальнаго выясненія взглядовъ партіи; а это конечно требуетъ особенно бережнаго отношенія въ передачѣ даже отглагольныхъ сказаннаго, для чего необходимо имѣть подъ руками надлежащій матеріалъ. Исторія не преминетъ воспроизвести эти рѣчи съ подобающей точностью, если еще можно надѣяться, что они сохранятся гдѣ-нибудь въ правительственныхъ архивахъ или у частныхъ лицъ—современниковъ процесса.

Среди нашихъ товарищей по дѣлу, какъ мною указано выше, не было ораторовъ, которые могли-бы въ свободной и красивой формѣ излагать и отстаивать принципы партіи, тѣ принципы, за которые они жертвовали не только своей свободой, но и самой жизнью. Русь нашего времени выработывала борцовъ, смѣлыхъ и беззаветныхъ, но ораторы среди нихъ появлялись только случайно... Тѣмъ не менѣе Богдановичъ, Златопольскій, Грачевскій считали своимъ долгомъ открыто сказать суду, за что они шли на смерть, и въ предѣлахъ возможнаго для себя, пытались изложить свои взгляды на положеніе забытой и угнетенной страны и выяснить роль революціоннаго движенія, какъ освободительнаго шестивъ массы изъ подъ гнета самодержавно бюрократическаго произвола. Трудность положенія усугублялась для говорившихъ еще и тѣмъ, что предсѣдатель суда нѣрѣдко останавливалъ каждое, суживая еще больше границы его рѣчи. Златопольскій былъ даже вынужденъ прекратить рѣчь чуть не въ самомъ ея началѣ, и совершенно отказался отъ своего слова. Корба, хотя и прерываемая, успѣла сказать свое слово; оно воспроизведено съ точностью Кенаномъ, которому ея рѣчь была сообщена свободными товарищами, и кажется, это—единственная рѣчь, попавшая въ печать въ неискаженномъ видѣ. Только Теллаловъ, этотъ симпатичный и опытный пропагандистъ и ораторъ, въ цѣлѣхъ котораго, какъ человѣка и революціонера, во всей революціонной средѣ того времени не было ни малѣйшаго разногласія ¹⁾, нашелъ нужнымъ совершенно отказаться отъ защитника и вѣль свою защиту оченъ толково и умѣло самъ. Его обширная рѣчь, распалая на двѣ половины,—фактическую и принципиальную; въ первой онъ опровергалъ всѣ искусственныя утвержденія, обвиненія и живява показанія его свидѣтелей—шлюновъ, а во второй—въ живой, красивой и необходимоно трагической картинѣ, обрисовалъ положеніе русскаго революціонера, силою суроваго русскаго режима вынужденнаго обращаться къ крайнимъ революціоннымъ мѣрамъ воздѣйствія на правительство, поставившее себѣ цѣлью задавить и уничтожить въ странѣ всякую живую мысль, всякое стремленіе къ свободѣ и равенству. Его рѣчь произвела сильное впечатлѣніе не только на подсудимыхъ, наперерывъ старавшихся пожалѣть его руку, но и на самый судъ, который казался взволнованнымъ прошедшей передъ его глазами яркой и безыскусственной картиной.

Кончилисъ рѣчи. Подсудимые удалены изъ залы засѣданій на время совѣщанія суда. Ихъ новое появленіе въ ней имѣло цѣлью только выслушать уже состоявшійся приговоръ въ первоначальной, а затѣмъ и въ окончательной формѣ, и 5-го апрѣля драма закончилась, обрѣкая однихъ на смерть, другихъ на изгнаніе ²⁾.

Не радостно, какъ въ первый день процесса, и молча шли

¹⁾ Изъ рѣчь, въ послѣдней было встрѣтить человѣка, который не отказался бы объ немъ вѣнать какъ съ восторгомъ.

²⁾ Приговоръ по этому процессу приведенъ въ октябрьской книгѣ „Видога“.

подсудимые изъезжали из зала судебного заседания в свою тюрьму, как молча они только что выслушали постановление суда. Один из друзей исчезали они, по мѣрѣ приближенія къ камерамъ, съ тѣмъ, чтобы со многими изъ товарищей уже никогда болѣе не встрѣтятся. У послѣднихъ kwam я остановился втроемъ съ Буцевичемъ и Грачевскимъ. Буцевичъ продолжалъ успокаивать насъ, говоря, что въ самые послѣдніе дни онъ уже ясно видѣлъ, куда клонится его дѣло, и настолько успѣлъ подготовиться къ самому худшему исходу, что окончательный приговоръ не поразило его. Слабое утѣшеніе и для насъ и для самого Буцевича! Заинтересованный и сочувственно-взволнованный проводникъ-надзиратель пытался узнать у насъ о приговорахъ Буцевичу. Грачевскій молча провѣлъ рукою по шеѣ и только на новый вопросъ непоняшаго жестка надзирателя коротко сказалъ ему: «наградили веревочкой!»— Грустная улыбка Буцевича была ему отвѣтомъ.

Мы прощались въ послѣдній разъ.

Черезъ нѣсколько дней приговоренныхъ къ смерти, а также Ивановскую и Корба, снова увезли въ крѣпость, откуда двухъ послѣднихъ впрочемъ скоро возвратили,—всѣ остальные оставались въ Домѣ предварительнаго заключенія.

Прошло 1½ или 2 мѣсяца, въ теченіе которыхъ всѣ приговоренные къ смертной казни ожидали ее со дня на день—вѣроятно, высшая форма пытки, на которую только могутъ быть способны мѣсть и произволъ—и только тогда приговоръ былъ подтвержденъ; приговоренные къ смерти помилованы вѣчной каторгой 1), Стефановичу вѣчная каторга замѣнена 8-лѣтней и Лисовской 15-ти-лѣтняя—4-хъ-лѣтней. Послѣдняя была возмущена этой милостью, громко заявила, что не просила и не желаетъ милости, и требовала, чтобы ея заявленіе было передано тѣмъ, кто вздумалъ такимъ образомъ распорядиться ея судьбою 2).

Прошло еще 2 съ небольшимъ мѣсяца. Снова передвиженіе въ камеры нижняго этажа, снова громыханье замками открывающихся

1) Эта форма смертной казни не каторгой, а вѣчнымъ заключеніемъ въ мѣстахъ Шлиссельбургской крѣпости, какъ это оказалось изъ дѣятельности, могла называться „милостью“ только въ недоразумѣніи. Послѣдствія, конечно, имѣли бы характеръ доказавшаго справедливость этого. Въ самомъ дѣлѣ, смерти всѣхъ дѣятельныхъ доказавшихъ справедливость этого. Въ самомъ дѣлѣ, смерти всѣхъ дѣятельныхъ агентовъ послѣдовали въ такомъ порядкѣ: прежде всего умеръ Теллоховъ еще въ Петербургской крѣпости въ томъ же 1883 году; за нимъ послѣдовали: Кинькинъ, повѣсившійся въ Шлиссельбургѣ въ октябрѣ 1884 г., Бутовичъ, послѣдовавшій такъ же въ апрѣлѣ 1885 г., Златопольскій въ декабрѣ 1885 г., Грачевскій (слетѣвъ себя) въ Шлиссельбургѣ въ октябрѣ 1887 г. и Богдановичъ такъ же отъ чихотки въ началѣ 1888 г.

2) Антонина Павловна Лисовская имѣла съ нами была отправлена въ карійскіе рудники, гдѣ вскорѣ у нея обнаружилась общій туберкулезъ. Вынужденная въ солдату команду, она уже не вставала съ постели и умерла въ 1885 году, одновременно съ лежаніемъ ее въ началѣ болѣзни товарищескія д-роизъ Веймаромъ.

и запирающихся дверей, снова стереотипное приглашеніе:—пожалуйте!—на этотъ разъ уже въ баню, гдѣ обрываютъ въ настоящій, отбившій присвоенный намъ костюмъ, стригутъ и брѣютъ головы, заковылаютъ въ кандалы... Въ видѣ утѣшенія—заявленіе помощника смотрителя, что для меня должны были заказать не только отдѣльный арестантскій костюмъ, такъ какъ существующіе размѣры для меня не пригодны, но даже и отдѣльные кандалы. Итакъ цѣли по особому заказу! Долгоныко-ли придется услаждать себя ихъ непривычнымъ звономъ?!

Дальше—особая комиссія, свидѣтельствующая здоровье, ростъ; записываніе принять осужденныхъ, и на другой день отправка за тысячи верстъ.

Прошло 23 года,—почти ¼ вѣка. Какое множество переменъ! Не говоря уже о смѣнѣ поколѣній, какая смѣна идей, настроеній, переѣздки всѣхъ цѣнностей! Что такъ недавно еще каралось правительствомъ, какъ преступленіе, а для массы проходило незамѣченнымъ, теперь въ проснушемся сознаніи общества признается актомъ участія въ осободительномъ движеніи; что вчера квалифицировалось, какъ отжившій анахронизмъ, сегодня почитается спасительнымъ!

Еще не вполне затихъ шумъ той революціонной грозы, которая разразилась надъ нашей родиной, доселѣ спавшей безмятежнымъ сномъ подъ гнетомъ тяжелаго произвола. Эта гроза znamená собою конецъ и этому сну, и этому произволу. Повѣяло могучимъ дыханіемъ свободы, пришла пора ликвидаціи стараго, отжившаго, ненавистнаго прошлаго... и истерзанная, изстрадавшаяся родина не досчитывается многихъ и многихъ борцовъ за новой строй политической и социальной жизни, за идеалы человѣческой правды и справедливости...

Теперь, когда можно подвести хотя отчасти итоги погибшимъ борцамъ въ общемъ осободительномъ движеніи Россіи, изъ процесса 17 оказывается въ живыхъ только 7 человѣкъ; остальные, замученные въ казематахъ Шлиссельбурга и рavelина или до смерти искалченные режимомъ каторги, не видѣли этой занимающейся зарю свободы и счастья, ради которыхъ они такъ беззаветно отдали свою богатую идеалами жизнь; ихъ не коснулось трепетное и знойное дыханіе надвигающейся великой всероссійской революціи. А за одно это они, еслибы могли, охотно пожертвовали бы своею жизнью вторично.

А. Прибылевъ.

Изъ „обзора“, составленнаго департаментомъ полиціи за 1882 годъ.

„Дѣло о лицахъ, принадлежащихъ къ руководящему кружку такъ называемой террористической фракціи тайнаго сообщества, именующаго себя русскою социально-революціоною партіею, а также и о ближайшихъ пособникахъ ихъ.“

Проведенные въ С.-Петербургѣ и Москвѣ съ ноября 1881 г. и по апрѣль 1882 г. аресты главныхъ дѣятелей террористическаго кружка, извѣстнаго подъ наименованіемъ Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли, хотя и были чувствительными для него потерями, разстроили и ослабили его дѣятельность, но не остановили ея. Съ весны текущаго года центръ тяжести этой дѣятельности, перемѣстившейся послѣ арестованій 1-го марта изъ Петербурга въ Москву, былъ снова перенесенъ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ по свидѣніямъ, добытымъ розысками полиціеискателями органами, имѣлъ мѣсто пребываніе Михаилъ Грачевскій, одинъ изъ главныхъ участниковъ всѣхъ преступленій, задуманныхъ или совершонныхъ террористическою организаціею въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Изъ показаній и документовъ арестованныхъ лицъ о немъ было извѣстно, что онъ не только членъ Исполнительнаго комитета, но и специально заведуетъ въ немъ отдѣломъ террористическихъ предпріятій, а потому всѣ успѣхи смекской полиціи были направлены главнымъ образомъ къ розыскамъ этого опаснаго революціоннаго дѣятеля.

Михаилъ Грачевскій, сынъ дворяна села Березовки, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи, родился въ 1849 г. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ Аткарскомъ уѣздномъ духовномъ училищѣ, откуда перешелъ въ Саратовскую гимназію, но по прошествіи двухъ лѣтъ вышелъ изъ нея, не окончивъ курса. Затѣмъ Грачевскій поступилъ учителемъ въ сельскую школу въ селѣ Донуховѣ, Камшинскаго уѣзда, но вскорѣ оставилъ ее, и, поселивъ у зятя своего, Федора Скворцова, управляющаго имѣніемъ кн. Щербатова въ селѣ Ельшанкѣ, Саратовскаго уѣзда, въ 1871 г. женился на одной изъ сестръ бывшихъ ученикъ, крестьянѣхъ Людвикѣ Борисовой. Вскорѣ послѣ женитбы они опредѣлились слесаремъ въ мастерскія Грязе-Царинской желѣзной дороги и, послѣдовательно занимая на ней должности конторщика, начальника дистанціи, помощника машиниста и

машиниста, жилъ въ продолженіи всего этого времени на станціи Чертково и въ г. Борисоглебскѣ.

Въ май 1874 г. Грачевскій оставилъ жену, къ которой съ тѣхъ поръ не возвращался, и отправился въ С.-Петербургъ. Тамъ онъ держалъ экзаменъ на возмоздушателя въ Технологическій институтъ, но не вступилъ въ это заведеніе, а опредѣлился слесаремъ на заводъ Струбинскаго, что на Обводномъ каналѣ. Въ ноябрѣ того же года онъ переселился въ Москву.

Грачевскій впервые былъ задержанъ полиціей въ 1875 г. по случаю вѣдому доводу. Въ Москвѣ познакомился онъ съ рабочими фабрики Губера Николаемъ Скворцовымъ и при его посредствѣ сталъ хлопотать о мѣстѣ слесаря на той же фабрикѣ. 18-го января 1875 г., пригласивъ Скворцова въ трактиръ, онъ угостилъ чаемъ его и пришедшаго съ ними лаочника Степана Ноздрина и сталъ имъ говорить: „что правительство притѣсняетъ народъ и трагитъ неправоудительно народныя деньги, что правительство вовсе не нужно и что если бы народъ управился самъ, то жилъ бы богато“. При этомъ онъ передаетъ Ноздрину „Сборникъ новостъ плесни и стиховъ“, „Сказку о 4-хъ братьяхъ“ и „Степня Раина“. За это Грачевскій тутъ же задержанъ находившимся въ трактирѣ полиціеискателемъ и въ телеціи 1875, 1876 и 1877 г. содержался въ Московскихъ частныхъ домахъ и въ Домѣ предварительнаго заключенія въ С.-Петербургѣ. Преданный суду Особого присутствія Правительствующаго сената по дѣлу 193-хъ, онъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, „что безъ разрѣшенія надлежащаго вѣщаго начальства имѣлъ у себя книги, по содержанію своему направленные къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной“ и приуружденъ къ аресту на 3 мѣсяца, причемъ въ числѣ прочихъ поудуманныхъ, участь его была повергнута особымъ присутствіемъ на монаршее милосердіе съ ходатайствомъ о вѣнчаніи ему въ наказаніе предварительнаго ареста.

Въ январѣ 1878 г. Грачевскій былъ освобожденъ изъ подъ стражи съ правомъ свободнаго выбора мѣстоожительства, но съ подчиненіемъ полиціеискому надзору. Онъ поступилъ помощникомъ машиниста на Курско-Харьковско-Азовскую желѣзную дорогу и проживалъ въ г. Выгородѣ, но вскорѣ перешелъ на службу Одесско-Киншиневской желѣзной дороги, поселился въ Одессѣ. Оттуда его выслали по распоряженію III отдѣленія собственной Его Величества жандармеріи въ августѣ 1878 г. административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губ. и водворили сначала въ г. Холмогорскъ, а потомъ въ Пинежъ. Годъ спустя, а именно въ августѣ 1879 г. Грачевскій бѣжалъ, но былъ взятъ и отправленъ въ Холмогорскую тюрьму, а потомъ въ Архангельскъ. Не должая 5-и вѣрствъ до Архангельска онъ бѣжалъ снова и въ этотъ разъ ему удалось скрыться.

Въ 1880 г. Грачевскій оказался въ С.-Петербургѣ и принималъ дѣятельное участіе въ илдомъ рядѣ террористическихъ предпріятій, организаторомъ которыхъ былъ Желябовъ. Такъ онъ вмѣстѣ съ прочими заговорщиками обсуждалъ во время прогулки, совершенной на лодкѣ, планъ парубіебства посредствомъ взложенія мины подъ Каменнымъ мостомъ, а въ февралѣ 1881 г. съ Желябовымъ, Елбашницкимъ, Рысаковымъ, Тимофеемъ Михайловымъ, Вельшпымъ и Меркуловымъ вѣдаль въ Парголово испытывать метательные снаряды. Въ это время онъ жилъ въ Подольской улицѣ въ д. № 42, гдѣ въ квартирѣ, занимаемой имъ подъ именемъ Пришибина

вместе с Прасковьей Ивановной и Людмилой Терентьевой, входившая тайная типография „Народной Воли“. По аресту Терентьевой на улице 2-го мая 1881 г. квартара эта и помпашилась в ней типография 6-го мая была обнаружена полицией, но Грачевский и Иванюкская в самый день обыска успели скрыться.

Съ этихъ поръ слѣды Грачевскаго были потеряны. Вновь удалось напасть на него весной 1882 г. въ С.-Петербургѣ. По длиннымъ, добытымъ наблюденіемъ, явилось основаніе предположить, что лицо, проживавшее по Фолярному переулку въ д. № 9, кв. № 59 подъ именемъ дворянина Августа Галиновскаго, былъ Грачевскій. Предположеніе это подтвердилось: арестованный въ ночь съ 4-го по 5-е июня мнимымъ Газиновскій действительно оказался Грачевскимъ. При произведенномъ въ квартирѣ его обыскѣ обнаружено до 37 стѣшковъ печатей разныхъ присутственныхъ мѣстъ и общественныхъ учрежденій, различное количество гербовой бумаги для изготовления подложныхъ свидѣтельствъ, экземпляры „Народной Воли“, рукописи и письма преступнаго содержанія, резолюертъ, патроны, ноззи, иголки и т. п.

Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ наблюдая за Грачевскимъ полиція тщательнѣ слѣдила за всѣми лицами, съ которыми онъ приходилъ въ сопркосновеніе. Такимъ образомъ выяснено было, что Грачевскій часто встрѣчался и видѣлся съ одними и тѣми же личностями, хотя изъ числа ихъ его самого за квартирѣ посѣждала лишь одна женщина. Съ прочими же Грачевскій видѣлся либо у нихъ на квартирахъ, либо на заранѣе условленныхъ пунктахъ на улицахъ города и въ загородныхъ мѣстахъ. Одновременно съ обыскомъ и арестомъ Грачевскаго въ ту же ночь съ 4-го по 5-е июня были произведены обыски и въ нѣсколькихъ значительныхъ домахъ.

Были обысканы и задержаны:

1) Проживавшій на Василевскомъ островѣ, въ 11 линіи, въ д. № 24 ветеринарный врачъ Александръ *Прибыловъ*, его жена Анна, урожденная *Гроссманъ* и служанка ихъ Марія Савина, оказавшаяся дочерью протоіерей Маріею *Юшковою* 1).

2) Въ Дворянскомъ переулкѣ въ д. № 22, кв. № 22, подъ именемъ вдовы

1) *Прибыловъ*, Александръ, сынъ священника гор. Камышова, Пермской губ., родился въ 1856 г., воспитывался въ гимназіяхъ Екатеринбургской и Пермской и въ Медико-Хирургической Академіи, въ 1878 г. участвовалъ въ боноріадѣхъ провинціальныхъ студентами этой Академіи и въ подлѣхъ адреса Государю Наслѣднику Цесаревичу; окончилъ курсъ съ званіемъ ветеринарнаго врача; въ 1882 г. женился на дѣвкѣ Раисѣ Гроссманъ.

Прибылова, Раиса (Рога), урожденная Гроссманъ, еврейка, дочь статскаго совѣтника Гроссманъ, служавшаго въ Одесскомъ медицинскомъ училищѣ; уроженка Киевской губ., Черкасского уѣзда, родилась въ 1857 г.; воспитывалась въ шестой гимназіи въ г. Одессѣ; жила нѣкоторое время въ 1887 г.; воспитывалась въ частной гимназіи въ г. Одессѣ; жила нѣкоторое время въ Гейдельбергѣ съ отцомъ и занималась медициной, поступила студенткой на врачебные курсы въ С.-Петербургѣ; черезъ знакомство въ братъ пришла върасловіе.

Юшкова, Марія, дочь протоіерей, родилась въ Черниговѣ, въ 1860 г.; окончила курсъ на Черниговской женской гимназіи, а также фельдшерскіе и Маріинскіе курсы въ С.-Петербургѣ; въ 1879 г. проживала въ С.-Петербургѣ по В. Дворянской ул. д. № 19, въ квартирѣ дочери священника Маріи Баринской, адресъ которой найденъ въ числѣ бумагъ, отобранныхъ въ Воронежѣ у мѣщанина Василия Тулонова, арестованнаго въ 1879 г. въ дознаніи о революціонной пропагандѣ въ Воронежской губ.

потомственного почетнаго гражданина Софіи Романовой, жена Швейцарскаго подданнаго Анна *Корба* 2).

3) Въ Имамловскомъ полку по 10 ротѣ, въ д. № 9, кв. № 3, подъ именемъ дворянина Бирманова, бывавшій въ мѣста семлѣхъ государственныхъ преступникъ Михаилъ *Клименко* 3).

4) Въ Малой Мастерской, въ д. № 3, кв. № 6, флота лейтенантъ Александръ *Буневичъ* 4).

5) Въ Новой Деревнѣ по Средней улицѣ, на дачѣ № 75, малор. 9-го Лубенскаго гусарскаго полка Николай *Тихонскій* 5).

2) *Корба*, Анна, дочь инженера 4-бѣснѣтальнаго статскаго совѣтника Павла Мейгарда, родилась въ 1851 г. римско-католическаго вѣровословія, воспитывалась въ родительскомъ домѣ; въ 1868 г. вышла замужъ за Швейцарскаго подданнаго инженера Виктора Корба; въ 1876 г. жила съ мужемъ въ Минскѣ, принимала дѣтельное участіе въ сборѣ пожертвованій на пользу русскихъ добровольцевъ въ Сербію; съ мая по октябрь 1877 г. занималась въ Минскѣ же устройствомъ нѣсколькихъ госпиталей Краснаго Креста и въ тоже время изучала фельдшерское искусство въ военномъ госпиталѣ и двухъ городскихъ больницы; въ октябрь 1877 г. отправилась въ Руминію и въ Вухарестѣ была арестована въ число сестеръ милосердія Благочестивой общины, занималась переводомъ равныхъ на поляхъ отъ Вухареста до русской границы; по возвращеніи въ С.-Петербургъ, въ май 1878 г. наболѣла тифомъ и поступила въ больницу. По выздоровлѣніи переехала въ сестеръ своихъ частую въ С.-Петербургѣ, частую въ Курской губ.; въ май 1879 г. снова сошлась съ мужемъ, но прожила съ нимъ всего одинъ мѣсяцъ и окончательно его покинула, начала даже бракоразводное дѣло въ Кавказской Конвенторіи, но въ разсудѣніи ей было отказано, получила мѣсто въ Провансѣ Пота-Тифинской женской школы съ жалованьемъ 40 р. въ мѣсяцъ, но оставила его въ началѣ 1880 г., когда окончательно вступила въ социально-революціонное общество, перешла на незаконное положеніе.

3) *Клименко*, Михаилъ, дворянинъ Подольской губ., родился въ 1856 г.; воспитывался въ Одессѣ гимназіи и на медицинскомъ факультетѣ Киевскаго университета, но былъ исключенъ изъ него на два года за участіе въ боноріадѣхъ происходившихъ въ немъ въ мартѣ 1878 г.; былъ однимъ изъ главныхъ дѣателей Киевскаго социально-революціоннаго кружка и 21-го июня 1880 г. приговоренъ Киевскаго военно-окружнаго суда присудивъ въ мѣсто ссылки часть состоянія и ссылку на поселеніе въ болѣе отдаленнаго мѣста Сибирь; бѣжалъ изъ г. Киренска, Иркутской губ., въ май 1881 г.

4) *Буневичъ*, Александръ, сынъ коллежскаго совѣтника; родился въ г. Песочѣ въ 1849 г.; воспитывался въ Институтѣ путей сообщенія и въ жорскомъ училищѣ, по выпускѣ изъ котораго въ 1872 г. произведенъ въ мичманы во флотъ, служилъ въ 3-ей флотской эскадрѣ, затѣмъ былъ прикомандированъ въ старшорядному департаменту морского министерства, а въ 1876 г. откомандированъ въ распоряженіе мичманскаго путей сообщенія для работы по опіи и промѣру главнѣйшихъ рѣкъ и озеръ Россіи; въ 1876 г. произведенъ въ лейтенанта и женился на дочери буюдника изъ вѣнцлагоно-опіонной марціи при гидрографическомъ вѣдѣствѣ рѣкъ Сѣверной Давиы; въ послѣднее время занималъ въ министерствѣ путей сообщенія мѣсто старшаго помощника начальника инспекціи по устройству портовъ въ г. Николаевѣ.

5) *Тихонскій*, Николай, дворянинъ Харьковской губ., родился въ дер. Боготинное, Куликовскаго уѣзда, той же губ., въ 1849 г.; воспитывался въ г. Харьковѣ въ частномъ пансіонѣ; въ 1865 г. поступилъ на службу въперехъ въ 9-й Лубенскій гусарскій полкъ; въ званіи эскадронаго командира участвовалъ съ полкомъ въ войнѣ 1877—78 гг.; состоялъ въ числѣ жандармовъ въ октябрь 1881 г. вслѣдствіе столкновенія съ полковникъ командиромъ вѣдѣлъ 11-ти вѣдѣній отпуску и пробылъ 3 мѣсяца въ званіи матеря въ Харьковской губ.; въ мартѣ 1882 г. прибылъ въ Петербургъ.

Наблюдение на подозрительными лицами проводилось одновременно в С.-Петербурге и Москве, в виду того обстоятельства, что вышеназваны были длительными сношения между злоумышленниками в общих столицах и частые переѣзды их из одной в другую. В ту же ночь съ 4-го на 5-ое июня была обыскана и задержана в Москве Любовь Макаренко¹⁾, проживавшая на одной квартирѣ съ арестованными в С.-Петербурге Антономъ Лавицкимъ, а также посетившая ее въ день обыска учитель приходского училища Александръ Павлов²⁾, жившій вь Москвѣ подъ именемъ дворянина Павла Сыроматникова.

Въ С.-Петербурге на квартирахъ арестованныхъ лицъ также было учреждено наблюдение и 20 июня въ квартирѣ Орловой задержана женщина, называвшаяся Элеонорою Милошевичъ, но оказавшаяся дворянкою Волынской губ. Антоныевъ Лисовскою³⁾, рожденною съ 1878 г. по обвиненію въ различныхъ государственныхъ преступленіяхъ. Въ той же квартирѣ 5-го июля была арестована дворянинъ Оттогаръ фонъ-Зейдлицъ⁴⁾.

На основаніи данныхъ, частью добытыхъ наблюденьемъ, частью же подчеркнутыхъ изъ поименной задержанныхъ лицъ или изъ отобранныхъ у нихъ бумагъ, въ теченіи лета 1882 г. были арестованы:

Въ Москвѣ:

Сынъ подполковника Александръ Лавскій⁵⁾.

Отставной поручикъ Алексей Литвиновъ⁶⁾.

Принадлежитъ бумажнаго магазина Варгушина, С.-Петербургской цеховой Николай Лавицковъ.

Мѣщанинъ г. Лука Бостромейвъ губ., Василій Шимкинъ.

Слушательница фельдшерскихъ курсовъ Ксения Володина.

Дѣвочки Вера и Марія Пенюсевичъ.

Студентъ Московскаго университета Наумъ Гольбинъ.

¹⁾ Макаренко, Любовь, дочь губернскаго секретаря, родилась въ 1859 г.

²⁾ Павловъ, Александръ, мѣщанинъ г. Острогожска, Воронежской губ., родился въ 1859 г.

³⁾ Лисовская, Антонина, дворянка, уроженка села Жабориды, Новоградъ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ., дочь Игнатія Лисовскаго, въ 1863 г. сосланица въ Сибирь за участіе въ польскомъ мятежѣ и инѣмъ возмездномъ въ Волыно-Устьей Воигодской губ., рижско-католическаго вѣроисповѣданія, родилась въ 1858 г., воспитывалась въ Устюжской женскойprogимназіи; въ 1875 г. съ матерью и сестрой возвратилась въ Кіевъ и жила съ ними до 1875 г., затѣмъ поступила въ качествѣ домашней наставницы въ вѣздельцкую Колотковскаго уѣзда, Черниговской губ., Луховщерекому; съ 1876 по 1877 г. служила въ Кіевѣ въ местной торговой канторѣ; поступила въ социальна-революціонное общество, перешла въ исключительное исповѣданіе.

⁴⁾ Зейдлицъ, Оттогаръ, фонъ, дворянинъ, австрійскаго вѣроисповѣданія, родился въ Москвѣ въ 1842 г.; воспитывался въ С.-Петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, свинѣзъ изъ него, не окончивъ курса въ 1862 г., женился на дѣвчкѣ Маріи Штрухъ; служилъ бухгалтеромъ въ различныхъ частныхъ учрежденіяхъ; въ 1876 г. фандъ добровольцемъ въ Сербію; въ послѣднее время служилъ бухгалтеромъ въ одномъ изъ австрійскихъ банковъ.

⁵⁾ Лавскій, Александръ, сынъ подполковника, родился въ 1858 г.; проживалъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ подъ именемъ Константина Пантусова.

⁶⁾ Литвиновъ, Алексій, изъ солдатскихъ дѣтей, уроженецъ г. Оренбурга, родился въ 1856 г., воспитаніе получилъ въ Оренбургской военной progимназіи и въ тамошнемъ инженерномъ училищѣ; поступилъ на службу въ 150 пѣхотный Гурійскій полкъ; вышелъ въ отставку въ октябрѣ 1881 г. и поселился въ Москвѣ.

Въ Кіевѣ:

Жена капитана Индія Савельева¹⁾. По доставленіи ея въ Петербургъ были задержаны и мужъ ея, адъютантъ штаба 1-го армейскаго корпуса Михаилъ Савельевъ²⁾.

Студентъ института инженеровъ путей сообщенія Николай Ивановъ³⁾.

Въ Черниговской г.:

Выпшій студентъ СПб. университета Левъ Луговскій⁴⁾.

Въ Волынской губ.:

Кандидатъ естественныхъ наукъ Василій Кулачнинъ⁵⁾.

Въ Воронежѣ:

Дочь капитана Зинаида Зиничина⁶⁾.

Въ Одессѣ:

Директоръ-начальникъ городской управы Николай Дрво⁷⁾ и австрійскаго воеводства Сесилія Гаммеръ⁸⁾.

¹⁾ Савельева, Индія, жена капитана, адъютанта штаба 1-го армейскаго корпуса, родилась въ 1857 г., воспитывалась въ Псковской женской гимназіи, а также прошла педагогическіе курсы въ С.-Петербургѣ; вышла замужъ за капитана Михаила Савельева; августъ 1881 г. проживала въ дачѣ въ дер. Толово, близъ станицы Иванъ Балтійской вол. дер. вѣсѣтъ съ сестрою Зиневанна Бушевичъ и держала съ нею общее хозяйство; имѣетъ брата, воспитателя Кіевской военной гимназіи Калашникова.

²⁾ Савельевъ, Михаилъ, сынъ отставнаго генералъ-майора, родился въ С.-Петербургѣ въ 1858 г., воспитывался во 2-й СПб. военной гимназіи и въ 1-мъ Военномъ Павловскомъ училищѣ; въ 1871 г. вступилъ въ офицеры; въ чинѣ капитана числится во армейской пѣхотѣ и состоитъ старшимъ адъютантомъ штаба 1-го армейскаго корпуса.

³⁾ Ивановъ, Николай, сынъ кушача, родился въ г. Кіевѣ въ 1860 г.; воспитывался въ Кіевской классической гимназіи, а затѣмъ въ реальномъ училищѣ, гдѣ и окончилъ курсъ; состоитъ студентомъ института инженеровъ путей сообщенія.

⁴⁾ Луговскій, Левъ, мѣщанинъ г. Городна, Черниговской губ., родился въ 1860 г., воспитывался въ Черниговской гимназіи, а по окончаніи въ ней курса поступилъ въ СПб. университетъ; въ 1881 г. за участіе въ студенческой сходкѣ, происшедшей 13 марта, уволенъ изъ университета съ лишеніемъ права на годъ поступать въ высшее учебное заведеніе; въ май того же года проживалъ съ матерью въ Егорьевъ Коробовскій, принадлежалъ къ домашней революціонной пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ; подвергался обыску и штрафу за владѣніе газетной машиной.

⁵⁾ Кулачнинъ, Василій, сынъ священника, уроженецъ Волынской губ., родился въ 1854 г., первоначальное воспитаніе получилъ въ Житомирской семинаріи; окончилъ курсъ въ СПб. университетѣ со степенью кандидата естественныхъ наукъ; въ 1878 г. привлекался къ должностному дѣлу о типографскомъ прифтѣ, отобраннымъ у студента Медико-Хирургической Академіи Григорія Исеева, но такъ какъ прифтѣ этотъ оказался перешитымъ, то отвѣтственности освобожденъ; состоитъ преподавателемъ въ частномъ реальномъ училищѣ инженера Мухомова въ С.-Петербургѣ.

⁶⁾ Зиничина, Зинаида, дочь отставнаго капитана, родилась въ г. Воронежѣ въ 1861 г., сестра ея Надежда замужемъ за студентомъ Якимовскій, братомъ привлеченнаго къ домашней о воспитаніи въ Воронежскомъ училищѣ Ивановѣ.

⁷⁾ Дрво, Николай, дворянинъ Черниговской губ., родился въ 1852 г.

⁸⁾ Гаммеръ, Сесилія, родилась въ 1863 г.

Все вышеозначенные лица и ямы содержатся под стражей до исключения супругов Савельевых, Кучиной, Андреевой и Шапаровой, освобожденных по внесении ими денежных залогов, а также Волошиной, сестры Петкевич, Гольдина и Шинкина, состоящих под надзором полиции.

Доказание подтвердило обнаруженную наблюдением связь между этими лицами и совместное преследование большинством из них преступных целей. Разбор отобранных у них книг, бумаг, допросы их и свидетелей показывают доводить признать вписанными нижеследующие обстоятельства:

В апреле 1882 г. группа террористов, присвоившая себе название Неподчиненного Комитета, решила устроить в С.-Петербурге техническую школу и мастерскую для ознакомления членов преступного сообщества с минными искусствами и для приготовления гремучей ртуть, пироксилина, динамита и других взрывчатых веществ. Осуществление этого предприятия взяла на себя Грачевский. Он предложил двинци Гросманн быть хозяйкой той квартиры, где должна быть устроена означенная мастерская. На это она согласилась под условием, что в дар примет участие и жених ее, ветеринарный врач Прибылевский. При содействии Грачевского, помогавшего им денежными средствами, свадьба их состоялась в конце апреля. Вскоре после свадьбы они переехали из Серапиускую гостиницу и начали приспосабливать подходящую квартиру. Выбор их и Грачевского пал на квартиру на 3-м этаже дом № 24 по 11 линии Васильевского острова. Они наняли ее и переехали 7-го мая, получив от Грачевского деньги на вземт квартиры и на первоначальное оборудование. При этом приняты были меры величайшей предосторожности. Рана Прибылева ублажала в Ямбурге с целью уверить родных и знакомых из том, что она поехала Петербург. В качестве служанки Грачевский повелел къ Прибылевым Марию Юшкову, свадьбу ее подложив паспорт на имя Уманской мещанки Саввиной. Так как паспорт был новень, то Юшкова, по совету Грачевского, помещалась сперва въ меблированных комнатах близ вокзала Никольской жез. дороги и лишь по пропект паспорта въ участіи переехала на квартиру Прибылевых.

Квартира эта состояла изъ 3-х комнат и кухни; изъ них три комнаты кабинет, зал и третья, въ которой была устроена лаборатория, выходили окнами на улицу; спальня, прихожая, и кухня были во дворъ. Въ прихожей на перегородке помещалась ваина. Черная лѣстница отъходила кухню отъ прихожей.

Подробный осмотръ квартир Прибылевыхъ произведенъ былъ 6 го июня начальникомъ жандармскаго управленія г. С.-Петербурга въ присутствіи прокурора С.-Петербургскаго судейскаго палаты и при участіи эксперта по химіи, физикѣ и минному дѣлу.

Въ комнатѣ, гдѣ помещалась лабораторія, подъ обитъ была войлокомъ, а поверхъ его клеенкой. Изъ мебели въ ней стояли лишь комодъ, столъ,

покрытой клеенкой и простой табуретъ. На обояхъ окнахъ были опущены шторы. На комодѣ, покрытомъ двумя листами бумаги, лежали слѣдующіе предметы, составлявшие принадлежность химической лабораторіи: бертолетова соль, сѣрыстая сурьма, сѣрая кислота, составъ для изготовления стонина, гремучій студень, нитроглицеринъ, гуттаперчевыя трубки, стеклянныя трубочки и воронки, пробирныя стаканы, напильники, острогубцы, плоскогубцы, медицинскій термометръ, ареометръ для измѣренія плотности и разныя другіе инструменты. Въ верхнемъ ящикѣ комода: нитрокислота въ шпатель призматическихъ размѣровъ; резиновые лопухи съ чернымъ динамитомъ въ количествѣ около 4 фунтовъ, желѣзная наполненная взрывчатомъ смѣсью изъ пироксилина и нитроглицерина, приготовленнаго для гремучаго студня, на листѣ бумаги отбиты различныя предметы, необходимыя для изготовления взрывчатыхъ веществъ. Въ среднемъ ящикѣ: трубки резиновыя, стеклянныя и латуныя; ручныя тиски, кроциркуль, дюймовая пластинка, вата и мелкіе гвозди. Нижний ящикъ комода былъ весь наполненъ ватой. На столѣ стояли: вѣсъ Робертова съ французскимъ разновѣсомъ, бутылъ съ остатками сѣрой кислоты, напильники, круглогубцы, трубки металлическія и стеклянныя, изъ нихъ одна наполненная сѣрой кислотой и запаянная съ обонкъ концовъ. Подъ поломъ: аптекарскіе вѣсы съ роговыми чашками. На полу помѣщались свертки и мѣшки съ гипроскопическомъ ватомъ, аммиачной селитрой, камфорой, поташемъ, шпательремъ, стѣкланка съ ѣдкимъ кали, двадцатифутовая бутылъ съ сѣрой кислотой, шатфутловая банка съ дымящемся азотномъ кислотомъ, двѣнадцатифутовая банка съ сѣрой кислотой, пустыя бутылы изъ подъ разныхъ кислотъ, различныя сосуды и инструменты. Въ ванной комнатѣ: стеклянный батарейный стаканъ съ нитроглицериномъ въ количествѣ около пяти фунтовъ, два другія такихъ же стакана сухихъ, мѣшокъ съ двууглекислымъ натромъ, разные сосуды и инструменты. Во всѣхъ прочихъ комнатахъ найдены также бутылы съ кислотами, инструменты и большое число печатныхъ и рукописныхъ руководствъ и книгъ объ изготовленіи взрывчатыхъ веществъ. Васѣшо въ шкафу, въ спальнѣ, мужское и женское военное платье, равно какъ и подъ въ большей части комнатъ были набитыя кислотами. Въ нижнемъ же ящикѣ комода, также стоявшего въ спальнѣ, найдены завернуты въ бѣлыя сварады, состоящія изъ лѣняковаго сосуда, наполненнаго чернымъ динамитомъ и гремучимъ студнемъ, съ припаяннымъ къ нему крючкомъ. Тотъ былъ признанъ экспертами за взрывъ снаряженнѣй и годный для дѣйствія металлическій снарядъ, крючокъ же повидному долженъ былъ служить для помещенія сосуда при помощи шнура съ металлическою петлею, найденною въ лабораторіи.

По объясненію Грачевскаго, въ квартирѣ Прибылевыхъ предполагалось сначала лишь читать демонстративныя лекціи по нитротехникѣ для обученія извѣстныхъ лицъ, напильченныя Неподчиненнымъ Комитетомъ, но впоследствии туда были перенесены, находившіяся въ распоряженіи общества, остатки чернаго и магнезальнаго динамита, пироксилина и гремучей ртуть и рѣшено заняться производствомъ динамита для пополненія запасовъ. Начали съ изготовления нитроглицерина какъ одной изъ составныхъ частей всѣхъ видовъ динамита, и работа эта была окончена во времени

¹⁾ Такъ показывалъ Прибылеву; Грачевскій же, напротивъ, утверждаетъ, что обрѣтается сначала къ Прибылеву, а потомъ, и черезъ него, къ его жениху.

ареста Прибылевых. Что же касается до металлического снаряда, то Грачевский утверждает, что он не был изготовлен в мастерской, а принесен ими в квартиру Прибылевых уже готовым, для помещения читавших в ней лекций; для действия же он не годится, ибо не будучи герметически завязан, не была обеспечена от вибрации в себя влаги из атмосферы, между тем как один из составных его элементов, а именно азотно-кислый аммоний, в высшей степени гигроскопичен, а при второй влаге этот род динамита теряет свои взрывчатые свойства. Впрочем эксперты опровергают такое объяснение, утверждая, что присутствие влаги в динамитах, которыми наполнены означенный металлический снаряд, весьма незначительно, так что оно не могло лишить его взрывчатых свойств.

Кроме Грачевского, участие в изготовлении взрывчатых веществ, по собственному сознанию, принимал и Прибылев. Жена его и Юшкова также признались в содействии, которое оказывали этому делу; первая — покупая водок, клеенку, лату, глиняный и сама занималась устройством лабораторий, а вторая — участвуя в самом приготовлении взрывчатых веществ, при чем руководствовалась литографированными записками.

Грачевский отказался назвать прочих лиц, помогавших ему в изготовлении динамита, или приходивших в конспиративную квартиру для слушания лекций по протехнике. Известным однако установлено, что к числу этих лиц принадлежал Козимово, одним которого носило на себе следы кизюта, а часть этого платья даже хранилась в квартире Прибылевых. Обстоятельство это подтверждает и Раиса Прибылева. По собственному сознанию, квартиру эту посещала и дьячка Гризберг, о балансе которой к главным террористическим деятелям в одном из своих показаний упоминает уже государственный преступник Меркулов, называвший ее „Христинов“.

Но самыми близкими к Грачевскому лицом, самым ревностным и деятельным его помощником была Анна Корба, которая видывалась с ними едва ли не каждый день и одна посещала его на его квартиру.

Анна Корба принадлежит к семейству давно уже известному своею политическою неблагонадежностью. Из шести дочерей никювера Пугей Соболева Действительного Статского Советника Мейгарда, лишь три, вышедши замуж за гг. Бернацкого, Попова и Штанге, не принимали деятельного участия в преступной пропаганде. Четвертая сестра, жена никювера Марии Лешерн фон Герфельдт, с половинным семидесятью годовым, знакома с Александром Ивановичем Писаревым, жила в Саратовской губернии и заграничей, где была близко знакома с государственными преступниками Дмитрием Клеменцом, Вьюро Финлиповым, Александром Соловьевым, Юрием Богдановичем и др.; разлучившаяся по делу о 58-ми лицах, обвинявшихся в государственных преступлениях, она в 1881 г., после смерти Ивана Ивановича Писарева административным порядком в Восточный Сибирь, поселилась на имя туда и добродушно влившись к начальнику Енисейского Губернского Жандармского Управления просила допустить ей раздвинуть участь Писарева. Млад-

шая сестра Анна Корба, дьячка Одесса Мейгардт, была наставницей в школах, последовательно учрежденных в Финляндии, Тверской губернии, и в последнее время в Запаванском, край вдового студента Висова, воспитывающем из них детей известным государственным преступником и лишь политическим неблагонадежным.

По словам Корба, из социально-революционное сообщество вела ее жена государственного преступника Марии Баравникова, урожденная Оловениннова, с которой она познакомилась в 1879 г. после окончательного разрыва с мужем и даже поселилась с ней на одной квартире. С самого начала своей преступной деятельности Корба стала в близком отношении к главным руководителям террористического кружка, преимущественно к Александру Михайлову. Еще в 1879 году в не адресовала Вера Финлипова отравившегося из Одессы в С.-Петербург Дмитрия Петрова, одного из одесских пропагандистов, и просила ее свести Петрова с Александром Михайловым. По задержании своего, Михайлов написал в ней из заключения несколько записок, частью зашифрованных, в которых передавал ей содержание своего допроса и существо данных им показаний. Кроме того о Корба, как о видном члене сообщества, упоминается в записке, наведенной в ночь на 3-е Марта 1881 года в квартире государственных преступников Сабаша и Гельфманн. Наконец ее, как оказалось, писана записка, обращенная к Александру Михайлову, наведенная у задержанного в декабрь 1881 года в С.-Петербурге, Теллаева и приписывавшаяся досел Анне Макаренчик. В записке этой Корба сообщила, между прочим, Михайлову, что она находится на Кавказе. Хотя в показаниях своем она и отрицает пребывание в этом крае, но есть основание предполагать, что она посещала находящуюся там младшую сестру свою.

При обыске в квартире Корба найдены: ручной литографский станок, около сотни различных революционных изданий и несколько записок, писанных ее рукою и разложенных в конверты с надписью на них: „для редакций“. В одной из этих записок указывается на необходимость „выставить наше единую лицо. На стороне 1-го Марта была вся революционная партия до единого человека, не исключая и чернопредельцев. Все общество должно и в особенности на окраинах преступности воздерживаться 1-м Марта“. Другая записка говорит: „то Исполнительный Комитет не поручал Халтурину участвовать лично в Стрельбиновском деле; напротив, с него было взято слово, чтобы он оставался организатором его. Желавою, вдова счастливой и возмужавшей душой, о честиных и чистых вдовех много на Руси: они составляют болящую, стено молодежи этого поколения“. Наконец третья записка упоминает о возмужавши „к народу“, в которой, следовательно бы влившись народу крепостное право и уважать ему, что рабство отнюдь у него примечу к самоуправлению и свободу“. Из этих записок можно заключить, что Корба принимала участие в издании печатного органа террористического кружка „Народная Воля“.

Другим лицом, с которым Грачевский поддерживал постоянные сношения и имел частые свидания, был флота лейтенант Александр Будевич.

Будевичъ показавъ на допросѣ, что принадлежать къ партіи „Народной Воли“ съ Января 1882 г., что знакомство его съ Корба произошло въ Апрѣлѣ и было вызвано желаніемъ его сблизиться съ личностью болѣе знакомомою со средствами партіи и „сильнѣею въ идейномъ смыслѣ“, чѣмъ, тѣмъ лица, съ которыми ему раньше приходилось сталкиваться; что Корба познакомилъ его съ Грачевскимъ; что свиданія его съ Корба происходили на улицѣ и у себя дома и, наконецъ, на квартирѣ его хорошихъ знакомыхъ, капитана Савельева и жены его. Изъ числа другихъ арестованныхъ лицъ Будевичъ признаетъ свое знакомство лишь съ Андреевымъ, но отказался объяснить цѣль этого знакомства и обстоятельства, при которыхъ оно произошло.

По словамъ Будевича, онъ признаетъ необходимость въ Россіи революціи политической и экономической, а потому и примкнулъ къ партіи „Народной Воли“, какъ къ единственной партіи, раздѣляющей тотъ же взглядъ. Отъ сдѣлать это по необходимости, за неимѣніемъ выбора, ибо, въ противномъ случаѣ, ему оставалось бы „желая революціи, сдѣлать слеза руки“. Но, сочувствуя цѣлямъ партіи, онъ не одобряетъ насильственнымъ средствами, къ которымъ она прибѣгала, ничего не зная о нихъ и не рѣшившись бы принять въ нихъ участіе. Тѣмъ не менѣе, онъ считалъ себя обманувшимъ, „быть принятымъ или косвеннымъ пособникомъ партіи во вѣтъ пунктовъ ея программы и пропагандировать экономическую и политическую революцію до тѣхъ поръ, пока Россія не стала конституціоннымъ государствомъ“.

Въ томъ же духѣ составлено писанное рукою Будевича и напечатанное въ бумагахъ Грачевскаго воззваніе къ офицерамъ русской арміи, отъ центра военной организаціи партіи „Народной Воли“. Въ этомъ и въ другомъ воззваніи „къ представителямъ русской арміи“, также напечатанномъ у Грачевскаго, видимо призывается содѣлывать къ ограниченію Самодержавной Власти.

Указанія на существованіе военного революціоннаго кружка встрѣчались вѣрнѣе какъ въ показаніяхъ разныхъ лицъ, такъ и въ доставляемыхъ агентами путемъ свиданій. Въ началѣ 1881 г. отъ имени этого кружка было напечатано обращеніе къ тогдашнему Военному Министру Графу Милютину. Съ тѣхъ поръ все полученнаго о кружкѣ свиданія сводятся къ тому, что цѣль кружка—заведеніе въ Россіи конституціоннаго устройства, а союзъ съ организаціей Народной Воли лишь компромиссъ, не влекущій за собой солидарности съ террористическою ея дѣятельностью. Существуетъ предположеніе, что кружокъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ офицеровъ: морскихъ, артиллеристовъ и саперъ и можно допустить, что къ числу ихъ принадлежалъ и Будевичъ.

Нѣсколько иной характеръ участія въ организованныхъ Грачевскимъ предпріятіяхъ другого офицера, задержаннаго въ ночь на 5-ое Января, а именно майора 9-го Лубенскаго гуарнскаго полка Николая Тихонова.

Въ семействѣ Тихонова насчитывается рядъ членовъ болѣе или менѣе причастныхъ къ социально-революціонному дѣлу. Одинъ братъ Николай, Викторъ Тихоной еще въ 1874 г. принадлежалъ къ Долгунинскому дѣлу, былъ отданъ подъ судъ особаго Присутствія Правительствующаго Сената. Особо-важнымъ судомъ отъ отвѣтственности, Викторъ Тихоной былъ въ 1876 г. снова преданъ суду Харьковскаго Военнаго суда за присутствіе на сход-

кахъ, устроенныхъ въ гор. Харьковѣ Гольденбергомъ, Козловичевичемъ, Вирою Филипповою и др., во судѣ и въ этотъ разъ оправданъ его. Другой двоюродный братъ Викторъ и Николай Тихоновы, Эммануилъ Воронцовъ, за принадлежность къ социально-революціонному обществу высланы были административнымъ порядкомъ изъ Харькова въ Олонецкую губернію. Уже послѣ его высылки, Гольденбергъ, въ одномъ изъ своихъ показаній, назвалъ его въ числѣ прочихъ лицъ присутствовавшихъ на сходкахъ, на которыхъ обсуждался планъ убійства Харьковскаго Губернатора Килая Крачковскаго. На мѣстѣ ссылки Воронцовъ женился на другой участницѣ въ этомъ преступленіи, также высланной въ Олонецкую губернію, Зинаидѣ Воскресенской. Въ Ноябрь 1881 г. оба они, согласно постановленію Особаго Совѣщанія, оставлены подъ надзоромъ полиціи на пять лѣтъ и высланы въ Западную Сибирь.

Самъ однако Николай Тихоной до послѣдняго времени не принималъ участія въ преступной дѣятельности своихъ братьевъ. Служа въ Лубенскомъ гуарнскомъ полку съ 1869 г., онъ въ продолженіи винувшей войны командовалъ въ немъ эскадрономъ и лишь осенью 1881 г., по неудовольствію на полковаго командира, оставилъ полкъ, взявъ одиннадцатимѣсячный отпускъ. Не имѣя собственнаго состоянія, онъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни, до февраля прожилъ въ деревнѣ у матери, а затѣмъ похлѣлъ въ Харьковѣ. Тамъ онъ, по собственному сожеланію, посѣщалъ портерныя, трактиры и проводилъ время въ пьянствѣ и за карточной игрою. Въ это время ему было сдѣлано предложеніе лицомъ, назвавшимся Константиновымъ, ѣхать въ С.-Петербургъ, за что ему были обѣщаны значительныя деньги. Онъ согласился. Въ Москвѣ Константиновъ познакомилъ его съ Грачевскимъ, отъ котораго Тихоной получилъ 1.000 р. Съ этими деньгами онъ прибѣжалъ въ С.-Петербургъ 17-го марта и остановился въ меблированныхъ комнатахъ въ д. Ковалова въ Кирпичномъ переулкѣ. Предложивъ къ пребыванію его въ С.-Петербургѣ служкии чистоты о прислаіаніи мѣста. Съ этою просьбою онъ обращался къ прежнимъ своимъ знакомымъ, болѣею частью военнымъ. По наступленіи лѣта, онъ переехалъ на дачу въ Старую Деревню и въ теченіи мая нѣсколько разъ бывалъ въ Петергофѣ, гдѣ посѣщалъ своихъ бывшихъ сослуживцевъ, обѣдалъ у знакомыхъ морскихъ офицеровъ на Императорской яхтѣ „Александрія“, но немѣя обращался съ просьбой содѣлывать ему въ прислаіаніи мѣста, но въ этомъ не успѣлъ. Желѣ Тихоной на деньги, получаемыя отъ Грачевскаго, который, по словамъ его, кромѣ 1.000 р., получаемыхъ въ Москвѣ, въ разное время выдалъ ему 575 руб. Грачевскій часто ѣздилъ съ Тихонымъ, посѣщая его на его квартирѣ, а также назначалъ ему свиданія на улицѣ и общественныхъ гуляніяхъ, между прочимъ въ саду „Аркадія“. Тихоной утверждалъ, что зналъ Грачевскаго лишь подъ фамиліей Болдырева. Грачевскій также заблуждался о прислаіаніи Тихоному мѣста, что явствуетъ изъ того, что старшій адъютантъ штаба 1-го армейскаго корпуса капитанъ Савельевъ призвалъ въ Тихономъ офицера, отрекшемся отъ него Будевичемъ, и вынужденномъ къ нему съ ходатайствомъ о прикомандированіи къ штабу означеннаго корпуса.

Что касается до самого капитана Савельева, то дознаемъ мысленно лишь, что квартира его служила мѣстомъ свиданій Грачевскаго съ Будевичемъ, давшими и близкимъ знакомымъ женой Савельева.

Допрос Николая Андреева и проведенный у него обыск не обнаруживая улик его преступной деятельности. Между тем, по агентурным сведениям, он играет важную роль в террористической организации и самое переселение его с женою из Москвы в С.-Петербург вызвано особым поручением, возложенным на него руководителями террористического кружка. Явившись в Январь 1882 г. на богатой московской купеческой дочери Надежды Фирсовой и взяв за нее в приданое 25000 р., Андреев в марте прибыл в С.-Петербург и нанял квартиру, обслуживал ее, а затем вместе с женою выехал в Москву, откуда в Воронеж, Саратов, Самару, а в конце Мая вернулся в С.-Петербург. Пробыавшие свое в С.-Петербурге он обещал намременим открыть аделье, на средства жены, торговую контору. Дознание установило знакомство его с Грачевским, Корба и Буденцевым.

Кроме лиц выше перечисленных, в примахх сношениях с Грачевским находились также Александр Липский, Лева Луговский, Василий Кузьминич и Алексей Литвинов. Руюю Липского писано воззвание, наденное в бумагах Грачевского и обращение от партии „Народной Воли“ к товарищам, коним скоро „предстоит предстать перед судом“. В воззвании этом утверждается, между прочим, „что ничто не может удержать и остановить товарищей—даже инсидиа. Русский революционер, столкнувшись с деспотизмом, умбеть умереть. Чась справедливой мести заставеть врага признаво и тогда в страх и безапатетий не принадлежать к партии будут давать, покрить друг друга“. Луговский, бывший сожител Марии Юшковой, писал к Грачевскому длинное письмо, найденное при обыске у последнего, в котором упрекал его за назначение, данное Юшковой, сопряженное с такою для неа опасностью. В письме этом заслуживают внимания выражения, которыми Луговский характеризует Грачевского: „ты человек черствый, односторонний и забыл взорув наполеять не сотвори себе кумира, ты создал себя кумира, ты обратил дядо в идола Молоха, которого только и можно было умиопоставить кровавым жертвами невинных младенцев. Я, наоборот, думаю и убеждаюсь в том, что дядо не Молох и подобным жертвы оскорбляют его и тьх, кто их приносив. Человекъ не долженъ упинаться до понозного сравнения съ машиной. Ты убил въ себя человека, „требуешь отъ меня того же“. В заключение Луговский объясняет, „что онъ отдаст дядо свое стагие и отдаст и самого себя и свою жизнь“. Что же касается до Кузьминича и Литвинова, то они принадлежат к числу лиц, с которыми часто видялся Грачевский.

По вызову Грачевского прибыла в С.-Петербург изъ Москвы и жена задержаннаго тамъ в апрѣль 1882 г. Василия Горниовича, Надежда Горниовичъ.

Хотя Надежда Горниовичъ и успѣла скрыться в Москву изъ квартиры, в которой была задержана мужъ ее, но полиция вскоре нашла на ее сѣдѣ всѣхъ данные перечисленной шифрованной записки, писанной муженьку въ ней изъ тюрьмы и отправленной на имя слушательницы фельдшерскихъ курсовъ Ксении Волошиной.

При обыске у последней найдена была часть переписки супруги Горниовичъ, а учрежденное за квартиру Волошиной наблюдение привело

къ задержанию сестеръ Марии и Ванды Петковичъ и студента Гоздлина. Между тѣмъ Надежда Горниовичъ отправилась в С.-Петербургъ и вступила въ сношение съ болѣею частью лицъ, причисляемыхъ къ настоящему дяду. Свидѣнія ея съ Грачевскимъ происходили въ квартирѣ студента Института Инженеровъ Путей Сообщенія Павлова.

Около того же времени, а именно въ апрѣль и май 1882 г., подъ различными предлогами, прибыл въ С.-Петербургъ изъ Москвы Александр Орлова, Лидя Шапаровская, Ольга Кучина и Иванъ Морозъ. Всѣ они находились въ сношенияхъ между собою, а также съ главными руководителями террористическаго кружка: Корба, Буденцевымъ, Клименко и Андреевымъ. Морозъ, близкій знакомый Андреева, бывший шаферомъ у него на свадьбѣ, выѣхалъ и съ Грачевскимъ.

Въ квартирѣ Шапаровской найдено при обыскѣ нѣсколько бланковъ для паспортовъ и множество революционннхъ наденя. Въ числѣ бумагъ онъ была записка съ отбѣченными на ней именами: Дмитрия Драго и Сестрин Гаммеръ въ Одессѣ. О Драго известно изъ показаній Петра, что онъ въ январѣ 1882 г. въ квартирѣ Маріи Самановой свезъ Фѣру Филиппову съ Клименко, прибывавшихъ въ Одессу „по особому дяду“.

Въ квартирѣ Орловой была задержана, какъ уже сказано выше, давно разыскиваемая по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ и провинившая преступную деятельность свою въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи Antonina Лисовская.

Подобно Корба и Тихомиру, Лисовская принадлежит къ семейству, коніе изъ членовъ котораго состоятъ въ числѣ социально-революционнхъ дѣятелей. Отецъ ея, за участіе въ польскомъ митингѣ 1863 г., вызванъ былъ изъ Кіевской губ. въ Сибирь, а впоследствии подворентъ въ Великую Устюгъ, Вологодской губ.: братья Георгій и сестра Викентина принадлежатъ къ дѣятелию о польскихъ социально-революционнхъ гимназахъ въ Кіевѣ и Варшавѣ и въ началѣ 1882 г. по Высочайшему конвентію высланъ—первый въ Восточную Сибирь на пять лѣтъ, а вторя въ Западную—на три года. О самой Antoninѣ Лисовской, въ 1878 и 1879 г.г. слушавшей вышше женске курсы въ Кіевѣ, упоминалъ въ своихъ показаніяхъ Гольденбергъ, наывавшій ее „пропагандисткою, сочувственно относившею къ франціи террористовъ и участвовавшею въ дѣлѣ предостереженія средствъ политическимъ заключеннымъ. Въ 1881 г. она проживала въ Варшавѣ подъ именемъ Красновидевоу, а въ 1882 г. въ Вильвѣ подъ фамиліею Ганеской и Яворской и принимала участіе въ организаціи социально-революционнхъ гминъ. Вскрѣвъ посѣтъ задержанія Лисовской, въ той же квартирѣ Орловой, арестованъ бывшій бухгалтеръ одного изъ Вилевскихъ банкомъ Оттоваръ фонъ-Зейдлицъ. Задержанная всѣгда на имя, любовница его, Анисья Алексѣева подробно разсказала объ отношеніяхъ Лисовской къ Зейдлицу и о преступной дѣятельности последней. По словамъ Алексѣевой, Лисовская подъ именемъ Анны Ивановой и въ сопровожденіи вѣнцвѣтнаго Александра въ первый разъ появилась въ домѣ у Зейдлица около Рождества 1881 г., и въ теченіи двухъ мѣсяцевъ неоднократно посѣщала его подъ предлогомъ уроковъ бухгалтеріи. По отъѣздѣ ея изъ Вильвы, къ Зейдлицу явился съ письмомъ отъ нея Иванъ Доманскій. По рекомендаціи Доманскаго, въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ 1882 г., Зейдлицъ посѣщала разная подозритель-

ные лица, известные под именами: „Мария Николаевна“, „Николай Степановича“, „Ядвигя Антоновна Олаховская“, и „Мария Павловна Лестинной“. О сношениях Зейдлица с Ивановым Лампе можно заключить из того обстоятельства, что у последнего при обыске найдены с-петербургские адреса Зейдлица. В последнее время Зейдлиц часто отсутствовал из Вильны и, наконец, переселился сначала в Москву, а потом из С.-Петербурга, оставив Алексею паспорт на имя вдовы секретари Саратовского Окружного Суда Новомаревой, тот самый, под которым проживала в Москве вместе с. Криксы Богдановичем, жена государственного преступника Мария Баранникова.

Из числа прочих задержанных лиц, обращая особое внимание на себя арестованные въ С.-Петербурге, под именем супруги Селевневых, Алексей Фомин и Пелагея Бончи-Осмоловская, въ квартирѣ которых, кромѣ разныхъ революционныхъ наставій, найдены также различныя принадлежности для поддѣлки паспортовъ.

Послѣ бѣгства своего, въ сентябрѣ 1879 г., изъ Виленьской центральной тюрьмы, Фоминъ искалъ убійца въ Женевѣ и тамъ познакомился съ некоторыми эмигрантами, между прочимъ съ Стефановичемъ. Онъ возвратился въ Россію осенью 1880 г. и вѣсь 1881 г. провѣлъ въ Кіевѣ и Одессѣ. Въ послѣднемъ городѣ онъ жилъ съ Пелагеей Бончи-Осмоловской, известной подъ именемъ Ольги Виноградовой, и занимался преступной пропагандой. Въ декабрѣ 1881 г. онъ, по вызову Стефановича, переданному ему Филиповымъ, отправился въ Москву вмѣстѣ съ Осмоловскою, но жилъ тамъ отдѣльно отъ нея по паспорту и подъ именемъ Костеневаго. Въ С.-Петербургѣ прибывъ онъ лишь 20-го мая сего года, вызванный изъ Москвы Осмоловскою и поселясь съ нею, вступилъ въ сношенія съ с.-петербургскими злоумышленниками.

При обыскѣ, произведенномъ въ Москвѣ у Любови Макаренко, найдено нѣсколько свидѣтельствъ полиціеискусныхъ управленій съ печатами Московскаго Оберъ-Полицеймейстера, бланки Губернаторскъ Подольскаго, Волынскаго и Пензенскаго, два метрическихъ свидѣтельства Полтавской Духовной Консисторіи на имя Петра и Ивана Шаровыхъ, подложныя печати разныхъ правительственныхъ учрежденій и множество рукописей и цисемъ. Въ числѣ послѣднихъ замѣчательны два письма Вѣры Засулицы изъ Женевы, писанныхъ въ мартѣ или апрѣлѣ 1882 г., и въ которыхъ она сообщаетъ террористическому кружку свѣдѣнія о ходѣ русской социально-революціонной пропаганды за границей. Обыскомъ у учителя Павлова, задержаннаго въ квартирѣ Макаренко, обнаружено нѣсколько №№ „Народной Воли“, программа и воззваніе сообщества, рѣчь на судѣ государственнаго преступника Суханова и вероизгнѣ государственнаго преступника Дюховскаго, предназначеныя къ печатанію въ „Народной Воли“. Доказаніе выяснило сношенія Павлова съ Орловой во время бѣгства последней въ Москву, гдѣ она проживала на одной квартирѣ съ Надеждою Андреевою, сестрою Николая Андреева.

Въ Москвѣ были также арестованы приваички Николай Латюшевъ и мѣщанинъ гор. Лука Василій Шинкинъ, дядя Алексея Фомина, удивленные въ томъ, что Шинкинъ познакомился съ Фоминимъ Латюшевымъ, а послѣдній передалъ Фомину два свидѣтельства, добытыя имъ изъ Купеческой Управы, которыя были найдены при обыскѣ въ квартирѣ Грачевскаго.

Московскіе аресты вызвали по всей вѣроятности исчезновеніе въ Москвѣ изъ дома Шильдбаха, Мясницкой части, трехъ лицъ, проживавшихъ въ немъ по подложнымъ свидѣтельствамъ на имя губернскаго секретари Дмитрія Колосова, жены его Анны и прислуги мѣщанин Черискаго узда, Маріи Кокуховой. Въ оставленной ими квартирѣ оказались: типографскій столикъ съ жѣлѣною доскою и разными къ нему принадлежностями, мѣшокъ съ шрифтомъ, разные преступныя наставія, револьверъ и два небольшихъ мѣшка съ пулями.

Рассматривая изъ совокупности вышеизложенныхъ доказаній обстоятельства, весьма по вѣдѣ въ видѣ новаго подтвержденія того, что руководящее преступной дѣятельности террористовъ исходило до послѣдняго времени изъ одного общаго центра. Такимъ центромъ, до 1-го марта 1881 г., служилъ С.-Петербургъ, затѣмъ утѣвляясь отъ Мартовскихъ арестовъ главные дѣятели сообщества ступилиривались на нѣкоторое время въ Москву; послѣ нѣсколькихъ серьезныхъ арестовъ, произведенныхъ тамъ въ началѣ сего года, известные государственной полиціи члены руководящаго кружка террористовъ снова возвратились въ Петербургъ. По задержаніи Грачевскаго и его сообщниковъ, въ порядкѣхъ рядкахъ злоумышленниковъ, наблугнувшихъ до сихъ поръ ареста, вниманіе полиціи, главнымъ образомъ, привлекаемо нижеслѣдующія лица: Левъ Тихоміровъ, Марія Баранникова, Галина Черныская, Прасковья Ивановская и Вѣра Филиппова. Названныя лица едва ли не послѣднія изъ оставшихся на свободѣ и не подвергнутыхъ заслуженной карѣ членовъ кружка, снотнпшася въ Ленинскомъ сѣвѣлѣ и совершившаго рядъ злодѣаній, изъ которыхъ ближайшимъ къ намъ, по времени, было убійство Генералъ-Майора Стрѣльникова. Преступленіе это было организовано Халтурными, при дѣятельномъ участіи Вѣры Филипповой, которая, послѣ казни Халтурна и задержанія Грачевскаго, можетъ быть почитана одной изъ наиболее ошаченныхъ дѣятельницъ центральнаго кружка террористовъ, арестованною собою названіе „Исполнительнаго Комитета“. Къ обнаруженію ея, главнымъ образомъ, направлены всѣ розыски.

Въ продолженіи вѣсь майской трети 1882 г. совершенно прекратилась дѣятельность подпольныхъ типографій социально-революціоннаго сообщества и не появилось ни одного листка или воззванія“.

Крестьянское движение в Кутаисской губернии ¹⁾.

(Окончание).

IV.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ, принимая постъ Кавказскаго Намѣстника върнул въ близость обновленія государственнаго строя Россіи и надѣялся временно успокоить возмущенное населеніе Кавказа либеральнымъ управленіемъ, отміной законоположеній, направленныхъ противъ кавказскихъ національностей, введеніемъ земскаго самоуправленія типа 1864 г. и смѣной администраціи. Но у графа не было ни определенной политической программы, ни выработанной тактики. Пригласивъ своимъ сотрудникомъ по управленію гражданской частью либерала шестидесятника Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей, онъ въ то-же время парализовалъ его дѣятельность назначеніемъ самостоятельнаго заведывающаго полиціей на Кавказѣ реакціонера генерала Ширинкина. Извѣстіе объ этомъ назначеніи и отвѣтъ графа на привѣтственную рѣчь городского головы въ день въѣзда въ Тифлисъ на тему «всякъ сверхъчелъ свой шестокъ» произвела тяжелое впечатлѣніе даже на умѣренныхъ либераловъ, зачарованныхъ его обращеніемъ къ населенію изъ Петербурга и секретнымъ распоряженіемъ объ ослабленіи репрессій.

Борьба за вліяніе между ближайшими сотрудниками и совѣтниками графа при его безпринципности до-нельзя способствовала водворенію въ краѣ полнаго хаоса и широкаго произвола: каждая губернія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отдѣльные уѣзды, управлялись по особымъ законамъ или помимо законовъ, по усмотрѣнію; военныя, особыя и пр. положенія вводились и отменялись безъ видимыхъ основаній. Либеральныя начинанія стѣснялись реакціонными мѣрами и наоборотъ. Въ этотъ именно періодъ хаоса и мѣтъ пришлось неожиданно для себя 5 мѣсяцевъ управлять Кутаис-

ской губерніей. Я принялъ предложенный мнѣ постъ послѣ большихъ колебаній и долгихъ переговоровъ, заручившись полнымъ одобреніемъ моей программы, изложенной не только въ личныхъ бесѣдахъ съ графомъ, но и въ особой докладной запискѣ (27 мая 1905 г.), въ которой, между прочимъ, я утверждалъ, что революціонное движеніе въ Кутаисской губ., возникшее на почвѣ общегосударственныхъ и мѣстныхъ экономическихъ и правовыхъ неустойчивствъ, можетъ быть успокоено только путемъ широкихъ общегосударственныхъ и областныхъ демократическихъ реформъ, и что «задача администратора при этихъ условіяхъ сводится къ исползованію общаго подъема сознанія интеллигентнаго общества и народныхъ массъ съ цѣлю возможно плодотворной и спокойной разработки насущныхъ вопросовъ общественной жизни для участія въ предстоящей творческой работѣ по государственному устройству Россіи».

Въ числѣ выставленныхъ мною условій значились слѣдующія:

1) Военное положеніе и всякія охраны должны быть немедленно отмінены.

2) Агенты администраціи, проявившіе усердіе въ сферѣ произвола, подлежатъ увольненію.

3) Административные аресты, высылки и прочія репрессіи по отношенію къ политическимъ прекращаются.

4) Функционировавшія въ деревняхъ до введенія военнаго положенія выборныя судебныя и административныя организаціи могутъ возобновить свою дѣятельность безпрепятственно.

5) Власти будутъ проявлять полную терпимость къ сходкамъ, митингамъ и демонстраціямъ, когда они не угрожаютъ личной и имущественной безопасности обывателей (погромовъ).

6) Дѣйствія жандармской полиціи должны быть строго согласованы съ дѣйствіями губернатора.

Мое назначеніе состоялось въ началѣ іюля, но, не имѣя объ этомъ официальнаго уведомленія, я не вступалъ въ должностъ до 1-го августа.

16-го іюля въ совѣщаніи, на которомъ приглашенными общественными дѣятелями и членами совѣта подъ предсѣдательствомъ Намѣстника должны были быть рассмотрѣны проектированныя канцеляріей его основанія земскаго самоуправленія въ Закавказьѣ, мнѣ пришлось впервые встрѣтиться и столкнуться на критикѣ проекта съ г. Ширинкинымъ, злымъ врагомъ всякаго прогресса и злымъ гениемъ графа.

Распоряженіе объ отмініи военнаго положенія въ Кутаисской губ. и о расформированіи Ріонскаго отряда, несмотря на данныя мнѣ обѣщанія, заложено на нѣсколько дней, и городъ Кутаисъ находился подъ военною охраной до 11 августа.

Крупные земледѣльцы, часть горожанъ, преимущественно старыя чиновники и войско ожидали этого событія съ нескрываемымъ неудовольствіемъ, достигли апогея 7 августа, когда среди бѣлаго дня въ центрѣ города, въ городскомъ саду, при большомъ

¹⁾ Вилое, сентябрь.

стечении гуляющей публики и охранять был убит полковник Ходещий, батальонный командир Куринского полка. Убийца скрылся на глазах у всех. В появившихся прокламациях, подписанных «группой солдат социал-демократов» Куринского и Потийского полков», смертный приговор Ходещему объяснялся как акт возмездия, вызванный его строгим отношением и репрессиями по отношению к участникам группы, последовавшим вслед за возложением вика на гроб видного члена местной социал-демократической организации кн. Александра Цулукидзе. В город был распространён слух, что той-же организацией приговорены к смерти еще несколько офицеров того-же полка и что во время похорон в процессию будут бросать бомбы. В ближайше поспешающую за убийством полк. Ходещего дни вблизи лагеря Куринского полка на проезжей дороге были найдены два трупа по-селян. Молва приписывала их смерть мести куринцев. Возбуждение и той и другой стороны росло. Похороны прошли в строгом порядке, но тревога не улеглась до тех пор, пока Куринский и Потийский полки не были выведены из Кутаисской губ.

Взаимн этих полков и войск Рюнского отряда были присланы один пластунский батальон, по два батальона Кубинского и Навагинского полков и части 33-й дивизии (из Киевской губ.), Бессарабский и два батальона Херсонского полка, пулеметная рота, три батареи.

33-я дивизия была укомплектована запасными для отправления на Дальний Восток, а затмь направлена на Кавказ. Войска эти шли «вновь завоевывать» Закавказье и были изумлены, застава мирное население.

Часть этих сил, предназначенная для охраны линии желзной дороги, состоящая из завтывающих, вполне самостоятельных, Главного Штаба Кавказских войск, а позднее Жандармского Упр. Зак. ж. д., была расквартирована на вокзалах и служила причиной постоянных осложнений между озлобленными обстановкою и скучающими войсками и пассажирами. Другая часть, расквартированная в городах и мѣстцах, служила угрозой обитателям и разоряла их, вызывая непомырные расходы на приспособление помѣщений и удовлетворение других нужд, относимых законом на население при передвижении и расквартировании войск.

Несмотря на это, новый режим был встречен населением сочувственно, и опасения гг. аграриев, что съ упразднением репрессий крестьяне разорят их гнѣзда, не сбылись.

Митинги устраивались чаще прежнего, но проходили без осложнений. Народные суды и другя организации, о которых я упоминал выше, вышли из подполья и получили нѣкоторое право гражданства. Число политических убийств сократилось, а разгромы прекратились совсѣм.

Я ѣздил по губернии без всякой охраны, собирал шумы и встречал повсемѣстно радушный привѣтъ. Однако, доврѣ насе-

ления ко мнѣ не распространялось вверх на власть имущих. Отъ них оно ожидало только предательских актов. Дѣйствя умротворительных комиссій и сопровождающих их отрядов въ соседней Тифлисской губ. и Тифлисскя побища, события въ армяно-татарскихъ районахъ восточнаго Закавказья и наконецъ сплошная репрессия въ Батумской области давали постоянно богатый материалъ для оцѣнки политики графа на Кавказѣ и отнюдь не способствовали насаждению несбыточныхъ мечтанй о возможности достижения мирнымъ путемъ неотложныхъ реформъ.

Отношение населения къ правительству ясно обрисовалось на выборахъ уполномоченныхъ для разсмотрѣния проекта земской реформы въ уездныхъ и губернскихъ комиссіяхъ и въ оцѣнкѣ манифеста 6 августа.

Въ составъ этихъ комиссій входили представители всехъ имущихъ классовъ; они избирались по куріямъ. Выборы были прямыя въ уездныхъ и двустепенныя въ губернскихъ комиссіяхъ. Проектъ уполномачивалъ уездныхъ комиссій высказаться по вопросу о желательности введенія медкой земской единицы, намѣтить ея предѣлы, пересмотрѣть положеніе 1864 г. и проектировать измѣненія и дополненія, вытекающія изъ мѣстныхъ условий жизни, проверить списки имѣющихъ цензъ и пр. Губернскія комиссіи должны были сдать общую сводку работамъ уездныхъ и весь материалъ передать въ канцелярью Намѣстника.

Осуществленіе реформы назначалось на январь 1906 г.

Проектъ, какъ и все исходившее изъ нѣдръ канцелярій со времени пресловутой «весны», заключалъ много внутреннихъ противорѣчій, но онъ далеко выходилъ за предѣлы вождельнй мѣстныхъ людей всехъ классовъ конца девятыхъ и начала девятисотыхъ годовъ, когда даже дѣйствующее во внутреннихъ губернияхъ земское положеніе было-бы принято съ восторгомъ. Теперь въ 1905 году либеральный проектъ уже никого не удовлетворяетъ.

Періодъ выборовъ и засѣданій комиссій прошелъ бурно. На выборы представителей отъ крестьянскихъ обществъ созывались по 2—3 сельскихъ общества. Ораторами выступали какъ сторонники реформы изъ лагеря умѣренныхъ, такъ и представители крайнихъ лѣвыхъ партій.

Многя сельскія общества отказались отъ участія въ комиссіяхъ, мотивируя отказъ недоврѣемъ къ самодержавному режиму и узко-ословнымъ характеромъ предлагаемой реформы. Резолюціи большинства всехъ крестьянскихъ избирательныхъ собраній, вѣрше многолюдныхъ митинговъ, сошлись на томъ, что мѣстное самоуправленіе, не основанное на принципѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права при существующемъ государственномъ стройѣ, было-бы жалкимъ паллативомъ, безильнымъ измѣнить къ лучшему крестьянскую долю. Онѣ утверждали, что бюрократія, предлагающая теперь земскую реформу, имѣла скрытую цѣль привлечь въ свой лагерь буржуазію и менѣ стойкихъ изъ крестьянъ и полумѣрами остановить освободительное движеніе.

Конец сентября и начало октября протекали бурно, но не ознаменовались, особыми осложнениями. Крестьяне убрали кукурузу с арендованных земель и уплатили аренду согласно договору, но временно-обязанные наотрѣзь отказались отъ взноса галлы (часть урожая за право пользования землей). Большинство помѣщиков, несмотря на тяжелыя матеріальныя условия, въ которыхъ они очутились, не протестовали, сознавая, что насильственнымъ мѣромъ, направленнымъ противъ 24 тысячъ дѣлцовъ временно-обязанныхъ, вызвали-бы общій взрывъ негодованія и сдѣлали-бы невозможнымъ ихъ пребываніе въ селахъ. Доказательства были на лицо въ смежномъ Горійскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи. Тамъ въ сентябрѣ дѣйствовала умиротворительная коммиссія съ ген. Амилахвари (корпусный командиръ) и кн. Петромъ Грузинскимъ во главѣ¹⁾.

Коммиссію сопровождалъ всуду сборный отрядъ изъ казачьихъ, драгунскихъ и пѣхотныхъ частей. Нелюбимыя селенія наказывались экзекуціей и штрафами.

Уступая силѣ, крестьяне отдавали помѣщику галлу, но послѣ ухода отряда забирали всю наличность изъ помѣщичьихъ амбаровъ, а усадьбы сжигали.

Интересно, что вслѣдъ за умиротворительной коммиссіей всегда подвигались агитаторы. Они поддерживали въ массахъ духъ сопротивленія и придавали имъ стойкость.

Въ половинѣ октября, приблизительно въ теченіе мѣсяца ген.

Второе такое-же дѣло возникло по инициативѣ прокурорскаго надзора, которому раньше не вправлялся мой распоряженіемъ по тюрьмѣ.

Закъ, что они были строго законныя и отбывали только проповѣдь. Секретное дознаніе, выданное неистоволющимъ доносомъ одного изъ товарищей прокурора, если не ошибаюсь, не было заключено до моего увольненія отъ службы.

Какъ въ страню, по тюрьмѣ не переносила присутствія прокурорскаго персонала и во всѣхъ случаяхъ, когда въ стѣнахъ его возникало какое-либо недоразумѣніе, я приносивъ былъ удалять его или лично, или черезъ полиціеистера Кавантца, гуманнаго и симпатичнаго работника.

Возбужденіе буржуазнаго отношенія съ прокурорскихъ надзорахъ у меня установилось только съ прѣходомъ изъ Киева вѣны назначеннаго прокурора (Н. А. Толстикъ), послѣдовательнаго сторонника законности, но къ тому времени уже суть дѣйствительно окончательна.

Въ будущемъ я надѣюсь подробно ознакомить читателей „Визого“ съ тѣми условіями бюрократической среды, въ которыхъ мнѣ пришлось становиться въ качествѣ представителя либеральнаго режима. Здѣсь замѣчу лишь, что они характеризовались несомнѣннымъ началомъ, что въ бюрократическаго жажина настолько же преклоняла для работы внѣ сферы репрессій и производю, насколько неградоженъ паровой молотъ для тѣла матерій. Отмѣню и не въ эти рычаги и сила да побуждать. Иско, что обновленіе личнаго состава чиновниковъ не сдѣлаетъ бюрократію работящей и внѣ создаваема ее режима, да и самая возможность подобнаго обновленія по частямъ сомнительна. Въ бюрократическомъ организмѣ всѣ звенья связаны столь прочно, что безъ коренной ломки нельзя выковырять ихъ по одному. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ я предъ суду несколько человекъ, — дѣлъ стражинокъ полиціеистой стражи за стрельбу по наущенію въ соборѣхъ крестьянскія стокъ въ с. Гвантши, Шарованскаго уѣзда, въ результатъ которой были убиты и ранены, одного убожнаго начальнаго (Кетламова) за превышеніе власти и истязанія народа и дѣлъ полиціеистихъ крестьянъ за то же, но всѣ они несмотря на несовершеніе суда были постановлены въ тюрьмы и служить лежанки.

¹⁾ Обѣ — крупнейшіе помѣщики въ уѣздѣ.

Ширинкинъ выславъ изъ Горійскаго уѣзда въ Архангельскую и др. губерніи около 600 человекъ¹⁾.

Вѣсти о расправѣ въ Горійскомъ уѣздѣ быстро распространились по селамъ Кутаискій губ. и поддерживали возбуденное настроеніе. Но эти вѣсти имѣли лишь второстепенное значеніе. И безъ нихъ общій подъемъ былъ очень великъ.

Въ сентябрѣ начались кое-какъ занятія въ среднихъ школахъ, но несмотря на предоставленныя учащимся льготы, на нѣкоторое давленіе со стороны родителей и существенныя улучшенія въ методахъ преподаванія, они прерывались постоянными вспышками молодежи. Въ низшихъ школахъ къ занятіямъ даже не приступали. Учебный персоналъ, не довольствуясь предоставленнымъ сельскимъ школамъ правомъ преподаванія на родномъ языкѣ, потребовалъ радикальныхъ измѣненій программъ.

На митингахъ выяснилось отношеніе крестьянства къ предстоящему въ ноябрѣ рекрутскому набору. Кое-гдѣ на митинги собирались съ оружіемъ въ рукахъ. Были случаи нападенія изъ засады и разоруженія стражинокъ полиціеистой стражи.

На участкѣ Закавказья, жел. д. западнѣ ст. Самтредіи неизвѣстные вооруженные остановили въ пути товарный поѣздъ и, велѣвъ оберкондуктору отпереть указанный ими вагонъ, взяли изъ него ящики съ революционными патронами.

Участились и уголовныя преступленія: хорошо вооруженные хулиганы, пользуясь общимъ броженіемъ, нерѣдко прикрывались политическимъ знаменемъ.

Гурія, имѣвшая наиболее совершенную народную организацию, боролась съ грабежами успѣшно, но ея порочные члены, изгнанные за прѣделы уѣзда, нашли убежище въ Чіатурахъ рудникахъ и въ сообществѣ съ хулиганствующимъ элементомъ Имеретіи, совершали грабежи въ Чіатурахъ, въ Шаропани, въ Квирилахъ, въ Кутаискѣ и др. мѣстахъ. Въ Чіатурахъ была ограблена почтовая контора на 40 тысячъ рублей, присланныхъ марганцевопромышленниками для расплаты съ промышленными рабочими, тамъ-же дважды ограбили одного изъ марганцевопромышленниковъ, въ Кутаискѣ среди бѣга дня на людной улицѣ, въ центрѣ города, отняли у артелишка Азовско-Донск. банка сундукъ съ деньгами, пересылаемыми въ казначейство. Въ Квирилахъ ограбили и убили кассира товарной станціи Залдастана. Только одно изъ этихъ преступленій было отчасти раскрыто полиціей, и ей удалось найти похищенный сундукъ съ деньгами Азовско-Донск. банка; но похитители скрылись. Однако и эта волна грабежей шла недолго. Въ концѣ октября и въ ноябрѣ большинство грабителей было изловлено, и многие изъ нихъ казнены населеніемъ. Полиціи доставались только трупы разстрѣлянныхъ; ихъ приносили и укладывали на большихъ тропкахъ дорогахъ.

¹⁾ По манифесту объ амнистии всѣ высказанные вслѣдъ были возвращены назадъ, частью съ пути, частью съ мѣстъ ссылки.

Теперь, в момент общей подавленности и затишья, не художнику трудно набросать полную картину октябрьских переживаний. Надвигалась стихия и всё чувствовали ее мощь, вбродили, что она порвет и разметет окопы, в которых задымалась жизнь: ждали только сигнала. Он последовал 14 октября.

15-го октября как в городах, так и в селах началась полная политическая забастовка. В 12 часов дня прекратилось железнодорожное движение, закрылись магазины, рестораны, скрылись биржевые извозчики, водовозы... улицы опустели. Забастовали многие мелкие служащие в общественных и правительственных учреждениях. Работали только хлебопекарни. Телеграф большей частью бездействовал, так как крестьяне перерывали провода и чинить повреждения было трудно; между тем, стоящая молва распространяла слухи о кровопролитном столкновении в Гурии и о невзрывных событиях в Тифлисе и в столицах...

Попытки к восстановлению движения силами железнодорожного батальона тоже не привели к цели. На 3 или 4-й день забастовки изъ Кутаиса по направлению к Батуму был отправлен воинский поезд с двумя ротами Кубинского полка для охраны пути, но на пятой версте, на крутом изгибе пути он потерпел страшное крушение. Неопытный военный машинист шел с большой скоростью и насочив на развинченный рельс, долго не мог задержать поезд. Десять или двенадцать солдат пали жертвою этого крушения, но мартиролог этим не закончился. Обезумевшие солдаты, выскочив из вагонов, открыли стрельбу по собравшимся на большом расстоянии за р. Рионом окрестным поселенцам и убили несколько человек.

Бывшие в поезде офицеры показали на судебном следствии, что в момент крушения вагоны были обстреляны из толпы, но этот факт при мнѣ не был установлен. Арестованные из толпы послѣ допроса были освобождены.

Описанное событие, тревожные слухи, оторванность от мира и сознание значения переживаемого политического момента довели нервы до наивысшего напряжения. Время тянулось мучительно медленно. Каждый день казался вѣчностью.

21-го октября днем начальник почтово-телеграфной конторы Рябинский сообщил мнѣ по телефону, что в Тифлисе получен какой-то манифест; а вечером того-же дня я узнал его содержание изъ дошедших к нам отрывков агентской телеграммы. Ее принимал с аппарата самъ Рябинский и настолько растерялся, что обратился ко мнѣ с вопросом не должнъ-ли онъ хранить тайну впредь до моих распоряжений.

Я затребовал проверки и восстановления пропусков, но состояние телеграфа было таково, что ждать скорыхъ отвѣтовъ было трудно. Пришлось распространить вѣсть в томъ видѣ, въ какомъ она была получена и горожане узнали о ней черезъ часъ. Всюду, куда было возможно, были разосланы отчетки, изготовленные

на mimeографъ ¹⁾. Восстановленный текстъ получился лишь черезъ 2—3 дня.

21-го вечеромъ впервые поступила просьба о разрѣшеніи устройства митинга въ городскомъ саду на основаніи правилъ о собранияхъ 12-го октября; до манифеста эти правила бойкотировались.

На митингахъ 22-го и 23-го октября многотысячная толпа горожанъ обсуждала значеніе акта 17-го октября. Надъ трибуной ораторы разбивались красная знамена рабочей партіи, но слабѣя попытки устройства демонстративныхъ шествій были безъ труда простой просьбой удержаны 22-го полицеймейстеромъ Климентовымъ, а 23-го мною. Оба митинга закончились къ 3-мъ часамъ дня и горожане разошлись въ полномъ порядкѣ.

Манифестъ 17-го октября не удовлетворилъ массы. Ихъ основное требованіе всеобщаго избирательнаго права—не осуществилось. Не было также и намека на амнистію по политическимъ проступкамъ, и волненіе не улеглось. Витерованная резолюція не оставила въ этомъ сомнѣнія, но у многихъ народилась вѣра въ возможность дальнѣйшей мирной борьбы. Она исчезла такъ же быстро, какъ и зародилась. Но объ этомъ будетъ ниже.

Митинги по полученіи манифеста собирались и въ селахъ. Опину одинъ изъ нихъ.

На 22-е октября былъ назначенъ въ с. Сапаро въ 2-хъ верстахъ отъ м. Квирилы, административнаго центра Шаропанскаго уѣзда вооруженный митингъ. Было предложено принди всѣмъ у кого есть хоть какое-либо оружіе для учета силъ, на которія въ данной мѣстности можно рассчитывать въ случаѣ необходимости перехода къ вооруженному возстанію. Митингъ предполагался очень многолюдный. Не сочувствующая революціонному движенію часть населенія ожидала его съ трепетомъ. Ходили вздорные слухи, что вооруженные крестьяне соберутся одновременно изъ деревень въ мѣстечкѣ, разрушатъ правительственныя учрежденія и железнодорожный вокзалъ. Многие боялись грабежей.

Настроеніе казачьей сотни и пѣхотныхъ ротъ расположенныхъ по линіи желѣзной дороги, вслѣдствіе забастовки и этихъ слуховъ, было слишкомъ нервнымъ и вызвало справедливыя опасенія весьма вѣроятнаго кровопролитія. При такихъ условіяхъ въ ночь съ 21-го на 22-е была доставлена телеграмма ²⁾ губернатора съ извѣстіемъ о манифестѣ. Несмотря на забастовку, она была отпечатана утромъ 22-го на русскомъ и грузинскомъ языкахъ и распространена среди населенія.

Собравшіеся въ Сапаро участники митинга послали къ уѣздному начальнику делегатовъ съ просьбой *разрѣшить* имъ собраться въ Квирилахъ; разрѣшеніе последовало. Митингъ былъ обыкновенно многолюднымъ и продолжался болѣе шести часовъ. Говорили

¹⁾ Всѣ телеграфы до губернской включительно багомали.

²⁾ Для того, чтобы сохранить хотя бы одинъ проводъ телеграфа, приемъ которыхъ долженъ былъ прекратиться за нѣсколько дней до описаннаго дня.

о смысле и значении манифеста и переживаемого момента; было решено не прекращать забастовки до тех пор, пока не будут получены известия из России о дальнейшей революционной тактике пролетариата.

Вечером рабочие ст. Шаропань возвращались из Квирилы по домам с красными флагами и революционными пьесами. Увидев флаги и услышав пьесы, офицер Тенинского полка, охранявший ст. Шаропань, выстроил солдат и дал распоряжение, стрелять. К счастью, он во время отменил свое распоряжение, и дѣло на этот раз обошлось без кровопролития; однако в ту же ночь возмущенные солдаты обстрѣляли дома селения, выпустив болѣе 200 выстрѣлов, которыми, впрочем, никто не был ранен.

Съ 24 октября забастовка въ губернии прекратилась, но побѣда пошла только до Кутанса, такъ какъ западнѣе, какъ увидали, путь и телеграфъ были сильно повреждены. На самомъ дѣлѣ движеніе на западномъ участкѣ не восстанавливалось съ цѣлью затрудненія доступа въ Гурію карательной экспедиціи, если-бы таковая была послана. Судьба идущей во главѣ движенія Гуріи тревожила всѣхъ, такъ какъ проникшія оттуда вѣсти говорили объ уничтоженной повстанцами сотнѣ казаковъ, о гибели уѣзднаго начальника и мирового судьи и т. п. Было очевидно, что, если молва и преувеличила событія, то все-же тамъ произошло нѣчто серьезное. Въ числѣ повстанцевъ тамъ было до двухсотъ военныхъ дезертировъ съ трехлинейными ружьями. Были и бомбы.

Не получая никакихъ свѣдѣній отъ мѣстной администраціи, я рѣшилъ немедленно и лично разслѣдовать положеніе дѣла и выѣхать въ Гурію въ экипажѣ. На почтѣ въ Самтреди, на границѣ Гуріи, мнѣ удалось выяснитъ сущность происшедшихъ осложненій. Новая, заслуживающая довѣрія свѣдѣнія подтверждали фактъ столкновенія, но уничтоженіе сотни пластунцовъ и смерть уѣзднаго начальника и судьи оказались вымысломъ. Тутъ-же, въ Самтреди я получилъ телеграмму отъ вице-губернатора о распоряженіи намѣстника, объявлявшемъ Кут. губ. на военномъ положеніи и о назначеніи ген-губернаторомъ начальника 20-ой дивизіи ген.-лейт. Н. Ѳ. Шишковскаго. Продолжать службу при военномъ положеніи я считалъ невозможнымъ и на слѣдующій день вернулся въ Кутансь.

Какова-же была моя досада и удивленіе, когда дома я засталъ вторую телеграмму Намѣстника, отменившую сдѣланное распоряженіе! На слѣдующій день я вновь выѣхалъ въ Гурію. Моиими спутниками были чиновникъ особыхъ порученій, знакомый гуріецъ и камердинеръ. Характерно, что моя побѣдка безъ полицейской или военной охраны разсматривалась мѣстными русскими какъ безразсудный актъ, опасный и роняющій престижъ власти! Мнѣ предсказывали плѣнъ или смерть. Приемъ, оказанный мнѣ гурійцами, не оставлялъ желать ничего лучшаго: я ѣздилъ окруженный почетной охраной изъ крестьянъ, велъ бесѣды съ ихъ представителями и пользовался истинно грузинскимъ гостеприимствомъ.

Въ сел. Чахатаури мнѣ сообщили подробности перваго акта

разыгравшейся драмы. 16 октября гуріицы окружили полицейскій домъ и почтовую контору и потребовали отъ полицейскихъ стражниковъ выдачи оружія. Произошла перестрѣлка, въ результатѣ которой 2 стражника были убиты, 2 ранены; овладѣвъ оружіемъ и забравъ въ плѣнъ остальныхъ стражниковъ, они скрылись.

Узнавъ объ этомъ инцидентѣ, уѣздный начальникъ Лазаренко во главѣ сотни пластунцовъ отправился изъ г. Озургетъ въ сел. Чахатаури.

Не задолго передъ этимъ Лазаренко, перепуганный событіями, высматривалъ путями ко мнѣ и въ Батумъ цѣлый рядъ пакетовъ съ просьбами о присылкѣ въ уѣздъ, въ подкрѣпленіе квартировавшему тамъ баталіону пластунцовъ, горной батареи и 2-хъ конныхъ казачьихъ сотенъ. *Всѣ пакеты были перехвачены*, и въ населеніи сложились увѣренности въ неизбежности разгрома.

Выступленіе Лазаренко съ пластунами подтвердило эту увѣренность, и гуріицы рѣшили принять бой.

На разсвѣтѣ въ день прихода отряда въ сел. Чахатаури они арестовали пристава и увезли его въ горы, въ сел. Суреди. Этотъ арестъ, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, былъ вызванъ желаніемъ избавитъ пристава, противъ котораго не было злобы, отъ необходимости участія въ карательной экспедиціи Лазаренко. По показанію пристава, котораго освободили изъ плѣна черезъ несколько дней, съ нимъ обращались хорошо и предоставляли возможныя удобства.

Отрядъ засталъ село пустымъ. Тамъ оставались лишь мировой судья съ женою, врачъ, начальникъ почтовой конторы и персоналъ пріемнаго покоя. Коренные жители ушли въ горы. Дѣлать было нечего и, отдохнувъ въ теченіе ночи, Лазаренко съ отрядомъ отправился въ обратный путь. Съ нимъ поѣхали мировой судья съ супругой.

20 октября къ ночи отрядъ, имѣя впереди авангардъ изъ полицейскихъ стражниковъ и обозъ, подошелъ къ горному перевалу Насакерали и здѣсь былъ встрѣченъ размистами ¹⁾.

Въ авангардъ бросили бомбы, которыми были убиты и ранены нѣсколько стражниковъ и казаковъ.

Нѣсколько казаковъ были плѣнны.

Отрядъ Лазаренко свернулъ въ сторону, на открытое мѣсто у рѣки и провелъ тамъ ночь, а утромъ занялъ позицію на удобномъ для обстрѣла мѣстности холмѣ и притовчился къ битвѣ.

Размисты частью расположились на сосѣднемъ лѣсистомъ склонѣ, частью же окружили отрядъ. Къ нимъ присоединились и безоружные крестьяне, присутствіе которыхъ придавало осаждавшимъ видъ многочисленной рати. Размисты стояли на такомъ разстояніи, что ихъ пули не долетали до пластунцовъ. Стрѣляли изрѣдка. Пулями казаковъ было убито двое. Третьей погибшій изъ гуріицевъ былъ застрѣленъ своими-же за мародерство. Такъ протекъ день 21 октября;

¹⁾ Дзегел — разми — красная дружина, боевая революціонная дружина.

вечером въ станъ размистовъ прибылъ гонецъ съ манифестомъ и вслѣдствіе этого ночью осаждаемые разсѣялись.

Въ то-же время, т. е. 21-го днямъ озургетскіе пластуны, узнавъ о происшедшемъ, отправили на выручку осажденнымъ вторую сотню. По пути этой сотней было убито нѣсколько человекъ крестьянъ, но озлобленіе среди казаковъ достигло предѣла, когда они встрѣтили отрядъ Лазаренка, подвигавшійся къ Озургетамъ съ ранеными и убитыми.

Раздѣлившись на два отряда, они сожгли около ста дворовъ въ расположенныхъ по пути селахъ. Черезъ нѣсколько дней всѣ плѣнные были доставлены въ городъ. Они содержались отдельно и въ плѣну почитались гостями. Въ бытность мою въ Озургетахъ я слышалъ объ этомъ отъ батальоннаго командира. Всего пострадавшихъ въ Насакеральской стачкѣ пластуновъ и полицейскихъ стражниковъ было восемь человекъ.

Почти одновременно съ Насакеральской стачкой было произведено нападеніе на стражниковъ, вѣхавшихъ на вагонеткѣ по желѣзнодорожной линіи близъ Нотанеби, закончившееся тремя или четырьмя жертвами.

Во время поѣздки, въ селеніи Нагомари вѣдательные уполномоченные отъ сельскихъ обществъ вручили мнѣ резолюцію, опредѣляющую отношеніе гурійцевъ къ манифесту и ихъ дальнѣйшую тактику. Манифестъ 17 октября признавался хотя и не удовлетворяющимъ многимъ основнымъ требованіямъ народа, но все-же *конституціоннымъ* актомъ, вслѣдствіе чего бойкотъ, объявленный несуществующему больше самодержавному правительству, становился анахронизмомъ, но онъ отменялся лишь при томъ условіи, если образъ дѣйствій правительства будетъ действительно конституціоннымъ. Дальнѣйшую борьбу за осуществленіе политическихъ идеаловъ народа при наличности конституціи гурійцы находили возможнымъ вести парламентскимъ путемъ.

Въ тотъ-же день вечеромъ я получилъ уведомленіе о новомъ уклоненіи курса въ политикѣ графа Воронцова. Объявленное и тотчасъ отмененное, почти накануне, военное положеніе безъ всякой видимой причины возстановилось опять. Недовѣріе народа къ власти получило новое основаніе. Въстѣ о военномъ положеніи распространялась всюду и въполнола населеніе губерніи. Движеніе на всемъ западномъ участкѣ желѣзной дороги остановилось.

На станціи Самтредиа, гдѣ мнѣ пришлось провести ночь съ 30 на 31-е октября на пути изъ Гуріи въ Кутаисъ, рано утромъ ко мнѣ пришли выборные отъ жителей мѣстечка и желѣзнодорожныхъ рабочихъ съ просьбою разрѣшить митингъ и разъяснить имъ манифестъ 17 октября. Часа черезъ три на площади близъ церкви собралось много тысячъ имеретинъ и мингрельцевъ изъ окрестныхъ селъ и желѣзнодорожные служаки¹⁾. Въ центрѣ круга, образованнаго участниками митинга, на столѣ стоялъ ораторъ; возлѣ него

на скамьѣ сидѣлъ предсѣдатель митинга. Предсѣдатель велъ запись ораторовъ, слѣдя за очередью и велъ собраніе въ образцовомъ порядкѣ. Тишина возобновлялась ударами карандаша по столу. На митингъ были и русскіе, не знающіе грузинскаго языка. По виду этого каждая рѣчь произносилась по-грузински и по-русски или переводилась съ одного языка на другой. Знающіе оба языка слѣдили за точностью перевода и вносили поправки.

Манифестъ былъ прочтенъ тоже на двухъ языкахъ и послѣдовавшее за чтеніемъ обращеніе ко мнѣ имѣло толпы вопросы свидѣтельствуя о высокой степени сознательности слушателей.

Въ заключеніе митингъ вотировалъ резолюцію, по смыслу тождественную съ гурійской, но съ добавленіемъ, что объявленное военное положеніе и предстоящая репрессія въ Гуріи, если они не будутъ отменены, послужатъ лучшимъ доказательствомъ эфемерности нашей конституціи и побудятъ населеніе вернуться къ оставшейся мнѣ революціонной тактикѣ.

Собравшіеся предложили мнѣ поѣздъ до Тифлиса и обратно и просили принять мѣры къ устраненію угрожающихъ Гуріи бѣдствій. Черезъ часъ я вмѣшалъ въ Кутаисъ на экстренномъ поѣздѣ, сопровождаемый делегатами отъ всѣхъ службъ дороги. Стоя у оконъ въ смежномъ съ моимъ вагономъ, они при помощи знакомъ переговаривались съ дорожными сторожами и узнавали состояніе пути. Только съ такимъ составомъ поѣздъ могъ рассчитывать дойти благополучно до Тифлиса во время забастовки.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Самтредиа, на полустанкѣ, стоялъ воинскій поѣздъ, вѣзшій изъ Тифлиса въ Гурію первый эшелонъ карательнаго отряда ген. Алиханова-Аварскаго, Машиниста и кондукторскую бригаду замѣняли нижніе чины желѣзнодорожнаго батальона.

На полпути въ Михайловѣ я засталъ второй такой-же поѣздъ. Здѣсь солдаты, преимущественно запасные, были прикладаны какого-то рабочаго. Приказаніе батальоннаго, а затѣмъ и полковаго командира подѣйствовали не сразу и вызвали нескрываемый ропотъ солдатъ. Настроеніе войска было угрожающимъ.

День спустя одинъ изъ двухъ воинскихъ поѣздовъ, идущихъ другъ за другомъ вслѣдъ, по винъ замѣняющаго начальника станціи Дзирулы офицера, потерпѣлъ на станціи крушеніе. Перепуганные солдаты открыли ружейный огонь и перестрѣляли работающихъ вблизи на поляхъ крестьянъ (5—6 человекъ). Въ ихъ числѣ былъ мальчикъ со штыковой раной.

Мой пріѣздъ въ Тифлисъ задержалъ въ Кутаисскую губ. помощника Намѣстника ген. Маламы съ тремя представителями Тифлисскаго Общества изъ Гурійскихъ дворянъ, имѣвшихъ цѣлью успокоеніе общественнаго мнѣнія. Поѣздъ для ген. Маламы былъ *наряженъ стачечнымъ количествомъ* и уполномоченный комитетомъ машинистъ С. Дolidзе отдалъ по телеграфу распоряженіе по станціямъ о безпрепятственномъ пропускѣ этого поѣзда. Телеграмму Dolidze показывалъ мнѣ въ засѣданіи у Намѣстника гене-

¹⁾ Самтредіа и востерскія—горы по численности поѣздъ тифлискихъ.

раль Ширинкинъ. Поѣздка комисси не состоялась, такъ какъ надобность въ ней миновала. Да и по существу она была задумана неосторожно: ни ген.-лейт. Малама, ни тѣмъ болѣе остальные члены комисси, представители бойкотуемого дворянства, не могли разсчитывать на какой-бы то ни было успѣхъ въ населеніи.

Въ Тифлисѣ для меня выяснилась причина непонятныхъ колебаній въ тактикѣ графа, всей этой странной комедіи съ военнымъ положеніемъ. Она вытекала изъ борьбы двухъ партій приближенныхъ. Къ одной изъ нихъ, требовавшей сохраненія status quo ante, присоединилось общественное мнѣніе.

Въ короткій промежутокъ времени графъ получилъ нѣсколько петицій отъ городовъ Кутаиса, Поти, Тифлиса и др.; пріѣхали депутации отъ думы, дворянства, отъ Кутаисскихъ чиновниковъ, отъ крестьянскихъ сельскихъ обществъ Юрской Кахетіи и пр.

Живописная группа выборныхъ отъ крестьянъ верхомъ подѣхала къ дворцу въ то время, когда вопросъ объ отмініи карательной экспедиціи въ Гурію по моему ходатайству былъ почти рѣшенъ. Успокоенные депутаты уѣхали ликующе.

Окончательное рѣшеніе вопроса послѣдовало только въ вечернемъ засѣданіи. Графъ обещалъ мнѣ немедленно отозвать посланный войска, замѣнить пластунскій батальонъ въ Озургетахъ другою воинской частью, отмінить военное положеніе и предать забвенію Наскеральское дѣло.

Опасность дальнѣйшаго пребыванія въ Гуріи раздраженныхъ пластуновъ и крайне недисциплинированныхъ, недовольныхъ призывомъ на службу запасныхъ, коими были укомплектованы части карательнаго отряда, было столь очевиднымъ, что распоряженія объ отозваніи тѣхъ и другихъ послѣдовали на слѣдующій же день; я поручился за то, что вслѣдствіе состоявшагося рѣшенія забастовщики встанутъ на работу и доставятъ войска обратно въ Тифлисъ безъ замедленій. Это ручательство вызвало ядовитыя замѣчанія Ширинкина.

Мой специальный поѣздъ (делегатскій), привезенныя резолюціи и полученная у графа личная телеграмма во время забастовки въ его представленіи казались дополнительными противъ меня уликами.

Засѣданіе, отмінившее военное положеніе въ Кутаисской губ., закончилось 2 Ноября около 11 часовъ ночи¹⁾; къ этому времени въ гостиницѣ меня ожидали уже представители прессы, члены пріѣхавшихъ депутатій и просто интересующіеся лица. Радость была искренней и, несмотря на крайнее утомленіе, я могъ закончить приемъ все прибывающихъ съ привѣтствіями и поздравленіями лишь поздней ночью.

Утромъ 3-го ноября желѣзнодорожные рабочіе, служащіе депо и мастерскихъ и часть Тифлискаго пролетаріата, всего — тысячъ

десять человекъ, провожали меня со станціи Тифлисъ. Поѣздъ отбылъ очень медленно подъ звуки духового оркестра изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и нѣсколькихъ хоромъ. Горячія сердечная рѣчи ораторовъ покрывались привѣтственными кликами многотысячной толпы провожавшихъ. Такая же встрѣча ожидала меня въ Михайловѣ и въ Квирилахъ. Въ Гори мы застали вокзалъ запруженнымъ войсками, и во избѣжаніе осложненій горійцы ограничились выраженіемъ ихъ чувствъ присылкою депутатіи. Въ предѣлахъ Кутаисской губерніи мы были уже ночью. Станціи и полустанки освѣтились смольными факелами. На перронахъ стоялъ народъ, женщины, дѣти въ праздничныхъ одеждахъ со свѣчами въ рукахъ... Сердечныя рѣчи, простыя, но искреннія и общая радость были моей наградой за сильное исполненіе долга.

День 3-го ноября сталъ навсегда однимъ изъ памятныхъ радостныхъ дней въ моей жизни.

В. Старосельскій.

¹⁾ Въ тотъ-же день состоялось распоряженіе объ отмініи военного положенія и расформированіи карательнаго отряда въ Карталинѣ (Горійскій уѣздъ, Тифлисской губерніи).

Къ дѣлу В. И. Засуличъ.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ
Господину Прокурору С.-Петербургской
Судебной Палаты.

КАНЦЕЛЯРІЯ
СТОЛЬ

Марта 31 дня
1878 года

№ 4843.

С.-Петербургъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ 31-го сего марта ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть соизволилъ: дочь отставнаго капитана дѣвицу Вѣру Ивановну Засуличъ взять подъ стражу и содержать ее въ домѣ предварительнаго заключенія впредь до особаго распоряженія.

Прошу Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе о немедленномъ приведеніи таковой — ВЫСОЧАЙШЕЙ воли въ исполненіе.

Министръ Юстиціи

Статсъ-Секретарь Гр. ПАЛЕНЪ.

Управляющій канцеляріей Бар. КОРФЪ.

Помѣта прокурора палаты: Доложить Его Святѣльству, что Засуличъ уже освобождена и что мною лично сообщено г. Градоначальнику объ исполненіи ВЫСОЧАЙШЕЙ воли.

Карійская пѣсня, приписываемая Минакову.

Въ мое время (1882—1883 гг.) на Карѣ была очень популярна пѣсня, которую я теперь воспроизвожу. Говорили, что и слова, и музыка этой пѣсни принадлежать Минакову. Въ то время онъ еще былъ на Карѣ, и лишь впоследствии его перевели въ Шлиссельбургъ, гдѣ, какъ извѣстно, онъ былъ разстрѣлянъ за то, что ударилъ одного изъ своихъ тюремщиковъ.

Для лирич. интересующихся словами больше, чѣмъ музыкой, считаю нужнымъ привести пѣсню здѣсь отдѣльно отъ мелодіи. Вотъ она:

Прости, несчастный мой народъ,
Простите, добрые друзья!
Мой часъ насталъ, палачъ ужъ идетъ,
Уже колыхается петля!

* * *

И если прежде не впоишь
Тебѣ на подвѣу я служить,—
Прости, народъ, теперь ты мнѣ:
Тебя я непремѣно люблю!

* * *

Прости... прости... Петля ужъ жметъ,
Въ глазахъ темно... Ходонетъ прощанье...
Ура! Да здравствуетъ народъ,
Свобода, разумъ и любовь!

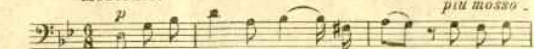
Я долженъ сказать, что не встрѣчалъ непреодолимыхъ указаній на то, что приводимая пѣсня, — назовемъ ее «На Эшафотъ», — принадлежитъ Минакову. И я даже не могу припомнить, отъ кого именно я слышалъ, что Минаковъ — авторъ словъ и композиторъ мелодіи. Но съ другой стороны я утверждаю, что при мнѣ никогда и никто не приписывалъ ее другому кому-нибудь и даже не возражалъ противъ предположенія, что она — плодъ творчества Минакова.

НА ЭШАФОТЪ.

КАРИЙСКАЯ ПѢСНЯ, ПРИШКОМЪ ВАЕМАЯ МИНАКОВУ.

Moderato.

Записоваль Н.А.ВИТАШЕВСКІИ.

Про.ста, не .счаст.ный мой на . родъ! Про.ста, те,

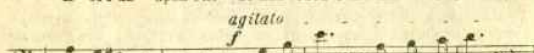
до . бры . е дру . зья! Мой часъ на . стая, на . ладъ ужъ ждетъ.

У же хо . дятъ . шет . ся пел . ля, У же хо . дятъ . шет . ся пел . ля.

И со . да праж . ле ко . вло . жъ изъ . Те . бѣ на

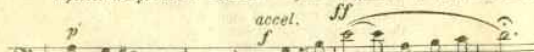
пользу я слу . жила, Про . ста, на . родъ, та . перъ ты мѣ:

Те . бѣ я ис . кро . ю . но лю . биль! Те . бѣ я ис . кро . ю . но лю . биль!

Про . ста... Про . ста... Пел . ля ужъ ждетъ... Въ гад . захъ ток .

...но... хо . до . вѣтъ врозъ... У ра! Да адръ . ству . етъ на . родъ,

Сво . бо . да, ра . зумъ и лю . бови! Сво . бо . да, ра . зумъ и лю . бови!

24 Сентября 1906 г.

«Крым»

Насколько я знаю Минакова и понимаю слова и музыку пѣсни «На Эшафотъ», я легко допускаю, что Минаков мог ее написать. Несомнѣнная наличность чувства, но чувства неглубокаго и не ярко (я бы даже сказала: немного вулгарно) выраженнаго—вотъ признаки, по которымъ я допускаю принадлежность этой пѣсни Минакову.

Но если даже пѣсня эта ошибочно приписывается Минакову, то все же опубликованіе ея представляетъ извѣстный интересъ, такъ какъ почти несомнѣнно, что она является продуктомъ творчества Кары, и во всякомъ случаѣ карійцы ее очень любили,—охотно пѣли и слушали.

По отношенію къ интерваламъ мелодіи, за безусловное соотвѣтствіе написаннаго мною теперь тому, что я когда-то слышалъ на Карѣ, я готовъ поручиться. Мелодію эту я очень часто вспоминалъ въ теченіи всѣхъ 23 лѣтъ, протекшихъ со времени выхода моего съ Кары, и нѣрѣдко про себя напѣвалъ.

Что касается ритма, то, какъ извѣстно, у самоучекъ онъ довольно часто хромаетъ, и здѣсь мнѣ пришлось уже не только «припоминать», но и согласовывать то, что я слышалъ когда-то отъ разныхъ лицъ, съ извѣстными законами ритмическаго сочетанія звуковъ въ мелодіи. Насколько удачно справился я со своею задачею,—объ этомъ пусть судятъ другіе.

То же самое долженъ сказать и относительно принятой мною нюансировки.

Наконецъ, касаясь тональности, въ которой приводится предлагаемая мелодія, замѣчу, что мое музыкальное чувство подсказываетъ мнѣ, что лучше всего пѣсня выходила бы въ *до-мажорной* гаммѣ. И когда я ее записывалъ для себя въ первый разъ, то взялъ именно эту тональность. Но для воспроизведенія въ печати я предпочелъ написать пѣсню въ *си-бемоль-мажорной* гаммѣ. Руководился я при этомъ слѣдующимъ соображеніемъ.

Голосъ у Минакова былъ необыкновенно мягкій, прямо-таки бархатный басъ,—*basso cantante*. Но онъ не отличался ни силой, ни высотой. И я полагаю, что Минаковъ не могъ исполнять ее въ тональности *до-мажорной*: у него не хватило бы голосу взять *fa*. При обычномъ, не усиленномъ напряженіи своего органа Минаковъ бралъ, вѣроятно, совершенно свободно лишь *ли-бемоль*. А мнѣ хотѣлось записать мелодію именно такъ, какъ она исполнялась Минаковымъ. Такимъ образомъ, всю мелодію, которая, какъ я сказалъ, лучше всего выходила бы въ *до-мажорной* гаммѣ, пришлось понизить на одинъ тонъ,—а это значитъ написать мелодію въ *си-бемоль-мажорной* гаммѣ. Такимъ образомъ, мелодія въ томъ видѣ, какъ она мною здѣсь приводится, представляетъ собою точное воспроизведеніе того, что я слышалъ, не только по своей музыкальной конструкціи, но и по тональности, въ которой, по всей вѣроятности, мы, карійцы, слышали ее въ исполненіи Минакова.

Не трудно было бы гармонизировать эту, въ сущности довольно простую мелодію. Но это для читателей «Былого» не представило

бы интереса, такъ какъ было бы уже лично моимъ творчествомъ позднѣйшаго происхожденія, ничего общаго съ жизнью и настроеніемъ каріицевъ не имѣющимъ. Замѣчу, впрочемъ, что гармоническія сочетанія звуковъ сопровождающаго инструмента для этой пѣсни у меня уже намѣчены; и аккомпаниментъ будетъ мной обработанъ для сборника русскихъ пѣсенъ и романсовъ, изображающихъ душевное состояніе въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ и въ изгнаніи,—если только этотъ сборникъ когда-нибудь мнѣ удастся выпустить въ свѣтъ.

Н. Виташевскій.

25 сентября 1906 г.
„Кресты“.

М. Р. Гоцъ.

(Памяти дорогаго друга).

Я не буду говорить о молодомъ Михаилѣ Рафаиловичѣ Гоцѣ, какимъ онъ былъ въ періодъ ранней юности. Объ этой порѣ его жизни намъ расскажутъ другіе его товарищи. Я познакомился съ Гоцемъ въ то время, когда онъ пріѣхалъ за-границу, послѣ своей долгодѣтельной ссылки, уже прострѣленный солдатскою пулей въ Якутскѣ и похоронившій свою молодость въ Акатуйскомъ острогѣ.

Первый разъ я встрѣтилъ Гоца въ Парижѣ, на засѣданіи той небольшой комиссіи, которой были поручены подготовительная работа, связанная съ постановкой памятника на могилу Даврова. Я увидѣлъ вошедшаго среди уже начавшагося засѣданія незамѣтнаго по виду человѣка, небольшого роста, съ очень простыми манерами. Многія выдающіяся и даже блестящія стороны Гоца никогда не бросались сразу въ глаза. Это былъ очень скромный человѣкъ и одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые совершенно не заняты сами собою. Мы встрѣтились съ нимъ, какъ старые товарищи.

Вскорѣ послѣ того онъ привлекъ мое вниманіе на рефератѣ о Михайловскомъ, читавшемся въ Парижѣ однимъ социаль-демократомъ. Гоцъ вошелъ въ залу въ серединѣ реферата, но попросилъ слова сейчасъ же послѣ его окончанія и сталъ говорить видимо безъ всякой подготовки. Его рѣчь была очень проста и лишена политическихъ рѣзкостей, но онъ указалъ референту на упущенныя имъ стороны въ социологическихъ построеніяхъ Михайловскаго, причемъ ссылаясь на тексты и цитируя на память нѣкоторыя резолюціи нѣмецкой социалистической партіи. Слушатели не могли не обратить серьезнаго вниманія на эту простую рѣчь представителя несоціалдемократической мысли.

Тогда, какъ въ Россіи, такъ и среди эмиграціи, только что еще начинало возстановляться идейное теченіе, прерванное реакціей

послѣ-народовольческаго періода, и Гоцъ былъ однимъ изъ первыхъ теоретиковъ, которые открыто взяли въ свои руки насѣдственное знаніе семидесятихъ годовъ. Тѣ, кто еще не забылъ этой, столь близкой къ намъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уже столь далеко ушедшей отъ насъ эпохи начала девятисотыхъ годовъ, должны знать, что для такого выступленія требовалось въ то время нѣкоторое идейное мужество, въ которомъ, впрочемъ, у Гоца никогда не было недостатка.

Немедленно же послѣ своего прѣзда за-границу Гоцъ принялъ самое дѣятельное участіе въ литературной и матеріальной постановкѣ новаго теоретическаго органа «Вѣстника Русской Революціи». Въ области теоретической мысли, всегда игравшей огромную роль въ русскомъ революціонномъ движеніи, всакому новому теченію приходилось пробивать себѣ дорогу среди почти непреступныхъ твердыхъ социалдемократической ортодоксіи. Необходимо было носить въ своемъ сознаніи вполнѣ законченную, стройную систему міросозерцанія, чтобы противопоставить ее твердо-установившимся идейнымъ наработкамъ огромнаго большинства въ составѣ русскаго общественаго движенія. Мы всѣ хорошо помнимъ еще, съ какою увѣренностью въ своемъ теоретическомъ превосходствѣ относились тогда признанные вѣстители думъ къ новымъ и странно звучащимъ словамъ людей, «которыхъ всѣхъ можно было усадить на одномъ диванѣ». Но надо было также видѣть, съ какимъ спокойнымъ юморомъ и веселымъ блескомъ въ своихъ умныхъ глазахъ относился Михаилъ Рафаиловичъ Гоцъ къ этому традиціонному идейному высокомерию. Рѣдкая устойчивость мысли и неисчерпаемый запасъ умственной энергіи составляли одинъ изъ его отличительныхъ признаковъ. Я не запомню, чтобы Гоцъ, хотя-бы на одну минуту, былъ удрученъ зрѣлищемъ великой и, какъ казалось иногда, непобѣдимой армады теоретическихъ противниковъ. Его никогда не покидала въ этой, сначала очень неравной, борьбѣ веселая улыбка и часто очень остроумная шутка. Быстро начавшееся тогда возстановленіе и организоваться социальнореволюціонное направленіе въ русскомъ общественномъ движеніи, нашло въ немъ одного изъ своихъ наиболее стойкихъ и надежныхъ членовъ-основателей.

Скоро его квартира, въ Парижѣ, сдѣлалась сборнымъ пунктомъ, куда заходили не только друзья и единомышленники, но также и люди другого социалистическаго лагеря, заинтересованные его появленіемъ среди эмиграціи. Вѣчно занятый, вѣчно торопящийся, вѣчно озабоченный предпріятіями въ Россіи, съ которою онъ велъ постоянныя сношенія, Гоцъ никогда не хлопоталъ о привлеченіи къ себѣ людей, никогда не старался сдѣлать свой домъ центромъ движенія; это дѣлалось само собою, въ силу пріусущихъ ему свойствъ, въ силу его огромныхъ и разностороннихъ способностей. Это былъ одинъ изъ тѣхъ революціонныхъ дѣятелей, по отношенію къ которымъ движеніе какъ-бы всецѣло сливается съ ихъ собственнымъ существованіемъ. Черезъ нѣсколько недѣль

послѣ своего прѣзда за границу, Гоцъ уже не имѣлъ своей личной жизни; она исчезла совершенно, она была вытѣснена безъ остатка партійными дѣлами и партійными интересами. У него, въ буквальный смыслъ слова, не было ни одной свободной минуты, въ теченіе которой онъ могъ бы подумать о самомъ себѣ, даже о своихъ теоретическихъ работахъ. Только во время прѣзда его родныхъ, съ которыми его связывали очень тѣсныя отношенія, онъ заиралъ квартиру и исчезалъ съ нашего горизонта. Это было неотаратимо: въ этомъ случаѣ онъ уже не принадлежалъ самому себѣ.

Мы всѣ, окружавшіе Гоца, привыкли смотрѣть на него не какъ на известную индивидуальную единицу, со своими особыми чертами и привычками, а какъ на воплощеніе нѣкоторыхъ общихъ индивидуальныхъ свойствъ, связанныхъ съ данной общественной программой и данной общественной дѣятельностью. Въ немъ не замѣчалось, въ сферѣ партійной жизни, никакихъ личныхъ стремленій, никакихъ слабостей, прежде всего уже потому, что въ немъ вообще не замѣчалось никакихъ проявленій собственной личной жизни. Это былъ на рѣдкость умный, широко образованный, живой, отзывчивый, страстный, неутомимо-требовательный въ вопросахъ достоинства и чести—сторонникъ даннаго общественаго направленія, и ничего болѣе. Все остальное исчезало въ немъ безслѣдно. Гдѣ-бы вы ни встрѣтили его и сколько бы времени ни провели съ нимъ, вы никогда не могли забыть въ немъ ничего, кромѣ одной этой общественной стороны его жизни. Онъ шелъ въ типографію, читалъ корректуру, писалъ или шифровалъ письма, принималъ безконечное число посѣтителей, торопился на какое-нибудь собраніе и т. д.—словомъ все его существованіе было безраздѣльно поглощено тѣми или другими его партійными функциями. Но наиболѣе характерною особенностью въ этомъ образѣ жизни, собственномъ болѣе или менѣе всѣмъ серьезнымъ общественнымъ дѣятелямъ, была та удивительная черта Гоца, въ силу которой онъ какъ-бы совсѣмъ не замѣчалъ этого полнаго отсутствія личныхъ элементовъ въ своей жизни и, внутренне, нимало не протестовалъ противъ этого. Такого рода существованіе соответствовало его второй натурѣ; оно лежало въ основѣ всего его жизненнаго строя. Съ самой своей ранней молодости онъ ирѣчилъ себя жить исключительно интересами высшаго порядка, интересами общественныхъ идеаловъ, безмѣрными страданіями настоящаго и безмѣрными радостями будущаго общественаго строя.

Эта незамѣтная, быть можетъ, съ перваго взгляда, но очень важная особенность *внѣ-личнаго* существованія, когда она проявляется въ такихъ исключительныхъ размѣрахъ, въ какихъ она проявлялась у Михаила Гоца, свойственна лишь рѣдкимъ, избраннымъ натурамъ, «дѣлателямъ новой жизни», и она именно составляла основную черту духовнаго облика Михаила Гоца. Его опредѣляла весь его жизненный путь, и она именно связывала его духовно съ лучшими русскими людьми, со всѣми лучшими представителями русскаго общественаго движенія,—съ тѣми, ино-

гда безвѣстными, а иногда прославившимися, великими подвижниками русской земли, которыми красится многотрудная русская общественная жизнь. Одни изъ этихъ людей умирали въ Россіи, другіе умирали за границей, но для всѣхъ для нихъ, при данныхъ условіяхъ жизни русскаго народа, не было проложено ни даже самой узенькой тропинки къ личному счастью; для всѣхъ для нихъ преждевременная могила составляла одну и ту же неминуемую ближайшую пристань. Они были связаны съ многотрадной жизнью русскаго народа не идейной только, но органическою, кровною связью.

То обстоятельство, что Михаилъ Гоцъ умеръ на далекой чужбинѣ, а не на своей родинѣ,—въ Берлинскомъ хирургическомъ госпиталѣ, а не на Якутской висѣлицѣ, или не на дворѣ старой Шлиссельбургской тюрьмы—составляло лишь совершенно непредвидѣнную случайность; причѣмъ, по несчастью, эта случайность не только не облегчила для него, но лишь, во много разъ, увеличила безмѣрную тяжесть его жизни.

И при всемъ томъ, это была въ высшей степени жизнерадостная натура, полная энергии и разнообразныхъ силъ. Въ немъ были большіе задатки многосторонняго и смеловаго личнаго существованія; въ немъ были большія способности къ воспріятію художественныхъ красотъ жизни; въ немъ были богаты умственная способность, танувшая его въ теоретическія сферы, къ спокойнымъ радостямъ идейнаго творчества. Но все это было отброшено имъ въ сторону; все это было подавлено въ немъ громадною волюю общественныхъ бѣдствій въ Россіи, и онъ, безъ малѣйшихъ колебаній, отрекся даже отъ самыхъ чистыхъ, отъ самыхъ возвышенныхъ источниковъ личнаго существованія.

Особенно велика была для него та жертва, въ силу которой онъ долженъ былъ махнуть рукою на запросы своего большого теоретическаго ума. Онъ обладалъ выдающимися умственными силами: огромною памятью, способностью критическаго анализа и несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ. Въ тѣхъ его обглькахъ журнальныхъ замѣтокъ, для которыхъ онъ, съ большимъ трудомъ, находилъ иногда время, можно видѣть признаки такой широкой начитанности и такого литературнаго блеска и одушевленія, которые свойственны лишь крупнымъ писателямъ. Въ періодъ своей вынужденной бездѣтельности, скитаясь по сибирскимъ тюрьмамъ, а затѣмъ, живя въ сѣлкахъ въ Западной Сибири, онъ имѣлъ время много читать и завелъ у себя большую бібліотеку; онъ уже сблизился на практикѣ съ теоретическими занятіями, онъ уже конкретно заинтересовался изслѣдованіемъ теоретическихъ вопросовъ и имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ данныя для выдающейся литературной дѣятельности. Даже въ періодъ интенсивной партійной жизни онъ не разставался со своей бібліотекой, выписывалъ вновь выходящія книги и все еще питалъ надежду, когда-нибудь, вернуться къ прерваннымъ теоретическимъ и литературнымъ работамъ;—хотя, иногда, сознавая всю призрачность этихъ надеждъ,

онъ съ нѣкоторою болью въ душѣ говорилъ, что уже не можетъ слѣдить больше за наукою и превращается въ чистаго практика.

Эта очень тяжелая духовная жертва для такой богато-одаренной природы, это закладаніе своего внутренняго «—составляли, быть можетъ, самое осязательное проявленіе его беззабѣтнаго самоотреченія; онъ зарывалъ въ землю свои лучшіе таланты. Кто знакомъ съ практической стороной революціоннаго движенія, съ повседневными требованіями конспиративной работы, тотъ знаетъ, сколько мелкихъ предосторожностей и какую огромную затрату времени они налагаютъ даже на своихъ главныхъ руководителей. Помимо тѣхъ драматическихъ моментовъ, которые бываютъ связаны съ ходомъ крупныхъ революціонныхъ предпріятій, цѣлыя недѣли и цѣлыя мѣсяца въ заграничной жизни Гоца уходили на непрерывную, утомительную и часто разаражающую суету все болѣе и болѣе расширявшагося текущаго дѣла. Онъ рѣдко могъ дочитывать въ одинъ приемъ газетныя статьи, не говоря уже о журналахъ и книгахъ; у него на квартирѣ, не умолкая, звенѣлъ звонокъ, и его нервы доходили подчасъ до крайняго напряженія. Но онъ отдалъ всего себя въ распоряженіе данныхъ, неизбѣжныхъ условій и безропотно несъ свою общественную службу,—лишь изрѣдка поглядывая съ грустной улыбкой на заставленные книгами полки своей бібліотеки. «У насъ есть кому писать и безъ меня»—говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ: «спустъ пишетъ В., а я буду оберегать его отъ черной работы».

Къ сожалѣнію, Гоцъ былъ незаменимъ для партіи человѣкъ именно въ области чисто-практическихъ функцій. Съ большими теоретическими силами онъ соединялъ въ себѣ рѣдкія дѣловыя способности: большую ясность ума и быстроту соображенія, которые позволяли ему немедленно же и не колеблясь принимать необходимые рѣшенія. Его точная, никогда не измѣнявшая ему память и постоянное вниманіе къ подробностямъ, полное отсутствіе разсыянности и какая-то неисчерпаемая умственная энергія дѣлали его способнымъ слѣдить за всѣми сторонами дѣла, держать въ своихъ рукахъ множество отдѣльныхъ отраслей, переходить въ теченіи дѣлага дня отъ одного предмета къ другому и никогда не терять головы, никогда даже не терять терпѣнія и своего общаго неселаго огонька въ глазахъ.

Имѣя во главѣ того или другаго предпріятія Михаила Гоца, можно было не бояться ни крупныхъ промаховъ, ни мелкихъ упущеній. Десятки лицъ обращались къ нему ежедневно за совѣтами и указаніями и всегда находили опредѣленный отвѣтъ. Это былъ идеальный практикъ. Прекрасно понимая практическую сторону дѣла, онъ никогда не спускался съ высоты принципиальныхъ требованій; тщательно охраняя матеріальные интересы партіи, онъ никогда не руководился денежными расчетами; очень горячій по темпераменту, аспыхивавшій какъ порохъ при всякомъ волнующемъ событіи, онъ никогда не терялъ здраваго взгляда на вещи. Его роль представителя центральнаго комитета партіи за границей,

как нельзя болѣе соответствовала всѣмъ этимъ выдающимся его способностямъ.

Но заграничная дѣятельность не могла удовлетворить его. Когда въ 1903 году движение въ Россіи стало все болѣе и болѣе расширяться, онъ сталъ готовиться къ отъѣзду туда. Онъ не разъ говорилъ мнѣ, вполне опредѣленно, объ этихъ своихъ намѣреніяхъ, и—не задержки его тяжелой, смертельной болѣзни—ничто въ мірѣ, никакія соображенія о партійныхъ интересахъ не могли бы заставить его отказаться отъ рѣшенія принять непосредственное участіе въ еще болѣе важныхъ партійныхъ дѣлахъ, въ самомъ центріи движения. Но судьба рѣшила иначе; вмѣсто полного простора революціонной дѣятельности, вмѣсто полного приобщенія его рѣдкихъ активнѣйшихъ способностей и его огромной духовной энергіи, она готовила ему, по истинѣ, страдальческой конецъ.

Его болѣзнь развивалась довольно медленно, и первое время обнаруживалась лишь мучительными болями, которыя принимались за ревматическія; только теперь, зная происхождение этихъ болей, обусловленныхъ давленіемъ опухоли на центры спинного мозга, можно себѣ представить, до какой степени онѣ были мучительны. Скоро Гоцъ могъ засыпать только съ помощью морфия, но все еще крѣпился и ни въ чемъ не измѣнялъ своей обычной жизни. Такъ какъ онъ не любилъ говорить о своей болѣзни, такъ какъ онъ могъ попрежнему заниматься дѣлами, могъ даже попрежнему шутить и смѣяться, блистая часто своими милыми, незлобивыми остроуміемъ, то постороннему человеку трудно было догадаться о его болѣзни. Предполагалось, что онъ сильно простудился въ сырой неаполитанской тюрьмѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ все шло какъ будто по старому. Но вотъ пришло время, когда его непрекращавшіяся мучительныя боли, особенно усилившіяся при дурной погодѣ, сдѣлали для него пребываніе въ Женевѣ совершенно невозможнымъ, и онъ долженъ былъ уѣхать въ болѣе южный климатъ. Затѣмъ настало время, когда появились явные признаки прогрессирующаго паралича: сначала отнялись ноги, потомъ была парализована вся нижняя часть тѣла, потомъ даже руки—и Гоцъ оказался навсегда прикованнымъ къ постели.

Тогда наступилъ послѣдній, страдальческой, и вмѣстѣ съ тѣмъ героической періодъ его жизни, длившійся болѣе двухъ лѣтъ; наступилъ періодъ борьбы его духа съ ужасною смертельною болѣзью. Эта болѣзнь не оставляла его въ покоѣ ни на одинъ день, причѣмъ, непрерывно мучая его, она въ то же время медленно, но неуклонно отнимала у него, одну за другой, отдѣльныя части его физическаго существованія; а вмѣстѣ съ ними отнимались также, все въ большей и большей степени, источники всей его индивидуальной жизни: терялась даже самая возможность для него сознавать себя живымъ существомъ и сохранять какія-либо надежды на дальнѣйшія личныя перспективы. Все, что касалось личной жизни, умерло тогда для него не только идейно, въ силу его собственнаго рѣшенія, но уже и реально, физически, въ

силу безвозвратнаго разрушенія. Будь у него хоть въ сколько-нибудь значительной степени развита личная сторона жизни, занимая она хоть сколько-нибудь значительное мѣсто во всемъ его предшествующемъ двадцатилѣтнемъ существованіи—такая безнадѣжная утрата всѣхъ ея органическихъ источниковъ и мотивовъ несомнѣнно должна была бы проявиться полнымъ упадкомъ духовной энергіи, полной потерей интереса къ окружающему. Разъ разрушено самое физическое существованіе человека, то конечно вмѣстѣ съ тѣмъ разрушены и всѣ связанныя съ этимъ существованіемъ личныя интересы—даже самыхъ возвышенныхъ категорій.

Вотъ почему, люди, съ обычной долею въ ихъ психикѣ чисто личныхъ жизненныхъ стимуловъ, такъ рѣзко мѣняютъ свою духовную физиономію при всякой серьезной, а тѣмъ болѣе смертельной болѣзни; вотъ почему эти люди дѣлаются неузнаваемы для своихъ окружающихъ.

Но у Гоца не было этихъ личныхъ стимуловъ жизни; они были давно уже, въ теченіе всего его двадцатилѣтняго революціоннаго служенія, отодвинуты далеко назадъ, въ самый укромный уголокъ его очень дѣятельнаго существованія. Мы всегда имѣли предъ собою чрезвычайно живого, возбужденнаго, даже страстнаго человека; вся его повседневная жизнь была проявленіемъ никогда не иссякавшаго запаса внутренней энергіи; по своей подвижности и неутомимости онъ выдвигался даже среди своихъ очень дѣятельныхъ и энергичныхъ соотавищей; но весь этотъ неиссякаемый запасъ энергіи и жизненнаго интереса, вся эта кипучая дѣятельность существовали въ немъ какъ бы помимо его собственной личности, вполне независимо отъ всякихъ личныхъ ея мотивовъ; они существовали въ немъ въ силу другихъ, болѣе общихъ, внѣ-личныхъ стремленій, давно поборовшихъ въ немъ основныя личныя побужденія, давно поставившихъ его на высоту общечеловѣческаго видимаго существованія.

И вотъ, когда болѣзнь убила въ немъ физическаго человека, эта другая сторона его жизни, не бросавшаяся сразу въ глаза, не всегда даже замѣтная при нормальныхъ условіяхъ, выступила ярко наружу. Въ этомъ полу-умирающемъ, на три четверти физически уничтоженномъ, укороченномъ, иссохшемъ, измученномъ тѣлѣ, мы имѣли предъ собою того же самаго Михаила Гоца, того же самаго борца и дѣятеля, не измѣнившагося ни въ одномъ изъ своихъ основныхъ свойствъ, не потерявшаго ни одной черты своего прежняго духовнаго облика. Это было все тотъ же умный, пронцательный, горячій, иногда насмѣшливый и негодующій, иногда веселый и шутливый, представитель русскаго общественнаго движенія.

Въ этомъ отношеніи болѣзнь ничего не измѣнила въ его существованіи. Около его постели или кресла происходили партійныя совѣщанія и обсуждались самыя серьезныя предпріятія; къ нему, попрежнему, ѣхали изъ Россіи делегаты центрального комитета и представители отвѣтственныхъ организаций; когда онъ возвращался

въ Женеву, онъ попеременно руководилъ изданіемъ партійнаго органа;—словомъ, въ тѣ немногіе часы жизни, которые онъ еще могъ отвоевывать у своей болѣзни, онъ оставался прежнимъ Гоцъ, прежнимъ неизлѣпимымъ товарищемъ по дѣлу. Когда онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, укрытый плащомъ, когда вы видѣли его характерную голову съ высокимъ лбомъ и горящими глазами, когда вы слышали его громкій голосъ и слушали его рѣчь, далекую отъ личныхъ тревогъ и печалей, вы легко могли забыть о его болѣзни. Трепѣтніи мучительнаго страданія и все болѣе и болѣе выяснившаяся перспектива близкой смерти не могли сломить въ немъ его прежняго духа. Ужасная болѣзнь безжалостно уничтожала на вашихъ глазахъ дорогое и любимое живое существо, но она не могла еще отнять дѣятельнаго члена у партіи. Это была удивительная картина торжества духовной энергіи и беззавѣтно-преданнаго сердца надъ разрушительными силами смерти.

Но болѣзнь все болѣе и болѣе развивалась, слабѣя надежды на возможность выздоровленія все болѣе и болѣе исчезали, и неминуемый конецъ приближался. Въ началѣ лѣта 1906 года Гоцъ въ послѣдній разъ прѣіхалъ въ уже опустѣвшую тогда Женеву, откуда вся прежняя партійная жизнь была перенесена въ Россію. Около его постели собирались теперь лишь рѣдкіе нѣбжавшіе гости, а немногімъ оставшимся за границей друзьямъ было еще тяжелѣе смотрѣть на послѣднія потухающія искры дорогого существованія.

Я часто видѣлся съ Гоцемъ во время его болѣзни, но я никогда не замѣчалъ на его лицѣ выраженія скорби или отчаянія. Обыкновенно онъ встрѣчалъ приходившихъ веселой улыбкой; затѣмъ шли разговоры о чемъ угодно, но только не о немъ самомъ и ни о его положеніи: «Эхъ, оставимъ это; надо!»—такъ чаще всего обрывалъ онъ краткія сообщенія о ходѣ своей болѣзни. Но даже помимо его собственныхъ словъ и жестовъ, въ самомъ выраженіи его лица, въ его голосѣ, въ его глазахъ вы никогда не могли бы подмѣтить признаковъ подтачивающаго его внутренняго упадка духа. Тотъ же живой тонъ, та же вспыхивающая страстность, то же веселое, незлобное остроуміе. Но вотъ, въ эти послѣднія недѣли его жизни, въ этотъ послѣдній его прѣіздъ въ Женеву и на его настроеніи уже стала отражаться набѣгающая тѣнь смерти. Ирѣдка, не всегда еще, съ перерывами прежней бодрости и душевленія, она начинала накладывать свою тяжелую руку на его обычный душевный строй, переслѣдовать его больную душу, одолевая его больное сердце. Такъ-то, однажды, подходя незамѣтно къ тому мѣсту въ саду отеля, гдѣ онъ одинъ лежалъ въ своемъ креслѣ, я удивилъ на его лицѣ выраженіе такой печали и такой глубокой тоски, что первую минуту мнѣ трудно было сдержать свое волненіе...

Да, онъ конечно страдалъ въ эти послѣдніе дни своей жизни. Даже онъ, такъ хорошо защищенный отъ личныхъ страданій, такъ далеко отбросившій отъ себя тревоги личной жизни, не могъ вполне освободиться отъ ощущенія своего собственнаго личнаго не-

счастья; даже онъ долженъ былъ временами испытывать ту, ничѣмъ не скрашиваемую, ничѣмъ неоправдываемую, никому ненужную, чисто личную боль, какой сопровождается всякое чисто-личное горе... Но вѣдь онъ никогда и не расчитывалъ на полную чашу однихъ удачъ и радостей въ своей жизни.

Михаилъ Гоцъ былъ въ очень ранней молодости оторванъ отъ всѣхъ житейскихъ удобствъ и радостей, былъ загнанъ въ необитаемую мѣста Сибири, подвергся самому безпощадному насилию, разстрѣливался солдатскими пулями, просидѣлъ цѣлые годы въ каторжной тюрьмѣ и наконецъ сдѣлался жертвой мучительной болѣзни;—но развѣ онъ променялъ бы эту свою жизнь на какую угодно сумму личнаго благополучія? Въ Россію теперь ежедневно погибають люди, полные силъ и молодости, погибають добровольною смертью. Спрашивается: развѣ могло бы поддерживать такое положеніе вещей, развѣ Россія могла бы выставить такое неисчерпаемое количество часто безмолвно и безвѣстно ошеленія, если бы носители его не находили для себя извѣстнаго эквивалента, если бы они не заключали въ самихъ себѣ, въ своей собственной груди, того источника внутренняго спокойствія и душевнаго равновѣсія, которому должны были бы позавидовать самыя счастливыя маленькіе люди въ своей счастливой маленькой жизни?

Да, конечно, Михаилъ Гоцъ пережилъ много душевной муки и перенесъ много личныхъ несчастій; и тѣмъ не менѣе это былъ одинъ изъ избранниковъ на землѣ, одинъ изъ ея счастливѣйшихъ сыновъ—ибо онъ носилъ въ своемъ сердцѣ источники самыхъ высокихъ человѣческихъ радостей.

Но мало этого: ему было суждено также подойти очень близко къ источникамъ другихъ еще болѣе объективныхъ и болѣе общихъ радостей, связанныхъ съ результатами общественнаго движенія въ Россіи. Ему было суждено дойти до того момента русской общественной жизни, когда въ ней уже начинали воочію осуществляться далекія мечты, далекія надежды его болѣе раннихъ и менѣе счастливыхъ предшественниковъ. Для тѣхъ людей, которые, подобно Гоцу и въ той же степени, какъ онъ, дѣйствительно отдають всю свою жизнь, всѣ свои лучшія силы на дѣло народнаго освобожденія,—вопросы личнаго существованія, конечно отступаютъ на второй планъ. Но это великое дѣло народнаго освобожденія, эта великая социальная задача народнаго пробужденія въ Россіи, началъ движенія, являлась неизмѣримо трудной, почти недостижимой. Громадныя политическія и стихійныя препятствія загораждали къ ней всякій доступъ; всѣ первоначальныя героическія усилія, направленныя противъ этихъ препятствій, разбивались вначалѣ какъ бы безслѣдно. Многие такіе же сильные умы и такіе же великія сердца пошли на эту борьбу и погибли «безъ трепета и безъ надежды впередъ». Цѣлая десятилѣтняя проходила безъ замѣтныхъ результатовъ, цѣлая поколѣнія сменяли одно другое на одной и той же губительной, истребляющей всѣ молодяя силы Россіи и, повидому, безплодной работѣ. Погибли лучшіе люди, умирали самыя избран-

няя сердца, а народные массы все еще оставались, повидимому, такими же чуждыми и далекими, такими же неподвижными и недостижимыми... И вот, в это тяжелое мучительное время, гораздо труднее было умирать русским лучшим людям, без твердой уверенности в успехе, без осязаемых результатов, передаваемых преемникам.

Но теперь, эти тяжелые времена миновали; результаты великого общественного движения в России стали ясно очерчиваться впереди, и русские народные, рабочая масса стали наконец пробуждаться на наших глазах,—и стали пробуждаться в таких размахах и с таким сознанием своих собственных великих массовых народных задач, что еще в очень неотдаленную от нас эпоху трудно было даже мечтать о таких огромных успехах.

Для людей подобных Гоцу, для людей, которые вкладывали в свои лучшие надежды не в дело завоевания одной политической конституции, которые ожидали от России, взаимно отданным ей бесчисленных жертв, непосредственного приступа к осуществлению ближайших трудовых требований—и только в этой цели находили оправдание для понесенных невозвратных и неоценимых потерь,—в глазах таких людей эта наступившая полоса великого массового движения в России имела совсем особую цену. Это была та степень удовлетворения, та степень внутреннего успокоения и духовной радости, по сравнению с которыми даже ужасы переживаемой теперь общественной агонии теряли свой злобный характер. Пусть будет брошено еще много дорогих жертв на неизбежную борьбу, пусть будет пережито еще много тревог и мучений, но ведь это уже конец, это уже последние кровавые жертвы, последние невозвратные потери. Пристань уже видна, развязка неизбежна,—и она в руках у самих проснувшихся, сознательных масс трудового народа. Этого великого завоевания русского освободительного движения не в силах теперь не только отнять, но даже сколько нибудь серьезно ослабить никакие темные силы.

Таковы были последние, радостные впечатления, которыми озарилась потухавшая личная жизнь Михаила Гоца. Он был достаточно подготовлен всеми своим прошлым, чтобы достойно оценить эти впечатления, и он оценил их в полной мере. С этими бесконечно радостными мыслями, с этим облегченным чувством, после долгих лет мучительной тревоги и мучительных ожиданий, он спокойно сошел со сцены жизни. Он много страдал, но он не был несчастным. Он умер удовлетворенным во всех основных запросах своей души...

Л. Шишло.

Афанасий Афанасьевич Спандони.

(Некролог).

Он умер в своей любимой Одессе, к которой стремился всей душой, о которой пламенно мечтал во время своих частых невольных и многолетних разлуек с родным городом. Он умер в разгар революции, которой он отдал все лучшие годы своей жизни и наступления которой он жаждал всеми помыслами своего беспокойного ума, всей жадной своей мятежной души. Но он не дождался полного торжества свободы, одним из неутомимых борцов которой он был с юных лет. Он умер среди своих, окруженный товарищами и друзьями, интересы которых одни были ему понятны и стремления которых одни были ему дороги. Но его проводили чуждые ему люди и прах его почили своим присутствием там, кого он больше всего ненавидел и на борьбу с которыми он отдал свое здоровье и жизнь...

Афанасий Афанасьевич Спандони умер в 3½ часа ночи 14-го на 15-ое октября с. г. от паралича сердца. Ему было всего 52 года и болезнь (сердечная жаба), которая свела его безрешительно в могилу, явилась в результате его многолетних скитаний по тюрьмам и ссылкам, всей его недолгой, но полной лишений и страданий жизни. Тихо и медленно, невидимо для сторонних глаз, развивалась она в организме, неуклонно и фатально подтачивая корни и без того хрупкого, неустойчивого здоровья. Небольшого роста, слабый и тщедушный, Афанасий Афанасьевич еще со второй ссылки страдал разными болезнями, которые истощали его и без того некротичный организм. И для товарищей, привыкших его видеть всегда недомогающим, всегда борющимся с тем или иным недугом, ничего нового не представлялось в болезненных проявлениях последнего времени. Но для врачей он с первого раза казался удивительным и мало понятным. Один из профессоров, при первом осмотре его, был поражен старческим перерождением тканей, когда узнал, что больному всего 52 года и все прошлое его было так далеко

отъ всякихъ излишествъ жизни и отъ злоупотребленій ея благами. И только, когда curriculum vitae пациента стало ему известно, яснѣе опредѣлился для него и самый генезисъ болѣзни...

Да, это было въ своемъ родѣ богатое прошлое! Перенести четверть ссылки подрядъ одну за другой и, въ томъ числѣ, 8 лѣтъ Карійской и Акатуевской каторжной жизни и почти столько же поселенія въ Сибири,—для этого нужно было имѣть покрѣпче и посильнѣе организмъ, чѣмъ тотъ, какимъ обладалъ покойный Афанасій Афанасьевичъ. Нужно было обладать дюжимъ, почти гигантскимъ здоровьемъ, чтобы выдержать безъ особаго ушерба тѣ лишенія физическаго и моральнаго характера, съ которыми сопряжены неизбежно шестивія и переходы по сибирскимъ этапамъ, многіе годы жизни въ одиночкахъ или въ тѣсныхъ, переполненныхъ людми тюрьмахъ, а также многолѣтнее томленіе въ каторжной вольной командѣ или въ глухихъ безжизненныхъ городишкахъ сибирской ссылки. Достаточно тутъ принять во вниманіе только чисто матеріальную сторону этихъ невгодъ, чтобы легко представить себѣ, какъ могли отразиться на здоровьѣ слабаго челоука почти тридцать лѣтъ заточенія и ссылки, слѣдовавшихъ непрерывно одна за другой. Отсутствие какого-либо комфорта и культурныхъ удобствъ, нужда въ самомъ необходимомъ и обязательное постоянное недобданіе, вотъ первыя, такъ сказать, примитивныя условія этого тяжелаго существованія. Другихъ сторонъ его можно пока и не касаться...

Революціонная дѣятельность А. А. Спандони началась въ ранней его молодости. Ему было лѣтъ двадцать, когда онъ впервые принялъ участіе въ революціонныхъ кружкахъ Одессы. Будучи вольнослушателемъ одесскаго университета, онъ уже активно и вплотную примкнулъ къ тѣмъ кружкамъ революціонной молодежи, которые группировались вокругъ Ковальскаго и его сотрудниковъ. Послѣ суда надъ Ковальскимъ и извѣстной демонстраціи на Гулевой площади въ 1878 году, онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Устюгъ Вятской губ., гдѣ онъ прожилъ въ тѣсной и небольшой компаніи ссыльныхъ недолго, такъ какъ вскорѣ былъ возвращенъ въ Одессу. Но и свободой ему пришлось насладиться недолго. Въ Одессу онъ попалъ въ моментъ большого революціоннаго оживленія, когда южная организація «Земли и Воли», нетерпѣливая и активная, приняла уже ярко террористическую окраску и ознаменовала свою дѣятельность рядомъ громкихъ фактовъ. Къ этимъ кружкамъ примкнулъ немедленно, по своему возвращеніи изъ ссылки, молодой и полный бодрости Афанасій Афанасьевичъ. Въ это же время свирѣпствовалъ знаменитый Панотингъ, правая рука и вдохновитель тогдашняго генераль-губернатора Тотлебена. Спандони былъ привлеченъ къ большому политическому дѣлу, разбиравшемуся въ Одессѣ въ 1879 г. въ военно-окружномъ судѣ и закончившемуся казнью Чубарова, Лизогуба и др. Въ июль 1879 г. онъ уже былъ въ Мценскѣ, въ центральной пересыльной тюрьмѣ того времени, откуда съ большой партией такихъ же, какъ и онъ,

административно ссыльныхъ, большею частью одесситовъ, онъ отправленъ былъ въ Восточную Сибирь. Осеню того же года, онъ прибылъ на мѣсто назначенія—въ городъ Верхоленскъ, гдѣ и пробылъ почти два года. Это было первое изъ серьезныхъ испытаній, выпавшихъ на его короткій многотрадный вѣкъ. Въ этомъ маленькомъ, глухомъ и заброшенномъ городишкѣ, похожемъ скорѣе

Афанасій Афанасьевичъ
СПАНДОНИ.

на большую сибирскую деревню, онъ томился и изнывалъ ужасно, безпрерывно жалуясь въ своихъ письмахъ на пустоту и скуку тамошней жизни, на недостатокъ дѣятельности и работы, на отсутствіе какихъ-либо высшихъ интересовъ. Но онъ былъ еще молодъ и полонъ жажды знанія, и поэтому годы этой второй ссылки ему пригодились въ смыслѣ серьезной научной подготовки и приобрѣ-

тения нужной для дальнейшей революционной деятельности значительности.

В 1881 году, во время «диктатуры» Лориса-Меликова, Афанасий Афанасьевич вернулся в Одессу. Немного времени ему нужно было, чтобы познакомиться с новейшим революционным движением. Он всецело присоединился к партии «Народной Воли» и оказался впереди ко времени и к месту после страшных потерь, которая понесла партия в продолжении года, следовавшего за 1 марта. В начале лета 1882 г. мы заставили его в Киев в качестве представителя (или, как тогда говорили, агента) Исполнительного Комитета Народной Воли. К этому времени относится краткая характеристика покойного, которую мы находим в книжке Туна «История революционного движения в России», с примечаниями Л. Э. Шишко. Она принадлежит товарищу его по революционной деятельности в Киев, г. Баху. «Къ этому же времени,—пишет автор этих воспоминаний,—относится и мое знакомство со Спандони, который тогда только что вернулся из ссылки и считался всеми за очень способного революционера. Действительно, у него было много выдержанности, конспиративности и умения отлично определять людей... Понятно, что эти качества и другая являющаяся его способности, как человека и революционера, дали ему быстрый ход по иерархической лестнице тогдашней централистической организации. Къ концу этого года он является одним из ближайших и самых деятельных сотрудников Веры Николаевны Фигнерь. В качестве члена Исполнительного Комитета он устраивает в Одессе большую партийную типографию. Но в декабрь того же года он был арестован вместе с Дегаевым, Суворовым и Марией Калужной по делу этой же открытой полицией типографии. С этого момента начинается длинный мучительный его скитаний по тюрьмам и этапам. Мы не будем останавливаться тут на предательстве Дегаева, которое ушло и его в каторгу, ни на самом процессе, в котором он участвовал вместе с другими жертвами пресловутой Дегаевщины. Об этом лучше всего прочесть превосходные воспоминания самого покойного Афанасия Афанасьевича, напечатанные в майской книжке «Былого». Судили его в 1884 году вместе с Вэрой Николаевной Фигнерь, М. Ю. Ашенбренером и казенными по этому же процессу Рогачевым и Штромберггом. Из приреченных къ каторг по этому делу только он и Чуиков избежали от страшной участи быть замурованными в темных skleпах Шлиссельбургской крепости. Как больные и сравнительно краткосрочные, они в виду льготы и снисхождения были отправлены на Кару. Почти целый год шествовали они по этапам до нового места назначения. Замученный почти трехгодичным сидением в одиночках и «на каторжном положении» в Петропавловской крепости, Афанасий Афанасьевич несколько оправился только в дороге. Все же временами он чувствовал себя плохо и в одном из писем къ близкому человеку он жаловался на

плохое здоровье, при чем признавался, что страшно хочется жить и отнюдь умирать не собирается. «Как хочется въ Россію!—восклицает он,—до сумасшествия хочется! Дай срок, вернемся еще в Россію и будем дѣла дѣлать и еще въ третій разъ въ Сибирь пойдем... Ну, а чѣмъ чортъ не шутитъ, можетъ быть еще до революціи проскрипило... Эти пророчества и почти буквально сбывшіяся слова онъ писалъ въ декабрѣ 1885 г. съ дороги, изъ Забайкальской области. Въ маѣ 1886 года онъ прибылъ на Кару.

Онъ пришел къ намъ въ самую глухую пору русской действительности. Это было начало общенационального упадка, разгаръ «смуты умовъ» и тѣхъ горестныхъ измѣнъ и отступлений, которыми ознаменовалась эпоха реакціи и разочарования 80-хъ годовъ. Это было время послѣднихъ усилій Народной Воли, послѣднихъ напряженій разгромленныхъ и разсыянныхъ революционныхъ силъ въ тяжелой и неравной борьбѣ съ потрясеннымъ уже самодержавіемъ, но вновь окрѣпшимъ и поднявшимся, чтобы нанести революціи свой послѣдній, но чувствительный ударъ. И тѣ жертвы этой борьбы, которая попадали къ намъ, не могли не приносить съ собой отпечатка утомленія и ослабленія, слѣдовъ унынія или разочарованія. Такъ же и наша карийская политическая тюрьма, хотя и заброшенная въ лѣсныхъ дебри и ушеля Забайкальскихъ горъ, не могла все же не отражать—даже весьма точно и достаточно—своевременно всѣхъ новѣйшихъ теченій умственного и политическаго настроенія въ Россіи. Отразились на ней и всѣ отрицательныя явленія этой эпохи смуты и упадка. Но прибывшій къ намъ новикомъ, этотъ маленький, хрупкій и болѣзненный каторжанинъ, стоялъ выше своего времени, стоялъ выше всѣхъ текущихъ настроеній и теченій. Этотъ плѣнный маленький воинъ изъ большой разбитой арміи далеко не былъ разочарованъ, ни подвергнутъ унынію или какому бы то ни было раскаянію. Онъ не привезъ съ собою ни тѣни сожалѣнія о пройденномъ пути, ни капли отрицанія по адресу того дѣла, за которое онъ и его товарищи боролись до послѣдней своей крайности. Онъ высоко держалъ знамя Народной воли и никогда ни на одну минуту не выпускалъ его изъ своихъ слабыхъ рукъ, доказывая всемъ горячо и пламенно его правоту, его неминувшее торжество, хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ. Онъ сразу внесъ оживленіе въ наше притихшее и нѣсколько приунывшее общество. Во многихъ онъ поднималъ упавшую бодрость и принижавшія надежды, другимъ онъ далъ матеріалъ для новыхъ размышленій, а въ общемъ онъ обновилъ и обострилъ живую обѣику мнѣній, поддержалъ нашъ интересъ къ жизни, къ грядущимъ событіямъ. Всегда отзывчивый и горячій спорщикъ, никогда не пропускавшій безъ возраженія ни одного слова, задѣвающаго интимную сторону его міросозерцанія, всегда готовый на словесный бой до хрипоты и изнеможения, онъ служилъ у насъ мишенью теоретическихъ и принципиальныхъ нападокъ, но и самъ же первый всегда бросался въ битву, вызывая на бой противника и не спуская ему ни въ чемъ, разъ это касалось его святая святыхъ, самыхъ доро-

гих для него идеалов и упований. А эти последние лежали в его непоколебимой вѣрѣ в торжество революціоннаго дѣла, въ его глубококомъ убѣжденіи въ правотѣ той революціонной программы и тѣхъ революціонныхъ задачъ, которая ставила тогда партія Народной Воли. Въ этой беззавѣтной защитѣ теоретическихъ обоснований партійной программы, вплоть до излобленныхъ имъ ссылокъ на Лаврова и Михайловскаго, такъ и въ его яростныхъ напакахъ на другія направленія, онъ былъ неустойчивъ и неисчерпаемъ. Отсюда его непрестанные и горячіе споры, кончавшіеся иногда конфликтами. Но проходили минуты увлеченія и горячности и онъ не помнилъ зла и раздраженія и опять готовъ былъ вступить съ тѣми же противниками въ новый словесный бой. Особенно же не давали ему покоя новыя, хотя и слабѣя еще тогда, течения марксизма, которая едва пробивались въ нашей народнической средѣ. Они раздражали и волновали его ужасно, и онъ направлялъ на нихъ всю силу своего полемическаго задора, весь запасъ своего отрицательнаго къ нимъ отношенія. Вслѣдствіи, на поселеніи и «на волѣ», въ Россіи, онъ истрачивалъ на полемику съ ними свои послѣднія физическія силы. И часто, хватаясь за грудь, задыхаясь, изнемогая отъ сердечнаго припадка, онъ горячился и кричалъ, стараясь убѣдить своего неуступчиваго противника. Еще больше волновали его и сердили разныя проявленія реакціи, вѣянія упадка и «непротивленія злу» въ 80-хъ годахъ, пропаганда чистаго экономизма въ 90-хъ и, наконецъ, хулиганство и черносотенство послѣдняго времени. Приводимъ лишь первыя попавшіе на память примѣры. Можно сказать безъ преувеличенія, что эти «болѣзни своего времени» превращались въ болѣзнь его тѣла, разбивали его слабое сердце, разлагали и безъ того истощенныя его ткани...

Въ сентябрѣ 1890 года, когда наша политическая каторжная тюрьма на Карѣ была упразднена, а всѣ наши товарищи, окончившіе сроки «испытанія» и «исправленія», были выпущены въ вольныя команды, Афанасій Афанасьевичъ былъ отправленъ въ Акатуй вмѣстѣ съ остальными 12 карі́йцами, еще не кончившими упомянутаго срока. Къ счастью, не долго пришлось ему прозывать въ царствѣ «шестиглазаго», въ тяжелой атмосферѣ уголовной каторги. Въ слѣдующемъ (1891) году онъ вернулся къ своимъ товарищамъ и водворился въ вольной командѣ на Карѣ. Онъ опять очутился въ своей родной стихіи, и объ этихъ годахъ изгнанія онъ вспоминаетъ всегда охотнѣе, чѣмъ о другихъ. Въ вольной командѣ на Карѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ и на поселеніе вышелъ, кажется, въ 1894 г. (быть можетъ, въ началѣ 1895 г.). Онъ былъ поселенъ въ г. Селенгинскѣ Забайкальской области. Это очень глухой и заброшенный въ глубь тайги городишка, почти на самой границѣ съ Китаемъ. Жилось въ немъ гораздо хуже, чѣмъ 15 лѣтъ тому назадъ въ Верхоленскѣ, и не только потому, что въ немъ совсѣмъ не было ссыльныхъ и, стало быть, не съ кѣмъ было душу отвести одинокому заброшенному интеллигенту, но и, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что отстоялъ онъ далеко отъ Москов-

скаго тракта,—этой питающей артеріи Сибири, снабжавшей ее умственной и всякой духовной пищей. Почта доходила туда чуть-ли не разъ въ мѣсяцъ, а въ распутицу прекращалось всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ. Оглядѣвшись кругомъ и увидѣвъ, въ какую берлогу онъ попалъ, Афанасій Афанасьевичъ сталъ энергично изыскивать всякіе пути и способы, чтобы скорѣе выбраться оттуда. Въ концѣ концовъ это ему удалось и въ 1896 году онъ уже жилъ въ г. Верхнеудинскѣ Забайкальской области, между Читой и Иркутскомъ. Лѣтомъ этого года, прѣбывая изъ Забайкалья въ Иркутскъ, я навѣстилъ Верхнеудинскаго отшельника. Его жизнь, дѣйствительно, похожа была на отшельническую, потому что и въ этомъ городѣ не было ссыльныхъ, а Афанасій Афанасьевичъ любилъ только общество своихъ, людей ближайшихъ ему по духу и по общимъ интересамъ и терпѣть не могъ общенія съ обывателями, со всѣмъ ихъ скучнымъ и будничнымъ обывательскимъ обиходомъ. Поэтому, хотя онъ чувствовалъ себя довольно здоровымъ и бодрымъ и настроеніе у него было сравнительно уравновѣшенное и благодушное, но все же онъ жаловался на скуку и пустоту тамошней жизни, въ особенности на недостатокъ общества, подѣ чѣмъ нужно было разумѣть, главнымъ образомъ, невозможность отвести душу въ спорѣхъ, обмѣняться съ равными себѣ мыслями и впечатлѣніями по текущимъ вопросамъ и злобамъ дня. Все же настоящее свое житье онъ ставилъ несравненно выше Селенгинскаго и прежде всего потому, что жилъ при большой дорогѣ и могъ видѣться съ прѣзжающими товарищами, имѣть своевременно почту, письма, газеты и журналы. Да и заработокъ легче было здѣсь достать въ видѣ уроковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, вмѣстѣ съ строящейся желѣзной дорогой ему удалось продвинуться къ самой Читѣ. Здѣсь онъ провелъ послѣдніе годы своего поселенія, въ тѣсной средѣ своихъ старыхъ друзей и товарищей, среди тѣхъ самыхъ людей, большинство которыхъ еще не такъ давно составляло, такъ называемую, вольную команду на Карѣ. Отсюда же онъ и выѣхалъ въ Европейскую Россію.

Афанасій Афанасьевичъ вернулся на родину въ 1902 году, но прѣхать и жить въ Одессѣ ему не разрѣшили. Онъ долженъ былъ поселиться въ ближайшемъ изъ большихъ городовъ, въ Кишиневѣ, и тотчасъ же началъ мечтать о перѣздѣ въ Одессу. Какъ и всегда, онъ именно мечталъ только объ улучшеніи своего положенія, волновался и много говорилъ по этому поводу, но практическихъ мѣръ не принималъ для его измѣненія, потому что не умѣлъ, да и не привыкъ онъ самъ о себѣ заботиться: какъ устроится, такъ и будетъ, авось, устроится къ лучшему. Но благодаря его столь очевидной болѣзненности и явной нуждѣ въ леченіи, не такъ то трудно было устроить ему этотъ вождельный перѣздъ и добиться, хотя бы временнаго, разрѣшенія жить въ Одессѣ. Вслѣдствіи оно могло бы быть продлено. Такъ оно и было: жилъ онъ и поживалъ въ своемъ любимомъ городѣ отъ одного до другого разрѣшенія, кушая въ родной стихіи уличнаго шума, наслаждаясь движеніемъ

большого светливого города. Но вскорѣ дала себя знать и почувствовать и обратная сторона этой шумной многолюдной жизни, глухой къ чужимъ страданіямъ и чуждой всему, что выходитъ за предѣлы ея промышленныхъ и коммерческихъ интересовъ. Вернувшись въ этотъ полумиллионный Вавилонъ, послѣ двадцати пяти съ лишнимъ лѣтъ скитанія, онъ не нашелъ въ немъ ни пріюта, ни привѣта, и на старости лѣтъ долженъ былъ искать грошевого заработка. Выбирать не приходилось, и онъ взялъ первое, что ему попалося—мѣсто за 30 руб. въ мѣсяцъ въ одной страховой конторѣ. Онъ жилъ тогда недалеко отъ меня, и я видѣлъ, какъ онъ по утрамъ спѣшилъ мимо моихъ оконъ на службу. Мучительно больно и обидно было видѣть, какъ этотъ больной, изможденный старикъ,—состарился его не годы,—долженъ былъ отучаться отъ своихъ привычекъ, напримѣръ, отъ настоятельной потребности спать до поздняго часа, вызванной его безрестанной безсонницей, или отъ привычки ѣсть въ опредѣленные часы, отдыхать послѣ ѣды, выработанной постояннымъ его болѣзненнымъ состояніемъ. И все это отбросивъ въ сторону, онъ вынужденъ былъ, ради жалкаго заработка, не обезпечивавшаго его существованія,—долженъ былъ таянуться за другими молодыми и полными силъ служащими, сидѣть съ ними наравнѣ съ ранняго утра до 4-хъ часовъ дня, гнуть свою болную спину надъ чуждыми ему и непонятными выкладками чужихъ дивидендовъ. Больно и обидно было за этого стараго заслуженнаго воина, за ветерана революціи, обреченнаго на мелкую борьбу за существованіе. Обидно было и за всѣхъ тѣхъ, которые могли и не хотѣли придти ему на помощь, которые могли и не хотѣли поддержать этого уходящаго отъ насъ страдальца...

Конечно, друзья и товарищи покойнаго сдѣлали все, что могли, чтобы скрасить и облегчить его одинокую и невеселую жизнь. Они вѣсело старались быть полезными ему въ матеріальномъ отношеніи. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ приходилось считаться съ его подозрительностью и мнительностью, съ его крайней щепетильностью въ денежныхъ дѣлахъ и во всемъ, что касалось товарищеской помощи, которую онъ всегда цѣнилъ очень высоко, но принимать которую онъ считалъ для себя преждевременнымъ и зазорнымъ. И сколько хитрости и всякихъ дипломатическихъ подходовъ требовалось для того, чтобы оказать ему маленькую услугу въ самыя трудныя минуты его нужды и лишеній. Когда же въ этихъ крайнихъ случаяхъ помощь извиѣ къ нему приходила, наконецъ, онъ всегда долго волновался по этому поводу, сердился и брюзжалъ, обвиняя ближайшихъ къ нему въ томъ, что они «здесь руку приложили»...

Особенно же онъ цѣнилъ моральную и духовную поддержку товарищей. Я уже сказалъ, что общеніе съ тѣми, которыхъ онъ считалъ «своими», было для него той родной и натуральной стіхіей, безъ которой онъ жить не могъ. Оно было ему также необходимо, какъ теплый воздухъ юга, какъ волнующій шумъ одесскихъ улицъ, какъ поднимающій прибой обновляющейся жизни. Само

по себѣ, оно одно уже составляло огромную нравственную поддержку для одинокаго и столь общительнаго чедовѣка, какимъ былъ Афанасій Афанасьевичъ. Но особенно цѣнили онъ общество старыхъ товарищей и друзей. Оно было ему дорого и по тѣмъ воспоминаніямъ, которыя связывались съ этимъ знакомствомъ и съ общими переживаниями. Можно сказать, что душу свою онъ отводилъ только въ общество этихъ старыхъ и близкихъ ему людей. Съ тѣми же изъ нихъ, которые были отъ него далеки, онъ поддерживалъ постоянную переписку. И по тому маленькому наслѣдью, которое осталось послѣ него и которое все состоитъ изъ обширной коллекціи фотографическихъ карточекъ и объемистой груды писемъ, можно судить о томъ, какъ культивировалъ онъ и дѣлалъ свои интимныя отношенія къ друзьямъ. Все оно обнаруживаетъ его крайнюю и безпокойную заботливость о сохраненіи каждой вещи, о бережномъ и ревнивомъ отношеніи къ каждому листочку, къ каждой мелочи. Память о немъ его старыхъ друзей и товарищей и всякій знакъ вниманія къ нему съ ихъ стороны въ послѣднее время очень трогали чуткаго и болѣзненно настроеннаго Афанасія Афанасьевича. И особенно дорога была ему старая нѣжная дружба къ нему со стороны Вѣры Николаевны Фигнеръ. Дружба эта была большой поддержкой для него въ самыя послѣдніе годы. Расположеніе къ нему Вѣры Николаевны было для него выше всего на свѣтѣ и всякій знакъ, каждое выраженіе этой симпатіи прибавляли ему здоровья, бодрости и настроенія. Полученіе отъ нея письма или фотографической карточки было для него цѣлымъ ликованиемъ, большимъ и шумнымъ праздникомъ. Съ этой полувочкой онъ обѣгалъ своихъ друзей, дѣлился съ ними радостью подарка, сообщалъ наиболѣе поразившія или тронувшія его фразы и слова изъ писемъ. Однимъ изъ яркихъ мечтаній его послѣднихъ лѣтъ было свидѣться съ далекимъ любимымъ другомъ, со всѣми своими старыми товарищами...

Таки или иначе, но кое-какъ онъ устроился въ своей любимой Одессѣ и былъ доволенъ, что его, по крайней мѣрѣ, не трогаютъ, и что, заработавъ свои 30 руб. въ мѣсяцъ, онъ можетъ «безбѣдно» и, по его мнѣнію, даже съ комфортомъ поддерживать свое существованіе. Но не очень долго пришлось ему наслаждаться этимъ относительнымъ покоемъ. Не обошлось и на этотъ разъ безъ вмешательства и вторженія въ его жизнь привычной для покойнаго административной опеки. Въ юлѣ 1905 г., послѣ извѣстныхъ «Полтекинскихъ дней» въ Одессѣ, по распоряженію генералъ-губернатора Карангозова, онъ былъ высланъ въ Вологду на 3 года. И это безъ всякой съ его стороны вины, лишь по подозрѣнію, что такой старшій, всѣмъ извѣстный революционеръ, какимъ былъ Афанасій Афанасьевичъ Спандонъ, не могъ однимъ своимъ присутствіемъ въ Одессѣ не вліять на ходъ событій въ ней, не могъ не быть «защитникомъ» проявившагося революціоннаго движенія. Пришлось ему и еще разъ расплачиваться за свои старые грѣхи. Пришлось подлатиться за старую, всѣмъ извѣстную репутацию. Словомъ, пришлось

ему отбывать и четвертую ссылку. Къ счастью, она окончилась раньше срока. После амнистии, сопровождавшей нашу «конституцию», онъ вернулся въ Одессу, чтобы уже больше не покидать ее никогда...

Вологодская ссылка окончательно подорвала ослабшiя силы Афанасiя Афанасьевича. Ко всѣмъ прочимъ неудачамъ онъ присоединилъ еще въ Вологдѣ схваченный тамъ ревматизмъ. Вернулся онъ совсѣмъ больнымъ и разбитымъ. Всѣ его прежнiя болiзни отодвинулись на заднiй планъ, и онъ сталъ жаловаться на боль и стѣсненiе въ груди. Врачи безъ затрудненiя констатировали у него сердечную жабу и предсказали возможность скорого печального конца. Весной этого года онъ пролежалъ нѣкоторое время въ клиникѣ, а часть лѣта прожилъ на дачѣ. Но его тянуло въ городъ: онъ не могъ жить безъ шума и суетолокъ городского движенiя, онъ не могъ жить одной растительной жизнью, посвящая всего себя уходу за собой. Оторванный отъ жизни, онъ буквально задыхался безъ внѣшнихъ впечатлѣнiй, которыми такъ богатъ каждый наступающiй день. Онъ жаждалъ все знать и видѣть и боялся упустить малѣйшую черточку, какую либо каплю изъ обильнаго дождя событий и фактовъ, которые сыпались каждый день, каждый часъ. Онъ хотѣлъ видѣть и слышать все, наблюдать все непосредственно, воочию, такъ сказать, ощущая явленiя собственными руками, измѣряя ихъ собственными глазами. И эта жажда жизни поглощала у него въ послѣднее время даже его любовь къ природѣ, его страсть къ общенiю съ внѣшнимъ миромъ, полнымъ красоты и гармонiи. Его тянуло на улицу, въ шумъ и движенiе, въ непосредственную близость съ людьми простой и обывательной жизни. И ему казалось, что среди этой суетолокъ жизни, въ этой жаркой, накаленной атмосферѣ городского лѣта онъ чувствуетъ себя гораздо лучше и здоровѣе. Быть можетъ, это былъ самообманъ, сладкая, убаюкивающая иллюзiя, быть можетъ, сердце его не выдержало усиленной работы крови и оно перестало биться, какъ только наступили осеннiе туманы и холодъ, сжавшiе и безъ того суженные сосуды...

Вспоминая эти послѣднiе дни, можно сказать только одно съ нѣкоторымъ удовлетворенiемъ: замученному человеку не пришлось еще мучиться думою о завтрашнемъ днѣ. Больному и изстрадавшему борцу не пришлось бороться болѣе за обезпеченiе своего существованiя. Старые друзья и товарищи приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы избавить его отъ необходимости тратить послѣднiя силы на грошевой заработокъ, а тутъ подоспѣла и небольшая ежемѣсячная пенсия, устроенная ему его товарищемъ — акатуевцемъ, известнымъ писателемъ. Кромѣ того, они всячески старались уговорить его приняться за леченiе или, по крайней мѣрѣ, переѣхать въ болѣе теплая мѣста. Но онъ самъ отклонялъ всѣ эти планы и, если говорилъ о переѣздѣ куда нибудь, то всегда въ такомъ тонѣ, по которому легко было понять, что все это одни только разговоры, и что съ Одессой добровольно онъ никогда не разстанется. Въ самыхъ же откровенныхъ своихъ разговорахъ, а именно, въ бесѣдахъ съ однимъ лицомъ, которому покойный оставилъ свои

предсмертныя распоряженiя, онъ всегда настаивалъ на безнадежности своего недуга, на близости конца и напрасныхъ старанiяхъ предотвратить неизбежное. И говорилъ онъ обо всемъ этомъ съ необыкновеннымъ спокойствiемъ и мужествомъ...

До послѣдней же минуты Афанасiй Афанасьевичъ оставался самими собой, тѣмъ самымъ живымъ, чуткимъ и отзывчивымъ, общительнымъ и общественнымъ человекомъ, какимъ онъ былъ всегда. Еще наканунѣ своей смерти онъ былъ въ театрѣ. А за нѣсколько дней до этого онъ велъ горячiй и увлекательный споръ съ однимъ своимъ политическимъ противникомъ, яростный и полный огня споръ, живо напоминавшiй мнѣ его споры, его безконечные споры въ камерахъ нашей Карiйской тюрьмы... Нужно тутъ же прибавить, что, по возвращенiи своемъ изъ Сибири, Афанасiй Афанасьевичъ не принималъ активнаго участiя въ современной революционной борьбѣ. Но ея ходъ и движенiе, ея успѣхи и пораженiя, ея судьбы въ будущемъ и всѣ ея перипетiи въ настоящемъ интересовали его всецѣло и всегда. Его симпатiи были выражены опредѣленно и ярко и направлялись по адресу той изъ борющихся партiй, которая являлась непосредственной преемницей завѣтовъ и стремленiй Народной Воли, которая продолжала борьбу ея за свободу народа, за дѣло всѣхъ трудящихся. И въ этомъ напряженномъ его вниманiи къ успѣхамъ новѣйшихъ народовольцевъ, въ этой его горячей и беззаветной симпатiи къ завоеванiямъ революцiи лежала одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ покойнаго борца и страдальца за свободу русскаго народа. Афанасiй Афанасьевичъ, больной и бездѣятельный, оставался все же до послѣдняго своего дня прежнимъ революционеромъ, старымъ народовольцемъ. На жизнь и ея перипетiи онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнiя этого своего народовольства. Онъ любилъ свой народъ, и освобожденiе его отъ политическаго рабства было его первой, самой пламенной мечтой. Поэтому не мало радости и лучезарнаго свѣта влилось въ утоленную душу этого стараго народолюбца, когда онъ воочию увидѣлъ, что это освобожденiе уже началось и что завѣтъ дорогой ему «Народной Воли»: *Carthago delenda est* уже началъ осуществляться въ жизни. Воистину, стали сбываться его мечты изъ письма 1879 года о томъ, чтобы дожить, «проскриптъ» до революцiи. Онъ дождался до нея, старый боецъ, одинъ изъ орловъ великой освободительной рати. Но онъ ушелъ слишкомъ рано, горячiй и нетерпѣливый застрѣльщикъ великаго авангарда русскаго революцiонной армии. Ему не довелось видѣть полную и прочную побѣду свободы, окончательное торжество двуединой русскаго правды, — правды — истини и правды — справедливости, которую возвѣстилъ любимымъ имъ публицистъ, а проводилъ въ жизнь, любимые друзья — единомышленники...

Н. Генеръ.

рается меня угнети. — Теперь мнѣ плохо будетъ въ баталіонѣ! — Терпи казакъ будешь Атаманъ. Вотъ пословица годная — и для васъ, любезный товарищъ. — Будьте здоровы и пожелайте мнѣ спокойствія. Вашъ преданный Александръ Бестужевъ.

8 марта 1833.

Есть въ „Инцидентѣ“, что въ вашъ полкъ назначенъ командиромъ Ф. Кляке. Онъ скоро будетъ“.

Притиска Ив. П. Жукова.

„И я свидѣтельствую мое усердное почтеніе любезнѣйшему Иосифу Ивановичу, и прошу его вѣрить истинной моей дружбѣ; жалю душою, что мы не можемъ жить вмѣстѣ, тогда-бы все таки намъ веселѣе было сносить грусть изгнанія — но терпѣніе, можетъ быть, скоро участь наша улучится; а до тѣхъ поръ возложимъ наше упованіе на промыслъ Всевышняго. Желая Вамъ совершеннаго здоровья, а что еще важнѣе въ нашихъ обстоятельствахъ, душевнаго спокойствія, остаюсь душевно уважающей Васъ Иванъ Жуковъ.“

Я слышалъ, что въ Шурѣ нѣтъ курительнаго табаку, а у меня много, почему и посылаю къ Вамъ 3 фунта турецкаго“.

Упомянутая въ письмѣ Бестужева сестра его — Елена Александровна; она завѣдывала въ это время, между прочимъ, изданіемъ „Русскихъ повѣстей и разказовъ“ своего брата.

Ф. Кляке — полковникъ Францъ Карловичъ Кляке-фонъ-Клякенау; 31 января 1833 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Куринскаго пѣхотнаго полка, изъ коего въ 1834 г. переведенъ былъ въ Апшеронскій полкъ; скончался въ 1851 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта (см. о немъ „Русск. Стар.“ 1874 г. т. XI, XII и 1876 г. т. XV и XVI).

II.

Въ дополненіе къ напечатанному въ „Русск. Старинѣ“ 1881 г. (т. XXXII, стр. 886—897) письму Бестужева къ графу Дибичу (срав. у г. Котляревскаго стр. 166), привожу служащее откликомъ на это письмо отношеніе управляющему главнымъ штабомъ графа А. И. Чернышева къ главноуправляющему отдѣльными Кавказскимъ корпусомъ графу Паскевичу-Эриванскому.

13 апрѣля 1829 г. № 270.

Государь Императоръ всемилостивѣе повелѣть соизволилъ государственнаго преступника Александра Бестужева, осужденнаго по приговору верховнаго уголовного суда въ каторжную работу и потомъ, изъ единого монаршаго милосердія, сосланнаго въ Сибирь на поселеніе, опредѣлить на службу рядовымъ въ одинъ изъ дѣйствующихъ противъ непріятеля полковъ кавказскаго отдѣльнаго корпуса по усмотрѣнію Вашего Сіятельства, съ тѣмъ, однако-же, что, въ случаѣ оказаннаго имъ отличія противъ непріятеля, не былъ онъ представляемъ къ повшенію, а доносить только на Высочайшее благовозрѣніе, какое именно отличіе будетъ имъ сдѣлано.

Сообщая Вашему Сіятельству сію Высочайшую волю, для зависающаго

Къ біографіи А. А. Бестужева-Марлинскаго.

I.

Въ только-что вышедшемъ прекрасномъ трудѣ Н. А. Котляревскаго о двухъ декабристахъ-поэтахъ достаточно подробно разсказанъ эпизодъ изъ Дербентской жизни Бестужева, причинившій ему такъ много непріятностей: это — смерть дѣвочки Ольги Нестерцовой отъ нечаяннаго пистолетнаго выстрѣла въ квартирѣ Бестужева. Кромѣ указанія на любопытную статью г. Коузубскаго, дополняющую разсказъ г. Котляревскаго („Русск. Арх.“ 1905 г., № 11, стр. 458—470) и оставшаюся, кажется, ему неизвѣстною, могу привести еще одно письмо Бестужева къ нѣкому, неизвѣстному мнѣ по фамилии, офицеру Куринскаго полка Иосифу Ивановичу, касающееся того-же печальнаго случая съ Нестерцовой и лишній разъ доказывающее неопровержимо въ немъ Бестужева. Притиска на письмѣ принадлежитъ штабсъ-капитану Ивану Петровичу Жукову „доброму малому и очень неглупому“, по выраженію Бестужева („Русск. Вѣстн.“ 1861 г. т. XXXII, стр. 444, 445), который жилъ съ нимъ въ Дербентѣ въ одномъ домѣ.

„Если-бы вы знали любезнѣйшій Иосифъ Ивановичъ всѣ хлопоты и бѣды павшія на меня въ послѣдній мѣсяцъ, вы бы не обвиняли меня ни въ забывчивости къ друзьямъ, ни въ лѣнности.“

Во-первыхъ по случаю изданія моихъ повѣстей вышла ссора съ сестрою моею и издателемъ, и она взяла на себя продажу, ибо въ самомъ дѣлѣ начало оной было весьма невыгодно. Печать и бумага стоили вдвое нежели я полагалъ, нежели должно. Потомъ сбавили цѣны — такъ что я не получу и половины того, что мнѣ обещали. Надо было расчитываться — и дѣлать новыя порученія, однимъ словомъ хлопотъ куча.

Потомъ на квартирѣ у меня случилось важное несчастіе. Ко мнѣ ходила дѣвушка Ольга — она рѣзавась кинжаломъ на подушкѣ — тамъ, какъ вы знаете, всегда лежалъ заряженный пистолетъ — онъ выстрѣлилъ внезапно и ранилъ ее въ плечо. Несчастная отъ сего черезъ 50 часовъ умерла. Мнѣ очень жаль ее. Но кромѣ того нашлись мздоимцы, которые желаютъ погубить меня и наводятъ подозрѣніе, не смотря на то, что больная и сдѣлавшаяся и 20-ти особамъ подробно расказала, какъ все случилось. Это меня огорчаетъ за людей — которые стоишь злобныя, что хотѣтъ гибели и безъ того поуютешему. Впрочемъ Богъ и моя невинность мнѣ защитятъ — да и въ высшемъ начальствѣ и надѣюсь найти болѣе справедливости, чѣмъ въ своемъ ближайшемъ, которое изъ ненависти къ командиру ста-

отъ Васъ исполненія, имѣю честь увѣдомить, что Александръ Бестужевъ будетъ доставленъ къ Вамъ фельдъегеремъ Богомоловымъ, который отпра- вленъ за нимъ въ мѣсто его ссылки.

Къ сему имѣю честь присовокупить, что, по опредѣленіи Бестужева въ полкъ рядовымъ, должно имѣть за нимъ тайный бдительный надзоръ и согласно сообщенной отъ меня Вашему Свѣтельству Высочайшей волѣ, отъ 30 ноября прошедшаго года № 635, о состоящихъ во вѣренномъ Вамъ корпусѣ офицерахъ, бывшихъ прикосновенными къ дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, доносить немедленно, коль скоро усмотрѣно будетъ въ поведе- ніи Бестужева какое-либо отступленіе отъ порядка.

Въ августѣ Бестужевъ былъ доставленъ въ Тифлисъ и зачисленъ въ 41-й Егерскій полкъ.

Сообщ. Б. Л. Модзалевскій.

Историческая библиографія.

Г. Энгель и В. Гороховъ. *Изъ исторіи студенческаго движенія (1899—1906)*. Изданіе В. К. Сердаковского. СПб. 1906, с. 128, ц. 50 коп.

Въ этой книгѣ, представляющей собою трудъ двухъ авторовъ, глава о студенческомъ движеніи съ сентября 1900 по декабрь 1902 г. на- писана г. Гороховымъ, остальныя же главы принадлежатъ г. Энгелю. По- явление этой книги нельзя не приветствовать. Это первая попытка вкратчѣ изложить и осмыслить студенческое движеніе за послѣдніе 7 лѣтъ. При- нимаю во вниманіе то большое значеніе въ развитіи русскаго освободи- тельнаго движенія, которое имѣли студенческіе беспорядки, нельзя не пожелать, чтобы эта область русской новѣйшей исторіи была подробно исследована и освѣщена. Тѣмъ болѣе, что наступилъ моментъ, когда сту- денческое движеніе, какъ таковое, сыграло свою роль и окончательно раство- рилось въ широкомъ потоцѣ общенароднаго революціоннаго движенія. Г.г. Гороховъ и Энгель пытаются въ своей книгѣ, во первыхъ, изложить, во вторыхъ, объяснить студенческое движеніе съ 1899 г. до 1906 г. Нужно сказать, что изложенію самаго движенія авторы отвѣти единично мало мѣста. Мало того, они позабыли добавить въ оглавленіи, что они пишутъ о студенческомъ движеніи въ С.-Петербурѣ, и даже вкратчѣ—въ петербург- скомъ университетѣ. Но и при такомъ ограниченіи темы нельзя не ука- зать на нѣкій рядъ проблѣвъ. Авторы, упоминая о студенчествѣ 90-хъ го- довъ, рисуютъ его массою политически совершенно индифферентной, забывая о московскихъ беспорядкахъ 1896 г., о демонстраціи въ 1897 г. на Каван- ской площади по поводу трагической гибели М. Ф. Вѣтровой въ Петропа- ловской крѣпости, о дѣятельности московскаго союза земледельцевъ и с.-пе- тербургской „Кассы взаимомощи студентамъ университета“ (особенно съ 1897 г.). Затѣмъ, г. Энгель, описывая весьма интересное движеніе 1899 г., ограничивается нѣсколькими страничками, тогда какъ онъ могъ-бы воспользо- ваться обширнымъ матеріаломъ, заключающимся въ большинствѣ правительствен- ныхъ сообщеній (1899 г.), въ докладѣ ген. Ванновскаго, въ двухъ сборни- кахъ изданіяхъ Чертковымъ въ Лондонѣ и другимъ лицомъ въ Берлинѣ и мн. др. Ни слова не сказано о сходкѣ 7-го февраля 1900 г. и *послѣднемъ* (сорванномъ) актѣ 8 февр. того-же года. Не говоря о томъ, что беспорядки на этомъ актѣ и послѣдовавшая за нимъ сходка были отголоскомъ беспор- ядковъ 1899 г. и протестомъ противъ нагнана лучшихъ профессоровъ и сотенъ студентовъ, полезно было-бы отмѣтить, что съ 8-го февраля 1900 г.

этапы невозможны официальные праздники официальной науки. Говори о студенческом движении по 1902-й год нужно было отбывать немаловажное значение традиционных «переходов» 8-го февраля, влиние которых на студенчество отбывала даже Ванюховой в свое время доздать. В описании осеннего движения 1900 г. пропущены октябрьские волнения студентов. Итого Института по поводу попытки охранного отделения через посредство агента Статковского завести провокатора в Институт, «единственным в то время — по компетентному сообщению г. Статковского — высшему учебному заведению СПб., где у охраны не было «спонсов» людей». Затем, вероятно по случайным причинам, вовсе пропущен момент движения в СПб. университет, непосредственно предшествовавший сдаче студентов в СПб. в солдаты, и описание самой сдачи в солдаты. Этот возмущающий момент заслуживает бы внимания. Говори о движении осенью 1901 г., г. Горохов совершенно не упоминает о волнениях в электротехническом Институте в начале ноября по поводу вторжения полиции в Институт, хотя они очень характерны. Не приводит г. Горохов и речи Ванюховой 19 ноября 1901 г. к студентам СПб. университета. Автор отбывает сбит, которым сходка 20-го ноября встретила одну из подлинных, но не поставленных на голосование резолюция, говорившую о необходимости конституции. Не дано в том, что смех вызвало не требование конституции, а форма резолюции, главной дословно: «Студенты СПб. унив., собравшись в т. д., . . . постановили: требовать у подлежащего начальства введения в России конституции». Та же сходка приветствовала аплодисментами заявление председателя, что если отбросить явно нежеланную форму, то несомненно, что все присутствующие согласны с сущностью подобной резолюции. В наложении г. Энгеля деятельность числа января 1902 г., тогда как, в самом деле, в это время была выпущена декларация этой группы, самая же группа «радикалов» образовалась вслед за сходками по поводу гласной выходки ин. Мещерякова, в октябрь, благодаря соединению «Союза студентов университета» с лицами, вышедшими из состава «Кассы взаимопомощи». Эта группа «радикалов» (или «ораторов») руководила всеми ноябрьскими движениями 1901 г. в СПб. унив., выдавая своего председателя и своих ораторов. Ей деятельность приобрела такое сочувствие студенчества, что, когда в конце января 1902 г. совершенно анонимная «социаль-демократическая группа Дяко» попыталась использовать возбужденное состояние студенчества и созвать сходку, то достаточно было нескольких слов бывшего председателя сходки и заслуживающего члена «Кассы радикалов», чтобы толпа из 500—600 чел. студ. безрекордно разошлась, в ожидании, что призыв на сходку послышится от «Совета старост» или от «Кассы радикалов». Мы могли бы значительно умножить указания на то, что пропущено авторами книги, и что из необходимо было-бы позволить во 2-м издании. Нельзя не заметить, что о студенчестве в 1906 году не сказано ни слова.

Переходя затем к описанию движений, которую делают авторы книги, нельзя не заметить, что, излагая движения по печатным материалам,

авторы не всегда критически отнеслись к этим материалам. Так, г. Энгель, скомканый наложением движения 1899 г., находит возможным расквашивать о группах «студентов-демократов А.», хотя, если мы не ошибаемся, «группа» эта состояла из двух или не из одного человека. Если даже и не соглашались со своим движением, проведенной из книги, то нужно все-же признать, что авторы вполне объективно отнеслись к имевшемуся у них под руками материалу. Книга Энгеля и Горохова особенно интересна для молодежи, вышедшей этой осенью из громадной массы из столицы, и ей мы советуем ознакомиться с тем, за что и как боролись ее предшественники.

Что касается приложенной к книге, то среди них мы не нашли внятной декларации составленных в 1902 г. студентами (напечатана в «Освобождении» 1902); списки пострадавших за студенческие беспорядки весьма неполны, так, напр., в 1899 г. нет ни слова, не названы уволенные в 1900 г. за ноябрьские сходки; не указаны пострадавшие за сходки и демонстрации весной 1901 г.; нет списка старост 1901 г.; очень неполно перечислены составленные и посланные в тюрьму по приговору Особого Совещания «за подготовку или участие в демонстрациях» весной 1902 г.; так, напр., не упомянут вовсе А. В. Иванов (жур.) посланный на 4 г. в Якут. обл., а равно и технолог Скрыпник 1-ый, и многие другие. Кому в 50 коп. за 125 страниц небольшого формата нельзя не признать чрезвычайной

Сергей С.

Материалы по истории студенческого движения в России. Выпуск I. Печатные из книги А. И. Георгиевского «Краткий очерк правительственных мнений и предостережений против студенческих беспорядков», Издательство «Свободная Мысль» Лондон—С.-Петербург, 1903, 133+1 г. и 40 к.

Выпуск II. Доклад комиссии московского университета 1901 г. о причинах студенческих волнений. Изд. «Свободная Мысль», 1906, 101+1 г. цена 35 к.

Объ вышеназванные книги дословно перепечатаны с книг, вышедших под тем же названием в Штутгарте, в 1902—1903 г., в издании редакции «Освобождения». Книгоиздательство «Свободная Мысль» выпустило лишь в первой из названных книг предисловие и приписку, написанная П. Б. Струве. Перепечатка обеих книг произведена книгоиздательством «Свободная Мысль» без разрешения бывшего редактора «Освобождения». Если по отношению к записки профессора Московского университета, представляющей из себя исторический документ, и не было необходимости исправлять у него-бы то не было разрешение, то по отношению к *замечаниям*, сделанному П. Б. Струве из книги Георгиевского, записки разрешения П. Струве было необходимо. Впрочем, единично можно было ожидать от издательства, которое прислало себя, наименования уже существовавшей фирмы и продолжает этим наименованием пользоваться, несмотря на замечания по печати («Рус. Взд.» за авг. 1906) протест, которое упорно перепечатывает (к тому же, с искажениями) произведения П. Кропоткина, несмотря на его протесты, едва-ли можно было ожидать от по-

добаго издательства соблюдения правил литературной этики. Издательство не позаботилось снабдить название книг материалами предисловия, которое высказало бы широкую публик. мысль и значение этих документов. Материалы по студенческому вопросу издали „Свободной Мыслью“ небрежно и печатались на плохой бумаге, как, впрочем, и все до сих пор вышедшие в свет издания этой фирмы. Цыба (40 к. за вып. I, и 35 к. за вып. II) — немалой высоты.

Что касается содержания издаваемых „Свободной Мыслью“ материалов, то оно весьма интересно, хотя в настоящее время студенческое движение растворилось в великом освободительном движении и потеряло острый интерес, присущий ему в течение долгих лет. Студенческое движение в России, как один из форм освободительного движения, ведет свое начало от московских беспорядков 1857 г. В этом году страды полицейских ворвались в студенческую квартиру, где в то время собрались земляки, студенты университета, и под предлогом поимки скрывавшегося в эту квартиру вора проломить обшук. Студенты протестовали, так как по университетскому уставу позиция обшукана была вызывать на этом случай депутата от университета, присутствие которого гарантировало интересы студента от произвола администрации. Политика жестоко набила студентов, и свозила их в участок. Тогда в Московском университете собралась первая сходка, которая послала депутацию из ректору и поочередно съ требовали ограничить студенчество от произвола полиции. Генерал-губернатор Москвы Закревский телеграфировал Александру II: „Студенты бунтуют“ и получил в ответ: „Не вярно“. Наапатенная по высочайшему повелению комиссия выяснила виновность полиции, и в конце чины понесли наказание. На доклад об этом дала император Александр II написать: „Я знаю, что московская полиция — свинья!“ Таким образом, благодаря законодательному и благожелательному отношению к студентам верховной власти, дело кончилось для студентов благополучно. Но ведь затея началась ради отдаленных студенческих беспорядков во Киев, Казани, а в 1858 г. произошло столкновение студентов съ профессорами и т. п. В 1858 г. произошли важнейшие беспорядки из Харьковского университета, съ первой студенческой забастовкой, тоже на почве защиты студента личной неприкосновенности своих товарищей, грубо нарушенной администрацией. В университетах появились и быстро окрестились какса взаимопомощи, землячества. В С.-Петербургском университете студенты начали издавать, съ разрешения начальства, „Сборник“ произведений студентов, а для редактирования „Сборника“ избраны были студентами редакторы, вскоре превратившиеся въ представителей от факультетов и курсов. Сходки стали общими всем университетам. Студенчество устроило первый в России судъ присяжных, разбиравший дело о нарушении доверия, совершеном одним из редакторов. Организация студенчества на почве его корпоративных нужд шла при содействии и помощи высших лиц учебной администрации. В Киев действовали въ этом смысле повстанцы Пироговы, в С.-Петербург кн. Щербатовы. Но положение дело, создавшееся въ университетах, не могло долго длиться. В университетах студенты привыкли къ свободѣ объединяться въ союзы для самоуправления, взаимопомощи, къ свободѣ слова, собраний, даже къ свободѣ печати, потому что

они завладеи издаваемъ различныхъ литографированныхъ сочинений и журналовъ, недовольныхъ общей цензурой. Силою, создавало положение некоторо свободнаго государства въ царствѣ самодержавнаго произвола. Университетскія свободы и польности копчались за университетскими дверями. Университета не было никакихъ свобод. Вспять естественно, что студенчество, подержавшее въ университетахъ подвѣстиву маршалъ съ прочими обывателями, бурно протестовало. Но протестъ этотъ спитъ-таки происходилъ въ стѣнахъ университета. Повитое дело, что власти, отнюдь не желавшая поступаться своимъ неограниченнымъ правомъ усмотрѣнія и произвола, прежде всего постаралась устранить возможную аномалию. Студенты за проступки свои въ стѣнахъ университета стали съ 1859 г. подвергаться воздействию не университетскаго начальства, а полиции. Такъ какъ студенты выданы между прочимъ, въ форжевой одеждѣ признавъ принадлежноти своей къ особой корпорации, то 14 авг. 1860 г. студенческая форма была отменена, дабы студенты ничѣмъ не отличались отъ прочихъ обывателей. Затѣмъ обращено было вниманіе и на новые порядки, создавшіеся въ университетахъ. Приказа 31 мая 1861 г. ограничили въ студенческой возможности (право сходки, организации, и т. п.) а также ограничили доступъ въ университеты для обшукими. Политика принятая правнана на дело вызвала громадные беспорядки, охватившея С.-Петербургскій, Московскій, Кіевскій и Казанскій университеты. Студенты собирались на сходки, обсуждали петицію на имя императора, и наконецъ вынесли свой протестъ на улицу. Произшли первая уличная демонстрация, и перерывнымъ съ ними въ России побойда, аресты, высылки и т. п. Этими беспорядками 1861 г. начались въ студенческой волнения, которыя непрерывно, съ небольшими периодами затихая, охватывали высшія учебныя заведенія России.

Книга А. П. Георгиевскаго, бывшаго председателемъ ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, написана въ 1891 г. и посвящена изложенію мѣръ, принятыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за 30-ти лѣтній длинный периодъ борьбы правительства съ студенчествомъ. Книга эта была издана, какъ весьма секретный документъ для высшихъ сановниковъ империи, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Мало того, большая часть экземпляровъ была отобрана обратно у лицъ, которымъ она была дана. Такъ болше бюрократія обмародования въ собственныхъ дѣйствіяхъ противъ молодежи. Одинъ изъ немногихъ удѣлившихъ экземпляры (хоть-ли не одинъ изъ семи) попалъ въ руки редактора „Освобожденія“, который съелъ своимъ долгомъ опубликовать то, что такъ тщательно скрывала отъ общества правнани бюрократія. Историки иазначили въ книгу Георгиевскаго блан, если не ошибаемся, печатаемы въ ученыхъ изданияхъ Императорскаго университета года 2 тому назадъ. Действительно, конечно, чтобы книга г. Георгиевскаго была перенесена въ полномъ видѣ съ надлежащимъ предисловіемъ, и послесловіемъ, и послесловіемъ, безъ которыхъ далеко не все будетъ полно читателямъ изъ широкой публики.

Но и въ томъ видѣ, въ какомъ книга г. Георгиевскаго издана „Свободной Мыслью“, она представляетъ большой интересъ. Изъ нея читатель увидитъ, какъ постепенно создавало самодержавное принудительно атмосферу казармы и смысла въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тутъ есть все:

и «связь и взаимность в совокупных действиях университетского и политехнического начальства»; и ограничение доступа вольнослушателей, «самого опасного и ненадежного элемента», и препятствия к доступу в высшие учебные заведения инородцев (поляков, евреев), а также близость, и восприятие корпоративного устройства студенчества, запрещение сходок, организаций, землячества, и восприятие студенческой взаимопомощи, восприятие студентам устранивать вета, концерты и т. п.; и судьи правления, увольнение и исключение из университета, высылка и ссылка студентов, и, наконец, проенты усмирительных домов для учащейся молодежи и проекты сдачи их в солдаты и в дисциплинарные батальоны. Из книги Г. Георгиевского читатель узнает, что сдачу студентов в солдаты, начало которой положили имп. Александр I указом 1811 г., которую практиковали Николай I, Александр II, и Александр III во отдельных случаях и в частности, предполагалось уважить еще в 1882 г.; читатель узнает, какие доводы за и против этой меры приводились «сановниками» участниками Особого Совещания 1882 г. по вопросу об усмирении студентов. Читатель узнает, что сдача студентов, примененная в 1901 году, была злостной и дальной мечтой бюрократии. Словом, несмотря на неудовлетворительное издание «Свободной Мысли» книги Г. Георгиевского, мы горячо рекомендуем ознакомиться с ней всякому, кто интересуется историей студенческого движения в России.

Большой интерес также представляет доклад комиссии, избранной Советом Московского университета 28 февр. 1901 г. для выяснения причин студенческих волнений и меры к упорядочению университетской жизни. Этот доклад относится к тем же временам, когда студенческое движение, недавно еще прошедшее через трагические беспорядки 1899 г., снова вспыхнуло, под влиянием сдачи в солдаты 183 студ. Киевского и 28 студ. Петербургского университетов, а было вынесено на одну из виднейших демонстраций. Широкое общественное движение, выступившее рядом со студенчеством сознательного пролетариата, выстрел Карповича,— все это заставило правительство отступить и объявить эпоху «сердечного покаяния». Эта эпоха ознаменовалась первым рядом записок, мемуаров, докладов профессоров и профессорских коллегий, которые были написаны частью по собственному почину, а частью по призыву правительства. Все эти записки и доклады были похоронены вскоре в архивах, когда «сердечное покаяние» замаячило для студентов тюрьмой и ссылкой из Сибири. Доклад комиссии московского совета профессоров избывал этой печальной участи. Он был напечатан в № 1 «Вестника Русской Революции», издавния партии социал-демократов, а потом отданно редакцией «Освобождения». В «Докладе» интересные—исторический очерк беспорядков в Московском университете, сводка мнений профессуры, инспекции и студенчества о причинах беспорядков и о средствах к их устранению. Интересно также сопоставить выводы «Доклада» с заявлениями 71-го профессора, опубликованными в конце февраля 1901 г. в московских газетах, в виде уведомления будущим студентам. Весьма интересными студенческими движениями мы рекомендуем ознакомиться с московским «Докладом» 1901-го года.

СЕРГЕЙ С.

М. Ладов. *История российской социаль-демократической рабочей партии*. Ч. I: Возникновение социаль-демократического движения в России (1888—1897 г. г.). Книгоизд. «Доломит». Стр. 163. Ц. 50 коп. СПб. 1906.

Социаль-демократическое движение возникло у нас в России не в процессе развития классового движения пролетариата, но как одна из форм этого развития, но как одно из течений социально-политической мысли на среде интеллигенции. Марксизм появился у нас в то время, когда рабочий класс не обнаруживал почти никаких признаков социально-политического существования. Он воспринят был быстро, даже страстно интеллигентной молодежью, не имевшей выхода из—каналою—безконечных глухих сумерек русской жизни. Социаль-демократическая доктрина, как она сложилась к тому времени (начало 90-х г. г.) в Германии, почти без всяких изменений, сразу перевезена была на русский почву и вскоре сдвинулась достаточно довольно многочисленными интеллигентскими, и, в частности, революционными, кругами. Учение об исторической и революционной миссии пролетариата было настоящим открытием. Истеводной авлавы для русской революции. Оно значительно расширило горизонты общественно-политической мысли и совершенно обновило почву для надежд революционеров, придав ей гораздо большую прочность, чем то было при прежних культах героев и интеллигентного единоробства с самодержавным правительством. Окрыленная этим великим заветным перед ней просвещен, революционная молодежь весьма своими мыслями и упованиями обратилась к рабочему классу. Если последний в широких своих массах слыть тогда еще своим забытым подневольного существа с почти первобытным уровнем культурного развития, то это всеполю не смущало пионер-марксистов. Они брани, что в их руках имеется действительно нить Ариадны, которая выведет наконец несчастную страну из сыту и свободы. Вплоть естественно, что в этом увлечении интеллигенция не могла предугадать всяких тех трудностей, которые обнаружались впоследствии, как только ей пришлось на деле разрывать авлаку организации пролетарских масс в единую политическую силу, на европейский манер.

Для этого и не прежде всего не было никакого опыта, ни достаточного собственного политического воспитания. Подняв знамя воиставия против социальна политического романтизма народников, русские марксисты не замечали долгое время, что они сами продолжают стоять на высотах готовой социалистической доктрины и что они взирали только общию романтизма, но существо его удержали. Живя только предмет увлечения, но характер увлечения оставался тот же.

Г. В. Плеханов, являющийся одним из первых литературных вождей нового движения и его наиболее талантливым организатором еще в 1890 г. во второй книжке своего «Социаль-демократа», подвергнут во «двуреднем обзорении» безжалостной критике знаменитое письмо М. К. Цибриковой к Александру III, как характерное произведение романтизма русских «либералов», противопоставляя этому марксизму, как *сердечную формулу политичекой мысли* и призывая через марксизм *серьезнопривать* наше политическое мировоззрение. С той поры прошло уже больше пятнадцати лет, но, можно смело сказать, что этот процесс

европеизации политики русских оппозиционеров (включая, конечно, революционные элементы) далеко еще не завершился. Мы еще только присутствуем при нем, еще только переживаем его, быть может, наиболее драматический период. В частности, и сама социаль-демократия успела за эти пятнадцать лет пережить по пути к этой европеизации сложную и разнообразную эволюцию, пройти целый ряд,—не станем—движение разнородные скорые этапы,—во направлений. Устремившись сначала в рабочим классом с пропагандой социаль-демократической доктрины, она завязала устроением кружков рабочих, социалистов в их среде и в их среде. Образовалась постепенно свой рабочий интеллигентский, начинавший жить общественной интеллигентской жизнью. Но когда естественная роль рабочего класса, совладавшей с общими подъемом в странах промышленной жизни, вызвала стихийное стачечное движение за сокращение рабочего дня и др. улучшенные условия труда,—социаль-демократия живо почувствовала свою теоретичность, и оставив высоты социалистической теории, спустилась в агитацию на почти ежедневных экономических нужд рабочих. Усложнившаяся действительность ставила сама собой на очередь вопрос—о том, как суметь перевести стихийно развивавшееся рабочее движение в русло организованного классового и—необходимо—политического развития. На этой почве в среде социаль-демократии возникли разногласия, которая, тем самым, тем самым все больше и больше обострилась, и углубилась, так что даже октябрьская революция не уничтожила их. В социаль-демократии продолжают бороться два течения—реалистическое, старающееся организовать пролетарское движение при помощи коллективного, опыта масс, равная в этих условиях до максимума как способность к самостоятельности, 1) — и другое—романтическое, уповающее на стихий, полагающее, что раз давая рабочий класс и давая социалистическая доктрина,—то все само собой приложится и требуется лишь сплоченная группа (или партия) единомысленных социаль-демократов ("профессиональных революционеров"), чтобы можно было руководить всей классовой политикой пролетариата. Таковы—из грубых, конечно, чертах,—"наши разногласия", различиями уже звать в русскую социаль-демократию, возникшая, можно сказать, почти при самом прикосновении социаль-демократии с рабочим классом...

Дать ли г. М. Лядову, книжка которого лежит перед нами, достаточно безразличную и вздумавшую историю этих этапов и периодов, легкой обречь которых мы отыскиваем в вышеприведенных строках? Не даю, ибо и не задавался этой, казалась бы, столь заманчивой задачей. Автор предлагаемого труда—говорит он сам о себе в своем предисловии—никогда не был кабинетным теоретиком; не был также профессиональным партийным литератором; все свое действительное он провел рядовым партийным работником. И если теперь он берет за работу, которая возлагается на него столь большую ответственность, то только потому, что придерживается убеждения, что действительная фактическая история нашей партии, охватывающая все будничную ее жизнь, ту

жизнь, которая приготовляла выводы теоретическим, лишь post factum оспыливающим ее, должна и может быть написана только практиком. Партийный историк теоретик должен явиться после историка-практика, и он уже завершить, обработать и осветить работу последнего. Роль историка-практика—собрать материал, свести из одно своей омыти, свои наблюдения". (стр. 6—7).

Этим указавшем автор дает, таким образом, сам отбить на поставленный нами вопрос. Если только что цитированное противозаключение "историка практика"—"историк-теоретик" имеет такой либо смысл, то, конечно, только тот, что субъективная история противопоставляется здесь истории объективной, истории научной (поскольку, разумеется, партийность не мешает этой научности). Г. Лядов сам отказался, таким образом, дать попытку научной истории социаль-демократического движения в России и свел свою задачу к изложению материала, выходящего у него в распоряжение, как давнишнего члена партии.

Нечего, значит, и предостерегать его работы требования научности. Его книга—не история, а памфлет "партийного работника", страстно предлагаемого своим фракционным догматом. Но и в этих пределах, которые отвел сам себе г. Лядов, его работа могла бы иметь свой интерес, если принять во внимание те рекомендательные оговорки, которая сделать автору ее том же предисловии по своему личному адресу. "В то время, как Лядовым заканчивали задержание и сожжение Москвы, читаю мы там,—автору этой работы пришла в голову мысль, что неизбежное рождение реакции может окончательно смести и без того уже редкую фалангу немногочисленных свидетелей первых шагов нашей революционной деятельности". "О первых шагах нашей деятельности у нас нет литературных памятников, поэтому, опираясь и наблюдая этого периода исчезнуть бесследно, если отечественные не потрудились занести их на бумагу... Ни в одном архиве мы не найдем первых местных прокламаций, первых русских с.-дем. изданий, не говоря уже о таких ценных памятниках, как различные проекты уставов, проекты агитационной работы и т. д. *Все это и составляет автору попорочиться своей попыткой написать историю партии*". (5, 7 стр.). Положа руку на сердце, приходится, однако, сказать, что читатель, подготовленный такого рода завлекательным предисловием, по прочтении самой книги должен испытать в большой степени разочарование. Во всей книге г. Лядова можно найти очень мало данных, которые свидетельствовали бы о том, что автор обладает при выполнении своей работы какими-то особенно ценными материалами. В громадной своей части книжка представляется собой простую компиляцию из тех печатных материалов, которые в свое время были вывешены в широких слоях интеллигенции. Автор все время опирается на работы Акимова, Плеханова, Козьмова, Рязанова, статьи Ленина, брошюры: "Об агитации" и т. п. Материалов, т. е. сказать личного характера, основанных на личном опыте и наблюдениях автора—мы почти не видим, быть может, потому, что автор придерживается в своем изложении фельетонно-памфлетного тона и гордится больше спорить, чем сообщать и излагать. Во всяком случае несомненно, что каких-либо новых ценных материалов фактического харак-

1) Мы отыскиваем, разумеется, только общие тенденции течения, не касаясь конкретного проявления этих тенденций.

тера, по сравнению с тем, что было писано до него другими авторами, мы не находим. Сь другой стороны бросается в глаза, что относительно некоторых фактов и явлений социаль-демократической истории, автор имеет сведения несомненно повзрослевшие. Укажем хотя бы на то, что автор ошибочно называет в числе первых легальных соц-дем. органов — «Самарскую Газету», которая никогда таковой не была. Автор, очевидно, имел тут в виду другую газету — «Сам. Вестник», выходивший в качестве соц-дем. органа, в течение всего пяти месяцев (1896 — 1897 г.г.) и приостановленный правительством. Попадаются и др. недочеты в том же роде. Это, конечно, мелочи, но в исторической работе было бы очень желательно их избегать. Во всяком случае это не свидетельствует о том, что автор во всем пользовался первоисточниками.

Кь сожаленью, работа г. Лядова освобождена от гораздо более грубых промахов, чьмь указанными неточности. Судя по некоторым данным, автор оказывается совершенно неподготовленным кь роли историка русской общности. Так, на стр. 156—157 г. Лядов сообщает намь следующее: «В момент подъема промышленной (т. е. аничть во вторую половину 90-х г.г.—В. П.) русской европеизированная промышленная буржуазия должна была почувствовать себя стесненной самодержавно-полицейским строем нашего государства. Она не могла простить самодержавию удара, нанесенного ей русско-германскими торговыми договорами, заключенными в интересах наших аграриев. В области промышленных предприятий 3-х проц. сбором и во введении квартирного налога она усматривает грозный предвѣстникъ перехода къ подоходному налогу... Политическая свобода нужна была и крупной буржуазии». Нужно ли говорить, какь глупы эти краски вь этой характеристикѣ политической обстановки 90-х годов, какь мало они соответствуют действительному положению вещей? Вь самомь дѣлѣ, — гдѣ наметь намь автор оппозиционное настроеніе у нашей крупной буржуазии 90-х г.г., времени, наоборот, можно считать эпохой самого трогательнаго алмазана крупной буржуазии сь самодержавіемъ. Эпоха расцвѣта Виттевскаго плана, эпоха промышленнаго оживленія, эпоха торжества всеороссійскаго купечества на Нижегородскомь съѣздѣ, эпоха возникновения дальневосточныхъ авантюръ, — гдѣ тутъ было мѣсто политической оппозиции капиталу? Если какой нибудь владѣльческихъ элементовъ и прозябалъ тогда нибудь фронду, то это были, разумеется, сельские хозяева, тѣ же земцы, выдвигавшие свое оппозиционное настроеніе въ ходатайствахъ объ отбѣлѣ тѣлесныхъ наказаній, проектахъ всеобщаго обученія, или, наконецъ, — протестахъ противъ протекціоннаго въ аэкономической политикѣ. Достаточно напомнить, наконецъ, тотъ фактъ, что Витте, тогдашній кумирь и ходатай крупной буржуазіи, «пергъ» министерство Горемыкина ничуть нимь, какь своей запиской противъ земства, противъ его возможной политической роли.

Впрочемъ, недоразумѣніе (скажемъ такъ) г. Лядова слишкомъ очевидно само собой, чтобы на немь стоило останавливаться подробнѣе. Но позволительно ли подобная «недоразумѣнія» даже для «историка-практика»?

Кь числу такого же рода недоразумѣній, являющихся результатомъ недостаточнаго изученія отношеній къ вопросу, мы должны отнести и следующее. Г. Лядовъ, вь качествѣ фракціоннаго памфлетиста, очень резко осуж-

давать то критическое направление въ русскомь марксизмѣ, которое обнаружилось вь концѣ 90-х годовъ. Вь своемъ политическомь настроеніи противъ этого «ревизионнаго» авторъ заходитъ такъ далеко, что такъ таки en toutes lettres объявляетъ его идеологіей крупной буржуазіи, идеологіей, разумеется, по существу глубоко контр-революционной!). И авторъ совершенно не смущается то обстоятельствомъ, что эта самая «идеологія», это самый ревизионизмъ, вь соседствѣ сь нами Германія, странъ, все же будѣе высокаго сравнительно сь нами социальнаго и политическаго развитія, — является достояніемъ социаль-демократіи, хотя бы и праваго ея крыла. Какимъ образомъ, то, что для Германіи составляетъ умбренный социаль-демократизмъ, можетъ быть у насъ, при нашемъ абсолютномь строе, — контр-революционнымъ и крупно-буржуазнымъ? Разумеется, достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы понять, какую степень опречитченности и политической утѣченія разрабатываетъ себѣ нашъ «историкъ-практикъ»...

Наше заключеніе сводится къ следующему: книга г. Лядова — не исторія, а памфлетъ. Кому интересны политическія проваденія въ «большинственномъ» дѣлѣ, — тотъ пусть читаетъ и книжку г. Лядова, — она не хуже, не лучше другихъ вь этомъ родѣ, но для интересующагося действительно серьезной исторіей нашей социаль-демократіи — рекомендовать эту работу было бы рискованно. Будетъ гораздо лучше, если читатель ознакомится сь теми самыми литературными матеріалами, которыми пользовался г. Лядовъ; ихъ не такъ много да и вь литературномъ (какъ и во многихъ другихъ) отношеніи они написаны куда болье зрѣло, чѣмь памфлетъ г. Лядова...

В. Португаловъ.

А. Цитровъ. 72 дня первой русской парламента. СПб. 1906.

Государственная Дума, просуществовавшая 72 дня, отошла въ область исторіи — не въ ту отдаленную область, изъ которой нѣтъ уже возврата къ реальной жизни, а въ близкую еще современникамъ вчерашняго дня область «былого», въ которой закончили уже много памятныхъ борьбы за идею россійскаго парламентарства. Дума не умерла, а лишь опали первые лепестки этого эволюческаго для суровой русской действительности дѣтвѣта, вальсѣннаго демократической Россіи и побитаго свирѣпыми морозомъ реакціи. Поэтому, первую русскую Думу нужно не забывать, ибо она, все таки, несмотря на распускъ депутатовъ, представляетъ самую реальную действительность, а характеризовать. Характеристика нашего парламента лучше всего можетъ выясниться, насколько оно явилось въ своей деятельности отраженіемъ воли всей страны, и какъ велика, следовательно, его живучесть. Разсмотрѣваемая книга г. Цитрова и представляетъ собою одну изъ такихъ характеристикъ, сдѣланныхъ при томъ и не по случию и не послѣ закрытія Думы, а во время разгара ея работъ, когда ея дѣятельность оплывалась и характеризовалась подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ той кипучей работы, которая въ теченіе 72 дней происходила въ Таврической дорѣ.

Г. Цитровъ — парламентарскій журналистъ и свои литературные наброски

о Думѣ дѣлать наодинь въ день, отмѣчая въ своихъ бытлыхъ очеркахъ каждый выдающийся моментъ въ жизни народа парламента. Этимъ, по нашему мнѣнью, и интересна его книга. Она собрана въ ней эти живые свидетельства только что прерванной борьбы, и въ нихъ, даже помимо своей воли, отражены все живучесть народнаго представительства, равно оно облечено въ реальную форму депутатскаго мандата.

Извѣстная инсинуация крайнихъ правыхъ, утверждающихъ, что всѣ наказанъ и революціи крестьянскихъ обществъ, сотнями посыланныхъ въ Трудовую группу, фабрикованы трудниками, оперегнуты уже самымъ разподробнѣмъ и многочисленнѣмъ этихъ замѣчательныхъ посланий: никакой уездъ, ни самая богатая фантазія отдѣльныхъ лицъ не въ силахъ были бы создать этихъ своеобразныхъ документовъ народнои нужды и глубокой вѣры въ народныхъ представителей. Но еще лучшемъ опроверженіемъ этой клеветы можетъ служить слѣдующая картина, нарисованная авторомъ съ живою натурою:

Въ кулуарахъ собраніея ходоки, поставленныя кротокескими крестьянами въ Думу со словеснымъ наказаніемъ. Это, описываетъ ихъ Цитровъ, «три совершенно бѣлыхъ старика кроточима, въ равныхъ анукахъ и дрынкахъ сапогахъ, лица въ морщинистыхъ складкахъ, глаза скорбно и печальны».

— Спешите намъ наше кротокеское общество—начать самый старій—такъ и такъ, придетъ намъ въ Петеръ и скажете намъ въ выборномъ Ивану Егоричу и Федору Иваничу насчетъ всего, что на сходѣ рѣшило: чтобы крѣпко стояли, на чемъ посланы.—Опять такъ, выгоны и стѣновы, чтобы назидать отдавъ намъ нашимъ отцамъ, они, еще какъ воли была, дадена были... И чтобы она, выборные наши, противъ божескаго установленія не шли, чтобы ни казней, ни мучительства не допуститъ. Чтобы отъ земскихъ мѣръ освободитъ. А что ежели опрочъ того противъ выборныхъ нашихъ пойдутъ, то вернутся нмъ домой. Дома сами все поришимъ.

Въ этой этически простой и образной рѣчи умищается велъ крестьянская программъ; этими простыми словами ходоки выразили все упованія русскаго крестьянства, всю вѣру его въ могущество Думы. Для будущаго историка первой Государственной Думы эти наброски дадутъ для уясненія настроенія народныхъ массъ гораздо больше, чѣмъ обстоятельныя трактаты о дѣятельности самой Думы.

А вотъ, напряміръ, набросокъ „Разоблаченія Урусова“ (стр. 124). Авторъ приводитъ только вѣнскую сторону того засѣданія, въ которомъ князь Урусовъ, бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ при П. Н. Дурновѣ, произнесъ свою знаменитую рѣчь о погромной лабораторіи, устроенной въ вѣдряхъ департамента полиціи. Но читая эту оторкъ, живо вспоминаешь о запросѣ 8 мая министру внутреннихъ дѣлъ и о той бурѣ, которую вызвала отвѣтъ П. А. Столыпина на этотъ запросъ. Основываясь на официальныхъ данныхъ—на рапортѣ министру внутреннихъ дѣлъ тайнаго совѣтника Макарова отъ 15 февраля, Дума узнавала въ своемъ запросѣ, что департаментъ полиціи печаталъ въ спеціальную оборотную для этого типографія и распространялъ воззванія, призывающія къ набоію инородцевъ и интеллигенціи, а помощникъ начальника екатеринбургскаго губерніи жандармскаго управленія ротмистръ Будоговскій поддерживалъ сношенія съ александровскаго уѣзда, напечатать и распространять чуждыя рѣчи воззваній, призывающихъ народъ собраться, залпаться оружіемъ, посяги, и идти противъ евреевъ и „крамольниковъ“; этотъ же Будоговскій, представителю экземпляры этихъ воззваній департаменту полиціи, сообщалъ при этомъ, что „они приносятъ существенную пользу въ дѣлѣ борьбы съ революціоннымъ движениемъ“; за эти подлоги Будоговскій былъ награжденъ начальствомъ. Отвѣчая на этотъ запросъ, П. А. Столыпинъ вынужденъ былъ признать справедливость этихъ фактовъ и лишь обещать, что они больше не повторятся. Но то, что сообщилъ въслѣдъ за Столыпиннымъ въ своей рѣчи князь Урусовъ, превзошло всѣми ожиданіями. „Еще осенью 1905 г. (и кажется до вступленія въ должность октябрскаго министра)“—говоритъ князь Урусовъ, въ Петербургѣ въ домѣ № 16, на Фонтанск., зарабатываю въ какой-то отдаленной комнатѣ департамента полиціи печатныя станки, дробитенный на средства департамента, на казенныя суммы. Къ станку былъ приставленъ жандармскій офицеръ—въ штатскомъ платьѣ.—Коммисаровъ, который съ вѣсковыми помощниками усердно готовилъ ранѣе упомянутыя воззванія. Тайна существованія этой подпольной типографіи была такъ хорошо сохрѣвана, и дѣйствія ея организаторовъ были столь конспиративны, что не только въ министерствѣ, но и въ самомъ департаментѣ полиціи мало кто о ней зналъ. Между тѣмъ, работа сообщества, организаціи котораго служила типографія, очевидно шла успешно, такъ какъ на вопросъ лица, случайно нашедшаго на складѣ организаціи, о ходѣ дѣла, Коммисаровъ отвѣчалъ: „погромъ устроенъ какой угодно, угодно—на 10 человекъ, а угодно—на 10 тысячъ“. Господа, эта фраза историческая (въ залѣ среди депутатовъ большое движение). Кто свѣдѣлъ депутатовъ—всплывай добавляя, что въ Кіевѣ на 3 февраля былъ назначенъ погромъ на „10 тысячъ“, но его удалось предотвратить“ (большое движеніе).

Председатель Совета министровъ испытывалъ, какъ говорятъ, сильнѣйшій приступъ нервной астмы, когда ему сообщены были расказанные сейчасъ факты. Онъ вызвалъ къ себѣ Коммисарова, который долженъ ему о своихъ дѣйствіяхъ и о своихъ возможностяхъ, а черезъ нѣсколько часовъ въ департаментъ не было больше ни стана, ни воззваній, ни оригиналовъ—осталась пустая комната. И вотъ почему никто, въ томъ числѣ и министры внутреннихъ дѣлъ, не будетъ имѣть возможности удовлетворить какое-нибудь желаніе Думы—узнать имена тѣхъ, именно, тѣхъ лицъ, которые объединили дѣйствія организаціи, обезпечивая ея безнаказанность, магическіи дѣйствія строили на умы полиціеискихъ и другихъ правительственныхъ чиновниковъ и даже дали возможность добиваться повиновенія и награды для тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались наиболее дѣятельными“.

Большинство очерковъ г. Цитрова знакомитъ читателя не съ самою работою Думы, не съ дѣловой стороною ея кратковременнаго существованія, а съ тѣмъ настроеніемъ, которое существовало тогда какъ въ самой Думѣ, такъ и около нея, и эта особенность рассматриваемой книги составляетъ, по нашему мнѣнью, наибольшую ея цѣнность. О дѣятельности Думы, несомнѣнно, будетъ написана не одна книга, да и стенографическіе отчеты ея засѣданій дадутъ достаточный матеріалъ для сужденій о ней. Но никакой трактатъ не въ состояніи будетъ передать настроеніе Думы и всего общества такъ, какъ это можетъ быть сдѣлано подъ непосредственнымъ

впечатлившим журналиста; для будущего историка эти очерки явятся ценным материалом. Весьма жаль только, что г. Цирков, так удачно выполнив свою задачу, упустил под коветом несостоявшегося ему ролью критика, назвав оппозиционных депутатам совершенно полное сравнение их с Куропаткиными. Если Куропаткин уступал явным образом по своей позиции благодаря негодности своей тактики и недоброжелательности боевых средств, то депутаты повинны только в том, что бюрократы противопоставили их нравственной силе грубую физическую силу, для борьбы с которой пригодна только такая же сила.

В. Русник.

Н. Ростовкая. *Петеминские дни в Одессе*. СПб. 1906. Книгоиздательство „Наши Годы“. II, 8 коп.

Горько, талантливо написанный брошюра. Рассказывается о том, что пережила Одесса в июль 1905 года, во время пребывания в порту побуждавшегося брошевца „Князь Ипполит Тарвический“. Автор, — сам участник событий, — очень критически относится к деятельности революционных организаций в данный критический момент. „Мы, участники, все ясно чувствовали только одно: то, что вчера казалось отдаленным будущим или вчераш, во абстрактной истинной, стало вдруг перед нами во всей своей конкретной действительности. Вчера мы думали и сомневались, сегодня мы должны были уже решать и действовать, вчера мы подготавливали и мечтали о далекой победе, — сегодня мы должны были сразу двинуться и завоевывать“... Автор последовательно передает ход событий и высветляет вопрос о том, насколько „мы“ провинили способность решать и действовать, почему не успели двинуться, почему не умели завоевывать.

М. Ольминский.

В. Дебагорий-Мокриевич. „Воспоминания“. Книгоиздательство „Свободный Труд“ А. И. Жуковой и М. А. Поубоуриной, СПб. 1906. 568 + II стр. in 8°. Цена 1 р. 50 к.

Это притеренная книга, бесспорно написанная очень живо и талантливо. Написана она, судя по некоторым указаниям автора, во второй половине 90-х годов.

В своих воспоминаниях автор (родившись в 1848 году) рассказывает без утайки и без прикрас, но просто и правдиво, всю свою жизнь, начиная с детства и школьных лет вплоть до своего побоя из Сибири (куда он был сослан на каторгу) за границу в 1881 году.

Владимир Карпович Дебагорий-Мокриевич принадлежал к числу выдающихся революционных деятелей семидесятых годов, — того достопамятного времени, когда пылкой и благородной русской молодежи, (под влиянием, с одной стороны, П. Л. Лаврова („История писем“ и „Вперед“), а с другой знаменитого М. А. Бакунина, — свадливо неудержимое стремление освободить свою родину, своей родной народ от экономического и политического гнета. Результатом этого стремления и явился, как известно, революционная пропаганда молодежи на народ („народолюбие“,

по выражению г. Дебагорий-Мокриевича), имевшая место в семидесятых годах. Пропангада дала отрицательные результаты. Наше тогдашнее народье оказалось вовсе неподготовленным к немедленной революции, как о том мечтали тогдашние пропагандисты. Вследствие этого ныне разочаровались в народ, другие же, более стойкие, перешли к другим формам и способам революционной борьбы, в результате чего явился террор, начавшийся с выступления В. И. Звонича в генерала Тренина (в январе 1878 года). Террор достиг своего кульминационного пункта 1-го марта 1881 года.

К этому-то замечательному в новейшей истории времени и относится большая часть „Воспоминаний“ г. Дебагорий-Мокриевича. Описав годы, проведенные им сперва в немпровской, а затем в каменно-подольской гимназии, автор повествует о своих юношеских, студенческих (1866 и последующие) годах, проведенных им в Киевском университете, затем переходя к своему народничеству, и далее и к своему своему каждому к народу с революционными идеями, с определенными идеями — поднять бунт и таким образом добиться в России социальной революции и политического освобождения России. Самая революционная пропаганда г. Дебагорий-Мокриевича и его товарищей происходила в Киевской губернии. Но предпринято (в 1878 г.) автор съездил за границу — в Швейцарию, где познакомился с Бакуниным и с благоговением, так сказать, этого великого анархиста, отправился на революционную борьбу на Урал. Бакунин рассказывал ему о своем пребывании в Штисельбургской крепости, где, для развлечения, был заключен в тем, что кормил крошечки хлеба голубей на окне своей одиночной камеры.

Интересно мнение Бакунина о тогдашних (1873 года) русских революционерах. „Бакунин, — говорит г. Дебагорий-Мокриевич, — похвалил меня, в заключение вдруг воскликнул: „Да что русские!... Всегда они отличались стадными свойствами! Теперь они все анархисты! На анархиста ведь проще, а проехать в любое место легче — и может быть из одного анархиста среди них не будет!“ — Эти слова — добавляет автор — глубоко врезались в моей памяти и часто приходилось мне потом их вспоминать и видеть в них пророческое значение.

Пропанга г. Дебагорий-Мокриевича с Бакуниным тоже вышла интересная. Автор рассказывает об этом так: „Бакунин вычислял по путеводителю количество денег, необходимых для моего путешествия, и потребовал, чтобы я показал ему свой кошелек. Напрасно я старался убедить его, что денег у меня достаточно, и я в них не нуждаюсь. Он все таки настаивал на своем: кошелек свой я должен был выложить перед ним, а он, — добавляет автор, — глубоко изумился, когда увидел, что у меня всего несколько франков.“

— Я оставалась в Богемии. Там у меня есть приятели, у которых я могу взять денег, сколько мне понадобится, — объяснил ему я.

— Ну, ну, рассказывай! — возразил Бакунин. Он вытаскивал из стола небольшую деревянную коробочку, открыл ее, сощип отсчитал тридцать с лишним франков и передает мне.

Мнѣ было очень неловко принимать эти деньги, однако я принужденъ былъ ихъ взять.

— Хорошо, но прибѣди въ Россію и вышлю—проговорилъ я.

Но Бакуинъ только съелъ и, глядя на меня, только улыбался.

— Кому? Мнѣ вышлешь?—спросилъ набѣлѣвъ онъ; потомъ добавилъ: а я даю тебѣ не свои деньги.

— Какую же ихъ переслать въ такомъ случаѣ?

— Большой же ты собственникъ! Да отдай ихъ на русскія дѣла, если ужъ хочешь непремѣнно отдать.

Мы простились, и я выскочилъ изъ Локарно.

Возвратясь на родину, г. Дебаторія-Мокривичъ энергично принялся за революционную работу въ Киевѣ и въ Киевской губерніи, и эта работа продолжалась до 11 февраля 1879 г., когда авторъ былъ арестованъ жандармскимъ капитаномъ Судобинскимъ (служившимъ тогда въ Киевѣ) вмѣстѣ съ М. П. Ковалевской и П. А. Орловымъ въ квартирѣ швонки Вабичевой, курястки киевскихъ женскихъ курсовъ, вкрадываясь въ доверіе киевскихъ революционеров, но состоявшей на жалованьи у жандармовъ. Арестъ и предостереженіе ему передъ этимъ вооруженнаго сопротивленія въ другой квартирѣ и въ другомъ домѣ со стороны товарищей автора описаны имъ необыкновенно живо и увлекательно.

Далѣе послѣдовали тюрьма, военный судъ и ссылка на каторгу, на пути къ которой г. Дебаторія-Мокривичъ и бѣжалъ, и пройдя разныя мтарства и приключенія, спасся за границей.

Въ книгѣ г. Дебаторія масса интересныхъ эпизодовъ, характеристикъ и подробностей, какъ бытовыхъ, такъ и революціонной русской жизни семидесятыхъ годовъ, причемъ обрисованъ ярко и живо рядъ болѣе или менѣе крупныхъ тогдашнихъ революціонныхъ дѣятелей. Но, вѣроятно, что въ журнальной рецензіи невозможно исчерпать того богатаго матеріала, которымъ изобилуетъ эта книга. Если бы можно было выписать все интересное мѣста изъ этой книги, то, чего добраго, пожалуй, пришлось бы переписать всю книгу, а такъ какъ это немислимо, то я и съѣзжую читателямъ „Вылого“ самимъ прочесть „Воспоминанія“ известнаго революціонера семидесятыхъ годовъ.

Въ заключеніе отмѣчу, что при чтеніи настоящей книги непритно ощущаетъ масса впечатлѣній (иногда даже искажающихъ и смыслъ самой рѣчи), пестрящихъ сплоснь всю книгу.

Д. П. Сильчевскій.

Рабочій Ежегодникъ. Годъ I. Книгоиздательство „Альманахъ“. Петербургъ 1906 г. ц. 60 к.

Въ составленіи Ежегодника принимали участіе многія, наиболѣе видныя, литературныя силы социалдемократіи: В. Засуличъ, Мартовъ, Луначарскій, Кольцовъ и другіе. К. Каутскій специально для Ежегодника написалъ статью: „Международное значеніе русскаго пролетаріата“. Большинство статей представляютъ значительный интересъ и теоретическій, и историческій, и справочный. Обстоятельно составлены: мѣсяцесловъ революціоннаго движенія, временникъ революціонныхъ событій за 1905 годъ и мартирологъ. Въ послѣднемъ перечислены всѣ смертныя приговоры и смертныя казни,

начиная съ декабристовъ; приговоры распредѣлены по роду „преступленій“, подочетъ сдѣланъ по январю 1906 года.

Изъ статей по исторіи движенія отмѣтимъ слѣдующія:

Ю. Каменевъ даетъ смѣлый очеркъ исторіи русскаго социалдемократической рабочей партіи,—главнымъ образомъ исторію борьбы принциповъ. Въ статьѣ М. Луначарскаго „Фабричное законодательство въ Россіи“ прослѣжено вліяніе рабочаго движенія на развитіе этого законодательства; всѣ данныя, приводимыя авторомъ, подтверждаютъ правильность его вывода: „партианная политическая борьба и профессиональные союзы—вотъ силы, которыя обезпечатъ пролетаріату необходимые ему фабричныя законы“.

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить обзоръ за богатый событіями 1905 годъ: Клейборга „Россійская социалдемократія“; В. Веселовскаго „Крестнае движеніе“; Тотомианца „Стачки въ Россіи“; В. Веселовскаго „Роль земства“; Г. Гроссмана „1905 годъ за границей“ и др. По исторіи рабочаго движенія слѣдуетъ отмѣтить статьи А. Коллонтай „Рабочее движеніе въ Финляндіи“. Въ биографическомъ отдѣлѣ находимъ очерки жизни Маркса, Энгельса, Лассалля, Каутскаго, Бебеля, Гада и Шафара.

Статистическій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ между прочимъ данныя по избирательной статистикѣ, статистикѣ пролетаріата и статистикѣ стачекъ.

Въ справочномъ отдѣлѣ находимъ свѣдѣнія о фабричномъ законодательствѣ, правила обществъ, собраній и профессиональныхъ союзовъ, объ избирательныхъ правахъ и,—характерно для рабочаго ежегодника нашихъ дней!—правила о порядкѣ свиданій съ заключенными въ Петербургѣ...

Тщательно составленный и хорошо изданный, довольно объемный (смыслъ 300 страницъ) Ежегодникъ представляетъ собой очень полезную книгу для всякаго, интересующагося общественными дѣлами вообще и рабочимъ движеніемъ въ частности.

М. Ольминскій.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

- Полное собрание сочинений, запрещенных русской цензурой, гр. Л. Н. Толстого т. III. № 3.
- Изданія „Библиотеки для всѣхъ“ О. Н. Рутенберга:
Георгъ Герронтъ. Отъ революціи къ революціи. Уроки парижской коммуны 1871 г.
Г. Плехановъ. Генрихъ Ибсенъ. Ц. 25 к.
Г. Плехановъ. Къ вопросу о революціонной тактикѣ. Сила и насиліе. Ц. 5 к.
Рихардъ Кальверъ. Христіанство и социалдемократія. Ц. 5 к.
Книгоиздательство „Свѣтъ“:
Полезная для всѣхъ свѣдѣнія № 4. Свѣдѣнія о землѣ въ Россіи. сост. Д. Нифорова. Ц. 3 к.
Толковый словарь въ помощь при чтеніи газетъ, журналовъ и книгъ. Сост. Н. А. 2-ое изд. Ц. 7 к.
Изданія „Равенство“:
Михаилъ Бакунинъ. Богъ и государство. Ц. 50 к. М. 1906 г.
Стенка заячь. Какъ мужики остались безъ начальства. Сказка. Ц. 5 к.
Жакъ Гравъ. Умирающее общество и анархія. Ц. 1 р. 1906 г.
Изданія „Свободная Коммуна“:
Заявление передъ судомъ Жоржа Этьевана. 1906 г.
Новомірскій. Манифестъ анархистовъ-коммунистовъ.
Изданія „Истина“:
„Непримиримый“. Тактика интернац. С.-д. въ борьбѣ съ анархизмомъ. Ц. 15 к.
Книгоиздательство „Свобода“:
Элизе Реклю. Эволюція, революція и идеалъ анархизма. М. 1906 г. Ц. 40 к.
Русскій рабочей союзъ. Ц. 3 к.
П. Кропоткинъ. Безначальный коммунизмъ и экспроприация М. 1906 г. Ц. 10 к.
П. Кропоткинъ. Анархія, ея философія и идеалъ. Воспоминанія о М. Бакунинѣ. М. 1906 г. Ц. 25 к.
П. Кропоткинъ. Узаконенная месть, именуемая правосудіемъ. М. 1906 г.
Книгоиздательство „Солидарность“:
Андръ Жираръ. Анархія и В. Э. Идеи революціоннаго анархизма среди французскаго пролетаріата. М. 1906 г. Ц. 12 к.
Себастьянъ Форъ. Преступленія Бога. Ц. 15 к. М. 1906 г.
Политическая энциклопедія подъ ред. Слонимскаго т. I. вып. 3-й.
Евг. Мазепинъ. Волостной писарь. Рассказъ, Кадниковъ. 1906 г. 25 к.
Евг. Мазепинъ. Повѣсти и рассказы изъ сельской жизни, Кадниковъ 1906 г. Ц. 1 р.
Бой-Котъ. Пѣсни о четырехъ свободахъ. Кн-во „Прогрессъ Нашей Жизни“. СПб. 1906 г. Ц. 10 к.

- Е. А. Валле де Баррь. „Свобода“ русской печати (послѣ 17 окт. 1905). Самара 1906 г. Ц. 50 к.
И. М. Любимудровъ. Введеніе въ науку о справедливости Герб. Спенсера, составлено по Отто Гауппу. Ковровъ 1906 г. Ц. 15 к.
Изданія О. Н. Поповой:
Теодоръ Липсъ. Руководство къ психологіи. Перев. съ нѣм. М. А. Лихарева. Ц. 1 р. 50 к.
Вильгельмъ Блоссъ. Исторія германской революціи 1848 г. Перев. Радомильскаго подъ ред. Лундчарскаго. 1907 г. Ц. 1 р. 20 к.
Н. А. Рожковъ. Какъ произошло и какъ развилось самодержавіе въ Россіи. СПб. 1907 г. Ц. 6 к.
Темы жизни № 15. П. Бичевскій. Восемнадцатой рабочей день. Ц. 15 к.
Ивановъ-Разувинскій. Исторія русской общественной мысли т. I и II за оба тома 3 р. Изд. помѣщ. въ книгъ. сѣд. М. М. Стасюлевича. СПб. 1907 г.
С. И. Игнатьевъ. Кулацкая акціонная синдикаль (О налогахъ). Ц. 3 к. Изд. гд. „Хипоръ“, Казань 1906 г.
Крестыанскія наказы Самарской губ. (Опытъ собранія матеріаловъ русской революціи). Со ступн. статей А. А. Васильева и В. А. Кудрявцева. Изд. въ конторѣ газеты „Самарскій Курьеръ“. Книгоиздательство „Вѣрный Путь“:
Александръ Златкинъ. Семья, Рассказъ. Ц. 2 к. 1906 г.
Александръ Златкинъ. Въ натуру Рассказъ. Ц. 1 к.
Ольговичъ. Что сказала деревня первой Государственной Думѣ (27 апрѣля—9 іюня). 1906 г. Ц. 4 к.
О. Волькенштейнъ. Кому и зачѣмъ нужно всеобщее избирательное право. 1906 г. Ц. 4 к.
Эльве. Для чего нужно народное образованіе. СПб. 1906 г. Ц. 4 к.
Изданія редакціи журнала „Русское Богатство“:
С. А. Савенкова. Годы скорби. (Воспоминанія матери). СПб. 1906 г. Ц. 15 к.
П. Лауровъ. Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. Теоретическія 40-хъ годовъ въ наукѣ о вѣрнаніи. СПб. 1906 г. Ц. 40 к.
Григ. Вѣлорѣцкій. Безъ идеи. (Изъ рассказовъ о войнѣ). СПб. 1906 г. Ц. 75 к.
Афи театровъ. Сказанія времени. СПб. 1907 г. Ц. 1 р.
Гессенъ. О жизни грезевъ въ Россіи. К-во „Общественная Польза“ Ц. 75 к.
Марксъ и Энгельсъ наканунѣ ихъ историческаго выступленія. К-во „Новый голосъ“.
М. Ковалевскій. Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.
Библиотека „Юного Читателя“:
С. Русова. Рыцарь. Пѣвецъ и мученикъ свободъ Ц. 5 к.
Отто Эрнстъ. Исторія молодой жизни. Пер. В. Исполовтовой. Ц. 20 к.
Среди дикарей. Биографія, рассказъ Виктора Окса. Ц. 15 к.
М. Собинина. Въ рѣкахъ и прудахъ. Ц. 15 к.
Э. Пинменова. Эривъ—Изуумудный островъ. Ц. 20 к.
Э. Пинменова. Небесная имперія. Ц. 25 к.
П. Телле. Изъ жизни удачнаго мальчика. Ц. 5 к.
Б. Зуттнеръ. Долой оружіе. Ц. 15 к.
В. Іеленъ. Во славу Божію. Ц. 15 к.
Е. Колгановская. Поборница справедливости (Э. Оржешко). Ц. 5.
Ал. Агдеевъ. Подъ знаменемъ башмака. Ц. 50 к.
Крэнъ. Джонъ Халлифаксъ. Ц. 20 к.
Францискъ Пизарро и завоеваніе Перу. Ц. 20 к.
С. Р. Миклуловъ. На крестахъ. Ц. 30 к.
Кампфмейеръ. Измѣненія въ теоріи и практикѣ социал-демократіи. Перев. съ нѣмецкаго Шутикова. СПб. 1906 г. Ц. 25 к. К-во Е. Д. Мягкова „Болотъ“.

К-во „Молодая Россия“:
 Популяриная библиотека № 10 Сергей Самогинь. Изъ прошлоаго М
 1906 г. Ц 3 к.

Популяриная библиотека. № 11. Сборникъ стихотворений. Составилъ Дь-
 дусъ. Ц 8 к. М. 1906 г.

Юлий Словацкий. Ангелы пер. В. Высоцкого. Ц. 25 к.
 Джонъ Лондонъ. На днѣ. Очеркъ изъ жизни лондонскихъ бѣдняковъ.
 Пер. съ нѣм. Е. Гурвичъ М. 1906 г. Ц. 75 к.

П. Умбретъ. Значеніе и задачи центральныхъ бюро профессиональныхъ
 союзовъ. Перевъ съ нѣм., со вступ. статьей В. Гриневича: Организация
 и задача центральныхъ бюро въ Россіи“. К-во „Молоть“. Ц. 30 к. СПб. 1906 г.

Кингоиздательство „Впередъ“:
 М. Ольминскій. Памяти погибшихъ. СПб 1907 г. Ц. 10 к.
 Н. Ленинъ. Соціалдемократія и избирательные соглашенія. Ц. 6 к.
 С. Сергій Мининъ. Письмо къ пролетарію. (О програмѣ и партіи с.-р.) съ
 прилож. статьи П. О. О трудовой и потребительной нормѣ. Ц. 5 к.
 К. Каутскій. Мангеймскій партейгазъ пер. съ нѣм. Ц. 3 к.
 Отвѣтъ польскому социаль-демократу Шлаханову по вопросу о чрез-
 вычайномъ съѣздѣ рос. с.-д. р. п. СПб. 1906 г. К-во „Новая Волна“.
 Н. Ленинъ. Выступленіе Мартова и Череванина въ буржуазной печати.
 СПб. Ц. 5 к. К-во „Пролетарское Дѣло“.
 Л. Андреевъ. Памяти Владимира Маурина. СПб. 1906 г. Ц. 3 к.
 Газеты: Впередъ № 2 Суббота 29/10 и № 3 отъ 7 окт. 1906 г. Орг. Моск.
 Пет. Пермск. Курск. и Моск. Окр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Голосъ Пролетарія № 2 29/10 и № 3 7/10 Орг. Выборского района Р. С.-Д. Р. П.
 Трудь № 3 и № 4 Изд. Пет. Ком. парт. с.-р. Окт. 1906 г.
 Каврава № 3 отъ 7/10, № 8 отъ 7/10 и № 9 отъ 29/10 Орг. Воен. Орг. при
 П. К. Р. С.-Д. Р. П.
 Robotnik, Organ P. R. S. №№ 192, 193 и 196.
 Военный Листокъ. Изд. Таврич. Союза пар. с.-р. № 5 1 окт. 1906 г.
 Борьба № 1, 9 сев. 1906 г. Изд. Ц. К. С.-Д. Латын. Край.
 Листки „Хлѣбъ и Воля“ Орг. комун. анархист. № 1 29/10 1906 г. London.
 Воля Политич. общест. и литерат. газета. Изд. с.-р. № 71 7/10 и № 72
 7/10 1906 г. Японія Нагасаки.
 Пролетарій № 5. Суб. 30 сент. 1906 г. Орг. Моск. Петер. Московскаго
 Окруж. Перм. и Курскаго Комит. Р. С.-Д. Р. П.
 Партийная известія № 1 22 окт. и № 2 окт. Изд. Ц. К. партіи с.-р.
 Солдатская Мысль № 1 (сент.) и № 2 (окт.). Изд. Воен. Орг. Петер. Воен.
 Окр. п. с.-р. 1906 г.
 Уфимскій рабочій № 2 и № 3 Ежедн. изд. Уфим. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
 15 и 22 окт. 1906 г.
 Солдатская Газета № 3. Изд. Ц. К. пар. с.-р. 8 окт. 1906 г.
 Соціалдемократъ № 3. Изд. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 13 окт. 1906 г.
 Известія Съѣзда Рабочихъ Депутатовъ № 5 3 нояб. 1905 г.
 По поводу обращенія депутатовъ къ народу Костр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
 Три конституціи или три порядка государственнаго устройства. Изд.
 газ. „Пролетарій“ Р. С.-Д. Р. П.
 2 листка Тульскаго Ком. пар. с.-р.
 2 листка Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 1905 г.
 Не давайте солдатъ. Обл. Ком. Центр. Орг. пар. с.-р. Изд. Тав. Союз.
 Ком. п. с.-р. сент. 1906 г.
 Ко всему народу. Моск. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
 2 листка федератив. Ком. рижскихъ с.-д. рабочихъ организац. 1906 г. нояб.
 Веп Адег. Смыслъ слова и трусовъ мысли. Изд. Витеб. Евр. с.-д. р. п.
 По поводу выступленія Вундта изъ р. с.-д. р. п. Изд. Мин. Обл. Ком.
 Пойалей-Понь 1904 г.
 9 января. Сборникъ для провинціи. Изд. гр. с.-р. СПб. 1905 г.
 2 листка Ц. К. Углич. Орг. при П. К. Р. С.-Д. Р. П.
 Товарищи! Царское правительство отдало подлѣ Сов. Раб. en
 П. К. Р. С.-Д. Р. П.

Къ кронштадтскимъ матросамъ и солдатамъ. Исп. Ком. Воен. и Рабоч.
 Орг. Р. С.-Д. Р. П.
 О внутренней войнѣ } Изд. Орг. Воен. при П. К. Р. С.-Д. Р. П. 1906 г.
 Дворянскій царь. }
 Еще одна жертва! Организа. солдатъ новочеркас. полка. Изд. В. О. при
 П. К. Р. С.-Д. Р. П. окт. 1906 г.
 Солдатская доля. Воен. Орг. при П. К. Р. С.-Д. Р. П.
 Письмо крестьянина о рекрутскомъ наборѣ. Изд. В. О. при П. К. Р.
 С.-Д. Р. П. окт. 1906 г.
 Гр. депутаты Трудовой Группы. Раб. Орг. П. К. пар. с.-р. май 1906 г.
 Солдатская Бесѣда. Изд. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.
 Призывный уставъ боевой дружины. Изд. Цент. Брестьян. Ком. при Ц.
 К. пар. с.-р. М. 10 окт. 1906 г.

Откуда берутся и куда идутъ народныя деньги. | Барнаульск. Ком. Р. С.
 Къ товарищамъ. | Д. Р. П. июнь 1906 г.
 Манifestъ къ всѣмъ рабочимъ Россіи отъ депу- |
 татовъ рабочихъ въ Гос. Думѣ.

Ко всѣмъ учащимся среднеучеб. заведеній Царства Польскаго. Товари-
 щи Варшава 12 окт. 1906 г.
 Въ годоначію. Товарищи! Ковлиц. союз. мѣстныхъ ученическихъ
 ревюлюц. организацій Баку.
 Не дадимъ царю солдату. Опоз. орг. с.-р. Исп. Ком. Опоз. Орг. с.-р.
 17 окт. 1905—1906 г. Изд. Обл. Комит. Закавказ. Союза п. с.-р. 17 окт.
 1906 г.

Товарищи граждане! Бат. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 17 окт. 1906 г.
 Манifestъ къ армии и флоту. Отъ Тр. Гр. С.-Д. фракціи. Изд. Бат.
 Ком. п. с.-р. 12 июня 1906 г.
 Товарищи солдаты! Воен. Орг. при Бат. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 15 окт. 1906 г.
 Товарищи граждане! Бат. Ком. Закавказ. Союза п. с.-р. 17 окт. 1906 г.
 Товарищи солдаты. Совѣт. Батум. Гарнизона Всеросс. Воен. Союза.
 Ко всѣмъ гражданамъ Объединен. Ком. Казачьей Орг. Р. С.-Д. Р. П. и
 Новочеркасской гр. Р. С.-Д. Р. П. Новочерк. 17 окт. 1906 г.
 14 различныхъ листковъ Организа. Ком. СПБ. Университ. и др. 1901 г.
 Къ войскамъ Финляндіи Воен. Орг. Р. О.-Д. Р. П. въ Финляндіи 14 окт.
 1906 г.

О поручикѣ Шиффѣ. Воен. Орг. при П. К. Р. С.-Д. Р. П.
 Бюллетени Першаго Всероссийскаго Делегатск. съѣзда желѣзнодорож-
 ныхъ служащихъ. №№ 1, 3, 6 и 9.
 До селитръ Украинъ. Полт. Ком. Р. С.-Д. Р. П. июнь 1906 г.
 Къ солдатамъ Полт. Ком. пар. с.-р. июнь 1906 г.
 Готовьтесь! Главн. Ком. Укр. С.-Д. Силки Р. С.-Д. Р. П. июнь 1906 г.
 Товарищи и граждане! Полт. Ком. Р. С.-Д. Р. П. окт. 1906 г.
 Ко всѣмъ солдатамъ. Объедин. Ком. с.-д. организа. г. Полтава.
 „30 окт. въ Москвѣ при покушеніи“ Обл. Ком. Центр. обл. парт. с.-р.
 Къ партійнымъ организаціямъ Ц. К. пар. с.-р. июль 1906 г.
 Що треба, а чого не треба робити. Укр. С.-Д. Р. П. Полт. Ком. авг. 1906 г.
 Нѣсколько листковъ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 1905 г.

Товарищи, солдаты, матросы, рабочіе и всѣ граждане. Совѣт. Ком. пар.
 с.-р. сент. 1906 г.
 Къ рабочимъ и крестьянамъ. Пенз. Губ. Ком. пар. с.-р. Пенз. гр. с.-д.
 р. п., Пенз. Бюро Всер. Бр. Союза. Пенз. желѣзнод. союзъ.
 Братья крестьяне! Всерос. Крестьян. Союзъ.
 Отчетъ Бакін. Ком. парт. с.-р. за сент. 1906 г.
 Нѣсколько листовъ Курскаго Собранія 1905 г.
 13 листовъ Трудовой Группы, пар. с.-р. 1905 и 1906 г.
 Ко всему трудовому народу Обл. Ком. п. с.-р.
 Нѣсколько листовъ Нижегород. Ком. п. с.-р. 1906 г.
 Постановленія Владим. Губ. Съѣзда июль 1906 г. Влад. Губ. Ком. п. с.-р.
 Граждане 20 февр. соберется вторая Гос. Дума. Группа избирателей
 1 нояб. 1906 г.

Письма къ товарищамъ Област. Ком. закавказ. с.-д. раб. организ
15 окт. 1906 г.
Къ избирателямъ Центр. Изб. Ком. Бат. орг. Р. С.-Д. Р. П. 25 окт. 1906 г.
Товарищи-революционеры Батум. раб. синдикат. анархистовъ коммуни-
стовъ „Интернациональ“ 25 окт. 1906.
Отчетъ Бат. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Товарищи солдаты! Ростоиль въ тюрьмѣ Всерос. Воен. Союз. Тип. Бат.
К. пар. с.-р.
17 ноября въ П—бургѣ. (Прокламація 1886 года по поводу Добролюбив-
ской демонстраціи).
Чего ожидать отъ коронаціи (брошюра 1883 г. С. Н. Ериненко, напечат.
въ лѣтуч. типогр. „Народной Воли“).
Къ тов. рус.-соц. Жен. 3 ноября 1881 г.
Практ. работа группы „Народной Воли“ 27 июня 1883 г.
Листокъ по поводу разстрѣла Неусторова въ Иркутскѣ 1883 г.
Прокламація Исп. Ком. по поводу казни Судейкина.
Къ русской интеллигенціи 19 февр. 86 г. Изд. груп. народниковъ.
Къ блжрусской интеллигенціи прокл. 1885 г.
Программа органа „Чистый социализмъ“.
Прилож. къ листку Народной Воли № 1 (20 авг. 1883 г.).
Листокъ Н. В. № 1 (20 июля 83 г.).
2-ое прил. къ № 1 журн. „Студенчество“ (1883 г.).
Программа Вѣстника Н. В. (1883 г.).
Народная Воля №№ 10 и 11—12.
Уставъ оны страхъ отъ административнаго и фабр. произвола (1886 г.).
Свобода №№ 1—2, 3, 5 (Женева 1888).
Самоуправление № 2 (1888).
Своб. слово №№ 6—7 1884 г.
Лѣтучій листокъ 3. и В. № 2.
Къ обществу 1902. Изд. „Касси радикаловъ“.

Въ пользу политическихъ смыльныхъ получено:
Изъ Николаева, за картину, разыгранную въ лоттерей отъ
XX—120 рублей.
Изъ Балты, отъ г. Шаферманъ—50 руб.
Деньги переданы по назначенію.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Приготовляя къ печати большую біографію Ф. М. Достоевскаго, обра-
щаясь за помощью ко всѣмъ, кто имѣетъ письма Федора Михайловича и
вспоминанія о немъ. Всѣ, чужіе памяти Достоевскаго и любящіе его, не
могутъ не пожелать, чтобы новая большаѣ біографіи Ф. М. Достоевскаго,
какой теперь еще не имѣется, вышла бы какъ можно болѣе многоостро-
нней и исчерпывающей. Въ виду этого очень прошу всѣхъ лицъ, обладаю-
щихъ *неизданными письмами Достоевскаго и другими біографическими ма-
териалами—воспоминаніями и сообщеніями*,—какъ бы не казались они мало-
содержательными,—прислать мнѣ ихъ *данъ синтіи копій*. Такъ-же прошу
лицъ, *печатавшихъ когда либо и что либо о Достоевскомъ*, вспоминанія,
письма, статьи и замѣтки (*особенно въ газетѣ*) сообщить мнѣ названіе,
годъ и №№ изданія, гдѣ вышеупомянутое имѣе было помѣщено, а если возможно,
то прислать самое изданіе (если эта газета) для синтіи копій. Все при-
сылаемое мнѣ я скопирую и самымъ скорымъ и аккуратнымъ образомъ
рашу обладателямъ.

Само собою разумеется, что доставленный матеріалъ, который я не-
посредственно изъ моей біографіи Достоевскаго, а, по вѣнчаченіи ей и по согла-
шенію съ издателемъ, смогу также и оплатить.

Всѣмъ, кто отзовется на призывъ, заранѣе выражаю глубочайшую бла-
годарность. Пусть этимъ путемъ, люди, знающіе Достоевскаго, имѣющіе
письма и сообщенія о немъ, почтять память великаго русскаго гениа.

А. С. Глинка (Волжскій).

II.

Подготовляя къ печати работу о жизни, дѣятельности и времени Нико-
лая Гавриловича Чернышевскаго, позволю себѣ обратиться съ просьбою о
сообщеніи ко всѣмъ лицамъ, которымъ могли бы сообщить какія либо вос-
поминанія, свидѣнія, записки, письма или иные матеріалы, имѣющіе отно-
шеніе къ Чернышевскому, къ ближайшимъ товарищамъ его по журналу
„Современникъ“ и къ вѣданію дѣятельности Чернышевскаго на обществ. и
литературе.

Авторамъ замѣтокъ и статей по этому предмету, помѣщенныхъ въ на-
деждоупутныхъ изданіяхъ (заграничныхъ и провинціальнахъ, особенно спб-
скихъ) буду весьма благодаренъ за присылку и этого рода матеріалы
или по крайней мѣрѣ біографическихъ о немъ указаній.

Вѣдѣть съ тѣмъ, приношу искреннюю благодарность лицамъ уже подѣ-
лившимся въ некоторыя данныя о Чернышевскомъ.

Адр.: Инжайя Новгородъ, редакціи „Нижегородскаго Листка“ Василію
Евграфовичу Чешинику.

Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешиниъ).

Р. С. Просьба къ редакціямъ журналовъ и газетъ (особенно провин-
ціальнахъ) о перепечаткѣ настоящаго письма.

Современная Лѣтопись.

Въ теченіе октября зарегистрированы нижеслѣдующіе смертныя приговоры и смертныя казни:

- 1) Въ Кутаисѣ, 1 октября. За разбой, по приговору полевого суда, въ Квирицкахъ, *казнены крестьяне—Мелитон Семладзе и Димитрій Топатадзе.*
- 2) Въ Варшавѣ, 1 октября. Приговоръ Домбровенского къ смертной казни распоряженіемъ генералъ-губернатора замѣнить ссылкой въ каторжные работы на 20 лѣтъ.
- 3) Въ Кельцахъ, 2 октября. Утромъ, по приговору военно-полевого суда, *разстрѣляны грабители Бануцкаго.*
- 4) Въ Кіевѣ, 2 октября. — Военно-окружнымъ судомъ *приговорены къ пошению: Войнарскій и Вареникъ* за вооруженное нападеніе на иудейскій магазинъ Нейдерфа въ Кіевѣ.
- 5) Въ Ташкентѣ, 2 октября. — Военно-окружный судъ, приговорившій убійцу прокурора Шарыгина Бодрякова къ повѣшенію, ходатайствовалъ передъ командующимъ войсками о поминаніи преступника по молодости лѣтъ и личнымъ уловкамъ, смѣгавшимъ вынуть. Генералъ Маджарскій замѣнилъ смертную казнь 20-лѣтней каторгой.
- 6) Въ Ковкандѣ, 3 октября. — Сегодня въ 4 часа дня въ стѣнахъ тюрьмы по приговору военно-полевого суда *повѣшены два туремца, оказавшіе вооруженное сопротивление при задержаніи и убійствѣ полиційскаго.*
- 7) Въ Ростовѣ-на-Дону, 3 октября. Участники ограбленія конторы Фридрихъ—*три еврея и трое христіанъ по приговору военно-полевого суда разстрѣляны.*
- 8) Въ Варшавѣ, 3 октября. По приговору военно-полевого суда, утвержденному начальникомъ Гарволдискаго гарнизона, *казнены крестьяне Кринеръ, Николайчукъ, Нонекъ, Промекъ и Сераксій* за вооруженное нападеніе и грабежи въ Новой-Александринѣ. По приговору полевого суда *разстрѣляны за грабежи и разбой крестьяне Песлякъ и Волыкъ.*
- 9) Въ Либавѣ, 3 октября. Крестьяне *Вез Преденъ и Яковъ Тилмакъ*, ограбившіе въ Либавѣ винную лавку, временнымъ военнымъ судомъ въ Митавѣ *приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*
- 10) Въ Ригѣ, 3 октября. По приговору военно-полевого суда *разстрѣляны въ имѣніи Пшту рижскаго уѣзда пять грабителей: Аналитъ, Рудзитъ, Зютинъ, Адамсонъ и Миндеръ.*

11) Въ Петербургѣ. Приговоренному военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе бывшему рабочему Путиловскаго завода Медвѣдскому, по обвиненію въ убійствѣ городского, 3 октября замѣнена смертная казнь безсрочной каторгой.

12) Въ Варшавѣ, 3 октября. По приговорами военно-полковыхъ судовъ, за участіе въ грабежахъ *казнены въ Андруевѣ, Кельменской губ.—двое.*

13) Въ Особомъ присутствіи Ташкентской судебной палаты 6 сентября слушается дѣло ниженера Соколова, годъ тому назадъ приговореннаго военно-полевымъ судомъ къ смертной казни, и электротехника Симонова, обвиняемаго по 3 и. 129 ст. Резолюціей палаты Соколовъ оправданъ, а Симоновъ приговоренъ къ заключенію въ каторгу на 1 годъ.

14) Въ Варшавѣ, 5 октября. Утромъ въ цитадели казненъ черезъ повѣшеніе Мотель, приговоренный военно-окружнымъ судомъ за похищеніе на пароузѣ.

15) Изъ мѣстечка Нерфа, Лифлянд. губ. сообщаютъ о *разстрѣляніи* по приговору военно-полевого суда *крестьянина Асберга* за вооруженное нападеніе.

16) Въ Телавѣ, 6 октября. Въ потомъ часу по приговору военно-полевого суда *разстрѣляны въ оградѣ тюрьмы убійца городского.*

17) Изъ мѣстечка Цабелья, Лифлянд. губ. сообщаютъ о *приговорахъ къ смертной казни военно-полковымъ судами 19-тилѣтняго Ганьля* за поджогъ Стендескаго дѣвичества.

18) Въ Екатеринбургѣ, 6 октября. Трое аварихонцевъ, братья Липманъ и Лавидусъ, напавшіе съ штыкъ ограбленія на еврея Моглавицкаго, *военно-полковымъ судомъ приговорены къ разстрѣлянію.* Въ 5 час. утра *приговоры приведены въ исполненіе.*

19) Въ Москвѣ, 7 октября. Военно-полковымъ судомъ *приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе Михайловъ*, убійщій на московско-курской жел. дорогѣ жандарма Домачева.

20) Въ Кіевѣ, 8 октября. Военно-окружнымъ судомъ соучастника казеннаго Рудавовскаго Значенко, обвинявшагося въ вооруженномъ сопротивленіи полиціи при арестѣ его на улицѣ, *приговорены къ смертной казни*, при чемъ судъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ казни ссылкой въ каторжные работы на 15 лѣтъ.

21) Въ Митавѣ, 6 октября. *Разстрѣляны затѣмъ Фантисъ и Геринъ* за ограбленіе въ концѣ прошлаго года винной лавки въ Фрауенбургѣ, съ похищеніемъ 3,000 рублей, и за участіе въ другихъ грабежахъ. Волыкъ швайн Пукандеръ приговоренъ къ четырехлѣтней каторгѣ, *еврей Арнебургъ* за пораненіе городского—къ смертной казни.

22) Въ Красноярскѣ, 8 октября. Трое неизвестныхъ, назвавшихся Петромъ Сергѣевымъ, Андреемъ Стасевовымъ и Федоромъ Шмидковскимъ, въ квартирѣ которыхъ обнаружено около суда динамита и двѣ готовящія бомбы, приговорены военно-полковымъ судомъ къ 15-лѣтней каторгѣ нацѣдъ.

23) Въ Митавѣ, 8 октября. Разстрѣляны въ виллаховскомъ уѣздѣ два брата Трейданы.

24) Въ Уманѣ, 8 октября. Окружнымъ судомъ законченъ разборъ дѣла объ аграрныхъ беспорядкахъ въ Неубавкѣ, гдѣ стражниками были убиты одинъ крестьянинъ и ранено 19. Предаво суду 22 крестьянина, двое оп-

равданы. Приговором къ тюремному заключенію 16 человекъ на 10 мѣсѣцевъ и 4 человека на 6 мѣсѣцевъ.

25) Въ Варшавѣ, 9 октября. Вчера военно-полевымъ судомъ приговорены къ смертной казни Винклеръ, обвинявшійся въ покушеніи на ограбленіе кассирокъ варшавскихъ трамваевъ и въ нанесеніи огнестрѣльныхъ ранъ горловому, отъ которыхъ тотъ скончался. Сегодня приговоръ приведенъ въ исполненіе.

26) Въ Либавѣ, 9 октября. Задержанный полиціей при вооруженномъ нападеніи на ливонскія заводы Рамая грабитель Рейнгольдъ сегодня полевымъ судомъ приговоренъ къ повѣщенію. 10 октября К. Рейнгольдъ расстрѣлянъ въ крѣпости.

27) Въ Тифлисѣ, 9 октября. Вчера военно-полевой судъ приговорилъ крестьянина Козмыса къ повѣщенію за убійство и пораненіе.

28) Въ Ровенѣ, 6 октября. Смертная казнь крестьянину Вильдеву, по приговору военно-окружного суда за разбойническое нападеніе на крестьянку, замѣнена генералъ-губернаторомъ каторжными работами на 20 лѣтъ.

29) Въ Лиджанѣ, 10 октября. Утромъ повѣшены трое грузинъ, приговоренныхъ военно-полевымъ судомъ къ смертной казни за покушеніе у фирмы Брафъ 50,000 р.

30) Въ Екатеринбургѣ, 10 октября. Губернъ ограбившій на 9,000 р. жезлоподорожного артельщика и ранившій его, вѣселя судомъ приговоренъ къ смертной казни.

31) Въ Кіевѣ, 10 октября. Генералъ-губернаторъ замѣнилъ Положенку, виновному въ бросаніи бомбы въ Зитомиръ и Калишъ, виновному въ покушеніи на пристава, смертную казнь пожизненной каторгой.

32) Въ Петербургѣ, рядовому новочекасскаго полка Матвѣеву, приговоренному къ расстрѣлу за оскорбленіе офицера, смѣнено наказаніе безсрочной каторгой.

33) Въ Вишнѣ, 10 октября. Въ военно-окружномъ судѣ сегодня разбиралось дѣло по обвиненію Шухатовича, Шварца и Осаявскаго въ убійствѣ въ Словинѣ стражника. Все трое признаны виновными и приговорены къ смертной казни черезъ повѣщеніе.

34) Въ Тифлисѣ, 11 окт. Полевой судъ приговорилъ къ повѣщенію за вооруженное сопротивленіе милициану Гурджабидзе. 13 окт. приговоръ приведенъ въ исполненіе.

35) Въ Одесѣ, 11 октября. Военный судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣщеніе потопств. посетителя гражданина Колосова, обвинявшагося въ разбойномъ нападеніи съ цѣлью грабежа.

36) Въ Митавѣ, 10 октября. Вчера по приговору полевого суда расстрѣляны террористы Пансидакъ.

37) Въ Митавѣ, 12 октября. Засѣдающій почти единогласно военный судъ приговорилъ матроса Штромбаха, за участіе въ вооруженномъ нападеніи на драгунъ въ декабрь 1905 г., къ смертной казни. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

38) Въ Ташкентѣ, 12 октября. Убавщикъ Курциана Гривберга, приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣщеніе, 16 октября командующимъ войсками смертная приговоръ убійцы доктора Курциана, Гривберга, замѣнена вѣчной каторгой.

39) Въ Екатеринбургѣ, 12 октября. Арестанты Потемкинъ и Савченко, заслужившіе въ арестантскомъ отдѣленіи товарища Первалова, приговорены къ повѣщенію.

40) Въ Ригѣ, 13 октября. По приговору военно-полевого суда присужденъ вчера поздно вечеромъ къ смертной казни Лукашъ, Оволинъ и Гайлмесъ, Оправданъ Михалосовъ, привлеченный къ суду поговору перыхъ.

41) Въ Варшавѣ, 13 октября. По приговору военно-полевого суда расстрѣляны Олишевскій, Бялковичи и Гужевской, покушавшіеся на убійство земскаго стражника 7 октября, въ деревнѣ Раколь, подъ Варшавой.

42) Въ Саратовѣ, 14 октября. Смертный приговоръ Скучковскому, стрѣлявшему въ начальника тюрьмы Шалазова, замѣненъ 15-лѣтней каторгой.

43) Въ Ригѣ, 13 октября. Вчера въ 4 часа дня расстрѣляны по приговору военно-полевого суда въ Кокенгузѣвѣ близъ Риги грабители Балманжъ, Арманъ, Оправданъ-Залить.

44) Въ Перновѣ, 14 октября. По приговору военно-полевого суда въ 7 час. утра расстрѣляны убійцы урядника Лаура—крестьяне Куртисѣйна, Кумбертъ и Трейлобъ.

45) Въ Кіаовѣ, 14 октября. Вчера въ поселкѣ Дмитріевѣ расстрѣляны по приговору военно-полевого суда злоумышленникъ за вооруженное нападеніе на магазинъ.

46) Въ Екатеринбургѣ, 14 октября. Военный судъ приговорилъ Дюпурооскаго и Щербакова, подозрѣваемыхъ въ грабѣжъ и стрѣлявшихъ въ жандармовъ и солдатъ при арестѣ на станціи „Мальцева“, къ повѣщенію.

47) Въ Ташкентѣ, 14 октября. 11 октября въ поселкѣ Николаевскомъ на землѣ Михалкова по приговору военно-полевого суда казнены крестьяне Алмузовъ и Корниловъ за вооруженные грабежи.

48) Въ Либавѣ, 14 октября. Сегодня по приговору военно-полевого суда расстрѣляны за убійство и грабежъ въ любавскомъ уездѣ Худякъ и Рюка.

49) Въ Биревѣ, 14 октября. Троекратно присужденному военнымъ судомъ къ смертной казни Гольдбергеръ казнъ замѣненъ 20-лѣтней каторгой.

50) Въ Севастополѣ, 15 октября. Вчера въ 5 час. вечера убитъ начальникъ охраннаго отдѣленія Михалковъ. Задержанный убійца, отказавшійся назвать себя, военно-полевымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни. Приговоръ ночью приведенъ въ исполненіе.

51) Въ Кутаисѣ, 15 октября. За разбойничье нападеніе, по приговору военно-полевого суда, расстрѣляны разбойники Поп-Гончереде.

52) Въ Тифлисѣ, 16 октября. По приговору военно-полевого суда въ Сигнахѣ расстрѣляны двое лицъ за покушеніе на убійство и пораненіе стражника.

53) Въ Петербургѣ, 16-го октября закончился засѣданіи военно-полевого суда по дѣлу объ обвиненіи двенадцати лицъ въ ограбленіи 366 тысячъ у казначея с.-петербургскаго портоваго таможенъ. Судъ призналъ виновными: именовавшаго себя „Сергѣемъ“, Исаака Рабиновича, Евгения Эйзенбаума, Ивана Мещина, Александра Кочеткова (онъ же Сомовъ и Розенбергъ), Ивана Толмачева, Сергѣя Голубова, и Павла Дерюгина, и постановилъ подвергнуть названныхъ восемь лицъ смертной казни черезъ повѣщеніе.

Что же касается поделудимыхъ Виктима Лебедева, Афанасія Михайлова и Нико-

лаз Варашкина, обвиняющихся по тому же делу, то судья оправдала: за недостаточностью оведности обвинения ими преступного деяния возвратил дело о них для направления в обычный порядок.

Приговор приведен в исполнение 18 октября в Кройштадт рано утром в форте № 6 Северного флота.

54) В Кройштадт. Во время застывшей военно-временного суда в Кройштадт по делу о востаній-матросов было задержано пять лиц, которых за намерение бросить бомбу в помещение, где застывал суд, были преданы военно-полевому суду.

17 октября судья *притворил* их к смертной казни и *притворил* *приведен в исполнение*. Среди казнимых работни: Константин Васильев, Алексей Платов, рабочий Вячеслав Трублевский и две женщины: Анастасия Мамзина и Анна Венедиктова.

55) В Петербург. 18 октября, по приговору военно-полевого суда подтвердил смертной казни Василий Топориков (он-же Соловьев). *Приговор был приведен в исполнение* вместе с осужденными теми же судом участниками ограбления казначей портвовой таможни.

Василий Топориков обвинялся в вооруженном нападении с целью ограбления, на медочную лавочку на Архангельской ул., по Выборгской стороне, но был задержан постановым городоным.

56) В Варшаву, 16 октября. В военном суде рассматривалось дело *Сурца и Яковлева*, обвинявшихся в вооруженном нападении в изъимом уезде на винную лавку и нанесении тяжелой раны солдату. *Оба притворены к смертной казни*. Крестьяне Франк и Синор, обвинявшиеся в разбой в Люблин и убийстве винного чина, приговорены: первый — в бесрочной каторг, второй — к каторг на 20 лет. Валлерт, обвинявшийся в стрельбе в проходившей патруль, приговорен в арестантския отдания на три года. 23 октября смертный приговор *под Яковлевича и Сурца* *приведен в исполнение*.

57) В Ливови, 17 октября. Бывший каторжник Лубовый и рещан-винта-воры Пенода, Болмбриж и Гамбонца за два вооруженных нападения с целью грабежа *притворены военно-полевым судом к смертной казни*. Сегодня в 6 час. утра *приговор приведен в исполнение*.

58) В Кылдахи, 18 октября. Полевой суд *притворил* крестьянина Еллмира Лажбу за убийство дщника самоновского дщничества к смертной казни. 20-го *приговор приведен в исполнение*.

59) В Екатеринбург, 17 октября Екатеринбургским военным генерал-губернатором преданы военно-полевому суду крестьяне Александровского уезда: Кисей Лопа, Пантелеймон Чичако, Василий Гавич и Трафим Тарань по обвинению в разгром имения земледельца Ивана Михайловича Морозова и изгнании посельяного. *Доля и Тарань притворены к расстрелянию*, остальные оправданы.

60) Дубно, 17 октября. Военно-окружным судом Качук и Демчук за убийство названного сборщика Макалова *притворены к смертной казни через повешение*.

61) В Иркутск приговорены к смертной казни: за безпорядки в тюрьмах один политический и четверо уголовных.

62) В Сухумь, 18 октября. Военно-полевой суд, рассматривая дело о нападениях нагребельцев Джаванжу и Шероиза на дом крестьянина, *притворила* *первою к смертной казни* через расстреляние, а второго оправдала.

63) В Ригу, 19-го октября. В окружном суде слушалось дело о нападении на городского, совещанного Абситом, Земгалем, Юганосовым, каторжанное главным военным судом, первым приговором Абсита был оправдан, Земгал и Юганосов приговорены к смертной казни. Сегодня в окружном суде Абсита оправдан вторично, Земгал приговорен к каторжаным работам на 6 лет, Юганосов на 4 года.

64) В Ревель Смертная казнь крестьянину Вальдеву по приговору военно-окружного суда за разбойническое нападение на крестьянку замывева генерал-губернатором каторжаным работами на 20 лет.

65) В Екатеринбург, 19 октября. Трое *шаврей шавей*, переданных в форму полицейских, *притворены военным судом к смертной казни через повешение*.

66) В Лодзь, 19 октября. По приговору военно-полевого суда расстреляна в Вендшия Антона Мизко за умышленное убийство в гродзком уезде Марьяны Стенция и за покушение на убийство Яковлея Регальского.

67) В Екатеринбург, 19 октября. — Вчера в Александровск, по приговору военно-полевого суда, *расстреляны двое крестьянских шаврей*, ограбивших и иезаваливших Морозова.

68) В Тукумь, 20 октября по приговору военно-полевого суда *расстреляны предводитель левых бригад Ахматов*.

69) В Ригу, 20 октября. Военно-полевой суд *притворил* крестьян Петриа и Титова за нападение и нанесение тяжелых поранений городоному к смертной казни. Андреевский и Кузнецов оправданы. *Приговор приведен в исполнение*.

70) В Владивосток, 21 октября. Военным судом *притворены к повешению двое тукумских пойманых* в момент грабежа в дом Подорбунского. *Приговор приведен в исполнение*.

71) В Мавск, 22 октября. Военно-полевой суд *притворил* являна Шаля, покупангающегося на ограбление лавки в истребк Раквой и раняного при этом лавочнику, к смертной казни через повешение. 23-го *приговор приведен в исполнение*. Повешение было замкано расстрелянием.

72) В Сосновцы, 22 октября. В Вендшия *расстреляны по приговору военно-полевого суда Бартошевич*, обвинявшийся в грабежах.

73) В Ригу, 23 октября. Военно-полевой суд приговорил членов группы коммунистов анархистов — Сильва, Подрина, Шафрама, Лобфе и Дешина, совершивших несколько крупных вооруженных грабежей, к смертной казни. 24-го смертный приговор *приведен в исполнение*.

74) В Кутань, 23 октября. Вчера в Кирьялах ршиением полевого суда *приведены смертной казни Санжарадзе и Гелесияни*, обвинявшиеся в грабеж.

75) Полевым судом в Наткинегоф, близ Венды, за ограбление трех корчм *притворены к смертной казни Зейман, 2 брата Дровняк*,

Саррино, Берольце, Михалеско, Смуриса. Вчера в 5 ч. приговора приведен в исполнение.

76) В Киев, 23 октября. Командующий войсками утвердил приговор о повышении Яковсона, участника нападения на почтамта, равнозначного деньга. Повышение заменено расстрелянием. Приговор приведен в исполнение 30 октября.

77) В Екатеринослав, 23 октября. На расстрельном расстреляны Василий Короний, приговоренный военно-полевой судом к смертной казни за нападение на казенный винный лавки и частное имущество из селъ Байдаки.

78) В Варшаву, 23 октября. Приведен в исполнение смертный приговор военно-полевой суда надъ Станиславом Глоском, покушавшимся на убийство 19 октября мясника и убившимъ пытавшегося его задержать Гольдберга.

79) В Курно, 24 октября. Расстреляны три участника шайки грабителей, работавшей в окрестностях.

80) 24 октября. В Сухумь расстреляны, по приговору военно-полевой суда Жанжакова, обвинявшийся в рядъ грабежей.

81) В Екатеринослав, 25 октября. Вчера расстреляны Андриков и Амбрушивич, осужденные военно-полевыми судами за ограбление артельщика Иванова.

82) В Варшаву, 24 октября. Военный судь приговорил к смертной казни через повешение Шпиталюха, Помера, Стаховска и Банковскаго и къ ссылке в каторжные работы на 20 летъ Смоллянского, — обвиняемых в убийствъ в маѣ мѣсяцѣ помощника пристава Ковалева.

83) В Одессу, 25 октября. Судебная палата за участие в революционном сообществѣ, пользовавшемся для преступныхъ цѣлей взрывчатыми веществами, приговорила к каторжнымъ работамъ подлежащих Стоярова и Панцулаа — на 8 летъ, бригадира Витроха и Гапушко — на 6 летъ, Болдырева — на 4 года; Марин Завязовой, обвинявшейся в покушении на убийство надирателя Шакарманъ, смертная казнь заменена безсрочной каторгой.

84) В Екатеринослав, 26 октября. По дѣлу о захватѣ въ докарѣ станція Мечетная и Полоси военнымъ судомъ приговорены двое к смертной казни, трое к каторгѣ и четверо, к ссылке въ Сибирь. Постановлено ходатайствовать о зачатѣ пернами смертной казни каторжныхъ работников.

85) 26 октября, въ главномъ военномъ судѣ рассматривались кассационныя жалобы приговоренныхъ к смертной казни — мѣсяцымъ военно-окружнымъ судомъ — Веймарскаго и Вареника за нападение на винный магазинъ и — временнымъ военнымъ судомъ въ Екатеринославѣ — Горбунова за нападение на железнодорожного артельщика. Все жалобы оставлены главными судомъ безъ удовлетворения.

86) В Тифлисъ, 26 октября. Военно-полевой судь приговорил к смертной казни черезъ расстреляние Семена Меликова, обвинявшегося въ оруженномъ нападеніи совместно съ другими, скрывшимися грабителями, на домъ Павлова. 28 окт. приговоръ приведен в исполнение.

87) Вь Калинин, 27 октября. Вь тюрьмѣ сегодня въ 1 часть ночи казнены по приговору военно-полевой суда Войцехъ Яблоковский за умышленное убийство рабочаго Павскаго, совершеного 25 октября въ 5 часовъ вечера.

88) Вь Тифлисъ, 26 октября. По приговору военно-полевой суда, въ Варшавѣ расстреляны широк, покушавшіся на убийство полицейскаго стражника.

89) Вь Ригѣ, 27 октября. Военно-полевой судь приговорилъ Юренсова, за нападение на городовой, к смертной казни; приговоръ приведен в исполнение.

90) Вь Тифлисъ, 27 октября. Житель селенія Ковартъ, Ованесовъ, преданный военно-полевому суду за убийство татарина, приговоренъ к смертной казни черезъ расстреляние.

91) Вь Полтавѣ, 28 октября. Военно-полевой судь приговорилъ к смертной казни черезъ повешение рабочаго Нико Фоменко за занесение рапи, съ цѣлью убійства, начальника дивизіи желѣзнодорожи.

92) Вь Варшавѣ, 28 октября. Военно-окружной судь, вторично рассмотреть дѣло жителей Новоміста Войцеховскаго, Яворскаго, Шамборскаго, Шубы и Поруничевича, обвиненныхъ въ убийствѣ начальника повозочнаго узда Владковича, приговорилъ къ каторгѣ, первого — к безсрочной и троехъ къ двадцатилѣтней, Поруничевича оправдалъ. Все они были въ ночь приговора къ смертной казни, но вследствие кассационной жалобы главный военный судь отменялъ приговоръ.

93) Вь Сосновѣ, 28 октября. Вь Вейднѣ расстреляны по приговору военно-полевой суди Каспржакъ, обвинившіеся въ грабежахъ.

94) Вь Тифлисъ, 29 октября. По приговору военно-полевой суди въ Эривани расстреляны Аветисянъ за покушеніе на жизнь часовой.

95) Вь Тифлисъ, 30 октября. Брама Горатъ и Нисаид Меликовъ по приговору военно-полевой суди расстреляны за вооруженное нападеніе на купца Гуркова.

96) Вь Петербургѣ, 29 октября. Въ главномъ военномъ судѣ рассматривалась кассационная жалоба крестьянина Зухатовича, Шварца и Осоловскаго, приговоренныхъ нижегородскимъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повешение за убийство стражника. Главный судь постановилъ, кассационную жалобу оставить безъ последствий.

97) Вь Луганскѣ, 30 сентября. Въ 5 час. утра по приговору военно-полевой суди расстреляны двое за динамитное покушеніе въ Павловскѣ.

98) Вь Краснопольскѣ, 30 октября. Трое жителей чинаевъ 31 позка за занесение удара въ фельдфебеля и поранение офицера приговорены военно-полевымъ судомъ къ смертной казни. Приговоръ приведен в исполнение.

99) Вь Новой Бухарѣ, 31 октября. Заложившіе полиціей въ Новой Бухарѣ трое кавказцевъ, ограбившихъ агента фирмы „Броденъ“ въ Чарльзѣ, приговорены военнымъ судомъ одинъ к повешенію, и двое къ пожизненной каторгѣ.

100) Вь Киевѣ, 30 октября. Военно-окружной судь приговорилъ крестьянъ Гилевскаго и Маринича за вооруженное нападеніе на экономъ Кузинскаго, житомирскаго узда, къ повешенію, постановилъ ходатайствовать о снисхожденіи. Палата приговорила къ двумъ годамъ заключенія въ тюрьму крестьянина Королюкова за агитацию среди крестьянъ села Терювни, кро-

денежного убода, а также Кривденко, у которого при обыске найдена чужья книжка конюшней организации социаль-демократической рабочей партии, принадлежности для печати и партийная литература.

Изъ «Прибалтийского Края» сообщают:

101) Вь Мариенбургъ, 1 октября, разстреляны два лица по подозрению въ участіи въ ограбленіи мѣстной корчмы.

102) Въ мѣстечкѣ Дубенаа, Фридрихсштадтскаго уѣзда, что войска илюции давно размѣниваемаго главаря лѣстныхъ братьевъ Августа *Маера* и его *деуахъ сообщниковъ 27 сентября*, по приговору военно-полевого суда, *ост тирос были разстреляны на берегу Дениа.*

103) Вь Фестенъ, 3 октября. Утромъ у Толкинскаго православнаго кладбища, *разстреляны имѣй Мауринъ,* арестованный еще вътомъ, и теперь лишь приведенный изъ Виандена въ Толку.

104) Вь Митавѣ, 14 октября. *Разстреляны* около Пабельна вожакъ банды Алексекъ.

105) 16 окт. Вь Энгевардтѣ *разстреляны имѣй Билотъ,* за которымъ насчитываютъ 22 убійства и вооруженныхъ нападеній.

106) Вь Митавѣ разстреляны *одинъ* изъ внадвальныхъ на гольддигенскую почту, 5 остальныхъ преданы военно-полевому суду.

107) 22 октября. Карательный отрядъ въ Даленѣ застрѣлилъ своего подчиннаго предводителемъ грабителей Вебранда, Лаадина Лаадина застрѣлилъ потому, что онъ отказывался сообщить, гдѣ въ настоящее время находятся Вебранды.

108) 25 октября. Вь Даленѣ, Карательнымъ отрядомъ *были разстреляны имѣй Ригуа,* на котораго пало подозрѣніе въ политическихъ преступленіяхъ.

109) 25 октября. Подъ Митавою *разстреляны двое рабочихъ,* завода акционерной компаніи Бенера въ Либау, руководившіе тайной организаціей, имѣвшей задачей держать весь рабочихъ въ Либау въ вѣдѣстной силчествености для революціонныхъ цѣлей.

110) Карательная экспедиція 23 октября, у Пульварна (имѣніе Денис, офы-Менара), изъ 24 верстахъ отъ Рига застрѣлила двухъ душевель: *П. Бримана* изъ усадьбы „Скуинна“ и *М. Курю* изъ усадьбы „Шулунаскъ“. Кроме того, гласному высказанію подвергнуто очень много жителей, такъ что въ рѣдной усадьбѣ штъ стонъ и плача.

111) Вь вилдавекомъ уѣздѣ карательной экспедиціей *разстреляны два мѣстныхъ усадьбозавладѣльца* по подозрѣнію въ поджогѣ, оказавшемся неосновательнымъ.

112) Вь Денервардтѣ *разстреляны* преставянтъ *Лавдовскій,* обвиняющійся въ грабежѣ.

Военно-полевой судъ *присоворилъ* въ Содець-Серекъ къ смертной казни *черезъ разстрѣлианіе* *никосю Винтина,* сидѣя заставившаго мѣсягомъ почталою везти его на своихъ лошадахъ и допитившаго поспѣ того у почталою вода. Проговоръ приведенъ въ исполненіе.

Печать въ октябрѣ подверглась низкаслібующимъ преслѣдованіямъ:

1) Вь Тифлисѣ, 1 октября. Приостановлена грузинская газета „Григали“ Редакторъ арестованъ и высматресе изъ предѣловъ генераль-губернаторства.

2) Вь Петербургѣ, 1 октября конфискованы вышедшіи въ этотъ день ежедневныя к-д. партія „Вѣстникъ народной свободы“.

3) Тамъ-же 2 октября, въ виду составившаго распоряженія о конфискаціи сентябрьской книжки журнала „Русское Богатство“, были произведены обыски въ помещеніяхъ редакціи и типографіи, гдѣ печатается журналъ. Въ редакціи найдено всего 4 экземпляра книжки журнала.

4) Вь Кіевѣ, 2 октября. Генераль-губернаторомъ сдѣлано распоряженіе объ изытаніи изъ обращенія на время военнаго положенія „Воспобной Галасты“.

5) Вь Петербургѣ. Выпуща П сборника подъ названіемъ „Народно-соціалыстическое обоарніе“ конфискованъ 2 октября. При этомъ полиція въ типографіи не нашла ни одной книжки, на кварталъ же писателя А. В. Пшешкова при обыскѣ арестованъ одинъ экземпляръ П выпуска сборника.

6) Вь Кіевѣ, 3 октября. Генераль-губернаторомъ приостановлена газета „Кіевскій Голосъ“ на время военнаго положенія.

7) Вь Тифлисѣ, 8 октября. Распорядилшемъ генераль-губернатора приостановлена газета „Тифлискій Телеграфъ“ за вредное направленіе.

8) Вь Петербургѣ. По распоряженію комитета по дѣламъ печати 4-го сентября была вложена арестъ на 7-й и 8-й №№ „Журнала для всѣхъ“, имѣми черезъ нѣсколько дней на 9-й № и, наконецъ, 30-го сентября—на 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й №№ этого года и на № 12-й 1905 г.

Такимъ образомъ всѣ №№ этого года конфискованы.

9) Вь Тифлисѣ, 4 окт. Генераль-губернаторомъ закрыта за вредное направленіе „Лѣтиснѣ патриотическаго общества“.

10) Вь Петербургѣ, 4 октября, въ 10 час. утра, въ книжный магазинъ „Трудъ“ явилась въ большомъ количествѣ полиція и произвела въ магазинѣ обыскъ. Полиція особенно усердно искала номера с-д. газеты „Пролетарія“, два номера котораго найдены въ какой-то корзинѣ.

11) Вь Вильво, 4 октября. Въ камерѣ судебного слѣдователя арестованъ и препровожденъ въ тюрьму редакторъ ежедневной газеты „Der Neuer Weg“ Зибель по обвиненію по обвиненію по 129 ст. за переводку статью „Военные погромы“.

12) Вь Варшавѣ, 7 октября. Редакторъ „Европейскаго Голоса“ Вейдманъ подвергнутъ въ административномъ порядкѣ заключенію въ тюрьму на одинъ мѣсяць за напечатаніе письма изъ Съезда о бывшихъ тамъ безпорядкахъ.

13) Вь Москвѣ, 5 окт. На основаніи положенія о чрезвычайной охронтъ приостановлена газета „Послѣдняя Вечерняя Почта“.

14) Тамъ-же полиціей произведены обыски въ книгоиздательствѣ „Новое Товарищество“. Книгоиздательство закрыто. Заблудившіе имъ г-нъ и г-жа Высочскіе, а также и всѣ приходившіе въ магазинъ въ время обыска арестованы.

15) Вь Петербургѣ. Ночью на 6 октября члены охранной и наружной полиція произвели обыскъ въ Свѣрловскъ книжномъ складѣ, входящемся въ д. № 134, по Невскому проспекту. Преступивъ къ обыску, полиція устроила у входа ашедау. По окончаніи обыска склады были опечатаны, а самъ заблудившій склада арестованъ и препровожденъ въ охранное отдѣленіе.

16) Вь Томскѣ, 7 октября. Приостановлена на 3 недели газета „Сибирская Жизнь“. Поводом послужило сообщеніе педерныхъ свидѣній о военпо-полковыхъ судахъ, напечатаніе статей, возбуждающихъ къ преслрдіенію занятій въ учебныхъ заведеніяхъ, и, наконецъ, оглашеніе данныхъ проза, воллдагося съдѣтвія.

16) По распоряженію цензурнаго комитета конфискованы брошюры, Нотгау М., „Изнѣшная отвѣтственность и солидарность въ борьбѣ рабочего класса“ К. Ва „Свободное соглашеніе“ и М. Пьеро, „Синдикализмъ и революція“ К. Ва „Простор“.

17) Вь Петербургѣ, 6 октября по 2-мъ отдѣленію уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената случилося кассационная жалоба бывшего редактора газеты „Наша Жизнь“ и „Народное хозяйство“ и журнала „Вѣстникъ Свободы“ В. В. Водовозова, обвиняющагося по ст. 129 угол. и п. 6 ст. 5 код. УИХъ закона о печати 24 ноября 1905 года и приговореннаго къ 1 году крѣпости. Сенатъ, отменивъ часть приговора, оставилъ въ силѣ приговоръ за напечатаніе „Постановленія делегатаго съѣзда 6—10 ноября 1905 г.“; такимъ образомъ, рішеніе пазаты о заключеніи Водовозова на 1 годъ въ крѣпость осталось въ силѣ.

18) Тамъ же 6 октября въ окружномъ судѣ случилося дѣло по обвиненію редакторовъ газеты „Страна“ проф. Ивацкоико и проф. М. Коваленскаго по 6 ст. УИХъ времени, прав. о печати 24 ноября 1905 г. Окружная судъ признавъ ихъ виновными и приговорилъ къ аресту на 2 недѣли.

19) Вь Лодан, 5 октября. Редакторъ-издатель „Лоданскаго Листка“ Зонверъ приговоренъ петровскимъ окружнымъ судомъ за напечатаніе статьи, въ которой нанесено оскорбленіе арміи, къ двухнедѣльному аресту.

20) Вь Москва, 8 октября. Произведенъ обыскъ въ редакціи „Новый Путь“.

21) Вь Киевѣ, 9 октября. Вышній редакторъ газеты „Народъ“ за оскорбленіе бранными словами въ своей газетѣ гр. С. Ю. Витте и П. И. Дурново приговоренъ окружнымъ судомъ къ аресту при тюрьмѣ на три недѣли.

21) Главное управленіе по дѣламъ печати наслало арестъ на слѣдующіе изданія—брошюры: 1) „Вѣлостокскій погромъ“ изд. Рус. Своб. Издательства, 2) „Передъ грозой“ изд. газ. Сѣверная Россія 3) Визитныя Анархическія индивидуализма, 4) П. Степановъ „Домой вернулись“ 5) „За міру, мира и отечество“ и 6) журналы „Истина“.

22) Вь Тагайрогѣ, 9 октября. Сегодня новопетерскской палатой разбирался дѣла редактора Тагайрогскаго Вѣстника* Чумаченко, сотрудника Градусова по 129 и 51 и Селезнева по 134 ст. Чумаченко и Градусовъ опредѣлены Селезневъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму срокомъ на одинъ мѣсяць.

23) Московскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбуждено вопросы о судебомъ преслрдіи періодическихъ изданій „Жизнеподорожная жизнь“, „Народная газета“ и „Литературные вечера“, а также порнографическихъ изданій „Веселая слава“ и „Клито“.

24) Вь Самаркандѣ, 9 октября. По распоряженію туркестанскаго генералъ-губернатора приостановлена газета „Новый Самаркандъ“; типографія газеты запечатана; въ редакціи произведенъ обыскъ.

25) Вь Москва Губернское присутствіе привлекаетъ къ отвѣтственности три петербургскія газеты: „Страну“, „Рѣчь“ и „Око“, за напечатаніе ложнаго сообщенія о прошедшемъ, якобы, похищеніи приамурскихъ синеконъ въ присутствіи.

26) Вь Киевѣ. Въ окружномъ судѣ разсматривались литературныя дѣла бывшихъ редакторовъ „Киевскихъ Откликовъ“ профессора Лучинскаго и Салиновскаго. Лучинскій оправданъ, Салиновскій по двумъ дѣламъ приговоренъ къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы.

27) Вь Петербургѣ Комитетомъ по дѣламъ печати конфискованы брошюры: 1) Юрданевій „Заданіе революціи“. Изданіе Сергея Дѣмина и 2) „Григорій Влаторскій“ „Вѣзь идея“. Изданіе „Русское Богатство“.

28) Тамъ же Комитетомъ по дѣламъ печати конфискованы брошюры: Лафаргъ „Вѣра въ Бога“. Изданіе „Колоколъ“ и „На равныя темы“. Изданіе „Китайскія новости“.

29) Московскимъ генералъ-губернаторомъ, на основаніи чрезвычайной охраны, приостановлено изданіе „Народной Газеты“ и издававшейся при ней газеты „Старообрядецъ“, которыя явились органами прогрессивнаго старообрядчества.

30) Вь Петербургѣ. На основаніи положеніи о чрезвычайной охранѣ градоначальникомъ приостановлено изданіе еженедельной газеты „Петербургское Эхо“. № 4 этой газеты конфискованы.

Редакторъ газеты „Петербургское Эхо“, г. Вишневъ, привлекается къ отвѣтственности по 4 п. 129 ст. угол. закон. за напечатаніе въ № 3 етатовъ „Наброски“, „0-чертогахъ“. Кроме того, возбужденъ вопросъ о подложности помѣщенного въ томъ же номерѣ документа по дѣлу о записномъ въ Москвѣ Зѣбрѣвъ.

31) Вь Киевѣ, 10 октября. Генералъ-губернаторъ на время военного положенія воспретилъ продажу газеты „Вѣче“.

32) Вь Варшавѣ. Приостановилъ журналъ „Политыкъ“.

33) Вь Петербургѣ. Въ ночь съ 13 на 14-е октября полиція конфисковала въ помѣщеніи редакціи журнала „Русское Свободное Слово“ (Пронская ул., № 6), вышедшій на-дняхъ 3-й томъ сочиненій гр. М. И. Толстого, въ которомъ помѣщены слѣдующія статьи: „Такъ что же намъ дѣлать?“ „Исполнь“, „Къ политическимъ дѣятелямъ“, „Восстановленіе ада“, „Стихиде“ и „Требования любви“. Всѣ эти статьи, напечатанныя въ другихъ издавліяхъ, до сихъ поръ конфискованы не были.

34) Вь Таифѣвъ, 17 октября. Генералъ-губернаторомъ закрыты газеты „Кавкасская Жизнь“ и „Тифлисъ“.

35) Вь Петербургѣ, 17 октября. Конфискованы и отбиралнсь у газетчиковъ М. М. Товарища и „Ока“.

36) Ярославль, 17 октября. Редакторъ „Сѣвернаго Голоса“ помощникъ присяжнаго поѣзжняго Коварскій за неуваженіе къ Верховной власти особымъ присутствіемъ московской судебной палаты приговоренъ къ штрафу въ 500 рублей, съ замной, въ случай несостоятельности, тюремнымъ заключеніемъ на 6 мѣсяцевъ.

37) Симферополь, 17 октября. Конфискованы мѣстные газеты за исключеніемъ органа октабристовъ.

38) Вь Самарѣ, 17 октября. Сегодня, 17 октября конфискованы номеръ

„Самарского Курьера“. Полиция ночью остановила печатание „Самарской Луки“.

39) В Вильно, 17 октября. Сегодняшний номер „Свободного Слова“ конфискован за передовую статью по поводу 17 октября; редактор привлекается по 129 ст.

40) В Красноярск. По распоряжению администрации закрыта газета „Енисейский Край“.

41) В Верхнеудинск, 18 октября. 15-го октября временным генерал-губернатором приостановлена газета „Сибирское Слово“ вследствие вредного направления.

42) В Подгачь, 18 октября. Особое присутствие харьковской палаты рассмотрело пять дел редактора „Подтавских Думок“ Екатерины Гулякиной, приговорил ее к трехмесячному заключению в кресты. Газета закрыта навсегда.

43) В Омск, 19 октября. 18 октября приостановлены газеты „Стенной Шювер“ и журнал „Да будет свет“, типография закрыта. Владыцки типографии редактор-издатель „Стенного Голоса“, горный инженер Корнев был выслан.

44) В Подгачь, 19 октября. Редактор журнала „Накануне“ Зелеская, привлечена по первому и второму пунктам 129 статьи, приговорена палатой к заключению в кресты на три месяца. Издание журнала прекращено.

45) В Москву, № 4 „Студенческой газеты“ от 18 октября конфискована.

— Комитет по делам печати привлек к ответственности „Студенческую Газету“ по 129 и 133 ст., за возбуждение преступлений.

— Комитетом по делам печати привлечены к ответственности по 129 ст. журналы „Наше Дело“ и „Техник“; по 285 ст. журнал „Русская Мысль“ по 1001 ст. (за порнографию) „Ночта Амура“ и „Судебной Газеты“ по 129 и 133 ст. уг. уз.

46) В Петербург, 19 октября. Конфисковать только что вышедший № 12 журнала „Востань Жнани“.

Конфисковать весь только что отпечатанный номер 23-й газеты „Неделя“.

47) В Лодзь, 20 октября. Петроковский суд приговорил редактора „Kujce Łódzki“, Максюрского, за напечатание статьи о безбожестве погром, в два месяца тюрьмы.

48) В Петербург, 20 октября. Был произведен обыск в помещении книгоиздательства О. И. Рутенберга. Конфисковать 31 экземпляр брошюры „Христианство и социаль-демократия“.

49) В Петербург. Определением судебной палаты, состоявшимся 23 октября, приостановлено издание журнала „Хлеб и работа“.

Комитетом по делам печати конфискованы брошюры Андрея Коста: „Что такое социализм“ и Александр Новиков: „Прометарият в современной борьбе“.

50) В Тифлисе. Закрыта газета „Отголоски“ и редактор ее выслан.

51) В Петербург, 20 октября. Старшим инспектором типографий

конфискована в количестве 5,000 экземпляров в тип. графин „Грамотность“ брошюра „П. Кропоткин. Анархия и ее место в социалистической эволюции“.

52) Там же. Определением судебной палаты, состоявшимся 20 октября, приостановлено издание журнала „Тячь“ за напечатание в № 8 статей: „Английская депутация и русская черная сота“ и „Судь впереди“. Редактор журнала привлекается к ответственности по 1 п. 129 ст. уг. узок.

53) Там же. Комитетом по делам печати наложены аресты на брошюры: „Что ждать от современного движения“. Книгоиздательство „Светоч“ г. Тарь, „Очерк петербургского движения 90-х годов“. Книгоиздательство „Новый мир“ и Вандерфельд, „Социализм и земледелье“. Издание журнала „Образование“.

54) Там же. В воскресенье, 22 октября, в типографии „Труд и Польза“ (Соловая, 32) полицией было произведено обыск, третий в текущем месяце. Арестовано около 10 тыс. экземпляров печатавшегося № латышской соц-дем. газеты „Zilna“ („Борьба“); полиция захватила стереотип и бумагу с барабана.

55) В Риге, 23 октября. Латышская газета „Beedris“ приостановлена администрацией.

56) Ежедневная газета „Царскоевская Жизнь“ распоряжением петербургского губернатора прекращена за „вредное направление“.

57) В Шуэ, 22 октября. Конфисковать сегодняшний номер „Ивановского Дневника“.

58) В Казани, 24 октября. Приостановлена на неопределенное время социаль-демократическая газета „Волжский Курьер“. Редактор ее Пятенков привлекается по 128 ст. уг. к ответственности.

59) В Петербург, 23 октября. В судебной палате слушалось дело литератора Хурьякова, обвинявшегося по 182 ст. уг. уз. за выпуск революционного гимна „Вперед“. Палата признала Хурьякова виновным в составлении сочинения, призывающего солдат к неисполнению их обязанностей, но не получившего распространения, и приговорила его к заключению в кресты на 1 месяц.

60) В Вилья, 24 октября. Конфискованы очередные номера газет „Свободное Слово“ и „Северо-Западный Голос“.

61) В Петербург, 25 октября. Днем отряд дозидейских съе приостановил по глаз явился в типографии „Будущность“ по 2-й Рождественской ул., и произвел тщательный обыск. Типография отпечатала.

62) 24 октября. В московской судебной палате съ участием основными представителями назначено было къ слушанию дело редактора-издателя газеты „Вече“ Озонавинова, обвинявшегося по 103 ст. уг. уз. и 1024 ул. о нал. Заочным приговором Озонавинову присуждено къ двухмесячному заключению в кресты.

63) В Петербург. Департамент полиции сообщил прокурорскому надзору о привлечении к ответственности редактора газеты „Сегодня“ за сообщение в вышедшем 13 октября номере ложных сведений о томъ, что будто бы при разборъ дела о съѣздѣ рабочихъ депутатовъ было опу-

ближало писмо Лопухина къ Столыпику. Между тѣмъ, на самоѣ дѣлѣ, писмо это на судѣ оубликовано не было.

64) Въ Петербургѣ. Старшимъ инспекторомъ типографій Вутовскимъ отлано распоряженіе о принятіи мѣръ къ конфискаціи только что вышедшаго № 10 журнала „Вострый Звѣстникъ“. Полиція произвела обыскъ въ типографіи, причѣмъ конфисковано нѣсколько сотъ экземпляровъ журнала.

65) Тамъ же. Конфискована недавно вышедшая брошюра Л. Шишко „Разсказы изъ русской исторіи. Часть третья“.

66) Въ Петербургѣ. Постановленіемъ комитета по дѣламъ печати наложено арестъ на нижеслѣдующія брошюры: 1) „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединитесь“, 2) „Пролетаріатъ и его конечная цѣль“ (программа максимумъ), 3) „На чьей сторонѣ правда“, 4) „Чиновничій законъ и народное право“, 4) „Народно-соціалистическое обозрѣніе“, 5) „Роля Ливенъбургъ“, „Русская революція“, переводъ И. Гуревича, 6) „Арцибашевъ, Кривоное пиство въ деревнѣ“, Разсказы, 7) М. А. Бакунина. Полное собраніе сочиненій Т. І, подъ редакціей А. И. Бакунина.

Московской судебной палатой утверждена аресты на нижеслѣдующія брошюры: 1) О. Наумовъ „Правда о черной сотнѣ“, подъ редакціей прилдоцента Н. А. Рожкова; 2) Н. Ленинъ „Росусскія думы и задачи пролетаріата“ и 3) на книгу „Сборникъ извѣстій крестьянск. депутатовъ и трудовоі Россіи“.

67) Въ Черняговѣ, 25 октября. Редакторъ „Десны“ Галицкий за перепечатку изъ газеты „Дума“ воззванія трудовой группы государственной думы приговоренъ кіевской судебной палатой къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ.

68) Въ Симферополѣ, 25 октября. Вышнему депутату думы князю Оболенскому воспрещено редактировать „Жизнь Крыма“. Сегодняшній номеръ съ письмомъ Лопухина конфискованъ.

69) Въ Москвѣ. Приостановлена газета „Жизнелюбимая Россія“ на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ.

70) Въ Петербургѣ, 25 октября. Въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію редактора газеты „Русь“ г. Крамалева за цѣлый рядъ нѣпосредствѣнныхъ въ редактируемой имъ газетѣ статей.

Палата, отвергнувъ обвиненія по 129 ст., признала г. Крамалева виновнымъ лишь по и. с. ст. 5-ой VIII временныхъ правилъ и приговорила его къ аресту на 3 мѣсяца.

71) Въ Москвѣ. По распоряженію московскаго генералъ-губернатора палатѣ старообрядческой газеты „Народное Благо“ приостановлено.

72) Въ Полтавѣ 27 октября. Противъ бывшего члена думы Тесли возбуждено уголовное преслѣдованіе по 1040 ст. за напечатаніе въ мѣстной газетѣ „Колоколъ“ „Письма на родну“.

73) Въ Петербургѣ, 29 октября. Старшій помощникъ участка писнейшей части явился въ помещеніе книгоиздательства Н. Глагозова съ предписаніемъ старшаго инспектора по дѣламъ печати наложить арестъ на книгу Л. Мартова, „Пролетарская борьба въ Россіи“, съ предисловіемъ П. Аксельрода и на уже раніе арестованную книгу Парвуса — „Россія и революція“, такъ какъ въ № 44 „Око“ помѣщено объявленіе книгоиздательства Н. Гла-

гозова о продажѣ книгъ, въ числѣ которыхъ находится и книга Парвуса, подлежащая аресту. Послѣ произведеннаго по всѣмъ помѣщеніямъ издательства обыска, арестовано только 16 экз. книги Л. Мартова.

74) Въ Одессѣ, 30 октября. Генералъ-губернаторъ созвалъ редакторницъ здѣшнихъ газетъ и обязалъ ихъ подпиской не помѣщать статей, а также перепечатокъ, въ которыхъ проявлено тенденціозное отношеніе къ выборамъ въ государственную думу. За неисполненіе указаннаго распоряженія редакторы, а также заглавмавіе отдѣлами газеты будутъ подвергаться штрафу въ три тыщи рублей или соотвѣствующему аресту.

75) Въ Петербургѣ. Въ ночь съ 29 на 30 октября полиція конфисковала 164 экземпляра книги „Дѣла 1-го марта 1881 года“, со статьями и примѣчаніями Льва Девича. Книга эта вышла еще въ ноябрѣ 1905 года и до сего времени конфискація въ подержалась.

76) Въ Петербургѣ. Департаментъ полиціи сообщилъ прокурору суда о привлеченіи къ отвѣтственности редактора „Петербургской Газеты“ за напечатаніе 18 октября статьи подъ заглавіемъ „Судъ надъ бомбастами-грабителями“.

77) Въ Петербургѣ. Комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на нижеслѣдующія произведенія печати: 1) Комаръ-Морель „Задачи пролетаріата въ деревнѣ“, 2) Листовъ „Борьба“ № 1, 3) „Востокъ Бастилія“, 4) А.—др. Новиковъ „Наши братья“, 5) Алексѣй Златинъ „Земля“, 6) Новоторскій „Что такое правое государство“, 7) Социальная Россія вып. II, 8) Е. Тачъ—къ Отмѣтѣ В. Чернова, 9) „Къ организаціи трудового общества“, 10) „Пролетаріатъ въ современной борьбѣ“, 11) „На разныхъ темъ“, К-во „Книжки Новомъ, 12) Л. Мартовъ „Политическія партіи въ Россіи“ 3-я годъ. К-во А. Витоль, 13) Эд. Палитъ „Революція и контръ-революція надъ Загитъ, 14) Революціонныя писемъ изд. Я. Крумина, 15) № 2 журнала „Два сѣмька“, № 154 евр. газеты „Панамъ“, №№ 5, 6, 7, 8 и 9 журнала „Наше Слово“, № 7 журнала „Штуевскі“. Утвержденныя судебными установленіями аресты на брошюры: 1) В. Аснъ „Блѣдота—отъ темноты, темнота—отъ блѣдоты“ надъ „Трудового Тѣмъ“, 2) „Смерть агитатора“, 3) Русскій рабочий союзъ К-во „Свобода“, 4) „Письмо аристократу—брату рабочему“ К-во „Солідарность“, 5) Открытое письмо рабочимъ социаль-демократамъ и социаль-революціонерамъ, 6) Популярная бібліотека № 12 К-во „Новое Тѣмъ“, 7) Новоторскій „Значеніе правъ на землю для рабочаго класса“, 8) К. Чуков „Примиреніе“. 9) Газета „Земля, и Трудъ“ № 3, 4 и опредѣленныя окружи суда постановленіе увѣчлениы отпечатаній въ Кіевѣ листовъ „Дѣламъ нашего времени“ надъ „Содружества патриотическихъ русск. рабочихъ“.

78) Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на брошюры: 1) „Въ борьбѣ“ сборникъ, К-во „Борьба“, 2) Авдеев Коста „Что такое социализмъ“, 3) „Социальная Россія“ вып. II, 4) Троицкі „Наша революція“ и 5) А. С. Абрамовъ „Деревенскіе очерки К-во „Свободная Жизнь“.

79) Въ Петербургѣ, 28 окт. Въ типографіи „Трудъ“ конфискована газета „Два пути“ издательства „Духа не угнать“.

„БЫЛОЕ“

ЖУРНАЛЬ

издававшийся за границую под редакцией

Вл. Льв. Бурцева.

СОДЕРЖАНИЕ первого выпуска.

1. Отрывок из завещания Гриневичкаго; 2. Памяти Гриневичкаго; 3. Три письма Исполнительнаго Комитета „Народной Воли“ къ Рошфору, Гартману и К. Марксу; 4. Пропаганда среди петербургских рабочихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, П. Кропоткина; 5. Революціонный Петербургъ; 6. Статьи изъ „Народной Воли“ и „Рабочей Газеты“; 7. Процессъ 20-ти В. Бурцева; 8. Завѣщаніе А. И. Бараникова; 9. Завѣщаніе А. Д. Михайлова; 10. Казнь П. Е. Суханова; 11. Письмо П. В. Карповича; 12. Изъ воспоминаній Л. Гартмана; 13. Программа рабочихъ—членовъ партіи „Народной Воли“; 14. О сѣверно-русскомъ рабочемъ союзѣ и пр.

СОДЕРЖАНИЕ второго выпуска.

1. Изъ жизни саратовскихъ кружковъ Н. Волкова; 2. Два письма С. Г. Шириева; 3. Воспоминанія о С. М. Кравчинскомъ, Рабочаго; 4. „Воспоминанія пропагандистки“ Е. Брешковской; 5. Пропаганда среди рабочихъ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1882-84 г.г.; 6. Памяти Каховскаго; 7. Международный конгрессъ въ Хурѣ; 8. „М. Л. Михайлову“ стих. Н. Огарева; 9. „Узнику“ стих. Н. Утина; 10. Прокламации 60-хъ г.г.; 11. Дѣло С. Г. Нечаева; 12. „Южно-Русскій Рабочій Союзъ въ 1880-81 г.г.“ Ел. Ковальской; 13. „Взрывъ царскаго поѣзда въ 1879 г.“ князя Д. Л. Оболенскаго; 14. „Завѣщаніе Юрія Богдановича“ (стих.).

Цѣна за каждый выпускъ 50 коп.

цѣна.

№	За свободу—Сборн. стихотвор.	3	9	«Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой»	1
197	Женщина избирательница	1	10	«Безум. храбр. поемъ мы ясны»	5
198	Аграрный вопросъ	5	11	«Не ходи»	5
198	Рабочій вопросъ	5	12	«Обыскъ»	5
198	Въ по- мощь чи- нскому	5	13	«Очистка площади»	5
198	Избирател. право	5	14	«Послѣ погрома»	5
198	Историческія книги	5	15	«Шассельбургъ»	5
198	Беллетристика	5	16	Каменный вѣнокъ	5
198	Разборъ повѣстей	5	17	Группа сосланныхъ	5
198	Практич. политика	5	18	Клятва въ Национальн. Собр.	5
198	Аграр. вопросъ в. И. в.Ш.	5	19	Ванте Восталия	5
198	Крестьянск. вопросъ	5	20	Защита респуб. своихъ воин.	5
199	Мальшичъ—Школа въ каторгѣ	7	21	Столкновеніе въ Вандей	5
200	Короленко—Сонъ Макара	6	22	Засѣданіе коммуны	5
200	Наши братья	5	23	Разстрѣлъ коммунаровъ	5
401	Разломъ—Почумѣли	8	24	Наполеонъ въ Совѣтѣ 500	5
402	Русова—Луна Мишель	8	25	Забастовка	5
403	Рыбачій—Шестиналь	4	26	Передъ забастовкой	1
404	Питонецъ воспитателн. дома	5	27	Слѣдъ углековъ	1
405	Ялайшичъ—Поручикъ Эрве	1	28	Послѣ работы	1
406	Юшкеничъ—Ита Гайне	12	29	Возстаніе въ Бретани	2
407	Какъ муж. наш. то, что нужно	1	30	Марсельеза	20
408	Брусинишъ—Заразные люди	2	31	Баррикада	20
409	Ежъ—На расстрѣлѣ	20	32	Свобода ведетъ народъ	6
411	Иппифоровъ—Смертная казнь	6	33	Сборъ податей	

цѣна 20 копеекъ.

Картины и портреты.

1	Портретъ Кропоткина	20
2	» Лаврова	20
3	» Морозова	20
4	» В. Фигиери	20
5	» Л. Волкенштейтъ	20
6	» Петрашевскаго	20
7	» Перовской	20
8	» Желобова	20

Лича, выписывающіи на 3 р., за перес. въ Евр. Россіи не платятъ. Книжные склады пользуются 30% скидкой
Выписывающіе изъ Ростовскаго склада на 20 р. въ Евр. Россіи за пересылку
по желѣзной дор. не платятъ.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.
РУССКАЯ ПРАВДА

Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакция и предисловіе П. Е. Щеголева.
XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія — книжный магазинъ „ПРОМЕТЕЙ“, С-Петербургъ,
Загородный, 28.

А. Н. Радищевъ

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

Редакціи Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева.

Точное воспроизведеніе перваго изданія 1790 года, събрѣнное съ рукописью, пред-
ставленной Радищевымъ въ Уралу благочиннаго. Портретъ Радищева, сдѣланный
фотографіею съ оригинала. Факсимиле заглавной и концовки четырехъ страницъ
перваго изданія. Вступительная статья Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. При-
лѣжанія съ приложеніемъ въ которыхъ не изданныхъ матеріаловъ.

LXXX + 4 нон. + 296. * Цѣна 52 рубль.

Складъ изданія въ т.-в.: „Общественная Польза“ (В. Подъячская, к. 39).

П. Е. Щеголевъ

Первый декабристъ Владимиръ Раевскій.

Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой чет-
верти XIX вѣка.

2-ое изданіе т.-в. „Общественная Польза“ (Сиб., В. Подъячская, 39).

80 стр. Цѣна 50 коп.

П. Е. Щеголевъ

Я. С. Грибоѣдовъ и декабристы.

Исслѣдованіе (по архивнымъ матеріаламъ).

Съ приложеніемъ факсимиле подлиннаго дѣла о Грибоѣдовѣ производивша-
гося въ Слѣдственномъ Комитетѣ 1825—1826 г.г. и хранящагося въ Государ-
ственномъ Архивѣ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (Сиб., Новосибирск, 40).

Цѣна 10 рублей.